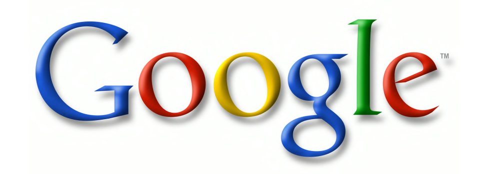
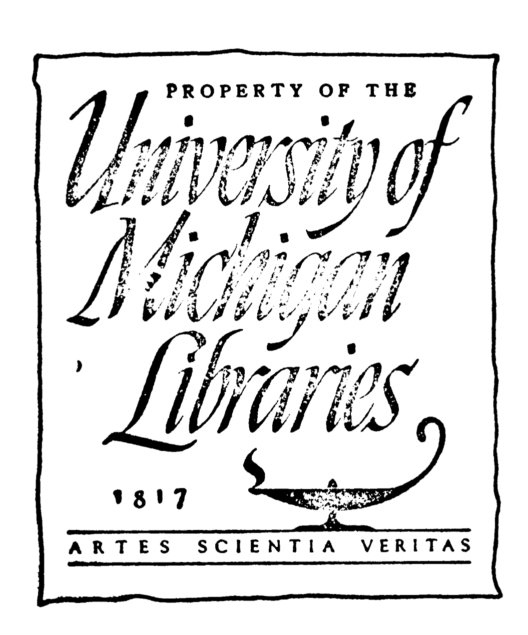
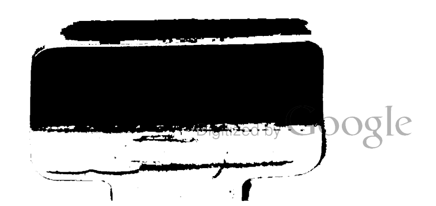



PROPERTY OF THE
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



Kostomarov, Nikolai Ivanovich

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Николая Костомарова.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Траншеля, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45 — 1,
1872.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

МЫСЛИ

О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Географическая мѣстность страны и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ Восточныхъ Славянъ, произвели надолго, въ исторіи русскаго народа, сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностью частей ея и съ своеобразностію жизни въ каждой изъ этихъ частей. Коренной зачинъ русскаго государственнаго строя шелъ двумя путями: съ одной стороны, къ сложенію всей Русской Земли въ единодержавное тѣло, а съ другой—къ образованію въ немъ политическихъ обществъ, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Это начало федераціи не представляетъ въ исторіи нашей чего-то исключительно-свойственнаго славянскому племени; его встрѣчаемъ мы какъ у древнихъ, такъ и у новыхъ народовъ, повсюду, гдѣ только живучесть нравственныхъ силъ человѣка не была подавлена насильственнымъ сплоченіемъ, или гдѣ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для поддержанія единства оборотовъ судьбы, части не приняли характера совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга цѣлыхъ, и не разошлись на своемъ пути въ разныя стороны. Русская Земля была слишкомъ велика для скораго образованія изъ себя единодержавнаго тѣла; племена, населявшія ее, были слишкомъ разновидны, чтобъ скоро

*

слиться въ одинъ народъ; самое славянское племя, имѣвшее болѣе залоговъ сдѣлаться господствующимъ, первенствующимъ между другими, было само раздѣлено на второстепенныя племена, заключавшія въ себѣ залоги долгаго существованія въ отдѣльности.

Еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ русскомъ материкѣ жило два рода Славянъ: одни Славяне — старые, другіе — пришлые; въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ тѣхъ и другихъ должны были заключаться такія отличія, которыя препятствовали ихъ скорому слитію. Сверхъ различій, какія необходимо должны были существовать между массою древнѣйшихъ обитателей края и массою пришлыхъ, каждая масса подраздѣлялась на виды, которыхъ прирожденные признаки, этнографическія особенности, означались не одними только мѣстами новаго ихъ поселенія, но и укоренялись, и развивались втеченіе значительнаго времени привычками, преданіями и своеобразными пріемами быта. Достаточно указать на описаніе Полянъ и Древлянъ въ нашихъ лѣтописяхъ: обѣ эти вѣтви принадлежали къ одной массѣ новопришлыхъ Славянъ и притомъ обитали по сосѣдству другъ съ другомъ; но различіе между ними доходило даже до вражды. «Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця» (Лѣтоп., т. I. стр. 6). Радимичи и Вятичи производили себя отъ Ляховъ: въ этомъ преданіи, конечно, переходившемъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, лежитъ уже причина ихъ отличія и зародышъ отдѣльности; да сверхъ того каждый изъ этихъ двухъ народовъ имѣлъ собственныя завѣтныя преданія, которыя были чужды другимъ славяно-русскимъ народамъ и имъ самимъ не давали смѣшиваться другъ съ другомъ. У Радимичей былъ свой родоначальникъ — Радимъ, у Вятичей — Вятко. Для

другихъ Русскихъ Славянъ эти праотцы не были священными лицами, какими были для признававшихъ себя ихъ потомками. Какъ у Древлянъ, такъ и у Радимичей и Вятичей, лѣтописецъ подмѣтилъ старинныя черты нравовъ. «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу мертвеца и сожьжаху, а посемъ собравши кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ» *(тамъ же)*. Кривичи, какъ показываетъ ихъ названіе, уже тяготѣли къ прусско-литовскому центру религіознаго строя (Криве), и тѣмъ должны были сильно отличаться отъ другихъ. Многочисленный народъ Тиверцевъ и Улучей, жившій по близости къ морю, имѣлъ, конечно, свои особенности: на это намекаютъ слова нашей лѣтописи, — что этотъ народъ нѣкогда звался отъ Грековъ *Великая Скуфь*,—этотъ именно, а не другіе съ нимъ вмѣстѣ. «Сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь» *(тамъ же)*.

Всѣ различія между племенами ярко бросались въ глаза современниковъ и не исчезали ни послѣ укорененія единаго княжескаго рода, ни послѣ распространенія христіанства. Лѣтописцы наши, жившіе, разумѣется, уже послѣ принятія христіанства, говорятъ, что всѣ они *имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ*, и при этомъ жалуются, что нѣкоторые, какъ напримѣръ Вятичи, долго держались своихъ языческихъ привычекъ, противныхъ христіанству. Въ это время этнографическія особенности казались еще рѣзче между ними и тѣми, къ которымъ христіанская вѣра получила

скорѣйшій доступъ. Ни географія, ни исторія этихъ народовъ не способствовали исчезанію ихъ народностей. Климатъ и качество почвы поддерживали мѣстныя особенности племенъ. Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодоносныя, и вмѣстѣ открытыя нападенію иноплеменниковъ, чѣмъ лѣса Древлянъ и болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на организмъ и наклонности человѣка теплый и здоровый климатъ Улучей, чѣмъ холодный и ровный климатъ Ростовской и Суздальской Земли, или сырой климатъ отечества Кривичей.

Пространства, на которыхъ жили всѣ эти племена, были слишкомъ велики, а пути сообщенія слишкомъ длинны и затруднительны. Дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкіе степи раздѣляли ихъ другъ отъ друга. Массы народцевъ мало знали одни другихъ; каждый составлялъ себѣ понятія о сосѣдяхъ или невѣрныя, или враждебныя, и надолго сживался съ такими понятіями. Повидимому, взаимная вражда Полянъ и Древлянъ принадлежитъ такому отдаленному вѣку, что всякое исканіе ея слѣдовъ въ наше время должно показаться бредомъ. А между тѣмъ, и до сихъ поръ, во взглядѣ Украинца, потомка Полянъ (или преемника ихъ по землѣ) на своего сосѣда Полѣщука, потомка Древлянъ и наслѣдника ихъ имени, проглядываетъ тѣнь враждебности. Полѣщукъ, для Украинца, или колдунъ, способный на лихое дѣло, превращающій людей въ волковъ, или глупецъ, осмѣиваемый въ затѣйливыхъ анекдотахъ. Еще рельефнѣе выдается, въ воображеніи того же Украинца, Литвинъ (подъ этимъ именемъ разумѣется народъ не дѣйствительно литовскій, а бѣлорусскій), т. е. потомокъ Кривичей и Дреговичей, обозначавшійся у него подъ общимъ именемъ Литвина. Земля Литовская до сихъ поръ для Украинца земля чудесъ и чародѣйства, какъ Земля Кривская была страною волхвованій при Всеславѣ полоцкомъ. Такъ близкіе народные оттѣнки получаютъ нѣкоторымъ образомъ видъ различныхъ народностей. Чѣмъ неразвитѣе масса народа, чѣмъ уже кругъ ея понятій и скуднѣе запасъ свѣдѣній, тѣмъ уже у нея понятіе о своенародности, оно

тѣмъ сосредоточеннѣе въ самомъ тѣсномъ кругу признаковъ, и все, что сколько нибудь не похоже на свое, кажется чуждымъ, иноземнымъ, непривычнымъ, неудобопріемлемымъ. Различія нарѣчій, нерѣдко даже одного выговора, достаточно, чтобъ въ какомъ-нибудь городкѣ или округѣ составились насмѣшливые разсказы о сосѣдяхъ и передразниванья. Такъ и теперь сосѣди Псковичей и Новгородцевъ насмѣшливо передразниваютъ употребленіе *ц* вмѣсто *ч* въ ихъ нарѣчіи, а у Одоевцевъ и Мценянъ *ч* вмѣсто *ц*. Различіе въ одеждѣ, постройкѣ домовъ, мелочныхъ особенностяхъ домашняго быта достаточно, чтобъ сосѣди дали сосѣдямъ прозвище, и это одно уже поддерживаетъ сознаніе отдѣльности. Такъ Ростовцевъ, напримѣръ, называютъ вислоухими за то, что они носятъ шапки съ длинными ушами, и лапшевиками за то, что они ѣдятъ лапшу. Иногда даже особенности не народа, а мѣстности, даютъ жителямъ ея у сосѣдей насмѣшливое и оскорбительное прозвище; напримѣръ: Дмитровцевъ называютъ лягушками за то, что около ихъ города множество лягушекъ. Вся южная часть Воронежской губерніи населена Малороссами, пришедшими въ разныя времена изъ разныхъ краевъ Южной Руси. Предки однихъ пришли изъ Волыни, другіе изъ Подоли, третьи изъ Сѣверской стороны; разныя нарѣчія Южной Руси отпечатлѣлись въ говорѣ и способѣ рѣчи ихъ потомковъ и одно село смотритъ на другое какъ на особый отъ него народъ. «Чтб городъ, тд норовъ», говоритъ пословица. Въ народѣ оставляютъ воспоминаніе не тѣ событія, которыя касаются внѣшней политической исторіи, а тѣ (часто вовсе упускаемыя историками), которыя выказываютъ народные нравы: такъ, нѣкогда благопріятный пріютъ разбоевъ—Сѣверскій край и сосѣдній ему—нынѣшняя Орловская губернія, оставили надолго о себѣ въ народной памяти непріятное впечатлѣніе: Орловцевъ, Кромцевъ, Карачевцевъ прозываютъ ворами и сорвиголовами. Въ нашей сельской жизни можно повсемѣстно встрѣтить примѣры, какъ село повторенными нѣсколько разъ преступленіями своихъ жителей навлекаетъ на себя отъ сосѣдей дурную славу; всѣхъ его жителей на-голб прозываютъ ворами,

конокрадами, плутами, и тому подобными названіями, и то же названіе идетъ изъ рода въ родъ. Въ древности, подобные случаи не ограничивались только однимъ оскорбительнымъ прозвищемъ, но разражались кровавыми столкновеніями, которыя раздували болѣе-и-болѣе вражду и укореняли между ними взгляды, мѣшавшіе имъ соединиться.

Историческія обстоятельства не доставляли средствъ къ слитію и изглаженію племенныхъ разностей. Вліянія иноплеменныхъ народовъ дѣйствовали на Славянъ разъединительнымъ способомъ. Иноплеменники одни за другими нападали, покоряли себѣ Русскихъ Славянъ, обыкновенно владѣли ими недолго и уступали въ свою очередь власть надъ ними другимъ. Такимъ образомъ подчиняли Славянъ то Обры, то Болгаре, то Хазары, то Норманны. Но подпадали подъ чужую власть не всѣ Славяне разомъ и не однимъ, для всѣхъ ихъ, завоевателямъ. Такъ, предъ пришествіемъ Рюрика, на сѣверѣ властвовали одни пришельцы — Норманны, на югѣ другіе — Хазары, а югозападная часть оставалась, какъ видно, независимою, но не избѣжала столкновенія съ пришлыми племенами.

Съ незапамятныхъ временъ и до позднѣйшихъ, на югѣ Русскаго материка бродили кочевыя опустошительныя орды, смѣняя одна другую, и если были иногда слабы для того, чтобы поработить Славянъ, то всегда препятствовали ихъ соединенію между собою. Впослѣдствіи оказалось ясно, какъ Печенѣги, Торки, Половцы, Ятвяги препятствовали на Руси развиться правильному гражданскому строю и образоваться прочнымъ государственнымъ связямъ. Та же судьба постигала Южный край и древле. Различныя событія въ странахъ Русскаго міра возбуждали различные интересы и тяготѣнія. Если бѣдствія препятствуютъ политическому и гражданскому успѣху, то общее горе сближаетъ людей и въ отдѣльныхъ личностяхъ, и въ массахъ. Нужно только, чтобъ это горе охватывало одинакимъ образомъ какъ-можно бо́льшую массу, на столько многочисленную и сильную, чтобъ она могла противодѣйствовать. Когда народности Русскаго материка подпали рабству Готѳовъ, понятно, что появленіе въ

приволжскихъ степяхъ толпы Гунновъ могло поднять всѣми пластами порабощенные народы, но силъ къ устроенію чего-либо прочнаго, своего, на мѣсто чуждаго ига, не доставало Славянамъ или, по крайней мѣрѣ, не доставало на столько, чтобъ воспротивиться препятствующимъ обстоятельствамъ: для этого нужно было время и постепенный укладъ понятій о гражданской самостоятельности. А Славянамъ не было времени передумать это. Держава Гуннская распалась отъ своей огромности и отъ разновидности народныхъ частей, изъ которыхъ она сложилась. Племена, ее составлявшія, потерявъ временную взаимную связь, стали тереть другъ друга, и Восточные Славяне снова разбились на отрывочныя части, и возникъ снова прежній образъ раздѣльности, и рядъ родовыхъ междоусобій, и столкновенія народовъ съ чужеплеменниками безъ взаимной связи съ единородцами. Для соединенія племенъ нужна какая-нибудь внѣшняя сила, вызывающая противодѣйствіе; но тогда необходимо, чтобъ эта внѣшняя сила могла овладѣть многими, если не всѣми, племенами, и налечь на такую массу народа, которая была бы въ состояніи низпровергнуть тяготѣющее начало, чтобы такимъ-образомъ эти племена могли имѣть общую цѣль. Это, дѣйствительно, и случилось въ IX вѣкѣ, но только на одномъ сѣверозападѣ Русскаго материка и, слѣдовательно, не на столько, чтобъ дать всему Восточно-Славянскому міру скорый переходъ къ единобытности. Въ IX вѣкѣ, Славянъ на югѣ и въ средней Руси покорили Хазары; сѣверныя страны покорили Норманны. Власть Хазаръ была слишкомъ мягкою, и не возбудила противъ себя энергическаго движенія,—Славяне не очень, какъ видно, дорожили этою иноплеменною опекою, когда такъ легко отдались Руссамъ, но и не тяготились ею до того, чтобы вооружиться и жертвовать жизнью. Когда Руссы двинулись для подчиненія народностей, то, по извѣстію лѣтописца, не спрашивали у народовъ, которыхъ встрѣчали: свободны ли вы, или даете кому-нибудь дань? а просто: кому дань даете? Конечно, ни лѣтописецъ, ни тотъ, у кого лѣтописецъ почерпнулъ это извѣстіе, не слыхали, какъ Руссы спрашивали объ этомъ Славянъ, но выраженный

такимъ способомъ разсказъ показываетъ, что въ убѣжденіи писавшихъ лѣтопись, для этихъ славянскихъ народцевъ въ оное время было какъ-то немыслимо существовать, не давая дани. Подобныя понятія можно встрѣтить теперь и Черемисовъ, или у сибирскихъ инородцевъ. Они знаютъ, что даютъ дань русскому государю; сознаютъ, что можно давать дань еще и другому такому же государю; но имъ покажется неудобовразумительно—не платить никому дани, потому-что ихъ сознаніе о своей народности или не достигло до представленія объ образованіи изъ себя самостоятельнаго общества, или отвыкло отъ такого представленія, если, быть-можетъ, оно и было у ихъ прадѣдовъ. Такъ и Славяне Русскіе легко отдались пришельцамъ, потому что были подъ властію другихъ чужеземцевъ. Напротивъ, труднѣе приходилось князьямъ Рюрикова дома справиться съ Улучами, Тиверцами, Древлянами, не подпавшими, какъ видно, подъ Хазарскую державу. Не скоро можно было подчинить и Вятичей, хотя они и считались въ числѣ данниковъ хазарскихъ, но живя не на проходной дорогѣ, какъ Поляне, сохраняли болѣе своебытности; самое подданство Хазарамъ для нихъ было, вѣроятно, болѣе номинальное. Новая власть, варяжская, была тягостнѣе хазарской: это доказывается упорнымъ сопротивленіемъ Радимичей и Вятичей противъ кіевскихъ князей, тогда какъ, повидимому, эти народцы спокойно оставались подъ властью отдаленныхъ Хазаръ. Но эта новая власть, однако, не могла возбудить противъ себя единомышленнаго и плодотворнаго противодѣйствія покоренныхъ народовъ. Она была не до такой степени отяготительна, чтобы породить въ народахъ сильное противъ себя ожесточеніе и заставить ихъ соединить свои общія силы для освобожденія. Русскіе князья ограничивались только сборомъ дани, такъ называемымъ *полюдьемъ*. Дань эта и способъ ея собиранія могли быть то легче, то обременительнѣе, смотря по личности князя или дружинныхъ начальниковъ, но не падали на народы тягостію постояннаго управленія, введеніемъ чужихъ обычаевъ, вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла. Обязанный платить дань, каждый народъ не выходилъ

изъ колеи обычаевъ дѣдовскаго быта. Онъ не былъ осужденъ постоянно имѣть предъ глазами княжескихъ слугъ, и вообще власть князей дѣйствовала издали; они со своими дружинами появлялись, какъ гроза, ежегодно за данью, хватали что́ успѣвали, дни ихъ посѣщенія могли быть для народа недобрыми днями, но днями короткими; князьямъ нужно было объѣздить много пространства, останавливаться долго на одномъ мѣстѣ было некогда. Уѣзжалъ князь—и народъ оставался себѣ на произволъ, не видалъ надъ собою отяготительнаго ярма, и скоро забывалъ нашедшую на него тучу до новаго ея появленія. Притомъ же пришельцы покоряли славянскія племена посредствомъ ихъ же самихъ. Такъ пока Олегъ, дошелъ до Кіева, то его ополченіе увеличивалось на пути свѣжими силами изъ вновь подчиненныхъ. Иноплеменныхъ пришельцевъ, было мало, и они слишкомъ скоро расплылись въ массѣ Полянъ. Когда князья утвердились въ Кіевѣ, имъ кстати пришлась вражда Полянъ съ Древлянами, чтобъ покорить послѣднихъ. Конечно, то же было и при подчиненіи другихъ племенъ; древнее преданіе о томъ, что возставалъ родъ на родъ, показываетъ, что между народами существовали искони частныя взаимныя непріязни и это оказалось полезнымъ для княжеской власти.

Подчиненіе племенъ имѣло различный характеръ, смотря потому, въ какомъ отношеніи были подчиненные къ Полянамъ, составлявшимъ ядро покоряющей силы. Такъ Олегъ обошелся человѣколюбиво съ Сѣверянами, которые, какъ видно, будучи въ ближайшемъ сродствѣ съ Полянами, вѣроятно не дожили до такой вражды, какая была у послѣднихъ съ Древлянами и которыхъ еще болѣе, вѣроятно, сблизила общая зависимость отъ Хазаровъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ наложилъ на нихъ дань легкую, а о Древлянахъ говоритъ, что кіевскій князь *примучилъ* ихъ. Съ тѣхъ поръ Древляне еще нуждались въ укрощеніи, а на Сѣверянъ не дѣлалось нападеній. Должно думать, и между Полянами и Сѣверянами былъ уже такой взаимный народный взглядъ, который могъ современемъ возбудить, при обстоятельствахъ, непріязненныя отношенія: это дѣйстви-

тельно случилось, когда возникла борьба Ольговичей съ Мономаховичами; но въ древности, сколько можно догадываться, два народа не находились въ старинной враждѣ: и прежде будучи сосѣдями, знакомыми другъ другу близко, они были соединены подъ властію Хазаръ, и теперь, подъ властію русскихъ князей, соединеніе съ Полянами было для Сѣверянъ не новость, а потому и у нихъ не было побужденія возставать противъ новой власти, если не было его у самыхъ Полянъ, тѣмъ болѣе, что и дань, наложенная на Сѣверянъ, была легкая.

Такимъ образомъ подчиненіе на одномъ концѣ Тиверцевъ и Улучей, а на другомъ—Вятичей и Радимичей, которые сопротивлялись долѣе другихъ народовъ, совершилось уже не такъ, какъ прежде, а принимало видъ подчиненія ихъ не иноплеменнымъ пришельцамъ, а Руси-Полянамъ, Кіеву, и Поляне-Русь здѣсь являются уже господствующимъ, завоевательнымъ племенемъ. И Радимичи съ Вятичами на одной сторонѣ, и Тиверцы съ Улучами на другой, не могли взаимно дѣйствовать противъ завоевательной силы, потому что были раздѣлены слишкомъ большимъ пространствомъ, и сообщеніе между ними перехватывалось границами завоевательнаго народа Руси-Полянъ, да смежнаго съ послѣдними—Сѣверянъ, и покоряемы были не въ одно время, да конечно и мало знали другъ друга, чтобъ завязать между собою сношенія.

Сѣверные народы, по отношенію къ русскимъ князьямъ, были въ другомъ положеніи, чѣмъ южные и средніе. Тамъ по видимому—избраніе, добровольный призывъ; здѣсь—завоеваніе посредствомъ одного изъ народовъ, съ которымъ слились пришельцы. Новгородцы (если только вѣрить преданію, переданному лѣтописью) остаются такъ же свободными, какъ и прежде, и при Святославѣ выбираютъ себѣ князя добровольно. Кривичи были разъединены отъ Южной Руси и жили отдѣльнымъ міромъ; они не платили кіевскимъ князьямъ дани, слѣдовательно, даже и при условіяхъ большой близости, чѣмъ какая была на самомъ дѣлѣ, они не имѣли бы надобности оказывать содѣйствіе Древлянамъ, Тиверцамъ, Радимичамъ и Вятичамъ, когда эти на-

родцы отстаивали свою независимость. Среди самыхъ подчиненныхъ народовъ возникли интересы, отношенія, связывавшіе ихъ дружелюбно съ побѣдителями. Побѣдители приглашали ихъ въ свои ополченія, воевали съ нимъ Хазаръ, потомъ Грековъ; они были участниками и добычи, и военной славы. Въ тотъ вѣкъ было очень приманчиво такое занятіе: много находилось охотниковъ. Наконецъ пришлые князья и ихъ воинственные спутники, скоро ославянились и потеряли, для подчиненныхъ племенъ, характеръ чужеродства. Послѣ того перерожденія уже невозможно было возстаніе славянскихъ народовъ съ характеромъ противодѣйствія иноземному игу. А соединеніе Славянъ, при степени ихъ тогдашней образованности, только и могло случиться противъ чужеземнаго ига, ибо только такого рода иго могло быть одинаково для всѣхъ тягостно. Такого ига уже не чувствовалось; для Вятича или Радимича тягость была уже не отъ иноплеменниковъ, а отъ Руси-Полянъ, и отъ личности князей. Для Улучей и Тиверцевъ, близкихъ къ Полянамъ по народности, возстаніе противъ послѣднихъ уже имѣло бы характеръ внутренняго междоусобія. Впрочемъ, если бы власть сосредоточивалась долго и постоянно въ Кіевѣ и тяготѣла деспотически надъ всѣми народами одинаково, то еще возможно было бы соединенное возстаніе нѣсколькихъ народовъ; тогда Тиверцы, Дулебы, Радимичи, Вятичи, Древляне, при какихъ-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ, устроившихъ между ними сношеніе, могли бы еще содѣйствовать другъ другу противъ насилій отъ Полянъ; но было не такъ: при верховной власти Кіева надъ народцами, въ каждомъ изъ послѣднихъ были свои князьки. Кіевъ, безъ нужды, не стѣснялъ ихъ внутренней самобытности. Довольно было съ него, если народы давали дань, и князьки ихъ состояли подъ рукою *великаго* кіевскаго князя. Мало-по-малу эти частные князьки были вытѣснены, упали въ въ своемъ значеніи, и достоинство ихъ заняли князья изъ пришлаго кіевскаго дома. Во внутренней жизни народа, отъ этого собственно, ничто не перемѣнилось; къ князьямъ они привыкли и прежде; у Древлянъ, при Ольгѣ, былъ какой-нибудь

Малъ, потомъ сталъ княземъ членъ Рюрикова дома. У Вятичей былъ свой князь Ходота; сталъ другой князь тоже изъ Рюрикова дома. Эти князья усвоили, конечно, и нарѣчіе края; они набирали себѣ дружину изъ уроженцевъ того же края, и перестали быть пришельцами для жителей страны, гдѣ княжили.

Сначала народы могли все-таки чувствовать нѣчто чужое надъ собою, когда пріѣзжалъ изъ Кіева князь или воевода собирать съ нихъ дань; но воззрѣніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ у этихъ народовъ явились особые князья. Хотя они происходили изъ того же одного рода, который княжилъ въ Кіевѣ, но зато изъ Кіева уже не пріѣзжалъ къ нимъ никто за данью. У Древлянъ и Дулебовъ былъ тогда свой князь, точно такъ же какъ у первыхъ нѣкогда какой-нибудь Малъ; если онъ воевалъ съ Кіевомъ по своимъ родственнымъ отношеніямъ, то Древлянинъ, служившій въ его ополченіи, шелъ противъ Полянъ съ чувствомъ прежней непріязненности къ своимъ сосѣдямъ, или по крайней мѣрѣ съ остатками этого чувства. Если поставленіе у народовъ князей изъ единаго рода, съ одной стороны, способствовало обобщенію самыхъ народовъ, то съ другой — поддерживало и особенныя стихіи каждаго изъ нихъ; чѣмъ болѣе развѣтвлялись удѣлы, тѣмъ невообразимѣе казалось соединеніе противъ князей: народныя побужденія переплелись съ княжескими. Значеніе князя совпало съ народными убѣжденіями. Вмѣстѣ съ образованіемъ стремленій, порожденныхъ между князьями родовыми или семейными побужденіями, начали выплывать наружу слегка-подавленныя стремленія народныя. Собственно князья, въ распредѣленіи своихъ волостей, не сообразовались строго съ народностями, не думали, чтобъ одинъ или другой изъ ихъ собратій владѣлъ тѣмъ или другимъ племенемъ. Когда Ярославъ дѣлитъ своимъ дѣтямъ волости, то говоритъ: одному Кіевъ, другому Черниговъ, третьему Переяславль, четвертому Владиміръ, пятому Смоленскъ; а не говоритъ: этому Полянъ, другому Древлянъ, третьему Волынянъ, и такъ далѣе. Еще болѣе: Всеволодъ получаетъ Переяславль и вмѣстѣ съ нимъ Ростовъ, который не имѣетъ съ Переяславлемъ ни географиче-

скаго, ни этнографическаго сближенія. Народные интересы сами собою стали пробиваться сквозь путаницу княжескихъ междоусобій, совершенно подчиняли своему направленію княжескія побужденія, и хотя сами измѣняли свой характеръ, но зато и характеры княжескихъ отношеній сообразовались съ ними.

Прежняя мѣстная самобытность обозначалась въ томъ же, или приблизительно въ томъ же, порядкѣ; части начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою. Правда, нѣсколько болѣе мелкихъ народностей объединились, зато докончились, опредѣлились и укрѣпились большія, слитыя изъ меньшихъ. Такимъ образомъ первая, выступившая самобытно наружу, была народность Славянъ Новгородскихъ,—потомъ Кривичей. Новгородцы, призвавшіе князей, какъ-будто спровадили ихъ отъ себя на югъ и вскорѣ являются съ началами независимости и отдѣльности. Не теряя связи ни съ княжескимъ родомъ, ни съ остальною Русью, подъ управленіемъ лицъ одного рода, Новгородцы стали выбирать себѣ князей изъ среды этого рода, по своему желанію, и такимъ образомъ начали свою самобытную исторію. Явились и развивались у нихъ интересы, имъ однимъ принадлежавшіе, подчинялись чудскія племена имъ исключительно, а не всей Русской Землѣ, развилось понятіе о волости новгородской отдѣльно отъ прочихъ русскихъ волостей, начали обозначаться болѣе или менѣе видныя границы. Выказываютъ свое самобытное существованіе и Кривичи, но это многочисленное племя не представляло вполнѣ гармоніи поземельнаго единства. Одна часть ихъ, съ первенствомъ Полоцка, начинаетъ жить своеобразною жизнію, подъ властію—сперва Рогволода, потомъ—потомковъ перваго сына Владимирова; земля ихъ, въ свою очередь, дробилась на мелкія княжества; не рѣдко эти части воевали между собою, но всегда сохраняли взаимное тяготѣніе, какъ части одной группы по отношенію къ другимъ частямъ Руси. Въ другой части Кривской Земли, въ Смоленскѣ съ пригородами, образовалась другая половина, дробившаяся также на части, которыя всѣ вмѣстѣ составляли одну группу, одну землю. Псковская народность составляла переходъ отъ

кривской къ новгородской; здѣсь племя Кривичей смѣшалось съ племенемъ Ильменскихъ Славянъ; вѣроятно, въ незапамятной древности Славяне—пришельцы съ Дуная, поселялись тамъ между старожилами Кривичами и дали начатокъ смѣшанной переходной народности. Псковская Земля, со своими пригородами, сначала составляла часть Новгородской Земли, но народность ея имѣла свои отличія и, потому, залоги собственнаго самосуществованія; она не примкнула къ Землѣ Полоцкой, ибо уже отходила отъ чистой кривской народности, но держалась слабо въ единствѣ съ новгородскою, стремилась къ отдѣльной жизни и впослѣдствіи достигла этого. До сихъ поръ нарѣчіе псковское есть переходъ отъ бѣлорусскаго къ новгородскому; точно также смоленское есть переходъ отъ того же бѣлорусскаго къ среднему, великорусскому говору. Зачатки народныхъ особенностей по нарѣчіямъ, вѣроятно, существовали и въ отдаленной древности на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ теперь, хотя бы и не въ тѣхъ видахъ. Неизвѣстно, когда Смоленская Кривская Земля сформировалась въ удѣльномъ укладѣ,—съ Мстислава ли Владимировича, съ котораго княженіе Смоленское осталось навсегда у его дѣтей, или прежде, потому что и посаженіе князей Вячеслава и Игоря, и присоединеніе къ Переяславскому княженію, суть явленія случайныя, скоропреходящія, и не показываютъ народной зависимости отъ другаго края. Народная жизнь шла своимъ путемъ, былъ ли такъ или иначе соединенъ или раздѣленъ край административно; прочность и вліяніе административныхъ отношеній, въ то время слабо скользившихъ по народному быту, могли быть дѣйствительными тогда только, когда они сливались съ народными побужденіями. Смоленскіе Кривичи, какъ и прежде, до пришествія Рюрика (что доказывается неучастіемъ ихъ съ Новгородцами и другими Кривичами въ призваніи князей и въ приступленіи къ этому сѣверному союзу при Олегѣ), жили своею жизнію, отличною отъ другихъ Кривичей. Въ XII вѣкѣ, однако, Смоленскъ показывалъ болѣе живой связи съ остальною Русью, чѣмъ другіе Кривичи и Новгородъ, гдѣ связь эта была слабѣе. Во всей остальной Руси обозначается своеобразное нату-

ральное направленіе жизни съ половины XII вѣка; то есть, когда послѣдовало ослабленіе связующей власти, и чрезъ то самое ощутельнѣе выступили наружу существовавшія и прежде народныя начала. Но мы не въ правѣ думать, что формы отдѣльныхъ народностей тогда и возникли, когда являются на политической сценѣ и оказываютъ признаки самодѣятельности по извѣстнымъ намъ лѣтописнымъ сказаніямъ. Въ этотъ вѣкъ княжескіе подѣлы и разграниченія, чрезъ самое свое раздробленіе, стали въ уровень съ этнографическими подѣлами и подчинились народнымъ началамъ, а потому послѣднія и выказываются уже ощутительнѣе, но онѣ самимъ дѣломъ существовали и прежде; ибо ихъ слѣды слишкомъ видны и раньше. Такимъ образомъ, хотя съ половины XII вѣка яснѣе выказывается самобытность Черниговской и Новгородъ-Сѣверской Земель, однако эта самобытность виднѣется уже и прежде, при большей крѣпости связующаго уклада. Половину XII вѣка можно считать только эпохою соединенія княжескихъ побужденій съ народными и обозначенія формъ, которыя сами собой, свободно, должны были по этнографическимъ причинамъ явиться въ частяхъ Русскаго края, какъ только ослабнутъ препятствовавшія ихъ явленія связи. Но то отнюдь не была эпоха порожденія народныхъ стихій, которыя облекались въ эти формы. Дѣленіе по княженіямъ, въ этомъ случаѣ, уступало натуральному дѣленію по народамъ. Дѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ нашло предѣлъ своему безконечному развѣтвленію; народности указали ему границы: дѣленіе продолжалось, но уже новыя вѣтви держались связи между собою въ такихъ кругахъ, какіе указывали имъ народности. Такимъ образомъ, на Волыни было множество князей и, слѣдовательно, княженій, какъ и въ Бѣлоруссіи, или въ Кривской Землѣ, но эти княженія были, по мѣстности, непостоянны, измѣняли свои предѣлы; то здѣсь, то тамъ появлялся князь, но единица Волынской Земли, единица Кривской Земли, оставались однѣ и тѣ же, и всѣ князья одной Земли между собою всегда въ теснѣйшей связи: ихъ княженія имѣли смыслъ одной группы владѣній, одного нераздѣльнаго, образованнаго внутреннимъ единствомъ,

округа. Понятіе о Землѣ обнимало ту или другую Русскую народность въ извѣстномъ пространствѣ, по ея размѣщенію на этомъ пространствѣ. Оно выразилось въ жизни признаніемъ первенства главнаго города тянувшихъ къ нему пригородовъ; оно связывалось цѣпью взаимнаго народнаго управленія, независимо отъ княжескаго. Въ томъ или въ другомъ пригородѣ появлялся одинъ и другой князь, бралъ свои пошлины, набиралъ себѣ дружину и оборонялъ городъ и принадлежащую къ нему территорію отъ непріятелей; но въ земскихъ дѣлахъ пригороды тянули къ городу,—какъ говоритъ лѣтописецъ: *что старѣйшіе здумаютъ, на томъ пригороды станутъ*. Къ каждому пригороду тянула волость, состоявшая изъ селъ, находившая себѣ оборону въ силахъ города. Всѣ города тянули къ главному городу. Это составляло Землю. Это-то сознаніе Земли выражается въ актахъ, словами: *Русская Земля, Полоцкая Земля, Ростовская Земля, Новгородская Земля*. Въ томъ же значеніи дается это названіе и чуждымъ сосѣднимъ странамъ.

Такимъ образомъ, послѣ показанныхъ нами, отдѣленныхъ уже заранѣе, Славянъ Ильменскихъ подъ видомъ Великаго-Новагорода; — Кривичей, въ видахъ Земель: Смоленской и Полоцкой со всею зависимою отъ понятія о Землѣ системою Бѣлорусскихъ княженій, и наконецъ переходной Псковской народности съ территоріею, прилегавшею къ озеру,—мы встрѣчаемъ среднюю Великорусскую народность въ двухъ отдѣлахъ, составившихъ понятія о Земляхъ: Землю Ростовско-Суздальскую и Землю Вятскую (Вятичей). Между народностями ихъ должно было издревле существовать различіе. Въ Ростовско-Суздальской Землѣ славянское населеніе, вѣроятно, наплыло туда изъ Новгородской Земли, посунулось изъ Смоленской и Вятской и дополнилось переселенцами съ юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи Русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ. Самобытность этой Земли ясно обозначается въ лѣтописяхъ съ половины XII вѣка. Земля Вятичей, раздѣляясь въ

этнографическомъ отношенiи на двѣ вѣтви: Восточную или Рязанскую, и Западную, населявшую берега Оки съ ея притоками, была соединена, по княжескому управленiю, съ Сѣверскою Землею, но потомъ, когда попущена была свобода народнымъ элементамъ, она начала выдѣляться и приняла естественное очертанiе. Рязань стала центромъ, около котораго группировались другiя части.

На юго-западъ отъ Земли Вятичей, мы встрѣчаемъ Землю Сѣверскую, которая также раздѣлялась по народностямъ на двѣ половины: Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую. До нашего времени этотъ народъ остался со своими чертами, напоминающими древнее самораздѣленiе его. Нужно только взглянуть пристальнѣе въ народныя черты уѣздовъ: Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и другихъ Задесенскихъ, до самаго Чернигова: по нарѣчiю, по образу жизни, даже по физической структурѣ, народъ этотъ составляетъ средину между Южнорусскимъ, Великорусскимъ и Бѣлорусскимъ. Сѣверiя составляла, въ удѣльный перiодъ, самобытное цѣлое, но болѣе имѣла тяготѣнiя къ югу, чѣмъ къ сѣверу.

Обширная и разнообразная южнорусская народность, въ удѣльный перiодъ, обособилась системою частей, образующихъ одну Землю. Древнiе Поляне образовали два княженiя: Русское и Переяславское, но народность ихъ была одна, и потому Переяславль съ Кiевомъ всегда составлялъ одно тѣло, одну связь, и самые князья, тамъ сидѣвшiе, подчинялись единству народности въ своихъ стремленiяхъ. Переяславскiе князья не могли принять направленiя, чтобъ обособиться отъ Кiева, какъ другiе, княжившiе среди народностей, болѣе отдаленныхъ отъ народности Русской, иначе — народности Полянъ. Другой видъ Южно-русской народности былъ Древлянскiй—Полѣсье, народность Полѣщуковъ, существующая и теперь, но, послѣ древняго погрома отъ Полянъ, не развившаяся до такой степени, чтобъ начать свое самобытное существованiе въ отдѣльности отъ прочихъ частей Южной Руси. По близости къ Полѣсью на западъ, означилась Волынская Земля съ своими подраздѣленiями и княже-

*

ніями; Земля Улучей—Подоль приняла образъ самобытности въ системѣ княженій бологовскихъ князей, о которыхъ, къ сожалѣнію, извѣстно слишкомъ мало, но и того достаточно, чтобы видѣть, что въ этомъ краѣ также было народное стремленіе къ самобытнымъ проявленіямъ жизни. Тиверцы на Днѣстрѣ и Хорваты въ Червоной Руси по границамъ къ Карпатамъ, вѣроятно, близкія между собою вѣтви, явились въ политическомъ образѣ частнаго княженія, подобно Землѣ Кривской, и эта Земля оказала очень явное стремленіе къ бо̀льшему, противъ многихъ другихъ Земель, обособленію, хотя не теряла окончательной нравственной связи съ Русскимъ міромъ, до самаго выступленія своего изъ него. Поляне, Улучи, Тиверцы, Хорваты, Волыняне были вѣтви очень близкія между собою, такъ что, хотя Полянъ и Волынянъ помѣщаютъ въ числѣ пришедшихъ съ Дуная, а остальные являются древними обитателями, но, вѣроятно, Поляне и Волыняне прежде жили на Дунаѣ, по близости къ Улучамъ, которые также прилегали нѣкогда къ Дунаю. Напротивъ, Древляне и Дреговичи, пришедшіе также съ Дуная, были, вѣроятно, изъ мѣстъ болѣе отдаленныхъ отъ Улучей. И теперь, по нарѣчію и образу жизни, Украинцы ближе къ Подолянамъ и Волынцамъ, чѣмъ къ Полѣщукамъ и Пинчукамъ. Хорваты и Тиверцы возвратились къ началамъ прежней частной отдѣльности. Какъ только князья Рюрикова дома, сыновья князя Ростислава, сдѣлались князьями въ Галичѣ, тотчасъ же усвоили народное стремленіе къ самобытности. Волынь и Подоль держались долѣе связи съ Кіевомъ и съ Полѣсьемъ, но, послѣ паденія великокняжескаго достоинства въ Кіевѣ, примкнули къ Галичу и вошли въ круговоротъ обстоятельствъ, касавшихся обоюдно этихъ странъ. Затѣмъ, и Полѣсье, и наконецъ Русь болѣе или менѣе показывали стремленіе примкнуть къ новому центру, образовавшемуся въ Галичѣ. Судьба южно-русскихъ вѣтвей всегда была неразрывна, даже до послѣдняго подчиненія Галича Польшѣ, а Волыни, Подоли и Руси—Литвѣ. Оба эти государства спорили за единую власть надъ всею Южною Русью, сознавая ея народное единство; и наконецъ, въ XVI вѣкѣ, Южная Русь опять

въ совокупности своихъ этнографическихъ особенностей вошла въ соединенie съ Польшею, какъ единое тѣло, отлично отъ Бѣлоруссіи, Земли Кривской. Части ея: Украина (т. е. Русь съ Подолью), Полѣсье, Волынь, Червонная Русь, при всякомъ народномъ дѣйствіи, показывали взаимное тяготѣніе и сознаніе своей внутренней связи и нераздѣльности. Поэтому и Русь-Полянъ, и Полѣсье, и Волынь, и Подолъ, и Русь Червонную, всѣ части Южно-русской Земли и Южно-русской народности, съ ихъ частными особенностями, слѣдуетъ разсматривать какъ единую Южно-русскую Землю, всѣ исчисленныя части которой, относительно общей своей связи, соединены еще тѣснѣе, чѣмъ въ Великой Руси Вятичи, Рязань и Суздаль въ отношеніи общей народной связи велико-русскаго элемента.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ нашей исторіи, періодъ удѣльно-вѣчеваго уклада, народная стихія обще-русская является въ совокупности шести главныхъ народностей, именно: 1) Южно-русской, 2) Сѣверской, 3) Великорусской, 4) Бѣлорусской, 5) Псковской и 6) Новгородской.

Теперь слѣдуетъ намъ указать на тѣ начала, которыя условливали между ними связь и служили поводомъ, что всѣ онѣ вмѣстѣ носили и должны были носить названіе общей Русской Земли, принадлежали къ одному общему составу, и сознавали эту связь, не смотря на обстоятельства, склонившія къ уничтоженію этого сознанія.

Эти начала:

1) Происхожденіе, бытъ и языкъ.

2) Единый княжескій родъ.

3) Христіанская вѣра и единая Церковь.

Что происхожденіе пришлыхъ Славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи Славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай», между другими общими признаками, представляетъ что-то общее для Русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ великорусскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ,

для тѣхъ и другихъ, завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія, въ древнія времена яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ Древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были однѣ и тѣ же старыя преданія, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе это — можно видѣть изъ того, что Славяне Новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвію Полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ Южно-русскому.

Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи, соединяла Славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, — какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы,— и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключало въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени. И теперь народныя пѣсни, у всѣхъ Славянъ чрезвычайно разнообразныя, имѣютъ много общаго и единаго. Въ пріемѣ и способѣ выраженія встрѣчается сходство въ пѣсняхъ народовъ, отдаленныхъ другъ отъ друга и по географическому положенію, и по исторіи. Такъ и въ пѣснѣ: «О Маркѣ Кралевичѣ» встрѣчается образъ, что этотъ герой посаженъ въ темницу, долго сидѣлъ и не зналъ ни зимы, ни лѣта; дѣвицы шли мимо тюрьмы и бросили въ тюрьму цвѣтокъ,— по этому онъ узналъ, что тогда было лѣто. Такой же образъ мы находимъ въ малорусской пѣснѣ о «Левенченкѣ». Въ сербскихъ пѣсняхъ разсказывается исторія «кровосмѣсителя»; та же исторія сохранилась въ народныхъ великорусскихъ сказаніяхъ и нѣкогда своевольно примѣнялась и къ житіямъ разныхъ свя-

тыхъ; обломки ея видны и въ пѣсняхъ южно-русскихъ. Можно найдти много такихъ событій, которыя воспоминаются въ пѣсняхъ разныхъ Славянскихъ народовъ одинаково, и, безъ сомнѣнія, суть остатки древнихъ миѳологическихъ преданій, общихъ болѣе или менѣе всему племени. Напримѣръ, описаніе, какъ дѣвица извлекаетъ изъ воды своего суженаго; превращеніе замужней женщины въ кукушку (въ этомъ видѣ прилетаетъ она къ матери); приходъ мертвой матери къ своему дитяти изъ гроба; превращеніе въ дерево невѣстки, преслѣдуемой злой свекровью; исторія похожденій божества; преданія о змѣяхъ и королевнахъ и о борьбѣ съ ними богатырей. Такихъ признаковъ не исчислить въ области славянской поэзіи. Сравнивая пѣсни обрядныя и самые обряды, легко найдти между ними сходство и въ тонѣ, и въ содержаніи. Много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, вѣрованій удерживается въ сходномъ видѣ у Славянскихъ народовъ, не смотря на то, что они не могли заимствовать ихъ другъ отъ друга. Напримѣръ, купальскій огонь и дерево Марены, погребеніе лѣта въ видѣ чучела, святочныя пѣсни, хороводныя пляски и игры — общія черты. Все это доказываетъ нагляднымъ образомъ, что въ древности Славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

Между прочимъ, особенно поразительно сходство религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся нѣкогда при храмѣ Святовида у Прибалтійскихъ Славянъ, съ нашими домашними и гадальными обрядами, какъ напримѣръ между гаданьемъ посредствомъ Свантовитова коня и нашимъ такимъ же гаданьемъ посредствомъ перевода коня черезъ бревно, или между обрядами на праздникѣ жатвы при храмѣ Свантовита и малороссійскими обрядами въ сочельникъ. При недостаточности свѣдѣній о древней нашей мѣстной миѳологіи, можетъ показаться, что у Славянскихъ народовъ были такія божества и такіе вѣрованія и обряды, которые были совершенно чужды другимъ соплеменникамъ; но въ сущности не совсѣмъ такъ было: достаточно можно это видѣть изъ сходства того, что дѣлалось въ Арконѣ и Ретрѣ, съ тѣмъ, что дѣлается

въ Малороссіи и Великороссіи. Миѳологическія имена, теперь уже исчезнувшія у насъ и извѣстныя только у древнихъ Западныхъ Славянъ, въ самомъ дѣлѣ входили и въ кругъ нашихъ вѣрованій, напримѣръ Сварожичъ, божество Лужичанъ, по Дитмару, является миѳологическимъ именемъ у насъ, по нашимъ памятникамъ. Названіе Вилы, извѣстное по сербскимъ пѣснямъ, въ древности давалось и у насъ фантастическимъ существамъ, какъ доказываетъ слово Христолюбца; также точно открывается, что Берегини, богини чешскія, были и нашими. Названіе Марены, о которомъ мы знаемъ изъ Забоя, Славоя и Людека, по Краледворской рукописи, да изъ польскихъ лѣтописцевъ, что это—божество смерти и зимы, было и у насъ, какъ показываетъ названіе дерева Марены. Прочитавъ въ «Любушиномъ Судѣ» описаніе, какъ Любуша сидѣла на тронѣ, окруженная дѣвами, державшими символическіе знаки, мечь и праводатныя доски, какъ при нихъ стояли вода и огонь,—невольно представляется малороссійская свадьба, гдѣ женихъ съ невѣстою сидятъ на посадѣ, а передъ ними два символическихъ лица держатъ: одно—мечь, а другое—свѣчу. Умыванье у водъ дѣвицъ сохранилось до позднѣйшихъ временъ у Черногорцевъ.

Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія Славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ Славянамъ Русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное сборище. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ Славянамъ Русскимъ, какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ Славяне Русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи Славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у Русскихъ Славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на Русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ

Русско-Славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него легко. Вездѣ существовало раздѣленіе на города и пригороды, зависѣвшіе отъ городовъ; вездѣ города были головами и центрами Земель. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени Русско-Славянскаго.

Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между Славянами иноплеменниковъ столько же помогали сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшали фактическому соединенію народовъ. Каждое Славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать родства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомилось съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ Полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить Поляка съ Нѣмцемъ или Татариномъ. Такъ въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ, есть съ Вятичемъ, и отсюда возникло сознаніе, что Вятичъ ему родной.

Невозможно теперь показать, въ какомъ отношеніи между собою находились народныя нарѣчія въ древности по сравненію съ настоящимъ ихъ положеніемъ. Въ наше время, въ кругу племенъ Финскихъ Восточной Россіи и Кавказа, близкія по сосѣдству одноплеменныя народности не понимаютъ другъ друга; это наводитъ на предположеніе, что въ древности наши нарѣчія были между собою отдаленнѣе, чѣмъ теперь. Съ другой стороны, напротивъ, письменные памятники показываютъ, что вообще у Славянскихъ народовъ въ языкахъ были такія общія формы и слова, которыя теперь составляютъ достояніе только частныхъ нарѣчій. Что касается до связи между собственно руссо-славянскими нарѣчіями, то всѣ они имѣли еще тѣ общіе признаки, которые были имъ свойственны какъ одной особой семьѣ Славянскаго рода. При ознакомленіи съ другими Славянскими народами, напримѣръ съ Поляками или Болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ Русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ съ прочими Славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились у другихъ Славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ русскихъ нарѣчій отъ другихъ славянскихъ. Таковы, напримѣръ: смягченіе согласныхъ, вставка гласныхъ *о* и *е*, съ перемѣною *а* въ *о*, тамъ гдѣ въ другихъ нарѣчіяхъ ставится двѣ согласныхъ: *нравъ*—*норовъ*, *о* вмѣсто *е*, въ словахъ: *олень*, *одинъ*, вмѣсто *елень*, *единъ*; окончанія на *т* съ твердымъ или мягкимъ полугласнымъ звукомъ въ третьемъ лицѣ изъявительнаго наклоненія; замѣненіе глухихъ и носовыхъ звуковъ чистыми, и проч. Такимъ образомъ, Славянинъ, какого бы то ни было Русскаго народца, видѣлъ въ Славянинѣ другой, своей же вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не Славянскими племенами, окружавшими Славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными славянскими вѣтвями. Полякъ для Кіевлянина долженъ былъ пред-

ставляться болѣе далекимъ, чѣмъ Славянинъ Новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ народной общительности съ собою. Естественно, что самыя близкія, хоть нѣсколько отличныя по говору, вѣтви народа могли скорѣе слиться въ одно тѣло, чѣмъ тѣ, рѣчь которыхъ представляла затрудненія къ удобному взаимному пониманію; равнымъ образомъ послѣднія, болѣе отдаленныя чѣмъ первыя, могли быть ближе третьихъ, представляя условія для ближайшаго и скорѣйшаго соединенія между собою, чѣмъ съ этими третьими. Наконецъ, эти третьи, при всѣхъ отличіяхъ, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ достаточный запасъ общихъ признаковъ, чтобъ и о нихъ составилось понятіе, какъ о родныхъ,—и такъ могла образоваться съ ними связь, нѣсколько уже слабѣйшая, чѣмъ со вторыми и третьими. Такимъ образомъ чувствовались различныя степени свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ различныя степени единенія. Кіевлянинъ былъ ближе къ Древлянину, чѣмъ къ Кривичу и Вятичу; Галичанинъ ближе къ Волынцу, чѣмъ къ Кіевлянину, ближе къ Кіевлянину, чѣмъ къ Сѣверянину, ближе къ Сѣверянину, чѣмъ къ Ростовцу или Рязанцу: и на этомъ основаніи завязывается болѣе тѣсная связь Галича съ Волынью, чѣмъ Кіевомъ, чѣмъ съ Черниговомъ, тѣснѣе съ Черниговомъ, чѣмъ съ Ростовомъ; но Ростовецъ, отдаленный по мѣстоположенію, былъ для Галичанина родственнѣе близко-живущаго Болгарина или Поляка. Кіевлянинъ чувствовалъ себя отдѣльнымъ въ отношеніи къ Древлянамъ и Волынцамъ, но въ равной степени, вмѣстѣ съ Древлянами и Волынцами чувствовалъ себя отдѣльнымъ отъ Вятичей. Наконецъ, вмѣстѣ съ Вятичами, онъ чувствовалъ свое общее единство и отдѣльность отъ Поляка и Болгарина, и отъ того между Кіевлянами, Древлянами и Галичанами образовалаеь взаимная связь скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ у каждаго изъ нихъ съ Вятичами, но, съ другой стороны, и положеніе Вятичей въ отношеніи всѣхъ первыхъ трехъ было таково, что извѣстная близость

ихъ нарѣчій не дозволила имъ совершенно разойдтись. Точно также и Вятичъ Рязанскій чувствовалъ свою отдѣльность отъ Ростовца или Москвича, но въ отношеніи Кіевлянина онъ составлялъ съ Ростовцемъ и Москвичемъ одну народность. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Намъ возразятъ въ этомъ случаѣ, что мы признаемъ слишкомъ глубокую древность за тѣми этнографическими особенностями, которыя, можетъ быть, возникли уже впослѣдствіи. Утверждаютъ, что настоящія нарѣчія и оттѣнки русской рѣчи явились уже послѣ. Древность малорусскаго языка была не очень давно предметомъ ученаго спора, нерѣшеннаго надлежащимъ образомъ: выходило то, что какъ скоро одна сторона находила въ словахъ и оборотахъ чисто малорусскій складъ, противная отыскивала подобное въ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Это отъ того, что обращали вниманіе на сходные или несходные признаки по частямъ, а не въ ихъ совокупности. Не споримъ, что образъ, въ какомъ является нарѣчіе и говоръ теперь, составился позже; но намъ кажется, что на тѣхъ же мѣстахъ существовали искони прародительскія отличія: отъ чего именно въ тѣхъ предѣлахъ является система удѣльныхъ земель, въ которыхъ до сихъ поръ мы видимъ размѣщеніе разныхъ русскихъ нарѣчій? Отъ чего бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ именно тамъ, гдѣ были Кривичи, и вся страна, гдѣ говорятъ имъ теперь, образовала *Землю Кривскую*, сознававшую свое единство и отличіе отъ другихъ? Неужели бѣлорусское нарѣчіе образовалось, какъ нѣкоторые думали, отъ смѣшенія великорусскаго съ польскимъ? Отъ чего же въ Юго-Западной Руси, которая также, даже еще крѣпче, была соединена съ Польшею, не обра-

зовалось такой же смѣси? Отъ чего-жъ эта смѣсь сохранилась въ Смоленской губерніи, которая если и была нѣсколько времени подъ властью Польши, то слишкомъ мало для того, чтобъ усвоить *смѣсь* одинакую съ Бѣлоруссами, которые были въ соединеніи съ Польшею много вѣковъ. Не споримъ, что какъ въ бѣлорусскомъ, такъ и въ южно-русскомъ нарѣчіяхъ есть вліяніе польскаго элемента, есть слова и обороты, вошедшіе въ нихъ впослѣдствіи, но такъ какъ основы народности и говоровъ различны, то очевидно, и прежде въ Бѣлоруссіи и Южной Руси существовали своеобразныя свойства, при которыхъ самое сближеніе съ Польшею выразилось иначе и въ томъ, и въ другомъ краѣ. Вмѣсто княжествъ, въ удѣльныя времена образовались системы княженій и волостей болѣе или менѣе согласно съ тѣмъ развѣтвленіемъ народностей, какое мы застаемъ впослѣдствіи и теперь, и какое, съ другой стороны, указывается на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Эти системы волостей, или Земли, располагались согласно съ нынѣшними этнографическими особенностями. Гдѣ были Кривичи, тамъ нынѣ Бѣлоруссы; тамъ образовалась Земля,—система княженій и волостей, имѣвшихъ взаимную связь,—и такъ вошла она во владѣнія Литовскія. Гдѣ видѣнъ переходъ отъ Бѣлоруссовъ къ Новгородцамъ и смѣшанное нарѣчіе, тамъ образовалась Псковская земля; гдѣ были Русь-Поляне—тамъ теперь Украинцы, тамъ была система волостей *Русской* Земли; гдѣ Древляне, тамъ Полѣщуки, гдѣ Дулебы и Волыняне—тамъ Волынцы, — тамъ была система волостей Волынской Земли; гдѣ Хорваты — тамъ Червоно-Руссы, тамъ Галицкая Земля; гдѣ были Улучи, тамъ Подоляне; тамъ были бологовскіе князья. На Волыни образовалась группа княженій и волостей, имѣвшихъ одно тяготѣніе съ Галичемъ; и теперь мы видимъ на Волыни особый оттѣнокъ народности, очень близкій къ червонорусскому; какъ Украина по-Днѣпровская нѣсколько дальше и теперь отъ Червоной Руси въ этнографическомъ отношеніи, чѣмъ Волынь,—такъ и встарину Галицкая Земля имѣла ближайшее взаимное тяготѣніе съ Волынью, чѣмъ съ Русью Кіевскою. Но Украина по-Днѣпровская не имѣетъ,

однако, отъ Червоной Руси на столько отмѣны, чтобы между ними потерялась связь единонародности; такъ и въ удѣльный укладъ, не смотря на явленія, противодѣйствующія къ слитію Червоной Руси съ Русью Кіевскою, эти Земли все-таки вращались въ одной общей сферѣ. Всѣ отмѣны Южно-русской народности имѣли между собою столько сходныхъ общихъ признаковъ, что, съ устраненіемъ въ нихъ мелочей, представлялась одна народность, по сравненію съ другими такими же группами, отличными отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И теперь мы видимъ, что всѣ этнографическія особенности совершенно сообразны съ системою развѣтвленія волостей удѣльнаго уклада, и всѣ эти этнографическія особенности составляютъ сумму одной народности— Южно-русской. Такъ и княженія и волости встарину составляли одинъ общій разрядъ, связанный взаимнымъ тяготѣніемъ.

Но тутъ могутъ намъ возразить, что мы видимъ этнографическое тяготѣніе тамъ, гдѣ могло быть одно географическое отношеніе сосѣднихъ земель. Въ такомъ случаѣ мы укажемъ на Новгородъ, который долго и постоянно склонялся къ Южно-русской Землѣ, и только послѣ внутренней борьбы, когда притомъ запустѣніе Кіева лишило его тяготѣющей силы, началъ тяготѣть къ Восточной Руси, но всегда съ какимъ-то внутреннимъ противодѣйствіемъ, съ готовностію склониться въ другую сторону, если бы представился случай. Вслушайтесь въ нарѣчіе новгородское, и вы найдете въ немъ слѣды народности, болѣе близкой къ Южно-русской, чѣмъ къ Московской, слѣды хотя явные и рѣзкіе, но все-таки одни слѣды прежняго нарѣчія, ибо Новгородъ, впослѣдствіи, не только подвергся тѣсному соединенію съ Московскою народностію, но еще были употребляемы насильственныя мѣры къ перерожденію туземной народности; однако, и слѣдовъ достаточно, чтобъ признать, что Великій-Новгородъ, въ этнографическомъ отношеніи, составлялъ вѣтвь, несравненно ближайшую къ Южно-русской народности, чѣмъ къ Великорусской и Кривской, и оттого-то между имъ и Кіевомъ является очевидное взаимное тяготѣніе, хотя по мѣстности онъ былъ самою отдаленною отъ Кіева Землею. Признаки новгород-

скаго нарѣчія почти тѣ же, что и Южно-русскаго: *и* вмѣсто *ѣ*, *и* и *ы* часто смѣшиваются, мягкое *о* вмѣсто *е* — йому, його вмѣсто ему, его; *у* вмѣсто *в*, отбрасываніе *и* въ творительномъ падежѣ множественнаго числа (вмѣсто *своимà* — своmà), перестановка слоговъ въ томъ порядкѣ, какъ и въ южно-русскомъ (напримѣръ *намавширъ*, вмѣсто монастырь), сохраненіе *о*, измѣненнаго у Великоруссовъ и Бѣлоруссовъ въ *а*, отбрасываніе *тъ* въ 3 лицѣ нетолько единственнаго, но и множественнаго числа глаголовъ; перемѣна *е* въ *о* послѣ шипящихъ, напр. жона вмѣсто жена; усѣченныя окончанія прилагательныхъ женскаго рода, напр. высока, добра, и *ц* вмѣсто *ч* отличіе, общее съ карпатскимъ. Разбирая эти признаки по частямъ, можно находить то и другое въ разныхъ областяхъ Россіи, но совокупность всего въ одномъ нарѣчіи показываетъ такое поразительное сходство съ южно-русскимъ нарѣчіемъ, что Малороссъ, услыхавъ новгородское нарѣчіе, изумится, если не имѣлъ прежде понятія о ихъ близости, и прійдетъ невольно къ заключенію, что народъ, говорящій такимъ нарѣчіемъ, долженъ былъ нѣкогда составлять одно съ Малороссомъ. Въ Землѣ Великорусской, впослѣдствіи, совершалась перетасовка народныхъ элементовъ; произошелъ процессъ перерожденія Финскихъ народностей и примѣсь Татаръ; происходили насильственныя административныя переселенія; наконецъ, двигалось населеніе само собою съ сѣвера на югъ и на востокъ съ промышленными цѣлями; не смотря на все это, тѣ системы, изъ которыхъ образовался Великорусскій край, имѣютъ до сихъ поръ различную физіономію: проѣзжайте по Владимірской губерніи, по этому древнему княжеству Суздальскому — развѣ не отличенъ тамъ говоръ отъ говора рязанскаго и московскаго? Также точно представляются, въ этомъ отношеніи, отличными отъ Московскаго, Рязанскаго и Владимирскаго края древняя Земля Вятичей, край Орловскій, Калужскій, Курскій, Воронежскій.

Насъ могутъ упрекнуть въ голословности, но мы думаемъ, что напоминаемъ нашимъ читателямъ вещи, давно извѣстныя. У насъ много писали объ этнографіи, довольно и занимались

ею, да занятія наши были какъ-то односторонни: не доставало сравнительнаго изученія. Говорили о томъ что есть, не говорили чего нѣтъ у однихъ изъ того, что есть у другихъ. Съ цѣлію изучать исторію народа по настоящимъ его этнографическимъ признакамъ, никто не брался систематически. Изученіе исторіи народа должно начаться именно съ этого. Надобно изслѣдовать и привести въ ясность всѣ виды Русской народности, во всей совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. Надобно отыскать: чѣмъ выражается отличіе одного края отъ другаго, съ нимъ сосѣдняго, въ нарѣчіи, говорѣ, образѣ жизни, постройкахъ, одеждѣ, пищѣ, обычаяхъ, привычкахъ; надобно обозначить совокупности всѣхъ такихъ признаковъ, составляющихъ этнографическіе виды; показать ихъ взаимные переходы и мѣстныя ихъ грани, и съ настоящимъ положеніемъ народностей свѣрять историческое теченіе прошедшей жизни народа. Только тогда и доберемся мы сколько нибудь до ея уразумѣнія. Очевидно, это не легкая работа. Она тѣмъ болѣе трудна, что, при самомъ тщательномъ, добросовѣстномъ, подробнѣйшемъ этнографическомъ описаніи, останется еще то, что едва ли возможно описать какимъ бы то ни было перомъ—физіономію народа, подобно тому, какъ нельзя никоимъ образомъ описать живаго человѣка такъ, чтобъ можно было, по описанію, столько же знать его, какъ живши съ нимъ.

Все это высказывается здѣсь для того, чтобы показать, что разнообразіе нарѣчій связывалось первостепенною и второстепенною близостью ихъ, и эта близость, сознаваемая народомъ, способствовала поддержкѣ въ немъ взаимности и сознанія единства въ разнообразіи.

Съ принятіемъ христіанства явился въ Руси одинъ общій языкъ — книжный, и это была новая сильнѣйшая связь Русскихъ народовъ, прочнѣйшій залогъ ихъ духовной неразрывности. Мы говоримъ—съ принятіемъ христіанства; ибо если принять, что договоры Олега и Игоря писаны были тогда же, когда заключались, то, вѣроятно, ихъ писали или переводили русскіе христіане, и если бы даже язычники, то они должны были поль-

зоваться плодами, принесенными христіанствомъ. Книжный языкъ сдѣлался орудіемъ и распространенія вѣры, и удержанія государственной жизни, и передавалъ общія всѣмъ понятія и взгляды. Вмѣстѣ съ потребностію высшей жизни, явилась и форма, въ которой могла быть достигнута эта потребность. Тогда во всѣхъ углахъ Россіи, въ какой бы то ни было вѣтви народной, въ церквахъ раздался одинъ языкъ; власть старалась передать свой голосъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; событіе старины—случилось ли оно въ Кривской Землѣ, или въ Руси, или въ Новгородѣ — записывалось тѣмъ же самымъ языкомъ. Знакомство съ правилами вѣры и нравственности происходило черезъ посредство этого языка. Явились школы, и въ этихъ школахъ учили на томъ же языкѣ, не обращая вниманія на то — изъ какого племени были учащіеся. Такимъ образомъ, вездѣ и повсюду, явилось одно орудіе выраженія высшихъ потребностей жизни. Пока книжный языкъ существовалъ въ своей чистотѣ, духовное единство не могло быть прервано, какъ оно не прервано, въ этомъ отношеніи, не только между Русскими и Червоноруссами, составлявшими нѣкогда одно федеративное тѣло, но и между Сербами и Русскими, не смотря на то, что никогда не поддерживалось другими политическими условіями, подобно частямъ Русскаго народа. Австрійская политика очень благоразумно хочетъ въ наше время уничтожить употребленіе церковно-славянскаго языка въ школахъ Червоной Руси, подъ благовиднымъ предлогомъ покровительства народной рѣчи. Она изъ опыта предшествовавшей исторіи Славянъ знаетъ, что этотъ языкъ былъ и есть сильнѣйшій двигатель сродства племенъ и взаимнаго братства. *Языкъ* доставилъ намъ единство. Но самъ по себѣ языкъ не былъ достаточенъ для водворенія единства политическаго. Онъ не могъ даже вытѣснить, истребить и замѣнить собою нарѣчія, во-первыхъ потому, что до извѣстной степени, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ столько же чуждъ народной рѣчи, какъ въ другихъ близокъ; и во-вторыхъ, что будучи достояніемъ однихъ образованныхъ того времени людей, касаясь извѣстныхъ только высшихъ проявленій жизни; не

только не замѣнялъ обыденной народной рѣчи, но даже самъ, въ книжной сферѣ, подвергался наплыву послѣдней, какъ это видно въ лѣтописяхъ, которыя, благодаря неполному умѣнью лѣтописцевъ ладить съ книжнымъ языкомъ, обличаютъ намъ живучесть народнаго слова при существованіи книжнаго. Языкъ книжный самъ по себѣ былъ достаточенъ только для того, чтобы части, достигавшія самобытности вслѣдствіе коренныхъ народныхъ особенностей и историческихъ обстоятельствъ, не теряли связи между собою; чтобъ каждая часть имѣла у себя въ равной степени то, что было священно и для другой части, — но онъ былъ недостаточенъ для того, чтобы всѣ части могли перестать быть тѣмъ, чѣмъ до того времени были, и стать тѣмъ, чѣмъ ни одна изъ нихъ не была.

Второе звено, соединившее части Русской Земли въ эту первую половину русской Исторіи, былъ княжескій родъ. Онъ способствовалъ единству даже своимъ развѣтвленіемъ, своимъ многообразіемъ. Обыкновенно привыкли (издавна это ведется) жалѣть объ удѣльной системѣ, жаловаться на ея безпорядки, думать, что она замедляла прогрессъ русской жизни, приписывать ее неблагоразумію Ярослава, и если извинять его, то единственно грубостію и невѣжественностію вѣка. Но Русскій міръ и не могъ иначе быть единымъ. Именно только этимъ поддержалась связь его. Не Ярославъ выдумалъ дѣлить Россію дѣтямъ, даже не Владимиръ. Въ договорѣ Олега говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, сущихъ подъ его рукою. При Владимирѣ эти старые удѣльные князья замѣнены другими изъ одного рода. Это могло повести только къ большему единству, а не къ раздробленію. Удѣльный порядокъ вытекалъ изъ сущности положенія, въ какомъ находились народы, составившіе впослѣдствіи Русскую державу. Чтобы соединить разсѣянныя, раздѣленныя одни отъ другихъ племена, нужно было именно то, чтобъ и у того и другаго народа были начальники, родственные между собою: тогда и народное сознаніе взаимнаго родства получало себѣ пищу. Искать ли источника этой народной связи посредствомъ единаго начальствующаго рода въ такъ называемомъ родовомъ бытѣ Восточ-

ныхъ Славянъ? Конечно, на сколько общечеловѣческія понятія о родствѣ оказывали вліянія на сформированіе у Славянъ понятій объ общественной и государственной жизни. Связь народовъ посредствомъ родства лицъ, состоящихъ во главѣ ихъ—представленіе слишкомъ всеобщее, повсемѣстное: Людовикъ XIV думалъ же, что не существуетъ болѣе Пиренеевъ, когда посадилъ на испанскій престолъ внука; и Наполеонъ хотѣлъ поддерживать связь подчиненныхъ себѣ націй тѣмъ, что сажалъ на престолы Германіи и Италіи своихъ братьевъ и зятьевъ. И въ средніе вѣка феодальное разнообразіе находило для себя связь частей въ родственныхъ союзахъ. Только вездѣ на Западѣ явленіе это не было до такой степени первостепеннымъ, фундаментальнымъ для всего механизма общественнаго строя, какъ у насъ. У насъ начало соединенія частей, основа государственнаго быта возникла отъ призванія княжескаго рода извнѣ. Впрочемъ, и у насъ форма единства Рюрикова рода не представляла единственно-возможнаго, незамѣнимаго ничѣмъ, способа соединенія частей: предѣлъ его былъ уже видимъ. Съ развѣтвленіемъ княжескихъ вѣтвей, съ неизбѣжною сообразностію такого рода развѣтвленія съ народными дѣленіями, значеніе князей, какъ начальниковъ Земли, стало упадать. Уже въ XII вѣкѣ видно, какъ народное начало всплыло наверхъ и взяло перевѣсъ надъ княжескимъ. Вмѣсто того, чтобъ князь наслѣдовалъ, онъ избирался толпою; вмѣсто того, чтобъ быть единымъ начальникомъ и предводителемъ, — являлось по нѣскольку князей разомъ предводителями въ одномъ и томъ же мѣстѣ заразъ, и въ то же время должность ихъ замѣняется уже не князьями. Такъ въ 1180 г. въ ополченіи городовъ Кривской Земли, изъ двухъ городовъ — Витебска и Полоцка — начальствуютъ князья, а изъ другихъ двухъ — не князья. Въ Галичѣ князья до такой степени потеряли свое древнее значеніе, что ихъ судили и казнили смертью, какъ простыхъ людей, а мѣста ихъ пытались занимать люди не княжескаго рода. Въ Новгородѣ, оставшемся внѣ татарскаго завоеванія, продолжались развиваться старыя стихіи, и въ XIV—XV вѣкахъ уже не стало необходимости держать князей, а от-

ношенія къ великимъ князьямъ казались болѣе лишнимъ бременемъ, отъ котораго только трудно было освободиться. Въ XIV вѣкѣ явился новый родъ—Гедиминовъ, который началъ оспаривать право быть орудіемъ связи Русско-Славянскихъ народовъ. Но тогда уже Русь склонялась къ единодержавію. Еслибъ даже удѣльный порядокъ, вслѣдствіе иноземныхъ явленій, не былъ у насъ замѣненъ единодержавнымъ, то все-таки онъ рано или поздно долженъ былъ уступить другому, болѣе сообразному съ дальнѣйшимъ ходомъ народной жизни, которая выработывала, хотя медленно, свои начала. Самое единство княжескаго рода было формою выше той, какая существовала въ видѣ народнаго управленія — «кождо родомъ своимъ», т. е. своими начальниками, не имѣвшими между собою родственной связи. Если, при воздѣйствіи чужеземномъ, единство рода княжескаго должно было уступить высшей формѣ — единодержавію московскому, то, безъ этого воздѣйствія, оно бы уступило иной, новой формѣ единства, какую выработала бы сама изъ себя народная жизнь.

Болѣе или менѣе князья размѣщались параллельно народностямъ, и, такимъ образомъ, ихъ родовое единство между собою шло въ параллели съ сознаніемъ единства народностей. Родъ дома Изяслава Владимировича постоянно княжилъ въ Полоцкѣ, и развѣтвлялся въ Землѣ, имѣвшей одно тяготѣніе съ Полоцкомъ: Домъ Святослава Ярославича, со всѣми его развѣтвленіями, помѣстился въ Сѣверщинѣ и образовалъ княжественную двойственность, сообразно двойственности Земель—собственно Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Князь сѣверскій былъ ближе къ черниговскому, чѣмъ къ кіевскому, и народность сѣверская была ближе къ черниговской, чѣмъ къ кіевской. Но князь сѣверскій не терялъ все-таки связи съ рязанскими и съ суздальскими князьями: все-таки онъ считалъ послѣднихъ происходящими изъ одного съ нимъ рода, и только далѣе отъ него, чѣмъ были къ нему черниговскіе. Такъ и народъ въ Сѣверской области считалъ народъ суздальскій и рязанскій далѣе отъ себя, чѣмъ Черниговцевъ, но сознавалъ, что и Суздальцы —

Русскіе. Какъ князь говорилъ: «я не Угринъ, я не Ляхъ, мнѣ часть въ Русской землѣ», такъ каждый Русскій говорилъ, что онъ не Ляхъ, не Угринъ, что ему часть въ той широкой Землѣ, гдѣ Сѣверянинъ, Русинъ-Полянинъ, Волынецъ, Суздалецъ, сознаютъ свое родство. Имѣя дѣло съ князьями, своими однородниками, князь въ то же время имѣлъ дѣло и съ цѣлою Землею, какъ показываетъ напр. такое выраженіе: *бяшетъ бо ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и съ Волынскою Землею* (1190 г. Ип. Спис., 140). Князь могъ не поладить съ своимъ сосѣдомъ и народъ могъ раздѣлять съ нимъ его неудовольствія; но также народъ могъ не поладить съ другою вѣтвію общаго Русскаго народа; и какъ у князей ссоры были усобицами, такъ и въ народѣ брань одного края съ другимъ была домашняя, а не внѣшняя война. Этимъ сознаніемъ сродства объясняется почему Новгородцы, воюя до неистовства съ Суздальцами, въ началѣ XIII вѣка, послѣ того опять находились съ ними въ связи и принимали оттуда князей, и отчего тѣ же Новгородцы, защищая свою независимость противъ покушеній московскаго единовластія, въ то же время никакъ не могли оторваться отъ Московской Земли и принять, въ отношеніи ея, тотъ образъ дѣйствій, какъ въ отношеніи чужихъ, напримѣръ, Нѣмцевъ или Шведовъ. Если бы въ Россіи не возникло удѣльнаго порядка, если бы возможно было, чтобы Ярославъ, соединивъ Русскія страны подъ одну власть, передалъ всѣ вмѣстѣ одному изъ сыновей, то, безъ сомнѣнія, Русская Земля скорѣе могла бы потерять единство, чѣмъ при раздѣленіи на удѣлы. Тогда должны были бы оставаться тѣ старѣйшины-князья, которые существовали до прибытія Рюрикова дома, или — Земли управлялись бы намѣстниками кіевскаго князя. Въ первомъ случаѣ, старѣйшины разныхъ родовъ, не имѣя между собою кровнаго единства, старались бы каждый о совершенномъ обособленіи своихъ Земель, находясь въ отношеніи кіевскаго князя какъ покоренные, чувствовали бы надъ собою иго и старались бы освободиться отъ него. Естественно, тогда между всѣми ими несравненно было бы менѣе связи, чѣмъ между князьями *одного* рода. Во

второмъ случаѣ, сами народы чувствовали бы чуждое иго — власть одной Земли надъ своею, и смотрѣли бы на намѣстниковъ, какъ на враговъ и утѣснителей. Географическія условія и необходимость постояннаго отбоя отъ непріятелей не дозволяли бы Кіеву сосредоточить свои силы для насильственнаго удержанія въ своей власти такого множества народовъ, на такомъ огромномъ пространствѣ: послѣдовало бы совершенное разложеніе. Даже если бы всѣ народы сживались со своими намѣстниками и покорно повиновались имъ, то и тогда связи духовной было бы меньше, чѣмъ при существованіи удѣльнаго порядка; ибо такіе намѣстники не были бы такъ связаны между собою, какъ родственные князья. Указываютъ на горькія послѣдствія княжескихъ споровъ и дѣлежей. Но безъ сомнѣнія, еслибъ не было удѣловъ родовыхъ, то усобицы между народами были бы неизбѣжнѣе, и были бы гораздо жесточе, губительнѣе, разрушительнѣе. Напротивъ, княжескія усобицы способствовали поддержанію народнаго единства Россіи, посредствомъ знакомства частей между собою. Безъ нихъ сообщеніе между родственными племенами было бы рѣже; въ такомъ большомъ числѣ посѣщающихъ далекія страны тогда не было бы. Вспомнимъ, напримѣръ, упорную войну суздальскихъ князей съ кіевскими въ половинѣ XII вѣка? Едва ли бы могло быть по какому нибудь мирному поводу столько Суздальцевъ въ Кіевѣ. Всякій, кто возвращался домой, разсказывалъ о далекой Землѣ, и изъ рода въ родъ, въ семейныхъ преданіяхъ, укоренялась привычка считать народонаселеніе того и другаго края близкимъ къ своему,— расширялся кругъ географическаго понятія о томъ, что такое составляетъ *свое* и *чужое*.

И вотъ, то, что съ перваго взгляда, кажется, наиболѣе препятствовало единству, на самомъ дѣлѣ служило этому единству поддержкой. Выше мы коснулись воцаренія Гедиминовичей. Когда въ XIV вѣкѣ княжеская рюриковская линія стала замѣняться гедиминовою, связь между Западной и Восточной Русью ослабла. Москва и Литва часто смотрѣли на себя какъ на чужихъ другъ другу, какъ на особенныя государства. Народъ и въ Москвѣ и

въ Литвѣ оставался Русскимъ, а между тѣмъ связи между ними гораздо было меньше, чѣмъ при князьяхъ единаго дома. Правда, очень часто возникала мысль о соединеніи; но замѣчательно, что эта мысль являлась только послѣ войнъ, когда оба народа возобновляли старое знакомство, хотя и печальнымъ образомъ. Оставаясь въ покоѣ, Москвичъ забывалъ, что Литвинъ-Бѣлоруссъ—его кровный; у него это выходило изъ памяти при долгомъ нестолкновеніи съ сосѣдями-единоплеменниками.

Въ числѣ началъ, поддерживавшихъ единство Руси, слѣдуетъ поставить и то, что, въ тоже время, еще больше княжескихъ усобицъ, мѣшало ея единству—безпрестанныя непріязненныя отношенія къ иноплеменникамъ, сновавшимъ или осѣдлымъ между Славяно-Русскими народами. Одна часть ихъ была осѣдлая Финская, покоряемая Славяно-Руссами; а другая, напротивъ—кочующая, нападающая, въ образѣ Половцевъ и ихъ кочевой братіи, разорявшая славянскую гражданственность, а въ образѣ Татаръ—завоевательная и поработительная. И тѣ и другіе препятствовали порядку гражданственной стройности, а между тѣмъ противъ собственной воли помогали сознанію единства. Такъ, когда на Южную Русь нападали Половцы, нѣсколько разъ князья забывали свои несогласія и собирались какъ бы въ крестовый походъ противъ враговъ вѣры и своей народности. Въ умахъ Русскаго народа образовалось понятіе, что есть такіе народы, которые—враги всѣмъ вѣтвямъ его, а чрезъ это понятіе поддерживалось и понятіе о взаимности и сродствѣ своихъ народныхъ вѣтвей. Это понятіе еще болѣе развилось во время татарскаго завоеванія. Тогда повсюду, кто только принадлежалъ къ Русскому народу, проникался, то въ большей, то въ меньшей степени, чувствомъ враждебности къ покорительному народу. Эта враждебность поддерживала, даже и впослѣдствіи, древнюю связь Южной и Западной Руси съ Восточною. Такъ, разомъ на Днѣпрѣ и на Дону составилось воинственное общество казаковъ—съ цѣлію противостоять татарскому и турецкому покорительному началу, и нерѣдко польскіе и русскіе государи, среди безпрерывныхъ взаимныхъ несогласій, приходили къ мысли о союзѣ противъ

общихъ враговъ; во враждебныхъ между собою государствахъ не разъ являлась мысль о возможности прочнаго соединенія западной и восточной половинъ Руси, въ надеждѣ, что, такимъ образомъ, общими силами можно удачнѣе и успѣшнѣе дѣйствовать противъ Татаръ и Турокъ. Враждебность къ этимъ народамъ перешла преемственно изъ тѣхъ вѣковъ, когда славянорусскіе народы боролись съ тюркскими племенами, бродившими нѣкогда по широкому материку Россіи. Та же борьба, которая русская стихія выдерживала въ IX и въ X столѣтіяхъ противъ Печенѣговъ, явилась потомъ въ XII въ религіозной враждѣ противъ невѣрныхъ Половцевъ, когда русскія дружины ходили въ ихъ степи по призыву Мономаха и Игоря; она приняла, въ XIV вѣкѣ, значеніе освобожденія отъ чуждаго ига при Димитріѣ Донскомъ, и руководила важнѣйшими явленіями внѣшней политической жизни до позднѣйшихъ временъ во враждѣ съ мусульманскимъ турецкимъ Востокомъ. Есть въ исторіи завѣтныя племенныя ненависти; онѣ развиваются вѣками, то утихаютъ, то разгораются отъ обстоятельствъ; то засыпаютъ, то вновь пробуждаются; проходятъ черезъ разные виды историческихъ перемѣнъ и даютъ направленіе народнымъ силамъ и тонъ народнымъ думамъ. Къ такимъ враждебнымъ явленіямъ принадлежитъ борьба славянскаго племени съ турецкимъ или тюркскимъ. Ея источникъ скрывается во мракѣ доисторическихъ временъ. Мы знаемъ только ея продолженіе, и не видимъ начала, и для насъ такія черты легко представляются кореннымъ племеннымъ свойствомъ, какъ дѣлаемъ мы со всѣмъ, чему не можемъ доискаться начала въ тѣхъ сумрачныхъ вѣкахъ, откуда нѣтъ ничего положительно достовѣрнаго.

Есть еще признаки племенной враждебности къ иному племени, также непріязненному къ Славянамъ, съ незапамятныхъ временъ—къ племени нѣмецкому. Но эта враждебность, составляющая всю сущность исторіи Западныхъ Славянъ, касалась легче нашихъ, Восточныхъ. Признаки ея можно видѣть во враждебныхъ отношеніяхъ Новагорода и Пскова къ Ливонскимъ рыцарямъ и Шведамъ, и равнымъ образомъ въ томъ воззрѣніи,

какое народъ нашъ имѣлъ и до сихъ поръ неизгладимо имѣетъ на нѣмецкое племя. Новгородцы и Псковичи поддерживали языческихъ Эстовъ во враждѣ ихъ съ Крестоносцами и финляндскую Емь въ борьбѣ со Шведами, противъ распространителей христіанства, защищая свободу языческой совѣсти отъ насильственнаго крещенія. Во враждѣ этой участвовали вскользь и другія русскія вѣтви. Въ ополченіяхъ Великаго-Новагорода и Пскова отличались и Суздальцы, и Смольняне, и Полочане. Съ своей стороны Нѣмцы, поработивъ Прибалтійскихъ Славянъ, готовились подвергнуть той же участи и сѣверныхъ Русскихъ Славянъ, и въ XIII вѣкѣ уже успѣли покорить Псковъ, но были отражены Новгородцами, подъ предводительствомъ Александра Невскаго. Съ тѣхъ поръ Псковская Земля стала полемъ, гдѣ безпрестанно разыгрывалась и воспитывалась старая вражда Славянъ къ Нѣмцамъ, вражда, которой первые зачатки также теряются въ доисторическомъ сумракѣ. Съ Нѣмцемъ, въ понятіи всѣхъ Русскихъ, безъ различія народныхъ видовъ, соединялось представленіе о чемъ тотяготѣющемъ, высокомѣрномъ, посягающемъ на свободу нашу; Русскій ставилъ его въ противоположность къ себѣ, независимо отъ того, былъ ли самъ этотъ Русскій— Суздалецъ, Смольнянинъ, Псковитянинъ, Новгородецъ и т. д.

Важнѣйшимъ звеномъ единства русскихъ частей сдѣлалась православная христіанская вѣра, со времени ея введенія и распространенія по Руси. Не станемъ безусловно раздѣлять мнѣнія о чрезвычайной быстротѣ распространенія вѣры между русско-славянскими народами, хотя не можемъ отрицать, что изъ множества народовъ, обратившихся къ христіанству въ разныя времена, міръ русско-славянскій принялъ Божественное Откровеніе съ меньшимъ упорствомъ, чѣмъ многіе другіе народы. Но то несомнѣнно, что всѣ исчисленные выше соединительные элементы были бы слабы и недостаточны для водворенія единства народовъ русскаго міра, безъ содѣйствія православной религіи. Христіанство дало отдѣльнымъ частямъ народа такіе элементы, которые для всѣхъ составляли высочайшую святыню и въ то время были въ равной степени общими для всѣхъ. Православная

вѣра образовывала и утверждала высшую единую народность вмѣсто частныхъ. Православная вѣра распространяла единыя нравственныя понятія и ввела единые богослужебные обряды. Изъ христіанства возникла потребность просвѣщенія. Она удовлетворялась только посредствомъ церкви. Кто только былъ, по тому времени, человѣкъ образованный, тотъ или принадлежалъ къ церкви, или вращался въ кругу понятій церковныхъ.

Масса, инстинктивно всегда уважающая людей, стоящихъ выше ея по образованію, получила понятіе о томъ, что выше ея по духовному смыслу и, слѣдовательно, достойно уваженія; а это высшее не принадлежало уже ни къ какой частной народности. Оно было русское. Церковное богослуженіе воспитывало и въ массѣ чувство единства. Новгородецъ въ Суздалѣ, Черниговецъ въ Полоцкѣ, слышали въ церкви тотъ же языкъ, какъ у себя дома, видѣли тѣ же обряды, тотъ же церковный порядокъ, всѣхъ учили содержать одни и тѣ же посты, читать тѣ же молитвы, почитать однихъ и тѣхъ же святыхъ, искать въ одномъ, для всѣхъ, спасенія и утѣшенія; такимъ образомъ укоренялось въ каждомъ понятіе, что святыня его сердца—общая для всѣхъ вѣтвей Русскаго народа: и такъ онъ со всѣми другими составляетъ единое тѣло.

Православная церковь ввела въ нашу жизнь множество новыхъ формъ, обычаевъ, не только церковныхъ, но и домашнихъ, вошедшихъ въ частный бытъ равнымъ образомъ во всѣхъ русскихъ краяхъ. Установились понятія о томъ, какъ при какомъ нибудь извѣстномъ обстоятельствѣ слѣдуетъ сѣсть или стать, ѣсть и пить; образовались разныя приличія и правила общежитія, сообразныя съ достоинствомъ православнаго человѣка и, слѣдовательно, общія для всей Русской Земли. Возникали монастыри, появлялись мощи, чудотворныя иконы, составились преданія, которымъ вѣрилъ и Ростовецъ, и Новгородецъ, и Кіевлянинъ, и Сѣверянинъ, на сколько каждый былъ знакомъ съ вѣрою. Нѣкоторые монастыри прославились скоро и заслужили всеобщее уваженіе; таковъ былъ самый ранній—Печерскій. Въ разныхъ мѣстахъ одни за другими являлись обще-

ства отшельниковъ, которые прославлялись подвигами и жизнью. Для народа становились болѣе или менѣе одинаково святы угодники, почивающіе гдѣ бы то ни было въ Россіи, и изъ разныхъ мѣстъ ходили къ нимъ на поклоненіе. Такъ образовывалось паломничество, которое, съ одной стороны, увеличивало сообщеніе земель, съ другой—поддерживало сознаніе единства общей святыни.

Наконецъ, вводились церковные законы, развивали въ народѣ юридическія понятія и распространяли во всѣхъ русскихъ краяхъ одинаковое воззрѣніе на святость права. Христіанская религія принудила измѣнить взглядъ на многое, и то, что считалось прежде нравственнымъ, стало безнравственнымъ, какъ, напримѣръ, понятіе о мести у язычниковъ; такъ точно, христіанская вѣра истребляла мѣстную языческую святыню въ разныхъ краяхъ и замѣняла своею всеобщею для всѣхъ въ одинаковой степени. Народъ уже доживалъ до той эпохи, когда обычаи его должны были принять значеніе права; по крайней мѣрѣ такъ было въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, у Полянъ. Доказательствомъ служитъ «Русская Правда»—сборникъ обычаевъ и постановленій власти, уже записанныхъ и принявшихъ значеніе руководства для случаевъ подобныхъ тѣмъ, какіе рѣшаемы были прежде. Но съ народнымъ разнообразіемъ Русь не скоро могла дойдти до водворенія общихъ законовъ, или до соединенія народныхъ обычаевъ.

На широкомъ пространствѣ русскаго материка было слишкомъ много, для каждаго изъ народовъ, своихъ условій развитія гражданственности, которыя никакъ не могли сходиться съ существовавшими въ другихъ русскихъ краяхъ. Не было бы и необходимости, не взошло бы даже въ голову составителю законовъ наблюдать какое нибудь единство для всѣхъ частей; слѣдовательно, если бы, въ разныхъ краяхъ Руси, обычаи и стали превращаться въ положительные писанные законы, то эти законы способствовали бы скорѣе разрозненности частей, вмѣсто ихъ соединенія. Законы, отличавшіе Землю отъ Земли въ юридическомъ отношеніи, укоренялись бы и дѣлались для своей

Земли писанной святыней,—преданія отцовской мудрости, безъ особенныхъ переворотовъ и насилій, не скоро уступили бы мѣсто чему нибудь болѣе общему. «Кормчая», вошедшая вмѣстѣ съ христіанствомъ, напротивъ, заронила въ русскомъ мірѣ идею законодательнаго единства и общности права.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на корпорацію духовенства, связаннаго узами одного законоположенія и получавшаго вездѣ одно и то же воспитаніе. Во всѣхъ духовныхъ предметахъ и даже въ значительной части мірскихъ отношеній, духовенство было изъято отъ всякаго свѣтскаго суда, зависѣло отъ своихъ епископовъ: епископъ отъ митрополита, митрополитъ отъ патріарха; такимъ образомъ вся церковная администрація изображала одну цѣпь, протянутую по всей Россіи, а крайнее звено ея находилось въ Царьградѣ, за предѣлами русской земли. Духовенство въ большей части своихъ отношеній къ народу стояло выше мѣстныхъ обычаевъ и понятій, налегало на народъ своею нравственною силою и, вмѣсто народныхъ старыхъ правилъ, вводило новыя, общія и равныя для всѣхъ частей Русскаго міра. Въ древности духовенство пользовалось правами гораздо большими, чѣмъ впослѣдствіи, судилось по греческимъ писаннымъ законамъ, апостольскимъ и соборнымъ правиламъ. Такимъ образомъ, люди этого класса, имѣвшіе право на всеобщее уваженіе, были внѣ мірскихъ условій, проповѣдывали одно и то же, одному и тому же учили, указывали одну цѣль. Такъ образовалась идея церкви, общества, не связаннаго съ мѣстностію, не прикованнаго къ одной Землѣ, и съ нею совокупно развивалась идея объ общности всѣхъ Русскихъ Земель, о единствѣ русскаго народа. Священникъ—былъ ли онъ Новгородецъ, Кіевлянинъ, Суздалецъ, долженъ былъ жертвовать своими мѣстными отношеніями требованіямъ церкви. Церковное законоположеніе не ограничивалось однимъ духовенствомъ да духовными дѣлами; оно подчиняло себѣ многія стороны житейскія и имѣло право исключительно судить преступленія противъ обязанностей семейнаго быта: въ спорахъ о наслѣдствѣ, въ семейныхъ распряхъ обращались къ духовному посредству, а духовенство

произносило свои приговоры, по большей части, одинаково, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ Новгородѣ, и въ Ростовѣ; потому что вездѣ у него предъ глазами были греческія церковныя законоположенія. Остатки язычества, народныя вѣрованія,—подлежали духовному суду, и подъ вліяніемъ духовенства должны были уступать единымъ для всѣхъ краевъ христіанскимъ понятіямъ и вѣрованіямъ. Судъ святительскій долженъ былъ совершаться одинаково по всей Россіи. Духовенство, пріучаясь смотрѣть на всю Россію какъ на единое тѣло, научало и князей смотрѣть на нее такъ же. Такъ, въ 1189 году, по поводу захвата Галича Уграми, митрополитъ говорилъ князьямъ Святославу и Рюрику: «се иноплеменники отъяли отчину вашу, и лѣпо вамъ потрудитися». Такимъ образомъ, онъ указывалъ князьямъ прежде всего—забывъ, на время, свои споры, выручить Русскую Землю отъ нерусскихъ, кому бы изъ князей ни досталось потомъ вырученное.

Съ церковнымъ законоположеніемъ входили къ намъ, въ видѣ прибавленій къ «Номоканону», мѣста изъ гражданскихъ законовъ Византійской имперіи, такъ называемые «градскіе законы». Неизвѣстно, имѣли ли они когда нибудь всеобщую обязательную силу, но нѣтъ сомнѣнія, что, прилагаясь обыкновенно въ видѣ дополненій къ церковному законоположенію, которое было обязательнымъ, они пользовались уваженіемъ и, слѣдовательно, должны были внѣдряться въ русское правосудіе. При недостаткѣ собственнаго гражданскаго законодательства, судъ и рѣшенія дѣлъ естественно должны были зависѣть отъ ума и наклонностей судей. Получая вначалѣ просвѣщеніе единственно изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго, не иначе, какъ съ понятіями, заимствованными изъ сферы церковной, эти судьи — были ли они князья или тіуны, или же выборные народомъ,—необходимо должны были иногда обращаться къ этимъ кодексамъ, гдѣ содержались готовыя рѣшенія на случаи, которые могли встрѣтиться, и на которые не было правилъ въ русскомъ обычномъ правѣ, или же когда рѣшеніе ихъ, по обычному древнему праву, противорѣчило христіанству. Ничего не могло быть естественнѣе для князя или, вообще, для судьи, ставшаго въ тупикъ на су-

дѣ, какъ обратиться къ пособію этихъ уставовъ и заимствовать оттуда юридическую мудрость. Тѣмъ болѣе это было умѣстно, когда градскіе законы составляли какъ бы дополненіе къ тому, что уже считалось святынею. Владиміръ Святой совѣтовался съ епископами объ устроеніи земскомъ; то же дѣлалъ и Ярославъ; а епископы эти были Греки, и, конечно, не могли дать совѣта иначе, какъ въ духѣ «Номоканона», не только въ церковной, но и въ гражданской сферѣ. И впослѣдствіи, князья нерѣдко, въ дѣлахъ гражданскаго управленія и суда, обращались къ епископамъ, игуменамъ, священникамъ. Духовенство, составляя себѣ понятіе о долгѣ, сообразно своему воспитанію, неизбѣжно должно было давать совѣты, сходные съ греческимъ законодательствомъ. Вѣроятно, у каждаго святителя былъ экземпляръ «Кормчей», съ ея добавленіями, и святитель оттуда могъ черпать для вразумленія судей, и во всѣхъ странахъ Русскаго міра святители одинаково руководили судебными рѣшеніями. Такимъ образомъ, въ разныхъ земляхъ прививались къ народу одинакія юридическія понятія. Вліяніе духовенства въ гражданскомъ управленіи и судѣ простиралось не на однихъ князей, но и на массы народныя, на вѣча. Въ Новгородѣ, во время полнаго развитія его свободы, власть и вліяніе архіепископа на суды были во всей силѣ. Владыки были представителями не однихъ церковныхъ, но и политическихъ интересовъ страны.

Наука духовенства была одна; гражданскія, нравственныя, юридическія понятія были одни, какъ воспитанные на одной почвѣ. Плоды вліянія духовенства на собранія народныя вездѣ должны были являться одинакими послѣдствіями для народной жизни, въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Кіевѣ, и повсюду.

«Кормчая Книга» съ гражданскими законами расширила значительно кругозоръ нашихъ понятій и внесла, конечно только для тѣхъ, которые стояли на челѣ народной образованности, новые взгляды. Она должна была пріучить умъ ихъ возводить факты къ юридическимъ понятіямъ. Нѣкоторыя понятія были вновь внесены, другія развиты. Нельзя не указать на то, что «Кормчая», подъ вліяніемъ духовенства, при каждомъ случаѣ

содѣйствовала образованію понятія о единовластіи и о царственности правителей. По старымъ славянскимъ понятіямъ, князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли, а ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе византійскихъ государей. Помощь духовенства являлась повсюду, когда только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ права родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіи съ правомъ вольнаго народнаго призыва. Андрей утвердился во Владимирѣ, и лѣтописцы, духовные по званію, оправдываютъ его и преемниковъ его въ стремленіи къ верховной власти надъ всѣми Русскими Землями. Съ благословенія Церкви, въ лицѣ митрополитовъ, утвердилась Москва; съ благословенія Церкви Іоаннъ III уничтожилъ новгородскую свободу. Зародышъ единовластія—въ пришедшихъ къ намъ еще въ X и XI вѣкѣ греческихъ понятіяхъ и больше всего въ «Кормчей», гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что «народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются сами собою,—варвары!...»

Аристократическіе зачатки, которые были у Славянъ чрезвычайно слабы, развивались у насъ отъ византійскихъ понятій о противоположности благороднаго происхожденія однихъ и низкаго званія другихъ. Вмѣстѣ съ книгами, законами, обрядами и единымъ воспитаніемъ духовенства, къ намъ занесенъ изъ Византіи апотеозъ церемоній, формальности. Славяне были одно изъ племенъ, менѣе многихъ носившее въ себѣ склонность къ этому во время принятія христіанства. Почти всегда, какъ только самобытныя славянскія силы сколько нибудь развивались, являлось противное желаніе: обойдти всякое правило, освободиться отъ всякой формальности, прямо браться за содержаніе безъ оболочки. Византійское вліяніе ввело къ намъ понятія о святости извѣстнаго рода формъ, обрядовъ, мелочныхъ обычаевъ. Мы говоримъ здѣсь не о церковныхъ обрядахъ, но о житейскихъ, которые внѣдрились въ жизнь нашихъ верховныхъ лицъ и высшихъ классовъ.

Не смотря на всѣ изложенныя здѣсь начала, способствовавшія поддержанію и развитію идеи единства Русской Земли, онѣ не были столь сильны, чтобъ скоро довести народныя силы до единодержавія и части—до полнаго слитія.

Хотя родъ княжескій сознавалъ свое семейственное начало, однако уже потому, что онъ былъ родъ, условливалъ необходимость раздѣленія, потому что каждый изъ членовъ рода имѣлъ право на волость, то есть на право управленія Землею. Великое пространство препятствовало слитію нарѣчій, а церковный языкъ, какъ ни соединялъ проявленіе умственнаго труда во всей Россіи, какъ ни служилъ органомъ слова, вразумительнымъ и священнымъ для всѣхъ Русскихъ, но уже потому, что былъ не народный, не могъ сдѣлаться житейскимъ языкомъ и вѣчно оставался только книжнымъ. Наконецъ, и самая церковь не въ силахъ была, при всѣхъ своихъ элементахъ единства, привести къ нему и народъ безъ особенныхъ другихъ сильныхъ, пособляющихъ, толчковъ. Во-первыхъ, церковь уже по духу своему не предпринимаетъ крутыхъ мѣръ: развивая въ человѣкѣ то, что принадлежитъ проповѣдуемому ученію, оставляетъ рости и его собственной природѣ. Если признаки язычества, какъ показываютъ «Вопросы Кирика», были еще ощутительны въ XII вѣкѣ, то, конечно, церковныя правила и поученія не могли такъ скоро передѣлать всѣхъ понятій народа; не могли даже помѣшать образовываться въ народѣ новымъ, роднымъ понятіямъ мимо вліянія и участія церкви. Пока на первыхъ порахъ высшее духовенство было изъ Грековъ,—власть церкви могла еще быть чѣмъ то внѣшнимъ, переработывающимъ народъ и непринимающимъ ничего отъ него самого; но когда высшее духовенство, какъ и низшее, стало выбираться изъ своихъ, изъ Русскихъ, тогда народныя привычки пробивались чрезъ монашескія мантіи, а русскій народный умъ проглядывалъ изъ подъ клобуковъ, подъ которыми головы обязаны были мыслить иначе, не по русски, а по византійски. Духовные стали входить въ интересы своихъ земель, гдѣ были епископами, или же откуда сами происходили. Чувство любви къ мѣстной родинѣ и понятія,

усвоенныя отъ родителей, оставались въ нихъ. Новгородскіе владыки нерѣдко въ своихъ дѣлахъ должны были слѣдовать правиламъ того уклада, среди котораго жили и дѣйствовали, въ иномъ духѣ, нежели московскіе. Духовенство низшее, происходя изъ народа, не получивъ, какъ должно думать, такого воспитанія, которое бы его съ малыхъ лѣтъ отдѣляло отъ народа, наконецъ—женатое и, слѣдовательно, связанное и родствомъ и житейскими нуждами съ народомъ, конечно, носило на себѣ столько признаковъ частной, особенной народности, сколько и всенивеллирующаго византизма.

И вотъ начала, соединяющія земли между собою, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо отъ другихъ, но не на столько были сильны, чтобы заглушить всякое мѣстное проявленіе и слить всѣ части въ одно цѣлое. И природа, и обстоятельства историческія—все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности земель, съ тѣмъ, чтобы между всѣми землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи, и федерація была формою, въ которую она начинала облекаться. Татарское завоеваніе сдѣлало крутой поворотъ въ ея государственной жизни.

1859.

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

ДВѢ РУССКІЯ НАРОДНОСТИ.

Безъ всякаго сомнѣнія, географическое положеніе было первымъ поводомъ различія народностей вообще. Чѣмъ народъ стоитъ на болѣе дѣтской степени цивилизаціи, тѣмъ болѣе и скорѣе географическія условія способствуютъ сообщенію ему своеобразнаго типа. Не имѣя твердыхъ началъ, народы легко измѣняются, переходятъ съ одного мѣста на другое, потому что запасъ воспитанія, полученнаго на прежнихъ жилищахъ, слишкомъ скуденъ,—и развиваясь на новосельѣ, они принимаютъ и усвоиваютъ легко новыя условія, какія сообщаются имъ характеромъ мѣстности и стеченіемъ обстоятельствъ. Борьба можетъ быть тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ менѣе въ народѣ того, на что можно опереться. Но тѣ, которые на прежней родинѣ успѣли получить что нибудь такое, что удовлетворяло ихъ, сознавалось полезнымъ или священнымъ, тѣ, и перемѣняя отечество, переносятъ въ него старые зачатки, и они для нихъ становятся точками опоры, когда условія новаго отечества начнутъ побуждать ихъ къ самоизмѣненію. Понятно, что Англичанинъ, переселившійся близко къ тропикамъ, долго будетъ сохранять свою цивилизацію, свои привычки и понятія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ на своемъ сѣверномъ островѣ. Напротивъ, если бы перевести толпу американскихъ Индійцевъ въ Россію, то при сообщеніи съ Русскими они бы усвоили образъ господствующей ту-

земной народности; если же бы оставить ихъ изолированными отъ сближенія съ сѣверною образованностію, они въ ближайшихъ поколѣніяхъ измѣнились бы сообразно климату, почвѣ и мѣстности, и образовали бы сами изъ себя совершенно иную народность, въ которой только слабыми чертами отзывалось бы то, что напоминало имъ отдаленную родину. Въ глубокой древности, во времена юности народовъ, переходы ихъ изъ края въ край порождали своеобразные типы и образовали народности.

Но народы не измѣнялись и ихъ народности не формировались отъ однихъ переходовъ и вообще отъ географическихъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали жизненныя историческія обстоятельства. Переходя съ мѣста на мѣсто, они не оставались изолированными, но находились въ сношеніяхъ или въ столкновеніяхъ съ другими народами; отъ взаимнаго тренія зависѣло ихъ развитіе и образованіе жизненныхъ формъ. Другіе подвергались измѣненіямъ, не перемѣняя жительства, отъ наплыва или вліянія сосѣдей и пришельцевъ; наконецъ, такіе или иные повороты ихъ общественнаго быта отпечатлѣвались на народномъ существѣ и клали, на будущія времена, особыя примѣты, не сходныя съ прежними, и такимъ образомъ мало по малу народъ, въ теченіи временъ, измѣнялся и становился уже не тотъ, чѣмъ былъ нѣкогда. Все это составляетъ то, что можно однимъ словомъ назвать историческими обстоятельствами. Здѣсь большая или меньшая степень развитости цивилизаціи способствуетъ скорѣйшему или медленному дѣйствію вліянія измѣняющихъ началъ. Все здѣсь происходитъ по тому же закону, какъ и тогда, когда измѣненія производятся географическими условіями. Народъ образованный крѣпче стоитъ за свое прежнее, упорнѣе хранитъ свои обычаи и память предковъ. Завоеванная Римомъ Греція покоряетъ потомъ Римъ своею образованностію, тогда какъ завоеванная тѣмъ же Римомъ Галлія теряетъ свой языкъ и народность, уступая болѣе образованнымъ и сильнымъ завоевателямъ. Встрѣча съ народомъ слабѣйшимъ укрѣпляетъ народность сильнѣйшаго, какъ встрѣча съ сильнѣйшимъ ослабляетъ.

Образованіе народности можетъ совершаться въ разныя эпохи человѣческаго развитія, — только это образованіе идетъ легче въ дѣтствѣ, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ жизни человѣчества. Измѣненіе народности можетъ возникнуть отъ противоположныхъ причинъ: отъ потребности дальнѣйшей цивилизаціи и отъ оскудѣнія прежней и паденія ея, — отъ свѣжей, живой молодости народа и отъ дряхлой старости его. Съ другой стороны, почти такое же упорство народности можетъ истекать и отъ развитія цивилизаціи, когда народъ выработалъ въ своей жизни много такого, что ведетъ его къ дальнѣйшему духовному труду въ той же сферѣ, когда у него въ запасѣ много интересовъ для созиданія изъ нихъ новыхъ явленій образованности, —и отъ недостатка внѣшнихъ побужденій къ дальнѣйшей обработкѣ запасенныхъ матеріаловъ образованности, когда народъ довольствуется установленнымъ строемъ и не подвигается далѣе. Послѣднее мы видимъ на тѣхъ народахъ, которые приходятъ въ столкновеніе съ такими, у которыхъ силы болѣе, чѣмъ у нихъ; тогда верхніе слои этихъ народовъ усвоиваютъ себѣ народность, чужую, народность господствующую надъ ними, а масса остается съ прежнею народностію, потому что подавленное состояніе ея не дозволяетъ ни собраться побужденіями къ развитію тѣхъ началъ, какія у ней остались отъ прежняго времени, ни усвоивать чуждую народность вслѣдъ за верхними слоями.

Литература есть душа народной жизни, — есть самосознаніе народности. Безъ литературы послѣдняя—только страдательное явленіе, и потому чѣмъ богаче, чѣмъ удовлетворительнѣе у народа литература, тѣмъ прочнѣе его народность, тѣмъ болѣе ручательствъ, что онъ упорнѣе охранитъ себя противъ враждебныхъ обстоятельствъ исторической жизни, тѣмъ самая сущность народности является осязательнѣе, яснѣе.

Въ чемъ же состоитъ эта сущность вообще? Выше мы сказали, что явленія внѣшней жизни, составляющія сумму отличій одной народности отъ другой, суть только наружные признаки, посредствомъ которыхъ выражаетъ себя то, что скрывается на днѣ души народной. Духовный составъ, степень чувства, его

пріемы или складъ ума, направленіе воли, взглядъ на жизнь духовную и общественную, все, что образуетъ нравъ и характеръ народа, — это сокровенныя внутреннія причины, его особенности, сообщающія дыханіе жизни и цѣлостность его тѣлу. Все, что входитъ въ кругъ этого духовнаго народнаго состава, не высказывается по одиночкѣ, отдѣльно одно отъ другаго, но вмѣстѣ, нераздѣльно, взаимно поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполнѣ составляетъ единый стройный образъ народности.

Приложимъ эти общія черты къ нашему вопросу о различіи нашихъ русскихъ народностей велико-русской и мало-русской или южно-русской.

Начало этого отличія теряется въ глубокой древности, какъ и вообще распаденіе Славянскаго племени на отдѣльные народы. Съ тѣхъ поръ, какъ о Славянахъ явились извѣстія у греческихъ писателей, они уже были раздѣлены и стали извѣстны то подъ большими отдѣлами, то въ разнообразіи малыхъ вѣтвей, изъ которыхъ многія не знаешь куда пріютить. Такъ, по Прокопію, Славянское племя представляется раздѣльнымъ на двѣ большія вѣтви: Антовъ и Славовъ; по Іорнанду — на три: Славовъ, Антовъ и Венедовъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ большихъ вѣтвей дробилась на меньшія. Извѣстія Прокопія и Маврикія о томъ, что Славяне вели между собою безпрестанныя войны и жили разсѣянными группами, указываютъ на существованіе дробленія народныхъ отдѣловъ; потому что гдѣ вражда между группами народа, тамъ неизбѣжно черезъ то самое образуются этнографическія особенности и отличія. У Константина Порфиророднаго исчисляются уже разныя мелкія вѣтви Славянъ. У нашего первоначальнаго лѣтописца отдѣлъ собственно Русскихъ Славянъ изображается раздробленнымъ на нѣсколько вѣтвей, каждая съ отличіями отъ другой, со своими обычаями и нравами. Безъ сомнѣнія, между одними изъ нихъ болѣе взаимнаго сродства, чѣмъ между другими, и, такимъ образомъ, нѣсколько этнографическихъ вѣтвей начали, въ болѣе обобщенномъ образѣ своихъ признаковъ, представлять одну народность, так-

же какъ и всѣ вмѣстѣ русско-славянскія народности одну общую, русскую, въ отношеніи другихъ славянскихъ племенъ на югѣ. Но есть ли въ древности слѣды существованія южно-русской народности, было ли внѣшнее соединеніе славянскихъ народовъ юго-западнаго пространства нынѣшней Россіи въ такомъ видѣ, чтобъ они представляли одну этнографическую группу? Прямо объ этомъ въ лѣтописи не говорится; въ этомъ отношеніи счастливѣе бѣлорусская народность, которая, подъ древнимъ именемъ Кривичей, обозначается ясно на томъ пространствѣ, которое она занимала впослѣдствіи и занимаетъ въ настоящее время со своимъ раздѣломъ на двѣ половины: западную и восточную. На югѣ, въ древности, упоминаются только народы, и нѣтъ для нихъ общаго сознательно-одинакаго для всѣхъ названія. Но чего не договариваетъ лѣтописецъ въ своемъ этнографическомъ очеркѣ, то дополняется самой исторіей и аналогіей древняго этнографическаго развѣтвленія съ существующимъ въ настоящее время. Самое наглядное доказательство глубокой древности южно-русской народности, какъ одного изъ типовъ Славянскаго міра, слагающаго въ себѣ подраздѣлительные признаки частностей, — это поразительное сходство южнаго нарѣчія съ новгородскимъ, котораго нельзя не замѣтить и теперь, по совершеніи многихъ переворотовъ, способствовавшихъ къ тому, чтобы стереть и измѣнить его. Нельзя этого объяснить ни случайностью, ни присутствіемъ многихъ разсѣянныхъ чертъ южно-русскаго нарѣчія въ великорусскихъ областныхъ нарѣчіяхъ; если одинъ признакъ встрѣчается въ томъ или въ другомъ мѣстѣ и не можетъ служить самъ по себѣ доказательствомъ древняго сродства однихъ предпочтительно предъ другими, то собраніе множества признаковъ, составляющихъ характеръ южнаго нарѣчія въ новгородскомъ, несомнѣнно указываетъ, что между древними Ильменскими Славянами и Южно-руссами было гораздо большее сродство, чѣмъ между Южно-руссами и другими славянскими племенами русскаго материка. Въ древности это сродство было нагляднѣе и ощутительнѣе. Оно прорывается и въ новгородскихъ лѣтописяхъ, и въ древнихъ письменныхъ па-

мятникахъ. Это сродство не могло возникнуть иначе, какъ только въ глубокой древности, потому что эти отдаленные, перехваченные другими народностями, края не имѣли такого живаго народнаго сообщенія между собою, при которомъ бы могли перейдти съ одного на другое сходные этнографическіе признаки. Только въ незапамятныхъ доисторическихъ временахъ скрывается его начало и источникъ. Оно указываетъ, что часть южно-русскаго племени, оторванная силою неизвѣстныхъ намъ теперь обстоятельствъ, удалилась на сѣверъ и тамъ водворилась со своимъ нарѣчіемъ и съ зачатками своей общественной жизни, выработанными еще на прежней родинѣ. Это сходство южнаго нарѣчія съ сѣвернымъ, по моему разумѣнію, представляетъ самое несомнѣнное доказательство древности и нарѣчія и народности Южной Руси. Разумѣется, было бы неосновательно воображать, что образъ, въ какомъ южно-русская народность съ ея признаками была въ древности, тотъ самый, въ какомъ мы ее встрѣчаемъ въ послѣдующія времена. Историческія обстоятельства не давали народу стоять на одномъ мѣстѣ и сохранять неизмѣнно одно положеніе, одну постать. Если мы, относясь къ древности, говоримъ о южно-русской народности, то разумѣемъ ее въ томъ видѣ, который былъ первообразомъ настоящаго, заключалъ въ себѣ главныя черты, составляющія неизмѣнные признаки, сущность народнаго типа, общаго для долгихъ временъ, способнаго упорно выстоять и отстоять себя противъ всѣхъ напоровъ враждебно-разрушительныхъ причинъ, а не тѣ измѣненія, которыя этотъ типъ то усвоивалъ въ теченіе времени и переработывалъ подъ вліяніемъ главныхъ своихъ началъ, то принималъ случайно и терялъ, какъ временно наплывшее и несвойственное его природѣ.

Обращаясь къ русской исторіи, можно прослѣдить, какъ недосказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о о Южной Руси, само собой высказало себя въ цѣпи обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волынянъ, Хорватовъ, не далъ имъ

всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. До сихъ поръ не рѣшила окончательно наука—это названіе Русь, такъ намъ всѣмъ присущее, занесено ли съ Балтійскаго подбережья частью иноземцевъ, поселившихся среди одной вѣтви южно-русскаго племени, или, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, опираясь преимущественно на восточныхъ извѣстіяхъ, было и прежде туземнымъ прозваніемъ на Русской Землѣ; но уже въ XI вѣкѣ названіе это распространилось на Волынь и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ, по видимому, не переходило еще ни на сѣверо-востокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ. Уже ослѣпленный Василько, исповѣдуясь въ своихъ намѣреніяхъ присланному къ нему Василію, говоритъ о планѣ мстить Ляхамъ за землю *Русскую* и разумѣетъ не Кіевъ, но ту страну, которая впослѣдствіи усвоила себѣ названіе Червоной Руси. Въ XII вѣкѣ, въ землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще юго-западъ нынѣшней Россіи. Въ смыслѣ болѣе обширномъ названіе Руси иногда распространялось на земли, связанныя съ Русью, сперва политически подчиненныя Руси или Кіева, а потомъ, когда политическое первенство Кіева унало, все таки находившіеся въ церковной зависимости отъ русскаго митрополита и видѣвшія въ Руси столицу своей общей вѣры. Но въ своемъ собственномъ смыслѣ это названіе, въ отличіе отъ другихъ славянскихъ частей, было этнографическимъ названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислилъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь, когда образовалось между ними соединеніе и выплыли наружу одни общіе, единые для нихъ признаки. Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ, и всѣ стали называть Русью не всю совокупность славянскихъ племенъ материка нынѣшней Россіи, а собственно юго-западъ Россіи, населенный тѣмъ отдѣломъ славянскаго племени, за которымъ теперь усвоивается названіе южно-русскаго или малороссійскаго. Это названіе такъ перешло къ послѣдующимъ временамъ. Когда толчокъ, данный вторичнымъ вплывомъ Литовскаго пле-

мени въ судьбу Славянскихъ народовъ всей западной части Русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище—Литва, это прозвище стало достояніемъ бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

Въ XV вѣкѣ различались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московское государство, Литва и Русь; въ XVI и XVII, когда Новгородъ былъ стертъ,—Московское государство, Литва и Русь. На востокѣ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части, на юго-западѣ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичъ, Смолянинъ—были Русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Кіевлянинъ же, Волынецъ, Червонорусъ—были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго быта, по нравамъ и обычаямъ; каждый былъ Русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не Русскій, но Тверитянинъ, Суздалецъ, Москвичъ. Такъ какъ слитіе земель было дѣло общее, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федераціи, сдѣлалось народнымъ и для восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось Московское Государство, это государство легко назвалось Русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое прежде ему названіе, и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частные признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось, какъ исключительное достояніе югозападнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось

для другого тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южнорусскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была перемѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ встарину сѣверо-восточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южно-русскій народъ могъ назваться Русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своенародномъ, долженъ былъ найдти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червоной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удержать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червоноруссъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами, Уграми; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности, являлась принадлежность его къ общему русскому міру, черты такія, какъ вѣра, книжный богослужебный языкъ и исторія, напоминавшая ему о древней связи съ общерусскимъ міромъ. Все это предохраняло его отъ усилій чуженародныхъ элементовъ, грозившихъ и грозящихъ стереть его. Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣверною и восточнорусскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла; ибо Южно-руссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не разнили, а соединяли его съ народомъ, усвоившимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно было замѣниться такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этихъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполнѣ удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своенародности не вполнѣ выработалось. Въ XVII вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*,— названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южноруссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому

что, даже по своему сложному виду, какъ то неусвоительно для обыденной народной рѣчи, не слишкомъ любящей сложныя названія, на которыхъ всегда почти лежитъ отпечатокъ задуманности, отчасти ученой вычурности. Мимоходомъ замѣчу, что изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобъ отличить его отъ великорусскаго, болѣе всѣхъ какъ то приняло полное значеніе названіе *Хохла*, не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его Великоруссы. По крайней мѣрѣ, сказавши *Хохолъ*, Великоруссъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ дѣйствительно народный типъ. Хохолъ для Великорусса есть человѣкъ, говорящій извѣстнымъ нарѣчіемъ, имѣющій извѣстные пріемы домашней жизни и нравовъ, своеобразную народную физіономію. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища народа за серьезное названіе народа,—все равно, какъ если бы Англичанинъ прозвище Джона-Буля сдѣлалъ серьезнымъ именемъ своего племени. Но изъ всѣхъ существовавшихъ прозвищъ и названій, это едва ли не болѣе другихъ усвоенное въ смыслѣ народной особенности. Не только Великоруссы называютъ Южноруссовъ Хохлами, но и сами послѣдніе не рѣдко употребляютъ это названіе, не подозрѣвая уже въ немъ ничего насмѣшливаго, преимущественно въ восточномъ краѣ пространства, заселеннаго Южноруссами. Неусвоиваемость его всѣмъ южнорусскимъ народомъ, не менѣе его насмѣшливаго происхожденія, еще не дозволяетъ искать въ немъ приличнаго названія для народа.

Но мы отклонились нѣсколько отъ своей цѣли. Дѣло въ томъ, что названіе Руси укрѣпилось издревле за южно-русскимъ народомъ. Названіе не возникаетъ безъ факта. Нельзя навязать народу ни съ того, ни съ сего какое-нибудь имя. Это могло приходить въ голову только тѣмъ западноевропейскимъ мудрецамъ, которые увѣряли, что Екатерина II, Высочайшимъ повелѣніемъ, даровала Московскому народу имя Русскаго и запретила ему употреблять древнее имя—Москвитяне. Вмѣстѣ съ названіемъ развивалась и самобытная исторія жизни южно-русскаго народа. Извѣстно, въ какое непріятное положеніе поставляютъ насъ

старые наши лѣтописцы, коль скоро мы захотимъ изслѣдовать судьбу старой народной жизни: насъ угощаютъ досыта княжескими междоусобіями, извѣстіями о построеніи церквей, со щепетильною точностію сообщаютъ о дняхъ, даже о часахъ кончины князей и епископовъ; но какъ постучишься къ нимъ въ двери сокровищницы народной жизни—тутъ они нѣмы и глухи, и заброшены давно въ море забвенія ключи отъ этихъ завѣтныхъ дверей. Слабыя, неясныя тѣни остались отъ далекаго прошедшаго. Но и этихъ тѣней пока достаточно, чтобы видѣть, какъ рано Южная Русь пошла инымъ, своеобразнымъ путемъ, возрастать отлично отъ сѣвера. Одни и тѣ же общія начала на югѣ устанавливались, утверждались, видоизмѣнялись инымъ образомъ, чѣмъ на сѣверѣ. До половины XII вѣка сѣверъ, а еще болѣе—сѣверовостокъ, намъ мало извѣстны. Лѣтописныя сказанія тѣхъ временъ вращаются только на югѣ; новгородскія лѣтописи представляютъ какъ будто какое-то оглавленіе утраченнаго лѣтописнаго повѣствованія: такъ коротки и отрывочны мѣстныя извѣстія, въ нихъ сохранившіеся, и, признаться, какъ то странно слышать проповѣдываемыя нѣкоторыми почтенными изслѣдователями и усвоенныя учителями въ школахъ глубокомысленныя наблюденія надъ развитіемъ новгородскихъ общественныхъ началъ соразмѣрно переворотамъ и движеніямъ удѣльнаго Русскаго міра,—когда на самомъ дѣлѣ тутъ можно судить только о развитіи новгородскихъ лѣтописей, а никакъ не новгородской жизни. Но о судьбѣ сѣверо-восточнаго Русскаго міра, этой Суздальско-Ростовско-Муромско-Рязанской страны, въ раннія времена нашей исторіи не осталось даже и такого оглавленія, и это тѣмъ досаднѣе, когда знаешь, что именно тогда то въ этомъ краѣ и образовалось зерно великорусской народности, и тогда то пустила она первые ростки того, что впослѣдствіи сдѣлалось рычагомъ соединенія и всего русскаго міра, и залогомъ грядущаго обновленія всего славянскаго... Ея таинственное происхожденіе и дѣтство облечено непроницаемымъ туманомъ. При невозможности разсѣять его густые слои, остается или поддаться искушенію и пуститься въ безконечныя догадки и предположе-

нія, либо, какъ нѣкогда дѣлали, успокоиться на утишающей всякое умственное волненіе мысли, что такъ угодно было верховному промыслу, и что причины—почему великорусская народность стала такою именно, какою явилась впослѣдствіи, зависѣли отъ неисповѣдимой воли. И тотъ и другой способъ мышленія не удовлетворяетъ нашей потребности. Догадки и предположенія не сдѣлаются сами собою истинами, если не подтвердятся или очевидными фактами, или несомнѣнной логической связью явленій. Мы не сомнѣваемся въ промыслѣ; но вѣримъ при этомъ, что все, что ни случается въ мірѣ, управляется тѣмъ же промысломъ—какъ извѣстное, такъ и неизвѣстное,—а опираясь въ сужденіяхъ только на промыслъ, не останется ничего для самого сужденія. Дѣло исторіи—изслѣдовать причины частныхъ явленій, а не причину причинъ, недоступную человѣческому уму. Единственно, что мы знаемъ о сѣверо-востокѣ — это то, что тамъ было славянское народонаселеніе посреди Финновъ и съ значительнымъ перевѣсомъ надъ послѣдними; что край этотъ имѣлъ тѣ же общіе зачатки, какіе были и въ другихъ земляхъ русскаго міра; но не знаемъ ни подробностей, ни способа примѣненія общихъ началъ къ частнымъ условіямъ. На югѣ, между тѣмъ, весь народъ южно-русскій, въ началѣ IX вѣка, ощутительно обозначается единствомъ; не смотря на княжескія перегородки, онъ безпрестанно напоминаетъ о своемъ единствѣ событіями своей исторіи; онъ усвоиваетъ одно имя Руси; у него одни общія побужденія, одни главныя обстоятельства вращаютъ его; его части стремятся другъ къ другу,—тогда какъ земли другихъ вѣтвей общерусскаго Славянскаго племени, напримѣръ, Кривичи, обособляются своеобразными частями въ общей связи. Новгородъ, обособленный съ своею землею на сѣверѣ, постоянно стремится къ югу; онъ ближе къ Кіеву, чѣмъ къ Полоцку или Смоленску. И это, конечно, происходитъ отъ ближайшей этнографической его связи съ югомъ.

Съ половины XII вѣка обозначается въ исторіи характеръ Восточной Руси—Ростовско-Суздальско-Муромско-Рязанской Земли. Явленія ея самобытной жизни, по древней нашей лѣтописи,

начинаются съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Юрьевичъ, въ 1157 г., былъ избранъ особымъ княземъ всей Земли Ростовско-Суздальской. Тогда уже явно выказывается своеобразный духъ, господствующій въ общественномъ строѣ этого края и складъ понятій объ общественной жизни, управлявшій событіями, — отличіе этихъ понятій отъ тѣхъ, которыя давали смыслъ явленіямъ въ Южной Руси и въ Новгородѣ. Эпоха эта чрезвычайно важна и представляетъ драгоцѣнный предметъ для изслѣдователя нашего прошедшаго: тутъ открывается нарисованная, хотя не ясно, на подобіе изображеній въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, картина дѣтства великорусскаго народа. Тутъ можно видѣть первые ростки тѣхъ свойствъ, которыя составляли впослѣдствіи источникъ его силы, доблестей и слабостей. Словно, вы читаете дѣтство великаго человѣка и ловите, въ его ребяческихъ движеніяхъ, начатки будущихъ подвиговъ.

Что отличаетъ народъ великорусскій въ его дѣтствѣ отъ народа Южной Руси и другихъ земель русскихъ — это стремленіе дать прочность и формальность единству своей земли. Андрея избираютъ единымъ во всей землѣ, на всѣ города. У него нѣсколько братьевъ и два племянника; ихъ изгоняютъ, дозволяютъ оставаться только двумъ: одному, который, по болѣзни, не можетъ быть никакимъ дѣятельнымъ членомъ земли, и другому, который не показываетъ никакихъ властолюбивыхъ наклонностей. Изгнаніе братьевъ не дѣло единаго Андрея, но дѣло цѣлой Земли. Лѣтописецъ края говоритъ, что тѣ же, которые поставили Андрея, тѣ же изгнали меньшихъ братьевъ. Это единство, къ которому явно стремились понятія, не могло однако сразу утвердиться и обратиться въ постоянный и привычный порядокъ; впослѣдствіи земля снова имѣла разомъ нѣсколько князей; но за то одинъ изъ нихъ былъ великій князь верховный всей земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда уже является, хотя въ зародышѣ, стремленіе подчинить своей Землѣ другія Русскія земли. Такъ Муромская и Рязанская земли уже были подручны съ своими князьями князю Ростовско-Суздальскому. Это не были личныя желанія однихъ князей, — напротивъ: князья, принадлежа къ

роду, котораго значеніе связано было съ единствомъ всей Русской федераціи, сами заимствовали въ Восточно-Русской мѣстности это мѣстное стремленіе. Изъ нѣсколькихъ чертъ, сохраненныхъ лѣтописцемъ, при всей скупости послѣдняго на заявленіе народныхъ побужденій, видно, что князья въ дѣлахъ, обличавшихъ, по видимому, ихъ личное властолюбіе, дѣйствовали по внушенію народной воли, и то, что приписывалось ихъ самовластію, надобно будетъ приписать самовластнымъ наклонностямъ тѣхъ, которые окружали князей. Когда Всеволодъ захотѣлъ отпустить пойманныхъ князей: своего племянника и Глѣба Рязанскаго, Владимирцы не допустили до этого и приговорили ослѣпить ихъ. Когда тотъ же Всеволодъ идетъ на Новгородъ и осаждаетъ Торжокъ, онъ расположенъ къ миру и не хочетъ раззорять волости, но дружина его требуетъ этого: оскорбленіе князю она считаетъ оскорбленіемъ себѣ. «*Мы не цѣловать ихъ пришли*», говорятъ Владимірцы иронически. Такимъ образомъ, стремленіе подчинить Новгородъ и вражда съ Новгородомъ истекала не изъ княжескихъ, а изъ народныхъ побужденій, и оттого-то Новгородцы, отбивъ Суздальцевъ отъ стѣнъ своего города, скоро сходились съ Суздальскими князьями и, напротивъ, неистово мстили Суздальцамъ, продавая каждаго Суздальца по двѣ ногаты. Оттого съ такимъ ожесточеніемъ, съ такою надменностью ополчалась Суздальская земля противъ Новгородцевъ, вошедшихъ туда побѣдителями подъ знаменемъ Мстислава-Удалого. Нѣсколько разъ можно замѣтить, какъ, во время нападеній князей Восточно-Русской Земли на Новгородъ, прорывалась народная гордость этой земли, успѣвшая уже образовать предразсудокъ о превосходствѣ своего народа предъ Новгородцами и о правѣ своего первенства надъ ними. Элементы образованности, воспитанные на Кіевской почвѣ подъ православными понятіями, перешли въ Восточную Землю, и тамъ приняли иного рода ростъ и явились въ иномъ образѣ. Вмѣсто Кіева южнаго, явился на востокѣ другой Кіевъ—Владиміръ; по всему видно,—существовала мысль создать его другимъ Кіевомъ, перенести старый Кіевъ на новое мѣсто. Тамъ явилась патро-

нальная церковь святой Богородицы Златоверхой и Золотыя Ворота, явились названія кіевскихъ урочищъ: Печерскій городъ, рѣка Лыбедь. Но нельзя было стараго Кіева оторвать отъ днѣпровскихъ горъ; тѣ же отростки, подъ сѣверо-восточнымъ небомъ, на чужой почвѣ, выросли иначе, инымъ деревомъ, другіе плоды принесли.

Старыя Славянскія понятія объ общественномъ строѣ признавали за источникъ общей народной правды волю народа, приговоръ вѣча, изъ кого бы то ни состоялъ этотъ народъ, какъ бы ни собиралось это вѣче, смотря по условіямъ; эти условія то разширяли, то съуживали кругъ участвующихъ въ дѣлахъ, то давали вѣчу значеніе всенароднаго собранія, то ограничивали его толпою случайныхъ счастливцевъ въ игрѣ на общественномъ полѣ. При этомъ давно возникла и укоренилась въ понятіяхъ идея князя-правителя, третейскаго судьи, установителя порядка, охранителя отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ; между вѣчевымъ и княжескимъ началами само собою должно было возникнуть противорѣчіе; но это противорѣчіе улегалось и примирялось признаніемъ народной воли вѣча надъ правомъ князя.... Князь былъ необходимъ, но князь избирался и могъ быть изгнанъ, если не удовлетворялъ тѣмъ потребностямъ народа, для которыхъ былъ нуженъ, или же злоупотреблялъ свою власть и значеніе. Принципъ этотъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ выработывается вездѣ: и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Ростовѣ, и въ Галичѣ. Его явленіе сообразовалось съ различными историческими внутренними обстоятельствами и разными условіями, въ какія поставлены были судьбою русскія земли. Этотъ принципъ принималъ то болѣе единовластительнаго, то болѣе народоправнаго духа; въ однѣхъ земляхъ князья выбирались постоянно изъ одной линіи и, такимъ образомъ, водвореніе ихъ какъ будто приближалось къ наслѣдственному праву, но не могло совершенно образоваться послѣднее, потому *только*, что не успѣло заглушиться выборное право, которое, по своему существу, умѣряло непреложность обычая; въ другихъ, — въ Новгородѣ, — при выборѣ князя народная воля не

соблюдала вовсе никакихъ обычаевъ преемничества, кромѣ насущныхъ текущихъ условій края.

Въ Кіевѣ напрасно было бы искать какого нибудь опредѣленнаго права и порядка въ преемничествѣ князей. Существовала, правда, въ ихъ условіи, неясная идея старѣйшинства, но народное право избранія стояло выше ея. Изяславъ Ярославичъ былъ изгнанъ Кіевлянами. Кіевляне избрали Полоцкаго князя, случайно сидѣвшаго въ Кіевской тюрьмѣ и ужъ ни по какому праву не ожидавшему такой чести. Изяславъ только съ помощію чужеземцевъ утвердился снова въ Кіевѣ. То былъ родъ чужеземнаго завоеванія и впослѣдствіи польскіе историки понимали эти событія такъ, какъ будто гонимая Русь находилась въ ленной зависимости отъ Польши. Чрезъ нѣсколько времени, едва только Кіевскій князь избавилъ и себя, и Кіевлянъ отъ пособниковъ, какъ былъ снова изгнанъ. Князь Черниговскій вступилъ на княженіе Кіевское. Изяславъ опять долженъ былъ бѣжать. Хотя, по этому поводу, въ лѣтописи и не говорится объ участіи Кіевлянъ, но само собою разумѣется, что оно было: съ одной стороны, не могли Кіевляне любить князя, который приводилъ на нихъ чужеземцевъ и отдавалъ на казнь тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ нерасположеніи и верховодствѣ надъ народомъ въ минуту своего изгнанія, съ другой — и Святославъ не могъ бы водвориться въ Кіевѣ и свободно имъ править четыре года, если бы встрѣтилъ оппозицію въ народѣ. Въ дальнѣйшей исторіи нѣсколько разъ у лѣтописца упоминается прямо, что князья водворялись по избранію и также прогонялись; что вѣче считало за собою право судить ихъ, прогонять и казнить установленныя ими второстепенныя власти, а иногда и ихъ самихъ. Мономахъ былъ избранъ и, въ то же время, постигъ народный судъ приближенныхъ прежняго князя. Всеволодъ, желая передать княженіе брату Игорю, не могъ этого сдѣлать иначе, какъ испросивъ согласіе вѣча; то же вѣче низвергло Игоря и призвало Изяслава Мстиславича, и потомъ убило Игоря. Изяславъ Давидовичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Романъ Ростиславичъ, Святославъ Всеволодовичъ, Романъ Мстисла-

вичъ — обо всѣхъ этихъ князьяхъ есть черты, показывающія, что они были избраны волею Кіевлянъ. Мало по малу значеніе народа, руководящаго дѣлами, осталось за воинственною толпою дружинъ, шаекъ, составлявшихся изъ разныхъ удальцовъ; они-то возводили и низвергали князей; князья были какъ бы орудіемъ ихъ, и—какъ всегда бываетъ въ воинской державѣ—могли держаться только силою воли, умѣньемъ, а не значеніемъ, какое занимали въ своемъ родѣ.

Инородцы тюркскаго племени — Черные Клобуки, Торки, Берендѣи,—играли здѣсь дѣятельную роль наравнѣ съ туземцами, такъ что масса, управлявшая дѣлами края, представляла пеструю воинственную смѣсь. Таковъ былъ образъ быта Кіевской земли. Казачество уже въ своемъ существѣ возникало въ XII—XIII вѣкѣ. Въ Червоной Руси князья тоже избирались и прогонялись. Князь до того былъ зависимъ отъ вѣча, что даже семейная его жизнь состояла подъ контролемъ Галичанъ. Въ Галицкой землѣ народная сила и значеніе сосредоточились въ рукахъ *бояръ*,—лицъ, которыя силою обстоятельствъ выступали изъ массы и овладѣвали дѣлами края. Здѣсь уже прорывались начала того панства, которое, подъ польскимъ владычествомъ, охватило страну и, противопоставивъ себя массѣ народа, вызвало наконецъ ее въ лицѣ козаковъ. Читая исторію Южной Руси XII и XIII вѣка, можно видѣть юношескій возрастъ того общественнаго строя, который является въ возмужаломъ видѣ черезъ нѣсколько столѣтій. Развитіе личнаго произвола, свобода, неопредѣлительность формъ—были отличительными чертами южно-русскаго общества въ древніе періоды, и такъ оно явилось впослѣдствіи. Съ этимъ вмѣстѣ соединялось непостоянство, недостатокъ ясной цѣли, порывчатость движенія, стремленіе къ созданію и какое-то разложеніе недосозданнаго, все, что неминуемо вытекало изъ перевѣса личности надъ общинностью. Южная Русь отнюдь не теряла чувства своего народнаго единства, но не думала его поддерживать: напротивъ, самъ народъ, по видимому, шелъ къ разложенію и все-таки не могъ разложиться. Въ Южной Руси не видно ни малѣйшаго стремленія къ подчи-

нению чужихъ, къ ассимилированію инородцевъ, поселившихся между ея коренными жителями; въ ней происходили споры и драки болѣе за оскорбленную честь или за временную добычу, а не съ цѣлію утвердить прочное вѣковое господство. Вначалѣ когда въ Кіевѣ утвердились варяжскіе князья съ разноплеменною дружиною, Поляне получили толчокъ къ дѣятельности и стали какъ бы завоевателями народовъ: является идея присоединенія земель, потребность центра, къ которому бы эти земли тянули; но и тогда не видно ни малѣйшихъ попытокъ плотно прикрѣпить эти земли. Кіевъ никакъ не годился быть столицою централизованнаго государства; онъ не искалъ этого; онъ даже не могъ удержать первенства надъ федераціей, потому что не съумѣлъ организовать ее. Въ натурѣ южно-русской не было ничего насилующаго, нивеллирующаго, не было политики, не было холодной разсчитанности, твердости на пути къ предназначенной цѣли. Тоже самое является на отдаленномъ сѣверѣ, въ Новгородѣ; суровое небо мало измѣнило тамъ главныя основы южнаго характера, и только неблагодарность природы развила болѣе промышленнаго духа, но не образовала характера разсчета и купеческой политики. Торговая дѣятельность соединилась тамъ съ тою же удалью, съ тою же неопредѣленностію цѣли и нетвердостью способовъ къ ея достиженію, какъ и воинственное удальство южныхъ шаекъ. Новгородъ былъ всегда родной братъ юга. Политики у него не было; онъ не думалъ утвердить за собою своихъ обширныхъ владѣній, сплотить разнородныя племена, которыя ихъ населяли, и ввести прочную связь и подчиненность частей, установить соотношеніе слоевъ народа; строй его правленія былъ всегда подъ вліяніемъ неожиданныхъ побужденій личной свободы. Обстоятельства давали ему чрезмѣрно важное торговое значеніе; но онъ не изыскивалъ средствъ обращать въ свою пользу эти условія и упрочить выгоды торговли для автономіи своего политическаго тѣла; оттого онъ, въ торговомъ отношеніи, совершенно попалъ въ распоряженіе иностранцевъ. Въ Новгородѣ, какъ и на югѣ, было много порывчатаго удальства, широкой отваги, поэтическаго увлеченія, но

мало политической предпріимчивости, еще менѣе выдержки. Часто горячо готовился онъ стоять за свои права, за свою свободу, но не умѣлъ соединить побужденій, стремившихся, по видимому, къ одной цѣли, но тотчасъ же расходившихся въ приложеніи; потому то онъ всегда уступалъ политикѣ, отплачивался продуктами своей торговой дѣятельности и своихъ владѣній отъ покушеній Московскихъ князей даже и тогда, когда, казалось, могъ бы съ ними сладить; онъ не предпринималъ прочныхъ мѣръ къ поддержкѣ своего быта, которымъ дорожилъ; не шелъ впередъ, но и не стоялъ болотной водой, а вращался, кружился на одномъ мѣстѣ. Предъ глазами у него была цѣль, но неопредѣленная, и не сыскалъ онъ прямого пути къ ней. Онъ сознавалъ единство свое съ Русскою землею, но не могъ сдѣлаться орудіемъ ея общаго единства; онъ хотѣлъ, въ тоже время, удержать въ этомъ единствѣ свою отдѣльность и не удержалъ ея. Новгородъ,—какъ и Южная Русь,—держался за федеративный строй даже тогда, когда противная буря уже сломила его недостроенное зданіе.

Точно такъ и Южная Русь сохраняла, втеченіе вѣковъ, древнія понятія; перешли они въ кровь и плоть послѣдней, безсознательно для самаго народа: и Южная Русь, облекшись въ форму казачества,—форму, зародившуюся собственно въ древности,—искала той же федераціи въ соединеніи съ Московщиною, гдѣ уже давно не стало этихъ федеративныхъ началъ.

Выше я замѣтилъ мимоходомъ, что казачество началось въ XII—XIII вѣкѣ. Къ сожалѣнію, исторія Южной—Кіевской—Руси какъ будто проваливается послѣ Татаръ. Народная жизнь XIV и XV вѣковъ намъ мало извѣстна; но элементы, составлявшіе начало того, что явилось въ XVI вѣкѣ ощутительно, въ формѣ казачества, не угасали, а развивались. Литовское владычество сплотило разрозненныя части, составили что-то цѣлое, единое. Но скоро жизнь пошла по прежнему. Князьки не Рюрикова, но уже новаго, Гедиминова дома, обрусѣвъ скоро, какъ и прежніе, стали, какъ эти прежніе, играть своею судьбою. До какой степени было здѣсь участіе народа,—за скудостію источ-

никовъ нельзя опредѣлительно сказать; несомнѣнно, что въ сущности было что то прежнее: тѣ же дружины, тѣ же воинственныя толпы помогали князьямъ, возводили ихъ, вооружали однихъ противъ другихъ. Соединеніе съ Польшею собрало живучіе элементы Руси и дало имъ другое направленіе: изъ неосѣдлыхъ правителей, предводителей шаекъ, оно сдѣлало поземельныхъ владѣтелей; является направленіе замѣнить правомъ личныя побужденія; польская національность, обладая бо̀льшимъ культурнымъ развитіемъ чѣмъ русская, получила первенство надъ послѣднею, захватила въ себя ея высшіе классы, оторвала ихъ отъ прямой народности, разорвала связь ихъ съ остальнымъ народомъ и сообщила имъ самыя благопріятныя условія для порабощенія этого народа. Народъ, до того времени вращавшійся въ омутѣ всеобщаго произвола, то порабощенный сильными, то, въ свою очередь, сбрасывающій этихъ сильныхъ для того, чтобъ возвести другихъ, теперь подчиняется и порабощается правильно, то есть, выражается до нѣкоторой степени законность, справедливость такого порабощенія. Но тутъ старорусскіе элементы, развитые, до извѣстной степени, еще въ XII вѣкѣ и долго крывшіеся въ народѣ, выступаютъ блестящимъ метеоромъ въ формѣ казачества. Но это казачество, какъ возрожденіе стараго, невольно носитъ въ себѣ уже зародышъ разрушенія. Оно вращается съ такими идеями, которыя уже не находили пищи въ современномъ ходѣ историческихъ судебъ. Казачество—XVI и XVII и удѣльность въ XII и XIII вѣкѣ гораздо болѣе сходны между собою, чѣмъ сколько можно предположить: если черты сходства внѣшняго слабы въ сравненіи съ чертами внѣшняго несходства, за то существенно внутреннее сходство. Казачество, тоже разнороднаго типа, какъ древнія кіевскія дружины, также въ немъ есть примѣсь тюркскаго элемента, также въ немъ господствуетъ личный произволъ, тоже стремленіе къ данной цѣли, само себя парализующее и уничтожающее,—та же неопредѣлительность, то же непостоянство, то же возведеніе и низложеніе предводителей, тѣ же драки во имя ихъ. Конечно, важнымъ покажется то, что въ древности обращалось вниманіе

на родъ предводителей, ихъ происхожденіе служило правомъ, а въ казачествѣ, напротивъ, предводители избирались изъ равныхъ. Но скоро уже казачество доходило до прежняго удѣльнаго порядка и, конечно, дошло бы, если бы случайныя обстоятельства, чисто мимо всякихъ предполагавшихся законовъ, поворачивающія ходъ жизненнаго теченія, не помѣшали этому. Когда Хмельницкій успѣлъ заслужить славу и честь у казацкой братіи, она возводила въ предводители его сына, вовсе неспособнаго по личнымъ качествамъ. Выборы гетмановъ долго вращались около лицъ, соединенныхъ родствомъ съ Хмельницкимъ, и только прекращеніе его рода было поводомъ, что родовое княжеское начало древней удѣльности не воскресло снова, хотя бы и въ другихъ формахъ.

На востокѣ, напротивъ, личная свобода съуживалась и, наконецъ, уничтожилась. Вѣчевое начало нѣкогда и тамъ существовало и проявлялось. Избраніе князей также было господствующимъ способомъ установленія власти; но тамъ понятіе объ общественномъ порядкѣ дало себѣ прочный залогъ твердости, а на помощь подоспѣли православныя идеи. Въ этомъ дѣлѣ, какъ нельзя болѣе, высказывается различіе племенъ. Православіе было у насъ едино и пришло къ намъ чрезъ однихъ лицъ, изъ одного источника; классъ духовный составлялъ одну корпорацію, независимую отъ мѣстныхъ особенностей политическаго порядка: Церковь уравнивала различія; и если что,—то именно истекавшее изъ церковной сферы должно было приниматься одинаково во всемъ русскомъ мірѣ. Не то, однако, вышло на дѣлѣ. Православіе принесло къ намъ идею монархизма, освященіе власти свыше, окружило понятіе о ней лучами верховнаго міроправленія; православіе указало, что въ нашемъ земномъ жизненномъ теченіи есть Промыслъ, руководящій нашими поступками, указывающій намъ будущность за гробомъ; породило мысль, что событія совершаются около насъ то съ благословенія Божія, то навлекаютъ на насъ гнѣвъ Божій; православіе заставило обращаться къ Богу при началѣ предпріятія и приписывать успѣхъ Божію изволенію. Такимъ образомъ, не только

въ непонятныхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, но и въ обычныхъ, совершающихся въ кругѣ общественной дѣятельности, можно было видѣть чудо. Все это внесено было повсюду, повсюду принялось до извѣстной степени, примѣнилось къ историческому ходу, но нигдѣ не побѣдило до такой степени противоположныхъ старыхъ понятій, нигдѣ не выразилось съ такою приложимостью къ практической жизни, какъ въ Восточной Руси. При своей всеобщности, православіе давало однако нѣсколько простора и мѣстнымъ интересамъ: оно допускало мѣстную святыню, которая не переставала быть всеобщею, но оказывала свое покровительство особенно одной мѣстности. Такъ во всѣхъ земляхъ русскихъ возникли патрональные храмы; въ Кіевѣ—Десятинная Богородица и Софія; въ Новгородѣ и Полоцкѣ — святая Софія; въ Черниговѣ и Твери — святый Спасъ, и такъ далѣе; вездѣ вѣрили въ благословеніе на весь край, исходящее изъ такого главнаго храма. Андрей во Владимирѣ построилъ церковь святой Богородицы златоверхую, помѣстивъ тамъ чудотворную икону, похищенную имъ изъ Вышгорода. Нигдѣ до такой степени святыня патрональнаго храма не являлась съ плодотворнымъ чудодѣйствующимъ значеніемъ, какъ тамъ. Въ лѣтописи Суздальской земли, каждая побѣда, каждый успѣхъ, чуть не каждое сколько нибудь замѣчательное событіе, случавшееся въ краѣ, называется чудомъ этой Богородицы (сотвори чудо святая Богородица Владимирская).

Идея высшаго управленія событіями доходитъ до освященія успѣха самого по себѣ. Предпріятіе удается, слѣдовательно—оно благословляется Богомъ, слѣдовательно—оно хорошо. Возникаетъ споръ между старыми городами Ростовско-Суздальской земли и новымъ—Владимиромъ. Владимиръ успѣлъ въ спорѣ; онъ беретъ перевѣсъ: это—чудо Пресвятой Богородицы. Замѣчательно мѣсто въ лѣтописи, когда послѣ признанія, что Ростовцы и Суздальцы, какъ старшіе, дѣйствительно поступали по праву (*хотяще свою правду поставити*), послѣ того, какъ дѣло этихъ городовъ подводится подъ обычай всѣхъ земель русскихъ, лѣтописецъ говоритъ, что, противясь Владимиру,

они не хотѣли правды Божіей (*не хотяху створити правды Божія*) и противились Богородицѣ. Тѣ города хотѣли поставить своихъ избранныхъ землею князей, а Владимиръ поставилъ противъ нихъ Михаила, и лѣтописецъ говоритъ, что *сего же Михаила избра святая Богородица*. Такимъ образомъ Владимиръ требуетъ себѣ первенства въ Землѣ, на томъ основаніи, что въ немъ находилась святыня, которая творила чудеса и руководила успѣхомъ. Володимирцы—разсуждаетъ тотъ же лѣтописецъ—прославлены Богомъ по всей Землѣ, за ихъ правду Богъ имъ помогаетъ; при этомъ лѣтописецъ объявляетъ, почему Володимирцы такъ счастливы: *его же бо человѣкъ проситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, то Богъ его не лишитъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто права общественнаго, вмѣсто обычая, освященнаго временемъ, является право предпріятія съ молитвою и Божія соизволенія на успѣхъ предпріятія. Съ виду покажется, что здѣсь крайній мистицизмъ и отклоненіе отъ практической дѣятельности, но это только кажется: въ самой сущности здѣсь полнѣйшая практичность, здѣсь открывается путь къ устраненію всякаго страха предъ тѣмъ, что колеблетъ волю, здѣсь полный просторъ воли; здѣсь и надежда на свою силу, здѣсь умѣнье пользоваться обстоятельствами. Владимиръ, въ противность старымъ обычаямъ, древнему порядку земли, дѣлается верховнымъ городомъ, потому что Богородица покровительствуетъ ему, а ея покровительство видно изъ того, что онъ успѣваетъ. Онъ пользуется обстоятельствами, тогда какъ его противники держатся болярствомъ, избраннымъ высшимъ классомъ; Владимиръ поднимаетъ знамя массы, народа, слабыхъ противъ сильныхъ; князья, избранные имъ, являются защитниками въ пользу слабыхъ. О Всеволодѣ Юрьевичѣ лѣтописецъ говоритъ: «судя судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лице сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты и насилье творящихъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, право избранія, вѣчевое начало принимаетъ самый широкій размѣръ и тѣмъ подрываетъ и уничтожаетъ само себя. Князя Всеволода Юрьевича избираютъ Владимирцы на вѣчѣ, предъ своими Золо-

тыми воротами, не одного, но и дѣтей его. Такимъ образомъ, вѣчевое право считаетъ возможнымъ простирать свои приговоры не только на живыхъ, но и на потомство, установлять твердый, прочный порядокъ на долгое время, если не навсегда, до перваго ума, который возможетъ найдти иной поворотъ по новому пути и повести къ своей новой цѣли, возводя по прежнему въ апотеозъ успѣхъ предпріятія, освящая его благословеніемъ Божіимъ.

Наконецъ, самое возвышеніе новаго города Владимира здѣсь имѣетъ свой собственный смыслъ и отпечатлѣвается характеромъ великороссійскимъ. Извѣстно, какъ ученые придавали у насъ значенія новымъ городамъ именно потому, что они новые. По нашему мнѣнію, новость городовъ, сама по себѣ, еще ничего не значитъ. Возвышеніе новыхъ городовъ не могло родить новыхъ понятій, выработать новаго порядка болѣе того, сколько бы все это могло произойдти и въ старыхъ. Новые города населялись изъ старыхъ, слѣдовательно, новопоселенцы невольно приносили съ собой тѣ понятія, тѣ воззрѣнія, какія образовались у нихъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Это въ особенности должно было произойдти въ Россіи, гдѣ новые города не теряли связи со старыми. Если новый городъ хочетъ быть независимымъ, освободиться отъ власти стараго города, то все-таки онъ, по одному этому, будетъ искать сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ старый, не болѣе. Для того, чтобы новый городъ зародилъ и воспиталъ въ себѣ новый порядокъ, нужно, чтобъ или переселенцы изъ стараго, положившіе основаніе новому, вышли изъ прежняго вслѣдствіе какихъ нибудь такихъ движеній, которыя были противны массѣ стараго города, или чтобъ они на новосельѣ отрѣзаны были отъ соприкосновенія со старымъ порядкомъ и поставлены въ условія, способствующія развитію новаго. Переселенцы, какъ бы далеко они ни отбились отъ прежнихъ жилищъ, удерживаютъ старый бытъ и старыя коренныя понятія сколько возможно, на сколько не стираютъ ихъ новыя условія; измѣняютъ ихъ только вслѣдствіе неизбѣжности, при совершенной несовмѣстности ихъ съ новосельемъ, и притомъ измѣняютъ

нескоро: всегда съ усиліями что нибудь оставить изъ стараго. Малороссіяне двигались въ своей колонизаціи на востокъ, дошли уже за Волгу и все-таки они въ сущности тѣ же Малороссіяне, что̀ въ Кіевской губерніи, и если получили что нибудь особенное въ словѣ и понятіяхъ и въ своей физіогноміи, то это произошло отъ условій, съ которыми судьба судила имъ сжиться на новомъ мѣстѣ, а не потому единственно, что они переселенцы. Тоже надобно сказать о Сибирскихъ Русскихъ переселенцахъ: они все Русскіе, и отличія ихъ зависятъ отъ тѣхъ неизбѣжныхъ причинъ, которыя понуждаютъ ихъ нѣсколько измѣниться, примѣняя условія климата, почвы, произведеній и сосѣдства въ свою пользу. Новые города въ древней Россіи, возникая на разстояніи какихъ нибудь десятковъ верстъ отъ старыхъ, какъ Владиміръ отъ Суздаля и Ростова, не могли, по видимому, имѣть даже важныхъ географическихъ условій для развитія въ себѣ чего нибудь совершенно новаго. Даже и тогда, когда новый городъ отстоялъ отъ стараго на сотни верстъ, главные, однакожъ, признаки географіи условливали ихъ сходство. Намъ кажется, ученые не напрасно ищутъ новаго элемента, но его слѣдуетъ искать не въ новыхъ городахъ, а въ новыхъ людяхъ. Вся суть въ томъ, что на сѣверовостокѣ Россіи слагалась новая славянорусская народность, съ своеобразнымъ характеромъ, съ отличными условіями и пріемами жизни. Ея начало теряется въ прежнихъ временахъ, о которыхъ у насъ нѣтъ извѣстій; въ XII вѣкѣ она выказываетъ свое существованіе нѣкоторыми выпуклыми чертами. Мы не въ силахъ прослѣдить какъ они составлялись и какъ выработывались до тѣхъ поръ, пока не приняли того типа, который является намъ вполнѣ въ позднѣйшія времена. Знаемъ только, что въ этихъ краяхъ жили инородцы, финско-тюркскаго племени; въ ихъ земли вторгнулись Славяне и селились тамъ. Вторженіе это въ значительной степени должно падать на долю Кривичей, такъ какъ великорусское нарѣчіе представляетъ относительно большую близость съ бѣлорусскимъ. За тѣмъ намъ исторически извѣстно, что туда переселялись люди изъ Южной Руси. Мы не знаемъ, какое отно-

шеніе къ составленію этой народности имѣли Вятичи,—племя, о которомъ нѣтъ возможности дѣлать почти никакихъ заключеній и по послѣдующимъ чертамъ, но несомнѣнно, впослѣдствіи, когда великорусская территорія дошла до предѣловъ этого племени и наконецъ захватила его въ свои предѣлы, элементы, составлявшіе достояніе народности Вятичей, вошли въ составъ великорусской народности.

Славяне, подвигавшіеся сюда съ разныхъ сторонъ, должны были образовать смѣсь уже потому, что приходили изъ разныхъ вѣтвей русскаго народа, и эта смѣсь непремѣнно получить должна была своеобразныя черты. Но въ какомъ отношеніи были эти пришельцы и ихъ потомки къ туземнымъ инородцамъ? Вотъ важнѣйшій вопросъ, на который мы отвѣчать не въ состояніи, если не захотимъ блуждать въ области вѣроятій, догадокъ и предположеній: извѣстно, что Поляки, а за ними и западно-европейскіе ученые, составили теорію, которая признаетъ въ великорусскомъ народѣ такую большую примѣсь, что называетъ этотъ народъ принадлежащимъ къ туранской расѣ, смѣшавшимся нѣсколько со славянской. Такъ какъ люди, проводившіе эту теорію, совершенно не были подготовлены для обсужденія такого важнаго предмета, по этому и теорія ихъ не имѣетъ никакого научнаго достоинства. Намъ остается пожалѣть, что этотъ вопросъ—одинъ изъ важнѣйшихъ въ русской исторіи—не былъ въ надлежащей степени ученымъ образомъ разсмотрѣнъ и обслѣдованъ. Онъ можетъ быть до нѣкоторой степени уясненъ, если не рѣшенъ, только при помощи глубокихъ филологическихъ и этнографическихъ знаній, какъ въ области инородцевъ, такъ и русской народности. Въ настоящее время мы скажемъ только слѣдующее: не зная, какъ происходила борьба внѣдрившихся въ сѣверовосточный край Россіи Славянъ съ туземцами, не зная, въ какой степени происходило поглощеніе народности послѣднихъ народностью первыхъ, мы все-таки убѣждены, что отношенія Славянъ къ инородцамъ непремѣнно должны были содѣйствовать образованію особаго народнаго типа, хоть бы, какъ мы и видимъ, славянскій элементъ одержалъ полнѣйшее го-

сподство надъ инородческимъ. Точно также и особыя этнографическія и климатическія условія должны были содѣйствовать этому.

Въ XII вѣкѣ и въ началѣ XIII, Владиміръ въ исторической жизни является намъ зерномъ будущей Великой Руси,—въ своемъ, хотя въ слабомъ видѣ, замѣтны уже тѣ начала, которыя развили цѣлость русскаго міра, давали силу и прочность образовавшемуся при иныхъ условіяхъ единодержавному государству. Мы замѣчаемъ здѣсь стремленіе къ сплоченію частей, къ установѣ прочной власти, къ подчиненію, если не къ присоединенію другихъ русскихъ земель, стремленіе къ расширенію территоріи насчетъ инородцевъ и къ прочному утвержденію въ нихъ посредствомъ заведенія городовъ, народную гордость подъ знаменемъ религіи, успѣхъ, освящаемый идеею Божія соизволенія опору на массу, вмѣсто дружины, какъ это высказалось въ борьбѣ Владиміра съ Ростовомъ, покорность избранной власти—все это представляется въ образѣ молодаго побѣга, который выросъ огромнымъ деревомъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ обстоятельствъ, давшихъ сообразный способъ его возрастанію. Татарское завоеваніе дало новую стихію политическому составу Руси. При всѣхъ своеобразныхъ чертахъ, замѣчаемыхъ въ сѣверовосточной Руси, мы не видимъ тамъ въ дотатарское время никакихъ зачатковъ монархизма: вліяніе старыхъ вѣчевыхъ началъ свободы господствовало тамъ не меньше, какъ и въ другихъ краяхъ русскославянскаго міра; но мы усматриваемъ такія черты народнаго характера, которыя показываютъ способность къ развитію воспріимчивости того политическаго строя, который образовался послѣ татарскаго завоеванія.

Монголы не насиловали народнаго самоуправленія систематически и сознательно. Политическая ихъ образованность не достигла стремленія къ сплоченію массъ и централизаціи покоренныхъ частей. Побѣда знаменовалась для нихъ двумя способами: всеобщимъ разбреніемъ и собираніемъ дани. И то и другое потерпѣла Россія. Но для собиранія дани необходимо было одно довѣренное лицо на всю Русь, одинъ приказчикъ хана: это еди-

ное лицо, этотъ приказчикъ подготовленъ былъ русскою исторіею заранѣе въ особѣ великаго князя, главы князей, и, слѣдовательно, управленія землями. И вотъ, глава князей сталъ довѣреннымъ лицомъ новаго господина. Право старѣйшинства и происхожденія и право избранія, равнымъ образомъ—должны были подчиниться другому праву—волѣ государя всѣхъ земель, государя законнаго, ибо завоеваніе есть фактическій законъ выше всякихъ правъ, не подлежащій разсужденію. Но ничего не было естественнѣе, какъ возникнуть этому ханскому приказчику въ той землѣ, гдѣ существовали готовыя сѣмена, которыя оставалось только поливать, чтобъ они созрѣли.

Знамя успѣха подъ покровительствомъ благословенія Божія поднято въ Москвѣ, на другомъ новосельѣ, также точно, тѣмъ же порядкомъ, какъ оно прежде было поднято во Владимирѣ. Пригородъ опять перевысилъ старый городъ и опять помогаетъ здѣсь Церковь, какъ помогала она во Владимирѣ. Надъ Москвою почіетъ благословеніе Церкви: туда переѣзжаетъ митрополитъ Петръ; святый мужъ своими руками приготовляетъ себѣ тамъ могилу, долженствующую стать историческою святынею мѣстности; строится другой храмъ Богородицы, и вмѣсто права, освященнаго стариною, вмѣсто народнаго сознанія, парализованнаго теперь произволомъ завоеванія, беретъ верхъ и торжествуетъ идея Божія соизволенія къ успѣху. Здѣсь не мѣсто разрѣшать важный вопросъ: какія именно условія способствовали возвышенію Москвы предъ Владимиромъ; этотъ вопросъ относится уже спеціально къ исторіи Великороссіи, а у насъ идетъ дѣло единственно только о противоположности общихъ началъ въ народностяхъ. Замѣтимъ, однако, что Москва, точно какъ древній Римъ, имѣла сбродное населеніе и долго поддерживалась новыми приливами жителей съ разныхъ концовъ русскаго міра. Въ особенности это можно замѣтить о высшемъ слоѣ народа, — боярахъ и въ то время многочисленной дружинѣ. Они получали отъ великихъ князей земли въ Московской землѣ; слѣдовательно, та же смѣсь населенія касалась не только города, но и земли, которая тянула къ нему непосред-

ственно. При такой смѣси, различныя старыя начала, принесенныя переселенцами изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сталкиваясь между собою на новосельѣ, естественно должны были произвести что-то новое, своеобразное, не похожее въ особенности ни на что, изъ чего оно составилось. Новгородецъ, Суздалецъ, Полочанинъ, Кіевлянинъ, Волынецъ приходили въ Москву, каждый со своими понятіями, съ преданіями своей мѣстной родины, сообщали ихъ другъ другу; но это уже переставало быть тѣмъ, чѣмъ было у перваго и у втораго, и у третьяго, а стало тѣмъ, чѣмъ не было оно у каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Такое смѣшанное населеніе всегда скорѣе показываетъ склонность къ расширенію своей территоріи, къ пріобрѣтательности на чужой счетъ, къ поглощенію сосѣдей, къ хитрой политикѣ, къ завоеванію, и, положивъ зародышъ у себя въ тѣсной сферѣ, даетъ ему возрасти въ болѣе широкой,— той сферѣ дѣятельности, которая возникаетъ впослѣдствіи отъ расширенія предѣловъ. Такъ Римъ, бывши сначала сброднымъ мѣстомъ бѣглецовъ изъ всѣхъ краевъ разностихійной Италіи, воспиталъ въ себѣ самобытное, хотя составленное изъ многаго, но не похожее въ сущности на то или другое изъ этого многаго, политическое тѣло съ характеромъ стремленія — расширяться болѣе и болѣе, покорять чужое, поглощать въ себя разнородное, порабощать то силою оружія, то силою коварства. Римъ сталъ насильственно главою Италіи и впослѣдствіи всю Италію сдѣлалъ Римомъ. Москва, относительно Россіи, имѣетъ много аналогіи съ Римомъ по отношенію послѣдняго къ Италіи. Разительнымъ сходствомъ представляется вѣрнѣйшее средство, употребляемое одинаково и Римомъ, и Москвою для соединенія первымъ — Италіи, второю — Россіи въ единое тѣло: это переселеніе жителей городовъ и даже цѣлыхъ волостей и размѣщеніе на покоренныхъ земляхъ военнаго сословія, долженствующаго служить орудіемъ ассимилированія мѣстныхъ народностей и сплоченія частей во едино. Такую политику показала рѣзко Москва при Иванѣ III и Василіѣ, его сынѣ, когда изъ Новагорода и его волости—изъ Пскова, изъ Вятки, изъ Рязани выво-

дились жители и разводились по разнымъ другимъ русскимъ землямъ, а изъ другихъ переводимы были служилые люди и получали земли, оставшіяся послѣ тѣхъ, которые подверглись экспропріаціи. Москва возникла изъ смѣшенія русско-славянскихъ народностей, и въ эпоху своего возрастанія поддерживала свое дѣло такимъ же народосмѣшеніемъ. Вѣроятно, подобной смѣси населенія одолженъ былъ нѣкогда Владимиръ и своимъ появленіемъ и особеннымъ направленіемъ, хотя, по скудости источниковъ, о Владимирѣ мы ограничиваемся однимъ предположеніемъ того, что о Москвѣ можно сказать съ большимъ правомъ исторической достовѣрности. Ихъ направленіе было сходно. Москва ли взяла верхъ, или другой городъ — это отчасти совершилось по одному и тому же принципу. Какъ нѣкогда Владимиръ стремился подчинять Муромскую и Рязанскую земли и первенствовать надъ другими землями Руси, такъ теперь Москва, по тому же пути, но совершенно при другихъ условіяхъ, подчиняетъ себѣ земли и княжества, и не только подчиняетъ, но уже и поглощаетъ ихъ. Владимиру невозможно было достигнуть до того, до чего достигла Москва; тогда еще живучи были вѣчевыя и федеративныя начала; теперь, подъ вліяніемъ завоеванія и развитія въ народномъ духѣ уничтожающихъ ихъ противоположныхъ началъ,—первые задушены страхомъ вознесенной власти, вторые ослабѣли вслѣдъ за первыми. Князья все болѣе и болѣе переставали зависѣть отъ избранія и не стали, вслѣдствіе этого, переходить съ мѣста на мѣсто; утверждались на однихъ мѣстахъ, начали смотрѣть на себя какъ на владѣтелей, а не какъ на правителей, стали прикрѣпляться, такъ сказать, къ землѣ, и тѣмъ самымъ содѣйствовать прикрѣпленію народа къ землѣ. Москва, порабощая и подчиняя другихъ, тѣмъ самымъ возраждала идею общаго отечества, только уже въ другой формѣ, не въ прежней федеративной, а единодержавной. Такъ составилась монархія Московская; такъ изъ нея образовалось государственное русское тѣло. Ея гражданственная стихія есть общность, поглощеніе личности, такъ какъ въ южно-русскомъ элементѣ, какъ на югѣ, такъ и

въ Новгородѣ, принципъ личности постоянно показывалъ свою живучесть.

Съ церковью случилось въ велико-русскомъ мірѣ обратное тому, что было въ южно-русскомъ. Въ южно-русскомъ, хотя она имѣла нравственное могущество, но не довела своей силы до того, чтобъ бездоказательно освящать успѣхъ факта; на востокѣ она необходимо, въ лицѣ своихъ представителей — духовныхъ сановниковъ, должна была сдѣлаться органомъ верховнаго конечнаго суда; ибо для того, чтобъ дѣло приняло характеръ Божія соизволенія, необходимо было признаніе его такимъ отъ тѣхъ, кто обладалъ правомъ рѣшать это. Поэтому церковныя власти на востокѣ стояли несравненно выше надъ массою и имѣли гораздо болѣе возможности дѣйствовать самовластно. Уже въ XII вѣкѣ, именно во время дѣтства Велико-россіи, встрѣчаемъ тамъ епископа Ѳеодора, который, добиваясь признанія независимости своей епархіи, дѣлалъ разныя варварства и насилія. (Много бо пострадаша человѣци отъ него въ держаньи его, и селъ изнебывши и оружья и конь; друзіи же и работъ добыша, заточенья же и грабленья не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ; безжалостивъ сый мучитель, другымъ человѣкомъ головы порѣзывалъ и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзяя, а иныя распиная на стѣнѣ и мучи немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье; имѣнья бо бѣ несытъ яко адъ). Къ сожалѣнію, для насъ остается неизвѣстнымъ, какими средствами и при какихъ условіяхъ достигъ епископъ возможности такъ поступать; но безъ сомнѣнія, онъ опирался здѣсь на свѣтскую власть Андрея Боголюбскаго, который, для освященія своихъ предпріятій, нуждался въ особомъ независимомъ верховномъ сановникѣ церковномъ Владимірской земли, отдѣльно отъ кіевской митрополіи, и сильно домогался, чтобъ патріархъ учредилъ независимаго епископа. Свѣтская власть опиралась на духовную, духовная—на свѣтскую. Въ то время невозможно было юнымъ началамъ, еще не окрѣпшимъ, часто не уступать старымъ, не потерявшимъ еще своей живучести, и потому Ѳеодоръ расплатился въ Кіевѣ за

свою гордыню, какъ выдавшій его головою князь, чрезъ нѣсколько лѣтъ, тоже расплатился въ Боголюбовѣ. Ростовъ былъ въ глазахъ Андрея и Ѳеодора ниже Владимира, ибо Андрей дѣлаетъ епископа независимымъ отъ Ростова. Патріархъ на это не согласился, но посвятилъ Ѳеодора во епископы Ростову, предоставя ему жить во Владимирѣ. Вѣроятно, злодѣянія, которыя допускалъ себѣ Ѳеодоръ, были вызваны оппозиціею, встрѣченною имъ въ Ростовѣ противъ своихъ намѣреній возвыситься во Владимирѣ и въ церковномъ отношеніи, какъ онъ возвысился надъ Ростовомъ въ мірскомъ. Но видно, исполняя сначала волю Андрея, Ѳеодоръ видно уже слишкомъ хотѣлъ показать, какъ важна власть епископа для самого князя. Андрей предалъ его на погибель. Свѣтская власть князя, освящаемая духовною, не допускаетъ, однако, послѣдней подчинить себя, и коль скоро послѣдняя вступаетъ въ борьбу, даетъ ей ударъ. Такъ совершалось и впослѣдствіи въ теченіе всей исторіи Велико-россіи. Духовенство поддерживало князей въ ихъ стремленіи къ единовластію; князья также ласкали духовенство и содѣйствовали ему сильно; но при каждомъ случаѣ, когда духовная власть переставала идти рука объ руку съ единодержавною свѣтскою, послѣдняя сейчасъ давала почувствовать духовной власти, что свѣтская необходима. Это взаимное противовѣсіе вело такъ успѣшно къ дѣлу. Власть свѣтская, подчинившись духовной, допустивши теократическій принципъ, не могла бы идти прямымъ путемъ, не могла бы пріобрѣтать освященія своимъ предпріятіямъ; тогда родились бы сами собою права, которыя бы ее связывали. Но коль скоро духовная пользовалась могуществомъ, которое, однако, всегда могла отъ ней отнять свѣтская, тогда, для поддержанія себя, духовная должна была идти рядомъ со свѣтской и вести ее къ той цѣли, какую избираетъ послѣдняя. Поэтому, въ исторіи Великороссіи мы видимъ неоднократные примѣры, какъ первопрестольники церкви потворствовали свѣтскимъ монархамъ и освящали ихъ дѣла, даже совершенно противныя уставамъ церкви. Такъ митрополитъ Даніилъ одобрилъ разводъ Василія съ Соломоніею и заключеніе

бѣдной великой княгини; а Іоанну IV разрѣшило духовенство четвертый бракъ, которымъ церковь издавна гнушалась. Съ другой стороны, видимъ примѣры, какъ оппозиція духовной власти противъ государей была неудачна. Митрополитъ Филиппъ заплатилъ жизнію за обличеніе душегубствъ и кощунствъ того же Іоанна Грознаго; а царь Алексѣй Михайловичъ не затруднился пожертвовать любимцемъ Никономъ, когда тотъ поднялъ слишкомъ независимо голову, защищая самобытность и достоинство правителя церкви. За то, при обоюдномъ согласіи властей, когда какъ свѣтская не требовала отъ духовной признанія явно противнаго церкви, такъ духовная не думала стать выше свѣтской, церковь фактически обладала всею жизнію — и политическою, и общественною, и власть была могущественна потому, что принимала посвященіе отъ церкви. Такъ-то философія великорусская, сознавъ необходимость общественнаго единства и практическаго пожертвованія личностью, какъ условіемъ всякаго общаго дѣла, довѣрила волю народа волѣ своихъ избранныхъ, предоставила освященіе успѣха высшему выраженію мудрости, и такъ дошла она въ свое время до формулы: Богъ да царь во всемъ! формулы знаменующей крайнее торжество господства общности надъ личностью.

Въ тотъ отдаленный отъ насъ періодъ, который мы назвали дѣтствомъ Великороссіи, въ религіозности великорусской является свойство, составляющее ея отличительную черту, и, впослѣдствіи, въ противорѣчіи съ тѣмъ складомъ, какой религіозность пріобрѣла въ южнорусской стихіи. Это обращеніе къ обрядамъ, къ формуламъ, сосредоточенность во внѣшности. Такимъ образомъ, на сѣверовостокѣ поднимается толкъ о томъ, можно ли ѣсть въ праздники мясо и молочное. Это — толкъ, принадлежащій къ разряду множества расколовъ, существующихъ и въ наше время и опирающихся только на внѣшности.

На югѣ, въ древности, мы встрѣчаемъ два не вполнѣ извѣстныя намъ уклоненія отъ православія, но не въ томъ духѣ, именно — Адріана и Димитрія: они касались существенныхъ уставовъ церкви, и мнѣнія ихъ относились къ кругу ересей, то

есть такихъ несправедливыхъ мнѣній, которыя, во всякомъ случаѣ, возникали отъ умственной работы надъ духовными вопросами; въ этомъ отношеніи, южнорусское племя и впослѣдствіи не отличалось спорами о внѣшности, которыми такъ богатъ сѣверъ. Извѣстно, что втеченіе самыхъ вѣковъ, какъ и теперь, у Малороссіянъ расколовъ и споровъ объ обрядахъ не было. На сѣверѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, состязательство о внѣшности хотя коснулось умственнаго движенія въ духовныхъ вопросахъ въ извѣстномъ толкѣ о *сугубомъ аллилуія* и въ Новгородскомъ спорѣ о томъ, какъ слѣдуетъ произносить: *господи помилуй*, или: *о господи помилуй*,—но едва ли такіе толки въ древности дѣйствительно занимали умы на сѣверѣ, — ибо обстоятельства спора объ аллилуяхъ, извѣстныя изъ житія Ефросина, еще подвержены сомнѣнію, такъ что многіе считаютъ это сочиненіе, дошедшее до насъ не въ современныхъ спискахъ. составленнымъ, или по крайней мѣрѣ, передѣланнымъ раскольниками, старавшимися придать всевозможнѣйшую важность этому вопросу, который, какъ извѣстно, былъ одинъ изъ главныхъ, возбуждавшихъ старообрядчество къ отпаденію отъ господствующаго тѣла русской церкви. Притомъ же въ самой повѣсти о Ефросинѣ изображается, что Псковъ держался *трегубой*, а не *сугубой аллилуи*!

Распространеннѣе и знаменательнѣе было другое еретическое умственное броженіе на сѣверѣ, проявившееся первый разъ въ Стригольникахъ, впродолженіе вѣка тлѣвшее въ умахъ и потомъ разразившееся смѣсью различныхъ толковъ, сгрупированныхъ Іосифомъ Волоцкимъ, въ его «Просвѣтителѣ» около жидовствующей ереси. Это броженіе, чисто новгородскаго пошиба, перешло потомъ во всю Русь и долго подымалось въ различныхъ формахъ оппозиціею противъ авторитета мнѣній. Мы не скажемъ однако, чтобъ такое реформаціонное направленіе имѣло большой успѣхъ въ Новгородскомъ и Псковскомъ мірѣ; оно только показываетъ, что племя южнорусское, въ своихъ уклоненіяхъ отъ церкви, слѣдовало иному пути, чѣмъ великорусское. Въ Южной-Руси, послѣ мимоходныхъ явленій въ XI и

XII вѣкѣ не встрѣчается попытокъ къ оппозиціи противъ авторитета церковной науки, и только въ XVI вѣкѣ стало было кружить аріанство, когда Симонъ Будный распустилъ свой катихизисъ на южнорусскомъ языкѣ и, по свидѣтельству уніатовъ, нѣкоторые священники, по невѣжеству, не подозрѣвая въ немъ ереси, еще и похваливали его. Въ массѣ народа это явленіе не имѣло успѣха.

Единственное уклоненіе отъ православія, увлекавшее до извѣстной степени народъ, была унія съ римско-католическою церковью; но извѣстно, что она вводима была интригами и насиліемъ, при благопріятствующей помощи привлеченнаго къ католичеству дворянства; она въ народѣ нашла противъ себя упорную и кровавую оппозицію. Бѣлорусское племя, вообще болѣе кроткой и податливой натуры, сильнѣе подчинялось гнетущимъ обстоятельствамъ и болѣе показало наклонность, если не принять унію добровольно, то, по крайней мѣрѣ, допустить ее, когда нельзя было не допустить ея иначе, какъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Но въ Южной-Руси было не то. Тамъ народъ, чувствуя насиліе совѣсти, поднялся огромнымъ пластомъ на защиту своей старины и свободы убѣжденія, и въ послѣднее время, даже принявъ унію, гораздо охотнѣе отъ нея отсталъ, чѣмъ Бѣлоруссы. Такъ южнорусское племя, не давая духовенству права безусловнаго освященія факта, въ самой сущности пребыло вѣрнѣе самой церкви, чѣмъ великорусское, обнимая болѣе ея духъ, чѣмъ форму. Въ настоящее время расколъ, изъ за формы, обрядности, буквы, не мыслимъ въ южнорусскомъ народѣ: съ этимъ всякъ согласится, кто сколько нибудь знаетъ этотъ народъ, присмотрѣлся къ его жизни и прислушался къ его коренным понятіямъ.

Мы видѣли, какъ еще въ своемъ дѣтствѣ великорусская стихія, централизируясь во Владимирѣ, а потомъ въ эпоху юности—въ Москвѣ, показывала направленіе къ подчиненію, а потомъ и поглощенію самобытности частей. Въ религіозно-умственной сферѣ отразилось тоже. Образовалась нетерпимость къ чужимъ вѣрамъ, презрѣніе къ чужимъ народностямъ, высоко-

мѣрное мнѣніе о себѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе Московщину въ XV, XVI, XVII столѣтіяхъ, одногласно говорятъ, что Москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Нѣмцы, допущенные жить въ Москвѣ, подвергались презрѣнію отъ Русскихъ; духовенство вопіяло противъ общенія съ ними; патріархъ, неосторожно благословивши ихъ, требовалъ, чтобъ они отличались порѣзче отъ православныхъ наружнымъ видомъ, чтобъ впередъ не получить нечаянно благословенія. Латинская и лютерская, армянская и другая всякая вѣра, чуть только отличныя отъ православной, считались у великоруссовъ проклятыми. Московскіе Русскіе считали себя единственнымъ избраннымъ народомъ въ вѣрѣ, и даже не вполнѣ были расположены къ единовѣрнымъ народамъ—къ Грекамъ и Малороссіянамъ: чуть только что нибудь было несходно съ ихъ народностію, тò заслуживало презрѣнья, считалось ересью; на все несвое они смотрѣли свысока.

Образованію такого взгляда неизбѣжно способствовало татарское порабощеніе. Долгое униженіе подъ властію чужевѣрцевъ и иноплеменниковъ выражалось теперь высокомѣріемъ и униженіемъ другихъ. Освобожденный рабъ способнѣе всего отличаться надменностію. Это то и вынудило то увлеченіе иноземщиною, которое со временъ Петра является въ видѣ реформы. Крайность, естественно, вызываетъ противную крайность.

Въ южнорусскомъ племени этого не было. Издавна Кіевъ, потомъ Владимиръ Волынскій были сборнымъ пунктомъ мѣстопребыванія иноземцевъ разныхъ вѣръ и племенъ. Южноруссы съ незапамятныхъ временъ привыкли слышать у себя чуждую рѣчь и не дичиться людей съ другимъ обличьемъ и съ другими наклонностями. Уже въ X вѣкѣ, и вѣроятно древнѣе, изъ Южной-Руси ходили въ Грецію: одни занимались промыслами въ чужой землѣ, другіе служили въ войскѣ чужихъ государей. Послѣ принятія крещенія, перенесенная въ Южную-Русь юная христіанская цивилизація привлекала туда еще болѣе чужезем-

ной стихіи изъ разныхъ концовъ. Южно-руссы, получивши новую вѣру отъ Грековъ, не усвоили образовавшейся въ Греціи непріязни къ западной церкви; архипастыри, будучи сами чужими, старались пересадить ее на дѣвственную почву, но не слишкомъ успѣвали: въ воображеніи южно-русскомъ католикъ не принималъ враждебнаго образа. Особы княжескаго рода сочетавались бракомъ съ особами владѣтельныхъ домовъ католическаго исповѣданія; тоже, вѣроятно, дѣлалось и въ народѣ. Въ городахъ южно-русскихъ Греки, Армяне, Жиды, Нѣмцы, Поляки, Угры находили вольный пріютъ, ладили съ туземцами: Поляки, забравшись въ Кіевскую землю въ качествѣ пособниковъ князя Изяслава, плѣнились веселостью жизни въ чужой землѣ. Этотъ духъ терпимости, отсутствіе національнаго высокомѣрія, перешелъ впослѣдствіи въ характеръ казачества и остался въ народѣ до сихъ поръ. Въ казацкое общество могъ приходить всякій; не спрашивали: кто онъ, какой вѣры, какой націи. Когда Поляки роптали, что казаки принимаютъ къ себѣ разныхъ бродягъ и, въ томъ числѣ, еретиковъ, убѣгавшихъ отъ преслѣдованій духовнаго суда, казаки отвѣчали, что у нихъ издавна такъ ведется, что каждый свободно можетъ прійдти и уйдти. Непріязненные поступки надъ католическою святынею, во время казацкаго возстанія, происходили не отъ ненависти къ католичеству, а съ досады за насиліе совѣсти и за принужденіе. Походы противъ Турокъ и Крымцевъ, съ одной стороны, имѣли побудительными причинами не слѣпой фанатизмъ противъ *невѣрныхъ*, но мщеніе за ихъ набѣги и за плѣнъ русскихъ жителей, а съ другой — ими водилъ духъ удальства и страсть къ добычѣ, которая необходимо развивается во всякомъ воинственномъ обществѣ, въ какомъ бы племени и въ какой бы землѣ оно ни организовалась. Память о кровавыхъ временахъ вражды съ Поляками не изгладилась у народа до сихъ поръ, но вражды собственно къ римско-католической вѣрѣ, безотносительно къ польской народности, у него нѣтъ. Южно-руссъ не мстителенъ, хотя злопамятенъ ради осторожности. Ни католическій костелъ, ни жидовская синагога не представляются ему погаными мѣс-

тами; онъ не побрезгуетъ ѣсть и пить, войдти въ дружбу не только съ католикомъ или протестантомъ, но и съ Евреемъ, и съ Татариномъ. Но непріязнь вспыхиваетъ у него еще сильнѣе, чѣмъ у Великорусса, если только Южно-руссъ замѣтитъ, что иновѣрецъ или иноземецъ начинаетъ оскорблять его собственную святыню. Коль скоро предоставляется другимъ свобода и оказывается другимъ уваженіе, то естественно — требовать и и для себя такой же свободы и взаимнаго уваженія.

Въ Новгородѣ мы видимъ тотъ же самый духъ терпимости. Иновѣрцы пользовались правомъ безопаснаго жительства и богослуженія; разницы въ отношеніи иновѣрныхъ христіанъ полагалось такъ мало, что въ Кириковыхъ вопросахъ указывается на такое явленіе, что матери носили дѣтей своихъ крестить, вмѣсто православнаго, къ римско-католическому (варяжскому) священнику. Построеніе варяжской церкви въ Новгородѣ произвело въ грядущихъ поколѣніяхъ духовенства легенду, въ которой показывается, какъ естественное стараніе нѣкоторыхъ духовныхъ фанатиковъ вооружить православныхъ туземцевъ противъ иновѣрцевъ было безуспѣшно. Множество инородцевъ-язычниковъ въ Новгородской волости не было обращаемо насильственно къ христіанству. Новгородцы были до того не энергическими распространителями вѣры, что въ Водской землѣ, еще въ XVI вѣкѣ, было язычество. Вѣра расходилась между Водью не скоро,—за то мирнымъ путемъ. Принципъ вѣротерпимости соблазнялъ сильно западное христіанство, когда Новгородъ, подавая помощь чудскимъ народамъ противъ Нѣмцевъ и Шведовъ, хотѣвшихъ насиліемъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ, вступалъ въ непріязненныя отношенія къ Ордену и Швеціи. Папы въ своихъ буллахъ укоряли Новгородцевъ во враждѣ къ христіанству, въ защитѣ язычества и возбуждали противъ нихъ крестовый походъ. Нѣмцы и Шведы, съ которыми приходилось Новгороду и Пскову воевать, были въ глазахъ послѣднихъ политическіе, а не религіозные враги; вражда доходила нѣсколько до религіознаго характера только тогда, когда съ противной стороны оказывалось прямое посягательство на

святыню православной вѣры: тоже самое, что видимъ и въ Южной-Руси. Нехристіане не подвергались также въ Новгородѣ ненависти; доказательство, что Евреи, которые не смѣли появиться въ Великой Руси, въ Новгородѣ до того могли находить пріютъ, что даже въ силахъ были завести еретическую секту и совращать въ нее туземцевъ. Когда съ одной стороны папы и западные духовные обвиняли В. Новгородъ въ пособіи язычникамъ противъ христіанства, съ другой православнымъ сановникамъ не нравилась излишняя вѣротерпимость Новгородцевъ, духовные негодовали на нихъ за общеніе съ Латинами и усвоеніе чужихъ обычаевъ: они хотѣли поддерживать въ народѣ мысль о поганствѣ всѣхъ неправославныхъ, и съ этою цѣлію приказывали предавать церковному освященію съѣстные припасы, полученные изъ-за границы, прежде ихъ употребленія въ пищу.

Изъ этого короткаго историческаго обзора различія, возникшаго въ отдаленныя отъ насъ времена между двумя русскими народностями, можно заключить, что племя южно-русское имѣло отличительнымъ своимъ характеромъ перевѣсъ личной свободы, великорусское—перевѣсъ общности. По коренному понятію первыхъ, связь людей основывается на взаимномъ согласіи, и можетъ распадаться по ихъ несогласію; вторые стремились установить необходимость и неразрывность разъ установленной связи и самую причину установленія отнести къ Божіей волѣ а, слѣдовательно, изъять отъ человѣческой критики. Въ одинакихъ стихіяхъ общественной жизни, первые усвоивали духъ, вторые стремились дать ему тѣло; въ политической сферѣ первые способны были создавать внутри себя добровольныя товарищества, связанныя на столько, на сколько къ тому побуждала насущная необходимость, и прочныя на столько, на сколько существованіе ихъ не мѣшало неизмѣнному праву личной свободы; вторые стремились образовать прочное общинное тѣло на вѣковыхъ началахъ, проникнутое единымъ духомъ. Первое вело къ къ федераціи, но не съумѣло вполнѣ образовать ее; второе повело къ единовластію и крѣпкому государству: довело до перва-

го, создало второе. Первое оказалось много разъ неспособнымъ къ единодержавной государственной жизни. Въ древности оно было господствующимъ на русскомъ материкѣ, и когда пришла неизбѣжная пора или погибнуть, или сплотиться, должно было невольно сойдти со сцены и уступить первенство другому. Въ великорусскомъ элементѣ есть что-то громадное, создательное, духъ стройности, сознаніе единства, господство практическаго разсудка, умѣющаго выстоять трудныя обстоятельства, уловить время, когда слѣдуетъ дѣйствовать, и воспользоваться имъ на сколько нужно... Этого не показало наше южнорусское племя. Его свободная стихія приводила либо къ разложенію общественныхъ связей, либо къ водовороту побужденій, вращавшихъ бѣличьимъ колесомъ народную историческую жизнь. Такими показало намъ эти двѣ русскія народности наше прошедшее.

Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріальному и уступаетъ южно-русскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсень, присмотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другаго племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народнымъ произведеніямъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи; въ нихъ высоко поэтическою является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлилъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ—герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе—его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ возсозданіе. Послѣднее высказывается уже и въ составленіи разбойническихъ шаекъ, кото-

рыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не покажется странными, если мы будемъ усматривать въ разбойническихъ пѣсняхъ ту же стихію общинности, то же стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальный по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы текущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, примѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность опоэтизированья всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія великорусская такъ часто стремится въ область необъятнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто низпадаетъ до простой забавы и развлеченія. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку; тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени оно болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южнорусскихъ пѣсняхъ, уноситъ душу въ область воображенія и согрѣваетъ сердце неземнымъ, нездѣшнимъ огнемъ. Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣсняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, весна и снѣгъ— все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ, въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣсняхъ

изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривіальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матеріею; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко выказывается доблесть и достоинство женской души. Южнорусская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣсняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣзко выражается противуположность натуры того и другаго племени. Въ южнорусскихъ пѣсняхъ этого рода выработывается прелесть слова и выраженія, доходитъ до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, освятить мыслію. Напротивъ, великорусскія пѣсни такого разряда показываютъ не болѣе, какъ стремленіе уставшаго отъ прозаической дѣятельности труда забыться на минуту какъ нибудь, не ломая головы, не трогая сердца и воображенія; пѣсня эта существуетъ не для себя самой, а для боковой декораціи другаго, чисто матеріальнаго удовольствія, и потому часто доводитъ до цинизма.

Въ жизни великорусской, и общественной и домашней, видно болѣе или менѣе отсутствіе того, что составляетъ поэзію южнорусской жизни, какъ и обратно—въ послѣдней мало того, что составляетъ сущность, силу и достоинство первой. Великоруссъ мало любитъ природу; у поселянина вы очень рѣдко можете встрѣтить въ огородѣ цвѣты, которые найдутся почти при каждомъ дворѣ у нашего земледѣльца. Этого мало, Великоруссъ питаетъ какую-то вражду къ произрастеніямъ. Я знаю примѣры, что хозяева рубили деревья возлѣ домовъ, безобразно построенныхъ, думая, что деревья мѣшаютъ красотѣ вида. Въ казенныхъ селахъ, когда наальчство начало побуждать разводить около до-

мовъ ветлы, чрезвычайно трудно было заставить поливать и холить ихъ и предохранять отъ истребленія. Когда въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію правительства, сажали деревья по дорогамъ, это показалось до такой степени народу обременительною повинностію, что до сихъ поръ жалобы и негодованія отразились въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ до чрезвычайности тривіально. Въ Великороссіи много садовъ, но всѣ почти плодовитые, заводятся съ коммерческою цѣлію; рѣдко даютъ въ нихъ мѣсто лѣснымъ деревьямъ, какъ безполезнымъ для матеріальной жизни. Рѣдко можно встрѣтить Великорусса, который бы сознавалъ и чувствовалъ прелесть мѣстоположенія, предался бы созерцанію небеснаго свода, впивался безотчетно глазами въ зеркало озера, освѣщеннаго солнцемъ или луною, или въ голубую даль лѣсовъ, заслушался бы хора весеннихъ птицъ. Ко всему этому почти всегда чуждъ великорусскій человѣкъ, погруженный въ обыденные разсчеты, въ мелкій омутъ матеріальныхъ потребностей. Даже въ образованномъ классѣ, сколько намъ случалось подмѣтить, остается та же холодность къ красотѣ природы, прикрытая, иногда очень неудачно и смѣшно, подражаніемъ западной иноземщинѣ, гдѣ, какъ извѣстно—однимъ по опыту, другимъ—по слуху, хорошій тонъ требуетъ показывать любовь и сочувствіе къ природѣ.

При скудости воображенія, у Великоруссовъ чрезвычайно мало суевѣрій, хотя за то чрезвычайно много предразсудковъ, и они держатся ихъ упорно. Южно-руссы, напротивъ, съ перваго раза представятся въ высшей степени суевѣрнымъ народомъ; въ особенности на западѣ южно-русской земли это сказывается очень разительно (можетъ быть, по удаленности отъ великорусскаго вліянія). Чуть не въ каждомъ селѣ существуютъ поэтическіе разсказы о явленіяхъ мертвыхъ съ того свѣта въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ трогательнаго разсказа о явленіи мертвой матери, обмывающей своихъ малютокъ, до страшнаго образа вампировъ, распинающихся въ полночь на могильныхъ крестахъ и вопіющихъ дикимъ голосомъ: *мяса хочу!*—съ насыпями, разсѣянными въ такомъ изобиліи по бога-

той историческою жизнію странѣ, соединяются преданія о давнопротекшихъ временахъ туманной старины, и въ этихъ преданіяхъ проглядываютъ, сквозь пестро-цвѣтистую сѣть лучей народнаго вымысла, слѣды невошедшей въ писанныя лѣтописи древности. Волшебство со своими причудливыми пріемами; міръ духовъ въ самыхъ разнообразныхъ образахъ и страхахъ, подымающихъ на головѣ волосы, и возбуждающихъ смѣхъ до икоты... все это облекается въ стройные разсказы, въ изящныя картины. Народъ иногда самъ плохо вѣритъ въ дѣйствительность того, что разсказываетъ, но не разстанется съ этимъ разсказомъ, доколѣ въ немъ не погаснетъ чувство красоты, или пока старое не найдетъ обновленія своего поэтическаго содержанія въ новыхъ формахъ.

Совсѣмъ не то въ Великороссіи. Тамъ, какъ мы сказали, одни предразсудки; Великоруссъ вѣритъ въ чертей, домовыхъ вѣдьмъ, потому что получилъ эту вѣру отъ предковъ; вѣритъ потому, что не сомнѣвается въ ихъ дѣйствительности, вѣритъ такъ, какъ бы вѣрилъ въ существованіе электричества или воздушнаго давленія; вѣритъ, потому что вѣра нужна для объясненія непонятныхъ явленій, а не для удовлетворенія стремленія возвыситься отъ плоской юдоли матеріальной жизни въ сферу свободнаго творчества. Вообще фантастическихъ разсказовъ у него мало. Черти, домовые очень матеріальны; сфера загробной жизни, духовный міръ, мало занимаетъ Великорусса, и почти нѣтъ исторій о явленіяхъ души послѣ смерти; если же она встрѣчается, то заимствованная изъ книгъ и новыхъ и старыхъ, и скорѣе въ церковной обработкѣ, а не въ народной. За то, по духу терпимости, Великоруссъ гораздо упорнѣе въ своихъ предразсудкахъ. Я былъ свидѣтелемъ случая очень характеристическаго, когда одного господина обвиняли въ безбожіи и богохульствѣ за то, что онъ отозвался съ пренебреженіемъ о вѣрѣ въ существованіе чертей.

Въ кругу грамотныхъ людей, только что вступающихъ въ книжную сферу, можно наблюдать, какія книги особенно занимаютъ Великорусса и на что именно онъ обращаетъ вниманіе въ

этихъ книгахъ. Сколько мнѣ удалось замѣтить—или серьезныя книги, но только такія, которыя прямо относятся къ занятію читателя, и даже только то изъ нихъ, что можетъ быть примѣнено къ ближайшему употребленію, или же легкое, забавное, служащее минутному развлеченію безъ созерцанія построенія, безъ сознанія идеи: поэты читаются или съ цѣлію развлеченія (и въ этомъ случаѣ нравится въ нихъ то, что можетъ слегка пробѣгать по чувствамъ своимъ разнообразіемъ или необыкновенностью положенія), или же для того, чтобъ показать, что читатель образованъ настолько, чтобъ понимать то, что считается хорошимъ. Часто можно встрѣчать лица, которыя даже восторгаются красотами поэзіи, но въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошенько осязать ихъ душу, то увидишь, что играетъ не истинное чувство, а только аффектація. Аффектація—признакъ отсутствія истиннаго пониманія поэзіи. Аффектація—въ нашемъ образованномъ обществѣ—черта черезчуръ обычная; оттого-то, кажется, у насъ и замѣтно сочувствіе къ французамъ преимущественно предъ другими народами, потому что это народъ, заявившій себя мало поэтическимъ, народъ, у котораго литература и искусство и отчасти даже наука—на эффектахъ.

Если у Великоруссовъ былъ истинно великій, геніальный, самобытный поэтъ, то это Пушкинъ. Въ своемъ безсмертномъ, великомъ Евгеніи Онѣгинѣ, онъ выразилъ одну только половину великорусской народности такъ называемаго образованнаго и свѣтскаго круга. Удачные описатели нравовъ и быта были, но это не творцы-поэты, которые бы заговорили языкомъ всей массы, сказали бы то и такъ, за что съ чувствомъ схватилась бы масса, какъ бы невольно долженъ былъ сказать каждый изъ этой массы, и сказать голосомъ поэзіи, а не прозы. Но, повторимъ, мы далеки отъ того, чтобы отрицать въ великорусскомъ народѣ поэтическій элементъ, напротивъ, быть можетъ, онъ выше и глубже нашего; онъ обращенъ не на сферу воображенія и чувства, онъ хранится для сферы воли и свѣтлой думы. Пѣсни великорусскія не нравятся долго; надобно изучать ихъ, проникнуться духомъ, чтобъ уразумѣть ту оригинальнѣйшую поэ-

зію, которая потому-то и недоступна сразу, что ожидаетъ еще великихъ творцевъ, которые облекли бы ее въ художественныя созданія.

Въ сферѣ религіозности мы уже показали рѣзкое отличие южнорусской народности отъ великорусской въ совершенномъ непричастіи первой къ расколамъ и отпаденіямъ отъ церкви изъ за обрядовъ и формулъ. Любопытно разрѣшить вопросъ, откуда въ Великороссіи возникло это оригинальное настроеніе, это стремленіе спорить за букву, придавать догматическую важность тому, что составляетъ часто не болѣе, какъ грамматическій вопросъ или дѣло обрядословія? Кажется, что это происходитъ отъ того же практическаго матеріальнаго характера, которымъ вообще отличается сущность великорусской натуры. Въ самомъ дѣлѣ, наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ нерѣдко людей истинно христіанской нравственности, которыхъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало внутренняго благочестія, піетизма; мы встрѣчаемъ ханжей, изувѣровъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но также безъ внутренняго благочестія, большею частью хладнокровныхъ къ дѣлу религіи, исполняющихъ внѣшнюю ея сторону по привычкѣ, мало отдающихъ себѣ отчета, почему это дѣлается, и наконецъ въ высшемъ, такъ называемомъ, образованномъ классѣ, лицъ мало вѣрующихъ, или и совсѣмъ невѣрующихъ, не вслѣдствіе какого нибудь мысленнаго труда и боренія, а по увлеченію, потому что имъ кажется невѣріе признакомъ просвѣщенія. Истинно благочестивыя натуры составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ— признаки не народности, не общаго натурѣ народной, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между Южноруссами мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ. У этого народа много именно того, что не достаетъ у Великоруссовъ; у нихъ сильно чувство всеприсутствія Божія, душевное умиленіе, внутренне обращеніе къ Богу, тайное размышленіе о Промыслѣ, надъ собою, сердечное влеченіе къ духовному, неизвѣстному, таин-

ственному и отрадному міру. Южноруссы исполняютъ обряды, уважаютъ формулы, но не подвергаютъ ихъ критикѣ; въ голову не войдетъ никакъ, нужно ли два или три раза пѣть аллилуіа, тѣми или другими пальцами слѣдуетъ дѣлать крестное знаменіе; и если бы возникъ подобный вопросъ, то для разрѣшенія его достаточно объясненія священника, что такъ постановила церковь. Если бы понадобились какія нибудь измѣненія въ наружныхъ сторонахъ богослуженія или переводѣ книгъ св. писанія, Южноруссы никогда не возстали бы противъ этого, имъ бы не взошла мысль подозрѣвать какого нибудь искаженія святыни. Они понимаютъ, что внѣшность устанавливается церковью, изображаемою видимо въ ея руководящихъ членахъ, и что эти члены постановятъ, не извращая сущности, міряне безпрекословно этому должны слѣдовать; ибо коль скоро та или другая внѣшность выражаетъ одну и ту же сущность, та самая внѣшность не представляетъ и такой важности, чтобъ можно сдѣлать ее предметомъ спора. Намъ случалось говорить съ религіозными людьми и той и другой народности; Великоруссъ проявляетъ свою набожность въ словоизвитіяхъ надъ толкованіемъ внѣшности, буквы, принимаетъ въ этомъ важное участіе; если онъ строго православный, то православіе его состоитъ преимущественно во внѣшней сторонѣ; Южноруссъ станетъ изливать свое религіозно-нравственное чувство; рѣдко начнетъ толковать о богослуженіи, объ обрядахъ, праздникахъ, а скажетъ свое благочестивое впечатлѣніе, производимое на него богослуженіемъ, торжественностію обряда, высокимъ значеніемъ праздника и т. д. За то у насъ и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ Великоруссовъ; невѣріе внѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы; напротивъ, мы видѣли великорусскихъ юношей, воспитанныхъ, какъ видно, съ дѣтства въ строгой набожности, въ исполненіи предписанныхъ церковныхъ правилъ; но они, при первомъ легкомъ нападеніи, а нерѣдко вслѣдствіе нѣсколькихъ остроумныхъ выраженій, покидаютъ знамя религіи, забываютъ внушенія дѣтства и, безъ борьбы, безъ постепенности, переходятъ къ край-

нему безвѣрію и матеріализму. Народъ южнорусскій — глубоко религіозный народъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; такъ или иначе поставили его обстоятельства, то или другое воспитаніе было бы имъ усвоено, до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сумма главныхъ признаковъ, составляющихъ его народность, онъ сохранитъ въ себѣ начало религіи: это неизбѣжно при томъ поэтическомъ настроеніи, которымъ отличается его духовный складъ.

Въ общественныхъ понятіяхъ, исторія напечатлѣла, на двухъ нашихъ народностяхъ, свои слѣды и установила въ нихъ понятія совершенно противоположныя. Стремленіе къ тѣсному слитію частей, уничтоженіе личныхъ побужденій подъ властію общихъ, ненарушимая законность общей воли, выраженная какъ бы смысломъ тяжелой судьбы, совпадаютъ въ великорусскомъ народѣ съ единствомъ семейнаго быта и съ поглощеніемъ личной свободы идеею *міра*, выразились въ народномъ бытѣ недѣлимостію семей, общинною собственностію, тягломъ посадовъ и селъ въ старину, гдѣ невинный отвѣчалъ за виновнаго, трудолюбивый работалъ за лѣниваго. Какъ глубоко лежитъ это въ душѣ Великорусса, показываетъ то, что по поводу устройства крестьянъ въ наше время, заговорили въ пользу этого Великоруссы съ разныхъ точекъ зрѣнія, подъ вліяніемъ и запоздалаго московскаго славянофильства, и новомоднаго французскаго соціализма. Для Южно-русса нѣтъ ничего тяжеле и противнѣе такого порядка, и семьи южно-русскія дѣлятся и дробятся, какъ только у членовъ ихъ является сознаніе о потребности самобытной жизни. Опека родителей надъ взрослыми дѣтьми кажется для Южноруссa несноснымъ деспотизмомъ. Претензія старшихъ братьевъ надъ меньшими, какъ дядей надъ племянниками, возбуждаетъ неистовую вражду между ними. Кровная связь и родство мало располагаютъ у насъ людей къ согласію и взаимной любви; напротивъ, очень часто люди кроткіе, привѣтливые, мирные и уживчивые находятся въ непримиримой враждѣ со своими кровными. Ссоры между родными — явленіе самое обыкновенное и въ низшемъ и въ высшемъ классѣ. Напротивъ у Великоруссовъ,

кровная связь заставляетъ человѣка нерѣдко быть къ другому дружелюбнѣе, снисходительнѣе, даже когда онъ вообще не отличается этими качествами въ отношеніи къ чужимъ. Въ Южной-Руси, чтобъ сохранить любовь и согласіе между близкими родственниками, надобно имъ разойдтись и какъ можно менѣе имѣть общаго. Взаимный долгъ, основанный не на свободномъ соглашеніи, а на роковой необходимости, тягостенъ для Южно-русса, тогда какъ Великорусса онъ болѣе всего успокоиваетъ и умиряетъ его личныя побужденія. Великоруссъ изъ покорности долгу готовъ принудить себя любить своихъ ближнихъ по крови, хотя бы они ему не по душѣ, снизходить къ нимъ, потому что они ему сродни, чего бы онъ не сдѣлалъ по убѣжденію; онъ готовъ для нихъ на личное пожертвованіе, сознавая, что они того не стоятъ, но что они все-таки *своя кровь*. Южно-руссъ, напротивъ, готовъ, кажется, разлюбить ближняго за то, что онъ его кровный, менѣе снисходителенъ къ его слабостямъ, чѣмъ къ чужому, и вообще родство ведетъ его не къ утвержденію добраго расположенія, а скорѣе къ его ослабленію. Нѣкоторые Великоруссы, пріобрѣвшіе себѣ въ Южной-Руси имѣнія, затѣвали иногда вводить въ малорусскія семьи великорусскую плотность и недѣлимость, и плодомъ этого были отвратительныя сцены: нетолько родные братья готовы были поминутно завести драку, но сыновья вытаскивали отцовъ своихъ за волосы чрезъ пороги дома. Чѣмъ болѣе принципъ семейной власти и прочной кровной связи внѣдряется въ жизнь, тѣмъ превратнѣе она на нее дѣйствуетъ. Южно-руссъ тогда почтительный сынъ, когда родители оставляютъ ему полную свободу и сами, на старости лѣтъ, подчиняются его волѣ; тогда добрый братъ, когда съ братомъ живетъ какъ сосѣдъ, какъ товарищъ, не имѣя ничего общаго, нераздѣльнаго. Правило: *каждому свое*, соблюдается въ семействахъ; не только взрослые члены семьи не надѣваютъ одежды другаго, даже у дѣтей у каждаго свое; у Великоруссовъ, въ крестьянскомъ быту, часто двѣ сестры не знаютъ кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или другой тулупъ, а объ отдѣльной принадлежности у дѣтей не бываетъ и помина.

Обязательная общинность земская и отвѣтственность личности міру для Южноруссa есть въ высшей степени несноснѣйшее рабство и несправедливость. Не смѣть назвать ничего своимъ, быть батракомъ какого-то отвлеченнаго понятія о *мірѣ*, отвѣчать за другаго безъ собственнаго желанія — ко всему этому не расположила народъ южнорусскій его прошедшая жизнь. *Громада*, по южнорусскому понятію, совсѣмъ не то, что *міръ* по великорусскому. Громада есть добровольная сходка людей; кто хочетъ — въ ней участвуетъ, кто не хочетъ — выходитъ; такъ какъ въ Запорожьѣ — кто хотѣлъ — приходилъ, кто хотѣлъ выходилъ оттуда добровольно. По народному понятію, каждый членъ громады есть самъ по себѣ независимая личность, самобытный собственникъ; обязанность его къ громадѣ только въ сферѣ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаютъ связь между ея членами для взаимной безопасности и выгодъ каждаго, — тогда-какъ, по великорусскому понятію, міръ есть какъ-бы отвлеченное выраженіе общей воли, поглощающей личную самобытность каждаго. Главное различіе здѣсь, конечно, проистекаетъ отъ поземельной общинности. Коль скоро членъ міра не можетъ назвать своею собственностію участокъ земли, который онъ обработываетъ, онъ уже не свободный человѣкъ. Мірское устройство великорусское есть стѣсненіе, и потому форма послѣдняго, введенная властію, приняла въ себя духъ и смыслъ, господствующій въ Великороссіи; корень его лежалъ уже въ глубинѣ народной жизни: оно истекло нравственно изъ того же стремленія къ тѣсному сплоченію, къ единству общественному и государственному, которое составляетъ, какъ мы показали, отличительный признакъ великорусскаго характера. Частная поземельная собственность выводится такимъ легальнымъ путемъ изъ великорусской общественной философіи. Все общество отдаетъ свою судьбу олицетворенію своей власти, тому лицу, которое поставляетъ надъ обществомъ Богъ, и, слѣдовательно, все обязано ему повиновеніемъ. Такимъ образомъ, все принадлежитъ ему безусловно, какъ намѣстнику Божію; отсюда понятіе, что все Божье да

царское. И предъ царемъ, какъ и предъ Богомъ, всѣ равны. Но какъ Богъ одного возвышаетъ, награждаетъ, а другаго караетъ, унижаетъ, такъ поступаетъ и царь, исполняющій на землѣ Божественную волю. Это выражается прекрасно пословицею: «воля Божья, судъ царевъ». Отсюда народъ безропотно сносилъ даже и то, что, казалось, превосходило мѣры человѣческаго терпѣнія, какъ, напримѣръ, душегубства Іоанна Грознаго. Царь дѣлалъ несправедливо, жестоко, но тѣмъ не менѣе онъ былъ орудіемъ Божіей воли. Противиться царю, хотя бы и неправедному, значитъ — противиться Богу: и грѣшно и неполезно, потому-что Богъ пошлетъ еще худшія бѣды. Имѣя безусловную власть надъ обществомъ, царь есть *государь*, то есть полный владѣтель-собственникъ всего государства. Слово *государь* именно означало собственника, имѣющаго право безусловно, по своему усмотрѣнію, распоряжаться всѣмъ, что есть въ его государствѣ, какъ своими вещами. Оттого-то древніе Новгородцы, воспитавшіе себя подъ иными началами, различные притомъ отъ Великоруссовъ по народности, такъ взволновались, когда Иванъ III задумалъ измѣнить древній титулъ *господина* на титулъ *государя*. Понятіе господина выражало лицо, облеченное властію и уваженіемъ; господъ могло быть много: и владыко былъ господинъ, и посадникъ — господинъ; но государь былъ лицо, о власти котораго не могло быть и разсужденія: онъ былъ единъ, какъ единъ собственникъ вещи; Иванъ домогался быть государемъ въ Новгородѣ, хотѣлъ замѣнить собою Великій Новгородъ, который былъ до того времени государемъ; также точно, какъ въ Великороссіи великій князь замѣнилъ общественную волю всей націи. Будучи самодержавнымъ творцомъ общественныхъ условій, государь дѣлалъ все и, между прочимъ, жаловалъ за службу себѣ землями. Такимъ образомъ, земля принадлежала, по первоначальному понятію, міру, т. е., всему обществу; по передачѣ этого права — лицу государя, давалась отъ послѣдняго въ пользованіе отдѣльнымъ лицамъ, которыхъ угодно было государю возвысить и надѣлить. Мы го-

воримъ *пользованіе*, потому-что въ точномъ значеніи *собственниковъ* не было. То, что давалось отъ царя, всегда могло быть отнято и отдано другому, что безпрестанно и случалось. Какъ скоро образовалось отношеніе рабочихъ къ такому землевладѣльцу, то землевладѣлецъ, естественнымъ порядкомъ, получилъ значеніе олицетвореннаго міра, также какъ царь въ значеніи олицетворенной націи. Крѣпостной человѣкъ соединялъ свою судьбу съ достоинствомъ господина: воля барина стала для него замѣнять собственную волю, точно также, какъ тамъ, гдѣ не было барина, эту собственную личную волю поглощалъ міръ. У помѣщичьихъ крестьянъ земля принадлежитъ барину, который даетъ ее лицамъ, землевладѣльцамъ, по своему усмотрѣнію; такъ и у казенныхъ крестьянъ: земля отдана міру въ пользованіе, а міръ, по своему усмотрѣнію, даетъ ее отдѣльнымъ лицамъ въ пользованіе. Въ Южной-Руси, которой историческая жизнь текла иначе, не составилось такого понятія о мірѣ. Тамъ прежнія древнія удѣльно-вѣчевыя понятія продолжали развиваться и встрѣтились съ польскими, которыя, въ основѣ своей, имѣли много общаго съ первыми, и если измѣнились, то вслѣдствіе западно-европейскихъ понятій. Древнѣе право личной свободы не было поглощено перевѣсомъ общественнаго могущества и понятіе объ общей поземельной собственности не выработалось. Польскія идеи произвели въ старорусскихъ только тотъ переворотъ, что регулировали послѣднія. Каждый земледѣлецъ былъ независимымъ собственникомъ своего достоянія; польское вліяніе только обезопасило его отъ произвола народной воли, и прежде выражавшагося самодѣйствіемъ общества, въ смыслѣ соединенія свободныхъ личностей, и облекло его владѣніе de facto правомъ. Такимъ образомъ, оно возвысило богатыхъ и вліятельныхъ, образовало высшій классъ, а массу бѣднаго народа повергло въ порабощеніе. Но тамъ магнатъ владѣлецъ не представлялъ собою выраженія царской, а чрезъ нее и барской, воли: онъ владѣлъ *по праву*; въ переводѣ на болѣе простой языкъ — право это выражало силу, торжество

обстоятельствъ и давность происхожденія. Тамъ крестьянинъ не могъ дать своему господину никакого значенія священной воли, потому что онъ отвлеченнаго права не понималъ, потому-что самъ имъ пользовался, а олицетворенія онъ не видалъ, потому что его господинъ былъ свободный человѣкъ. Естественно, и рабъ, при первой возможности, желалъ сдѣлаться свободнымъ; тогда какъ въ Великороссіи онъ не могъ этого желать, потому что находилъ своего господина зависящимъ отъ другой, высшей воли, такъ же, какъ онъ самъ зависѣлъ отъ него. У Южноруссовъ рѣдко были случаи, чтобъ крѣпостной былъ искренно расположенъ къ своему господину, чтобъ такъ былъ связанъ съ нимъ безкорыстною, будто сыновнею любовью, какъ это нерѣдко мы видѣли въ мірѣ отношеній господъ къ крестьянамъ и слугамъ въ Великоруссіи. У Великороссіянъ встрѣчаются примѣры трогательной привязанности такого рода. Крѣпостной человѣкъ, слуга, рабъ, нерѣдко преданъ своему барину вполнѣ, душою и сердцемъ, даже и тогда, когда баринъ не цѣнитъ этого. Онъ хранитъ барское добро, какъ свое, радуется, когда честолюбивый баринъ его получаетъ почетъ. Намъ случалось видѣть господскихъ слугъ, которымъ повѣрялось завѣдывать какимъ-нибудь интересомъ. Сами довѣренные были естественные плуты и надували всякаго въ пользу своего барина, но въ отношеніи послѣдняго были аристидовски честны и прямодушны. Напротивъ, Малороссы оправдываютъ пословицу: волка сколько ни корми, все въ лѣсъ смотритъ. Если крѣпостной слуга не обманетъ господина, то потому, что ни кого не обманываетъ; но если ужъ искусился на обманъ, то обманетъ прежде своего барина. Какъ часто случалось слышать жалобы на Малороссіянъ отъ тѣхъ владѣльцевъ, которые, будучи Великоруссами по происхожденію, пріобрѣли себѣ населенныя имѣнія въ южнорусскомъ краѣ. Напрасно добрымъ обращеніемъ и справедливостью старались они привязать къ себѣ подданныхъ; барскія работы исполнялись всегда безъ желанія, и отъ того-то между высшимъ классомъ у насъ распространилось убѣжденіе, что Малороссіяне—народъ лѣнивый. Ни искренно-

сти, ни привязанности. Страхъ дѣйствуетъ на нихъ успѣшнѣе, и потому добрые господа дѣлались суровыми. Обыкновенно старались окружить свою особу Великоруссами, а съ малороссійскими крестьянами находились въ далекихъ отношеніяхъ, какъ бы къ чуждому народу. Тоже самое и еще хуже для Малорусса — *міръ* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова. Что касается до укора, дѣлаемаго обыкновенно Малороссіянамъ въ лѣни, то они дѣлаются такими подъ условіями чуждыхъ имъ общественныхъ началъ крѣпостнаго или мірскаго права: послѣднее выражается для Малороссіянъ (которые не скованы узами общинной собственности) связью различныхъ условій, ограничивающихъ ихъ свободное распоряженіе собою и своимъ достояніемъ, приближающихся къ мірскому устройству. Вообще же упрекъ въ лѣности несправедливъ; даже можно замѣтить, что Малорусъ, по своей природѣ, трудолюбивѣе Великоруса и всегда такимъ показываетъ себя, коль скоро находитъ свободный исходъ своей дѣятельности.

Совсѣмъ другое отношеніе южно-русской народности къ польской. Если южно-русскій народъ дальше отъ польскаго, чѣмъ отъ великорусскаго, по составу языка, то за то ближе къ нему по народнымъ свойствамъ и основамъ народнаго характера. Такой или подобной противоположности, какую мы замѣтили между Великоруссами и Южно-руссами, не существуетъ между Поляками и Южно-руссами ни во внутренней, ни во внѣшней сторонѣ быта; напротивъ, если бы пришлось находить коренные признаки различія Поляковъ отъ Великоруссовъ, то во многомъ пришлось бы повторить тоже, что сказано о Южно-руссахъ. Но за то, при такой близости, есть бездна, раздѣляющая эти два народа и при томъ — бездна, черезъ которую построить мостъ не видно возможности. Поляки и Южно-руссы — это какъ бы двѣ близкія вѣтви, развившіяся совершенно противно: одни воспитали въ себѣ и утвердили начала панства, другіе—мужицства, или, выражаясь словами общепринятыми, одинъ народъ — глубоко-аристократическій, другой — глубоко-демократическій. Но эти термины не вполнѣ подходятъ подъ условія нашей исторіи

и нашего быта; ибо какъ польская аристократія слишкомъ демократическая, такъ, наоборотъ, аристократична южно-русская демократія. Тамъ панство ищетъ уравненія въ своемъ сословіи; здѣсь народъ, равный по праву и положенію, выпускаетъ изъ своей массы обособляющіяся личности, и потомъ стремится поглотить ихъ въ своей массѣ. Въ польской аристократіи не могло никакъ приняться феодальное устройство; шляхетство не допускало, чтобъ изъ его сословія одни были по правамъ выше другихъ. Съ своей стороны, южно-русскій народъ, устанавливая свое общество на началахъ полнѣйшаго равенства, не могъ удержать его и утвердить такъ, чтобъ не выступали лица и семьи, стремившіяся сдѣлаться родами съ правомъ преимущества и власти надъ массою народа. Въ свою очередь, масса возставала противъ нихъ то глухимъ негодованіемъ, то открытымъ противодѣйствіемъ. Вглядитесь въ исторію Новгорода—на сѣверѣ, и въ исторію Гетманщины—на югѣ. Демократическій принципъ народнаго равенства служитъ подкладкою; но на ней безпрестанно приподнимаются изъ народа высшіе слои, и масса волнуется и принуждаетъ ихъ уложиться снова. Тамъ нѣсколько разъ толпа черни, подъ возбудительные звуки вѣчеваго колокола, раззоряетъ и сожигаетъ до-тла Прусскую улицу—гнѣздо боярское; тутъ нѣсколько разъ *черная* или *чернецкая рада* истребляетъ *значныхъ кармазинниковъ;* и не исчезаетъ однако Прусская улица въ Великомъ Новгородѣ, не переводятся *значные* въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра. И тамъ и здѣсь эта борьба губитъ общественное зданіе и отдаетъ его въ добычу болѣе спокойной, менѣе сознающей необходимость прочной общины, народности.

Замѣчательно, какъ народъ долго и вездѣ сохраняетъ завѣтныя привычки и свойства своихъ прародителей: въ Черноморьѣ, на Запорожскомъ новосельѣ, по разрушеніи Сѣчи, совершалось то же, что нѣкогда въ Малороссіи. Изъ общинъ, составлявшихъ курени, выдѣлялись личности, заводившія себѣ особые хутора. Въ южно-русскомъ сельскомъ быту совершается почти подобное въ своей сферѣ. Зажиточныя семьи возвышаются надъ массою и ищутъ надъ нею преимущества, и за то масса ихъ

ненавидитъ; но у массы нѣтъ понятія, чтобъ человѣкъ лишался самодѣятельности, нѣтъ началъ поглощенія личности общинностію. Каждый ненавидитъ богача, знатнаго, не потому, чтобъ онъ имѣлъ въ головѣ какую нибудь утопію о равенствѣ, а, завидуя ему, досадуетъ, почему онъ самъ не таковъ.

Судьба южно-русскаго племени устроилась такъ, что тѣ, которые выдвигались изъ массы, обыкновенно теряли и народность; въ старину они дѣлались Поляками, теперь дѣлаются Великороссіянами: народность южно-русская постоянно была и теперь остается достояніемъ простой массы. Если же судьба оставитъ выдвинувшихся въ сферѣ прадѣдовской народности, то она какъ-то ихъ поглощаетъ снова въ массу и лишаетъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ.

Съ польскою народностію совершалось обратное: тамъ личности, выдвинувшіяся изъ массы, если они были Поляки, не мѣняютъ своей народности, не идутъ назадъ, но образуютъ твердое сословіе. Исторія связала Поляковъ съ Южно-руссами такъ, что значительная часть польской шляхты есть ни что иное, какъ переродившіеся Южно-руссы, именно тѣ, которые, силою счастливыхъ для нихъ обстоятельствъ, выдвинулись изъ массы. Оттого и образовалось въ отношеніи этихъ народностей такое понятіе, что польская есть панская, господская, а южнорусская—холопская, мужицкая. Понятіе это остается и до сихъ поръ, и проявляется въ попыткахъ Поляковъ на такъ называемое сближеніе ихъ съ нами. Поляки, толкующіе о братствѣ, о равенствѣ, въ отношеніи южно-русскихъ высказываютъ себя панами. Подъ различными способами выраженія, они говорятъ имъ: будьте Поляками; мы хотимъ васъ, мужиковъ, сдѣлать панами. И тѣ, въ либеральныя и честныя намѣренія, которыхъ мы вѣримъ, говорятъ въ сущности тоже: если не идетъ дѣло о господствѣ и подавленіи нашего народа матеріально, то неоспоримо и явно ихъ желаніе подавить и уничтожить южно-руссовъ духовно, сдѣлать ихъ Поляками, лишить насъ своего языка, своего склада понятій, всей нашей народности, заключивъ ее въ польскую, что такъ ясно проявляется въ Галиціи.

1861.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЧЕРТЫ

НАРОДНОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I.

Южно-русская Земля. — Поляне-Руссь. — Древляне (Полѣсье). — Волынь. — Подоль. — Червоная Русь.

Древнѣйшія извѣстія о народахъ, занимавшихъ Южно-русскую Землю очень скудны; впрочемъ, не безъ основанія: руководствуясь какъ географическими, такъ и этнографическими чертами, слѣдуетъ отнести къ южно-русской исторіи древнія извѣстія объ Антахъ, по крайней мѣрѣ къ юго-западной отрасли этого народа. По извѣстію нашего лѣтописца, — Улучи, Бужане и Тиверцы имѣли много городовъ по Бугу и Днѣстру вплоть до устья Дуная и до моря; они назывались у Грековъ *Великая Скуфь*. Лѣтописецъ нашъ понималъ такъ, что подъ этимъ народомъ должно разумѣть народъ, извѣстный Грекамъ; и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ у греческихъ писателей Антовъ—народъ славянскаго происхожденія, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Невозможно, чтобъ подъ именемъ Антовъ разумѣлись только днѣстрянскіе жители; безъ всякаго сомнѣнія, этому имени придавали пространнѣйшее географическое значеніе. По толкованію ученыхъ, *антъ* есть прозваніе старонѣмецкое

Szafarik, 402) и значитъ — *великанъ;* это наводитъ насъ на предположеніе, что слово «антъ» должно быть то же названіе, что и *Великая Скуфь* нашего лѣтописца. Невольно мы встрѣчаемъ соотношеніе съ южно-русскимъ преданіемъ о томъ, что въ Украинѣ, въ древности, жили люди исполинскаго роста— *Вѐлетні*, т. е. великаны, ходившіе съ цѣлой сосной въ рукѣ. опираясь на нее какъ на палку. Это высокорослое племя оставило свои слѣды въ тѣхъ земляныхъ валахъ и *могилахъ* (курганахъ), которыми усыпана Южная Русь. За свои грѣхи и за вражду между собою, они были потоплены; послѣ нихъ явились другіе великаны, — погибли тоже въ свою очередь, и съ тѣхъ поръ родъ человѣческій началъ мельчать. Преданіе о великанахъ, теперь уже сбилось съ пути и, кажется въ немъ надобно искать два преданія: въ одномъ, народъ признаетъ великановъ предками своими, воображаетъ, что прежде родъ человѣческій былъ рослѣе и массивнѣе, а впослѣдствіи измельчалъ; а въ другомъ признаетъ великановъ враждебными предкамъ народа, къ которому принадлежатъ разказчики, и даже нерѣдко самихъ этихъ великановъ считаетъ болѣе фантастическими чудовищами, чѣмъ людьми. Эти великаны имѣютъ соотношеніе съ змѣями, такое значительное мѣсто занимающими въ нашихъ сказкахъ, и, какъ видно, то же что въ лѣтописныхъ преданіяхъ древніе Обры (чешск. Obr, польск. Olbrzym—великанъ), враги и мучители Славянскаго племени.

Сдово *вѐлетні* и преданія о древнихъ исполинахъ указываютъ на сходство, а можетъ быть и единство ихъ со словомъ *Велыняне*, которымъ, по словамъ нашей лѣтописи, замѣнились народныя названія Бужанъ и Дулибовъ. У лѣтописца нашего говорится въ одномъ мѣстѣ «Бужане», послѣ же «Велыняне», а въ другомъ мѣстѣ, ниже перваго,—«Дулебы сидяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне». Или Дулебы были славянская вѣтвь, впослѣдствіи замѣщенная другою, или же одно названіе, древнее, одного и того же народа, замѣнилось другимъ—Велыняне.

Слѣды названія Дулибовъ остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по Горыни. Такъ на рѣкѣ Туріи есть де-

ревня Дулибы, между Никополемъ и Гущею (въ Ровенскомъ уѣздѣ); три деревни подъ этимъ именемъ, въ восточной Галиціи, на рѣкѣ Стрипѣ и въ губерніи Подольской; сверхъ того, созвучныя названія попадаются и въ другихъ мѣстахъ Руси, даже не южной; напримѣръ— Дулебчина въ Гродненской губерніи. Это распространеніе имени Дулибовъ по пространству Русскаго міра указываетъ, что оно нѣкогда имѣло значеніе шире и не ограничивалось однимъ только краемъ на Волыни.

Слово Велыняне кажется имѣетъ тождество съ *Велынянами*, Массуди, которые были нѣкогда сильнымъ народомъ, имѣли своего князя Мажека. Это указываетъ какъ бы на то, что въ древности народы южнорусскіе составляли одно тѣло, въ извѣстной степени сильное, которое приняло названіе Велынянъ, т. е. великаго народа. *Велінний* значитъ то же, что *великий*, то же что *антъ*. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ славянскаго племени, то, вѣроятно, и подъ Велынянами разумѣется не одинъ какой либо народъ, а союзъ южнорусскихъ народцевъ. Итакъ названіе Антовъ и Велынянъ и преданія о *Велетняхъ*, состоятъ между собою въ связи и указываютъ на древнее единство и взаимную связь народовъ Южной Руси.

Западная часть этого народа, уже близъ самыхъ горъ Карпатскихъ, носила названіе *Хорватовъ*. Правдоподобно производятъ это имя отъ hrb—*холмъ*, и въ такомъ случаѣ Хорваты будутъ то же, что Горали или Гуцулы — жители Карпатскихъ горъ и ихъ подножія. Назывались ли Хорватами жители восточной Галиціи къ границамъ нынѣшней Россіи? Едва ли. По Днѣстру,—какъ говорятъ—жили Улучи и Тиверцы; слѣдовательно, жители береговъ этой рѣки не назывались Хорватами.

Хорваты, конечно, были близки къ Тиверцамъ и Улучамъ; и теперь потомки Хорватовъ, какъ потомки послѣднихъ, — Южно-руссы по языку, съ незначительными мѣстными отмѣнами.

Давнее знакомство съ Греками, вѣроятно, способствовало цивилизаціи южно-русскаго народа и, конечно, она бы стояла на

значительной степени, если бы, притомъ, не препятствовали ея развитію безпрестанные находы съ Востока дикихъ ордъ, причинявшихъ ему раззореніе. Онъ былъ народъ земледѣльческій,— объ этомъ свидѣтельствуютъ Греки въ описаніи Антовъ; да и изъ нашихъ лѣтописцевъ это видно, какъ показываетъ самое преданіе о томъ, что Обры запрягали Дулибовъ въ плуги. Обрядъ, отправляемый отцомъ семейства въ сочельникъ, по своему сходству съ обрядомъ Свантовитова богослуженія въ Арконѣ, указываетъ на свою древность и своимъ характеромъ свидѣтельствуетъ о древности земледѣлія у южно-русскихъ Славянъ.

Множество городовъ у днѣстрянскихъ жителей, Улучей, показываетъ, съ одной стороны—небезопасность края, гдѣ жители подвергались непріятельскимъ набѣгамъ и должны были укрываться въ укрѣпленныхъ городахъ, съ другой—извѣстное развитіе осѣдлости и цивилизаціи, ибо, не смотря на опасности, они, вмѣсто того, чтобы, подобно номадамъ, уйдти прочь, предпочитали лучше оставаться въ опасномъ краѣ и изыскивать средства для своего огражденія. Устройство городовъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на существованіе въ странѣ администраціи; потому что гдѣ были города, тамъ, конечно, къ городамъ принадлежали округи: такъ вездѣ было у Славянъ. Сильнымъ и энергичнымъ народомъ въ тѣ времена, кажется, они не были, потому что ихъ покоряли чужеземцы, какъ и удалось Олегу.

Степень образованности южно-русскихъ народцевъ издревле была различна. Такъ, по извѣстіямъ нашего лѣтописца, Поляне изображаются цивилизованнѣе Древлянъ. Поляне знаютъ бракъ: у Древлянъ, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, удерживалось *умыканье* дѣвицъ. Какъ ни подозрительно могло бы казаться предпочтеніе, оказываемое въ отношеніи нравственнаго образованія Полянамъ предъ Древлянами лѣтописью, но дѣйствительно Поляне имѣли болѣе залога образованности, чѣмъ Древляне: первые обитали близъ большой рѣки и, слѣдовательно, могли завести удобнѣе знакомство съ образованною Греціей и съ берегами Тавриды, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности; походъ Кія подъ Цареградъ, переселенія Кія на

Дунай и обратно,—все это преданія, въ которыхъ несомнѣнно одно: давнее знакомство Полянъ съ Греціей.

Договоры Олега и Игоря достаточно показываютъ древность сношеній Полянъ—Руси съ Югомъ. Все, что говорится въ этихъ договорахъ о Руси, должно относиться не только къ чужеземной Руси, пришедшей въ кіевскую сторону, но и къ туземцамъ—Руси Полянамъ; ибо въ договорѣ Олега говорится о *возобновленіи* бывшей между христіанами и Русью любви. Это бывшая любовь, конечно, существовала между славянскими племенами и Греками, и не только у Полянъ, но отчасти и у другихъ Славянскихъ народовъ, которые чрезъ посредство Полянъ имѣли сношенія съ Греками. Видно, что они строили лодки и плавали по Днѣпру, ходили на море не для разбоевъ, а для мирныхъ сношеній: одни ловили рыбу на Бѣлобережьѣ, то есть, у устья Дуная; другіе съ тою же цѣлію плавали къ берегамъ Тавриды. Нѣкоторые ходили въ Цареградъ на работы и проживали на службѣ въ императорскомъ войскѣ. Очевидно, что эти извѣстія въ договорѣ относились не къ однимъ пришельцамъ Руси, но и къ тѣмъ, которые съ ними смѣшались. Въ Цареградѣ жили русскіе торговцы и, вѣроятно, торгъ, который они вели съ Греками, былъ выгоденъ для послѣднихъ, когда гости получали отъ императора—мѣсячину. Договоры Олега и Игоря говорятъ много объ огражденіи, какъ Русскихъ, такъ и Грековъ, въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, отъ порабощенія личностей. Отсюда кажется достовѣрнымъ, что самыя войны Олега и Игоря возникали вслѣдствіе споровъ между Полянами въ Кіевѣ и Византіи, и однимъ изъ предметовъ этихъ споровъ было то, что торговцы и промышленники попадались въ рабство: и тотъ и другой договоръ стараются прекратить торговлю людьми и обязуютъ съ обѣихъ сторонъ отпускать и выкупать изъ плѣна, какъ Русскихъ, такъ и Грековъ въ ихъ взаимныхъ дѣлахъ. Существованіе гостей у Полянъ показываетъ, съ одной стороны, значительное развитіе экономическаго быта, а съ другой—неравенство въ распредѣленіи состоянія. Уже тогда существовали *челядники*. Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи они были къ дру-

гимъ сословіямъ—наемные или рабы, и на какихъ началахъ? У русскихъ были продажные рабы въ X столѣтіи: это видно изъ Святославовыхъ словъ, что *изъ Руси идетъ шкура, воскъ и челядь*. Такимъ образомъ, въ числѣ вывозныхъ русскихъ товаровъ въ Грецію были невольники. Но въ договорахъ Олега и Игоря хотя говорится о *бѣгломъ челядинѣ*, но въ то же время духъ договоровъ клонится къ пресѣченію порабощенія личностей, такъ что, подъ *челядиномъ* можно, по видимому, разумѣть служителя, убѣжавшаго отъ договора съ господиномъ; ибо выраженіе *поработить*, равносильно—*убить: аще обрящютъ Русь кубару гречьскую ввержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидятъ ея; аще ли возметь отъ нея кто что, ли человѣка поработить, или убьетъ,—да будетъ повиненъ закону руску и гречьску.*

Отправляя въ Грецію шкуры, медъ и воскъ, Поляне получали оттуда паволоки—матеріи, бывшія тогда въ употребленіи, и одежды: предметы эти были признакомъ богатства и зажиточности. Другіе товары, приходившіе изъ Греціи, были: вино, овощи и металлы. Поляне знали употребленіе металловъ и монеты. Изъ Греціи они получали золотыя номизмы, съ Дуная (изъ Угровъ) серебро. Въ договорахъ Олега и Игоря цѣнность означается *греческими златницами*. Все это показываетъ достаточную зажиточность, по крайней мѣрѣ между нѣкоторыми, и знакомство съ цивилизацiей.

Сношенія съ Греціей распространили между Полянами христіанство. Едва ли можно предположить, чтобъ только съ половины IX вѣка, то есть съ Аскольда и Дира, проникло христіанство въ Кіевѣ; легенда объ апостолѣ Андреѣ есть ни что иное, какъ апотеозъ памяти о древнемъ христіанствѣ въ той странѣ. Не можетъ быть, чтобы христіанская вѣра не проникала туда издавна путемъ торговли и путемъ проповѣди. Съ половины IX вѣка мы узнаемъ уже объ открытомъ крещеніи Руси отъ многихъ византійскихъ лѣтописцевъ. Патріархъ Фотій, въ окружной грамотѣ, оповѣстилъ отрадное и счастливое для всей христіанской церкви событіе—обращеніе Руссовъ. Съ

тѣхъ поръ христіанская вѣра расцвѣтала въ Кіевѣ и расширялась. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ и церкви, — церковь Иліи, которая была соборная; изъ этого видно, что были еще и не соборныя. Лѣтописецъ, назвавъ эту соборную церковь, замѣтилъ, что и многіе Варяги были крещены. Видно, христіанство было на столько распространено, что могло привлечь къ себѣ скоро пришельцевъ: еслибъ число христіанъ было незначительно, то христіанство едва ли могло бы имѣть такое вліяніе на нихъ, будучи религіею только немногихъ. Христіанству можно было научиться въ Кіевѣ: такъ научилась ему и сдѣлалась христіанкою мать Святослава. Язычество, хладнокровно смотрѣвшее на то, что новая вѣра болѣе и болѣе распространялась только при Владимирѣ оказало дѣятельную оппозицію. Владимиръ поставилъ на холмѣ боговъ, собравши какихъ могъ—и славянскихъ, и литовскихъ. Онъ, кажется, облекалъ прежнее язычество въ болѣе опредѣлительныя формы. Подъ 983 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о человѣческой жертвѣ, устроенной Владимиромъ: кажется, этотъ поступокъ былъ не жертвоприносительнымъ, но выраженіемъ мщенія, ибо для жертвы былъ избранъ христіанинъ; точно такъ и впослѣдствіи Литовцы вообще отличались нетерпимостію къ христіанству, — всегда ссорились съ новою вѣрою и приносили въ жертву своимъ богамъ изъ христіанъ, напримѣръ, плѣнниковъ нѣмецкихъ. Такъ-какъ вѣра христіанская стала уже сильно распространяться, Владимиръ принялъ сторону язычества, но тогда, конечно, возникла оппозиція со стороны христіанства. Владимиръ отличался деспотическими наклонностями. Можетъ быть этому способствовало вліяніе Хазаровъ. Не даромъ, въ рѣчи своей на память Владимира, ораторъ назвалъ его «Хаганомъ». Какъ скоро хазарское слово «Каганъ» вошло въ Русь, то, конечно, вошли до извѣстной степени и восточныя понятія. Можетъ быть хазарскимъ нравамъ слѣдуетъ приписать и это сладострастіе Владимира, толпу женъ и наложницъ. Онъ началъ преслѣдованіе на христіанъ, и жертвоприношеніе Варяга было однимъ изъ проявленій такого преслѣдованія. Подъ 988 годомъ разсказывается у лѣтописца, что

вдругъ являются въ Кіевѣ разныхъ вѣръ учители: они всѣ хотѣли обратить въ свою вѣру князя и народъ. Что значитъ такое внезапное явленіе? Отчего они узнали, что въ Кіевѣ можетъ быть перемѣна вѣры? Что заставило Владимира искать вѣры, когда онъ передъ тѣмъ былъ такимъ ревностнымъ язычникомъ, и притомъ, какъ кажется, утвердителемъ языческой религіи? И вдругъ этотъ князь измѣняетъ ей! Вѣроятно, оппозиція язычеству со стороны христіанства взяла въ Кіевѣ верхъ, — князь долженъ былъ уступить, и самъ князь, вѣрно, увлекаясь большинствомъ, началъ сомнѣваться въ божественности своихъ болвановъ. Подобное стеченіе вѣроучителей, въ одно время, могло быть тогда только, когда къ этому располагали внутреннія обстоятельства страны, куда сошлись эти вѣроучители. Почти несомнѣнно, что принятіе крещенія Владимиромъ было не безъ того, что къ этому его располагало существованіе сильной партіи между Кіевлянами, исповѣдывавшей христіанство и притомъ христіанство православнаго закона, — восточнаго. По извѣстію лѣтописца, когда онъ собралъ болярь своихъ и городскихъ старцевъ, и началъ съ ними совѣтоваться, какую ему вѣру выбирать изъ нѣсколькихъ предлагаемыхъ, тогда большинство признало, что лучше избрать греческую, и указывало на примѣръ Ольги, называемой ими мудрѣйшею всѣхъ человѣковъ. Конечно, если уже образовалось понятіе о превосходствѣ греческой вѣры предъ другими, то это показываетъ знакомство съ нею и, слѣдовательно, большее въ сравненіи съ другими ея распространеніе. Многочисленностію православныхъ христіанъ въ Кіевѣ до крещенія Владимира объясняется и та покорность толпы, съ которою Кіевляне стремились креститься по приказанію кіевскаго князя. Вѣроятно, многіе изъ некрещеныхъ уже были расположены къ христіанству по наученію своихъ близкихъ и сами не смѣли креститься, а были очень довольны, когда князь уступилъ общему духу. Совсѣмъ иное произошло въ Новѣгородѣ, куда христіанство проникло не такъ удачно и не такъ давно, какъ въ Кіевѣ: тамъ Добрыня долженъ былъ употреблять оружіе и огонь, чтобъ приводить Новгородцевъ на путь истины и спасенія.

Безъ сомнѣнія, сравнительное предъ сосѣдями превосходство образованности Кіева и Полянъ еще въ язычествѣ, содѣйствовало тому, что это народецъ содѣлался послѣ крещенія центромъ, связующимъ остальныя племена Славянъ. Иными являются Древляне, ихъ сосѣди. Здѣсь опять приходится то же сказать, что́ сказано уже по поводу Полянъ. Описаніе Древлянъ въ черныхъ краскахъ, какъ, напротивъ, противниковъ ихъ—Полянъ въ свѣтлыхъ, показываетъ, что лѣтонисецъ не былъ изъятъ отъ народной нелюбви къ Древлянамъ, какъ не былъ изъятъ отъ привязанности къ Полянамъ. Но если мы сознаемъ, что и географическія условія и обстоятельства располагали Полянъ къ полученію и развитію въ себѣ большей образованности, то, съ другой стороны, Древлянамъ подобныя условія препятствовали къ ея достиженію. Древляне жили въ непроходимыхъ дремучихъ лѣсахъ, а лѣсная жизнь, извѣстно, способствуетъ къ одичанію; земля ихъ была менѣе плодородна, скуднѣе было путей сообщенія, которые бы знакомили ихъ съ образованнымъ міромъ. Изъ разсказовъ, которые лѣтопись помѣщаетъ по поводу прибытія пословъ Мала къ Ольгѣ, видно, что о нихъ ходили такіе же анекдоты, обличающіе ихъ глупость, какіе и теперь ходятъ о Полѣщукахъ, потомкахъ старинныхъ Древлянъ. Такъ древлянскіе послы некстати говорятъ: «мы не идемъ и не ѣдемъ на лошадяхъ, а несите насъ въ ладьяхъ»; и когда ихъ несли въ ладьѣ,—о нихъ говоритъ лѣтописецъ,—что они *въ перегбѣхъ въ великихъ сустугѣхъ гордящеся*. Ольга заманила ихъ въ западню. Цѣль разсказа — показать глупость и несмышленость Древлянъ, такъ какъ они не могли предвидѣть своей бѣды. Въ томъ вѣкѣ, когда еще были слабы узы обществъ, сила и хитрость брали верхъ и умъ измѣрялся именно тѣмъ, чтобъ не попасть въ обманъ. Повѣсть не ставитъ въ упрекъ Ольгѣ ея вѣроломныхъ поступковъ, но выставляетъ глупымъ народъ, который легко было надуть. Древляне не были знакомы съ духомъ мести, и потому такъ довѣрились; это показываетъ, что у Славянъ вообще она была мало развита: иначе, еслибы даже предположить, что у Полянъ существовала святость мщенія, а у

Древлянъ ее не было, то всетаки послѣдніе не довѣрились бы своимъ врагамъ; но еще не зная пришельцевъ съ балтійскаго поморья, они думали, что можно и съ ними поссориться, и потомъ помириться безопасно. Ольга пользуется новостью обычая, а уважительный тонъ повѣсти объ Ольгѣ показываетъ, что Славяне стали сами заимствовать этотъ обычай: впослѣдствіи онъ какъ будто пропадаетъ, ибо даже въ дракахъ нашихъ позднѣйшихъ князей замѣчается, ка́къ онъ смягчался и исчезалъ, — несомнѣнно, что, кромѣ христіанства, на ослабленіе его дѣйствовалъ также перевѣсъ славянскаго элемента передъ пришлымъ. Избіеніе Древлянъ на тризнѣ, устроенной Ольгой въ честь Игоря и самое затѣйливое мщеніе княгини, посредствомъ воробьевъ и голубей,—все это показываетъ, что Древлянъ почитали глуповатыми и простаками.

Изъ всѣхъ извѣстій, переданныхъ намъ лѣтописцемъ, видно, что у этого народа сохранились первобытные обычаи, которые у Полянъ уже измѣнились подъ вліяніемъ нѣсколько высшихъ понятій. У Древлянъ было, ненравившееся лѣтописцу, умыканіе дѣвицъ у воды,—столь общее всѣмъ почти первобытнымъ народамъ. Имъ извѣстно было земледѣліе: Ольга, склоняя Коростѣнянъ ей поддаться, выражается о другихъ Древлянахъ, что они *дѣлаютъ нивы своя и землю свою*: они занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ, они употребляютъ сравненіе Игоря съ волкомъ, когда этотъ звѣрь ворвется между овецъ; какъ у лѣснаго народа, у нихъ было въ изобиліи звѣроловство и пчеловодство, ибо давали дань шкурами и медомъ. Они были, какъ кажется, раздѣлены на мелкія области, ибо говорятъ: *наши князи*. За одного изъ нихъ, можетъ быть главнаго, Мала, приглашали идти замужъ Ольгу, — несчастное сватовство, кончившееся порабощеніемъ Древлянъ.

Живя въ лѣсныхъ деревняхъ, Древляне строили города, которые, по общему славянскому обычаю, имѣли значеніе господствующихъ мѣстностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, города были мѣстомъ большей культуры, состоящей въ земледѣліи; города древлянскіе не были тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи обозначалось это назва-

ніе, вблизи ихъ: жители занимались земледѣліемъ. Въ деревняхъ занимались болѣе звѣроловствомъ. Всѣ города съ землями составляли одну союзную Землю, и существовало сознаніе о ея единствѣ; потому что когда Ольга покоряла Древлянъ, то обходила съ сыномъ Святославомъ *всю* Древлянскую Землю.

По покореніи Древлянской Земли, Ольга установила въ ней ловища, мѣста для ловли и сноса звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли дань. Древляне должны были ловить звѣрей и доставлять шкуры въ Кіевъ и Новгородъ. Покореніе Древлянъ было не только подданствомъ, но порабощеніемъ: Ольга оставила только *прокъ ихъ* для платежа тяжкой дани, а других отдала въ работу своимъ мужамъ. Соображая богатства Русской Земли, шедшія, по словамъ Святослава,—въ Грецію, видно, что дань, наложенная на Древлянъ, была выгодна для Кіева по торговлѣ съ Греціею. Плоды трудовъ Древлянъ переходили въ Кіевъ въ руки князей и бояръ и отправляясь въ Византію,—промѣнивались тамъ на произведенія Юга и, конечно, сами Древляне не имѣли никакой выгоды: порабощенные, они должны были работать для господъ.

Покореніе Древлянъ способствовало къ формированію и усиленію высшаго класса, осѣдлости пришельцевъ и смѣшенію народностей. Если бы принимать произвольно созданную нашими историками-изслѣдователями теорію родоваго быта съ патріархами-родоначальниками; если бы родовая связь поглощала семейную, тогда надобно было бы принять издревле-строгое аристократическое начало, возвышеніе нѣсколькихъ родовъ, униженіе и порабощеніе другихъ. Но изучая исторію славянскихъ народовъ и въ особенности русскаго, замѣчая слѣды стараго быта въ памятникахъ, не видно, да и предположить нельзя, чтобъ на родовыхъ основаніяхъ семьи находились подъ какой-нибудь зависимостью отъ извѣстныхъ лицъ-родоначальниковъ; а поэтому невозможно было образоваться родовому рабству, т. е. такому рабству, когда прежняя власть отеческая, по мѣрѣ родственной отдаленности тѣхъ, которые должны были находиться къ ней, такъ сказать, въ сыновнемъ отношеніи, перешла во власть гос-

подскую. Семьи дѣлились и каждая семья, если бы и сознавала связь съ другою, то не была зависима одна отъ другой.

Покореніе Древлянъ если не вносило въ жизнь Южнорусскихъ Славянъ рабства вновь, то усиливало его, распространяло, упрочивало тѣ начатки его, которые существовали изстари, ибо цѣлый народъ объявленъ былъ въ рабствѣ. И это возвысило высшій классъ. Появлялись бояре, сильные, подобно князьямъ имѣвшіе свои дружины въ Кіевѣ, о которыхъ осталась память даже въ пѣсняхъ (напримѣръ Иванъ Годиновичъ, Чурило Пленковичъ). По происхожденію своему, эти бояре, какъ они назывались, были во-первыхъ Варяги-пришельцы и, во-вторыхъ — Руссы-Поляне, съ массою которыхъ совершилось порабощеніе Древлянскаго народа. Поляне, и прежде ставшіе уже въ уровень съ пришельцами, скоро усвоивавшими ихъ народность,—теперь еще болѣе сливались; они пользовались равенствомъ господскихъ правъ надъ покореннымъ народомъ: и пришлецъ и Полянинъ-Русинъ равнымъ образомъ были господа, высшій классъ въ отношеніи Древлянъ. Часть порабощеннаго народа переведена была въ Землю Полянъ — Русскую, другая осталась на мѣстѣ, и Руссы,—Поляне дѣлались владѣльцами въ землѣ Древлянъ. Иначе не могло быть: надобно же было держать въ покорности порабощенный народъ. Слово *становища*, которое упоминается въ лѣтописи разомъ со словомъ *ловища*, указываетъ на учрежденіе новыхъ жилыхъ мѣстъ, назначенныхъ быть административными пунктами. Они именно могли быть повѣрены только Руссамъ или Полянамъ, но никакъ не Древлянамъ. О становищахъ говорится, что то были *ея* (Ольги) становища; слѣдовательно, здѣсь идетъ рѣчь о такой части покоренной земли, которая досталась собственно на долю княгини и ея семейства. Если принять во вниманіе, что въ то время другимъ отданы были въ рабство Древляне, то открывается, что въ Древлянской Землѣ явилось два рода господъ: одни—владѣльцы тѣхъ, которыхъ отдали въ рабство, другіе—въ качествѣ должностныхъ лицъ, находившіеся на становищахъ. Ольга установила *уставы* и *уроки*, слѣдовательно, опредѣленныя обязанности. Послѣднее

слово (*уроки*) указываетъ на обязательныя работы; надзирать надъ уроками и собирать дань по уставамъ должны были конечно тѣ, которые поставлены были на становищахъ. Здѣсь исторія наша невольно, по сходству обстоятельствъ, совпадаетъ съ западною, гдѣ господствовала земельная раздача. Часть страны оставляетъ Ольга для себя въ дань, другую раздаетъ мужамъ своимъ, — дружинѣ. Но остается неизвѣстнымъ, какая часть Древлянской Земли была такимъ образомъ порабощена? Нельзя думать, чтобъ одинъ Искоростѣнь; ибо хотя Ольга и говоритъ Искоростѣнянамъ: «всѣ ваши города предались мнѣ и рѣшились платить дань и обдѣлывать свои нивы и земли, а вы хотите умереть отъ голода, не повинуясь и не хотя платить дань»,— но здѣсь Ольга обманываетъ Древлянъ, сообразно своему обычаю; это видно изъ того, что лѣтописецъ, прежде этого, замѣтилъ, что Древляне побѣжали и затворились въ своихъ городахъ,—слѣдовательно, не сдались, какъ увѣряла Ольга. Хотя послѣ завоеванія Искоростѣня вся Земля Древлянская была подчинена, и Ольга уставила въ ней уроки, становища и ловища, но вѣроятно не всѣ подверглись такой горькой судьбѣ, какъ Искоростѣнь: послѣдній осужденъ былъ подвергнуться особому мщенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, большей степени порабощенія подвергся Искоростѣнь, чѣмъ другіе; конечно тѣ, которые добровольно сдавались, пользовались большею льготою, чѣмъ, тѣ которые оказывали упорство. Но, какъ видно, Ольга повсемѣстно въ Древлянской Землѣ разставила своихъ мужей.

Такое отношеніе двухъ сосѣднихъ народовъ должно было развить въ обоихъ разные взгляды и характеры. Поляне—народъ побѣдительный, Древляне—покоренный; первые—господа, вторые—рабы, и, конечно, изъ этого должны были произойдти разныя проявленія общественнаго и домашняго быта, разное теченіе исторіи. Кіевъ дѣлался центромъ управленія народовъ не только близкихъ, но и болѣе далекихъ. Покореніе Древлянъ, показывавшее силу Русской земли, еще болѣе должно было утвердить мысль о первенствѣ ея надъ другими народами. Но такъ какъ ни обстоятельства не способствовали утвержденію центра-

лизаціи, ни понятія о ней не развивались, то вмѣстѣ съ другими Землями и Древляне скоро начали жить самобытною жизнію уже въ удѣльномъ порядкѣ; это началось тогда, когда Святославъ далъ одному изъ сыновей своихъ, Олегу, въ удѣлъ Древлянскую или Деревскую Землю. Центромъ всей Древлянской Земли сталъ тогда Овручъ. Граница Древлянской Земли протягивалась по сосѣдству къ Кіеву; ибо выѣхавши изъ Кіева на охоту, можно было охотиться на Древлянской Землѣ. Кто знаетъ, не проявилось ли возстаніе побѣжденныхъ во враждѣ двухъ братьевъ и что побѣжденные настроили Олега убить Свѣнельдова сына? Это было въ 975 г., черезъ пять лѣтъ послѣ воцаренія Олега въ Древлянской Землѣ и черезъ 20 лѣтъ послѣ покоренія Древлянской Земли. Когда Олегъ вышелъ противъ Ярополка, то у него былъ полкъ, а не дружина; слѣдовательно (какъ выходитъ постоянно по смыслу слова полкъ) были ополченные жители края, собранные на битву. Здѣсь снова Древляне воинственною силою ополчаются на Полянъ, хотя и подъ измѣненными условіями. Но когда Олегъ былъ убитъ, Ярополкъ, перенявъ волость своего брата, не видѣлъ сопротивленія. Впродолженіе тридцати лѣтъ, разселившіеся по Древлянской Землѣ Русины успѣли пустить въ народѣ идею, что надъ ними имѣетъ право владѣть княжескій родъ; а потому оппозиція, еслибъ и была, то происходила бы уже подъ вліяніемъ этого новаго, умѣряющаго начала.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ отношенія Полянъ къ другимъ южно-русскимъ народамъ: Дулибамъ, Улучамъ, Тиверцамъ, Хорватамъ. Еще въ концѣ IX-го вѣка, съ Улучами и Тиверцами Олегъ не могъ скоро справиться, и подъ годами 884 — 885 сказано, что Олегъ имѣлъ съ ними рать. Во время похода въ Цареградъ (904—907), эти народы, а равно и Хорваты, участвуютъ въ его ополченіи противъ Грековъ. Изъ этихъ извѣстій заключили, что тогда, значитъ, народы эти были уже покорены Олегомъ, можетъ быть до нѣкоторой степени. Но такъ-какъ Олегъ взялъ ихъ въ свое войско, то едва ли это было бы возможно, если бы покореніе ихъ сопровождалось такимъ же порабощеніемъ, какъ Древлянъ Ольгою; ибо въ тотъ вѣкъ участіе

въ войнѣ было принадлежностію свободныхъ. Въ договорѣ Олега говорится, что этотъ договоръ съ Греками заключенъ отъ «имени его, великаго князя и свѣтлыхъ князей сущихъ подъ его рукою». Вѣроятно, послѣ войны съ Улучами и Тиверцами, Олегъ какъ-нибудь долженъ былъ помириться, и они стали отъ него въ зависимости на выгодныхъ для себя условіяхъ. Что касается до Хорватовъ, то они первый разъ были подчинены, и отняты у Поляковъ только при Владимирѣ.

Приливъ пришлаго народонаселенія сообщилъ новый оттѣнокъ характеру Полянъ и развилъ въ нихъ воинственный элементъ. Это поддерживалось походами противъ Грековъ. Мы не знаемъ поводовъ, руководившихъ Руссами въ этихъ набѣгахъ; но это не были просто одни разбойничьи набѣги, потому что въ договорахъ видѣнъ народъ торговый, и Греки дорожили сношеніями съ нимъ. Скорѣе всего надобно предположить, что повѣствователь,—по обычаю лѣтописцевъ,—умалчиваетъ о причинахъ: не выставляетъ пружинъ, руководившихъ походами Русскихъ, исключая Святославова похода; а эти причины, вѣроятно, заключались въ столкновеніяхъ съ Греками, преимущественно по торговлѣ. Поляне долго, кажется, не могли показывать своей самостоятельности и должны были уступать Грекамъ; но когда явились къ нимъ воинственные мореходцы,—когда сошлись они съ Полянами, которые также были плавателями, но только мирными, тогда послѣднимъ сообщился духъ отваги и охота мести за тѣ поступки, которые они считали несправедливыми со стороны Грековъ. Походы въ Грецію способствовали къ утвержденію власти князей и соединенію народовъ. То была приманка для удалыхъ того вѣка—собираться подъ знамена вѣщаго князя, идти въ далекую сторону и воротиться оттуда съ добычею, привести паволокъ и золота; хвастаться предъ тѣми, кто оставался дома, передавать добычу дѣтямъ на память отцовской славы. Предводители народцевъ легче становились подчиненными кіевскому князю, когда онъ ихъ обогащалъ. Это, соединяя народы, мало-по-малу подклоняло ихъ подъ власть единаго рода и приготовляло къ новому порядку, когда въ разныхъ частяхъ русскаго міра

должны были явиться князья, хотя особые, но связанные между собой и родомъ, и единствомъ страны.

По понятіямъ того времени,—успѣхъ служилъ залогомъ покорности, ибо успѣхъ приписывался вліянію таинственной силы. Такъ Олега прозвали *вѣщимъ*, вѣдуномъ. А какъ скоро онъ былъ вѣщій для народа, то и покорность ему утверждалась. Слава побѣдъ располагала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Сильнѣе всего развился духъ удальства и предпріимчивости при Святославѣ, когда удача слѣдовала за удачей. Удалыя толпы ходили съ нимъ на степи, побѣдили Хазаръ, которымъ ихъ предки нѣкогда платили дань. Это должно было сильно возвысить народное чувство, еще болѣе прикрѣплять народы къ Кіеву и внушать къ нему уваженіе; ибо изъ Кіева исходили такіе славные подвиги. Толпы охотниковъ отправились со Святославомъ въ Переяславль, удачи далѣе и далѣе заводили духъ воинственности. Завоеваніе Болгаріи, по современнымъ понятіямъ, не было чѣмъ-либо отличнымъ отъ покоренія Древлянъ и Тиверцевъ, или присоединенія ихъ къ Кіеву. Болгары — самая близкая къ Русскимъ Славянамъ народность: тогда еще языки ихъ и нравы не такъ различались, какъ послѣ; между ними такъ было много общаго, что Кіевляне именно шли туда не съ мыслью о завоеваніи чужаго, а руководясь побужденіемъ близости соединенія славянскихъ народовъ, долженствующихъ войдти въ закладку новой державы. Предѣлы этой державы расширялись по мѣрѣ того, какъ народный взоръ встрѣчалъ сходственное съ своею народностію. О Болгарахъ могла явиться также мысль, что они должны войти въ русскій міръ. Можно съ этимъ вмѣстѣ проникнуть, какимъ образомъ у Святослава и у товарищей его возникла идея поселиться въ Переяславлѣ-Дунайскомъ. Конечно, съ перваго взгляда показывается здѣсь какъ бы недостатокъ осѣдлости. Нѣтъ,— Поляне были осѣдлы, они занимались земледѣліемъ: скитались только тѣ, которые занимались торговлею; но договоръ показываетъ, что послѣдніе, живучи въ Константинополѣ, не утрачивали связи съ родиною; такъ когда умиралъ гость въ Греческой Землѣ, то имущество его слѣдовало перенесть въ Русь къ ми-

лымъ сродникамъ. Изъ этого же договора видно, что русскіе торговцы только временно посѣщали Цареградъ и Грецію, и возвращались всегда домой. Это не могло развить у Полянъ охоты перемѣнять навсегда мѣсто жительства. Духъ долженъ былъ измѣняться отъ стеченія молодцовъ изъ разныхъ славянорусскихъ народцевъ въ дружины князей. Князья своими походами привлекали ихъ съ разныхъ сторонъ славянорусскаго міра, составляли изъ нихъ подвижное населеніе кочующихъ молодцовъ, наѣздниковъ и пиратовъ, готовыхъ жить вездѣ, не жалѣя о родинѣ: отечествомъ ихъ дѣлалось море или степь,—то были Запорожцы своего вѣка; вотъ этихъ-то удалыхъ и увелъ Святославъ въ Болгарію. Явились Печенѣги. Въ 968 году они осадили Кіевъ. Лѣтописецъ указываетъ, что въ то время некому было охранять города безъ Святослава. Является воевода съ другой стороны Днѣпра, слѣдовательно не кіевскій. Оборонять Кіевъ—въ Кіевѣ было некому. Такія событія должны были неизбѣжно внушать Руссамъ необходимость не пускаться болѣе въ далекіе походы и не лишать своей земли вооруженной силы. Поэзія геройской отваги начала находить себѣ поле на родной землѣ, а не на чуждомъ Югѣ, и не на морѣ. Преданія о Печенѣгахъ, записанныя въ лѣтописяхъ, разцвѣчены колоритомъ героическаго эпоса, какъ это видно изъ сказки о кожевникѣ, сказки, до сихъ поръ существующей въ народныхъ преданіяхъ. Но такой духъ господствовалъ не долговѣчно. Поляне увлеклись только на время присутствіемъ между ними чужаго народа. Проявившійся при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ завоевательный элементъ въ характерѣ народа скоро ослабѣлъ, потому что онъ явился временно, вслѣдствіе толчка, даннаго пришельцами. Конечно, къ обузданію этой завоевательности помогало и принятіе христіанства, но несомнѣнно и племенное вліяніе; ибо собственно одно христіанство, еслибъ и оградило Византію отъ нападенія Руссовъ, то обратило бы воинственность послѣднихъ въ другую сторону. Но христіанство даже не прервало сразу и вошедшей прежде въ привычку враждебности къ Греціи; ибо при Ярославѣ, уже по принятіи христіанства, сынъ великаго князя съ Вышатою сдѣ-

лалъ морской походъ на Византію. То были уже послѣдніе отголоски прежняго, угасавшаго теперь, героизма. Воинственность народа стала обращаться не къ завоеваніямъ, а только къ охраненію предѣловъ своей страны. Этому измѣненію содѣйствовали непереставашіе набѣги тюркскаго племени. Половцы смѣнили Печенѣговъ, отрѣзали у Русскихъ море, разсѣялись по степямъ и остановили распространеніе славянства на югъ и востокъ по степямъ. Окруженные кочующими инородцами, Русскіе уже не могли думать о завоеваніяхъ. Не мало располагали къ измѣненію воинственности Кіевлянъ и междоусобія, возникшія между ихъ князьями. Какъ народъ молодой, Славяне легко могли увлечься сообщеннымъ имъ отъ чужихъ воинственнымъ духомъ, и героизмъ завоеванія блеснулъ у нихъ на короткое время; но южнорусскій народъ уже прежде познакомился съ спокойною жизнью и получилъ наклонность къ ея удобствамъ. Какъ бы ни были преувеличены разсказы о богатствахъ Кіева, о множествѣ церквей, о восьми торговыхъ площадяхъ, — у Дитмара, — все это имѣетъ свое историческое основаніе. Что Кіевъ былъ дѣйствительно богатъ, это показываетъ то, что здѣсь было издавна важнѣйшее торговое мѣсто для Сѣвера съ Византіей. Разумѣется, олеговы и игоревы грабежи еще болѣе обогащали его; собираемыя съ покорныхъ народовъ дани способствовали стеченію богатствъ къ Кіевлянамъ. Славянскіе народы, подвластные Кіеву, платили опредѣленную дань, которая шла князю, но князь дѣлился ею съ болярами и дружиною; такимъ образомъ, эта дань обогащала и Кіевъ. Мы знаемъ изъ нашей лѣтописи, что одинъ Новгородъ платилъ ежегодно двѣ тысячи гривенъ въ Кіевъ, а тысячу гривенъ гриднямъ, содержа гарнизонъ при князѣ. Предъ концомъ жизни Владиміра, сынъ его Ярославъ вздумалъ было не отдавать отцу этой дани и отецъ хотѣлъ на него идти войною, разбить его, но отъ огорченія умеръ. У Кіевлянъ въ то время невольно образовался нѣсколько высокомѣрный взглядъ на другіе Русскіе народы. Такъ, во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, когда Святополковъ воевода увидѣлъ противъ себя Новгородцевъ, то назвалъ ихъ презрительно «хоромниками и плотни-

ками», и говорилъ, что заставитъ ихъ рубить имъ (Кіевлянамъ) хоромы! Но то было выраженіе не воинственнаго завоеванія, а скорѣе зазнавшагося господства, привыкшаго къ хорошей жизни на счетъ другихъ.

Въ характерѣ Кіевлянъ было что-то мягкое, роскошное, сибаритское. Не далѣе, какъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ крещенія, Болеславъ, пришедши на помощь Святополку, и самъ потерялъ свою царственно-побѣдительную крѣпость, и войско свое развратилъ и обезсилилъ. Кіевскія женщины славились сладострастіемъ. Богатство, роскошь и веселая жизнь, приманивали всякаго, кто только могъ поселиться между Кіевлянами. Чрезъ полвѣка послѣ приключенія съ Болеславомъ-Храбрымъ, точно то же сдѣлалось съ внукомъ его, Болеславомъ-Смѣлымъ: тутъ Поляки забыли и своихъ женъ въ Польшѣ, и свои дворы, и хозяйства. Какъ извѣстія нашихъ лѣтописцевъ о пирахъ владимировыхъ, такъ и пѣсни стараго времени, сохранившіяся у Великоруссовъ, подтверждаютъ репутацію сибаритства, которую пріобрѣлъ себѣ Кіевъ на Западѣ [1]). Волокитство считалось удальствомъ, — волокиты хвастали своими подвигами и поставляли въ нихъ достоинство, какъ въ героическихъ наѣздахъ. Вотъ, напримѣръ, на пиру краснаго-солнышка-Владимира одинъ богатырь расхвастался, и говоритъ, что гулялъ молодецъ изъ Земли въ Землю, загулялъ къ королю:

Король меня любилъ-жаловалъ,
Да и королева вить молодца такоже,
А Настасья королевична у души держитъ!

---

1) Пѣсни эти въ томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ, очевидно сложились послѣ. Въ нихъ несомнѣнны наслоенія послѣдующихъ вѣковъ и различныхъ вліяній, какимъ подвергалась народная жизнь. Но уже одно то, что въ нихъ все отнесено къ Кіеву и князю Владимиру, показываетъ, что пѣсни эти замѣнили собою другія болѣе древнія, изъ которыхъ кое что вошло въ позднѣйшія редакціи, хотя въ искаженіяхъ и подъ иною одеждою рѣчи. До нѣкоторой степени мы можемъ находить эти обломки тамъ, гдѣ являются такія черты, которыя могутъ относиться къ до татарскому періоду кіевской жизни, на сколько намъ открывается она изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ памятниковъ, или такія, которыя не могли возникнуть подъ иными измѣнившимися понятіями народа въ послѣдующія времена.

Отцы берегли отъ нихъ своихъ дочерей, по выраженію пѣсень, за три-девятью замками, за три-девятью ключами, чтобъ и вѣтеръ не завѣялъ, и солнце не запекло!

О кокетствѣ кіевскихъ женщинъ упоминаетъ и Даніилъ Заточенникъ, говоря: *нѣкогда же видѣхъ жену злообразну, приничющю зерцалу и мажущюся румянцемъ*. Кажется, что вліяніе княжескаго двора, гридницы, поддерживало это сибаритство и развращеніе женщинъ, — какъ говорится, напримѣръ, въ пѣснѣ о Маринѣ:

Водилася съ дитятами княжескими.

На кіевскихъ женщинъ въ преданіяхъ, сохраненныхъ въ пѣсняхъ, легла память легкомысленности, развращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ колдовства. Кіевская кокетка привораживаетъ къ себѣ любовниковъ и мѣняетъ ихъ по произволу. Такова Марина Игнатьевна въ пѣснѣ о Добрынѣ Никитичѣ. Она собираетъ къ себѣ и дѣвицъ и женъ, сводитъ ихъ съ молодцами и сама водится съ дѣтьми со княженецскими и со змѣемъ Горынчищемъ,—олицетвореніемъ силы, враждебной русскому элементу, чужеземной, указывающей на пребываніе въ Кіевѣ разнородныхъ племенъ. Она привораживаетъ богатырей къ себѣ.

Разжигаетъ дрова палещатымъ огнемъ;
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгаралось бы сердце молодецкое
Какъ у молодца, у Добрынюшки Никитича».

Вмѣстѣ съ тѣмъ она умѣетъ перевертывать людей въ звѣрей:

А я-де обернула девять молодцовъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами,
А и нынѣ-де отпустила десятаго молодца
Добрыню Никитьевича:
Онъ всѣмъ отаманъ—златы рога!

Другая такая же кокетка грозитъ оборотить ее въ суку:

А и хошь, я и тебя сукой оберну.

И сама чародѣйка умѣетъ принимать образы:

А и женское дѣло перелестное,
Перелестное, перенадчивое:
Обернулася Марина косаточкой.

Отсюда, конечно, укоренилось въ народѣ прозвище: кіевская вѣдьма. Кокетство соединилось съ чародѣйствомъ и волшебствомъ, потому что если женщины привлекали къ себѣ мужчинъ, то это приписывалось волшебству.

Типы добрыхъ женъ рѣдки; въ примѣръ можно указать на Василиссу Микулишну Денисову, которая лучше рѣшилась умертвить себя, чѣмъ измѣнить мужу; на жену Ставра-боярина, которая хитрымъ образомъ изводитъ своего супруга изъ тюрьмы; но за то сама княгиня, жена князя Владимира, изображается совсѣмъ не нравственно; и о княжескихъ женахъ осталось въ народѣ то же воззрѣніе, какъ и вообще о женщинахъ. Жена Владимира-красна-солнышка любезничаетъ со змѣемъ Тугаринымъ.

Мужской типъ волокитства, и вмѣстѣ изнѣженности, является типически въ Чурилѣ Пленковичѣ. Это щеголь, кружитель женскихъ головъ, старорусскій донъ-Жуанъ, или Ловласъ. Онъ такъ занимается собою, что когда ѣдетъ по двору своему; то передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла лица его. Владимиръ князь ни на что болѣе не могъ употребить его при своемъ дворѣ, какъ только на то, чтобъ созывать гостей на пиръ. Пиръ длится во всю ночь, а когда богатыри разъѣзжаются по домамъ,

Въ тотъ день выпадало снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій слѣдъ.
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай.
А ины тутъ усмѣхаются,—

говорятъ:

Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,
Это шелъ Чурило Пленковичъ
Къ старому Берлятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной!

Сладострастіе Владимира-язычника, столько наложницъ, жившихъ въ его загородномъ дворцѣ—все это гармонируетъ какъ нельзя болѣе съ распущенностью нравовъ въ то время вообще. Пиръ былъ душою общественной жизни. Замѣчательно, что когда Владимиръ крестился и, естественно, поэтому получилъ наклонность къ мягкости нрава, то, по неизмѣнному народному понятію, показывалъ эту мягкость, эту кротость и любовь христіанскую—въ пирахъ, которые задавалъ народу. Пиры устраивались послѣ всякаго отраднаго народнаго событія, особенно послѣ побѣдъ, какъ и значится подобный пиръ послѣ побѣды на день Преображенія Господня надъ Печенѣгами, когда построена была церковь въ Василевѣ. Освященіе было ознаменовано праздникомъ. На всякую недѣлю князь устраивалъ пиръ въ гридницахъ на дворѣ. На пирахъ этихъ ѣли скотское мясо, дичь, рыбу и овощи, а пили вино, медъ, который мѣряли проварами (варя 300 проваръ меду). Медъ былъ національнымъ напиткомъ. На пиръ созывались не только Кіевляне, но и изъ другихъ городовъ. Въ гридницу допускались пировать бояре, гридни, сотскіе, десятскіе; народъ—люди простые и убогіе обѣдали на дворѣ; сверхъ того по городу возили пищу (хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи) и раздавали тѣмъ, которые не могли, по нездоровью, придти на княжескій дворъ.

Эти пиры происходили въ то же время не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ; поэтому, въ пригородахъ кіевскихъ князь держалъ запасы напитковъ, такъ называемые *медуши*.

Какъ такіе пиры были привлекательны, видно изъ того, что память о нихъ прошла въ далекіе вѣка, пирующій князь сдѣлался идоломъ русскаго довольства жизни, и Владимиръ-красно-солнышко сталъ синонимомъ добраго и веселаго князя вообще. Въ пѣсняхъ онъ показывается не просвѣтителемъ Русской Земли, а идеаломъ роскошнаго господина; поэтому онъ остается столько же языческимъ, какъ и христіанскимъ княземъ: одно, что даетъ ему нѣсколько христіанскій колоритъ, это то, что онъ угощаетъ и нищихъ и калѣкъ. По старому русскому понятію, пиръ не долженъ былъ обходиться безъ угощенія нищихъ и калѣкъ. Вооб-

ще въ русскихъ сказкахъ, добрый князь, царь или король, когда учреждаетъ пиръ, то непремѣнно приглашаетъ ихъ. Даже если князь чѣмъ-нибудь затрудняется, что-нибудь хочетъ получить отъ судьбы, то пиръ на весь міръ и угощеніе бѣдняковъ есть средство къ пріобрѣтенію удачи. Памятью древняго сознанія богатства и довольства Кіева и его Земли остается въ лѣтописи разсказъ о томъ молодцѣ Бѣлогородцѣ, который обманулъ Печенѣга (а Печенѣгъ такъ же былъ глуповатъ, какъ и Древлянинъ, въ глазахъ Руссовъ кіевскихъ). Подводя его къ колодцу, гдѣ была поставлена кадь съ киселемъ, Русскій увѣрилъ Печенѣга, что сама земля производитъ кисель. Здѣсь невольно вспоминаются кисельные берега, медовыя и молочныя рѣки. Такой же смыслъ роскоши и богатства страны представляетъ разсказъ лѣтописца о томъ, какъ дружина сказала Владимиру: *зло нашимъ головамъ, да намъ ѣсть деревяными лъжицами, а не сребряными!* Кіевскій князь приказалъ исковать серебряныя ложки для дружины, и говорилъ: «я серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото, какъ отецъ мой и дѣдъ доискался дружиною золота и серебра!»

Это довольство привлекало въ Кіевъ и въ Русскую Землю съ разныхъ сторонъ жителей. Населеніе Кіева и Русской Земли не было однородное: тутъ были и Греки, и Варяги, Шведы и Датчане, и Поляки, и Печенѣги, и Нѣмцы, и Жиды, и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія объясняетъ и преданія о предложеніяхъ Владимиру принять ту или другую вѣру; если здѣсь можно искать исторической истины, то предлагавшіе Владимиру вѣру были скорѣе жители Кіева, чѣмъ иноземные апостолы. При Владимирѣ, послѣ его крещенія, при Святополкѣ и при Ярославѣ, Кіевъ быстро развивался и процвѣталъ. При веселой жизни и распущенности нравовъ, Кіевляне не имѣли ничего строгаго, подавляющаго; оттого въ Кіевъ и Русскую Землю сбѣгались,— по извѣстіямъ Дитмара,—разнаго рода бѣглые рабы: тутъ они находили себѣ пріютъ и пропитаніе. Вѣроятно, тутъ же себѣ находили люди рабочіе хорошіе заработки; охота строить зданія, украшать дома, призывала туда рабочихъ. Въ Кіевской Землѣ,

менѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, могъ сохраниться чистый типъ одной народности, когда люди всякаго званія и ремесла скоплялись тамъ отвсюду. Даже тѣ, которые составляли княжескую дружину,—классъ возвышавшійся надъ массою, по значенію и силѣ,—были не Кіевляне по происхожденію, а пришельцы. Это показывается въ былинахъ стараго времени владимирова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владимиру, — кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царегорода, или съ береговъ Дуная, изъ чуждыхъ далекихъ странъ. Все это даетъ поводъ воображать себѣ старый Кіевъ въ родѣ тѣхъ городовъ, гдѣ наплывъ разнородныхъ типовъ даетъ жителямъ вообще физіономію смѣси. Даже и Кіевская Земля была населена такою же смѣсью. При Владимирѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, населеніе увеличилось не посредствомъ природнаго размноженія народа и не подвиженіемъ его съ правой стороны Днѣпра, а переселеніемъ изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, странъ русской системы. *И нача*—говоритъ нашъ лѣтописецъ (подъ 988 г.)—*ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужи лучьшіѣ отъ Словенъ*, *и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь*, *и отъ сихъ насели грады*. Въ 990 г., онъ населилъ Бѣлгородъ также точно: «наруби въ не отъ инѣхъ городовъ и много людій сведе въ онь». И здѣсь заселился городъ такимъ же сводным народонаселеніемъ изъ разныхъ странъ и городовъ. (Что значитъ *наруби?* Вѣроятно при сводѣ народа для населенія новыхъ мѣстъ употреблялся какой-нибудь обычай дѣлать *зарубки* или замѣтки по жеребью). Такимъ образомъ, переселеніе въ Русскую Землю совершилось изъ Бѣлоруссіи, изъ Средней Россіи, изъ Новгородской Земли и, наконецъ, изъ Чуди. Нельзя думать, чтобы это было первое заселеніе лѣвой стороны, ибо мы знаемъ, что тамъ жили уже народы, и притомъ лѣтописецъ влагаетъ въ уста Владимиру слова: «се малъ городъ около Кіева», т. е. мало городовъ, и поэтому онъ призвалъ и переселилъ лучшихъ людей изъ чужихъ народовъ—не земледѣльцевъ, не смердовъ, но способныхъ къ оружію. Это должно было способствовать

образованію въ нѣкоторомъ смыслѣ высшаго сословія, потому что въ тотъ вѣкъ люди, посвященные военнымъ занятіямъ и оборонѣ края, должны были пользоваться уваженіемъ и преимуществами предъ простымъ народомъ; а военные—мужи города—были люди разнаго происхожденія и, слѣдовательно, составляли сами по себѣ общество отдѣльное отъ массы народа и не связанные съ ними этнографическимъ единствомъ и мѣстными преданіями.

При свободѣ и распущенности, при стеченіи разнохарактернаго народа изъ близкихъ и далекихъ странъ, неудивительно, что отъ этого древняго періода нашей исторіи сохранились черты, показывающія тогда дурное состояніе нравственности. Въ Кіевѣ и въ Русской Землѣ происходили убійства и безчинства. Лѣтописецъ говоритъ: *умножишася разбоеве*; слово *разбоеве*,—какъ видно изъ «Русской Правды», — нельзя принимать въ нашемъ смыслѣ этого слова; оно выражало тогда ссоры, поединки и драки. Какъ вообще въ торговомъ городѣ, гдѣ любятъ богатства, гдѣ комфортъ своего рода предпочитается всему, — въ Кіевѣ человѣкъ дѣлался продажнымъ. Эта продажность очень высказывается и тѣмъ, что епископы и старцы сказали о казни убійцъ: «у насъ войны часто, а когда виру брать, то будетъ на оружье и лошадей (рать много; оже вира, тб на оружьи и на конихъ буди). У князей Святополка и Ярослава являются черты, воспитанныя на кіевской почвѣ: и дикость язычества и развращеніе столицы. Святополкъ былъ пьяница и сибаритъ, гуляка и наглый злодѣй. «Лютѣ бо граду тому, въ немже князь унъ, любяй пиры, вино пити съ гусльми и младыми свѣтникы». Святополкъ любилъ пожить, повеселиться и не останавливался ни передъ какимъ злодѣяніемъ. Ему мѣшали братья. Зачѣмъ съ ними дѣлиться, когда можно взять одному? Едвали здѣсь, какъ нѣкоторые толковали, руководила имъ месть за отца, Ярополка, и ни въ какомъ случаѣ не подвигало его сознательное стремленіе къ единовластію съ видами политическими: то были порывы необузданнаго пьяницы, развращеннаго гуляки и легко было ему найти исполнителей въ массѣ разноплеменнаго и развращен-

наго края. Имена ихъ указываютъ на иноземное происхожденіе. Имя Еловитъ — какъ-будто сербское; имя Лешко показываетъ, что отецъ его былъ Ляхъ родомъ. И съ другой стороны, у Бориса былъ отрокъ Угринъ. Совершивши злодѣянія, Святополкъ долженъ былъ обезопасить себя отъ Кіевлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же они признаютъ княземъ братоубійцу? Но Кіевлянъ легко было привести къ признанію княжескаго достоинства за злодѣемъ. «Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корьзна (одежды), а другымъ кунами, и раздая множество». Кто были эти люди— передовые ли въ городѣ—бояре, или простой народъ? И то и другое возможно, а неясность поставляетъ насъ въ недоумѣніе относительно этого важнаго обстоятельства. Отъ кого-бы ни зависѣла судьба Кіева, а съ нимъ и цѣлой Руси, въ то время: отъ избранныхъ ли классовъ, или отъ народа,—въ томъ и другомъ случаѣ легко можно было торжествовать неправдѣ и прикрыться продажности. Дѣйствительно, Святополкъ даже могъ одарить цѣлый Кіевъ. Все вознаградилось бы, какъ скоро онъ начнетъ собирать дань съ подвластныхъ народовъ и областей. Вотъ здѣсь открывается народная мѣстная черта. Еще народъ Кіевскій не впалъ въ рабскую покорность, но могъ подпасть подъ всякую неправую власть, посредствомъ приманки его матеріальными выгодами. Съ другой стороны, Ярославъ, прославленный лѣтописцемъ столько же, сколько былъ проклинаемъ Святополкъ, по нравственнымъ своимъ понятіямъ недалеко былъ выше Святополка: хитрый, жестокій, онъ вполнѣ обрисовывается въ поступкѣ своемъ съ Новгородцами, которыхъ, за избіеніе чужеземцовъ-Варяговъ, созвавши тайно къ себѣ,— перебилъ. Другой, не менѣе возмутительный, поступокъ этого князя былъ съ роднымъ братомъ Судиславомъ.

Чувственность, порывы наслаждаться жизнію, производя развращеніе нравовъ, не убивали однако въ народѣ воинственнаго элемента,—не доводили его до той изнѣженности, при которой народъ дѣлается неспособнымъ ни къ общему предпріятію, ни къ общему самосохраненію. Столкновенія съ иноплеменниками, какъ выше мы сказали, не давали уснуть его молодымъ силамъ.

Въ пѣсняхъ великорусскихъ о кіевскомъ періодѣ, гдѣ хотя последующіе вѣка положили сильно свой колоритъ, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть слѣдовъ глубоко-древнихъ: въ характерѣ тогдашнихъ богатырей, вмѣстѣ съ чувственностію, показывается и удаль, и богатырство. На самыхъ пирахъ отправлялись разныя пробы удальства: борьба, стрѣлянье изъ лука въ цѣль:

Будетъ день въ половину дня,
Будетъ столъ въ полустолѣ,
Богатыри прирасхвастались молодецкой удалью.
Алешенька Поповичъ, что бороться горазда,
А Добрыня Никитичъ—гораздѣ его,
А Дунай сынъ Ивановичъ изъ лука стрѣлять,
По той было цѣсточкѣ стрѣлять въ золотъ перстень,
Что во ту было ставочку муравлену.

Даже женщины показываютъ удальство. Такова жена Дуная, погибшая нечаянно отъ любившаго ее мужа, который хуже ея стрѣлялъ въ цѣль; такова жена Ставра-боярина, героиня, освободившая своего супруга отъ тюрьмы. Обѣ онѣ не Кіевлянки. Но въ Кіевъ, вмѣстѣ съ крещеніемъ и развращеніемъ, приходили и свѣжія нравственныя стихіи жизни. Разгульная, веселая жизнь Кіевлянъ смущалась безпрестанными набѣгами Печенѣговъ. Битвы съ ними носятъ на себѣ поэтическій характеръ. Къ намъ перешли чрезъ лѣтопись два разсказа, очень поэтическіе, о битвѣ на мѣстѣ нынѣшняго Переяслава и о хитрости въ Бѣлгородѣ. Какъ народны были эти разсказы и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народны и значительны были тогдашнія войны съ Печенѣгами, достаточно видно изъ того, что разсказъ о богатырѣ, побѣдившемъ Печенѣговъ, до сихъ поръ живъ въ памяти народной. Въ древніе годы — разсказываетъ преданіе — явился подъ Кіевомъ змѣй и побѣдивъ Кіевлянъ, наложилъ на нихъ дань—по юношѣ и по дѣвицѣ. Давали горожане; пришла очередь и князю (замѣтимъ мимоходомъ, что это уравненіе правъ князя съ простыми смертными есть, въ существующей теперь пѣснѣ, остатокъ древняго взгляда, когда дѣйствительно о князѣ, хотя бы сильномъ и самовластномъ по обстоятельствамъ,

не имѣли такого понятія какъ о государѣ). Князь далъ змѣю дочь свою. Змѣй полюбилъ ее страстно. Однажды кіевская княжна приласкалась къ нему, и говоритъ: «а що зміюню, чи е такий на світі щобъ тебе подужавъ?» Змѣй отвѣчалъ: «есть, недалеко отъ Кіева, Кожемяка Кирило: какъ затопитъ печь, такъ дымъ стелется подъ облака; а какъ выѣдетъ на Днѣпръ мочить кожи, то несетъ ихъ не по одной, а разомъ двѣнадцать штукъ: какъ онѣ напитаются водою, то такъ отяжелѣютъ, что я, пробуя, цѣплялся за нихъ, думалъ вытянуть, анъ нѣтъ! а онъ какъ потянулъ, такъ и меня чуть съ ними не вытащилъ».

Былъ у княжны голубокъ, съ которымъ она пришла къ змѣю. Она написала записочку и привязала къ голубку; въ записочкѣ она дала знать отцу: «есть въ Кіевѣ человѣкъ Кирило Кожемяка; просите его черезъ старыхъ людей, не побьется ли онъ со змѣемъ и меня бѣдную не вызволитъ ли?»

Когда голубокъ спустился на землю въ княжескомъ подворьѣ,— княжескія дѣти играли по двору и, увидѣвши голубка, закричали: «татусю, татусю! голубокъ одъ сестрички прилетівъ!» Поймали голубка. Прочитавъ записку, князь созвалъ старцевъ и допросился отъ нихъ о силачѣ. Послали стариковъ къ Кирилу Кожемякѣ. Отворивъ двери его хаты, они застали его сидящаго за работою къ нимъ спиною: онъ мялъ кожи. Старцы кашлянули, какъ обыкновенно дѣлаютъ Малороссіяне, желая дать знать о своемъ присутствіи. Кожемяка вздрогнулъ, испугавшись внезапности, и разорвалъ двѣнадцать шкуръ, которыя держалъ въ рукахъ,—и чрезвычайно разсердился на гостей, обезпокоившихъ его и надѣлавшихъ ему убытку. Никакъ не могли упросить его. Князь послалъ къ нему молодшихъ (дружину),—и тѣ не упросили разсерженнаго богатыря. Наконецъ, послали къ нему дѣтей: тѣ упросили его. Онъ явился къ князю, потребовалъ двѣнадцать бочекъ смолы и двѣнадцать возовъ конопляныхъ *повісомъ*, намазалъ повісма смолою, обмотался ими, взялъ въ руки десятипудовую булаву, и пошелъ къ змѣю. Змѣй, увидя его, спрашиваетъ:—«що, Кирило, чого прийшовъ до мене: битьця, чи миритьця?—Де вже тамъ миритьця! отвѣчалъ богатырь: прийшовъ

зъ тобою битьця». Змѣй вырывалъ съ Кожемяки зубами коноплю; Кожемяка билъ булавою змѣя въ голову. И когда змѣй, разъярившись, не могъ вытерпѣть и бѣгалъ пить днѣпровскую воду, чтобъ сколько нибудь придти въ свѣжія силы, Кожемяка успѣвалъ снова обматывать коноплями мѣста, вырванныя змѣиными зубами; и снова начинался бой. Кожемяка билъ булавою въ голову змѣя, и расходился по окрестностямъ такой стукъ, какой бываетъ отъ множества работающихъ кузницъ. Въ Кіевѣ, между тѣмъ, звонили въ колокола, служили молебны, а народъ стоялъ на горахъ съ поднятыми къ небу руками и испрашивалъ Божіей помощи своему богатырю. Наконецъ змѣй палъ. Кирило сжегъ мертвое чудовище и пустилъ на четыре стороны свѣта его пепелъ,—и сдѣлалъ нехорошо; изъ этого пепла расплодилась всякая дрянь на свѣтѣ: комары, мухи, мошки. Но это испытали люди послѣ; а въ тотъ день, когда Кирило привелъ къ князю освобожденную дочь его, въ Кіевѣ была радость неимовѣрная.

Эта народная повѣсть, по своей основѣ, есть остатокъ древняго языческаго эпоса. Связь ея съ исторіей того богатыря, о которомъ говорится въ лѣтописи, не подлежитъ сомнѣнію. Черты: его гнѣвъ, его упрямство, его занятіе—все представляетъ сходство съ разсказомъ нашего лѣтописца. До сихъ поръ подъ Кіевомъ существуетъ *байракъ* съ хатами, висящими на двухъ обрывистыхъ горахъ. Это мѣсто называется *Кожемяки* и народъ связываетъ это названіе съ именемъ Кирила Кожемяки.

Одною изъ разительнѣйшихъ чертъ древняго времени,—было *побратимство* или *названное братство*. Это былъ союзъ двухъ, трехъ и болѣе постороннихъ, неродныхъ между собою, лицъ, обязавшихся другъ другу помогать, другъ за друга сражаться, другъ друга избавлять, вызволять отъ опасностей, другъ за друга жертвовать жизнію и хранить пріязнь и братство дружбы ненарушимо. Этотъ обычай очень древенъ. Его слѣды встрѣчаются у Скиѳовъ. Г. Новосельскій, въ своемъ сочиненіи — Lud Ukrainski, очень кстати представилъ на видъ разсказъ изъ діалоговъ Лукіана о трехъ Скиѳахъ, заключившихъ между собою союзъ дружбы. Грековъ изумлялъ тогда

этотъ обычай у варваровъ. Какое отношеніе имѣютъ къ намъ древніе Скиѳы, до этого нѣтъ дѣла при опредѣленіи значенія нашего побратимства или названнаго братства; довольно только, что оно существовало издавна на нашей почвѣ. Сходныя обстоятельства производятъ сходныя слѣдствія. «У васъ, Грековъ,—говорилъ имъ Скиѳъ:—нѣтъ истинной дружбы; но у насъ, гдѣ безъ войны не обойдешься, гдѣ надобно или нападать, или ждать нападенія, или оборонять свои поля, или грабить чужія,—дружба необходима; нужно имѣть друзей, которые бы на всякую бѣду отважились». Въ подобномъ же положеніи была тогда Южная Русь. Богатыри, которыхъ имена блестятъ такимъ эпическимъ сіяніемъ, не миѳъ. Владимиръ часто долженъ былъ посылать удалыхъ высматривать, нѣтъ ли Печенѣговъ, а послѣдующіе князья—Половцевъ; другіе должны были ѣздить къ князьямъ или отъ князей, или помогать имъ отъ себя для сбора даней; и тамъ и здѣсь имъ было небезопасно: надобно было пріобрѣтать друзей. Свято чтилось это названіе братства или побратимства: измѣна брата чувствительнѣе казалась всякаго лишенія. Въ былинѣ о Василиссѣ Даниловой, когда, угождая необузданному произволу сладострастнаго князя, пошелъ на ея мужа, Данила Денисьевича, названный братъ Добрыня Никитичъ, Данило заплакалъ горькими слезами:

И гдѣ это слыхано, гдѣ видано:
Братъ на брата съ боемъ идетъ?

И Данило не пережилъ такого ужаса:

Беретъ Данило свое вострo копье,
Тупымъ концемъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.

Это то уваженіе къ святынѣ дружбы произвело болгарское сочиненіе и распространило его у насъ—легенду о братствѣ, гдѣ Іисусъ Христосъ устанавливаетъ братство.

Вотъ начало того братства, которое такъ сродно южно-русскому народу и составляетъ нѣкоторую характеристическую черту позднѣйшей его исторіи.

Вмѣстѣ съ богатырскимъ побратимствомъ, или названнымъ братствомъ, является подобное же въ монастыряхъ — братство духовное. Названныя братства Алексѣя Поповича, Ильи Муромца, отозвались впослѣдствіи въ Запорожской Сѣчи, а духовное братство первыхъ монастырей приготовило церковныя братства XVII вѣка, отстоявшія религію греческую отъ западнаго насилія.

Побратимство никогда не прекращалось въ Украинѣ, какъ и въ Дунайскихъ Славянскихъ Земляхъ. Главный и древнѣйшій символическій знакъ этого нравственнаго обычая есть обмѣна драгоцѣнныхъ вещей или взаимный даръ. Теперь существуетъ этотъ обычай не только между мужчинами (или лучше — не столько между мужчинами, сколько между женщинами), но и женщинами—*посестримство*. Оно состоитъ въ обмѣнѣ крестовъ. Такой же обрядъ побратимства видѣнъ и въ разговорѣ воеводы Претича съ печенѣжскимъ княземъ въ 962 году: *рече же князь печенѣжскій къ Прѣтичу: буди ми другъ. Онъ же рече: тако створю. И подаста руку межю собою, и вдасть печенѣжскій князь Претичю: конь, саблю, стрѣлы; онъ же дастъ ему: бронѣ, щитъ, мечь.*

Во время борьбы Святополка съ Ярославомъ, Кіевъ первый разъ попадается въ руки чужеземцевъ. Болеславу такъ понравилось въ Кіевѣ, какъ нѣкогда Святославу въ Переяславцѣ. Народъ южно-русскій былъ въ такомъ же отношеніи къ польскому, какъ болгарскій къ русскому. Какъ Русскіе, при Святославѣ, могли принять Болгарію за продолженіе Руси, такъ и Болеславъ—Русь за продолженіе Польши. Русскіе не противились, когда Болеславъ поставилъ на покормъ, по городамъ, свои дружины, а самъ засѣлъ въ Кіевѣ. Но потомъ, когда чужеземное посѣщеніе имъ надоѣло, приняты были средства нерыцарскія, именно такія, какія были вполнѣ согласны съ характеромъ населенія. Святополкъ, князь Кіева, руководилъ народомъ: Поляковъ избивали тайно. Поляки бѣжали. Ярославъ сдѣлался княземъ кіевскимъ и правилъ—окруженный чуждою силою. Роль однихъ чужеземцевъ, Поляковъ, смѣнилась ролью другихъ, Варяговъ—Шведовъ. Это было время, когда Скандинавы, просвѣ-

тившись христіанствомъ, начали показывать энергическую дѣятельность въ новой сферѣ; охота странствовать по свѣту для разбоевъ замѣнилась нѣсколько болѣе законнымъ способомъ— стали наниматься въ военную службу греческихъ императоровъ. Явились собственно такъ называемые Варенги или Варяги; они во множествѣ проходили черезъ Русь по Днѣпру. Кіевъ былъ ихъ временнымъ пристанищемъ. Тогда князья нашли удобнымъ приглашать ихъ, и вотъ они, такъ же какъ и въ Греціи, у насъ являются съ тѣмъ же значеніемъ наемнаго сословія. Связь съ Норманнами уже была очень значительна при Владимирѣ, какъ показываетъ сага Олафа Тригвасона. Князь Ярославъ, еще живучи въ Новгородѣ, женился на Ингегердѣ, дочери короля Свенона. По поводу этого брака, много Норманновъ приходило къ намъ. По связямъ съ Швеціей, Ярославъ воспитывалъ у себя Олафова сына, Магнуса, и отдалъ дочь свою за Гаральда Гардраде, норвежскаго короля. Около княгинь были одноземцы. По брачному договору съ Ингегердой, Ладога была уступлена ярлу Рагвальду. Съ помощію Варяговъ удержался князь на столѣ кіевскомъ. Но, какъ видно, Варяги вскорѣ надоѣли ему, и Ярославъ, видя что уже усѣлся крѣпко, выпроводилъ ихъ въ Грецію. Тѣмъ кончилось кратковременное норманнское вліяніе, продолжавшееся, однако, лѣтъ около 70-ти.

Намъ неизвѣстны подробности управленія Кіева и другихъ городовъ южно-русскаго края на столько, чтобы судить отношеніе его къ народному быту. Мы, однако, видимъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что народъ раздѣлялся на сотни и десятки; были сотскіе и десятскіе, вѣроятно, выборные; по городамъ, вмѣсто князя, были княжескіе посадники (намѣстники) и старцы — старѣйшины изъ туземныхъ жителей. Близкія князю лица носили общее названіе *дружины;* это было вмѣстѣ и военное сословіе, и стража княжеская, и совѣтники его. Владимиръ, по извѣстію лѣтописца, совѣтовался съ дружиною «о строи земляномъ, и о ротахъ и уставѣ земскѣмъ». Слово боляре употребляется въ другихъ мѣстахъ въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. Боляре, какъ кажет-

ся, были старѣйшины Земли, или народа. Коль-скоро былъ народъ, была и Земля, съ Землею соединилось понятіе о боярахъ. Такъ различаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами Земли или ея отдѣловъ, наприм. бояре вышгородскіе, бояре бѣлогородскіе: это были лица, которыхъ значеніе соединялось съ мѣстностію, по какой они назывались. Что бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указывается въ житіи св. Владиміра, гдѣ говорится, что св. князь ставилъ трапезу *собѣ и бояромъ своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.* Часть дружины, окружавшей князя, составляла то, что называлось *гриди* (лит. greitis—приспѣшники, служители). Въ важныхъ дѣлахъ князь не начиналъ самъ собою ничего, а совѣтовался съ боярами и дружиною, и старцами людскими. Подъ послѣдними разумѣлись выборныя народомъ должностныя лица. Какъ ихъ выбирали и какой объемъ былъ ихъ власти и обязанности, теперь напрасно хотѣли бы мы разъяснить. Со времени побѣды надъ Хазарами съ одной стороны, а потомъ со знакомствомъ съ Греціею, на князѣ, предводителѣ дружины, отчасти ложится отпечатокъ восточнаго вліянія. Мы уже указывали, что въ древней рѣчи, Владиміръ называется Хаганомъ. Замѣчаемое нами вліяніе восточно-хазарскаго элемента, могло бы въ то время, совокупно съ византійскимъ, водворить, утвердить и укрѣпить единовластіе и значеніе царственности княжескаго достоинства, если бы развитіе удѣльности не помѣшало этому тотчасъ же. Невозможно опредѣлить, что брало перевѣсъ—восточный элементъ, или свобода; и то и другое было въ зародышѣ, какъ и удѣльность, и единодержавіе. Возвышеніе человѣка за услуги могло быть по волѣ князя. Такъ богатыря, который побѣдилъ печенѣжскаго исполина, на мѣстѣ, на которомъ построенъ былъ Переяславль, Владиміръ сотворилъ великимъ мужемъ. Слѣдовательно, существовало понятіе о нарѣченіи на высшее достоинство, о пожалованіи. Даже существовали внѣшнія украшенія, означающія отличія. Такъ на Георгіи Угринѣ, отрокѣ Бориса, была гривна златая, повѣшенная княземъ ему на шею, въ знакъ особаго расположенія.

Недостаточность источниковъ не даетъ намъ права представить, до какой степени власть князя поглощала личную дѣятельность народа и общественную. Не было институцій — ни подпиравшихъ княжескую власть, ни указывающихъ ей предѣлы. Несомнѣнно то, что, съ одной стороны, князь не утвердилъ еще въ себѣ понятія о царственности и о недоступности своей особы для прочихъ смертныхъ; съ другой—народъ не развилъ въ себѣ идеи свободы въ отношеніи съ властію. Князь Владиміръ совѣтовался съ болярами и старцами людскими, призывалъ также къ себѣ сотскихъ и десятскихъ народа. Ни въ это время, ни послѣ, не видимъ мы ничего, что ставило бы князя на непреступную высоту величія. Владиміръ пировалъ со своими богатырями, какъ съ равными, или по крайней мѣрѣ не такъ, какъ съ рабами. Но боляре и дружина не имѣли, кажется, ничего строго-родоваго; потому что по смерти Владимира, — по извѣстію лѣтописца,—плакали по немъ два рода людей: *боляре и убогіи.* Раздѣляя такимъ образомъ народъ, лѣтописецъ хотѣлъ выразить словомъ боляре—люди съ достаткомъ, въ противоположность бѣднякамъ — убогимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же мѣстѣ поясняется слово боляре выраженіемъ: *плакашася боляре, акы заступника ихъ земли, убозіи, акы заступника и кормителя.* И такъ боляре были владѣтели земли, ибо земля представляется ихъ достояніемъ; охраняя землю князь охранялъ боляръ. «Въ Русской Правдѣ» также имя бояринъ употребляется въ смыслѣ владѣтеля земли. Натурально, что тѣ, которые владѣли землями, имѣли и составляли вмѣстѣ съ княземъ власть; дружина же состояла изъ тѣхъ, которые охраняли князя и города, подвергавшіеся безпрерывнымъ опустошеніямъ.

Вообще, однако, древній духъ южнорусскаго народа предпочитаютъ уравнительное начало общественныхъ условій, какъ это показываютъ древнія сказки, на которыхъ лежитъ отпечатокъ глубочайшей старины. Хотя въ нихъ являются князья, короли и королевичи, зато сказка всегда хочетъ представить своего богатыря изъ незначительнаго происхожденія, или если даже сы-

на королевскаго, то даетъ ему значеніе почему-нибудь унизительное передъ другими, чтобы послѣ выставить на показъ ту мысль, что вотъ тотъ, который сначала былъ меньшимъ всѣхъ по людскому понятію, стоитъ уваженія; на кого меньше возлагали надежды, тотъ вышелъ и дѣльнѣе, и полезнѣе всѣхъ. Много есть сказокъ, гдѣ играетъ роль мужицкій сынъ и притомъ сынъ мужика бѣднаго, а въ одной, фантастической, сынъ собаки (сучичъ) беретъ верхъ надъ сыномъ королевскимъ и спасаетъ его отъ всякихъ бѣдъ.

Въ то время, когда въ Кіевѣ образовалось такое, по видимому, растлѣнное общество, явилась нравственная оппозиція этому развращенію въ Печерскомъ монастырѣ. Съ самаго появленія христіанства, новый духовный элементъ долженъ былъ ратовать противъ языческаго образа понятій и всего теченія жизни подъ языческими привычками. Вмѣсто эгоистической преданности своимъ чувственнымъ пожеланіямъ, являются примѣры любви къ ближнему, помощи страждущему. Духовенство является съ однимъ оружіемъ слова,—становится на челѣ народа, живущаго матеріальною силою. Уваженіе новокрещеннаго Владимира къ епископамъ указываетъ на первую готовность подчинять языческую гордыню и необузданность христіанскому смиренію. Князь построилъ Десятинную церковь, — со всѣхъ его доходовъ назначепа 10-я часть на эту церковь; изъ житія св. Владимира,—писаннаго близкимъ къ нему по времени лицомъ, видно, — что это назначалось для содержанія *духовенства и помощи сиротамъ и вдовамъ* (Христ. Чт. 1849 г. II, 307).

Вмѣсто уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости (это столь естественно въ первобытныя времена цивилизаціи), является противное тому — уваженіе къ нищетѣ, и даже обоготвореніе страданія. Вѣра христіанская указываетъ другую цѣль жизни, открываетъ надежду на загробныя блага; вся здѣшняя жизнь не имѣетъ цѣны сама для себя. Страданія, терпѣніе за правду— ведутъ къ достиженію царствія Божія. Кто страдаетъ, тотъ получаетъ награду за свое страданіе по смерти. Отъ этой идеи возникла другая: не только не должно убѣгать отъ страданія—

слѣдуетъ искать его. Это идея, новая для Русскихъ, вошедши къ намъ съ православіемъ, какъ вообще всякое новое направленіе, пріобрѣла себѣ тотчасъ же горячихъ послѣдователей. Образовался такой взглядъ на новую вѣру, что сущность ея состоитъ въ постѣ, удрученіяхъ плоти и самопроизвольномъ страданіи. Увлеченные этимъ убѣжденіемъ—искали страданія. Симонъ, епископъ владимирскій, питомецъ Печерскаго монастыря, въ своемъ посланіи выразился: *вопрошаю же тя: чимъ хощеши спастися? аще и постникъ еси или трезвитель о всемъ, и нищъ, и безъ сна пребывая, а досажденія не терпя, не оузриши спасенія.* Подъ вліяніемъ этого, внесеннаго къ намъ извнѣ, убѣжденія о необходимости страданія и терпѣнія для угожденія Богу, образовалось у насъ, скоро послѣ принятія христіанства, аскетическое направленіе: монастырское затворничество, изнуреніе себя голодомъ, безсонницею, трудами, и безпрестаннымъ обращеніемъ мысли и чувства къ духовному міру. Направленіе это, конечно, принесли къ намъ Греки, монахи и паломники, которые, тотчасъ же послѣ крещенія Руси, странствовали по городамъ и селамъ Русской Земли. Это видно изъ житія Ѳеодосіева. Настроенный уже къ чудесному, къ которому имѣлъ наклонность по своей натурѣ, Ѳеодосій встрѣтился со старцами *и любезнѣ цѣлова ихъ и вопроси ихъ: откуда суть и камо грядутъ? Онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есма*....Вотъ, видно, вскорѣ послѣ принятія христіанства, у насъ странствовали восточные паломники между народомъ, и они-то своими разсказами, своимъ ученіемъ, своими образами блаженства будущей жизни, бросили сѣмя аскетическаго направленія въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начали распространяться книги, переведенныя съ греческаго, — житія святыхъ, — гдѣ аскетическая жизнь выставлялась какъ образецъ.

Говоря въ обширномъ смыслѣ, православное ученіе о страданіи и терпѣніи за правду и вѣру можетъ быть очень разнообразно и способно избрать тотъ, другой и третій исходъ, смотря по настроенію и характеру народнаго быта. Идея терпѣнія можетъ различно проявляться. У насъ, повидимому, сна-

чала это аскетическое направленіе стало проявляться въ паломничествѣ, или странничествѣ, потому что Антоній первый, изъ подвигоположниковъ, отправился на Аѳонскую гору; Ѳеодосій также устремился было къ святымъ мѣстамъ. Но скоро это направленіе измѣнилось и обратилось къ отечеству. Центромъ подвижничества сдѣлался Кіевъ. Страннымъ можетъ показаться нѣкоторымъ то обстоятельство, что люди, искавшіе уединенія, избрали мѣсто близъ многолюднаго и, какъ мы уже показали, сластолюбиваго города, а не гдѣ-нибудь вдалекѣ отъ центровъ гражданственности и торговли. Но вмѣстѣ съ желаніемъ спастись въ уединеніи самому, аскетами руководило еще желаніе и другихъ увлечь къ такому же добровольному терпѣнію, а Кіевъ былъ изъ всѣхъ городовъ болѣе христіанскій въ то время, слѣдовательно, какого бы рода ни была христіанская проповѣдь, нигдѣ столько не могла имѣть успѣха и найдти себѣ послѣдователей. Примѣръ Ѳеодосія, отъ котораго осталось нѣсколько проповѣдей, показываетъ, что эти аскеты были не только труженики, но и проповѣдники, учители, пропагаторы монастырскаго житія.

Вмѣстѣ съ религіозными преданіями Востока, зашли къ намъ повѣсти о богоугодившихъ ѳиваидскихъ отцахъ, которые жили не въ домахъ, а въ пещерахъ, и сами себѣ ихъ искапывали. Въ древности, какъ извѣстно, кромѣ аскетическаго настроенія, къ этому побуждали и гоненія на христіанство и необходимость прятаться отъ преслѣдователей и враговъ. Это нравилось у насъ и сохранялось даже до позднѣйшихъ временъ. Многіе, желая угодить Богу, копали пещеры. Первый, начинавшій копать пещеру, былъ Иларіонъ, священникъ, бывшій въ Берестовѣ, котораго Ярославъ послѣ сдѣлалъ кіевскимъ митрополитомъ. Богоугожденіе въ копаніи пещеръ заключалось въ томъ, что человѣкъ томилъ себя произвольнымъ трудомъ, съ мыслію—приносить себя самого въ жертву. Явился Антоній. Житіе, внесенное и въ лѣтопись, не говоритъ о томъ, какъ вошла къ нему идея идти въ Аѳонскую гору, и кто былъ его наставникомъ. Вѣроятно, любечскій юноша, будущій начальникъ монашескаго жи-

тія въ Россіи, получилъ первыя сѣмена этого аскетизма отъ какихъ нибудь Грековъ, какъ и Ѳеодосій, о которомъ говорится, что онъ встрѣтилъ старцевъ изъ Святой Земли и пожелалъ съ ними идти на Востокъ. Неизвѣстность, какимъ образомъ вошла Антонію мысль идти на Святую Гору и съ кѣмъ онъ дошелъ туда — для насъ большая потеря. Несомнѣнно то, однако, что полное развитіе аскетизма въ немъ совершилось уже на Святой Горѣ; потому что и житіе его (въ нашей лѣтописи) говоритъ, что онъ, обходивъ аѳонскіе монастыри, получилъ желаніе принять иноческій образъ; тогда греческіе монахи отправили его въ Русь и сдѣлали изъ него проповѣдника аскетическаго благочестія. Ему предсказали, что отъ него *черньцы мнози быти имутъ*. Антоній, слѣдовательно, возвращался въ отечество съ сознаніемъ своего призванія и съ убѣжденіемъ, что ему суждено основать въ Россіи монашеское житіе. Онъ явился въ Кіевъ, а не куда нибудь,—въ Кіевъ, потому что тамъ уже были и монастыри, заведенные прозелитами тотчасъ же послѣ крещенія. Но, какъ видно, эти монастыри были не таковы, какъ святогорскіе, и житье въ нихъ не было то, какого образъ составился въ созерцательной головѣ Антонія. Антоній поселился въ пещерѣ, ископанной Иларіономъ; получивши митрополичій санъ, послѣдній оставилъ ее; Антоній полюбилъ это мѣсто и началъ тамъ жить, изнуряя себя воздержаніемъ, вкушая только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Кіеву: христіане, зная изъ поученій своихъ священниковъ, что древніе святые проживали въ пещерахъ и тѣмъ угождали Богу, приходили къ Антонію, приносили ему все потребное и удивлялись его подвигамъ. Такъ это была первая школа, не только словомъ, но дѣломъ и примѣромъ, распространившая и утвердившая въ народѣ то неизмѣнное до сихъ поръ понятіе, что сущность христіанскаго спасенія достигается самопроизвольными трудами, изнуреніемъ и всевозможнѣйшимъ терпѣніемъ и страданіями. Антоній не былъ однимъ изъ тахихъ лицъ, которыя способны энергическою практическою дѣятельностію основать, укрѣпить и поддержать создаваемое зда-

ніе. Это была натура, какъ видно, кроткая, мягкая. Біографъ его, не обинуясь, говоритъ, что онъ былъ — *простъ умомъ*. Когда къ нему сошлось нѣсколько братіи, то онъ устроилъ имъ церковь, назначилъ игумена, а самъ удалился въ пещеру, гдѣ пробылъ сорокъ лѣтъ. Лѣтописное житіе говоритъ, что онъ не выходилъ оттуда никогда; въ житіи св. Ѳеодосія говорится, что онъ вышелъ къ его матери.

Напротивъ, другой святой мужъ, Ѳеодосій, послѣдовавшій за Антоніемъ, былъ совсѣмъ другаго характера. Это былъ человѣкъ столько же суроваго аскетизма, сколько и практической дѣятельности. Это былъ человѣкъ, для котораго недостаточно было думать о собственномъ спасеніи: онъ чувствовалъ въ себѣ силы дѣйствовать на ближнихъ,—человѣкъ, желавшій и спасти другихъ; это былъ мужъ, дающій иниціативу, руководящій духомъ времени. Въ терпѣніи онъ не уступалъ Антонію. «По ночамъ,—говоритъ жизнеописатель его,—святый Ѳеодосій выходилъ надъ пещеру, обнажалъ свое тѣло до пояса и въ такомъ положеніи прялъ волну, отдавая тѣло свое на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, и въ то же время пѣлъ псалтырь»; но этотъ человѣкъ не довольствовался самозаключеніемъ въ пещерѣ. Онъ создалъ монастырь, устроилъ общину воздержанія и самопроизвольнаго терпѣнія и истязанія. Въ немъ является качество законоположника, зодчаго; потому-то онъ прежде всего выписалъ изъ Греціи Студійскій уставъ, пославъ въ Константинополь одного изъ благочестивыхъ братій. Когда принесли этотъ уставъ, устроитель приказывалъ читать его передъ братіей, ввелъ строгій порядокъ, наблюдавшійся во всѣхъ видахъ повседневной жизни. «Прежде чѣмъ построенъ былъ монастырь, братія жила подъ землею въ тѣсныхъ пещерахъ, по подобію ѳиваидскихъ отцевъ, и сильно скорбѣла,—говоритъ ихъ жизнеописатель,—отъ тѣсноты мѣста». Понятно, что для русской натуры, любящей просторъ, показывающей эту наклонность повсемѣстно, не могло быть ничего хуже тѣсноты. Братья ѣли хлѣбъ и воду, *въ суботу же и въ недѣлю сочива вкушаху; многажды и въ тѣ два дни, не обрѣтающуся сочиву, зелія свариваше, и то*

ядяху едино. Постоянный трудъ считался необходимостью; отшельникъ долженъ былъ питаться непремѣнно отъ своихъ трудовъ: *аще же руками своими дѣлаху — ово ли копытця плетуще и клобуки и иная ручная дѣла строюще, и тако, носяще въ градъ, продаваху, и тѣмъ жито куплаху и се раздѣляху, да кождо въ нощи свою часть измѣлъше, на оустроеніе хлѣбомъ; таже потомъ начатокъ пѣнію утреннему створяху, и тако паки дѣлаху ручное своѐ дѣло; другойци же въ оградѣ копаху зеленнаго ради растенія—дондеже бываше утреннему славословію, и того часа вькупѣ сшедшеся въ церкви, пѣнія часовъ творяху, и тако святую литургію свершивше и тако вкусивши мало хлѣба, и паки дѣло свое кождо имѣяше, и тако по вся дни трудящеся*. Когда, наконецъ, состроенъ былъ Печерскій монастырь и Ѳеодосій былъ его начальникомъ, онъ старался *умножить* монаховъ, принималъ всякаго, но держалъ ихъ въ подчиненіи и постоянно наблюдалъ, чтобы братія не облегчала себѣ подвиговъ спасенія. Уже тогда братія жила въ кельяхъ; каждую ночь Ѳеодосій обходилъ кельи и смотрѣлъ кто что дѣлаетъ; не входя въ кельи, онъ нерѣдко подслушивалъ у дверей, и если слышалъ, что въ кельѣ монахи разговариваютъ между собою, то ударялъ палкою въ дверь и уходилъ, а на другой день призывалъ и дѣлалъ обличенія. По его правилу, монахи должны были избѣгать разговоровъ другъ съ другомъ по вечерни; но отслушавъ вечерню и павечерницу, каждый долженъ былъ отходить въ свою келію, и тамъ молиться. Ни у кого не должно быть ничего собственнаго,—иначе св. Ѳеодосій бросалъ все въ огонь, что ни находилъ въ кельѣ монаха. Строгое послушаніе предписывалось безъ изъятія всѣмъ и для всякаго случая. Къ какому бы благому дѣлу ни приступалъ монахъ, онъ долженъ былъ испросить разрѣшенія и благословенія игумена, а безъ того—и хорошее дѣло считалось нехорошимъ. Ѳеодосій, предписывая строгость для другихъ, не только не дѣлалъ для себя изъятій, но налагалъ на себя еще болѣе томительныя тяжести, чѣмъ на подчиненныхъ. Онъ самъ нерѣдко носилъ воду, рубилъ дрова,

топилъ печь, ходилъ въ самой дурной, разодранной одеждѣ. Ѳеодосій любилъ сочинять поученія и говорилъ ихъ монахамъ.

Трудясь для монастыря, онъ не оставлялъ своими поученіями и міра, не вполнѣ, какъ Антоній, былъ чуждъ мірскихъ дѣлъ. Къ нему часто приходилъ князь Изяславъ Ярославичъ; и бояры съ нимъ совѣтовались о жизни; онъ давалъ душеспасительные совѣты, исповѣдывалъ во грѣхахъ, разрѣшалъ и налагалъ епитимьи. Замѣчательно, что въ поученіи его князю о постѣ, онъ гораздо снисходительнѣе къ свѣтскимъ въ отношеніи поста, чѣмъ можно было ожидать отъ такого строгаго аскета. Но за то— главное—онъ требуетъ подчиненія духовенству, власти духовной. Вотъ чѣмъ отличается духъ его посланія. Не смотря на то, что постъ для него высшее проявленіе христіанства, онъ даже и поститься не дозволяетъ, если іерей не прикажетъ. Не думай и будь покоренъ власти духовной—вотъ сущность его аскетическаго ученія; послушаніе безъ размышленія есть долгъ. Вратарь у Печерскаго монастыря не пустилъ даже князя Изяслава, когда не приказалъ никого пускать игуменъ. Жизнеописатель Ѳеодосія разсказываетъ, что въ дѣтствѣ надъ нимъ господствовала мать: онъ убѣжалъ отъ нея въ монастырь и, можетъ быть, что эта суровость родительской власти оставила вліяніе на тотъ строгій порядокъ, какой ввелъ онъ въ монастырь, и какой посредственно переходилъ и въ міръ, съ благочестивыми понятіями. Напримѣръ,—вмѣнено въ вину келарю то, что, въ противность Ѳеодосію игумену, онъ предложилъ пожертвованные хлѣбы братіи за трапезою не въ тотъ день, когда приказалъ игуменъ, а на другой. Этого мало: самые хлѣбы уже черезъ то сочтены оскверненными, и св. мужъ приказалъ ихъ пометать въ огонь, *яко вражую часть*.

Вмѣстѣ съ этимъ духомъ безусловной покорности, Ѳеодосій предостерегалъ братію отъ общенія съ иновѣрцами вообще. Жизнеописатель Ѳеодосія говоритъ: онъ нерѣдко выходилъ тайно изъ кельи и монастыря къ жидамъ и ругалъ ихъ въ глаза отметниками и беззаконниками, желая, чтобъ они его убили, и

чтобы такимъ образомъ сподобиться пострадать за христіанскую вѣру.

Въ пищѣ проповѣдывалось имѣть воздержаніе и неприхотливость, крайнюю умѣренность. Но святые поставляли въ томъ подвигъ, чтобъ ѣсть дурное и невкусное. Такимъ образомъ одинъ изъ нихъ, Прохоръ, прозываемый Лебедникомъ, во время голода, осудилъ себя ѣсть хлѣбъ изъ лободы; такой хлѣбъ былъ горекъ и противенъ, но Богъ сотворилъ его вкуснымъ.

Церковь заботилась объ аскетическомъ совершенствѣ человѣка, смотря по силамъ,—начиная отъ суроваго воздержанія печерскихъ затворниковъ, до легкаго соблюденія постовъ міррянами. Лишать себя того, что нравится,—вотъ въ этомъ состояла заслуга; на этомъ основывается такое уваженіе къ посту, которое привилось въ русскомъ народѣ тотчасъ послѣ знакомства съ христіанствомъ. И первые религіозные споры наши были о постѣ, потому что еще Изяславъ Ярославичъ спрашивалъ Θеодосія о томъ, можно ли ѣсть мясо въ господскіе праздники. Θеодосій не только разрѣшилъ ему, но считалъ противозаконнымъ постъ въ большіе праздники: такъ снисходительно смотрѣлъ онъ на мірянъ, когда въ то же время требовалъ такого суроваго воздержанія отъ монаховъ.

Вмѣстѣ съ воздержаніемъ соединялось уваженіе къ труду; иногда трудъ этотъ предпринимался безъ опредѣленной цѣли, или, лучше сказать, цѣль его была въ самомъ себѣ; трудиться было спасительно, ибо это Богу угодно, хотя бы не имѣлось въ виду никакой пользы. Такъ трудились мужи святые по кельямъ; но большею частію трудъ, по понятіямъ, развивавшимся въ Печерскомъ монастырѣ, былъ соединенъ съ уничиженіемъ и смиреніемъ. Такъ, напримѣръ, игуменъ Θеодосій носилъ братіи дрова въ избу и это ставилось ему въ заслугу: потому что онъ былъ начальное лицо, и притомъ ему собственно по его сану, не должно было бы трудиться. Ставили въ большую заслугу то, что князь Никола Святоша служилъ въ монастырской поварнѣ, потомъ былъ вратаремъ,—именно это ставили ему въ заслугу, потому что онъ былъ князь. Примѣръ уваженія къ дѣвству

представляетъ повѣсть о Моисеѣ Угринѣ, сложенная очевидно такими, которые, живя въ монастырѣ, не знали міра и воображали его себѣ такимъ, какимъ онъ могъ казаться только тѣмъ, кто разошелся съ его треволненіями. Моисей былъ взятъ Болеславомъ въ плѣнъ (братъ его былъ слугою Бориса и съ нимъ вмѣстѣ былъ убитъ). Какая-то знатная Полька хотѣла сочетаться съ нимъ бракомъ, — онъ упорствовалъ; она жаловалась королю и король хотѣлъ его заставить, но святой мужъ вмѣсто того сдѣлался евнухомъ.

Печерскій монастырь сообщилъ нашему религіозному убѣжденію непріязнь ко всему веселому, ко всему, что можетъ сообщить прелесть земной жизни. Вмѣстѣ съ пирами преслѣдовалось всякое смѣхоторство, всякое даже невинное увеселеніе. Ѳеодосій, заставши князя Святослава пирующимъ съ болярами и гуслярами, со слезами представлялъ ему, что такого веселія не будетъ на томъ свѣтѣ.

На слезы и грусть смотрѣли, какъ на нѣчто священное. Одинъ изъ святыхъ, Ѳеофилъ (въ житіи Марка Печерника), выплакалъ глаза: ожидая много лѣтъ часа кончины, предсказанной ему Маркомъ, онъ мучился безпрестаннымъ ожиданіемъ смерти, — и когда умиралъ, то ангелъ показалъ ему сосудъ съ благовонnымъ мѵромъ, въ которое превратились его слезы; ихъ было такъ много, что изъ превратившихся въ мѵро было менѣе случайно упавшихъ на землю и оставшихся на платкѣ, чѣмъ тѣхъ, которыя святой, плача, имѣлъ терпѣніе собирать въ сосудъ, который подставлялъ всегда, какъ собирался плакать. Объ одномъ изъ затворниковъ говорится: *оттолѣ разумѣша вси, яко угоди Господеви: никогда же бо изыйде и видѣ солнце, и 12 лѣтъ и плача не преста день и нощь; ядяше бо мало хлѣба и воды, поскуду піяше и то черезъ день.*

Страданія, болѣзни принимались также за благополучіе. Пименъ многострадальный терпѣлъ ужасныя болѣзни и сознавалъ, что если бы онъ захотѣлъ, то Богъ бы его помиловалъ, но онъ самъ не хочетъ, и лежа въ смрадной болѣзни, другихъ исцѣлялъ: «здѣ убо скорби и туга и недугъ вмалѣ, а тамъ радость

и веселіе, идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная; того бо ради, брате, сія терплю; Богъ же, иже тебѣ мною исцѣливый отъ недуга твоего, той можетъ и мене въставити отъ одра сего и немощь мою исцѣлити, но не хощу: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ», и такъ далѣе.

Сколько можно заключить, самое правило: дѣлать добро ближнимъ и не дѣлать имъ зла, связывалось съ тѣмъ понятіемъ, что въ сердцѣ лежатъ побужденія дѣлать зло, а добро дѣлать трудно. Вообще, трудъ и лишенія,—вотъ что ставилось на первомъ планѣ въ дѣлѣ спасенія. Сдѣлать доброе дѣло важно было не для того, кто получаетъ, а для того, кто дѣлаетъ и даетъ; потому что давать и дѣлать добро, по понятію тогдашнему — было непріятно, и потому спасительно. Поэтому русское нравственное вѣроученіе и не старалось о томъ, чтобы всѣмъ было хорошо здѣсь,—чтобъ въ обществѣ каждый могъ наслаждаться жизнію: это было не въ его цѣли; потому что непріятности, страданія—ведутъ въ царствіе небесное, и слѣдовательно все благодѣяніе, какое могла оказать церковь, относиться могло только къ лицамъ въ отдѣльности, а не къ цѣлому обществу.

Богатство считалось уже само по себѣ корнемъ зла. Желающій спастись лучше ничего не могъ сдѣлать, какъ раздать нищимъ свое состояніе и идти въ монастырь въ произвольную нищету. Св. Ѳеодоръ, по указанію бѣса, отыскавшій сокровище въ землѣ, зарылъ его въ землю снова, и молилъ Бога забыть о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребъ его. При раздачѣ имущества нищимъ, цѣлью не было обогатить своихъ ближнихъ; одна была цѣль—достичь самому царствія Божія. Замѣчательно, что святому, пожалѣвшему о растратѣ имѣнія, другой святой предложилъ, что онъ возвратитъ ему все, но съ тѣмъ, что милостыня отъ Бога ему вмѣнится.

Эта философія, отвергающая земное стяжаніе, облеклась въ сказаніе объ Іоаннѣ и Сергіѣ въ «Патерикѣ»: Іоаннъ и Сергій заключили между собою *духовное братство* (древнее побратимство, осѣненное теперь церковнымъ освѣщеніемъ) и Іоаннъ оставилъ сыну своему, Захару, наслѣдство, которое поручилъ на-

званному брату; названный братъ счелъ лучше самому воспользоваться чужимъ достояніемъ и не отдалъ Захару, когда онъ требовалъ отцовскаго достоянія, не отдалъ даже и тогда, когда Захаръ просилъ не болѣе половины, даже трети. Тогда Захаръ призвалъ его къ клятвѣ предъ икононою Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ. Обманщикъ не могъ приблизиться къ иконѣ и принужденъ былъ сознаться въ своей винѣ. Лучшаго конца повѣсть не представляетъ намъ, кромѣ того, что Захаръ все злато и серебро свое пожертвовалъ на монастырь; и онъ и его обиратель постриглись—въ монастырѣ.

Нищета считалась первою принадлежностью монашескаго быта. Однако, усердіе дателей не было отвергаемо, и вскорѣ монастырь сталъ богатъ. Жертвовать на монастырь было такое же доброе дѣло, какъ и дарить нищимъ и кормить ихъ. Печерскій монастырь надѣлили богатыми, по тому времени, вкладами звонкаго металла, разныхъ драгоцѣнныхъ вещей, — записывали въ его вѣчное владѣніе недвижимыя имѣнія, села. *И приношаху ему* (князья и бояре) *отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, друзіи же села вдающе на церковную потребу*.

Монастыри создались двумя способами, или 1) строили ихъ князья и знатные богатые люди по душѣ или по данному обѣту, во время испрошенія какой-нибудь особенной Божіей помощи; 2) основывались они и такъ, какъ основывался Печерскій: собирались добровольные любители аскетическаго житія.

Основаніе Печерской церкви Патерикъ приписываетъ Варягу Шимону—вѣроятно Шведу родомъ; это былъ сынъ Африкана, брата Якуна-Слѣпаго, того самаго, который помогалъ Ярославу въ сраженіи противъ Мстислава Владимировича на Лиственской битвѣ и отбѣжалъ золотой *луды*. По смерти Африкана, братья его выгнали изъ отечества Шимона, какъ это обыкновенно случалось въ скандинавскомъ мірѣ. Онъ убѣжалъ къ Ярославу въ Гардарикъ. Послѣ службы Ярославу, Якунъ возвратился на родину и тамъ участвовалъ въ несправедливостяхъ къ племяннику. Впослѣдствіи Шимонъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее: «Былъ у

моего отца, Африкана, крестъ съ изображеніемъ Христа вапною (известью), очень великъ, въ десять локтей, *якоже Латины имутъ*. На этомъ изображеніи былъ золотой поясъ въ 8 гривенъ золота и золотой вѣнецъ на главѣ. Когда Шимону приходилось убѣгать изъ родины, онъ захватилъ съ собою этотъ поясъ и вѣнецъ. Тогда *ему гласъ бысть: никакоже сего не возложи на главу свою, неси сія на уготованное мѣсто, гдѣ строится церковь матери моея и отдай въ руцѣ преподобнаго Θеодосія, онъ же повѣситъ надъ жертвенникомъ*. Послѣ этого видѣнія, когда онъ плылъ по морю въ Гардарикъ, сдѣлалась буря; Шимонъ испугался и подумалъ, что это наказываетъ его Богъ за то, что онъ взялъ украшенія отъ Христова образа,—началъ онъ въ этомъ каяться, и тогда увидѣлъ на воздухѣ изображеніе церкви и услышалъ голосъ, объясняющій, что̀ это за церковь: «это церковь, которая хощетъ создатися отъ преподобныхъ во имя Божіей Матери,—въ ней и ты будешь положенъ; размѣрь поясомъ 20 локтей въ вышину, 30 въ длину и 30 въ ширину». Не смотря на то, Шимонъ пріѣхавши въ Кіевъ, долго, какъ кажется, не думалъ строить церкви: впослѣдствіи объяснялъ онъ, что не зналъ и мѣста, на которомъ указано отъ Бога быть этой церкви. Шимонъ прибылъ въ Кіевъ еще при Ярославѣ и служилъ у сына его, Всеволода; когда же, по смерти князя Ярослава, появились впервые Половцы, Шимонъ отправился противъ нихъ съ русскимъ ополченіемъ и обратился, вмѣстѣ съ князьями Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ къ преподобному Антонію. Боговдохновенный старецъ предрекъ имъ всѣмъ несчастіе. Шимонъ, въ простотѣ сердца, палъ къ ногамъ преподобнаго и молилъ сохранить его отъ вражескаго меча. Преподобный отвѣчалъ ему: «О чадо! многіе падутъ отъ острія меча и убѣгутъ отъ сопостатъ, будутъ попираемы и уязвляемы, будутъ тонуть въ водѣ; ты же останешься спасенъ, ибо тебѣ суждено лежать въ Печерской церкви, которая создастся твоимъ попеченіемъ». Несчастно для русскихъ было пораженіе на Альтѣ; Шимонъ былъ раненъ и лежалъ на полѣ, посреди труповъ и умирающихъ,

и вдругъ въ воздухѣ увидѣлъ тоже изображеніе церкви, которое нѣкогда представилось ему надъ балтійскими волнами. Тогда онъ вспомнилъ, что съ нимъ было прежде, началъ молиться о спасеніи. Онъ, потомъ, выздоровѣлъ. Тогда пришелъ онъ къ Антонію, отдалъ ему поясъ для размѣренія церкви и вѣнецъ, который слѣдовало повѣсить надъ жертвенникомъ. Онъ явился къ Θеодосію и просилъ благословить себя нетолько въ жизни, но и по смерти. Θеодосій отвѣчалъ, что самъ еще не знаетъ, будетъ ли угоденъ Богу своими молитвами по смерти; но Шимонъ представлялъ, что ему былъ отъ образа гласъ, который свидѣтельствовалъ о святости Θеодосія и о томъ, что ему суждено основать церковь за тѣмъ Шимонъ просилъ молиться о себѣ и своемъ сынѣ Георгіѣ. Θеодосій изъявилъ желаніе молиться за него и за его семейство, наравнѣ какъ и за всѣхъ христіанъ. Шимонъ этимъ былъ недоволенъ: онъ требовалъ, чтобы Θеодосій далъ ему свое благословеніе на письмѣ. Θеодосій согласился и далъ ему молитву. По этому примѣру, на Руси начали при погребеніи влагать въ руки мертвыхъ рукописаніе. Шимонъ, готовясь строить храмъ, хотѣлъ прежде всего взять для себя еще выгоднѣйшія условія; онъ потребовалъ отъ святаго мужа отпущенія грѣховъ своихъ родителей. Θеодосій, воздвигнувъ руки, сказалъ: «да благословитъ тя Господь отъ Сіона и до послѣднихъ рода твоего!» Шимонъ принялъ православную вѣру и нареченъ Симономъ. О родѣ Симона «Печерскій Патерикъ» присовокупляетъ, что сынъ его Георгій былъ отправленъ Мономахомъ съ сыномъ его Юрьемъ въ Суздальскую землю и потомъ былъ тамъ поставленъ управлять всею Суздальскою Землею.

Повѣсть эта многозначительна въ исторіи русской жизни. Это былъ у насъ первообразъ множества подобныхъ событій, когда, вслѣдствіе укоренившагося вѣрованія о спасеніи души посредствомъ постройки монастырей, богатые люди благодѣтельствовали монастырямъ, давали имъ села, доходы, и, такимъ образомъ, способствовали развитію монастырской жизни.

Вслѣдъ за повѣстью о Шимонѣ, тогда же образовались старинныя сказанія о пришествіи церковныхъ мастеровъ изъ Гре-

ціи и объ основаніи Печерской церкви. Придавая еще болѣе въ глазахъ народа святости Печерской обители, повѣсть приводитъ изъ Греціи мастеровыхъ людей, которые получаютъ отъ Пресвятыя Богородицы указаніе идти въ Русь и строить церковь. Ангелы являлись въ видѣ *благообразныхъ скопцевъ* — звать ихъ къ Богородицѣ во Влахернѣ. Образъ ангеловъ въ видѣ скопцевъ не рѣдкость въ византійской легендарной литературѣ. Аскетизмъ и самоистязаніе достигаютъ до умерщвленія плоти и способствуютъ дѣвственному житію. То же сказаніе говоритъ, что икона, которая, впослѣдствіи, сдѣлалась въ Печерскомъ монастырѣ мѣстною, была принесена прибывшими греческими мастерами,—она была имъ вручена самою Богородицею и есть произведеніе не земнаго, а небеснаго, сверхъестественнаго искусства. Вотъ начало благоговѣйнаго почитанія явленныхъ иконъ, столь распространеннаго впослѣдствіи въ религіозной сферѣ русской жизни. Эта вѣра въ явленныя иконы принесена была къ намъ съ Востока прежде всего въ Печерскій монастырь, на кіевскую почву, точно какъ и многія другія вѣрованія.

Отъискали мѣсто для будущей церкви, и ея заложеніе сопровождалось чудесами, подобными восточнымъ чудесамъ Ветхаго Завѣта и сходнымъ съ ними позднѣйшимъ церковнымъ преданіямъ Востока. Подобно Гедеону и Иліи, святый Θеодосій, желая узнать, кякое именно мѣсто пріятно Богу для воздвиженія церкви, молился, чтобъ вездѣ была роса, а на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ быть церкви, не было росы; а на другую ночь просилъ обратно, чтобъ именно тамъ была роса, когда повсюду не было росы. Все совершалось по его желанію. На томъ мѣстѣ, гдѣ высшее знаменіе указало быть церкви,—росли кустарники: они были истреблены огнемъ, низведеннымъ съ неба силою молитвы св. Θеодосія. Когда нужно было копать ровъ для закладки храма, эту работу предпринялъ первый — князь Святославъ, и богатые люди жертвовали вклады на созданіе святыни, съ тѣмъ, чтобы, по смерти, быть погребенными на этомъ благословенномъ мѣстѣ.

Уже повѣсти о Варягѣ Симонѣ и о греческихъ мастерахъ при-

даютъ особое значеніе погребенію въ Печерской церкви. Въ «Словѣ», составляющемъ часть «Патерика» и называющемся: *Слово, еже когда основана бысть церковь Печерская*, говорится: *блаженъ и треблаженъ сподобивыйся положенъ быти; блаженъ и треблаженъ сподобивыйся въ той написанъ быти, яко оставленіе пріиметъ грѣховъ*. Преподобный Ѳеодосій говоритъ: *всякъ положенный здѣ, помилованъ будетъ*. Вотъ какое важное значеніе получила тогда Печерская церковь и Печерская обитель! Не удивительно, что эта обитель скоро процвѣла. До построенія церкви, Ѳеодосій говоритъ пришедшему къ нему Варягу Симону: *а вѣси, чадо, оубожество наше, иже иногда многажды и хлѣба не обрѣтается въ дневную пищу*. Но вскорѣ послѣ того, когда Ѳеодосій, по откровенію Божію, готовился отойти отъ міра сего и собиралъ братію, то уже многая братія жила въ разныхъ монастырскихъ селахъ. Князья и княгини давали и записывали въ монастыри богатые вклады, имѣнія. Такъ князь Ярополкъ Изяславичъ далъ въ монастырь Небльскую волость, Деревскую, Лучскую и около Кіева; зять его Глѣбъ Всеславичъ—60 гривенъ золота и 50 серебра, а по его смерти назначилъ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота и по смерти села съ челядью (Ип. Сп. Лѣт. 82). Монастырь Печерскій сдѣлался даже хранилищемъ чужихъ сокровищъ. Въ тотъ вѣкъ достояніе не было слишкомъ обезпечено отъ произвола, и потому многіе отдавали туда на сохраненіе и серебро, и золото,—этотъ обычай распространился на всѣ монастыри.

Преподобный Ѳеодосій оградилъ свое твореніе отъ притѣсненій въ будущія времена со стороны князей и духовныхъ сановниковъ. Преданіе, записанное въ «Патерикѣ», сообщаетъ, что предъ смертію онъ видѣлъ князя Святослава и молилъ его, чтобъ церковь Печерская была освобождена отъ власти и князей и владыки; ибо не люди, а сама Богородица ее создала. Такъ на долго обитель пребывала независимымъ обществомъ. Мудрый Ѳеодосій самъ установилъ твердую нравственную связь между всѣми принадлежащими къ обители. Онъ предвидѣлъ, что

обитель сдѣлается разсадникомъ игуменовъ и владыкъ въ Россіи. Конечно, уже и прежде, вѣроятно, она начала имѣть свое важное значеніе; поэтому онъ сказалъ, что если кто изъ братій будетъ призванъ на какое-нибудь начальническое мѣсто въ Россіи, то выходить изъ обители можетъ только съ позволенія старшихъ и всегда долженъ искать успокоиться въ Печерской обители: только за такихъ обѣщается св. Θеодосій молиться передъ Богомъ. Понятно, какъ послѣ такого завѣщанія, впослѣдствіи, печерскіе иноки, гдѣ бы они ни были, не теряли связи съ монастыремъ, какъ показываетъ письмо Симона, епископа владимирскаго. Напутствуемый мысленнымъ благословеніемъ великаго основателя обители, такой питомецъ Печерской обители, — будетъ ли онъ въ Ростовѣ, во Владимирѣ, въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ, — всегда обращался сердцемъ, къ Кіеву, къ завѣтной обители, какъ къ обѣтованной землѣ спасенія, и хранили тѣ преданія, тѣ вѣрованія и правила, которыя получилъ въ этомъ монастырѣ, и сообщалъ ихъ повсюду, куда простиралось его вліяніе.

Печерскій монастырь указалъ русской религіозности и то направленіе, которое, въ дѣлахъ общественныхъ, обращало дѣйствіе христіанскаго нравоученія со всѣми наставленіями единственно къ совершившемуся факту, а не касалось самаго общественнаго порядка. Преподобные святые печерскіе развили это начало. Антоній былъ благорасположенъ и къ Изяславу, и ко Всеславу, и за послѣдняго былъ первымъ изгнанъ. Θеодосій жилъ въ согласіи и осыпалъ благословеніями Изяслава, а потомъ изгнавшаго его брата, Сятослава. Онъ менѣе укорялъ его за игнаніе Изяслава, за похищеніе кіевскаго стола, чѣмъ за то, что засталъ Святослава въ пирушкѣ съ гуслярами, и восхвалялъ его, когда князь удалялъ веселыя сцены отъ преподобнаго мужа, какъ скоро преподобный приходилъ къ князю. Однажды пришла къ Θеодосію убогая вдовица жаловаться на судью, который ее обобралъ и рѣшилъ неправо ея дѣло. Θеодосій упросилъ судью возвратить ей неправильно взятое. Но Θеодосій не считалъ своимъ дѣломъ стараться, чтобъ такихъ судей не было.

Онъ заступался— говоритъ его житіе—за утѣсненныхъ передъ княземъ и судьями, и это ставится въ заслугу его милосердію; но съ точки зрѣнія Ѳеодосія не было потребности измѣненія того порядка, отъ котораго зависѣли утѣсненія, облегчаемыя его заступничествомъ. Точно такое направленіе получило и послѣ него вліяніе церковныхъ мужей на общественную жизнь. Благочестіе съ радостію оказывало пособіе страждущимъ, гонимымъ, но мало вопіяло противъ тѣхъ, которые были виновниками несчастій, поражавшихъ тѣхъ, кто искалъ утѣшенія въ религіи: оно не заглядывало внутрь земныхъ побужденій. Покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи—было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Пусть каждый только о себѣ заботится, о своемъ спасеніи помышляетъ — это было правило нравственное; такимъ образомъ даже слово Христово о неосужденіи брата своего примѣнялось болѣе къ собственному самоуничиженію, чѣмъ къ сохраненію чести другаго. Зачѣмъ тебѣ разсуждать и умствовать,—помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться!.. Всѣмъ слѣдуетъ угождать, всѣхъ хвалить, всѣмъ покорствовать; только тогда и можно спастись. Самостоятельнымъ слѣдуетъ быть тогда только, когда дѣло идетъ о постѣ и о соблюденіи церковныхъ обрядовъ: тутъ должно отвращаться отъ житейскихъ довольствій, — слѣдуетъ быть упорнымъ и не склоняться ни передъ какою властію; но во всемъ прочемъ не слѣдуетъ быть строптивымъ.

До какой степени простиралась важность покорности начальству и считалась первѣйшею добродѣтелью, видно изъ того, что въ одной изъ повѣстей — умершій, воскреснувъ, не могъ сказать братіи въ монастырѣ большей истины, какую могъ вынесть изъ будущей жизни, какъ только то, что слѣдуетъ быть покорнымъ игумену. Замѣчательно, что даже самый суровый аскетизмъ и плотеистязанія не помогутъ, если монахъ не будетъ отличаться безмолвнымъ послушаніемъ.

Война, со всѣми ея ужасами, мало смущала благочестіе. Развитое на почвѣ Печерскаго монастыря, оно заботилось о томъ,

чтобы давленіе войны проходило мимо него и не лишало обители законнаго ея достоянія. Вотъ, напримѣръ, Григорій, Симоновъ сынъ, бывшій въ Суздалѣ, сознается, что когда онъ съ Юріемъ Долгорукимъ и, при помощи Половцевъ, воевалъ противъ Изяслава Мстиславича, то напалъ онъ съ Половцами на какой-то городъ, — но это было село монастырское, которое показалось градомъ, чтобъ не даться Половцамъ на разграбленіе; потому что враги, видя его твердыни, не рѣшились отваживаться на приступъ. Такимъ образомъ, по понятіямъ времени, не считалось предосудительнымъ воевать, брать села и города, и раззорять ихъ, но слѣдовало щадить монастырскія имущества.

Главные признаки аскетическаго настройства: покорность, воздержаніе и, предписанный правиломъ, страхъ мысли, страхъ земныхъ удовольствій и внутренняя борьба со злымъ духовнымъ существомъ. Послѣ принятія христіанства, въ Печерскомъ монастырѣ настала война съ бѣсами. Бѣсъ — мрачное, злое существо... Какъ скоро святой мужъ обречетъ себя на сугубое воздержаніе, запрется въ тѣсной кельѣ или пещерѣ, начнетъ день и ночь изнурять плоть свою — поклонами, языкъ — безмолвіемъ, а умъ—бѣганьемъ грѣховныхъ помысловъ, тотчасъ являются къ нему искусители, отвлекаютъ его отъ богомыслія и силятся сдѣлать съ нимъ какую-нибудь пакость! Святой мужъ долженъ не поддаваться и мужественно бороться съ ними. Сначала дѣйствуютъ духи невидимо, а потомъ являются и тѣлесному зрѣнію. Они принимаютъ образъ, похожій на обезьяну, въ шерсти, съ когтями, съ хвостомъ, да въ добавокъ, чего нѣтъ у обезьяны — съ рогами и крыльями; но иногда являются вполнѣ въ человѣческомъ видѣ, только чаще всего въ видѣ человѣка неправославнаго. Однажды святой, одаренный прозорливостью, увидѣлъ бѣса, въ образѣ Ляха,—онъ сыпалъ цвѣтами на братію во время заутрени: на кого цвѣтокъ упадетъ и прилипаетъ, тотъ братъ разслабѣвалъ, уходилъ изъ церкви и ложился спать; но были такіе строгіе подвижники, что цвѣтки не прилипали къ нимъ. Здѣсь цвѣтокъ — символъ грѣшнаго удовольствія. Когда братъ уходитъ изъ монастыря,

тутъ-то и было бѣсамъ раздолье. Одинъ святой увидѣлъ однажды бѣса, ѣхавшаго верхомъ на свиньѣ: лукавый духъ величался и посмѣивался надъ монахомъ, который успѣлъ ускользнуть за монастырскую ограду. Обыкновенно бѣсы старались отвлечь къ чему-нибудь вниманіе подвижника и мѣшать ему, когда онъ погружался въ безмолвіе и творилъ надъ собою истязанія; чѣмъ сильнѣе старался угодникъ преодолѣть лукаваго, тѣмъ больше лукавый старался его искусить. Примѣръ искушенія—въ исторіи затворника Исакія, котораго бѣсы довели до того, что заставили его проплясать, а потомъ привели въ совершенное истощеніе, такъ что нужны были годы, чтобъ святой могъ поправиться. Торопецкій купецъ по происхожденію, по прозвищу Чернь, онъ вступилъ въ монастырь, роздалъ все свое имѣніе на монастырь и нищимъ, и былъ принятъ; потомъ *облечебося во власяницу и повелѣ купити себѣ козелъ и одра мѣхомъ козелъ и овлече на власяницю и осше около его; затворися въ печерѣ въ единой улици и въ кельици малѣ, яко четырь лакотъ и ту молящє Бога со слезами; бѣ же ядь его проскура едина и то чрезъ день.* Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, бѣсы явились ему въ видѣ ангеловъ и Исакій, по простотѣ, поклонися имъ; тогда одинъ изъ бѣсовъ сказалъ: *возмѣте сопѣли и бубны и гусли, и ударяйте, атъ ны Исакій спляшетъ. И удариша въ сопѣли и въ бубны и въ гусли и начаша имъ играти и утомивше его и оставиша и оле жива, и отыдоша, поругавшеся ему.* Іоанна многострадательнаго бѣсы мучили похотью; святой мужъ истязалъ себя сначала тѣснымъ заключеніемъ, голодомъ и молчаніемъ, носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги, а потомъ, на время поста, зарывалъ себя въ землю, оставляя наружѣ только руки и голову. Бѣсы пугали его то огнемъ снизу, то ему представлялось будто онъ весь горитъ, то являлся змѣй и грозилъ его поглотить. Іоаннъ выстоялъ всякія искушенія. Святой особенно подвергался искушенію въ затворѣ и долженъ былъ помнить, что, при появленіи къ нему кого бы то ни было слѣдуетъ заставить приходящаго прочитать молитву

Іисусову, и если бы кто не захотѣлъ этого сдѣлать, то явная улика, что онъ — бѣсъ (не даждь ему бесѣдовати съ тобою и прежде, даже молитву сотворить, тогда розумѣеши яко бѣсъ есть). Одному подвижнику бѣсъ явился въ образѣ друга и сподвижника, помогъ ему отъискать золото и велъ-было его къ тому, что тотъ собирался убѣжать изъ монастыря, но, къ счастію, обманъ открылся скоро и святой отецъ (Өеодоръ) лучше разсчитался съ бѣсомъ, чѣмъ Исакій. Когда нужно было изгнать отъ себя лукавыя помышленія, приходящія въ праздности, подвижникъ осудилъ себя на тяжелыя работы, — сначала молоть муку на ручной мельницѣ съ ручнымъ жерновомъ; другой разъ, когда сгорѣла Печерская церковь — таскать лѣсъ съ берега Днѣпра на гору. Бѣсъ вздумалъ было искусить его, и когда святой отдыхалъ однажды отъ своей мукомольной работы, бѣсъ сталъ молоть, но святой своими заклинательными молитвами принудилъ его въ самомъ дѣлѣ трудиться и продолжать работу на жерновѣ, а самъ въ это время молился. Потомъ, когда святой таскалъ на гору лѣсъ, тогда собралось уже много бѣсовъ, — товарищей проказника, творившаго пакости надъ святымъ: они бросили съ горы наношенное дерево. Тогда святой, силою своихъ молитвъ, принудилъ бѣсовъ перетаскать въ одну ночь на гору все дерево, сколько его ни было изготовлено подъ горою. Бѣсы рѣшились отомстить за такое униженіе, которое было тѣмъ для нихъ чувствительнѣе, что они не могли забыть, какъ люди нѣкогда чествовали ихъ подъ именами идоловъ. Сначала бѣсы научили извощиковъ, которые подрядились въ монастырь возить лѣсъ, требовать платы за перевозку того дерева, котораго они не возили и которое, вмѣсто нихъ, возили сами бѣсы. Когда дѣло дошло до суда, то судья, выслушавши простосердечныя оправданія святаго, сказалъ ему, что бѣсы помогутъ ему и заплатить, какъ помогли свезти. Неизвѣстно, какія послѣдствія имѣла эта тяжба; но бѣсъ явился въ образѣ старца Василія ко княжескому совѣтнику, боярину Святополка и сына его Мстислава, жадному и злому, какими были князья его, и доносилъ, что Өеодоръ отъискалъ сокровища въ варяжской пеще-

рѣ и не являетъ князьямъ. За это потребовали Ѳеодора и стали мучить, такъ какъ онъ отговаривался, — говоря что забылъ, гдѣ снова зарылъ кладъ. Потомъ послали за Василіемъ, не выходившимъ уже 15 лѣтъ изъ пещеры: Василій, разумѣется, не зная, что происходило подъ его именемъ, привелъ въ недоумѣніе и досаду князя Мстислава своими неясными отвѣтами, и тотъ, думая, что онъ запирается; тогда-какъ самъ же прежде ему доносилъ, застрѣлилъ его стрѣлою. Василій, умирая, предрекъ Мстиславу лютую смерть, и она сбылась въ битвѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ.

При умственной покорности — знаніе не считалось достоинствомъ. Въ повѣстяхъ Печерскаго монастыря, знаніе и земная мудрость являются даромъ бѣсовъ. Такъ о преподобномъ Никитѣ разсказываютъ, что къ нему явился бѣсъ и научилъ его понимать одни только книги Ветхаго Завѣта, такъ что онъ могъ пророчествовать. По составившемуся нѣкогда юному понятію о знаніи, вмѣстѣ съ нимъ соединялось вѣрованіе въ пророчество; знать, быть мудрымъ, значило также — дѣлать чудеса, говорить то, чего другой не скажетъ, однимъ словомъ, дѣлать то, чего другой никто не можетъ сдѣлать и для чего нельзя придумать обыкновенныхъ способовъ. Но когда святые отцы, сошедшись около Никиты, прогнали бѣсовъ, Никита сталъ прежнимъ невѣждою и сподобился впослѣдствіи низводить дождь съ неба на земныя произрастенія. О Лаврентіѣ-затворникѣ разсказывается, что когда онъ пошелъ въ затворъ, получилъ благодать цѣлить бѣснующихся и къ нему приводили больныхъ, бѣсы научили его по гречески, изощрили его способности; — но когда другой святой молитвами исцѣлилъ его отъ бѣсовскаго искушенія, Лаврентій забылъ всѣ свои знанія.

Печерскій монастырь неблаговолилъ къ иновѣрцамъ. Такъ, въ житіи св. Агапита, безмезднаго врача, разсказывается, что когда къ нему пришелъ врачь Армянинъ, то несмотря на свое смиреніе, какъ-скоро онъ узналъ, что это *Армянинъ*, то воскликнулъ: *почто смѣлъ еси внити и осквернити келію мою и держати за грѣшную мою руку? Изыде отъ мене,*

невѣрне и нечестиве! Въ отвѣтѣ св. Ѳеодосія Изяславу Ярославичу на вопросы о варяжской вѣрѣ, святой мужъ порицалъ варяжскую вѣру: тамъ нетолько обвиняютъ послѣдователей западнаго христіанства въ яденіи кошекъ, псовъ и удавленины, но говорятъ и о крайнихъ непристойностяхъ при брачномъ обрядѣ. Въ поученіи и отвѣтѣ совѣтуется не давать католикамъ ѣсть и пить изъ сосуда своего, и если придется дать по крайней нуждѣ, то непремѣнно вымыть сосудъ; приказывается нетолько не принимать чужевѣрнаго къ себѣ, но проклинать всякое чужевѣрье.

Такъ какъ раздаяніе богатствъ нищимъ не имѣло въ себѣ цѣли, а само по себѣ составляло цѣль, такъ точно и трудъ предпринимался и считался полезнымъ не по плодамъ его, а самъ по себѣ, въ своемъ процессѣ.

Видно, что въ Южной Руси оставались языческіе обычаи; долго еще смотрѣли Русскіе на жизнь сквозь языческое покрывало и даже въ христіанскіе обычаи и обряды вносили языческое содержаніе. Вотъ, напримѣръ, Ѳеодосій воспрещалъ, что въ его время многіе ставили на кутію яйца, приставляли къ кутьѣ воду, ставили обѣды по умершимъ, и носили въ церковь съѣстное, однимъ словомъ—отправляли тризны, ибо у язычниковъ погребеніе сопровождалось пьянствомъ. Святый, соболѣзнуя, вопіялъ противъ соблазнительнаго цѣлованія мужчинъ съ женщинами на пирахъ. Отъ этого христіанство противодѣйствовало языческой чувственности строгою стороною своей духовной чистоты, а аскетическое ученіе дѣлалось единою нравственною философіею для всего христіанства вообще.

Самая мірская жизнь не имѣла, съ церковной точки зрѣнія, другаго идеала, кромѣ аскетизма. Это было тѣмъ естественнѣе, что вотъ, напримѣръ, въ «Словѣ отца къ сыну» (послѣдній очевидно не готовился въ монастырь, но намѣревался жить въ мірѣ семейно), отецъ, представляя ему примѣръ добродѣтели подвижниковъ, *иже мало свѣта сего причащахуся*, говоритъ: *изволи себѣ тѣхъ житье и тѣхъ правый путь пріими, тѣхъ нравы и ты, чадо мое, взыщи со всею силою*

и со всею крѣпостью. Въ томъ же «Словѣ» отецъ заповѣдаетъ сыну давать десятую часть отъ своего имѣнія Господу (т. е. въ монастыри и духовенству). Такимъ образомъ, видно, что понятіе о десятинѣ переходило изъ княжескаго быта въ частный, домашній.

Понятно, что при направленіи заботиться каждому лишь о собственномъ спасеніи, не удержалось вполнѣ согласіе миръ и братство въ Печерскомъ монастырѣ, и уже въ раннія времена встрѣчаются слѣды взаимной зависти, вражды и обмановъ между братіею. Такъ, въ жизни Алимнія иконописца разсказывается, что монахи брали деньги съ одного богатаго господина, заказывавшаго Алимпію икону, но въ самомъ дѣлѣ не давали объ этомъ знать Алимпію, а боярину говорили, что Алимпій проситъ втрое.

Несмотря на аскетическое направленіе, въ церквахъ читались, однако, поученія, переведенныя съ греческаго, гдѣ аскетизмъ представляется недостаточнымъ безъ добрыхъ чувствъ, любви: *аще ли кто отъ хлѣба ся удержитъ, а гнѣвъ иматъ, и таковый подобенъ есть звѣрю; тъ бо не ѣстъ хлѣбъ; аще же отъ питія и отъ рыбы кто оудержится и на голѣ землѣ легаетъ, а злобу имѣя и неправду дѣя, хвалится оубо: пущи есть и скота.*

Добродѣтелью были: постъ, грусть; смѣхъ и веселіе—грѣхъ. Одинъ подвижникъ, по имени Памва, далъ обѣтъ никогда не смѣяться. Бѣсы употребляли всевозможнѣйшія уловки, чтобы разсмѣшить святаго,—долго все было напрасно: наконецъ, бѣсы привязали маленькое перышко къ огромному бревну и потащили мимо подвижника, съ крикомъ: «алай, алай!» Памва улыбнулся, и бѣсы восплескали и запрыгали отъ радости, восклицая: «Авва Памва засмѣяся! Авва Памва засмѣяся, засмѣяся!»—«Я засмѣялся немощи вашей,—сказалъ имъ святой,—что вы, и то только съ трудомъ, можете это бревно сдвинуть». Въ одной древней нравоучительной бесѣдѣ говорится: «смѣхъ не съзидаетъ, не хранить, но погубляеть и съзиданія раздроушаеть, смѣхъ Духа Святаго печалить, не пользуеть и тѣло

растливаеть; смѣхъ добродѣтели прогонить, не имать бо памяти смертныя, ни нооученіе моукамъ. Отъими, Господи, отъ мене смѣхъ и дароуи плачь и рыданіе, егоже присно ищеши отъ мене» (Имп. Публ. Библ., Погод. Сб. № 1297, стр. 91).

Съ женщиною не слѣдовало даже говорить, женщина — была существо, располагающее къ согрѣшенію: «Не достоить мнихоу ясти съ женою или пити, или что промышляти с женами или имать како разоумъ имѣти с ними; прелюбодѣйство есть, велико прелюбодѣйство женское соужитство. Еда камень еси? человѣкъ еси, общёмоу естеству подлежа и в падении; огнь имаши въ лонѣ — не изгориши ли? Како имать слово: положи свѣщу на сѣно, тогда възможеши рещи, яко не горитъ сѣно? Аще не отмещешися, яко горитъ сѣно, не инѣ глаголи, но невѣдущему тайныхъ».

Убѣгая отъ женскихъ очей, слѣдуетъ избѣгать и помышленій о женщинахъ. «Всякъ бо възрѣвый на жену съгрѣшаетъ». Надобно имѣть постоянно блѣдное лицо и дурныя одежды: *блѣдъ и ѕоуба видъ и рызы хоуды подобаетъ имѣть* (Пог. Сб. № 1288, стр. 226).

Монашеское самоистязаніе, уединеніе отъ всего, что составляетъ матеріальную прелесть на землѣ, открывало идею торжества духовнаго начала надъ грубою силою. Вмѣсто богатыря, съ оружіемъ странствующаго по чужеземнымъ странамъ, ищущаго опасностей, побѣждающаго ихъ, получающаго въ награду богатства и т. п., являются богатыри духа, — странствующіе въ таинственной области видѣній, вступающіе въ борьбу съ духами: они побѣждаютъ ихъ, отваживаются на всякія лишенія добровольно, и за все терпѣніе получили награду высшую, — награду на небѣ. Такъ какъ богатырь не сидитъ на мѣстѣ, — богатырь ищетъ приключеній, то и въ сферѣ духовнаго подвижничества явились странствующіе рыцари — паломники, скитавшіеся по святымъ мѣстамъ и съ сѣвера отправлявшіеся въ Палестину. Они-то и назывались въ древнихъ пѣсняхъ *каликами перехожими*. Похожденія въ Іерусалимъ какъ видно, были значительно въ ходу на Руси, въ Цареградъ, на Аѳонъ и вообще на

востокъ по водвореніи христіанской вѣры, особенно по завоеваніи святой земли крестоносцами. Въ похожденіи Данила Паломника говорится, что въ его время были *мнози, доходившіе до Іерусалима*. Это было до такой степени обычно, что иные старались ходить, видно, какъ можно скорѣе *(тщащеся вборзѣ)* и навлекали за то нареканія отъ истинно-благочестивыхъ; Даніилъ замѣчаетъ, что *се то путь вборзѣ нельзя ходити*, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они *много добра не видѣвши* возвращались; но путешествіе было предметомъ общественныхъ разговоровъ, и бывшій въ Іерусалимѣ пользовался уваженіемъ: онъ могъ быть вездѣ принятъ съ честію и потому они, — по словамъ Даніила, — *вознесшеся умомъ, яко нѣчто добра сотворивши, погубляютъ мзду труда своего*.

Идея торжества ума надъ матеріальною силою, въ народной умственной жизни, проложила себѣ не одну религіозную тропинку. Заявленіемъ ея потребности могутъ служить и такія сказанія, гдѣ или дурачокъ, или ребенокъ, признаваемый слабымъ и глупымъ, торжествуетъ надъ сильными. Такихъ сказаній чрезвычайно много. Большая часть нашихъ сказокъ имѣютъ эту основную идею. Мы укажемъ на замѣчательную повѣсть о кіевскомъ купцѣ Димитріѣ и сынѣ его Борзомыслѣ, семилѣтнемъ мудрецѣ. Хотя (нѣкоторые видятъ въ ней иноземную основу) она дошла до насъ, сравнительно въ болѣе позднихъ спискахъ, но уже одно то, что герой этой сказки кіевлянинъ и богатый купецъ, странствующій по далекимъ странамъ на своихъ корабляхъ, показываетъ, что она перешла въ позднѣйшіе списки отъ тѣхъ временъ, когда Кіевъ былъ богатъ, многолюденъ и составлялъ центръ образованности. Дѣйствіе происходитъ на югѣ; купецъ богатый съ коряблями выѣзжаетъ изъ Кіева, странствуетъ по отдаленнымъ чужестраннымъ землямъ. Проплававши тридцать дней по морю, купецъ присталъ къ берегу и увидѣлъ приморскій городъ, близь котораго стояло въ гавани безчисленное множество кораблей. «Удивися Димитрій Кіевскій купецъ и рече: что сіи корабли безчисленно много стояща?

мнѣ зѣло земля блага есть и купцы въ немъ и много торгуютъ здѣ. Сниде съ корабля купецъ Димитрій и поиде подъ градъ, и срѣтоша его гражане и вопрошаху его: отъ коея страны и коея земли: Онъ же сказася имъ: азъ есмь отъ Русскія Земли и вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа. И рекоша ему гражане: брате купецъ! единыя есть вѣры съ нами Русская Земля, — точію за наше согрѣшеніе послалъ намъ Богъ царя законопреступника и отступника отъ Бога, еллинскія вѣры, и тѣснитъ ны, хотя привести къ своей вѣрѣ; мы же, не могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, неволею пожрохомъ идоломъ, видѣхомъ себе въ великихъ нуждахъ: всегда боярами мучаще насъ; овогда силою привожаше насъ ко своимъ идоломъ, овогда заповѣданіемъ намъ не веляше хлѣбовъ на торгъ пещи и гладомъ моритъ насъ для своей вѣры; се видиши, купче, въ пристанищи семъ 300 кораблей стояще, купцы же со всѣхъ странъ прихождаху къ сему граду, и приходяще къ царю зъ дары, хотяще торговати въ его царству; царь же дары отъ нихъ пріемлетъ и повелѣваетъ имъ три загадки отгадывать свои, а все то приводяще къ своей вѣрѣ; они же не могуще отгадать загадки, царь же глаголаше къ нимъ: уже все загадокъ моихъ не отгадаете и вы пребывайте въ моей вѣрѣ, пожрите идоламъ; купцы же не хотяще того сотворити и того ради въ темницу посажены бывше, терпяще всякую нужду и гладъ, и тяготу, и скорбь, имени ради Христова, и заповѣдываетъ царь, не велитъ хлѣбы пещи три годы, дабы они гладомъ померли».

Услышавъ объ этомъ, купецъ Димитрій хотѣлъ было тотчасъ отплыть и повернулъ на свой корабль, но когда пришелъ къ нему, то увидѣлъ, что тамъ уже стояла стража. Нечего было дѣлать,—надобно было явиться къ царю. Царя звали Несмѣянъ Гордѣевичъ. Донесли царю, что пришелъ купчишко изъ Русской Земли, принесъ дары и проситъ позволенія торговать въ его царствѣ. Царь ласково пригласилъ Димитрія обѣдать; а послѣ обѣда спросилъ: *купче! которыя ты вѣры?* Купецъ отвѣчалъ, что вѣруетъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. — «А я чаялъ,—сказалъ царь,—что у насъ вѣра общая; ты же ска-

зываешься не нашей, а русской вѣры. Я же хотѣлъ было тебѣ позволить торговать и отпустить въ твою землю; но теперь отгадай, купче, три загадки, что азъ тебѣ загадаю; аще ли отгадаешь, и азъ тебѣ велю торговати въ своемъ царствѣ всякимъ товаромъ, и съ дары и съ проводники отпущу тя въ свою землю; аще ли не отгадаешь ни единыя загадки и въ вѣрѣ моей не пребудеши, вѣдомо жь буди тебѣ, купче, велю тя смерти предати, а товары твоя взяти будутъ въ мою царскую казну».

Купецъ испросилъ у царя срока на три дня, и, пришедши на свой корабль, плакалъ, видя себѣ неминуемую смерть. Семилѣтній сынъ его игралъ на кораблѣ и ѣздилъ верхомъ на палочкѣ: «на деревцѣ сѣдяще, рукою за древцы конецъ держаше, а другою рукою плеткою побиваше, и ѣздяше, аки на конѣ скакаше». Увидя плачъ отца, ребенокъ сталъ его спрашивать; отецъ сначала не сталъ было и разсказывать ему, но когда сынъ умно ему обѣщалъ помочь въ напасти, отецъ разсказалъ. Сынъ сказалъ, что онъ за него отгадаетъ: «а ты, отче, не скорби и не тужи, яждь, пей, веселися и молися Богу,—вся печали возлагай на Бога». Сынъ продолжалъ играть на кораблѣ. На четвертый день позвали ихъ къ царю. Мальчикъ объявилъ, что онъ отгадаетъ загадки за отца и потребовалъ пить. Царь налилъ золотую чашу съ медомъ и подалъ ее дитяти; отрокъ далъ отцу, и когда отецъ хотѣлъ возвратить чашу, отрокъ сказалъ: *отче! не отдавай чаши,—закрой въ нѣдра своя!* Царь далъ другую, и съ тою сдѣлалось то же: также царь требовалъ возврата чаши; отрокъ сказалъ: *данное царево вспять не возвращается.* Загадка царева была такова: «много ли того, или мало,отъ востока до запада?—День и ночь,весь кругъ небесный единымъ днемъ и единою нощію едино сонце прейдетъ отъ сѣвера до юга; то твоей загадкѣ мой отвѣтъ».—Царь удивился, далъ третью чашу купцу и купецъ спряталъ ее въ пазуху. Другая загадка отсрочена на другой день.

На другой день собрались «ипаты, и тираны, и стратилаты, и воеводы, и князи, и бояри, и вси людіе, маліи и велиціи, и вси граждане на предивное чудо отрока, якоже всѣмъ гражда-

намъ не вмѣститися въ царевѣ дворѣ. Царь спросилъ: «что десятая часть изъ моря днемъ убываетъ, а нощію прибываетъ»? Отвѣтъ былъ: «то есть, царю, что десятая часть воды сонце выѣдаетъ; нощію же прибываетъ, зане же сонцу západшу и не сушащу,—то тебѣ, государь, моя отгадка».

Удивился царь и потребовалъ третьей отгадки; отрокъ попросилъ сроку на три дня, но съ тѣмъ, чтобы созваны были всѣ граждане, отъ мала до велика: пусть при этомъ имъ объявится, что *имъ добро будетъ во вѣки*. Это сдѣлано. Люди собрались по приказу царя. Отрокъ потребовалъ, чтобы царь сошелъ съ своего престола, далъ ему одѣяніе царское и жезлъ, и что онъ тогда отгадаетъ загадку. Царь отдалъ ему свои регаліи и въ томъ числѣ мечь. Тогда отрокъ, зная, что въ толпѣ есть христіане, не любящіе невѣрнаго царя, закричалъ: хотите ли вѣровать во Святую Троицу?.... Всѣ отвѣчали утвердительно. Отрокъ срубилъ мечомъ голову царю, сказавши: *вотъ тебѣ моя третья отгадка!*

На слѣдующій за тѣмъ вопросъ отрока: кого они хотятъ поставить себѣ царемъ? — всѣ единодушно вручили ему власть, какъ своему избавителю. Послали за патріархомъ, который былъ въ заключеніи. Онъ былъ встрѣченъ торжественно и отслужилъ литургію. «Постави патріархъ надъ главою отрока рогъ златъ съ масломъ надъ нимъ и благослови его патріархъ на царство; людіе же вси кликнуша отъ мала до велика единогласно: много лѣтъ тебѣ, государю нашему, Борзомыслу Димитріевичу на царство! И возрадовавшася ему вси людіе великою радостію; царь же сотвори въ тотъ день пировище великое». Потомъ, оказалось, что у оставшейся прежней царицы была дочь восьми лѣтъ; Борзомыслъ сочетался съ нею бракомъ, окрестивши ее напередъ и обвѣнчавшись чрезъ сорокъ дней послѣ ея крещенія (сороковицей). На сказкѣ этой легло понятіе о страдательномъ положеніи женщины. Когда Борзомыслъ призываетъ царицу и узнаетъ, что у ней есть дочь, не спрашиваетъ ее— желаетъ ли она отдать за него дочь; не спрашиваетъ и невѣсты, а просто приказываетъ ее крестить и потомъ беретъ въ жену,

и только по просьбѣ матери даетъ ей сроку на семь дней. Семилѣтній царь приказалъ привести всѣхъ заключенныхъ купцовъ, «и удивися царь, на нихъ смотря; бысть лице ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса, и ризы ихъ издрашася, лежаша отъ гаду и тѣсноты, а голосы ихъ аки пчелиные». Царь «учреди имъ праздникъ», и возвративши имъ имѣнія, отпустилъ каждаго въ свою землю. По волѣ царя, отецъ поѣхалъ домой, и привезъ свою жену, — мать царя. Они жили вмѣстѣ и царь Борзомыслъ похоронилъ стараго родителя своего, Димитрія, купца кіевскаго.

Ткань этой повѣсти показываетъ древнее ея происхожденіе. Побѣда посредствомъ загадокъ есть видоизмѣненіе той первообразной канвы, по которой составились разнообразныя редакціи сказанія о вѣщей мудрой дѣвицѣ, происходящей изъ простаго званія и, посредствомъ отгадыванія мудреныхъ загадокъ, выходящей замужъ за знатнаго мужа, — сказаніе, которое, въ южно-русской народной словесности, выразилось повѣстью *про дівку семилітку*. Замѣчально, что сынъ Димитрія также семи лѣтъ отъ роду. Ничтожное дитя оказывается не только сильнѣе взрослыхъ и славныхъ, но измѣняетъ судьбу цѣлаго края своею смышленостію. Народъ какъ будто себя тутъ выражаетъ: онъ ничтоженъ и юнъ, но въ немъ такія силы, которыя могутъ побѣдить могущество силы и обмана. Онъ сознаетъ, что умственная сила выше всякой ручной; нужно только ума, — и все преодолѣть, все побѣдить можно. Умъ этотъ выражается, какъ и должно быть у молодаго народа, вступающаго въ жизнь, не теоріею, не логичною послѣдовательностію понятій и процессомъ размышленій, а быстротою, смѣтливостію, находчивостью во время. Отгадка мудреной загадки — форма, въ которой высказывается умъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на различное значеніе двухъ загадокъ, предложенныхъ царемъ; одна изъ нихъ основывается на мудреномъ выраженіи того, что само въ себѣ просто. Очевидно, здѣсь какъ бы насмѣшка надъ затѣйливостью выраженія, которое только для простака — мудрость, а сама по себѣ вещь обыкновенная, и умная голова от-

гадываетъ ее безъ всякаго затрудненія. Другая загадка—предметъ знанія. Мальчикъ не только отгадываетъ то, что кроется подъ таинственностію вопроса, но показываетъ знаніе естественнаго феномена; такимъ образомъ народъ сознаетъ, что знаніе природы есть также достоинство мудраго человѣка. Отрокъ обманулъ царя, — понятіе народное таково, что обмануть злого не составляетъ ничего нравственно-неодобрительнаго, напротивъ, служитъ также доказательствомъ ума и способностей. Онъ убилъ царя, — но убилъ справедливо, спросивъ прежде народъ, и потому потребовалъ, чтобы всѣ сошлись отъ мала до велика; онъ поступилъ именно потому справедливо, что воля всего народа считается мѣриломъ справедливости. Народъ былъ склоненъ къ христіанству и даже исповѣдывалъ христіанство; власть имѣла другое убѣжденіе и насиловала къ нему народъ. Здѣсь сознаніе, что народная воля можетъ проявиться тогда только, когда ей придется дать отвѣтъ на вопросъ, и тотъ есть истинный мудрецъ, кто найдетъ возможность задать ей вопросъ. Власть неправеднаго царя потому и держалась, что народъ не имѣлъ случая выразить свою волю отвѣтомъ. Воплощенная юная мудрость даетъ перевѣсъ народной волѣ: новый царь избирается по волѣ народа. Дѣтскій образъ мудрости посрамилъ тѣхъ, которые являлись въ обычномъ для мудрости видѣ — въ видѣ стариковъ и сильныхъ властію; юное поколѣніе, не смотря на то, что играя скачетъ верховъ на палочкѣ, носитъ въ себѣ зародыши того, къ чему становятся неспособными взрослые...

II.

Кіевкая Русь отъ Ярослава до раззоренія Татарами Кіева.

Назначеніе Ярославомъ особыхъ князей въ Земляхъ Русскихъ удѣльнаго міра, провело въ жизни южно-русскаго народа новый

видъ отдѣльности и самобытности. Прежде другія Земли Русскія были подъ верховною властію кіевскаго князя, — хотя и управлялись и жили сами собою, но составляли его область, отчину. Теперь, съ появленіемъ удѣловъ, съ одной стороны уменьшилось значеніе старѣйшинства Кіевской Земли въ ряду другихъ; съ другой, — связь между Землями нетолько не прервалась, но утвердилась крѣпче, по мѣрѣ расселенія одного княжескаго рода въ разныхъ русскихъ областяхъ. Уменьшилось значеніе Кіева въ смыслѣ старѣйшаго потому что въ другихъ Земляхъ старѣйшіе князья уже были не данники кіевскаго, но и сами дѣлались старѣйшими надъ младшими въ своей Землѣ, а младшіе признавали ближайшее старшинство надъ собою въ князьяхъ не кіевскихъ, но главныхъ своей Земли; связь Земель усиливалась потому что правители ихъ происходили отъ одного рода, всѣ помнили свое происхожденіе и должны были составлять единую семью; а вмѣстѣ съ тѣмъ и Русскія Земли смотрѣли на себя какъ на часть одной общей державы. Послѣ смерти Ярослава, мы видимъ такого рода строй: собственно коренное понятіе о власти князя надъ народомъ сохраняло, въ Русской Землѣ, свой древній характеръ; но его основныя черты подвергались измѣненіямъ въ приложеніи къ жизни, по мѣрѣ сходившихся обстоятельствъ. Народное сознаніе о князѣ признавало его необходимымъ для поддержки порядка и для предводительства военною силою противъ враговъ. Сдѣлалось обычаемъ то, что княжеское достоинство было преимущественно въ рюриковомъ родѣ; установилось понятіе о томъ, что кіевскій князь долженъ быть изъ этого рода, но еще не образовалось понятіе о правѣ наслѣдованія между князьями. Воля живаго народа, какъ и во всемъ, стояла выше всякаго права и даже обычая.

Во второй половинѣ XI вѣка, появились новые чужеземные враги, съ которыми долго приходилось мѣряться силами Кіеву и Землѣ Русской — Половцы. По нашимъ лѣтописямъ впервые пришли они на Русскую Землю воевать въ 1061 году, и первое дѣло съ ними было подъ Переяславлемъ (городъ этотъ стоялъ

на стражѣ Русской Земли); это дѣло разыгралось неудачно. Должно быть это событіе навело на народъ большой страхъ, ожиданіе худыхъ временъ. Это видно изъ лѣтописнаго разсказа о знаменіяхъ, тревожившихъ тогда воображеніе; видно, что первая неудача или удача считалась предзнаменовательною, какъ вообще у восточныхъ народовъ. Тогда во всякомъ феноменѣ, сколько нибудь выходившимъ изъ обычной среды явленій, видѣли предвѣстія. Старыя языческія суевѣрія невольно поддерживались и укрѣплялись въ этомъ отношеніи монахами и духовными; въ византійскихъ книгахъ, расходившихся тогда по Руси въ славянскихъ переводахъ, они находили оправданіе вѣрованію, что дѣйствительно необыкновенныя явленія служатъ предвѣстіями бѣдствій. Въ 1066 году явилась на западѣ «звѣзда космата»; въ ея лучахъ находили что-то кровецвѣтное; впродолженіи семи дней она пугала Кіевлянъ послѣ солнечнаго заката на западномъ небѣ: —*проявляющая кровопролитье*,— говорили тогда. Потомъ—изъ рѣки Сѣтомли рыбаки вытащили неводомъ какое-то дитя-урода, вѣроятно, брошенное матерью отъ страха, и мать ему не нашлась и не смѣла себя показать, когда нашли урода въ рѣкѣ. Съ нимъ не придумали ничего другаго сдѣлать, какъ, посмотрѣвши до вечера бросить опять въ воду. Наконецъ, сдѣлалось солнечное затмѣніе. «Это вѣдьмы съѣдаютъ солнце», —говорили тогда по языческимъ понятіямъ. Какъ это вѣрованіе было древнимъ и укорененнымъ, видно изъ того, что и до сихъ поръ существуетъ такое же суевѣріе въ народѣ; думаютъ, что чаровницы имѣютъ силу управлять естественными явленіями и, уменьшивши въ объемѣ небесныя свѣтила, скрывать ихъ на время.

Дѣйствительно, общее предчувствіе оправдалось. Этотъ набѣгъ Половцевъ былъ только началомъ другихъ безпрерывныхъ набѣговъ того же народа. Этого одного бѣдствія было мало: между князьями Русской Земли начались распри и междоусобія. При недостаткѣ сознанія святости гражданскихъ отношеній, въ понятіяхъ времени, недоразумѣнія въ принципѣ власти цѣлаго рода надъ цѣлою Землею, вызвали наружу необузданность лич-

ныхъ побужденій. Рѣдко князья останавливались предъ средствами: эгоизмъ бралъ верхъ. Князья приглашали тѣхъ же самыхъ Половцевъ, которые опустошали Русскую Землю, для проведенія своихъ видовъ. Нравственный принципъ боролся съ личнымъ увлеченіемъ. Съ одной стороны, понятіе о цѣльности Русской державы, сознаніе народнаго единства, чувство долга, проповѣдуемаго Церковью, обращало князей и ихъ дружинниковъ къ желанію мира, единства, къ согласному дѣйствію противъ общихъ враговъ; съ другой — неумѣнье уладиться между собою и управлять страстями, свойственное юному народу, увлекало ихъ къ расторженію связей, которыя они сами же признавали священными. Народныя побужденія шли по той же колеѣ, какъ и княжескія. Князья не могли найти въ народѣ согласнаго противодѣйствія своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, потому что въ народѣ, точно также какъ и въ князьяхъ, не дозрѣло сознаніе средствъ къ поддержанію единства, болѣе чувствуемаго, чѣмъ разумѣемаго. Княжескія междоусобія сплетались съ неприязненными побужденіями земель между собою, и князь легко могъ составить ополченіе изъ народа и вести его на своихъ родственниковъ въ другую русскую землю, потому что въ тѣхъ, кого онъ соберетъ подъ своимъ *стягомъ*, ощущались также своего рода непріязненныя побужденія противъ тѣхъ, которые ополчались за противнаго князя. Какъ бы ни своеволенъ былъ князь въ своихъ намѣреніяхъ, онъ всегда могъ найти въ народѣ толпу удальцовъ, готовыхъ его поддерживать; всегда отыскивались люди, годные составить воинственную толпу, живущую на службѣ у князя и работающую его личнымъ видамъ. Эти толпы были то, что называлось дружинами; князья водили эти дружины съ собою и доставляли имъ средства къ жизни, а дружины готовы были драться съ другими, себѣ подобными, дружинами, держащими сторону другаго князя, чтобы удовлетворить честолюбію, алчности и вообще притязаніямъ своего князя. Такой родъ жизни поддерживался возникавшимъ изъ него же чувствомъ воинской славы и удали. Князь, считая себя обиженнымъ, защищалъ свою славу, и дру-

жина его поставляла себѣ честь въ томъ, что успѣвала проводить его дѣло и получала за то награду: такъ Русскіе сражались между собою, «ищучи себѣ чти, а князю славы».

Храбрость, быстрота, ловкость, неутомимость — считались добродѣтелью. Молодецъ стыдился сидячей жизни. Стоитъ прочитать Мономахово поученіе, чтобы видѣть, — какая дѣятельность составляла тогда характеръ того, кто хотѣлъ доброй славы и чести; слѣдовало находиться безпрерывно въ дорогѣ, въ трудахъ, опасностяхъ, въ борьбѣ. Самое мирное время посвящалось такимъ занятіямъ какъ охота — подобіе войны, гдѣ предстояли молодцу и труды, и лишенія, и опасности. Удальцы, составлявшіе дружины, часто сами же поднимали князей своихъ другъ на друга, иногда ссорили ихъ, переходили отъ одного къ другому и побуждали послѣдняго къ враждѣ противъ перваго. Оттого нерѣдко лѣтописцы извиняютъ князя въ его несправедливыхъ поступкахъ, приписывая ихъ наущенію дружины. Дружинники толпились въ городахъ, и потому городское населеніе вообще возвышалось, составляло дѣятельную массу; народъ сельскій игралъ роль страдательную. Древнія начала самобытности должны были болѣе и болѣе увядать отъ долгой невозможности себя высказать и отъ необходимости подлегать гнетущей силѣ. Не могла развиться оппозиція противъ такого порядка въ принципѣ народнаго самоуправленія; потому что Южная Русь окружена была чужеземцами, которыхъ всегда могли князья привести, въ случаѣ противодѣйствія. Это и сдѣлалось при Изяславѣ: въ 1067 году Половцы напали на восточные предѣлы Русской Земли. Изяславъ отправился противъ нихъ и былъ разбитъ. Половцы разсѣялись по окрестностямъ и начали грабежи и разореніе. Кіевляне, собравшись на вѣчѣ, требовали у князя дружины и коней. Изяславъ не далъ имъ. Изъ этого извѣстія видно что, что уже прежде существовала партія, опасная для княжеской власти. Имѣя вооруженную дружину, князь боялся, чтобы другіе носили оружіе, чтобъ не допустить до возстанія. Вѣрно, это велось уже издавна; такимъ образомъ, открывается, что князья въ то время не всегда находились въ совершенно соглас-

номъ отношеніи къ народу. Видно, что прежде не безъ усилій обходилось удержаніе народа въ подчиненности, ибо Изяславъ не далъ оружія народу даже и тогда, когда явная опасность угрожала со стороны чужеземцевъ, а это могло быть только при такомъ условіи, когда прежде того княжескою властью была испытана опасность позволить народу принимать воинственный характеръ. Народная злоба обратилась на воеводу Коснячка, предводителя княжескаго войска; онъ спрятался. Тогда Кіевляне вспомнили, что въ погребѣ сидитъ плѣнный полоцкій князь Всеславъ, взятый на сраженіи. Они бросились освобождать его и возвели его на княжеское достоинство. Въ порывѣ недовольства властію Изяслава, все-таки Кіевляне не могли обойтись безъ князя: уже утвердилось и усвоилось понятіе, что князь необходимъ, какъ предводитель, и никто замѣнить его не можетъ. Достаточно было уваженія къ лицу, какъ къ князю, чей бы онъ ни былъ; бунтъ Кіевлянъ былъ опасенъ князю, и его приверженцы изъ дружины, сидѣвшіе съ Изяславомъ въ теремѣ, предложили убить Всеслава. Это предложеніе показываетъ ту же неразборчивость въ средствахъ и слабость нравственнаго чувства, какъ и въ совѣтникахъ Святополка-Окаяннаго. Видно,—они понимали, что какъ скоро Всеслава не будетъ, то бунтъ усмирится: безъ князя Кіевляне не могутъ ни на что рѣшиться. Дружина не успѣла исполнить намѣренія; Кіевляне освободили Всеслава. Изяславъ не въ силахъ былъ бороться съ народомъ, не имѣя достаточной у себя партіи въ Руси. Дѣйствительно, изгнанный, бѣжавшій, онъ немогъ возбудить въ своихъ сочувствія, и бѣжалъ къ Ляхамъ, къ чужимъ. Его имущество было разграблено; такъ слѣдовало по понятіямъ того времени: кто виноватъ и осужденъ, того имѣніе бралось «на потокъ». Черезъ семь мѣсяцевъ явился изгнанный князь съ чужеплеменною силою. Всеславъ оробѣлъ и бѣжалъ. Кіевляне, оставшись безъ князя, отвыкши отъ мысли, чтобъ могъ кто-нибудь въ Русской Землѣ, кромѣ природнаго князя, предводительствовать войскомъ, потеряли духъ. Имъ угрожало чужеплеменное панство; они послали къ Святославу и Всеволоду, просили ихъ примирить съ

Изяславомъ,—иначе они зажгутъ городъ и уйдутъ въ Грецію. Это, вѣроятно, сказали не всѣ Кіевляне, не цѣлый народъ, но извѣстная партія: невозможно предположить, чтобы въ большомъ городѣ, каковъ былъ Кіевъ, всѣ единомысленно рѣшились на такое переселеніе. Призванные князья помирили Кіевлянъ съ Изяславомъ на томъ условіи, что Изяславъ придетъ «въ малѣ дружинѣ» и не будетъ вводить съ собою Ляховъ. Но Изяславъ послалъ впередъ сына своего Мстислава съ отрядомъ Ляховъ; этотъ княжичъ убилъ до 70 человѣкъ, которыхъ считалъ виновными (они-то, вѣрно, прежде освободили Всеслава), другихъ ослѣпилъ, и многіе,—по сказанію лѣтописца,—пострадали невинно.

Тогда Русскіе въ селахъ, въ окрестностяхъ Кіева, втайнѣ оказывали мщеніе надъ Ляхами, которыхъ Изяславъ распустилъ «на покормъ»: они тайно избивали ихъ и тѣмъ принудили возвратиться домой. Другіе не такъ были ожесточены противъ иноземцевъ,—по крайпей мѣрѣ Ляхамъ было въ самомъ городѣ очень весело. Развращеніе нравовъ было довольно велико, и всякое насильственное дѣло могло найти себѣ опору и подкрѣпленіе.

Съ 1068 по 1073 годъ пробылъ Изяславъ въ Кіевѣ, сначала подъ прикрытіемъ Ляховъ; нелюбовь къ нему Кіевлянъ не могла охладѣть послѣ варварскихъ поступковъ сына. Впрочемъ, что касается до него лично, то его не считали виноватымъ: онъ былъ *простоумнымъ*. Этимъ неуваженіемъ къ князю воспользовался князь Святославъ черниговскій, и Изяславъ долженъ былъ бѣжать въ другой разъ. Четыре года онъ странствовалъ по Европѣ. Въ Майнцѣ онъ просилъ защиты у императора, котораго признавалъ верховнымъ главою государей; сынъ его потомъ въ Римѣ ходатайствовалъ предъ папою о возвращеніи отцу его права. Между Русью и Западной Европою въ тѣ времена еще не существовало той стѣны, которая возникла позже; Русь и Западная Европа принадлежали еще къ одной политической семьѣ; сношенія были частыя и близкія. Когда императоръ, по просьбѣ изгнаннаго кіевскаго князя, послалъ къ Святославу посольство, то для того избрано было лицо, которое оказалось шу-

риномъ Святослава (Святославъ женатъ были на принцессѣ Одѣ; братъ ея, посолъ въ Кіевѣ, назывался Бурхардъ и былъ тревскій духовный сановникъ). Это извѣстіе о родствѣ Святослава съ нѣмецкою княжною особенно замѣчательно тѣмъ, что оно упоминается при случаѣ, а не какъ фактъ, на который обращено было бы вниманіе по его рѣдкости. Этотъ фактъ совершенно остался бы намъ неизвѣстнымъ, еслибъ не пришлось кстати, по другому, не касавшемуся его самого, поводу, упомянуть о немъ, и, конечно, много подобныхъ проскользнуло у лѣтописцевъ, потому что не было повода упоминать о нихъ.

По смерти Святослава, Всеволодъ переяславскій, овладѣвшій Кіевомъ, не могъ сладить съ Изяславомъ и не рѣшался вступить съ нимъ въ борьбу. Онъ ожидалъ непріязненности со стороны племянниковъ. Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу и получилъ себѣ Черниговъ—прежній удѣлъ Святослава. Но тогда явился съ Половцами Олегъ добывать Землю, принадлежавшую его отцу. Изяславъ былъ убитъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Кіевляне очень плакали по немъ. Какъ кажется, не было причины сожалѣть о немъ изъ любви, и лѣтописецъ былъ принужденъ пояснить, что Изяславъ былъ человѣкъ добрый, а злодѣянія, совершенныя надъ Кіевлянами, принадлежатъ не ему, но его сыну. Для насъ важно то, что этотъ плачъ по князѣ, который былъ, или не былъ лично виноватъ въ варварствахъ сына, но все таки, какъ видно, потакалъ имъ (ибо того же сына сдѣлалъ княземъ въ Полоцкѣ, и притомъ самъ ничего добраго не сдѣлалъ для Кіевлянъ),—этотъ плачъ есть та черта добродушнаго уваженія къ властителямъ, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ во всѣ періоды исторіи славянскихъ народовъ. Это—отсутствіе злопамятности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силы народной памяти. Можно легко поднять на ноги славянскую массу, но жаръ ея скоро остываетъ; власть, надѣлавшая народу множество огорченій, легко примиряется съ нимъ, какъ скоро погладитъ его по головѣ. Мы увидимъ,—также покажется это племенное свойство и въ исторіи Новгорода.

Въ первые годы послѣ Ярослава совершилось измѣненіе въ

юридическомъ бытѣ Руси,—какъ это видно изъ «Русской Правды»; тогда князья Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ съ мужами своими, Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ, сошедшись, *отложили убіеніе за голову*, то есть, месть, существовавшую до того времени, но положили выкупаться кунами (но кунами ея выкупати), а прочее все оставили по прежнему: *яко же Ярославъ судилъ, такожде и сынове его уставиша.*

Но такъ какъ мы не знаемъ точно и достовѣрно, что̀ именно въ «Русской Правдѣ» принадлежитъ времени Ярослава, а что позднѣйшему, то не можемъ потому и опредѣлить, какія изъ находящихся тамъ статей были Ярославовы, и какія явились позже, при Изяславѣ и братьяхъ его, исключая вышеприведеннаго отложенія мести, о чемъ прямо говорится. Замѣтимъ, что платежъ виры за убійство не должно разсматривать такъ, какъ будто бы за преступленіе отвѣчали только платою. Напротивъ, самая вира относилась только къ извѣстнымъ случаямъ. Напримѣръ: «будетъ ли стоялъ на разбоѣ безъ всякія свады, то за разбойника люди не платятъ, и выдадутъ его самаго всего и съ женою и съ дѣтьми на потокъ и разграбленіе». Вира собственно была не наказаніе, а только доходъ князю за уголовныя преступленія. Вирою отдѣлывался убійца тогда только, когда убійство происходило по ссорѣ или въ пиру: если же убьетъ *въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ся прикладываютъ вирою.* Такое убійство падало вмѣстѣ на всю общину или вервь (вервь—отъ веревки, какою должно думать, обводились земли); потому, вѣроятно, что при ссорѣ были свидѣтели, которые могли остановить убійство. Убійца платилъ только часть всей виры; вервь и тогда должна платить, «когда мужъ убьетъ мужа въ разбои, но не ищутъ имени», слѣдовательно, когда нѣтъ преслѣдователя убійцы, равнымъ образомъ, вервь платила и тогда, когда находила на своей землѣ тѣло убитаго, а убійцы не оказывалось, что называлось *дикою вирою*, но когда убійцу преслѣдовали, тогда—иное дѣло: *а головничество самому головнику.* Тутъ уже понятіе объ убійствѣ принимаетъ значеніе преступленія. Вообще, статьи

«Русской Правды», сложенныя въ то время, не должно разсматривать какъ кодексъ законоположенія, а только какъ правила собиранія княжескихъ доходовъ. Самый судъ производился на основаніи старыхъ славянскихъ обычаевъ.

Обстоятельства, сопровождавшія исторію Изяслава Ярославича, показываютъ достаточно несостоятельность Кіева для будущаго, невозможность въ Руси развиться народному самобытному строю. Русь была окружена чужеземцами, готовыми вмѣшиваться въ ея дѣла. Съ востока, какъ тучи одна другой мрачнѣе, выходили полчища степныхъ кочующихъ народовъ Азіи, жадныхъ къ грабежу и истребленію: они бросались на западъ, толкая и истребляя одинъ другаго, и всѣ ударялись объ Русь. Племя за племенемъ выступало; заднее всегда почти было грознѣе, многочисленнѣе и страшнѣе для Южно-Руси, чѣмъ переднее. Въ X и XI вѣкахъ некрѣпкая, юношеская цивилизація русская терпѣла отъ Печенѣговъ: эти враги еще не такъ были страшны, какъ другіе, Половцы, которые явились имъ на смѣну. Въ борьбѣ съ Печенѣгами перевѣсъ остался на сторонѣ Русскихъ; это ободряло послѣднихъ и поддерживало въ нихъ удалой духъ, дѣятельность котораго могла бы ослабнуть при совершенномъ спокойствіи. Одноплеменники и близкіе сродники Печенѣговъ, Торки и Берендѣи, еще менѣе представляли изъ себя громящую силу. Если почему нибудь они могли быть опасны для Руси, то развѣ потому, что, поселившись на берегу Роси и смѣшавшись съ Русскими, они вносили въ жизнь послѣднихъ новый, дикій элементъ и задерживали развитіе цивилизаціи. Могучими явились лицомъ къ лицу съ Русскими Половцы,—народъ многочисленный, развѣтвленный на орды, кочевой, непривязанный къ мѣсту жительства, и потому готовый нападать большими массами, незнавшій земледѣлія и потому жадный къ грабежу и разоренію чужаго. Съ ними Русскимъ справиться было труднѣе, чѣмъ съ Печенѣгами. Князья, какъ это показалъ Олегъ, не стѣсняли своей совѣсти, когда представлялся случай вмѣшивать ихъ въ дѣла Руси для своихъ личныхъ цѣлей. Съ другой стороны, Поляки начали вступать въ русскій міръ. Свя-

тополкъ проложилъ Полякамъ дорогу въ Кіевъ; по его слѣдамъ пошелъ Изяславъ, изгнанный Кіевлянами. Возникла у Поляковъ мысль, что Южная-Русь есть ихъ подначальная Земля; князья надѣлали имъ слишкомъ щедрыхъ обѣщаній. За Поляками выступили на сцену Угры. Князья породнились съ угорскими королями, и послѣдніе стали присылать помощь своимъ родственникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думать и о подчиненіи себѣ русскихъ Земель, пользуясь тѣмъ, что Русь сама, такъ сказать, идетъ въ чужія руки.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ противныхъ развитію народной самодѣятельности, старинная славянская свобода, подавленная князьями и дружинами, пыталась прорваться на свѣтъ, и не вполнѣ успѣла. Изяслава изгнало вѣче, избрало другаго князя; вѣче дѣлалось рѣшителемъ судьбы края, но не надолго. Явилась чуженародная сила въ помощь изгнанному князю: вѣче должно было умолкнуть. Святославъ изгналъ брата и овладѣлъ Кіевскою Землею, вѣроятно, съ согласія Кіевлянъ, которые не могли же такъ скоро забыть поступка Изяславова и вѣрно теперь воспользовались случаемъ отомстить ему снова, когда представилась возможность, когда нашелся князь, на котораго они могли опереться. Но этого князя не стало: Изяславъ шелъ опять съ чужеземною ратью. По польскимъ, извѣстіямъ Болеславъ и на этотъ разъ самъ былъ въ Кіевѣ, и въ этотъ то разъ послѣдовало знаменитое развращеніе нравовъ, стоившее польскому князю короны. Извѣстіе справедливое и непротиворѣчащее собственнымъ нашимъ лѣтописямъ: въ послѣднихъ нѣтъ ничего о вторичномъ пришествіи Болеслава, но не видно изъ нихъ также, чтобы онъ не входилъ въ Кіевъ. Зная, какъ переставлялись, переображались наши лѣтописи, легко можно предположить, что извѣстіе о вторичномъ пребываніи въ Кіевѣ ускользнуло изъ нашихъ лѣтописей. Впослѣдствіи Изяславъ долженъ былъ уступить Польшѣ червенскіе города за помощь ему оказанную, и только этой цѣною удержался на своемъ *столѣ*. Очевидно, когда у князей была возможность призвать противъ народа чужеземную помощь, трудно было народу отстоять

свои права противъ княжескаго произвола и поставить выше княжескаго произвола свою общественную волю.

Съ другой стороны, однако, невозможно было развиться и укрѣпиться прочному властительному деспотизму. Князей было не мало. Изъ нихъ находились охотники засѣсть въ Кіевѣ, какъ и въ другомъ городѣ; одинъ другаго выгоняли и сами были выгоняемы. Прочнаго права преемничества не было. Такъ называемая удѣльная система, сколько ее ни старались уяснить, опредѣлить, до сихъ поръ не выяснилась для насъ. Мы придавали слишкомъ много значенія еще, такъ сказать, рудиментарнымъ правиламъ о столонаслѣдіи въ XI вѣкѣ, но онѣ у самихъ князей были тогда еще неопредѣлены, невыработаны, а народъ, по всему видно, вовсе ихъ не сознавалъ; народъ зналъ одно собственное право — право выбора, и признавалъ одинъ родъ, изъ котораго, по своему усмотрѣнію, считалъ лица достойными къ этому выбору, но выборное право безпрестанно заглушалось правомъ силы и оружія.

Случаи, повторяемые одинъ за другимъ въ томъ же родѣ, становились на нѣкоторое время обычаями, но они, однако, въ свою очередь уступали случаямъ инаго рода. Единственное право князя княжить въ Кіевѣ, было всетаки—избраніе народа; но какъ противъ народной воли можно было найти противодѣйствіе въ свою пользу, какъ это показалъ два раза Изяславъ, то народная воля замѣнилась волею, то воинственной толпы, которая пристанетъ къ князю и приметъ его сторону; то,— вслучаѣ слабости такой толпы,—волею Половцевъ, Поляковъ, Угровъ или Русскихъ другихъ Земель— однимъ словомъ — правомъ силы. Та масса, которая составляла народъ дѣйствующій, народъ въ смыслѣ гражданскомъ, политическомъ, была воинственная толпа изъ людей всякаго рода, всякаго состоянія, силою случая вырвавшаяся наверхъ и управлявшая дѣлами края и его судьбою.

Какъ ни скудны вообще лѣтописи въ изложеніе народной судьбы, но достаточно видѣть, что по смерти Ярослава, до Татаръ, Южная Русь безпрестанно наполнялась чуждымъ народо-

населеніемъ. Кіевскіе бояре и дружинники князей не составляли преемственныхъ туземныхъ сословій: новые пришельцы безпрестанно являлись, одни приходили, а другіе уходили, переходили отъ одного князя къ другому,—сегодня въ Черниговѣ, завтра въ Кіевѣ, потомъ въ Галичѣ, и такъ далѣе. Отъ этого, занимая видное мѣсто при князьяхъ, они мало были связаны съ народомъ нравственными узами и думали о своихъ личныхъ выгодахъ на счетъ народа. Жалобы на такія злоупотребленія прорываются вчастую. Новопришельцы, поддѣлываясь къ князьямъ, получали отъ нихъ должности и называемы были, въ отличіе отъ старыхъ уже обжившихся, — *молодшими* или *уными*. Всеволода укоряютъ за то, что онъ слушалъ *уныхъ*. При всякой войнѣ, болѣе или менѣе удачной, князья возвращались съ полономъ; плѣнниковъ селили въ Землѣ южнорусской. Эти плѣнники были и Русскіе, и инородцы. Вотъ, напримѣръ, въ знаменитые походы противъ Половцевъ, въ 1103 и 1111 годахъ, князья возвращались съ полономъ, и тогда половецкіе плѣнники умножали народонаселеніе Русской Земли. Въ 1116 году народонаселеніе Южной Руси увеличилось изъ разныхъ концовъ стороннимъ приливомъ. Володимиръ воевалъ съ кривичскимъ княземъ Глѣбомъ. Сынъ его Ярополкъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Давыдомъ Святославичемъ взяли Друтескъ; жители его, приведенные въ Южную Русь плѣнниками, поселены въ новопостроенномъ городѣ Жельни. Въ тотъ же годъ, князья, по приказанію Мономаха, ходили на Донъ и плѣнили три города. Жители ихъ, вѣроятно половецкаго или вообще тюркскаго племени, сдѣлались военноплѣнниками и поселены въ Южной Руси. Тогда же Ярополкъ взялъ въ плѣнъ себѣ жену, дочь ясскаго князя; безъ сомнѣнія, не одну ее взялъ онъ, но и другихъ съ нею, и вотъ часть ясскаго племени вошла въ составъ русскаго народа. Въ 1128 году Мстиславъ воевалъ Бѣлорусскую Землю и тогда князья привели значительную часть плѣнниковъ: *изворотишась со многихъ полономъ* (Ипат. Л., 11). Съ другой стороны, когда Мстиславъ, въ 1130 году заточилъ кривичскихъ князей въ

Грецію, то по ихъ городамъ понасадилъ своихъ мужей, слѣдовательно, сдѣлался приливъ населенія изъ Южной Руси въ Кривичскую Землю. Владиміръ Мономахъ, въ 1116 г., посадилъ посадниковъ на Дунаѣ,—любопытный этотъ фактъ остается темнымъ; безъ сомнѣнія отправился посадникъ къ далекую страну не одинъ: съ нимъ отправлено было извѣстное населеніе, долженствовавшее поддерживать кіевскую власть въ этой странѣ. Такимъ образомъ, когда Южная Русь наполнялась инороднымъ населеніемъ, Южно-руссы поселялись въ другихъ странахъ Руси и, вѣроятно, ослабляли свой элементъ въ отечествѣ.

Съ конца XI вѣка Торки, Берендѣи и Печенѣги начали входить въ русскую жизнь и составили часть южнорусскаго народонаселенія. Въ 1054 и 1060 гг., они являются во враждебномъ отношеніи къ Русскимъ. Подъ послѣднимъ изъ годовъ говорится объ ихъ изгнаніи, но черезъ 20 лѣтъ видно, что они жили около Переяславля; позже являются они на правой сторонѣ въ городѣ, называемомъ ихъ именемъ, Торческъ, стоявшій на устью Роси. Новый приливъ этого поселенія въ Русь совершился при Владимирѣ Мономахѣ въ 1116 году, когда жившіе на Дону соплеменники прежде пришедшихъ въ Русь были разбиты и изгнаны Половцами. Торки, вмѣстѣ съ Печенѣгами, явились тогда въ Русь. Съ тѣхъ поръ эти народы, раздѣленные на три отрасли—Торки, Берендѣи и Печенѣги, составляли народонаселеніе береговъ Роси (Поросье) и участвовали въ междоусобіяхъ князей. Имя Черные Клобуки было для всѣхъ общее и давалось имъ Русскими по внѣшнему признаку (Изсл. Пог. V, 194). Кромѣ этихъ трехъ отраслей, встрѣчаются другія названія, какъ напримѣръ Коуи, Каепичи, Турпѣи и другіе; иные назывались по родоначальникамъ, напримѣръ, Бастѣева чадь; о другихъ, какъ о Каепичахъ и о Коуяхъ, можно заключать отчасти то же. Часть ихъ обитала на лѣвой сторонѣ, около Переяслава, въ черниговской области, подъ разными племенными и мѣстными именами. Нельзя думать, чтобъ они были совершенно кочевой народъ: когда они установились въ Южной

Руси, то кромѣ городовъ, служившихъ имъ пріютами, они жили и деревнями, слѣдовательно, должны были заниматься обработкою земли. Такъ въ 1128 году, когда разнесся слухъ, что Половцы, заклятые враги Торковъ, бросились на нихъ, велѣно загонять ихъ въ Баручь и другіе города на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Народъ полукочевой и воинственный, они составляли войско князей, и не имѣя прочной симпатіи въ краю, переходили то къ той, то къ другой сторонѣ. Въ половинѣ XII вѣка, когда наступалъ разгаръ междоусобій, они тогда рѣшали судьбу края. Ихъ важное значеніе видимо особенно во время распрь Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Такъ, при самомъ водвореніи Изяслава и перевѣса его надъ Ольговичами, въ 1149 году, ихъ голосъ рѣшаетъ избраніе Изяслава (ты нашъ князь, а Ольговича не хотимъ). Какъ важны были они для Изяслава Мстиславича, видно изъ слѣдующаго мѣста: въ 1150 году говорится: *аще уже въ Черныа Клобукы въѣдемъ, а съ ними ся скупимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Гюргія, ни Володимера*. Князья искали возможности привлечь ихъ на свою сторону, надѣясь торжествовать. Подъ 1154 годомъ говорится, что объ Изяславѣ плакали Кіяне и Черные Клобуки: здѣсь упоминаніе о Черныхъ Клобукахъ показываетъ, что они играли важную роль въ исторіи края. Они пользовались уваженіемъ по своей воинственности. Изяславъ Мстиславичъ, посылая къ угорскому королю и обнадеживая его въ томъ, что самъ онъ силенъ, даетъ знать, что его стороны держатся Черные Клобуки. Въ 1161 году, князь Ростиславъ посылаетъ къ Святославу просить прислать своего сына въ Кіевъ, чтобъ этотъ сынъ узналъ людей *лучшихъ* Торковъ и Бреендѣевъ. Въ 1159 году, измѣна ихъ Изяславу Давидовичу и переходъ на сторону князя Мстислава Изяславича рѣшили судьбу княженія. Изяславъ, видя себя оставленнымъ Берендѣями и Торками, долженъ былъ отказаться отъ искушенія княжить въ Кіевѣ. Точно также въ 1172 году, Мстиславъ и союзные ему князья должны быяи уступить силѣ Андрея Боголюбскаго. когда увидали, что *Черный Клобукъ подъ ними льститъ*, те есть, не держатся прямо ихъ сторо-

ны. Въ 1192 году, Святославъ долженъ былъ воротиться изъза Днѣпра изъ предпринятаго похода противъ Половцевъ, потому что *Черніи Клобуци не восхотѣша ѣхати на Днѣпръ*. Ихъ было значительное число (иначе они бы не имѣли такого важнаго значенія), уже потому что упоминается о многихъ городахъ, имъ принадлежащихъ. Въ 1156 году, Берендѣи, имѣя у себя города по Роси, просили у князя Мстислава Изяславича, еще по городу за то, чтобъ оставить сторону Изяслава Давидовича. Въ 1177 году упоминается о шести городахъ ихъ, взятыхъ Половцами. Ведя сначала жизнь кочевую, они мало по малу пріучались къ осѣдлости; получая отъ князей, въ награду за помощь, города, служившіе имъ для убѣжищъ, куда они помѣщали свои семейства и пожитки, вмѣстѣ съ тѣмъ они получали и земли, къ этимъ городамъ принадлежавшія. О многочисленности ихъ можно тоже судить по величинѣ отрядовъ, которые они могли выставлять. Въ 1172 году Глѣбъ посылалъ для подъѣзда отрядъ въ 1500 человѣкъ. Нѣсколько разъ упоминается о большихъ отрядахъ ихъ, отправленныхъ въ походъ, напримѣръ въ походахъ противъ Половцевъ. Въ 1183 году Святославъ кіевскій *отряди молождшее князь передъ своими полки... и Мстиславъ Володимировичъ и Берендѣе всѣ съ нимъ, было 2100*. Въ 1185 году, *увѣдѣвше Кончака, бѣжавша, посласта по Кунтувдѣя*, въ 6000.

Кажется, будетъ справедливо въ этомъ чужомъ племени, поселившемся среди русскаго населенія и слившемся съ нимъ впослѣдствіи, искать предвѣстниковъ казацкаго общества. Въ XII в., въ южно-русскомъ кіевскомъ краѣ, воинская толпа, рѣшавшая судьбу князей и края, состояла уже не изъ однихъ Русскихъ (Славянъ), но и изъ инородцевъ, вошедшихъ въ русскую жизнь. Князь совершенно зависѣлъ отъ расположенія къ нему дружинъ и полка сбродной военной толпы; оттого князь долженъ былъ дѣлиться съ дружиною и своими выгодами, и оттого въ числѣ похвалъ, расточаемыхъ князьямъ, постоянно приводится и то качество, что добрый князь не собиралъ себѣ имѣнія, но раздавалъ дружинѣ: *бѣ бо любя дружину и злата не собира-*

щетъ, *имѣнія не щадяшетъ*, *но даяшетъ дружинѣ* (Л. 139). Когда Кіевомъ овладѣвали князья, прежде установившіеся въ другихъ Земляхъ, то привозили съ собою изъ тѣхъ земель и мужей своихъ, которымъ и раздавали должности; эти мужи смотрѣли на новое свое назначеніе, какъ на средство къ личнымъ выгодамъ, и пріобрѣтали ненависть народа, поддерживаемую и тѣми знатными туземцами, которые, по причинѣ появленія новыхъ гостей лишались сами того, что давалось пришельцамъ. Какъ скоро князь умиралъ или былъ изгоняемъ, его мужи подвергались народной злобѣ: ихъ грабили, а иногда и убивали. Такъ было при Святополкѣ Изяславичѣ. Такъ со Всеволодомъ Ольговичемъ явились его приверженцы, вѣроятно изъ Чернигова, и когда Ольговичи должны были, въ лицѣ Игоря, уступить Изяславу Мстиславичу, Кіевляне ограбили и мужей Игоря. То же дѣлали съ Суздальцами послѣ смерти Юрія Долгорукаго.

Всѣ эти случаи показываютъ, какъ подвижно было населеніе Кіева и Земли его. Мужи,—бояре и дружина,—располагавшіе судьбою края, то появлялись, то исчезали, то возвышались, то падали; въ Руси не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократіи, ни еще менѣе — народоправленія.

Несмотря на такой порядокъ, неблагопріятствовавшій гражданственности, начала образованной жизни въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, развиваемыя христіанствомъ, не давали народу впасть въ кочевую дикость. Сношенія съ Византіею и Западомъ и давнія торговыя связи продолжали поддерживать стремленія къ гражданственности. Христіанство распространило въ народѣ понятіе о духовной жизни и знакомило народъ съ книжнымъ ученіемъ. Въ удѣльный періодъ, до Татаръ, въ Южной Руси переводились и читались византійскія книги, большею частію религіознаго содержанія; были и свои оригинальные писатели, не только духовные, но и свѣтскіе, какъ это показываетъ пѣснь Игорева. Такъ образовалось въ Южной Руси сліяніе гражданственности и духовнаго просвѣщенія съ ди-

костію и кочеваньемъ, началъ свободы общественной съ деспотическимъ произволомъ. Князья выбирались и признавались народнымъ голосомъ, но народное значеніе сосредоточилось только въ случайной толпѣ удальцовъ; утѣсненія и противонародные поступки власти наказывались судомъ массы, но масса эта была неправильно организована; отсутствіе сословности, родовой аристократіи, привилегіи сословій, вмѣстѣ съ тѣмъ произволъ случайно сильнаго и униженіе слабаго и незначительнаго, — во всѣхъ этихъ чертахъ народной жизни видѣнъ зародышъ будущаго казачества.

Въ концѣ XI вѣка, Южнорусская Земля обозначается уже по отдѣламъ своей народности: въ Черниговѣ образовалась своебытная Земля, въ Волыни также, и въ Червоной Руси. Судьба народа въ этихъ отдѣлахъ Южной Руси ускользаетъ изъ исторіи, ибо лѣтописи гораздо болѣе заняты Кіевомъ, а по отношенію къ другимъ областямъ говорятъ только о князьяхъ. На Волыни центромъ сдѣлался Владиміръ. Князь Ярополкъ Изяславичъ, посаженный Всеволодомъ, былъ изгнанъ сыновьями Ростислава, внука Ярославова; а потомъ выгналъ Ростиславичей великій князь Всеволодъ и посадилъ тамъ сына своего, Владиміра. Ярополкъ привелъ Поляковъ, чтобъ возвратить свое прежнее владѣніе. Владиміръ уступилъ Владиміръ съ Волынью Давиду и удержалъ Луцкъ, котораго жители сами сдались; но потомъ Ярополкъ изгналъ, съ помощью Поляковъ, Давида Игоревича и помирился съ Владиміромъ Всеволодовичемъ; но, продолжая воевать съ Ростиславичами, въ 1086 году, былъ убитъ подъ Звенигородомъ.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ, участія народа не видно: ясно только, что судьба этого края не имѣла ничего прочнаго и власть надъ ней не опредѣлена и находилась въ распоряженіи случайно сильнѣйшаго. Князьо, съ помощію Ляховъ-сосѣдей, могли утверждаться, не спрашиваясь жителей. Но постоянное стремленіе утвердиться въ извѣстномъ городѣ показываетъ, что существовало въ народѣ понятіе о старѣйшинствѣ нѣкоторыхъ городовъ въ своей Землѣ. Эти города были: Владиміръ и Луцкъ.

Въ 1089 году явилось самобытное княженіе Святополка въ Землѣ Дреговичей, въ Туровѣ.

Время, когда Кіевъ и вся Русская Земля состояла подъ управленіемъ князя Всеволода, лѣтописцемъ-современникомъ обозначено особенно ярко: его набожность, уваженіе къ монахамъ и священникамъ, и христіанское благочестіе, пріобрѣли ему похвалы (любя правду, набдя убогыя, въѣздая честь епископомъ и пресвуторомъ, излиха же любяше черноризци, подая ниже требованье ихъ, бѣже и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти). Но управленіе его рисуется тѣмъ же лѣтописцемъ не въ привлекательномъ видѣ: *нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними; си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя и людемъ не доходити княжея правды, начаша тіуны грабити, людей продавати, сему невѣдущу въ болѣзнехъ своихъ* [1]).

Здѣсь подъ *уными* разумѣются новопришлые, люди недавно возвысившіеся и не связанные родовыми отношеніями старины съ народомъ: они, естественно, болѣе думали о собственной выгодѣ, чѣмъ о правдѣ. Къ умноженію народнаго неблагополучія явились болѣзни,—люди умирали различными недугами; осень и зима 1092 года были дотого обильны смертностью, что втеченіи времени отъ заговѣнья на постъ передъ Рождествомъ Христовымъ до мясопуста продано въ Кіевѣ 7,000 гробовъ.

---

1) Быть можетъ, о такой безпечности князя, какая выставляется въ Всеволодѣ и которая была нерѣдка въ князьяхъ южно-русскихъ,—говорятъ старыя пѣсни, напримѣръ въ пѣснѣ о Чурилѣ Пленковичѣ, гдѣ къ князю кіевскому приходятъ сначала молодцы звѣроловы жаловаться на пришельцевъ, чужихъ охотниковъ, выловившихъ звѣрей; потомъ являются другіе, рыболовы, жалуются, что пришельцы выловили рыбу; наконецъ явились сокольники и кречетники изъ порѣчныхъ острововъ подъ Кіевомъ и говорятъ, что набѣжали пришлецы и похватали ясныхъ соколовъ и бѣлыхъ кречетовъ... На первыя жалобы князь *стольный кіевскій пьетъ, ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитья не слушаетъ*. Онъ спохватился тогда только, когда ему принесли вѣсть о его соколахъ, потому что это ближе къ нему, какъ его собственность личная, а не народная.

Половцы дѣлали набѣги на села и города Южной-Руси, преимущественно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но иногда прорывались на правую. Народъ пугали разныя явленія, считаемыя предзнаменательными, какъ, напримѣръ, разсказывали, что когда Всеволодъ былъ на охотѣ за Вышгородомъ, то упалъ съ неба *превеликій змѣй;* было землетрясеніе; думали видѣть указаніе чего-то страшнаго для будущаго, въ кругѣ, явившемся посреди неба; отъ засухи земля казалась сгорѣвшею, воспламенялись боры и болота отъ неизвѣстныхъ причинъ. Отовсюду приносились въ Кіевъ разсказы о разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ; но ничто до такой степени не казалось страннымъ и непостижимымъ, какъ вѣсти, приносимыя изъ Земли Кривичей, изъ Полоцка: говорили, что тамъ бѣсы разъѣзжаютъ по улицамъ на коняхъ, и кто только выйдетъ на улицу, того сейчасъ поразятъ, и тотъ умретъ; начали и днемъ являться они на коняхъ— только никто ихъ не видѣлъ, — говоритъ лѣтописецъ, — но *конь ихъ видѣти копыта* (суевѣріе литовское: въ литовской демонологіи—духи въ видѣ всадниковъ—обыкновенное страшное явленіе).

Ожидаемыя народомъ бѣдствія разразились дѣйствительно только при Святополкѣ Изяславичѣ, сдѣлавшемся княземъ кіевскимъ. Пришедши изъ Турова, онъ раздавалъ должности тѣмъ, которые сопровождали его оттуда. Они держали съ нимъ совѣтъ; къ Кіевлянамъ не было довѣрія. Половцы отправили пословъ къ Святополку просить мира. Одни совѣтовали примириться, но пришедшіе съ Святополкомъ Туровцы, соперники партіи Кіевлянъ, настаивали на войну. Святополкъ пригласилъ Владимира Всеволодовича изъ Чернигова; отправились воевать, но въ войскѣ ихъ не было согласія. Дружина каждаго князя расположилась по своему на перекоръ другимъ. Князья были разбиты у Триполья, и Половцы страшнымъ полчищемъ разсѣялись по Русской Землѣ, грабили, брали въ плѣнъ. Такъ былъ взятъ городъ Торчскій, населенный Торками; его сожгли и повели жителей въ плѣнъ: то былъ обычай Половцевъ. «Тогда много страдали христіане (много роду хрсетьанска стражюще)—

говоритъ лѣтописецъ: *печальни мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ. опустнѣвше лици, почернѣвше тѣлесы, незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терніемъ, со слезами отвѣщаваху другъ ко другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города; а другіа: азъ сея веси; шако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюще, очи возводяще на небо къ Вышнему*» (Лавр. Сп., 96). Вдобавокъ ко всеобщему горю, въ 1094 г. явилась саранча (прузи) и поѣла весь хлѣбъ на корню. Сверхъ того, сынъ Святослава, Олегъ, сдружился съ Половцами, и, при помощи ихъ, выгналъ Владимира Всеволодовича изъ Чернигова, гдѣ княжилъ нѣкогда отецъ Олега.

Тогда явился одинъ энергическій человѣкъ среди всеобщаго разложенія: Владимиръ Всеволодовичъ, прежде княжившій въ Черниговѣ, а по изгнаніи оттуда Олегомъ—въ Переяславлѣ. Онъ умѣлъ, по крайней мѣрѣ, дать отпоръ Половцамъ, подвинулъ на ополченіе и разбилъ враговъ, и тѣмъ поколебалъ ихъ увѣренность въ своемъ превосходствѣ. Владимиръ былъ единственный человѣкъ въ удѣльномъ періодѣ, задумавшій установить прочную связь между княжествами. Въ 1094 году, Олегъ изъ Тмутаракани, съ толпою Половцевъ, явился въ Сѣверской Землѣ и выгналъ Владимира, который перешелъ въ Переяславль. Отсюда возникла между ними вражда. Когда Владимиръ старался подвинуть всѣ силы русскаго міра для противодѣйствія Половцамъ, Олегъ мѣшалъ этой цѣли и держался съ Половцами, такъ какъ они ему доставили Черниговъ. Въ Переяславлѣ убили двухъ половецкихъ князей, пришедшихъ туда для заключенія союза. Владимиръ не хотѣлъ было рѣшаться на такое предательское дѣло, но дружина Ратибора, кіевскаго тысячскаго, приговорила убить ихъ, ибо они нѣсколько разъ преступали клятву. Дружина кіевскаго тысячскаго, быть можетъ, здѣсь имѣла значеніе вѣча кіевскаго, и Владимиръ долженъ былъ ея послушать. Отъ Олега требовали выдачи одного изъ княжичей половецкихъ, но онъ отказалъ. Тогда Владимиръ приглашалъ Олега, вмѣстѣ съ князьми, собраться въ Кіевъ и тамъ положить рядъ предъ епи-

скопами и игуменами, и мужами и людьми градскими, какъ оборонять Землю Русскую отъ поганыхъ. Это было нѣчто въ родѣ сейма всѣхъ Земель, ибо мужи должны были находиться изъ другихъ княженій и люди градскіе, вѣроятно, были не одни Кіевляне. Олегъ отвѣчалъ, что ему непристойно отдавать себя на судъ епископамъ, игуменамъ и смердамъ. Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ сказалъ онъ послѣднее слово: назвалъ ли онъ презрительно смердами мужей, дружинниковъ и людей градскихъ, или въ самомъ дѣлѣ тамъ должны были быть и смерды. Послѣ этого, вспыхнула война и разыгрывалась въ Ростовской области, захваченной Олегомъ. Между тѣмъ Половцы ворвались въ Кіевъ, ограбили и зажгли предмѣстье и Печерскій монастырь. Въ 1097 году война кончилась тѣмъ, что Олегъ долженъ былъ смириться. Назначенный съѣздъ въ Любечѣ постановилъ, чтобы всѣ князья довольствовались своими отчинами. Это постановленіе не было общимъ правиломъ навсегда: чтобъ всякій князь, коль скоро онъ князь, непремѣнно владѣлъ волостью; оно относилось только къ существовавшимъ тогда княжескимъ отношеніямъ. Главная цѣль этого съѣзда была—ополченіе противъ Половцевъ и взаимное дѣйствіе противъ нихъ; укладъ княжескихъ владѣній былъ только средствомъ къ удобнѣйшему веденію войны съ внѣшними врагами; а не цѣлію (и сняшася Любячи на устроенье мира и глаголаша къ себѣ рекуще: почто губимъ русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати? Да поне отселѣ имемъся во едино сердце и блюдемъ рускыѣ земли, кождо да держить отчинну свою» Лавр. Сп., стр. 109); и притомъ не всѣ князья получили волости: дѣти Святополка и Володимира не получили; о полоцкихъ и вообще кривскихъ князьяхъ, и о Новѣгородѣ, нѣтъ помину. Вслѣдъ за тѣмъ, Святополкъ и Давидъ Игоревичъ, князь Володимера волынскаго, привлекли къ Кіеву червоно-русскаго князя, Василька, предательски взяли его, и онъ былъ ослѣпленъ Давидомъ. Владиміръ поднялъ войну за такое беззаконіе и подошелъ къ Кіеву. Кіевляне могли испытать на себѣ наказаніе, ибо когда Святополкъ взялъ Ва-

силька, то спрашивалъ объ этомъ кіевское вѣче, и Кіевляне предоставляли своему великому князю на волю, какъ поступить съ задержаннымъ княземъ. Поэтому Владимиръ, идя карать за злодѣяніе, имѣлъ право мстить Кіевлянамъ. Дѣйствительно, въ Кіевѣ были люди, которые, въ угодность своему князю, совѣтовали ему поступить предательски съ Василькомъ. Святополкъ хотѣлъ бѣжать. Кіевляне его остановили, отправили къ Владиміру посольство и помирили князей, съ тѣмъ, чтобы они отправились наказывать Давида. Выгнали Давида, и Святополкъ посадилъ дѣтей своихъ на его мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ, Святополкъ хотѣлъ отнять Червоную Русь у Ростиславичей. Тогда Волынь сдѣлалась сценою войны, безъ сомнѣнія разорительной для жителей. Вмѣшались въ дѣло Угры, которыхъ призвалъ Святополкъ, вмѣшались Половцы, призванные Давидомъ. Половцы одолѣли. Но Волынцы стали противъ Давида и передавались кіевскому князю. Наконецъ, при посредствѣ Владимира, эта усобица прекратилась тѣмъ, что Давиду данъ Дорогобужъ,—оставили его такимъ образомъ безъ наказанія за злодѣяніе надъ Василькомъ и только предали смерти мужей—его совѣтниковъ.

Послѣ прекращенія распрей, Владимиръ Всеволодовичъ, сдѣлавшійся главнымъ двигателемъ событій, душою вѣка, соединилъ князей и дружины ихъ въ походъ противъ Половцевъ въ 1103 и въ 1110 годахъ. Оба похода были очень удачны. Не ограничивались только охраненіемъ предѣловъ Русской Земли отъ набѣговъ, а сговорились войти въ степь, гдѣ Половцы кочевали на востокѣ отъ Русскихъ предѣловъ, между Ворсклою и Дономъ, хотѣли навести на нихъ страхъ и охладить надолго, если не навсегда, отвагу, съ какой они нападали на Русь. Ополченіе состояло не только изъ княжескихъ дружинъ, но и изъ простаго народа, смердовъ, взятыхъ съ «рольи»: дѣло было народное. Когда дружинники возражали на совѣтѣ, что не слѣдуетъ отрывать весною смердовъ отъ рольи, Владимиръ отвѣчалъ имъ: «удивительно, какъ это жалѣете смердовъ и лошадей ихъ, а того не помышляете, что Половчинъ наѣдетъ весною, отниметъ у смерда коня, и самого съ женою и дѣтьми повлечетъ въ

неволю, и гумно зажжетъ». Чтобъ придать этому ополченію религіозное значеніе, Владимиръ пригласилъ священниковъ съ образами: они шествовали предъ полкомъ и пѣли кондаки честному кресту и канонъ пресвятой Богородицѣ. Это имѣло нравственное вліяніе: Русскіе одержали побѣду надъ Половцами; городъ половецкій Шарукань сдался, а городъ Сугровъ сожженъ. На рѣкѣ Сальницѣ, Половцы претерпѣли сильное пораженіе. Разсказывали, что русскимъ князьямъ помогали ангелы и срубливали невѣрнымъ головы невидимо! Когда привели въ Кіевъ плѣнниковъ, то они говорили: «какъ можемъ мы съ вами биться, когда другіе ѣздятъ поверху васъ въ свѣтломъ оружіи, страшные, и вамъ помогаютъ!» Говорили, что самый походъ противъ Половцевъ внушенъ былъ свыше, Владимиръ ночью видѣлъ при Радосынѣ видѣніе въ Печерскомъ монастырѣ: огненный столпъ, стоявшій на трапезницѣ; онъ переступилъ надъ церковь и потомъ полетѣлъ по воздуху за Днѣпръ, по направленію къ Городцу: этимъ указывался воинственный путь Русскимъ противъ враговъ креста Христова. Этотъ походъ произвелъ сильное впечатлѣніе на народное чувство. Его-то, какъ видно, воспѣлъ вѣщій Баянъ; его слава, —говоритъ лѣтописецъ, —разнеслась по странамъ дальнимъ, «ко Грекомъ и Угромъ, и Лехомъ и Чехомъ, *дондеже и до Рима пройде!*» Римъ представлялся въ народномъ воображеніи предѣломъ извѣстнаго, особенно славнымъ и почтеннымъ мѣстомъ, далѣе котораго почти не восходили географическія знанія. Уваженіе къ Риму поддерживалось въ народѣ жившими въ Кіевѣ, въ значительномъ числѣ, католиками.

Блестящіе подвиги противъ Половцевъ, энергическая защита Русской Земли, сочувствіе къ народу, неутомимая дѣятельность и быстрота, которая проявляется въ характерѣ Владимира, рисующемся въ его поученіи дѣтямъ, попытка установить что-то новое, общее для Русской Земли — все обличаетъ въ Мономахѣ человѣка выше остальныхъ, и неудивительно, что народъ любилъ его и долгое время сохранилъ его память. Вражду его съ Олегомъ и междоусобія по поводу ея намъ теперь трудно оцѣнить. Нѣкогда былъ въ нашей литературѣ споръ по этому пред-

мету. Но такой споръ основывался единственно на соображеніи правъ родовыхъ между князьями, которыя вообще были неопредѣленны и остаются до сихъ поръ темными. Народъ не всегда соображался съ ними; еще тогда не угасла самодѣятельность народной жизни, а потому выше правъ родовыхъ стояло право призванія. Если Ярославъ и подѣлилъ удѣлы между сыновьями, то этимъ еще онъ не установилъ какого-нибудь твердаго порядка для дѣлежа потомкамъ, чтобы каждый князь, по какому-нибудь родовому праву, необходимо долженъ былъ получить такую или другую Землю. Нельзя признавать исключительнаго права Олега на Черниговъ, когда отецъ его, хотя и получилъ отъ Ярослава Черниговъ, но послѣ того, овладѣвъ Кіевомъ, изгналъ оттуда Изяслава и сдѣлался самъ кіевскимъ, а не черниговскимъ княземъ; столько же права имѣлъ на Черниговъ и Всеволодъ, бывшій послѣ Святослава, а потомъ Мономахъ, княжившій въ Черниговѣ послѣ Всеволода (Лавр. Сп., стр. 85—87). Ученые наши искали порядка и системы въ преемничествѣ удѣльныхъ князей, но вопросъ проще объясняется—участіемъ народа, иногда изображаемаго шайкою дружины, иногда кружкомъ богатыхъ, иногда случайною толпою всякаго рода удальцовъ; пользуясь случайною силою, они признавали, чтобъ былъ княземъ тотъ-то, а не другой — вотъ и право! При такого рода правѣ, конечно, претенденты достигали своихъ цѣлей тѣмъ, что подбирали себѣ толпу приверженцевъ и старались, посредствомъ этой толпы, получить власть: сила и удача рѣшали вопросъ. Преемничество по праву было еще, такъ-сказать, въ зародышѣ; образовалось сознаніе, что княжескій родъ долженъ править Русскою Землею, но въ какомъ порядкѣ — это еще не установилось и не обозначилось. Самая ближайшая форма, входившая въ сознаніе, была, конечно, преемничество сыновей по отцу: правилъ отецъ—правилъ сынъ; возникло понятное выраженіе «*сѣде на столѣ отца и дѣда своего...*» Но такъ-какъ было много такихъ, которыхъ отцы и дѣды сидѣли на столахъ, то выбрать изъ нихъ и уладить ихъ между собою предоставлялось волѣ народа, которая не могла, какъ мы уже выразились, быть чѣмъ дру-

гимъ, какъ только волею случайной толпы. Мономахъ первый бросилъ мысль о болѣе ощутительномъ, правильномъ способѣ ея проявленія; но, какъ видно, и онъ самъ неясно еще представлялъ образъ, въ какомъ этотъ способъ долженъ былъ проявиться.

Правленіе Святополка было во всѣхъ отношеніяхъ тягостно для народа: кромѣ безпрестанныхъ пораженій отъ Половцевъ, народъ терпѣлъ отъ корыстолюбія князя и его подначальныхъ должностныхъ лицъ. Сначала онъ окружилъ себя пришедшими съ нимъ Туровцами, которые были чужды Кіевлянамъ и думали о своей выгодѣ; въ чужомъ городѣ они привязаны были къ одному князю, а не къ Землѣ; когда князь обжился въ Кіевѣ, около него группировались и Кіевляне, дѣлаясь боярами, то есть людьми знатными и богатыми. Какъ пришельцы, такъ и бояре-Кіевляне, налегали тягостію на народъ; извлекая изъ него выгоды и себѣ, и князю, — отдали торговлю въ руки жидовъ. Какой необузданный произволъ допускалъ себѣ князь, его дѣти и бояре, — видно изъ разсказа о печерскомъ инокѣ, котораго истязали по доносу, будто бы онъ нашелъ сокровище. Народъ долженъ былъ поневолѣ терпѣть, и въ противномъ случаѣ бояться худшаго. Половцы терзали страну; если бы князя прогнали, то онъ ушелъ бы, конечно, къ Половцамъ: на дочери хана половецкаго онъ былъ женатъ; и тогда было бы еще хуже; тѣ, которые рѣшились бы надѣяться на иного князя, сами подверглись бы гибели, и край подвергся бы пущему раззоренію, какъ это уже было тогда, какъ прогнали отца Святополкова.

Но когда умеръ Святополкъ, негодованіе, при его жизни таившееся, вспыхнуло. Жадный и жестокій князь успѣлъ составить партію. Это были боляре и дружина, жившіе подъ крыломъ его на счетъ народа, Іудеи — торгаши и ростовщики, а также и между духовными и монахами были сторонники его: онъ строилъ церкви, основывалъ монастыри, построилъ одинъ изъ важнѣйшихъ монастырей — Михаила, названный потомъ Златоверхимъ. Тогда, по духу времени, растолковано и затмѣніе, бывшее за мѣсяцъ до его смерти, предзнаменованіемъ великаго

несчастія — кончины князя: говорили, что это знаменіе не на добро. На погребеніи его плакали бояре и дружина; было чего имъ плакать, когда они лишались своего благодѣтеля и покровителя, и видѣли мрачныя лица народа, чувствовавшаго, что пришла пора расплаты. Вдова князя думала умилостивить Господа-Бога о душѣ грѣшнаго супруга, раздавая милостыню монастырямъ, попамъ и убогимъ. Была до такой степени эта милость щедра и обильна, *яко дивитися всѣмъ человѣкомъ, яко такои милости никтоже можетъ створити.* Въ порывѣ благочестія, княгиня хотѣла злѣ собранное добрѣ расточить, облегчая между прочимъ и судьбу тѣхъ нищихъ, которые повергнуты были въ нищету корыстолюбіемъ правителя, которому, на награбленныя у нихъ деньги, вдова думала купить спасеніе души. На другой день 17 апрѣля 1113 года, собрались Кіевляне на вѣче и приговорили звать Владимира на княженіе. Желаніе имѣть его княземъ оправдывалось и тѣмъ, что онъ имѣлъ родовое право на столъ отенъ и дѣденъ, ибо его отецъ былъ княземъ кіевскимъ. Но Святополкъ имѣлъ сына, и его сынъ могъ также придти на столъ отенъ и дѣденъ. Такимъ-образомъ, здѣсь наслѣдственное достоинство служило только освященіемъ народному праву, и послѣднее употребляло его различно. Владимиръ сначала отказывался. Тутъ, кажется, была та причина, что Владимиръ хотѣлъ уклониться отъ суда надъ тѣми, которые были обречены уже на кару народомъ: какъ князь, онъ долженъ былъ судить ихъ; онъ разсчелъ, что онъ или наживетъ тогда себѣ враговъ, или неугодитъ народу, если станетъ охранять тѣхъ, которыхъ народъ невзлюбилъ, и лучше предоставилъ народу расправиться съ нелюбыми себѣ по своему желанію, прежде чѣмъ онъ, Владимиръ, прибудетъ. По русскому обычаю, тѣ, которые были виновны противъ народа, отдавались на потокъ, то есть на разграбленіе: такимъ образомъ ограбили жидовъ, ограбили дворъ Путяты тысячскаго и сотскихъ. Тутъ, чтобъ предотвратить дальнѣйшія сцены народной мести, нѣкоторые Кіевляне послали снова просить Владимира прибыть поскорѣе, потому-что иначе, — писали къ нему простодушно, — *пой-*

дуть на ятровъ твою и на бояръ и на манастырѣ, и будеши отвѣтъ имѣлъ, княже, — оже ти манастырѣ розграбять.

Христіанство, какъ мы говорили уже, въ числѣ коренныхъ понятій гражданскихъ, вносило къ намъ неприкосновенность монастырей, неподлеганіе ихъ свѣтскому суду. Хотя народъ и ощущалъ страхъ предъ святостію обителей, но не до такой степени, чтобъ этотъ страхъ могъ остановить разгаръ народнаго суда. Святополкъ грабилъ народъ и раздавалъ монастырямъ. Ограбили жидовъ, ограбили тысячскаго и сотскихъ — это значитъ—воротили то, что̀ несправедливо было захвачѐно; надобно было и монастыри грабить: и у нихъ было неправедно собранное имѣніе. Но духовные говорили, что всякое посягновеніе на святыя обители повлечетъ Божіе наказаніе надъ народомъ и всею страною. Людямъ разсудительнымъ слѣдовало предохранить монастыри и спасать тѣмъ самымъ страну и народъ отъ Божія гнѣва за святыя обители, еслибъ онѣ пострадали. Та́къ въ то время слагались понятія.

Когда Мономахъ вступилъ въ Кіевъ,—это былъ день искренней радости. Народное возстаніе улеглось. Любимый народомъ князь собралъ Кіевлянъ, составленъ былъ охранительный для народа законъ *о рѣзахъ:* постановлено было, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты, а когда уже возьметъ столько, сколько стоитъ самый капиталъ, то не можетъ брать болѣе процентовъ.

Володимѣръ Всеволодовичь по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовомъ, Ратибора Кіевскаго тысячьского, Прокопію Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Переяславьскаго тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Ольгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны: аже кто возметь два рѣза, тъ то взяти емоу исто, паки ли возметь три рѣзы, то иста ему не взяти. Позволительный процентъ былъ 10 кунъ на гривну. Въ этомъ дѣлѣ заинтересованы были жители Переяслава и Чернигова, ибо изъ Переяслава былъ ты-

сячскій *и отъ Ольга*, слѣдовательно изъ Чернигова. Это, понятно, ибо Черниговъ долженъ былъ находиться въ непосредственномъ коммерческомъ отношеніи съ Кіевомъ, и, слѣдовательно, тамъ должны были отзываться плоды сильной лихвы. Должно думать, что этому же времени принадлежитъ составленіе и другихъ статей, слѣдующихъ за этой въ Русской Правдѣ», именно о купцахъ, о долгахъ и закупахъ.

Стеченіе обстоятельствъ усложняло вопросы. Частыя войны и нашествіе Половцевъ разоряли капиталы; являлись неоплатные должники, являлись, подъ видомъ неоплатныхъ должниковъ, и плуты. Откуда процентщина развилась въ Кіевѣ, поясняетъ слѣдующая за тѣмъ статья: *Аже которій купець кдѣ любо шедъ съ чужими кунами истопиться, любо рать возметъ или огнь, то ненасилити ему, ни предати его*. Такимъ образомъ, открывается, что когда одни рисковали, подвергали опасностямъ домъ, жизнь и имѣніе, другіе давали имъ деньги на проценты. У кого были деньги, тѣ не отваживались ими рисковать и предпочитали брать проценты, оставаясь въ Кіевѣ; находились предпріимчивые, которые занимали деньги у другихъ и подвергали себя труду и риску, конечно, надѣясь пріобрѣсть, себѣ значительныя выгоды; другіе же служили въ родѣ коммисіонеровъ у купцовъ, брали у нихъ товаръ и, не платя за него денегъ, торговали имъ, а выплачивали послѣ. Проценты болѣе и болѣе возвышались; пускать деньги въ торговый оборотъ капиталистамъ становилось болѣе и болѣе опасно; бравшіе у нихъ взаймы деньги подвергались несчастіямъ и потерямъ, не получали выгодъ, а проценты считались за ними и наростали, возвышались, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣны на товары, и народъ терпѣлъ отъ дороговизны. При множествѣ неоплатныхъ должниковъ, юридическія понятія должны были спутаться, возникали частые обманы. И вотъ, при Владимирѣ, разрѣшили этотъ вопросъ. Положили различіе между тѣмъ купцомъ, который дѣйствительно потеряетъ отъ рати или отъ непредвидѣнныхъ бѣдствій, какъ-то: отъ воды или отъ огня, и между тѣмъ, который *пропіется оли пробіется и въ безуміи*

чижь товаръ испортитъ. Въ словѣ «*пропіется*» встрѣчаемъ обычное качество русскаго народа, а въ словѣ «пробіется» оказывается, по видимому, то обстоятельство, что пьяницы-гуляки затѣвали ссоры, драки и, потомъ, принуждаемы были платить виры и продажи. Тутъ нельзя было отговариваться чужимъ имуществомъ: требовали сейчасъ же виры и брали у виновнаго что ни находили. До этого времени, видно, смотрѣли прямо: кто задолжалъ, тотъ заплати тѣмъ, что есть; но частыя несчастія должны были измѣнить взглядъ. И вотъ установили, чтобы, при несостоятельности купца, принимать во вниманіе, отъ какой причины онъ несостоятеленъ; вслучаѣ уважительныхъ причинъ, онъ, однако, не избавлялся, при всемъ томъ, отъ платежа процентовъ по условію. Вмѣстѣ съ этимъ, нѣкоторые брали капиталъ по частямъ у разныхъ лицъ, и нерѣдко князья участвовали въ долѣ и отдавали свои капиталы въ торговлю: это было нѣчто въ родѣ компаніи, которая препоручала одному торговую дѣятельность за всѣхъ. Такъ представляется дѣло. Вслучаѣ несостоятельности торговца, набравшаго у другихъ капиталы, судъ надъ нимъ производился публичный: его вели на торгъ или продавали имущество его. До Владимира Мономаха было въ обычаѣ, что тѣ, которые, прежде другихъ, давали банкроту свой капиталъ, имѣли право на преимущественный предъ другими возвратъ своего достоянія; но теперь постановили, что уже не первый по времени имѣетъ преимущество, а во-первыхъ—гость, во-вторыхъ—князь. Вотъ въ этомъ измѣненіи можно замѣтить, какъ прежнія понятія равенства личныхъ правъ уступаютъ составлявшемуся понятію о первенствѣ. Личность князя начала выступать уже въ томъ образѣ, въ какомъ, впослѣдствіи, явился у насъ казенный интересъ, хотя еще княжеское достоинство не успѣло стать на царственную ногу. Есть еще лицо, имѣвшее въ этомъ случаѣ первенство предъ самимъ княземъ: это гость, *изъ иного города или чюжеземецъ:* онъ даетъ товары не зная, что покупатель уже задолжалъ многимъ. Это, конечно, установлено какъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ не отогнать, но привлекать въ Кіевъ иноземныхъ торговцевъ, такъ и

по чувству справедливости, ибо дѣйствительно тотъ, кто пріѣзжалъ въ Кіевъ изъ другихъ странъ, могъ не знать обстоятельствъ того, кому довѣрялъ. Въ статьѣ, касающейся этого предмета, кажется, слѣдуетъ понимать дѣло такъ, что гость имѣетъ преимущество предъ самимъ княземъ (см. текстъ «Русской Правды», Калачова, стр. 32). Вмѣстѣ съ развитіемъ вопросовъ о долговомъ обязательствѣ, возникли вопросы о наемныхъ людяхъ, закупахъ, которыхъ рѣшеніе, въ «Русской Правдѣ», очевидно, принадлежитъ временамъ Владимира-Мономаха. Набѣги Половцевъ, дороговизна, процентщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ, все способствовало тому, чтобы масса нищала, а немногіе частные люди обогащались. Обѣднѣвшіе не въ силахъ были прокормить себя, по причинѣ дороговизны; раззоренные отъ половцевъ, оплакивая томящихся въ плѣну домашнихъ, шли въ наемники къ богатымъ. Но тутъ, какъ слѣдовало, должны были возникнуть недоразумѣнія. Вѣроятно, много было взаимныхъ жалобъ, и онѣ-то привели къ составленію статей и законоположенію для охраненія тѣхъ и другихъ. Видно, что съ одной стороны эти закупы, взявъ деньги отъ господина, давали иногда тягу; а съ другой стороны, господа взваливали на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли. Законъ позволяетъ закупу идти жаловаться на господина ко князю или къ судьямъ, опредѣляетъ возрастающую, по степени важности, за обиды и утѣсненія закупу, пеню въ его пользу отъ господина, охраняетъ его отъ притязанія господина, вслучаѣ пропажи какой нибудь вещи, когда, въ самомъ дѣлѣ, закупъ невиноватъ; но, съ другой стороны, предоставляетъ его тѣлесному наказанію по волѣ господина, если закупъ дѣйствительно виноватъ: *оже господинъ бьетъ закупа про дѣло его — безъ вины естъ*, и, въ случаѣ побѣга, угрожаетъ ему полнымъ рабствомъ: *оже закупъ бѣжитъ отъ господина — то обель*. Кромѣ закуповъ, служившихъ въ дворахъ у господъ, были закупы ролейные, поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу; иные получали плуги и бороны отъ владѣль-

цевъ,—это также показываетъ обѣднѣніе народа, ибо какъ видно изъ Русской правды не было ни въ правѣ, ни въ обычаѣ, чтобы такой закупъ, или полевой работникъ, непремѣнно получалъ орудія отъ владѣльцевъ.

Изъ этого видно, что тогда земледѣльцы, обѣднѣвши, лишенные всякихъ средствъ къ свободному труду, припуждены были наниматься въ работники, и такіе работники и закупы попадали въ чрезмѣрный произволъ владѣльцевъ. Владѣльцы посылали ихъ на работы и придирались къ тому, что они не берегутъ орудій; обвиняли ихъ, когда у нихъ случались покражи, и клали имъ это въ счетъ платы; такимъ образомъ, бѣдняки находились въ неисходномъ положеніи—вынужденные быть всегдашними рабами, зависящими отъ произвола сильныхъ; наконецъ, владѣльцы даже продавали ихъ въ рабство, пользуясь своею силой. Все это при Владимирѣ Мономахѣ предотвращается. Къ этому періоду нашего законодательства должны, какъ кажется, относиться и многія постановленія, опредѣляющія положеніе рабовъ (холоповъ); потому что, во всѣхъ спискахъ, статьи, опредѣляющія значеніе холоповъ, поставлены послѣ статей опредѣленныхъ Владимиромъ: очевидно, что такъ какъ многіе, пользуясь бѣдностью народа, обращали въ рабство служившихъ у нихъ закуповъ или свободныхъ людей, то и возникла необходимость опредѣлить: что такое холопство, кто долженъ былъ считаться вольнымъ. Конечно, по юридическому понятію, извѣстный взглядъ существовалъ и до того времени; теперь онъ вошелъ въ законодательство съ прежнихъ обычаевъ. Холопство обельное признано трехъ родовъ: первый видъ былъ покупка,—иногда продавался человѣкъ самъ въ холопы добровольно: въ такомъ случаѣ согласіе покупаемаго объявлялось предъ свидѣтелями—*послухы поставитъ;* другой покупалъ рабовъ у господъ, но непремѣнно при свидѣтеляхъ, и давалъ задатокъ, хотя малый (ногату), въ присутствіи самаго получаемаго холопа. Второй родъ холопства сообщался принятіемъ женщины рабскаго происхожденія въ супружество безъ всякаго условія — фактъ замѣчательный, показывающій что были случаи, когда женщины избѣгали раб-

ства выходомъ въ замужство; безъ сомнѣнія, это были частые случаи и потому-то оказалось нужнымъ установить правило. Наконецъ, третій родъ холопства — если свободный человѣкъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человѣка: *тивунство безъ ряду, или привяжетъ ключь къ собѣ безъ ряду*... Такимъ образомъ, служба лицу сама по себѣ уподоблялась рабству: иначе, непремѣнно нужно было условіе; это, вѣроятно, произошли отъ того, что во первыхъ, многіе холопы избѣгали рабства, какъ скоро брали на себя должность; во-вторыхъ, что свободные люди, принявъ должность, позволяли себѣ разные безпорядки и обманы, и, за неимѣніемъ условій, господа не могли искать на нихъ управы. Отношенія усложнялись и требовали условій и договоровъ. Только исчисленные здѣсь люди могли быть холопами, прочіе — не холопи: въ дачѣ не холопъ (т. е. если дали ему въ долгъ), ни по хлѣбѣ роботятъ (если и за хлѣбъ работаетъ), ни по придатьцѣ (?); но всякій, кто взялъ въ долгъ, можетъ отработать, то, что получилъ, и отойти. Замѣчательно, что по всѣмъ статьямъ «Русской Правды» не дѣлаются болѣе холопами военноплѣнные, — объ этомъ уже нѣтъ рѣчи.

Бѣгство холоповъ было обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и въ послѣдующія времена, а потому и въ этотъ періодъ возникли также постановленія относительно ихъ поимки. Бѣглые холопы обыкновенно находили себѣ убѣжище у другихъ господъ, которымъ служили, будучи обязаны имъ пріютомъ, а когда эти новые господа начинали съ ними обращаться строго, — убѣгали отъ нихъ и искали иныхъ. Для предотвращенія этого постановлено: тотъ платилъ, кто, зная бѣглаго холопа, дастъ ему хлѣбъ или укажетъ путь, и напротивъ—устанавливалась плата въ награду за поимку и задержаніе бѣглаго холопа. Были случаи, когда господа довѣряли своимъ холопамъ разныя дѣла и посылали ихъ торговать. Такимъ образомъ, холопъ былъ тѣсно, юридически, связанъ съ господиномъ и былъ членомъ его дома, такъ что за него господинъ отвѣчалъ. Вслучаѣ, если бы холопъ занялъ денегъ и заимодавецъ зналъ, что занимаетъ холопъ, то онъ да-

валъ не холопу, а господину, и господинъ обязанъ былъ или заплатить то, что взялъ холопъ, или лишиться холопа; точно такое же правило наблюдалось и тогда, когда холопъ былъ пойманъ въ воровствѣ: господинъ отдаетъ холопа тому, у кого онъ укралъ, или выкупаетъ его, платя цѣну украденнаго.

Холопъ былъ поставленъ ниже всякаго свободнаго. Но положеніе его, въ это время, по правамъ состоянія, кажется, было выше, чѣмъ при Ярославѣ. Прежде за побои, нанесенные холопомъ свободному человѣку, слѣдовало убить холопа, а при дѣтяхъ Ярослава положено только брать куны; холопъ вообще лишенъ былъ права быть свидѣтелемъ, но, въ крайней необходимости, можно было ссылаться на такого холопа, который занималъ у своего господина должность...

Во времена Владимира и сына его Мстислава (1113—1125 г.) мало представляется живыхъ сторонъ народной жизни въ Южной-Руси; по крайней мѣрѣ, въ нашихъ лѣтописяхъ онѣ какъ бы скрадываются подъ иными событіями. Вообще, вѣроятно, народъ, нѣсколько успокоенный рукою Мономаха, менѣе испытывалъ страданій и внѣшнихъ и внутреннихъ. Впрочемъ, —въ 1124 году, было бездождіе, которое естественно должно было повлечь скудость; былъ и сильный пожаръ въ Кіевѣ. Въ эти два княженія совершалось заселеніе Южной-Руси переселенцами.

Намъ неизвѣстны обстоятельства вступленія на великокняжескій столъ сыновей Мономаха, одного за другимъ, но здѣсь не руководило право наслѣдства послѣ отца. По смерти Мстислава сдѣлался княземъ не сынъ его, а братъ — вѣрно по желанію Кіевлянъ; но тутъ въ Южной Руси начались сумятицы, имѣвшія печальное вліяніе на судьбу народа. Началъ дѣло черниговскій князь Всеволодъ. Дикій, необузданный, онъ еще прежде, въ Черниговѣ, напалъ на своего дядю Ярослава, дружину его истребилъ и выгналъ его. Мстиславъ, хотѣвшій помочь изгнанному Ярославу и наказать Всеволода, оставилъ это намѣреніе по просьбѣ андреевскаго игумена Григорія, уважаемаго по своей святой жизни: онъ убѣдилъ его не поднимать войны. Конечно,

чалъ зажигать дворы передъ городомъ въ Копыревомъ концѣ. Такими-то средствами онъ заставилъ себя признать княземъ. Вячеславъ добровольно уступилъ. Кіевляне признали Всеволода...

Новый князь привелъ съ собою своихъ Черниговцевъ и роздалъ имъ должности и городское управленіе. Сила его, очевидно, заключалась въ Черниговцахъ, которымъ льстило то, что они съ своимъ княземъ дѣлались рѣшителями судьбы Русскаго міра. Опираясь на эту силу, онъ деспотически требовалъ перемѣщенія князей съ мѣста на мѣсто. Когда, въ 1146 году, почувствовалъ онъ близость смерти, то хотѣлъ утвердить вмѣсто себя Игоря. Онъ началъ просить Кіевлянъ признать его своимъ княземъ. Кіевляне нетерпѣли ни Всеволода, ни его рода, но притворились, что желаютъ имѣть его брата. Собралось вѣче подъ Угорскимъ; цѣловали крестъ Игорю. Чтобы власть его была тверже, ему цѣловали особо крестъ Вышгородцы. Вышгородъ, какъ кажется, тогда только получилъ значеніе свободнаго города, а прежде былъ пригородомъ Кіева, и князь кіевскій само собою былъ и вышгородскимъ; теперь напротивъ, Вышгородъ также присягаетъ особо. Это показываетъ, что Вышгородъ достигъ большей самобытности. Пока Всеволодъ былъ живъ, Кіевляне хитрили, и должны были прибѣгать къ обыкновенной рабской уловкѣ—притворству; но когда Всеволодъ умеръ, тотчасъ же собрали вѣче и потребовали на него Игоря. Игорь послалъ брата Святослава. Кіевляне выговорили ему, что у нихъ тіуны княжескіе, что собираютъ княжескіе доходы люди корыстолюбивые и дурные. *Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ,* говорили они; теперь цѣлуй крестъ, князь Святославъ, съ братомъ своимъ: кому будетъ обида, то ты оправляй. Святославъ сошелъ съ коня и поцѣловалъ крестъ въ томъ, что будутъ у нихъ тивуны выборные *по ихъ волѣ*. Тогда Кіевляне подняли на потокъ и Ратшу и Тудора, и ограбили Всеволодовыхъ мечниковъ. Игорь послалъ было утишать возстаніе; Кіевляне за то пригласили, вмѣсто Игоря, княземъ къ себѣ сына Мстислава Мономаховича, Изяслава, бывшаго тогда въ Переяславлѣ, Этого князя избрали нетолько Кіевляне и

Вышгородцы, но изъ другихъ городовъ—изъ Бѣлгорода и Василева, отъ всего Поросья и отъ Черныхъ Клобуковъ было къ нему призваніе сдѣлаться княземъ Кіева и Русской Земли. Здѣсь, сколько извѣстно, встрѣчаемъ въ первый разъ избраніе князя всей Русской Землей (Землей Полянъ) правой стороны Днѣпра. Видно народъ почувствовалъ, что можетъ распоряжаться своею судьбою вопреки внѣшней силѣ, столь долго его подавлявшей. Пока Изяславъ не подступилъ къ Кіеву, Кіевляне держали свое избраніе въ тайнѣ отъ Игоря: доказательство, что у Игоря кромѣ Кіевлянъ была тогда чуждая черниговская дружина: какъ Всеволодъ держался приходомъ Черниговцевъ въ Кіевъ, такъ и Игорь еще не рѣшался довѣриться Кіевлянамъ вполнѣ: ладилъ съ ними и уступалъ имъ, но въ то же время держался за чужую Кіевлянамъ силу. Эта-то нерѣшительность и погубила его дѣло. Кіевляне уговорились измѣнить Игорю тогда, когда уже Изяславъ вступитъ въ сраженіе. Такъ и сдѣлалось. Полки Игоря и его брата были разбиты. Самъ Игорь схваченъ въ болотѣ и посаженъ въ порубъ, въ подземную тюрьму. Такого понятія не было, чтобы князь, по важности своего происхожденія, былъ изъятъ отъ грубаго обращенія: и съ князьями въ подобномъ случаѣ обращались какъ съ простыми. Порубы были такъ неудобны и такъ дурно было сидѣть тамъ, что Игорь заболѣлъ и захотѣлъ въ монахи. Между тѣмъ братъ Игоря, Святославъ черниговскій, пытался освободить брата изъ неволи. Открылась война въ Сѣверской области,—война довольно раззорительная для жителей, особенно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Враги больше, однако, раззоряли села князей, съ которыми воевали, сожигали гумна и стоги, забирали стада, составлявшія хозяйственное богатство, побрали въ погребахъ медъ въ *бретьяницахъ*, желѣзо и медь. *Церкви княжескія считались тоже достояніемъ князей,*—ихъ грабили; а рабовъ княжескихъ дѣлили какъ скотъ. У Святослава взяли такимъ образомъ до 700 рабовъ. Между тѣмъ князья, двоюродные братья Святослава и Игоря, державшіеся стороны Изяслава Мстиславича, въ надеждѣ пріобрѣсть себѣ всю Черниговъ-

скую волость, — потомъ измѣнили ему. Кіевляне, любя своего князя, какъ только услышали объ этомъ, бросились съ неистовствомъ въ монастырь, гдѣ былъ Игорь, выволокли его на вѣче и убили варварскимъ образомъ: полуживаго его тащили черезъ торгъ ужемъ за ноги. Такъ какъ онъ былъ уже монахъ, то духовенство стало смотрѣть на это дѣло какъ на нарушеніе духовной неприкосновенности, и распространился слухъ, что надъ тѣломъ убитаго зажигались свѣчи: впослѣдствіи его причислили къ святымъ.

Кіевляне такъ глубоко уважали память Мономаха, что несмотря на привязанность къ избранному ими князю, не энергически воевали противъ дяди его, Юрія Долгорукаго, князя суздальскаго, когда тотъ, соединившись съ Ольговичемъ, сталъ добывать Кіевъ себѣ. Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то къ Изяславу, то къ Юрію. Изяславъ бѣгалъ на Волынь и опять возвращался въ Кіевъ. Такъ продолжалось до 1154 года. Въ этой сумятицѣ рушился порядокъ управленія въ Руси. Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, инородные поселенцы, своимъ участіемъ рѣшаютъ судьбу края; съ одной стороны Угры, съ другой Поляки, съ третьей Половцы, приглашаемые претендентами, также вмѣшиваются въ дѣла Руси; право сильнаго рѣшаетъ дѣло. Замѣчательно, когда послѣ смерти Изяслава Мстиславича началась такая сумятица, что на княженіи въ Кіевѣ не было никакого князя, то Кіевляне избрали перваго, кто имъ попался изъ рода Ольговичей, Изяслава Давидовича: потому что совершенно безъ князя оставаться казалось имъ невозможнымъ. *Поѣди Кіеву, ать не возмутъ насъ Половцы; ты еси нашъ князь, поѣди къ намъ*. Но когда Юрій пошелъ на Кіевъ, то Изяславъ долженъ былъ уйти, и Кіевляне съ радостію принимали Юрія. По смерти Юрія, случившейся черезъ два года (въ 1158 году), происходили такія же сцены, какъ и по смерти Святополка и Всеволода Ольговича. Юрій, подобно прежнимъ князьямъ, привелъ съ собою Суздальцевъ и роздалъ имъ города и села; по смерти его всѣхъ побили Кіевляне, имѣнія ихъ пограбили; ограбили и дворъ Юрія, названный имъ раемъ. Ува-

жая долго Юрія, какъ сына любимаго ими Мстислава, Кіевляне не въ силахъ были сдержать своего нерасположенія къ Суздальцамъ. Съ тѣхъ поръ князья являлись въ Кіевъ по волѣ воинственныхъ шаекъ, безъ наблюденія какого либо права. Сначала Изяславъ черниговскій, потомъ Ростиславъ смоленскій, братъ Изяслава Мстиславича, потомъ сынъ Изяслава Мстиславича, Мстиславъ Изяславичъ; послѣдній, сидѣвшій на Волыни, былъ призванъ Кіевлянами отъ себя, а Черными Клобуками отъ себя, и долженъ былъ дѣлать *рядъ* (условіе) съ тѣми и другими.

До 1168 года въ жизни народной не видно ничего выдающагося. Южная Русь подверглась мелкимъ однообразнымъ междоусобіямъ. Въ 1159 году пострадалъ Черниговъ: окрестности его были выжжены Половцами, приведенными въ край княземъ Изяславомъ Давидовичемъ противъ Ольговичей. Достойно, однако, замѣчанія, что князья, употребляя половецкія орды въ своихъ взаимныхъ усобицахъ, считали долгомъ оборонять отъ нихъ торговые пути. Изъ этихъ путей одинъ назывался путемъ *гречниковъ*, или греческимъ, а другой *залознымъ*. Первый названъ такъ потому, что по немъ привозили изъ Греціи товары и увозили въ Грецію русскіе. Опасное мѣсто для гречниковъ были пороги, нетолько по причинѣ затруднительнаго плаванія, но и по причинѣ грабежей отъ Половцевъ въ этихъ мѣстахъ. Князья должны были ходить туда съ войскомъ на защиту торговцевъ. Въ 1167 году, нѣсколько князей со своими ополченіями должны были держать караулъ у Канева, пока пройдутъ гречники и залозники. Это торговое путешествіе совершалось около извѣстнаго времени въ году. Въ 1169 году, князья снова должны были защищать торговые пути; при этомъ въ числѣ путей, обезпокоиваемыхъ Половцами, упоминается и *соляной* путь.

Войны съ Половцами шли удачно, но въ 1169 году Кіевъ испыталъ такое разореніе, какого давно не помнилъ: князь Андрей суздальскій, заквадывая могущество восточной Руси, послалъ въ Кіевъ войска съ одиннадцатью князьями. Дѣло рѣшено было Берендѣями: они измѣнили кіевскому князю Мстиславу,

и передались на сторону Андрея. 8-го марта Кіевъ былъ взятъ и два дня его грабили. Вотъ какъ описываетъ это бѣдствіе лѣтописецъ: *взятъ же бысть градъ Кіевъ мѣсяца марта 8, въ второй недѣли поста въ среду, и грабиша за два дни весь градъ, Подолье и Гору, и монастыри, и Софью и Десятинную Богородицю, и не бысть помилованія никому же ниоткудуже, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ; жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаеми нужею отъ мужей своихъ; младенци рыдаху, зряще матерій своихъ. И взяша имѣнья множество, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша вси, Смольяне, Суждальци, и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыня взята бысть; зажъженъ бысть и монастырь Печерскій святыя Богородицы отъ поганыхъ, но Богъ молитвами святыя Богородицы съблюде и отъ таковыя нужа. И бысть въ Кіевѣ на всихъ человѣцѣхъ стенаніе и туга и скорбь неутѣшимая и слезы непрестаньныя. Се же все сдѣяшася грѣхъ ради нашихъ* (Ип. Сп., 100). Съ тѣхъ поръ судьба Кіева еще болѣе чѣмъ прежде зависѣла отъ сильнѣйшаго. Андрей думалъ было назначить туда подручнаго себѣ князя и сохранять верховное управленіе надъ Русскою Землею, пребывая самъ во Владимирѣ, но тутъ стали противъ него сыновья Ростислава, смоленскаго князя, брата Изяслава Мстиславича. Одинъ изъ нихъ, Мстиславъ Ростиславичъ, съ Кіевлянами, энергически сопротивлялся и храбро отбилъ ополченіе Андрея отъ Вышгорода. Владимирскому князю не удалось приковать Кіева и Южно-Русской Земли къ новому центру русской федераціи. Но и князья въ Южной Руси уже яснѣе сознавали, что ни за кѣмъ изъ нихъ нѣтъ родоваго права на древнюю столицу: каждый старался только, чтобъ захватъ Кіева могъ служить благопріятнымъ обстоятельствомъ для его выгодъ. Такимъ образомъ, когда Ярославъ, луцкій князь, захватилъ Кіевъ въ 1174 году, то Святославъ черниговскій говорилъ ему, что онъ не разбираетъ—право или не право онъ сѣлъ; но что всѣ они, князья, одного дѣ-

да внуки, и потому, ему надобно дать что нибудь изъ (Кіевской) Русской земли.

Послѣ Ярослава захватилъ Кіевъ Романъ Ростиславичъ. Онъ опирался на «соизволеніе» Андрея Боголюбскаго, который началъ тогда брать верхъ надъ князьями; но когда Андрей умеръ, то черниговскій князь Святославъ принудилъ его удалиться и самъ сдѣлался княземъ въ Кіевѣ. Участіе народа не изображается при этихъ перемѣнахъ, оно было и выражалось тѣмъ, что, при каждой смѣнѣ князей, удалыя воинственныя шайки держали сторону того или другаго князя, переходили отъ одного къ другому, боролись между собою, грабили и убивали другъ друга, возводили своихъ князей, ссорили ихъ между собою и раззоряли край, неуспѣвавшій поправиться послѣ каждаго переворота. Въ случаѣ несогласія князя съ толпою, которая возводила его на княженіе, онъ рѣшительно проигрывалъ. «Князь, ты задумалъ это самъ-собою. Не ѣзди, мы ничего не знаемъ», — сказали Владимиру Мстиславичу его бояре; и Черные Клобуки также стали отступать, когда увидѣли, что дружина не пошла за намѣреніемъ князя, и онъ оставилъ свое покушеніе. Массы Черныхъ Клобуковъ, Торковъ, Берендѣевъ способствовали разложенію соединительныхъ стихій; недостатокъ сознанія объ отечествѣ въ этихъ чужеплеменникахъ приводилъ ихъ къ тому, что у нихъ не было даже на короткое время опредѣленнаго стремленія; защищая князя, давая ему *роту*, они легко отступали отъ него въ минуту опасности и переходили къ другому. Оттого такъ часто говорится о томъ, что Черные Клобуки, составляя ополченіе князя, льстили подъ нимъ. Князья съ ихъ партіями перестали даже думать о прочномъ утвержденіи; по опыту и по безчисленнымъ примѣрамъ, они уже привыкли къ непостоянству судьбы своей и были довольны, кагда успѣвали схватить то, что попадалось имъ въ руки на короткое время. Такъ, напримѣръ, въ 1174 году Святославъ Ольговичъ напалъ на Ярослава Изяславича въ Кіевѣ,—тотъ бѣжалъ; Святославъ ограбилъ его приверженцевъ, а дружину его захватилъ съ собою въ плѣнъ, и ушелъ. Ярославъ прибылъ въ Кіевъ, собралъ вѣче изъ Кіев-

лянъ, и говорилъ имъ: *теперь промышляйте, чимъ мнѣ выкупить княгиню и дружину*. И предъ нимъ отвѣчать своимъ достояніемъ должны были Кіевляне, уже прежде ограбленные Святославомъ (*стоитъ Кіевъ пограбленъ Ольговичи*). Ярославъ обложилъ всѣхъ: и духовныхъ, и свѣтскихъ, и иностранцевъ, жившихъ въ Кіевѣ: «*попрода весь Кіевъ, игумены и попы, и черньцѣ и Латину и гостѣ, и затвори весь Кыяны* (Ип. Сп., 111). Это насиліе онъ могъ сдѣлать лишь вмѣстѣ съ пришлыми Волынцами изъ Луцка, ибо предъ тѣмъ, когда Святославъ напалъ именно на Кіевъ, тотъ же самый князь Ярославъ не смѣлъ *затворитися одинъ* и бросился въ Луцкъ; слѣдовательно, какъ скоро онъ теперь имѣлъ возможность такъ поступить съ Кіевлянами, то значитъ—привелъ съ собой силы изъ Луцка. Вслѣдъ за тѣмъ Святославъ умирился съ Ярославомъ; въ потерѣ остался одинъ кіевскій народъ, дважды ограбленный тѣмъ и другимъ изъ ссорившихся князей. Этотъ случай можетъ дать понятіе о томъ, какъ дѣйствовали на народъ княжескія междоусобія. Всего болѣе долженъ былъ страдать сельскій народъ, который, конечно, игралъ здѣсь совершенно страдательную роль. Разсорился Святославъ съ Олегомъ, сѣверскимъ княземъ — *и пожже волость его и много зла сотвори*. Какъ только князь заратится съ княземъ, около обоихъ князей-соперниковъ удальцы собираются и отомщаютъ за князей своихъ — на сельскомъ народѣ, и земледѣлецъ не перестаетъ пить горькую чашу и передаетъ ее дѣтямъ и внукамъ, какъ завѣтъ печальной судьбы своей. Пѣвецъ Игоря такъ изображаетъ эту судьбу народа: *въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда въ Русской земли рѣдко ратаеве кикахуть, но часто враны граяхуть, трупіе себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полѣтѣти на уедіе*. О бѣдствіяхъ, какія претерпѣвалъ народъ во время междоусобій, когда князья брали города приступомъ, можно судить изъ Кіевской Лѣтописи по рѣзкому описанію, какое дѣлаетъ взятый въ плѣнъ Половцами и потомъ возвратившійся Игорь сѣверскій: *азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взявъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяслав-*

ля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьяни, отлучаеми отець отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ и подруга отъ подругы своея; и все смятено плѣномъ и скорбью, тогда бывшею; живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святьи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемше; старць порьвахуться, уноты же лютыя и немилостивныя раны подъяша, и проч. (П. С. Л. т. II, 131).

Когда Святославъ черниговскій, при помощи другихъ князей Сѣверской Земли, отнималъ Кіевъ у Ростиславичей, князья помирились такъ, какъ не бывало еще: Святославъ сдѣлался княземъ кіевскимъ, а Рюрикъ княжилъ надъ всею Землею Русскою. На одной сторонѣ были Половцы; со стороны противной — Черные Клобуки. Такъ-то иноплеменники, вмѣшиваясь въ драки русскихъ князей, внѣдрялись въ жизнь русскую. Тѣсное сближеніе съ русскими Половцевъ было для нихъ благопріятно: въ то время возникла уже торговля съ Русью и гости (купцы) ходили извѣстными, опредѣленными дорогами изъ Половецкой Земли въ Русскую и обратно. Но какъ скоро Святославъ примирился съ Ростиславичами и сѣлъ въ Кіевѣ, — Русь ополчилась противъ Половцевъ, какъ противъ чужеземныхъ враговъ; отношенія къ нимъ приняли видъ борьбы съ иноплеменнымъ народомъ и врагами. Въ это время какъ будто бы оживилась Русь, какъ будто бы расцвѣло сознаніе, что Половцы обезсилили Русь, задерживаютъ ея торговлю и прекращаютъ земледѣліе. Князья стали дѣлать съѣзды, какъ во времена Мономаха, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго князя. Такъ, въ 1183 году, князь кіевскій Святославъ созывалъ противъ Половцевъ князей Черниговской и Сѣверской Земли, князей русскихъ, волынскихъ, червонорусскихъ, однимъ словомъ князей Южнорусской Земли. Въ этомъ событіи явно обозначается взаимное тяготѣніе князей Южнорусскихъ Земель особо отъ другихъ, совершенно сообразно народному развѣтвленію. *И совкупишася къ нима: Святославича Мстиславъ и Глѣбъ и Володимеръ Глѣбовичь изъ*

Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ изъ Лучьска съ братомъ Мьстиславомъ, Романовичъ Мьстиславъ, Изяславъ Давидовичъ и Городенскій Мьстиславъ, Ярославъ князь Пиньскій съ братомъ Глѣбомъ, изъ Галича отъ Ярослава помочъ, а своя братья (черниговскіе) *не идоша, рекуще: далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своеѣ землѣ пустѣ оставити, но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ* (Ип. Сп., 127). Конечно, въ этомъ предпріятіи участвовали и дружины, безъ которыхъ князья не предпринимали ничего. Тутъ были и Русскіе, и Полѣсчане, и Галичане. Черные Клобуки имѣли въ этомъ союзномъ ополченіи свое участіе, какъ часть русской корпораціи, какъ отдѣльная земля, такъ какъ деревня ихъ племенная вражда къ Половцамъ, которой начальный исходъ для насъ неизвѣстенъ, соединяла ихъ съ Русскими. Однако, это событіе не можетъ считаться доказательствомъ, чтобъ понятія о цѣлости и единичности Южнорусской страны утвердилось до сознанія, что всѣ ея части постоянно необходимо должны дѣйствовать сообща; потому что вскорѣ, въ послѣдующихъ походахъ противъ Половцевъ, участвуютъ только Русь-Поляне, да Полѣсье. Походы князей въ 1183, 1184, 1187, 1190 совершались удачно для Русскихъ. Походъ въ 1183 году былъ предпринятъ въ охрану Русской Земли на востокѣ. Русскіе ходили на берега Мерлы; въ другихъ годахъ войны съ Половцами происходили на берегахъ Днѣпра и имѣли видъ обороны торговыхъ путей. Во всѣхъ этихъ взаимныхъ стычкахъ, Русскіе брали стада и плѣнниковъ—слѣдовательно, эти войны должны были прибавлять турецкаго элемента въ Русской Землѣ.

Несчастенъ былъ походъ Игоря сѣверскаго и съ нимъ всѣхъ князей Сѣверской Земли; съ князьями своими были Куряне, Трубчане (часть Вятичей), Путивляне, Рыльсчане и Черниговскіе Коуи—тюркское населеніе, подобно тому, какимъ были Черные Клобуки въ Русской Землѣ. Это ополченіе, зашедши далеко въ малоизвѣстную степь, между Осколомъ и Дономъ, на берегу рѣки Каялы, было разбито и князья взяты въ плѣнъ. Тогда

ободренные Половцы напали на восточныя страны Русской Земли, принадлежавшія Переяславлю, и начали опустошенія. Тогда взятъ былъ, между прочимъ, городъ Рымовъ; часть жителей избавилась отъ плѣна, успѣвъ уйти по болоту, а прочіе, оставшіеся въ городѣ, достались въ неволю. Въ этотъ походъ Половцы набрали много плѣнниковъ и, слѣдовательно, сдѣлали большое измѣненіе въ народонаселеніи восточной половины Русской—Полянской Земли. Другое ополченіе раззоряло берега Сема. Должно быть эти нападенія были очень тяжелы для народа, какъ это показываютъ слова «Пѣсни объ Игорѣ»: *Уже бо, братіе, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрылы. Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступилъ дѣвою на землю трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирня времена... Кликну Карна и Жля, поскочи по Рускѣй земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ; жены Рускія въсплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очами съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми: тоска разліяся по Русской земли, печаль жирна тече средъ земли Рускыя*

Но Игорь воспользовался тѣмъ, что Половцы напились кумыса и стали пьяны, и при содѣйствіи одного Половчанина, Овлура, убѣжалъ изъ плѣна.

На князей южнаго края и вмѣстѣ съ ними на политическую судьбу народа, вліяніе суздальско-владимирскаго князя Всеволода усиливалось, въ 1195 г. Онъ потребовалъ у Рюрика, русскаго князя, нѣсколько городовъ, тотъ долженъ былъ исполнить его требованіе, измѣнивъ данное прежде слово зятю своему, Роману. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что митрополитъ, котораго Рюрикъ спрашивалъ о совѣтѣ, далъ свой голосъ въ пользу Всеволода: это важно съ той стороны, что Церковь, въ лицѣ своего главнаго представителя, начала давать свою санкцію стремленіямъ къ старѣйшинству владимирскаго князя, еще при самомъ зародышѣ тѣхъ политическихъ началъ, которымъ прим-

лось впослѣдствіи развиться на русскомъ востокѣ и довести Русскій міръ до единодержавія. Тогда много строили церквей, ласкали духовенство во Владимирской Землѣ; зато и духовенство на князей этой Земли возлагало благословеніе на старѣйшинство съ царскими, заимствованными изъ Византіи, признаками личнаго единовластія. Духовные, какъ люди съ большимъ горизонтомъ понятій, не могли въ единствѣ не видѣть единственнаго пути ко благу отечества и самый идеалъ этого блага для нихъ могъ представляться не иначе, какъ въ томъ образѣ, съ какимъ они могли познакомиться чрезъ византійское образованіе. Кіевъ не въ силахъ былъ сопротивляться и отстаивать свое прежнее первенство. Въ Кіевѣ слишкомъ закоренѣли и слишкомъ срослись съ нимъ старославянскія начала, уже въ то время сильно искаженныя, изуродованные вліяніемъ азіятскихъ и тѣмъ болѣе неспособныя къ порядку, какой являлся передовымъ людямъ подъ вліяніемъ византійскаго воспитанія. Отъ разнородности населенія, отъ непостоянства общественнаго строя, отъ безпрестанныхъ раззореній, и, слѣдовательно, отъ ненадежности гражданской жизни, въ Южной Руси видимо происходило разложеніе; изъ прежнихъ элементовъ могли сложиться какія-то новыя формы, но онѣ еще не составились; не стало стараго, годнаго для поддержки, но и не образовалось еще новаго: отъ этого Кіевскую Русь не трудно было сильному подчинить и дѣйствовать на нее по произволу. Только на западѣ организовалось что-то новое—въ образѣ Галицкой и Волынской Земли, и только тамъ на новую силу могло наткнуться единодержавное стремленіе восточно-русскихъ князей.

Всеволодъ дѣлалъ попытки для удержанія своего вліянія на югъ. Въ 1195 году онъ обновилъ отцовскій городъ Городецъ-на-Вострѣ и послалъ туда своихъ тивуновъ. Въ 1200 году онъ посадилъ сына своего Ярослава въ русскомъ Переяславлѣ. Съ другой стороны, Романъ, соединивши Галицкую и Волынскую Земли подъ однимъ правленіемъ, стремился къ власти надъ всею Южною-Русью. Такимъ образомъ, положеніе Русской Земли поставлено было между двухъ огней: князь Рюрикъ Ростисла-

вичъ, послѣ смерти Святослава Ольговича, по волѣ Всеволода сдѣлался княземъ города Кіева, будучи до тѣхъ поръ княземъ одной Кіевской Земли, и такимъ образомъ городъ Кіевъ, по управленію, опять сталъ главою Русской Земли: уже не было отдѣльныхъ князей Кіева и Земли его. Въ то же время готовность однихъ склонить Южную-Русь подъ верховное первенство Ростовско-Суздальской Земли, не могла обойтись безъ внутренняго сопротивленія со стороны другихъ. Свѣжіе признаки вражды, воспоминанія о Юріѣ и Андреѣ, не могли изгладиться скоро. Ольговичи должны были стоять нетолько за себя, но и за всю Сѣверскую Землю. Всѣ князья этой Земли, обыкновенно несогласные между собою, дѣйствуютъ съобща противъ силы, которая идетъ не противъ лица каждаго изъ нихъ, но противъ нихъ всѣхъ, Всеволоду помогаютъ Смольняне и Рязанцы. Рюрикъ, посаженный Всеволодомъ, чувствуетъ, что ему необходимо и сближеніе съ Ольговичами. Тогда другая сторона, ему противная,—сторона западнаго края Южной-Руси, въ лицѣ Романа съ толпами галицкими и волынскими, сближается со Всеволодомъ, потому что онъ пока еще не былъ опасенъ. Роману хотѣлось утвердиться въ Южной-Руси. Въ Южной - Руси пробуждается какъ будто сознаніе единства Южной-Руси; Русская (Кіевская) Земля пристаетъ къ Роману; къ нему пристаютъ Черные Клобуки; изъ всѣхъ городовъ русскихъ пріѣхали къ нему люди, признаютъ его, *а что городовъ русскихъ, и изъ тѣхъ людье ѣхаша къ Романови* (Лавр. Л., 170). Народъ южно-русскій искалъ уже лица, около котораго хотѣлъ сгруппироваться въ единствѣ своей національности. Романъ подступаетъ къ Кіеву; Кіевляне измѣняютъ Рюрику, — признаютъ Романа княземъ, отворяютъ ему Подолъ. Рюрикъ съ Ольговичами заперлись было на Горѣ, но должны были уступить. Рюрикъ уѣхалъ во Вручій въ Полѣсьѣ; Ольговичи обратились въ свой Черниговъ. Но Романъ уступилъ Всеволоду и, по согласію съ нимъ (ибо въ лѣтописи говорится, что великій князь Всеволодъ и Романъ), посадилъ въ Кіевѣ Ингваря.

Была ли эта уступка Всеволоду сильному союзнику, уступ-

кою только до поры до времени,—во всякомъ случаѣ, кажется, Романъ думалъ о соединеніи Южной Руси подъ одною самобытною властію и, дѣйствительно, былъ уже настоящимъ владѣтелемъ ея. Онъ отправился на Половцевъ и освободилъ множество христіанскихъ душъ, и была радость по Землѣ Русской. Его дѣло казалось дѣломъ народнымъ. Радость была однако не долга. Явилось знаменіе: въ пятомъ часу ночи стало небо чермно и по землѣ, по хоромамъ,показывалась кровь, будто свѣжая, недавно пролитая. Это было обыкновенное повѣрье, предзнаменовавшее явленіе общаго бѣдствія. И дѣйствительно, 2-го января 1204 года Рюрикъ явился съ Половцами въ Кіевъ, и *створися велико зло въ русской землѣ, якого же зла не было отъ крещенья надъ Кіевомъ: напасти были и взятья, не якоже нынѣ зло се сстася: не токмо одино Подолье взяша и пожгоща, ино гору взяша, и митрополью Святую Софію разграбиша и Десятиньную святую Богородицю разграбиша и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя и ссуды священнѣя и книгы и порты блаженыхъ первыхъ князьи, еже бяху повѣшали въ церкваxъ святыхъ на память собѣ... Черньци и черници старыя изсѣкоша и попы старыя и слѣпыя и хромыя и сухія и трудоватыя—та вся изсѣкоша; а что черньцовъ и черницъ инѣхъ и поповъ и попадій и Кіаны и дщери ихъ и сыны ихъ, —то все ведоша иноплеменници въ вѣжи къ собѣ...* (Л. Лѣт., 176). Такъ несчастный Кіевъ поплатился послѣдній разъ за свое древнее право быть распорядителемъ судьбы своей. Рюрикъ сѣлъ въ раззоренномъ городѣ, признавъ власть Всеволода. Въ 1208 году онъ воевалъ противъ Половцевъ, своихъ прежнихъ союзниковъ, которые помогли ему разорить Кіевъ и овладѣть имъ. Война была удачна: зима была сурова, и Половцы погибали, а Русскіе избрали много плѣнниковъ; но во время похода, въ Триполье, Романъ внезапно схватилъ Рюрика и постригъ его въ монахи. Опять Южная-Русь стала подъ его властію. Однако, въ тотъ же годъ лѣтомъ, неутомимый, дѣятельный князь Ро-

манъ очутился уже на границахъ Польши и воевалъ съ Казиміромъ: тутъ въ битвѣ онъ палъ. Рюрикъ, узнавъ объ этомъ, *сверже чернически порты и сѣде въ Кіевѣ*. Этотъ поступокъ не всѣмъ могъ показаться дозволительнымъ; благочестивое понятіе всегда признавало, что, по уваженію къ этому званію, какимъ бы образомъ и по какимъ бы то обстоятельствамъ оно ни было принято, выхода изъ него нѣтъ. Жена Рюрика не только не рѣшилась растричься, но еще постриглась въ схиму, чтобъ избѣжать искушенія.

Съ тѣхъ поръ въ Русской Землѣ нѣсколько лѣтъ было безпорядочное броженіе,—схватки князей, которые брали другъ у друга города, выгоняли одинъ другаго изъ владѣній. Враждебною стороною Рюрика были Ольговичи, князья Сѣверской Земли, которые стремились захватить Южно-Русскую Землю въ систему своего рода. На челѣ ихъ стоялъ Всеволодъ черниговскій. Народное участіе несомнѣнно въ этой борьбѣ: какъ та, такъ и другая сторона воевала съ собственными силами; Дреговичи, обособленные отъ Кіева по управленью подъ властію туровскихъ и полоцкихъ князей, участвовали въ этой борьбѣ, держась стороны Ольговичей; Полѣсье стояло за Рюрика, который, послѣ неудачь въ Кіевской Землѣ, бѣгалъ во Вручій и оттуда возвращался съ силами, слѣдовательно, имѣлъ вспоможеніе въ народѣ Полѣсскомъ. Какъ та, такъ и другая сторона, въ своихъ походахъ, опустошала сельскія жилища и мстила тѣмъ жителямъ, которые приставали къ противникамъ. Лѣтописецъ въ этомъ мѣстѣ очевидно благосклоннѣе къ Рюрику, чѣмъ къ Ольговичамъ, и говоритъ о Всеволодѣ, что онъ *много зла сотвори землѣ русской*. Наконецъ, споръ этотъ кончился, при посредствѣ митрополита и суздальскаго князя Всеволода, тѣмъ, что Рюрикъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Всеволодъ въ Кіевѣ. Вотъ разительный примѣръ того, что наслѣдственный принципъ, относительно владѣнія землями въ одномъ родѣ, еще былъ не крѣпокъ. Хотя преемники Святослава княжили въ Черниговѣ болѣе ста лѣтъ, но все еще не казалось неестественнымъ, если вмѣсто ихъ сядетъ тамъ князь другой вѣтви. Наслѣдствен-

ный обычай не могъ восторжествовать надъ сознаніемъ единства Русской Земли и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ сознаніемъ права и власти цѣлаго рода, а не вѣтвей его: очевидно, что князья все еще были правители, а не властители; господствовала идея, что имѣетъ право на управленіе русскимъ материкомъ цѣлый родъ, но не было строго опредѣлено, чтобъ каждая личность изъ этого рода имѣла право владѣть извѣстною частію такого-то, а не другаго пространства, на основаніи своего ближайшаго происхожденія. Во всей Южно-Русской Землѣ не было уже единства родовъ, а нѣсколько вѣтвей княжили почти безъ послѣдовательнаго права; князья возводились одною игрою обстоятельствъ, или опирались на расположеніе воинственныхъ шаекъ; тогда появлялись новые князья въ разныхъ городахъ, гдѣ ихъ прежде не было; такимъ образомъ, случайно упоминаются князь каневскій Святославъ, князь шумскій Святополкъ. Переяславъ находился подъ управленіемъ сына Всеволода суздальскаго, который, такимъ образомъ, протягивалъ руку на Южную Русь и поддерживалъ свое старѣйшинство надъ князьями. Но этотъ край, сопредѣльный со степями, болѣе всѣхъ страдалъ отъ набѣговъ Половцевъ; Половцы раззоряли села, такъ что жители не успѣвали строиться, а князья съ своими дружинами плохо могли оборонять ихъ. Народонаселеніе края рѣдѣло болѣе и болѣе, а съ другой стороны русская стихія во множествѣ плѣнниковъ переходила въ степи половецкія. Въ 1212 году князья смоленскіе, по непріязни, выгнали Всеволода и посадили въ Кіевѣ бывшаго смоленскаго князя, Мстислава Романовича. Права тутъ не было никакого, ибо тамъ передъ тѣмъ думали было посадить княземъ Ингваря луцкаго, а потомъ удалили его и избрали Мститлава. Всеволодъ долженъ былъ удалиться въ Черниговъ, гдѣ уже не было на свѣтѣ Рюрика, и тамъ скоро умеръ.

Въ 1224 году появились впервые Татары. Видно, что вѣсть о страшномъ явленіи, сильно поразила народный духъ. *По грѣхомъ нашимъ пріидоша языцы незнаеми*, (выражается лѣтописецъ). Эта неизвѣстность дышетъ чѣмъ-то зловѣщимъ,

страшнымъ. Вѣсть о нихъ принесли Половцы. Страшное пораженіе понесли они отъ невѣдомаго народа. Лѣтописецъ не удержался, чтобъ не припомнить при этомъ непріязни, которая немогла не таиться въ русской душѣ: *много бо ти Половцы зла сотвориша русской землѣ. Богъ же отмщеніе створи надъ безбожными Куманы, сынами Измаиловыми: побѣдиша ихъ Татары и инѣхъ языкъ семь.* Нѣсколько князей половецкихъ погибло со своими ордами. Одинъ изъ нихъ, Котянъ, тесть Мстислава Мстиславича, тогда захватившаго Галичъ, привелъ къ нему много даровъ, коней, верблюдовъ и буйволовъ (дѣвки были въ числѣ скота) и просилъ помогать противъ невѣдомаго народа. Онъ говорилъ,—по словамъ современника-лѣтописца: *нашу землю днезъ одолѣли Татары, а вашѣ заутра возмутъ пришедъ; то поборонитe насъ.* Мстиславъ началъ просить русскихъ и сѣверскихъ князей. Собрались въ Кіевѣ и приговорили: *лучше намъ срѣсти ихъ на чюжей землѣ, нежели на своей.* И разъѣхались строить воиновъ каждый въ своей волости. И какъ собрались Кіевляне, Сѣверяне, Бѣлоруссы изъ Несвижа, и Путивльцы и вся Сѣверская Земля, Куряне и Трубчане, и Волынская, и Галицкая Земля, пристали Смоляне и двинулись за Днѣпръ. Но вотъ, отъ невѣдомаго народа идутъ послы и предлагаютъ имъ миръ; объясняютъ, что они собственно пошли на враговъ русскаго народа, Половцевъ, называютъ послѣднихъ своими конюхами и холопами, просятъ Русскихъ добывать съ ними Половцевъ. Русскіе такъ рѣшились съ ними биться, что не посмотрѣли на то, что званіе пословъ было священно: перебили пословъ. Русскихъ не убѣдили представленія этихъ пословъ, говорившихъ: вѣдь мы вашихъ земель не трогаемъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ; мы не на васъ идемъ! Надобно при этомъ замѣтить, что отношенія къ Половцамъ видно измѣнялись; у Половцевъ тоже произошли важныя перемѣны. Христіанство распространилось въ этомъ народѣ. Два князя половецкіе, убитые въ войнѣ противъ Татаръ, были христіане (Юрій и Данило); въ то же время, когда князья собирались идти на Татаръ; одинъ изъ половецкихъ князей,

Басты, принялъ крещеніе въ Кіевѣ. Видно, что присутствіе русскихъ плѣнниковъ въ половецкихъ степяхъ распространяло между Половцами христіанство и русскіе нравы. Князья были въ безпрестанномъ родствѣ; съ другой стороны и Русскіе, отъ безпрестаннаго столкновенія, принимали элементъ воинской дикости.

Русскіе надѣялись на свои силы, особенно послѣ первой удачи, когда имъ удалось разбить татарскую сторожу. Кромѣ сильнаго русскаго ополченія разныхъ земель, надежда была и на Половцевъ, которые защищали свое существованіе. Ополченіе, подъ предводительствомъ двадцати русскихъ князей, двинулось въ степь. Галичане, подъ предводительствомъ Юрія Домажирича и Держикрая Владиславича, поплыли по Днѣстру, потомъ моремъ, на ладьяхъ вошли въ Днѣпръ, *возвели* пороги и стали у рѣки Хортицы — извѣстіе, показывающее, что приморье было еще въ русскихъ рукахъ. Туда прибыло и сухопутное ополченіе. Тутъ татарскій отрядъ явился высматривать русскія ладьи; князь Данило Романовичъ пустился за нимъ и разогналъ его. Галицкіе предводители дали совѣтъ остальному русскому войску выступить на непріятеля и пуститься за нимъ. Русскіе и Половцы перешли Днѣпръ, разсѣяли татарскую сторожу, и восемь дней гнались за Татарами до рѣки Калки. Князья между собою не ладили. Мстиславъ галицкій ссорился со Мстиславомъ кіевскимъ и узнавши, что сильное татарское войско идетъ на нихъ, не сказалъ кіевскому князю «зависти ради». Галичане съ Половцами бросились первые, сражались храбро, но Половцы, испугавшись, побѣжали и опрокинули Галичанъ, — и Галичане были разбиты. Тогда Кіевляне и ополченіе Русской Земли (Украины) уперлись на каменистомъ берегу Калки, сдѣлали укрѣпленіе и оборонялись три дня. Татары, оставивши около нихъ войско, погнались за отрѣзанными волынскими полками, и разбили ихъ; нѣсколько князей было перебито. Осажденные Кіевляне долго не сдавались. Но у Татаръ были бродники — смѣшанное народонаселеніе, вѣроятно изъ русскихъ плѣнниковъ, въ разное время отведенныхъ въ плѣнъ; то же что впослѣдствіи называлось

тумы; въ степяхъ они вели полукочевую жизнь; воеводою у нихъ былъ Плоскинъ. Они уже пристали къ Татарамъ. Они уговорили Кіевлянъ сдаться на искупъ. Тѣ повѣрили и дѣло кончилось тѣмъ, что Татары положили князей подъ доски и на этихъ доскахъ сами стали обѣдать; однихъ Кіевлянъ погибло тогда до 10,000. Это бѣдствіе наполнило Русь ужасомъ. Главное дѣло — не знали, что̀ за народъ явился и чего ждать отъ него. Татары скоро повернули назадъ, но и это страшило Русскихъ: *никтоже не вѣсть, кто суть и отколѣ и что языкъ ихъ и котораго племени суть и что вѣра ихъ.* Книжники соображали, толковали, подозрѣвали, что это люди, загнанные Гедеономъ въ пустыню Етріевскую; по скончаніи временъ имъ слѣдовало явиться и поплѣнить всю землю отъ востока и до Ефраита и отъ Тигра до Понтьскаго моря, кромѣ Еіопіи. Одни говорили, что ихъ звать — Татары, другіе — Тауромены, третьи — что это Печенѣги. Опасались ихъ появленія вновь; народъ пугался разными предзнаменованіями; говорили, что не даромъ горѣли лѣса и болота и поднимался сильный дымъ, такъ-что нельзя было смотрѣть; потомъ покрывала землю мгла, такъ-что птицы не могли летать по воздуху, но падали и умирали. Явилась на западѣ звѣзда, *отъ нея же бѣ луча не въ зракъ человѣкомъ.* По закатѣ солнечномъ каждый вечеръ видѣли ее на западѣ и она была болѣе всѣхъ звѣздъ и свѣтила семь дней, а потомъ лучи ея стали являться на востокѣ; тамъ пробыла она четыре дня и потомъ исчезла. Ее считали предзнаменованіемъ небеснаго гнѣва.

Кіевъ съ Русскою Землею продолжалъ переходить изъ однѣхъ княжескихъ рукъ въ другія. Въ 1228 году имъ владѣлъ Владиміръ, сынъ Рюрика. Переяславль захватилъ суздальскій князь, по слѣдамъ предковъ протягивавшій руку на Южную Русь, и посадилъ тамъ племянника своего, Всеволода. Владиміръ Рюриковичъ, сначала въ союзѣ съ Михаиломъ черниговскимъ, сталъ-было дѣйствовать противъ Данила галицкаго, но потомъ при содѣйствіи митрополита Кирила примирился съ нимъ; вслѣдъ за тѣмъ, его началъ безпокоить прежній союзникъ въ распрѣ

противъ Данила, Михаилъ черниговскій, и Владиміръ соединился съ Даниломъ. Въ 1233 году открылась война съ Черниговскою Землею; Ольговичи призвали на помощь Половцевъ. Данило пошелъ съ ополченіемъ защищать Владиміра, но былъ разбитъ. Владимиръ взятъ въ плѣнъ, а Данило по этому поводу лишился Галича. Его оттуда прогнали; врагъ его Михаилъ черниговскій былъ призванъ въ Червоную Русь. Тогда, пользуясь такими смутами, братъ суздальскаго князя, Ярославъ, дѣйствовавшій съ Михаиломъ за-одно, захватилъ Кіевъ, но былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, а тотъ въ свою очередь Михаиломъ черниговскимъ, который разомъ овладѣлъ и Червоною и Кіевскою Русью, и Галичемъ, и Кіевомъ, и въ Галичѣ посадилъ своего сына, Ростислава. Но скоро подняла голову Данилова партія въ Галичѣ, — прогнали Ростислава; а Михаилъ вслѣдъ затѣмъ бѣжалъ снова изъ Кіева, но не отъ князей, и не отъ партій, а услышавъ о Татарахъ. Данило захватилъ тогда Кіевъ, посадилъ тамъ своего боярина Димитрія оборонять его отъ нашествія враговъ, которые приближались грозною тучею.

Завоеватели, разоривъ Сѣверовосточную Русь въ 1238 году, на слѣдующій годъ бросились на Южную. Одно войско взяло Переяславль и разорило его до основанія, уничтожило переяславскую патрональную церковь святаго архистратига Михаила; много людей перебили; иныхъ погнали въ неволю. Другое татарское ополченіе отправилось къ Чернигову. Одинъ изъ Ольговичей, Мстиславъ Глѣбовичъ, думалъ ударить на Татаръ сзади, когда они стали осаждать городъ. Черниговцы защищались отчаянно: изъ города они поражали Татаръ такими огромными камнями, что четыре человѣка не могли поднять одного. Лютъ былъ бой, но все было напрасно. Войско, храбро отражавшее иноплеменниковъ, погибло въ сѣчѣ; городъ былъ взятъ и сожженъ. Татары, однако, оставили въ живыхъ взятаго въ плѣнъ епископа Порфирія. Послѣ того одинъ отрядъ, подъ начальствомъ Мангу-хана, подошелъ къ Кіеву.

Завоевательное полчище стало у Песочнаго городка, построеннаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева. Лѣтописецъ го-

*

воритъ, что Татары диковались красотѣ Кіева и величію его; хотя городъ этотъ сильно упалъ противъ прежняго отъ междоусобій и разореній, но его красивое мѣстоположеніе вообще придавало величіе всякому строенію. Мангу отправилъ въ Кіевъ пословъ требовать покорности, какъ-будто жалѣя разорять такой красивый городъ. Кіевляне перебили этихъ посланныхъ. Мангу тогда отошелъ прочь, и только погрозилъ Кіеву... Угроза была зловѣщая.

На другой годъ, весною, огромное Батыево полчище явилось опять надъ Днѣпромъ, уже не затѣмъ, чтобъ требовать покорности, а затѣмъ чтобъ истребить городъ, который такъ дерзко осмѣлился поругаться надъ величіемъ завоевательной силы. Татары, подъ предводительствомъ Батыя, переправились черезъ Днѣпръ и обступили кругомъ городъ, *и бысть градъ во обдержаніи велицѣ, и бѣ Батый у града и вся сила его безбожная обсѣдаху града и не бѣ слышати въ градѣ глаголюща другъ къ другу въ скрипаніи телѣгъ его и множество ревенія вельблудъ его и рзанія отъ гласа коннаго стадъ его, и бѣ исполнена Земля Русьская ратныхъ* (Соф. Врем., П. С. Л., т. V, стр. 175).

Кіевляне захватили въ плѣнъ Татарина, по имени Торвула. Онъ описалъ имъ свою силу въ угрожающемъ видѣ; странныя имена богатырей, имъ перечисленныя, соединялись съ свѣжими воспоминаніями плѣнныхъ и разоренныхъ земель (се Бѣдіяй Богатуръ и Бурундай богатырь, иже взя Болгарскую землю и Суждальскую, инѣхъ безъ числа воеводъ); однако Кіевляне не сдавались и рѣшились, защищаясь, погибнуть. Батый направилъ особенныя усилія противъ Лядскихъ воротъ, находившихся на югозападной части Стараго Кіева, — вѣроятно на нынѣшнемъ Крещатикѣ. Завоеватели поставили тамъ свои стѣнобитныя орудія, и стали громить стѣны Кіева день и ночь. Кіевляне отбивались упорно, стоя на стѣнахъ: ломались копья, разлетались въ щепы щиты, стрѣлы омрачали свѣтъ, — говоритъ лѣтописецъ. Не устояли Кіевляне. Дмитрій былъ раненъ. Татары сбили осажденныхъ со стѣнъ и взошли на стѣны. Кіевляне сомкну-

лись около церкви Десятинной Богородицы, и сдѣлали на скоро укрѣпленіе. 9 мая былъ послѣдній приступъ. Одна толпа народа заперлась въ церкви, другіе боролись съ Татарами. Множество народа взошло на церковь и на церковные комары съ имуществомъ и оттуда защищались. Комары не выдержали тяжести и обломились. За ними повалились и церковныя стѣны, — вѣроятно отъ ударовъ вражескихъ. Кіевъ былъ взятъ и разрушенъ. Раненный Дмитрій оставленъ живымъ, ради его мужества, — говоритъ лѣтописецъ (П. Собр. Л. П., 178). Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Татарами. Батый приблизилъ его къ себѣ, и онъ подавалъ Батыю совѣты идти въ богатую Угрію.

Темное преданіе объ этой ужасной эпохѣ перешло до позднихъ потомковъ въ сказочной исторіи Михайла Семилѣтка. Семилѣтній богатырь — типъ народной надежды на грядущія поколѣнія, идеалъ нестарѣющейся, вѣчно-юной, всегда обновляющейся силы народа — защищалъ Кіевъ противъ иноплеменныхъ враговъ. Татары видѣли, что онъ одинъ удерживаетъ Кіевлянъ, и предложили пощаду городу, если выдадутъ имъ богатыря. Кіевляне соблазнились. Тогда Семилітокъ, выѣхавъ на своемъ чудномъ конѣ, ударилъ копьемъ въ Золотыя Ворота, поднялъ ихъ на воздухъ и закричалъ:

Кіяне-громадо!
Погана ваша рада!
Колибъ ви мене не оддали,
Поки світъ-сонця Татари бъ Кіева не взяли!

Онъ проѣхалъ сквозь татарское полчище, и враги не смѣли прикоснуться къ чудотворному герою; онъ провезъ Золотыя Ворота даже до далекаго Цареграда и тамъ поставилъ ихъ. Тамъ стоятъ они уже много вѣковъ. Кто пройдетъ мимо ихъ и подумаетъ: не бытъ Золотымъ Воротамъ на прежнемъ мѣстѣ — злато на нихъ и потускнѣетъ; а кто пройдетъ мимо ихъ и скажетъ: быть вамъ, Золотыя Ворота, на прежнемъ мѣстѣ, въ Кіевѣ, — золото заблеститъ и засіяетъ!

III.

О судьбѣ народа въ западной части Южнорусской Земли сохранились вообще отрывочныя и скудныя извѣстія; изъ нихъ однако видно, что въ XI и XII вѣкахъ этотъ край, пограничный къ Польшѣ и Угріи, былъ предметомъ нападеній со стороны этихъ странъ, и народъ нерѣдко подвергался бѣдствіямъ разореній. Во время борьбы Владимира и Ярослава съ польскими королями, Червенскіе города Земли Южнорусской переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Сцена борьбы Ярослава съ Болеславомъ по поводу Святополка разъигрывалась на Бугѣ. Какъ этотъ фактъ отражался на судьбѣ народа, видно изъ любопытнаго разсказа, сохраненнаго у Длугоша, что въ 1025 году Ярославъ погналъ жителей края, прилегавшаго къ Червеню, въ Кіевскую Землю и поселилъ ихъ на Поросьи (по Рсѣ); съ другой стороны Болеславъ мстилъ русскому народонаселенію этого же края за тяготѣніе къ Кіеву, бралъ знатнѣйшихъ людей и переселялъ ихъ въ Польшу. Судьба по-днѣстрянскаго края и Покутья остается въ совершенной неизвѣстности. Кажется, они были независимы, ибо переселеніе жителей изъ отдаленнаго края поближе къ Кіеву показываетъ, что кіевскіе князья мало имѣли возможности удержать въ повиновеніи себѣ такой отдаленный край. Когда Болеславъ помогъ Изяславу и возвращался изъ Кіева въ Польшу, то по дорогѣ напалъ на Червоную Русь, на берегу Сана. Изъ извѣстій, сообщаемыхъ объ этомъ событіи Длугошемъ (стр. 822, т. 3, Collect. Historiar. Pol.), не видно, чтобъ жители Червоной Руси находились тогда подъ властію кіевскихъ князей. Но тѣмъ не менѣе можно отчасти замѣтить, что они, вѣроятно, независимы и, вслѣдствіе однонародности, оказывали тяготѣніе къ Кіевской Руси. Корольпольскій хотѣлъ насильственными средствами отвратить ее отъ этого тяготѣнія и подчинить Польшѣ.

Страна около Сана была уже значительно населена; жители обитали въ деревняхъ, но имѣли укрѣпленные города, куда могли убѣгать вслучаѣ опасности; такихъ городовъ было нѣсколько на берегу Сана. Народъ былъ вообще не воинственный, мирный; Поляки легко могли его покорить, города сдавались имъ скоро: нѣкоторые и рѣшались-было защищаться, да скоро принуждены были къ повиновенію силою; другіе сами поспѣшили выговорить себѣ льготы добровольною сдачею. Около Перемышля было сгущено народонаселеніе и городъ Перемышль, главный градъ между пригородами въ Посаньщинѣ, былъ крѣпче другихъ: туда убѣгало жителей болѣе, чѣмъ въ другіе города. Они укрѣпили его на сколько по тогдашнему умѣли: городъ обвели глубокими рвами и земляными высокими валами, а съ одной стороны онъ прилегалъ къ рѣкѣ Сану; здѣсь эта рѣка служила естественною защитою, тѣмъ важнѣйшею, что въ то время, какъ Поляки осадили Перемышль, вода въ рѣкѣ Санѣ переполнилась отъ дождей. Поляки, какъ слѣдовало по тогдашнему образу веденія войны, стали разорять деревни, жечь хлѣбъ на поляхъ и забирать скотъ. Край былъ обиленъ и богатъ. Поляки навезли въ свой лагерь много запасовъ. Перемышль состоялъ, по общему обычаю славянскихъ городовъ, изъ двухъ частей: замка или града и собственно города (мѣста — посада). Не только замокъ, но и послѣдняя часть была укрѣплена. Поляки овладѣли сначала частью посада, который выходилъ въ открытое поле, а потомъ, на четвертый день осады, всѣмъ посадомъ, и осадили градокъ. Тамъ было множество народа и такъ много женщинъ съ дѣтьми, что осажденнымъ невозможно было долго прокормиться запасами, особенно послѣ того, какъ все находившееся въ посадѣ досталось Полякамъ, и такимъ-образомъ они принуждены были сдаться отъ голода и болѣзней. Польскій король сдѣлалъ Перемышль еще крѣпче и поставилъ тамъ польскій гарнизонъ для обладанія покоренною страною.

Этотъ разсказъ можетъ намъ указывать вообще на способъ веденія войны въ то время и на способы покоренія и подчиненія народовъ. Какъ скоро городъ, владычествовавшій надъ краемъ,

доставался въ чужія руки, и весь край сельскій долженъ былъ покоряться, какъ по прежней привычкѣ зависѣть отъ своего главнаго мѣста, которое господствовало въ краѣ, такъ равно и по физической необходимости оставаться ему въ покорности: чужая военная сила, установившись въ городѣ, всегда готова была усмирять оружіемъ всякое неудовольствіе сельскихъ жителей. Въ 1073 году, Болеславъ, подъ видомъ помощи Изяславу, покушался овладѣть цѣлою волынскою страною, но жители не имѣли добровольнаго тяготѣнія къ Польшѣ: страну волынскую надобно было покорить. Поляки, прежде чѣмъ овладѣли крѣпкими замками, опустошили окрестныя села, сожигали жилища, жгли на поляхъ хлѣбъ, грабили и убивали скотъ, толпами гнали жителей въ плѣнъ; король дарилъ побѣжденныхъ въ неволю своимъ воинамъ. Видно, что это были тяжелыя времена для края. Народъ раззорялся и терялъ свободу. Трудно было ему защищаться. Край былъ населенъ деревнями (frequentes habans vicos), городки ихъ были бревенчатые и только тѣмъ держались, что для нихъ мѣста выбирались самыя высокія. Историкъ польскій говоритъ о взятіи трехъ городовъ: Владимира, Волыня (?) и Холма. Сначала покорилъ король Землю собственно Волынскую, потомъ—Владимирскую. Устрашившись опустошеній, причиняемыхъ Поляками, князь владимирскій, котораго называетъ Длугошъ Георгіемъ (или Григоріемъ, 1074), долженъ былъ признать себя данникомъ Болеслава. Длугошъ повѣствуетъ, что Всеволодъ (вѣроятно, Святославъ) вышелъ противъ него, хотѣлъ вырвать Волынскую Землю изъ рукъ польскихъ, но не могъ этого сдѣлать и самъ былъ разбитъ. Край этотъ, не имѣя тяготѣнія къ Польшѣ, склонялся по прежнему къ Кіеву. Неизвѣстно, какъ завоеванный Поляками, онъ потомъ опять перешелъ къ русскимъ князьямъ. Вѣроятно, воспользовались разстроеннымъ состояніемъ Польши послѣ Болеслава. Волынь досталась снова Кіеву; кіевскій князь сажалъ тамъ своихъ посадниковъ, или другихъ подручныхъ князей. Такъ сначала владѣлъ тамъ Ярополкъ, сынъ Изяслава, а потомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ замышляетъ измѣну противъ кіевскаго

князя, прогнали его. Луцкъ добровольно призналъ княземъ Владимира Мономаха. Владимиръ данъ Давиду Игоревичу, котораго отецъ тамъ княжилъ, назначенный туда отцомъ Ярославомъ. Ярополкъ повелъ на него Поляковъ, но былъ убитъ измѣннически. Въ концѣ XI вѣка Волынскій край терпѣлъ опустошеніе отъ Половцевъ, Поляковъ и Угровъ, по поводу междоусобной войны южнорусскихъ князей послѣ ослѣпленія Василька. На сторонѣ Давида былъ Бонякъ Шолудивый съ Ордою; на сторонѣ Святополка — Поляки и Угры. Во Владимирѣ посадили сына Святополка. Волынь съ тѣхъ поръ осталась въ соединеніи съ Кіевомъ: то появлялись тамъ особые князья, то опять княземъ Владимира дѣлался кіевскій. Такъ, напримѣръ, въ 1123 году Владимиръ отданъ Андрею, потомъ въ 1136 году Изяславу Мстиславичу, достигшему потомъ Кіева. Владимиръ былъ главнымъ городомъ Волынской Земли. Случалось, что претенденты призывали Поляковъ, и тогда сельскій людъ страдалъ. Такъ Ярославъ Святополчичъ, внукъ Изяслава Ярославича, котораго родъ былъ въ связи съ польскимъ домомъ, привелъ Поляковъ и Угровъ; но его постигла неудача.

Во время борьбы Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и съ Юріемъ, Волынь служила Изяславу убѣжищемъ въ случаѣ неудачи; онъ нѣсколько разъ туда убѣгалъ, прогнанный изъ Кіева, и снова возвращался, набравши силъ. Волынь осталась за сыновьями его и перешла къ внуку его, Роману, который соединилъ съ Волынскою Землею подъ однимъ управленіемъ и Галицкую Землю.

Червоная Русь, по освобожденіи отъ власти Поляковъ, начала имѣть своихъ князей — Ростиславичей. Какимъ образомъ фамилія Ростиславичей тамъ явилась—неизвѣстно, но кажется, что они были призваны; потому что Червоная Русь всегда сохраняла преимущественно предъ другими полную свободу и тамошніе князья были болѣе ограничены, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ и въ Новгородѣ. Жители этой страны должны были терпѣть отъ междоусобій по поводу ослѣпленія Василька, но еще болѣе по поводу частыхъ войнъ съ Поляками. Такъ Дулу-

гошъ разсказываетъ (относя это неправильно къ 1125 году), что по поводу ссоры Володаря съ Поляками, они опустошили огнемъ и мечомъ Русскую Землю, истребляли села и города, убивали людей. Когда Поляки взяли въ плѣнъ русскаго князя хитрымъ образомъ, по Длугошу—Ярополка, по соображенію съ нашими лѣтописями — Володаря, съ обѣихъ сторонъ разразилась раззорительная народная вражда. Галичане, врываясь въ польскіе предѣлы до Вислы, истребляли безъ состраданія людей, безъ различія возраста, пола и званія, и все сожигали. Потомъ Болеславъ-Кривоустый распустилъ свое войско по Руси и началось,—по словамъ лѣтописца, — убійство многихъ: убивали и старыхъ, и малыхъ, мучили невинныхъ, и то была ярость, а не справедливая война. Никому не давали пощады, даже не велѣно брать выкупа за жизнь непріятеля (Длуг. 953).

Когда дѣти Ростислава вымерли въ первой половинѣ XII вѣка (1141 году), Червонорусская Земля, прежде раздѣленная на удѣлы, соединилась подъ властію одного князя Владимира (Володимирка) Володаревича. Въ его политикѣ является стремленіе обособиться и неподлежать власти Кіева, хотя, впрочемъ, безъ совершеннаго нарушенія связи съ домомъ, владѣвшимъ Русью. Въ этомъ отношеніи вѣроятно личное стремленіе князя совпадало со стремленіемъ страны, сознававшей свою отдѣльность. Такое стремленіе раздражило русскія области, потому что въ 1144 году изъ нѣсколькихъ земель двинулись на Галичъ ополченія, чтобы принудить Червоную Русь, и съ нею князя ея, наравнѣ съ другими областями русскаго міра, признавать старѣйшинство кіевскаго князя. Кромѣ Русскихъ, участвовали въ этомъ дѣлѣ иноземцы: на сторонѣ князей были Поляки; Владимиръ призвалъ Угровъ. Тутъ открылся путь иноземцамъ на будущее время вмѣшиваться въ дѣла Червоной Руси и рѣшать ея судьбу: это повторялось современемъ много разъ. Сила была на сторонѣ русскаго ополченія, но Владимиръ зналъ, что Всеволодъ хочетъ упрочить за своимъ братомъ Кіевъ и обѣщалъ послѣднему помогать; это повело къ примиренію съ кіевскимъ княземъ: Владимиръ долженъ былъ заплатить ему 1400 гри-

венъ серебра—огромная сумма. Такимъ образомъ дѣло червонорусское было проиграно. Не могло это нравиться Галичанамъ: во-первыхъ, плата такой большой суммы должна была лечь на страну; во-вторыхъ, Галичъ со всею Землею долженъ былъ признать зависимость отъ Кіева. Составилась партія противъ князя, —воспользовались случаемъ, когда Владимиръ уѣхалъ въ Тисмяницу, на охоту: охота у князей въ то время была тотъ же походъ. Недовольная партія приглашаетъ племянника Владимирова, Ивана Ростиславича, изъ Звенигорода, но согласія въ этомъ дѣлѣ не было. Сильные приверженцы оставались за Владимиромъ. Такимъ образомъ, открылась междоусобная война: она была, какъ всегда, жестока, потому что Владимиръ долженъ былъ три недѣли осаждать Галичъ. Наконецъ, городъ былъ взятъ. Владимиръ многихъ изъ своихъ противниковъ изрубилъ, другіе казнены лютою смертію. Это не слѣдуетъ приписывать исключительно личности самого Владимира, такъ какъ онъ былъ орудіе партіи, которая имѣла его на челѣ своемъ, какъ это показывается въ послѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Иванъ убѣжалъ въ Кіевъ. Кіевляне съ вспомогательными дружинами другихъ Земель явились снова въ Червоную Русь — водворять Ивана, неудачно.

При Изяславѣ Мстиславичѣ, Владимиръ постоянно держалъ сторону Юрія Долгорукаго, и старался изъ этой борьбы извлечь мѣстную пользу присоединеніемъ сосѣднихъ земель. Изяславъ возбудилъ ему опасныхъ и сильныхъ враговъ въ сосѣдяхъ — Украхъ. Галичъ во всеобщей сумятицѣ успѣлъ захватить города: Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойницу (Ипат. Л., 69), которые русскій князь считалъ принадлежащими къ Волыни. Но потомъ Изяславъ съ Уграми одолѣлъ Юрія; онъ вошелъ въ Червоную Русь и пустилъ ратниковъ, т. е. раззорителей, по всей странѣ. Тогда Владимиръ принужденъ былъ смириться и обѣщалъ возвратить захваченные города, но не исполнилъ обѣщанія и не могъ его исполнить, потому что дѣло было народное: бояре галицкіе не дозволяли ему,—хотѣли расширить свою Землю. Владимиръ умеръ внезапно, и смерть его считалась призна-

комъ Божія наказанія за клятвопреступленія. Сынъ его, Ярославъ, признанный послѣ него княземъ, готовъ былъ мириться и признавалъ Изяслава старѣйшимъ; но бояре, защищая дѣло своей земли, насильно вовлекли его въ войну. Русскіе и волынскіе полки и Черные Клобуки вступили въ Червоную Русь къ Теребовлю. Галичане говорили своему князю: *ты еси молодъ, поѣди прочь и насъ позоруй*. Дѣло было Земли, а не князя. Галичане были разбиты и тяжело наказаны. Русскіе набрали плѣнниковъ столько, что число ихъ превышало дружину, бывшую съ Изяславомъ, и кіевскій князь приказалъ всѣхъ побить,— это не казалось безчестнымъ и ужаснымъ. *Бысть плачь по всей Землѣ Галицкой,*—говоритъ лѣтописецъ. Неизвѣстно, въ чьей власти оставались послѣ того спорные города. Княженіе Ярослава оспаривалъ претендентъ его, двоюродный братъ, Иванъ Берладникъ; русскіе князья помогали ему, иногда употребляли его какъ пугало противъ Ярослава. Князь Юрій Долгорукій, которому нужна была помощь Галичанъ, хотѣлъ было выдать этого изгнанника, но митрополитъ уговорилъ не дѣлать этого. Изяславъ Давидовичъ принялъ его сторону, получивши кіевскій столъ. Была и въ самой Червоной Руси партія, недовольная Ярославомъ, и готовая пристать къ противнику. Когда Изяславъ Давидовичъ въ 1159 году собирался противъ Галича и приглашалъ къ союзу черниговскихъ князей, изъ Галича одна партія прислала тайно къ нему грамоту, извѣщая, что есть люди недовольные Ярославомъ и готовые пристать къ Ивану; но большая часть Галичанъ оставалась вѣрна Ярославу. Галичане соединились съ Волынцами и успѣшно содѣйствовали изгнанію изъ Кіева самого Изяслава. Когда Андрей, князь Владиміра-Залѣсскаго, сталъ возвышаться и явно оказывать стремленіе къ гегемоніи надъ князьями, галицкая политика измѣнилась и уже не придерживалась сына Юрьева такъ, какъ нѣкогда отца, а напротивъ, Галичане являются на сторонѣ Изяславича, оспаривавшаго Кіевъ у суздальскаго князя съ Волынцами. Кажется, что Галичане играли въ этихъ послѣднихъ междоусобіяхъ второстепенную роль, но тогда мѣстный характеръ ихъ сталъ обозна-

чаться. Галичъ примыкаетъ тѣснѣе къ кругу Южной Руси; до тѣхъ поръ, не желая подлежать Кіеву, Червоноруссы обращались къ болѣе отдаленной сторонѣ; но въ Суздальской Землѣ явилось попозновеніе на подчиненіе всей Южной Руси и въ томъ числѣ Червоной,—Галичъ уже дѣйствуетъ за-одно съ Кіевомъ и Волынью: когда дѣло касалось предпріятія, имѣвшаго цѣлью интересъ всей Южно-русской Земли, — Галичъ посылалъ свою помощь. Такъ въ 1166 году Кіевляне, Полѣсчане и Волынцы со своими князьями выходили изъ Канева для обереганія торговаго пути купцовъ изъ Греціи (дондеже взыде Гречининъ и залозникъ. Ип. Л., стр. 94),—и галицкая помощь находилась съ другими ополченіями южно-русскихъ земель.

Волынь раздробилась тогда на многія мелкія владѣнія: былъ свой князь въ Луцкѣ, были свои князья—въ Бужскѣ, въ Дубровицѣ, Пересопницѣ. Одни княжества возникали, другія исчезали, не оставляя большаго вліянія на народную жизнь, не измѣняя ея теченія. Но при раздробленіи Волынской и Польской Земель выдавалось единство Червоной Руси, и при большемъ паденіи Кіева, политическое значеніе Галича выказалось силою обстоятельствъ, даже безъ задуманнаго плана.

Галичъ получилъ значеніе старѣйшаго города, и князь галицкій, какъ будто силою обстоятельствъ, самъ доходилъ къ достоинству старѣйшаго князя. Пѣвецъ Игоревъ, современникъ, такъ характеризовалъ Ярослава: *Галицкы осмомысле Ярославле! высоко сидиши на своемъ злотокованномъ столѣ; подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола за землями.* Ясно изъ этого, что современники считали галицкаго князя могущественнымъ. Галицкая Земля, то есть принадлежавшая Галичу, была обширная и заключала въ себѣ плодородныя пространства по Днѣстру, Сану и Пруту до горъ. Дунайское устье было въ рукахъ Галича. Вѣроятно, Бессарабія и берега черноморскіе принадлежали ему, потому

что уже было свободное плаваніе съ Дуная и Днѣстра по морю и въѣздъ въ днѣпровское устье. Было много условій зажиточностей обитателей. Почва Червоной Руси способна для земледѣлія и скотоводства; рѣки, въ то время судоходныя, вели къ сообщенію съ Дунаемъ и моремъ. Это способствовало торговлѣ съ Югомъ. Кромѣ хлѣба, скота и кожъ, которые отпускала Червоная Русь, важнѣйшимъ туземнымъ продуктомъ была соль изъ Бакуты. На Черномъ морѣ у Галичанъ была пристань Олешье, при устьѣ Днѣпра; тамъ образовался складъ для торговли съ Югомъ; оттуда товары шли по Днѣстру и снабжали города, густо лежашіе одинъ за другимъ вдоль этой рѣки. Но положеніе Галицкой Земли въ отношеніи политической самостоятельности было очень опасно; двое сосѣдей каждочасно готовы были наложить руки на Червоную Русь,—Поляки, уже издавна, то овладѣвавшіе ею, то терявшіе ее, и Угры. Быть можетъ эти обстоятельства сближали Галичъ съ греческимъ міромъ; такъ одному царевичу греческому дали въ управленіе нѣсколько городовъ Червонорусской Земли.

Очевидно, что для поддержанія самобытности, Галицкая Русь должна была вступить въ болѣе тѣсное единство съ остальною Южною-Русью, чтобъ взаимными силами охранить себя. Теченіе обстоятельствъ вело къ этой связи. Жизнь народная подвергалась опасности наравнѣ съ политическою самобытностію. Галицкая Земля при первой возможности должна быть стать мѣстомъ столкновенія нѣскольких враждебныхъ силъ,—театромъ войны, а тогда плохо было жителямъ того края, куда сойдутся драться между собою народы. Единовластный принципъ былъ тогда чрезвычайно слабъ. Князь галицкій былъ совершенно княземъ по старо-славянской идеѣ. Завоеваніе, какъ видно, коснулось слишкомъ мало и непрочно Хорватовъ. Князья, правившіе Галичемъ, были избираемы и зависѣли отъ вѣча; полчища кочевыхъ ордъ были отъ него далѣе, чѣмъ отъ Кіева; смѣшеніе съ тюркскими племенами и въ десятую долю не доходило до той степени, какъ въ Кіевѣ; народность оставалась болѣе ненарушимою. Отъ этого и древнія начала свободы удержались тамъ

долѣе и развивались по славянскому образцу, со славянскими достоинствами и пороками. Какъ ни скудны наши лѣтописи подробностями внутреннихъ причинъ, какъ ни часто ставятъ на челѣ разсказа одни лица, не показывая—на чемъ держалась матеріяльная сила этихъ лицъ, но и изъ такихъ извѣстій можно видѣть, что понятіе о князѣ въ Червоной Руси никакъ не доходило даже до первыхъ признаковъ царственнаго значенія и ограничивалось значеніемъ его какъ предводителя войска и правителя, совершенно зависящаго отъ вѣча. Галичане были судьями дѣйствій своего князя, какъ политическихъ, такъ и домашнихъ. Прежде было сказано, какъ по смерти Володимирка, Ярославъ хотѣлъ мириться съ Изяславомъ Мстиславичемъ и готовъ былъ исполнить клятву, данную отцомъ, но Галичане не дозволили ему отдавать захваченныхъ городовъ. Ярославъ былъ зависимъ и въ семейныхъ дѣлахъ. Онъ поссорился съ женою, взялъ себѣ любовницу и прижилъ отъ послѣдней сына, Олега. Княгиня съ державшими ея сторону боярами убѣжала съ сыномъ въ Польшу. Галичане лишили своего князя свободы, перебили его пріятелей и сожгли любовницу, воротили княгиню и привели князя своего къ кресту, *яко ему имѣти княгиню въ правду*. Черезъ два года снова убѣжалъ сынъ Ярослава въ Луцкъ; на этотъ разъ Ярославъ нанялъ Ляховъ за 3,000 гривенъ серебра и принудилъ луцкаго князя отпустить отъ себя немилаго сына, Владимира. Вотъ и здѣсь, какъ уже видѣли мы въ Кіевѣ, сосѣдство чужеземцевъ и возможность приводить иноземные полки могли доставлять князьямъ возможность дѣйствовать по своимъ видамъ, вопреки народному желанію. Видно, что въ Галичѣ Ярославъ мало могъ найдти приверженцевъ, когда обратился къ иноземной помощи. Безъ сомнѣнія, это вмѣшательство чужеземныхъ полковъ, приводимыхъ княземъ, должно быть однимъ изъ элементовъ, разрушительно дѣйствовавшихъ на единство и саморазвитіе народнаго духа. Сынъ Ярославовъ, преслѣдуемый отцомъ, переходилъ отъ князя къ князю и сдѣлался ихъ игрушкою, такъ что они одинъ другому уступали его и готовы были отдать его отцу, когда нуждались въ союзѣ съ нимъ,

пока наконецъ сѣверскій князь Игорь примирилъ его съ сыномъ. Въ 1187 году Ярославъ, умирая, просилъ Галичанъ утвердить его распоряженіе о назначеніи Галича Олегу, меньшому сыну, а старшему Перемышля. Галичане не хотѣли раздражить старика; хотя быть можетъ находилось тогда мало соглашавшихся на его распоряженіе,—они уступили; но по смерти Ярослава, Олега выгнали и посадили Владимира. Черезъ годъ, Владимира, за пьянство и развратное поведеніе, выгнали и призвали Романа волынскаго. Владимиръ ушелъ къ Უграмъ, но король угорскій, вмѣсто того, чтобъ помогать ему, засадилъ его въ башню, а въ Галичѣ посадилъ своего сына. Романъ принужденъ былъ бѣжать съ толпою Галичанъ.

Такъ Червоная Русь подпала подъ власть иноплеменниковъ. Состояніе народа въ это время выказывается изъ словъ польскаго лѣтописца: Угры перебили много Галичанъ, противныхъ новому порядку, раздали имѣнія и должности своимъ, отстраняя Галичанъ. Галичане вездѣ были угнетены, порабощены, унижены (Dlug, 3, VI). Владимиръ, убѣжавши изъ башни и скитаясь по Германіи, пришелъ, наконецъ, въ отечество и съ шайкой удальцовъ дѣлалъ раззоренія въ предѣлахъ Червоной Руси и въ Польшѣ. Эта разбойничья шайка насиловала дѣвицъ и женщинъ, не щадила маленькихъ дѣтей, убивала священниковъ въ священныхъ одеждахъ во время богослуженія (Cadlub., гл. 1). Лѣтопись русская говоритъ: *у мужей Галицьхъ почаша отъимати жены и дщери на постель къ себѣ, и въ божницахъ почаша кони ставляти* (Ип. Л., 138). Между тѣмъ въ Галичѣ образовалась партія, находившая себѣ выгоду въ иноземномъ владычествѣ. Явилась другая, призывавшая сына берладникова, Ростислава. Король, чтобы держать тверже свою власть, отвелъ въ Угрію родственниковъ знатнѣйшихъ фамилій, и они теперь должны были по неволѣ стоять за него. Партія болѣе смѣлая, хотѣвшая, при помощи Иванова сына, освободиться отъ чуждаго ига, привела изгнанника; но такъ какъ Угровъ было много, то отъ Ивана отступили; брошенный, онъ былъ взятъ въ плѣнъ, и Угры приложили смертное зеліе къ

его ранамъ. Наконецъ, при посредствѣ нѣмецкаго императора, главное для того, чтобы не дать утвердиться угорскому могуществу, Казимиръ принялъ сторону изгнанника и воевода его, Василій, съ полками повелъ Владимира на Галичъ. Иноземное владычество показалось слишкомъ несноснымъ, и потому не удивительно, если Владимиру явилось много помощниковъ на Галицкой Землѣ. И это облегчило ему водвориться на столѣ галицкомъ. Королевичъ долженъ былъ удалиться, и Галичане увидѣли, что имъ трудно отдѣлаться отъ притязаній иноземныхъ войскъ, если онѣ уже разъ объявились; надобно было искать сильной опоры; и Галичъ долженъ былъ, по видимому, начать измѣнять прежнее свое направленіе — удержать самобытность, и войдти въ тѣснѣйшую связь съ русскимъ міромъ. До сихъ поръ Галичане были противниками суздальскихъ князей; теперь Владимиръ послалъ къ Всеволоду искать покровительства и признавалъ его старѣйшинство. Романъ, разъ уже призванный на княженіе, непріязненно смотрѣлъ на Владимира, и когда поссорился съ Рюрикомъ, то Владимиръ съ Галичанами своей партіи опустошилъ принадлежавшія волынскому князю Земли около Перемышля.

Наконецъ умеръ Владимиръ. Тогда Романъ, оказавшій большія благодѣянія Казимиру польскому (потому что возстановилъ его на престолѣ, котораго послѣдній лишился было, когда доставилъ Владимиру власть въ Галичѣ), сдѣлался галицкимъ княземъ при помощи Казимира. Противъ него была до того озлобленная партія, что просила польскаго короля присоединить лучше Галичъ къ Польшѣ, и такимъ образомъ рѣшалась лучше потерять независимость, чѣмъ имѣть такого князя. Это были недоброжелатели Романа. Казимиръ слишкомъ много обязанъ былъ Роману, чтобъ согласиться на выгодное предложеніе, и притомъ его дѣлала одна только партія; была и другая, противная и сильнѣйшая. Романъ, сдѣлавшись княземъ, по извѣстіямъ польскимъ, дѣлалъ варварства надъ галицкими боярами: онъ ихъ зарывалъ живыми въ землю, разносилъ по членамъ, съ живыхъ сдиралъ кожи, разстрѣливалъ стрѣлами, сожигалъ

огнемъ. Многихъ нельзя было умертвить явно; Романъ ласково заманивалъ ихъ къ себѣ, угощалъ, ласкалъ, и когда они были спокойны и безопасны, давалъ знакъ, являлись слуги, и гости подвергались неописаннымъ мученіямъ (Boguph., 130). «Надобно прежде убить пчелъ, чтобъ медъ ѣсть», говорилъ онъ. Ему хотѣлось истребить знатнѣйшія фамиліи въ Галичѣ. Это польское извѣстіе, если справедливо, то во всякомъ случаѣ показываетъ, что дѣло было не романовой личности, а романовой партіи. Романъ не могъ дѣлать такихъ жестокостей, еслибъ не опирался на чемъ нибудь. Онъ не могъ опираться на безсмысленномъ повиновеніи, потому что достоинство князя не могло еще усвоить такого значенія, чтобъ народъ безропотно оправдывалъ все, что только вздумаетъ князь. Онъ не опирался на чужую власть, потому что не побоялся вскорѣ нарушить союзъ свой съ Поляками: слѣдовательно, онъ, дозволяя себѣ жестокости, долженъ былъ опираться на сильную партію, которая, чрезъ посредство князя, удовлетворяла своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ противнымъ партіямъ. По крайней мѣрѣ, у Романа должна была быть сильная партія: это показываетъ уже то, что по смерти его она сгруппировалась около его вдовы и малолѣтныхъ его сыновей. Въ 1201 году Романъ былъ убитъ въ сраженіи съ Поляками, съ которыми поссорился, не смотря на прежнюю тѣсную дружбу и взаимныя услуги. Тогда въ Галичѣ открылось раздолье страстямъ и произошло запутанное столкновеніе и своихъ внутреннихъ, и внѣшнихъ стремленій.

Развитіе народной свободы необходимо должно было произвести возвышеніе однихъ предъ другими и образованіе сильнаго класса. Власть и сила находились въ рукахъ бояръ. Бояре галицкіе не составляли, въ строгомъ смыслѣ слова, аристократію, замкнутое сословіе, совокупность фамилій съ наслѣдственными предразсудками и наслѣдственнымъ сознаніемъ фамильныхъ правъ. Подъ именемъ бояръ, какъ и вообще въ русскомъ мірѣ, въ Галичѣ еще болѣе, разумѣлись люди богатые, владѣльцы земель; теченіемъ обстоятельствъ, умѣньемъ ими пользоваться для своего возвышенія, пріобрѣли они силу и вліяніе, и также

легко возвышались, какъ и упадали. Есть примѣръ, что въ числѣ такихъ сильныхъ Земли Галицкой были сыновья поповъ и простыхъ мужиковъ, смердовъ. *Доброславъ же вокняжилъ ся бѣ и Судьичь поповъ внукъ;* о другихъ: *прійдоста Лазаръ Домажьричь и Иворъ Молибожичь, два беззаконьника отъ племени смердья, и поклонистася ему до землѣ; Якову же удивившуся и прашавшу вины, про что поклонистася, Доброславу же рекшу: вдахъ има Коломыю* (Ип. Л., 179). Они возвышались, пользуясь смутными обстоятельствами. Благодаря безпрестаннымъ смутамъ, усилился въ Червоной Руси боярскій элементъ, особенно во время смутъ, происходившихъ послѣ смерти Романа. Каждый претендентъ старался набрать себѣ союзниковъ и раздавалъ пособникамъ, принявшимъ его сторону, въ галицкой землѣ города (*и прія* (Данило) *землю Галичскую и розда городы бояромъ и воеводамъ, и бѣяше корма у нихъ много*. Ип. Лѣт., 173). Такой счастливецъ возводилъ свою родню и пріятелей и служившихъ ему, и составлялъ около себя *чадь*. Они владѣли землями и управляли городами. Народъ страдалъ отъ ихъ произвола. Доброславъ, *вшедъ въ Бакоту, все Понизье прія безъ княжа повелѣнія; Григорьи же Васильевичь собѣ Горную страну Перемышльскую мышляше одержати, и бысть мятежь великъ въ землѣ и грабежь отъ нихъ* (Ип. Л., 179). *Послаху исписати грабительство нечестивыхъ бояръ* (ibid.). Они между собой враждовали; каждый возвышался на счетъ другаго, и каждый хотѣлъ оторвать у другаго достояніе, чтобъ улучшить свое. Этою то враждебностію, какъ замѣчено выше, объясняются тиранства князей Владиміра и Романа надъ своими противниками; партія съ своей стороны хотѣла утвердиться подъ знаменемъ своего князя, а потому и поджигала его на уничтоженіе противниковъ. Хотя стеченіе обстоятельствъ во многомъ благопріятствовало тому, чтобъ Галичъ сдѣлался центромъ соединенія Южной-Руси, но этому препятствовалъ также духъ жителей, подъ тѣми же обстоятельствами развившійся необузданнымъ стремленіемъ лицъ къ воз-

вышенію какими бы то ни было путями. У Галичанъ, притомъ, развилось удалое уваженіе къ воинской доблести, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ Волынской Лѣтописи. Храбрость личная была добродѣтель и являлась въ ореолѣ поэзіи. Успѣхъ храбреца дѣлался его оправданіемъ. Бояре, становясь на общественную ступень, усвоивавшую за ними это названіе, не думали объ общемъ дѣлѣ, и потому находилось много такихъ, что приставали къ Уграмъ и возбуждали ихъ на отечество,—другіе наводили Поляковъ, третьи—такого-то и такого-то князя, и выигравшая сторона возносила этихъ князей. Когда они замѣчали, что князь не проченъ, то спѣшили приставать къ другой партіи и къ другому князю, и часто случалось, чтобъ заранѣе упрочить себя, подвигали враговъ на тѣхъ, которыхъ сами призвали. Естественно, значеніе князя упадало болѣе и болѣе: князь не окружался никакимъ аттрибутомъ могущества; онъ постоянно дѣйствовалъ по указанію бояръ (совѣтомъ), и какъ бояре жили между собою въ несогласіи, то безпрестанно попадалъ впросакъ; надобно было угодить однимъ—значитъ приходилось раздражать другихъ. Какъ обращались съ князьями, можно видѣть изъ того, что *Данилу въ пиру веселящуся одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице зали ему чашею* (Инат. Л., 171). Романъ, видно, не успѣлъ перемучить всѣхъ своихъ противниковъ; можетъ быть изъ его благопріятелей стали противники,—только жена его съ дѣтьми должна была удалиться. Призвали дѣтей Игоря сѣверскаго и посадили одного въ Галичѣ, а другаго въ Звенигородѣ. Заправлялъ этимъ призваніемъ Володиславъ, конечно думавшій воспользоваться новыми князьями для себя. Потомъ выгнали вдову Романа изъ Владимира. Тамъ посадили третьяго Игоревича, котораго перевели въ Перемышль. Скоро, однако, призванные князья совершенно закружились въ этомъ омутѣ; бояре поджигали ихъ однихъ на другихъ, старались вооружить князей на другихъ бояръ, тѣ и другіе сносились съ Уграми, съ Поляками, а нѣкоторые хотѣли жить независимо. Между тѣмъ съ Игоревичами пришли и свои мужи и, конечно, отчасти при ихъ содѣйствіи, съ помощію нѣ-

которыхъ бояръ, мстившихъ своимъ братьямъ, съ которыми были во враждѣ, Игоревичи составили зоговоръ и стали убивать *величавыхъ бояръ*. Въ лѣтописи число убитыхъ выставлено до 500; но это быть можетъ позднѣйшая вставка, потому что въ нѣкоторыхъ спискахъ оно пропущено и вообще это число слишкомъ велико для числа однихъ знатныхъ (величавыхъ) особъ по преимуществу. Но главные коноводы боярскіе ушли въ Угрію; на челѣ ихъ былъ Володиславъ. Когда они съ помощію подступили къ Перемышлю и приглашали жителей сдаться и выдать Игоревича Святослава, то говорили: *братья, почто смущаетеся? не сіи ли избиша отци ваши и братью вашю, а иньи имѣніе ваше ризграбиша и дщери ваша даша за рабы ваша, а отчествіи вашими владѣша иніи пришельци?* (Ипат. Л., 158). Это мѣсто, характеризуя способъ насилія того времени, указываетъ, что съ Игоревичами прибыли Сѣверцы и они то поставили себя въ положеніе иноземцевъ къ Галичанамъ. Не только Угры были тогда вызваны боярами. Когда Володиславъ съ братіею бѣжали въ Угры, другіе ушли къ Полякамъ и призывали ихъ на помощь, третьи—въ Бѣлзъ, гдѣ княжилъ удѣльный князь Всеволодъ, четвертые въ Пересопницу на Волынь. Игоревичи съ своей стороны закликали Половцевъ. Такимъ образомъ въ Червоной Руси явились раззорительныя полчища иноземцевъ. Можно представить себѣ, какъ тяжело для массы народа должна была отзываться эта трагедія. Дѣло Игоревичей было проиграно, несмотря на Половцевъ; князья были взяты въ плѣнъ. Бояре владимирскіе и галичскіе—на челѣ первыхъ Вячеславъ, на челѣ другихъ Володиславъ—рѣшились наконецъ принять себѣ княземъ Данила, сына Романова, тогда бывшаго еще дитятею. Его посадили на столѣ въ церкви Богородицы, въ Галичѣ. Трое изъ Игоревичей, — Романъ, Святославъ и Ростиславъ, взятые въ плѣнъ Уграми,—были выпрошены Галичанами на свой судъ и повѣшены. Фактъ оригинальный, показывающій, что въ Червоной Руси родъ князей не считался уже выше обыкновенныхъ родовъ и жизнь ихъ подлежала общему суду народному. Значеніе Рюрикова рода видимо упало.

Галичъ не считалъ уже ничьего права княжить у себя не только за тою или другою вѣтвію князей, но и вообще за рюриковымъ родомъ. Скоро Володиславъ подобралъ себѣ партію, и выгналъ Данила съ матерью; Володиславъ захватилъ правленіе и сталъ *княжитися* (1208—1209). Угорскій король поспѣшилъ воспользоваться новымъ порядкомъ и обобралъ Володислава и его пріятелей, съ которыми непремѣнно долженъ былъ Володиславъ раздѣлить свою власть, такъ что товарищъ его, Судиславъ, весь въ *злато пременися*, т. е. откупался отъ венгерскаго короля. Володиславъ торжественно *сѣдъ на столъ*. Такимъ образомъ, княжеское достоинство выступило изъ рюрикова рода; этимъ, казалось, удѣльный укладъ начиналъ новый поворотъ и онъ возникалъ прежде всего въ Галичѣ, — тамъ подавали примѣръ; тамъ стали князей казнить смертью, не обращая вниманія на ихъ княжеское достоинство; тамъ стали принимать особъ не отъ рюрикова рода. Почти можно, по этому, предвидѣть, какъ бы разыгралась исторія удѣльнаго уклада безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя способствовали единовластію. Русь возвратилась бы къ порядку, существовавшему до призванія Варяговъ, то есть у разныхъ народовъ въ разныхъ Земляхъ были бы свои князья, свои вѣча, не связанныя уже единствомъ княжескаго рода.

Но это новое явленіе, возникновеніе новыхъ родовъ на мѣсто единаго княжескаго, уже втеченіе вѣковъ освятившаго древностію свое званіе въ глазахъ народа, встрѣчено было сосѣдними князьями и Поляками не отрадно. Напали Поляки; ихъ тяжкія посѣщенія были такъ непріятны, что народъ готовъ былъ повиноваться скорѣй Володиславу, чѣмъ иноземцамъ. Наконецъ, послѣ непродолжительныхъ сумятицъ, Земля Галицкая подпала подъ власть иноплеменниковъ. Лестько польскій передѣлилъ ее съ Уграми. *Не есть лѣпо боярину княжити въ Галичѣ* (Ип. Сп., 160),—говорилъ онъ,—*но поими дщерь мою за сына своего Коломана и посади въ Галичи*. Галичъ достался Уграмъ. Въ немъ посаженъ Коломанъ. Перемышль достался Лестьку. Но явился внезапно удалой Мстиславъ, борецъ

правды удѣльнаго уклада, охранникъ новгородской свободы. Мстиславъ отдалъ за Данилу свою дочь, сначала не успѣлъ противъ Угровъ и Поляковъ, а потомъ привелъ Половцевъ и выгналъ иноплеменниковъ. Воевода угорскій Филъ, называемый въ нашей лѣтописи Филя Прегордый,—говорившій поговорку: «единъ камень—много горнцевъ побиваетъ»,—былъ взятъ въ плѣнъ, Мстиславъ сдѣлался княземъ галицкимъ. Но не утишилась Земля. Александръ, князь бѣльзскій, не ладилъ съ Даниломъ, княжившимъ во Владимирѣ; народъ въ Бѣльзской Землѣ пилъ тогда горькую чашу: «поплѣнена бысть около Бѣльза и около Червена Даниломъ и Василькомъ и вся Земля поплѣнена бысть; бояринъ боярина плѣнивша, смердъ смерда, градъ града, якоже не остатися ни единой вси неплѣненѣ (Ипат. Сп. стр. 163). Потомъ чрезъ два года Александръ бѣльзскій настроилъ Мстислава Удалаго противъ зятя Данила. Послѣдній призвалъ Поляковъ на помощь: *Данилу же князю воевавшю съ Ляхи землю Галичьскую и около Любачева, и плѣни всю землю Бѣлзесъкую и Червеньскую даже до оставшихъ Васильку князю многы плѣны пріемшю стада коньска и кобылья* (Ип. Сп., 165). Князья вскорѣ помирились; о послѣдствіяхъ, какія имѣлъ народъ отъ этого мимошедшаго облака между тестемъ и зятемъ, никто не думалъ. Отважный, прямой характеръ Мстислава Удалого никакъ не могъ сладить съ извилистыми кознями бояръ: одни ему совѣтовали то, другіе иное,—онъ не имѣлъ рѣшимости Романа и одного изъ своихъ враговъ только изгналъ. По совѣту бояръ, онъ отдалъ дочь за угорскаго королевича, управлявшаго Понизьемъ, и самъ долженъ былъ удалиться изъ Галича. Бояре не захотѣли его; нашлась партія, предавшая отечество снова Констант Уграмъ, потому что надѣялась возвыситься.

Время 1226 — 1237 было запутанное для Южной Руси. Князья шли одинъ на другаго, ссорились, мирились, опять ссорились. Данило стремился къ покоренію себѣ всей Волыни; кромѣ Владимира, Луцка, Черностава, — уже Пересопница и Берестье тогда были въ его рукахъ. Пошли на него Кіевляне, Чер-

ниговцы, Сѣверцы, Туровцы, Пиняне, приглашены Половцы. Данило успѣлъ разрушить этотъ союзъ противъ себя, оказалъ услугу польскому князю Конраду и въ 1229 г. покусился опять на Галичъ. Партія, недовольная Уграми, приглашала его; это были враги Судислава, сильнѣйшаго изъ бояръ, который правилъ тогда съ своими клевретами всею Галицкою Землею отъ имени королевича. Эта партія призвала Данила. Домъ Судислава и все имущество было расхищено,—таковъ былъ обычай: имущество тѣхъ, кто навлекъ на себя месть или кару народную, предавалось разграбленію. Самъ Судиславъ, въ виду народа, бѣжалъ съ королевичемъ; въ него кидали каменьями и кричали: «изыди изъ града, мятежниче земли». Данило отпустилъ безъ преслѣдованія королевича, помня прежнюю дружбу съ отцемъ его. Лишившись всего, сверженный съ своего величія, Судиславъ побудилъ короля Бѣлу явиться въ Русь «въ тяжцѣ». Но Богъ послалъ на него архангела Михаила, который отворилъ небесныя хляби: угорскія лошади тонули, грязли и падали. Угры подступили къ Галичу. Но у Данила были Половцы Бѣгбарсовы. Днѣстръ разлился и съигралъ «игру злу» Уграмъ, такъ что Уграмъ было плохо и запасы у нихъ погнили; они умирали съ голода. Удалилась угорская рать. Но на слѣдующій годъ (1230) партія бояръ, враждующая съ Даниломъ, составила заговоръ умертвить Данила и Василька и возвести на столъ князя бѣльзскаго, Александра, ихъ двоюроднаго брата. Одинъ изъ изъ бояръ, Филиппъ, устроилъ пиръ въ Вишнѣ и звалъ туда князей-братьевъ съ этой коварной цѣлью. Но тысячскій Демьянъ предупредилъ ихъ. Князья ополчились на Александра; Александръ призвалъ Угровъ. Данило опять лишился Галича.

Въ 1234 г. одинъ изъ бояръ, придерживавшійся партіи угорской, бывшій у короля воеводою, по имени Глѣбъ Зеремѣевичъ, перешелъ на сторону Данила. Королевичъ, Судиславъ и тысячскій Дьянишъ съ королевскою партіею заперлись въ Галичѣ. Когда Данило подошелъ къ Галичу, королевичъ умеръ и Данило овладѣлъ Галичемъ; но князь луцкій Володимиръ пригласилъ его воевать противъ черниговскихъ князей. Галичане опусто-

шили Землю Черниговскую съ Даниломъ; народъ терпѣлъ за князей своихъ, но Галичанамъ заплатили тѣмъ же. Когда Василько, братъ Даниловъ, оставался въ Галичѣ, бояре составили заговоръ противъ него и Данила, и пригласили Михаила черниговскаго. Очевидно, что такъ поступали потому, что надѣялись возвыситься съ помощію новыхъ князей. Съ ними были въ союзѣ болоховскіе князья; это, вѣроятно, были особы не рюрикова рода, но бояре, сдѣлавшіеся владѣтелями. Данило счастливо привелъ Торковъ и разбилъ Галичанъ. Болоховскіе князья были схвачены и приведены плѣнными во Владиміръ. Однако, новая Михаилова партія, посадивши у себя Михаила въ Галичѣ, заключила въ то же время союзъ съ Конрадомъ польскимъ и призвала Половцевъ, для новыхъ раззореній. Данило до поры до времени долженъ былъ уступить и удовольствовался тѣмъ, что Михаилъ и сынъ его Ростиславъ отдали ему Перемышльскую Землю въ управленіе. На сторонѣ Михаила были Поляки; но Данило отстранилъ польское союзничество съ Михаиломъ, тѣмъ, что поднялъ на Конрада Литву; Михаилъ отнялъ у Данила уступленный Перемышль, и самъ отправился въ Кіевъ, а въ Галичѣ оставался сынъ его Ростиславъ. Тогда Данилъ заключилъ союзъ съ Уграми, прежними своими врагами. Данило подступилъ къ городу Галичу. Галичанамъ надоѣли смуты и безпрерывныя перемѣны власти. Они собрались на вѣче и избрали Данила княземъ. Епископъ Артемій и дворскій Григорій стали было противиться, но увидѣли, что всѣ желаютъ Данила и сами отправились къ нему съ поклономъ.

Данило объявилъ противникамъ своимъ примиреніе и не сталъ никого преслѣдовать. Прежніе князья, да и самъ Данило, едва ли могли бы рѣшиться не послѣдовать здѣсь голосу своей партіи, и всякая партія всегда требовала мести, ибо цѣль ея была занять мѣсто тѣхъ, которые ей враждовали. Но на этотъ разъ не партія, а большинство народа было на сторонѣ Данила.

Время княженія Данила не могло благопріятствовать спокойному теченію народной жизни, не смотря на внѣшній признакъ

политической цѣлостности во всей Южной Руси. Въ 1240 г. пронеслась опустошительная буря Татаро-монгольскаго нашествія. Послѣ взятія Кіева, разрушительное полчище двинулось на Колодежный. То былъ первый городъ западнаго края Южно-Русской Земли, павшій въ руки завоевателей. Жители сначала храбро защищались, но завоеватели предложили имъ сдаться, обѣщая пощаду. Русскіе видѣли, что отъ такого полчища нельзя отдѣлаться легко, и послушались; Татары всѣхъ перебили: таковъ у нихъ былъ обычай — обманывать и истреблять врага всѣми средствами. Взятъ былъ Каменецъ, взятъ Изяславль, взятъ былъ Володимиръ-Волынскій, взятъ, наконецъ, и Галичъ. Современникъ не распространяется въ подробностяхъ взятія городовъ, но городовъ этихъ было много—*имже нѣсть числа*, а о судьбѣ жителей лѣтописецъ повѣствуетъ очень кратко, но довольно выразительно и понятно: *изби и не щадя*. Впрочемъ, города кажется не были сожжены, и вообще бѣдствіе, постигшее жителей Червоной Руси, захватило меньшую массу народонаселенія, чѣмъ въ иныхъ земляхъ Руси, потому что тысячскій Даниловъ, Димитрій, подружившійся съ Татарами въ Кіевѣ, побуждалъ ихъ скорѣе выходить въ Угрію, предупреждая Батыя, что, въ случаѣ промедленія, Угры успѣютъ собраться съ силами и дадутъ отпоръ: *Земля та есть сильна, сберутся на тя и не пустять тебе въ землю свою* (Ип. л. 178). Народъ оставлялъ свои домы и прятался въ лѣсахъ и горахъ. Самъ Данило убѣжалъ въ Польшу и пережидалъ татарское прохожденіе въ Судомирѣ.

Между тѣмъ, пока Татары были въ Угріи, Ростиславъ, сынъ черниговскаго князя, сдѣлался орудіемъ противной Данилу партіи; около него собралась толпа искателей, думавшихъ, по обычаю, возвыситься при всякой перемѣнѣ; союзниками его были и бологовскіе князья, уже выпущенные Даниломъ изъ плѣна. Лѣтописецъ намекаетъ, что они попадались (вѣроятно послѣ того, какъ были плѣнены Даниломъ) въ плѣнъ Полякамъ, но Данило и Василько освободили ихъ. Эти князья тяготились претензіями, какія оказывалъ на нихъ князь Червоной Руси, и потому приняли татарское нашествіе за удобный случай

утвердить свою независимость. Прежде чѣмъ Татары, изъ любви къ разрушенію, стали раззорять ихъ земли, князья эти послали къ Батыю согласіе быть покорными и служить ему. И Батый оставилъ въ покоѣ ихъ землю съ тѣмъ, чтобы владѣльцы ея орали и сѣяли пшеницу и просто для продовольствія Татаръ, которые предполагали утвердить свои колоніи въ раззоренной странѣ. Эти-то бологовскіе князья стали съ Ростиславомъ. Сторону его приняли также другіе сильные владѣтели, бояре или имѣвшіе свои земли въ Червоной Руси, или получившіе въ управленіе города и смотрѣвшіе на управляемые ими края, какъ на свою собственность. Ростиславъ около семи лѣтъ боролся съ Даниломъ, но постоянно успѣхъ оставался на сторонѣ послѣдняго, хотя за Ростислава были и Угры и Ляхи. Наконецъ въ 1249 г. Данило окончательно побѣдилъ Ростислава, въ кровопролитной битвѣ на р. Санѣ, разбивъ помогавшихъ ему Угровъ и убивъ угорскаго бана Фила (прегордаго Филю); Ростиславъ бѣжалъ, и не возвращался болѣе, получивъ удѣльное княжество въ Мачвѣ, на берегахъ Савы. Раздраживши и Угровъ и Поляковъ партіи Лестьковыхъ дѣтей, Данило находился въ такомъ положеніи, что надобно было ему держаться Татаръ, чтобъ по крайней мѣрѣ страхомъ ихъ помощи удержаться противъ западныхъ своихъ сосѣдей. И онъ выбралъ удачно. По требованію татаръ онъ пріѣхалъ въ Переяславль, гдѣ уже поселились постоянно Татары. Онъ долженъ былъ ѣхать къ Куремсѣ, предводителю татарской орды, кочевавшей въ Южной Руси, а потомъ на Волгу къ Батыю, потѣшилъ хана тѣмъ, что поклонился, по его требованію, кусту и согласился, въ угоду повелителю, пить кобылій кумысъ. Видно, что въ Южной Руси это униженіе поражало сильнѣе умы и сердца, чѣмъ подобное въ сѣверной съ тамошними князьями. *О злѣе зла честь Татарская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землю, Кіевомъ и Володимеромъ и Галичемъ со братомъ си инѣми странами: нынѣ сѣдитъ на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота не чаеть и грозы приходять* (Ип. л. 185). Какъ ни обидно было такое униженіе

и непривычно для буйныхъ княжескихъ головъ, да зато Данило, пробывши 25 дней у Татаръ, *отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему.* Въ этихъ многознаменательныхъ словахъ заключается зародышъ новаго уклада русской политической жизни. До сихъ поръ политическая судьба Русскихъ краевъ зависѣла отъ столкновенія побужденій, отъ случая — если можно допустить это слово. Право было одно — воля массы; иногда она страдательно принимала что ей давалось; но все-таки принципа другаго не было, кромѣ согласія или непротиводѣйствія массы. Теперь это право — была власть завоевателей. Съ этого утвержденія власти Данила надъ Червонорусскою и Волынскою Землями начинается господство единодержавнаго принципа въ Южной Руси, который впослѣдствіи перешелъ въ руки литовскихъ обрусившихся князей и, послѣ долгихъ колебаній со старымъ удѣльновѣчевымъ, выработалъ государство подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго.

Періодъ отъ принятія христіанства до нашествія Татаръ для Южной Руси, до извѣстной степени, можетъ назваться періодомъ умственной культуры. Христіанство расширило кругъ понятій, сообщило новые взгляды, ввело книжность. Сближеніе съ Византіею знакомило русскихъ съ пріемами такого общества, которое было самымъ образованнымъ въ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ. Южная Русь не была отрѣзана и отъ Запада. Брачные союзы князей съ домами королей шведскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, венгерскихъ и польскихъ указываютъ на близкія и частыя сношенія Кіева съ Западною Европою. Еще въ тѣ времена не укоренилась религіозная непріязнь къ западной церкви; Греки не безъ труда старались населить ее. Кіевъ былъ такой городъ, гдѣ многое можно было узнать и увидѣть, тамъ было средоточіе торговли; много было въ Кіевѣ купцовъ, бывавшихъ въ далекихъ сторонахъ. Веніаминъ Тудельскій встрѣчалъ ихъ не только въ Константинополѣ, но въ отдаленной Александріи, кто странствовалъ ради торговли, а кто изъ религіозныхъ цѣлей;—во всякомъ случаѣ въ Кіевѣ не мало было такихъ, кото-

рые видывали чужія земли и чужихъ людей, знали чужую рѣчь. Съ другой стороны въ Кіевѣ толпилось множество иностранцевъ: тамъ можно было встрѣтить и нѣмцевъ изъ различныхъ городовъ, и италіянцевъ, и грековъ, и могамеданъ, и іудеевъ. Не удивительно, что, живя въ Кіевѣ, можно было выучиваться нѣсколькимъ иноземнымъ языкамъ, какъ это сдѣлалъ князь Всеволодъ Ярославичъ, отецъ Мономаха. Изъ лѣтописцевъ намъ извѣстно, что Владимиръ, креститель Руси, и сынъ его Ярославъ заводили училища, а послѣдній и книгохранилище; Ярославъ собиралъ отъ себя грамотныхъ людей, приказывалъ имъ списывать книги, другимъ поручалъ дѣлать переводы съ греческихъ. Мы не можемъ сказать—какой процентъ жителей пользовался тогда этими средствами просвѣщенія, но видимъ, что въ Кіевѣ были люди, по тогдашнему времени, образованные, что тамъ существовала литературная и умственная жизнь, а чтеніе пользовалось высокимъ уваженіемъ. Достойно замѣчанія сужденіе лѣтописца, который, прославляя Ярослава за его покровительство книжности, сравниваетъ его заслуги съ заслугами самаго Владимира, крестившаго русскій народъ. Владимира онъ уподобляетъ вспахавшему ниву, а Ярослава—сѣятелю. «Велика польза отъ книжнаго ученія»—разсуждаетъ лѣтописецъ—«книги указываютъ, научая, путь покаянія, въ книжныхъ словесахъ мы обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе; книги—это рѣки, наполняющія вселенную, источникъ мудрости, неисчетная глубина; книги насъ утѣшаютъ въ печали». Здѣсь лѣтописецъ, восхваляя книги, разумѣетъ, будучи самъ духовнымъ лицомъ, книги религіознаго содержанія. Естественно, что, пришедши къ намъ вмѣстѣ съ религіею, книжность должна была быть преимущественно религіозною и болѣе переводною и подражательною. Знакомство съ византійскимъ міромъ внесло къ русскимъ съ перваго раза множество переводовъ съ греческаго; древняя переводная русская литература чрезвычайно богата, хотя, къ сожалѣнію, не всегда можно въ точности опредѣлить: относится ли тотъ или другой переводъ къ этому періоду, такъ какъ очень многіе сохранились только въ позднѣйшихъ спискахъ, и такъ какъ, кромѣ того,

въ позднѣйшихъ спискахъ старинныхъ переводовъ дѣлались измѣненія въ языкѣ; можно, однако, съ большою вѣроятностію утверждать, что большая часть изъ того переводнаго запаса, который сохранился на сѣверѣ въ сравнительно позднихъ спискахъ, принадлежитъ до-татарскому періоду. За переводами появились и оригинальныя русскія сочиненія духовнаго содержанія, болѣе или менѣе составлявшія подражаніе греческимъ образцамъ. Читая духовныя поученія того времени, какъ напримѣръ, Иларіона или Кирила Туровскаго, мы видимъ такіе литературные пріемы, которые показываютъ въ авторахъ подготовку воспитаніемъ, навыкъ размышлять и передавать мысли въ стройномъ порядкѣ, значительный запасъ свѣдѣній и знакомства съ произведеніями греческой духовной письменности, искуство краснорѣчія, явную заботливость объ изяществѣ выраженія: этими качествами сочиненія до-татарскаго періода отличаются отъ сочиненій позднѣйшаго времени, обличающихъ, сравнительно съ первыми, скудость мысли и свѣдѣній, отсутствіе художественности. Подобное можно сказать и о лѣтописяхъ; та часть нашихъ лѣтописныхъ повѣствованій, которая относится къ югу въ до-татарскій періодъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, отличается большею стройностію въ повѣствованіи, чѣмъ сѣверныя и послѣдующія. Въ особенности же выше всего оказывается первоначальная лѣтопись, обыкновенно неправильно называемая Несторовою; при изложеніи болѣе толковомъ и живомъ, она представляетъ для читателя гораздо болѣе занимательности, чѣмъ даже продолжители ея, писавшіе о событіяхъ, происходившихъ на югѣ послѣ Мономаха.

Но ни что столько не говоритъ о литературной культурѣ этого періода, какъ неоцѣненное Слово о Полку Игоря. Здѣсь мы видимъ уже сочиненіе не религіозное, а свѣтское, поэтическое. Оно совершенно своеобразно; тутъ нѣтъ уже византизма, тутъ все родное, русское. Неизвѣстный по имени авторъ этого произведенія былъ человѣкъ образованный по своему времени. Онъ имѣетъ понятіе о томъ, чтó значитъ пѣть не въ смыслѣ простого пѣнія о чемъ нибудь, а въ смыслѣ поэтическаго творче-

ства; его патріотическій взглядъ на современныя ему условія политическаго бытія Руси показываетъ въ немъ человѣка съ значительною широтою воззрѣнія на вещи, съ здравымъ пониманіемъ общественныхъ потребностей; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вполнѣ поэтъ народный, черпаетъ свои вдохновенія изъ общенародныхъ русскихъ стихій. Онъ явно принадлежитъ къ дружинникамъ, къ той части народа, которая, находясь въ лучшихъ условіяхъ, имѣла болѣе средствъ къ саморазвитію, но онъ чуждъ тѣхъ дурныхъ качествъ, которыя отличали нерѣдко дружинниковъ; онъ не сторонникъ ни той, ни другой стороны, ни той ни другой княжеской вѣтви, да́же ни той или другой Земли; онъ никому изъ русскихъ не врагъ; онъ не Галичанинъ, не Кіевлянинъ, не Черниговецъ, не Полочанинъ—онъ русскій человѣкъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, хотя въ немъ не видно и тѣни того насильственнаго объединенія Руси, которое въ послѣдующіе вѣка было рычагомъ всей русской исторіи; сынъ своего вѣка, онъ не могъ дойдти до такихъ идей; онѣ должны были оставаться ему чуждыми даже и потому, что онъ былъ слишкомъ русскій душою, а всякое насильственоое объединеніе требуетъ привязанности къ одной части болѣе, чѣмъ къ цѣлому;—но болѣе всего онъ былъ поэтъ, пѣвецъ Руси, ея славы, бѣдствій и горестей, добродушный, увлекающійся; все, до чего онъ касается, принимаетъ у него поэтическую окраску, но не чужую, не заимствованную, а свойственную духу своего народа и своего вѣка. Онъ былъ не первый и не послѣдній въ своемъ родѣ; онъ самъ воспоминаетъ о Боянѣ соловьѣ старомъ времени, отличавшемся роскошнымъ творчествомъ— замышленіемъ—и долго жившемъ въ памяти потомковъ. Галицкая лѣтопись уже позже того времени, когда могъ писать свое слово пѣвецъ Игоря, упоминаетъ о другомъ пѣвцѣ — словутномъ Митусѣ, навлекшемъ на себя гнѣвъ князя Данила тѣмъ, что когда-то прежде не захотѣлъ пѣть предъ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ пѣвцовъ было не три только намъ извѣстныхъ; ясно, что во вкусѣ тогдашняго времени были произведенія историческаго эпоса; образовалась особая поэтическая литература, свѣтская,

княжеская и дружинная; поэты воспѣвали подвиги князей и ихъ сопутниковъ, и возбуждали ихъ къ новымъ дѣламъ и подвигамъ. Судя по Слову о полку Игоря, эта свѣтская поэтическая литература не только была совершенно отлична отъ духовно-религіозной, но отчасти стояла въ разрѣзъ съ нею. Тогда какъ духовные, распространяя христіанство, желали уничтожать всякіе остатки язычества, свѣтскіе поэты обращались къ этому язычеству, какъ къ источнику своего вдохновенія. Пѣвецъ Игоря не страшился называть вѣтры стрибоговыми внуками, ни русскій народъ потомствомъ Даждьбога, хотя, конечно, не вѣрилъ въ языческихъ боговъ. Въ его твореніи нѣтъ вовсе церковности, кромѣ слова аминь, поставленнаго, вѣроятно, не имъ, потому что оно поставлено не кстати; но онъ все таки христіанинъ: его взглядъ на совокупность Руси, его желанія единенія, согласія, его грусть о междоусобіяхъ въ Русской Землѣ—могли, какъ намъ кажется, при тогдашнихъ условіяхъ, возникнуть только подъ вліяніемъ христіанства, да и самая его литературная образованность могла быть имъ получена только при христіанскомъ и болѣе или менѣе церковномъ воспитаніи. Между тѣмъ его поэтическій талантъ отрѣшался отъ всего заимствованнаго, весь ушелъ въ свою народность; въ художественномъ произведеніи этого поэта вмѣстилось то, что онъ могъ получить только отъ своего народа — народныя древнія вѣрованія, преданія, любимый способъ выраженія. Таковы, по духу, вѣроятно, были всѣ тогдашнія поэтическія произведенія, невознаградимо для насъ потерянныя: то были не подражанія византизму, а самобытныя явленія русскаго духа. Поэзія язычества была своя, родная; она продолжала существовать и развиваться, переходя изъ области вѣры въ область изящной литературы, художественнаго слова. Это было естественно при тѣхъ условіяхъ, при какихъ вошло къ намъ православіе, при томъ преобладаніи аскетическаго элемента, которое, умножая монастыри, оставляло, за ихъ стѣнами, грѣшный міръ самому себѣ, связывая его только внѣшними признаками съ религіею. Неудивительно, что въ Словѣ о Полку Игоря находили много

сходства съ поэзіею малорусскихъ пѣсенъ по изображенію природы; мы укажемъ еще на одно сходство: въ малорусскихъ пѣсняхъ такое же отсутствіе церковныхъ элементовъ и вѣрованій, какъ и въ Словѣ о Полку Игоря; малорусская пѣсня, часто оплакивая умершихъ, воображаетъ ихъ себѣ чаще всего въ могилѣ надавленныхъ землею, не слышащихъ, не видящихъ, а иногда въ деревѣ, птицѣ, камнѣ, но не въ раѣ и не въ адѣ; также точно и пѣвецъ Игоря, упоминая объ умершихъ, заставляетъ по нимъ унывать цвѣты и дерево преклоняться съ тугою къ землѣ, но не напутствуетъ ихъ на тотъ свѣтъ; жемчужная душа, исходя черезъ златое ожерелье, не отправляется ни въ адъ, ни въ рай. Православіе сосредоточивалось въ монастыряхъ, ставило первымъ долгомъ отрѣшеніе отъ міра и всѣхъ его сладостей и забавъ; а этотъ міръ, если не веселый, то вѣчно ищущій веселья, шелъ своимъ путемъ, шелъ своею жизнію; чувство и воображеніе русскаго человѣка обращалось къ старинѣ и пробивало себѣ своеобразный путь художественнаго творчества. Это было не худо. Русскій пѣвецъ, не заботясь о монастыряхъ, вдохновляясь древними народными вѣрованіями, которыя церковь стремилась истребить, все-таки показалъ себя не язычникомъ, а христіаниномъ, такъ какъ въ его созданіи не язычески-варварскій духъ раздора и необузданности, а христіански-гражданскій духъ любви къ Русской Землѣ, желаніе ей мира, единенія и охраненія отъ иноплеменныхъ враговъ, разрушавшихъ ея благосостояніе.

Вмѣстѣ съ литературнымъ развитіемъ мы встрѣчаемъ и слѣды искуства. Распространеніе чтенія вызывало переписку рукописей. Изъ этого рано образовалось на Руси искуство писанія. Древнее письмо на пергаментѣ отличается тщательностію отдѣлки и изяществомъ; писали не только для того, чтобъ можно было легко прочесть,—писали затѣйливо, красиво, раскрашивали и разводили узорами начальныя буквы, украшали рукописи живописными изображеніями. Иконная живопись принесена въ Кіевъ Греками, но была скоро усвоена русскими; уже въ XII вѣкѣ въ печерскомъ монастырѣ былъ знаменитый русскій ико-

нописецъ Алиппій. Обычай расписывать внутреннія стѣны храмовъ фресками, способствовалъ развитію и распространенію живописнаго искуства. Оно не ограничивалось одними церковными предметами. Сборникъ Святослава, въ которомъ изображено семейство князя Святослава Ярославича и сочиненіе Ипполита объ антихристѣ, гдѣ помѣщенъ ликъ какого-то князя, заставляютъ полагать, что въ тѣ времена писали портреты живыхъ лицъ. На лѣстницѣ Кіево-софійскаго собора на стѣнахъ есть изображенія охоты, княжескаго суда, забавъ, плясокъ, лазанья по шесту, а также изображенія, по видимому, миѳологическія, напримѣръ человѣка съ птичьей головой, поражающаго копьемъ другого. Все это показываетъ, что живописное искусство обращалось къ чисто мірскимъ предметамъ и даже къ обыденной жизни. Церковная архитектура введена къ намъ Греками, но потомъ появились и свои зодчіе: случайно мы узнаемъ о существованіи въ концѣ XII вѣка зодчаго Петра Мисопѣга. Въ Кіевѣ было нѣсколько великолѣпныхъ церквей: къ сожалѣнію до нашего времени уцѣлѣла только одна въ такомъ видѣ, который можетъ дать понятіе о старинѣ, да и та не безъ значительныхъ искаженій и измѣненій—это церковь св. Софіи, построенная Ярославомъ.

Она представляла видъ большого прямолинейнаго четвероугольника съ тремя алтарными выступами, освѣщалась сверху многими куполами, была съ каменными хорами, куда вели двѣ лѣстницы, витыя, широкія, не считавшіяся принадлежащими къ святынѣ храма, и потому исписанныя свѣтскими изображеніями. Входъ въ церковь былъ съ западной стороны, тройной, а входы по лѣстницамъ на хоры были съ боковъ, такъ что трапеза съ хорами прямого внутренняго сообщенія не имѣла. Главный куполъ, за-алтарная стѣна средняго полукружія и предъалтарные столбы были украшены мозаикой, а стѣны и столбы, поддерживающіе главный куполъ, фресками, изображающими лики святыхъ и событія изъ священной исторіи. Это работа греческая. Но едва ли тоже можно сказать о фрескахъ на лѣстницѣ, представляющихъ сцены, очевидно, изъ русской

народной жизни. Намъ кажется, эти фрески должны быть русскаго произведенія и во всякомъ случаѣ очень оригинальны и поучительны. Подобно какъ за Иларіонами, Кириллами, Ѳеодосіями, Несторами, мы встрѣчаемъ пѣвца Игоря съ языческими Стрибогами, Велесами, Даждьбогами, возбуждавшими гоненіе со стороны благочестія, такъ сходя съ переходовъ Софійскаго храма, мы встрѣчаемъ пляски, музыку, игры, мірское веселье, то, противъ чего такъ вооружались благочестивые проповѣдники вѣры. И такъ, въ живописи, какъ и въ литературѣ, было направленіе не религіозное, а мірское, грѣшное, (съ монашеской точки зрѣнія), касавшееся такихъ предметовъ, которые благочестіе осуждало наравнѣ съ языческими остатками.

Существовало, наконецъ, искуство, которое уже ни въ какомъ случаѣ не могло мириться съ тогдашнимъ благочестіемъ—это музыка. Благочестивый аскетизмъ предавалъ его анаѳемѣ безъ изъятій. Когда Ѳеодосій, вступивши къ Святославу, увидалъ около него играющихъ на гусляхъ и органахъ, святому мужу очень не понравилось такое веселое препровожденіе времени. А будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ? сказалъ онъ. Уважавшій святого мужа князь приказалъ музыкѣ перестать и всегда, когда только Ѳеодосій посѣщалъ его, музыка не смѣла безпокоить отшельника. Но тѣмъ и ограничилось вліяніе, какое въ этомъ случаѣ оказалъ на князя печерскій игуменъ. Въ его присутствіи музыка не раздавалась въ княжескомъ теремѣ, но въ другое время—иное дѣло. Это чрезвычайно живо очерчиваетъ нравы и понятія того времени. Мірскіе люди жили своею прежнею народною жизнію, съ своими привычками; жизнь эта имѣла зачатки своей собственной культуры, но противъ ней возставало благочестіе аскетизма именемъ новой религіи. И что же? Мірскіе люди дѣлали уступки благочестію до извѣстной степени, соглашались признавать грѣшнымъ то, что имъ называли грѣшнымъ, но въ тоже время продолжали жить по прежнему; это необходимо имѣло деморализующее вліяніе, порождало лицемѣріе: люди грѣшили. Музыка была осуждаема церковнымъ благочестіемъ безусловно, а между тѣмъ она существовала, русскіе любили ее какъ

любили и пѣсни—поэзію. Поэты пѣли, сопровождая свои произведенія игрою на инструментѣ; пѣвецъ Игоря говоритъ о Боянѣ, что онъ вскладалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, и онѣ сами князямъ рокетали славу. Пиршества князей сопровождались игрой. На фрескахъ лѣстницы Кіево-софійскаго собора мы видимъ пять родовъ музыкальныхъ инструментовъ; одинъ изъ нихъ въ родѣ арфы, четвероугольный: то, вѣроятно древнія гусли, другой—труба, третій—флейта, четвертый—подобіе малороссійской бандуры или торбана, пятый—двѣ металлическія тарелки. Есть упоминовенія о сопѣляхъ (малорусская сопилка), органахъ, бубнахъ. Самый благородный инструментъ считался гусли; игра на гусляхъ употреблялась пѣвцами на княжескихъ и боярскихъ празднествахъ.

Вотъ слабыя черты умственной культуры въ Южной Руси до нашествія Татаръ. Мы видимъ, что она была двойственная—съ одной стороны византійская, религіозная, съ другой туземная, мірская, отчасти языческая, но все-таки возбужденная къ развитію христіанствомъ, поднявшимъ русскаго человѣка на высшую ступень пониманія, расширившимъ его кругозоръ. Не долго суждено было процвѣтать ей въ Южномъ краѣ. Уже съ разореніемъ Кіева Андреемъ начинается ея паденіе, по мѣрѣ того, какъ дикіе кочевники стали болѣе и болѣе внѣдряться въ русскую жизнь, а русское населеніе находило выгоднымъ переселять на востокъ въ Суздальско-ростовскую или Владимирскую Землю, гдѣ въ тоже время замѣтнымъ дѣлается возрастаніе культуры, пересаженной съ Юга. Нашествіе Татаръ нанесло ей последній ударъ. Кіевъ, сожженный, истребленный до тла, на многіе вѣка оставался въ развалинахъ, будучи жалкимъ поселеніемъ и цѣлый окрестный край осужденъ былъ сдѣлаться пустынею, пока для него не настала новая историческая жизнь.

1859.

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

О НИФОНТѢ.

ПАМЯТНИКЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XIII ВѢКА.

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

О НИФОНТѢ.

—

ПАМЯТНИКЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIII ВѢКА.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ юная русская жизнь приняла въ себя элементъ восточный, направлявшій чувства и воображеніе къ міру таинственныхъ существъ, обращающихся среди насъ, сообщающихъ намъ побужденія, но незримыхъ для обыкновенныхъ глазъ и доступныхъ только тѣмъ, которые получили для того особое приготовленіе. Вкусъ къ духовидѣнію развивался у насъ вмѣстѣ съ монашествомъ. Изъ монастырей, которые стали для народа свѣтилами образованности, представленія о бѣсахъ перешли въ массу народа, сочетались съ старыми языческими образами, жившими прежде въ его воображеніи, и, такимъ способомъ, сдѣлались важною стороною русской жизни. Бѣсъ сталъ представителемъ веселости, разгула, земныхъ удовольствій, земныхъ страстей и пороковъ; жизнь, угодная божеству, исполнялась самоотреченія, горя, болѣзни, сокрушенія. Страхъ бѣса руководилъ поступками человѣка. Любопытно и важно прослѣдить, какимъ путемъ установлялось въ народѣ это воззрѣніе, и въ этомъ отношеніи безспорно принесли свою дань

тѣ греческія сочиненія мистическаго содержанія, съ которыми предки наши познакомились въ старинныхъ переводахъ. Въ числѣ такихъ сочиненій, едва-ли есть такое полное, богатое и плодовитое образами, какъ повѣсть о Нифонтѣ, извѣстная у насъ безспорно съ XIII вѣка. Греческій ея подлинникъ, кажется, не былъ напечатанъ никогда. Изъ древнихъ ея рукописей извѣстны двѣ, обѣ очень старыя: одна въ парижской библіотекѣ, другая пергаментная въ нашей синодальной библіотекѣ подъ № 406. Но нельзя ничего сказать положительно вѣрнаго ни о времени ея составленія, пи о времени, когда дѣйствительно существовала личность, которая нынѣ описывается здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что событіе, составляющее предметъ повѣствованія, не могло происходить въ то время, которое тутъ указывается. Герой повѣсти дѣйствуетъ при Константинѣ Великомъ, въ Константинополѣ, и дѣлается епископомъ кипрскимъ, но разсказчикъ попадаетъ въ важные анахронизмы. Константинополь изображается городомъ уже вполнѣ христіанскимъ; не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ язычества, которые необходимо должны были бы встрѣтиться: въ городѣ уже существуютъ монастыри; а ихъ тогда еще тамъ не было; наконецъ герой повѣсти посвящается въ санъ кипрскаго епископа отъ патріарха александрійскаго, когда кипрская епархія зависѣла отъ антіохійскаго патріарха; посвящается при александрійскомъ патріархѣ Александрѣ и находится въ этомъ санѣ въ то время, когда мѣсто Александра заступилъ Аѳанасій, слѣдовательно, долженъ былъ занимать санъ кипрскаго епископа во время никейскаго собора, тогда какъ достовѣрно извѣстно, что на никейскомъ соборѣ участвовалъ кипрскій епископъ Геласій. Александръ называется пятымъ по Петрѣ мученикѣ, тогда какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ не пятый, а второй, или первый по Ахиллѣ, преемникѣ Петра (Oriens Christ. III. 390. 392. 1046). Наконецъ, въ повѣсти упоминаются такіе отцы церкви, которые въ самомъ дѣлѣ жили гораздо позже, въ IV и V вѣкѣ. Очевидно, повѣсть сочинена была уже позже и притомъ такимъ авторомъ, который не твердо зналъ подробности церковной исторіи

и писалъ, не справившись съ ними. Впрочемъ, для насъ этотъ вопросъ не представляетъ непосредственной важности: когда бы эта повѣсть ни была составлена, къ намъ она перешла не ранѣе того времени, когда мы въ состояніи были принять и усвоить ее, да и значеніе ея не въ исторической древности подлинника, а въ ея содержаніи; и самый подлинникъ не столько важенъ для насъ, сколько переводъ, ибо нашими предками читался послѣдній.

Рукописная повѣсть о Нифонтѣ сохранилась въ харатейномъ спискѣ, въ листъ, составленномъ въ XIII вѣкѣ и хранящемся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской Лавры. Онъ писанъ крупнымъ, четкимъ уставомъ, блестящими, но нѣсколько поблѣднѣвшими отъ времени чернилами. Въ началѣ рукописи нѣсколько недостающихъ листовъ замѣнено позднѣйшимъ спискомъ на бумагѣ. На послѣднемъ листѣ означено: когда и гдѣ, и кѣмъ писана была эта рукопись: «Господи помози рабомъ своимъ Іоанну и Алексію, написавшема книгы сія, и гдѣ соутъ помяткы, исправя чтите. Въ лѣто 6723 кончана быша книгы сія мѣсяца мая въ 21 день на память святаго мученика Иереміа въ градѣ Ростовѣ, при князѣ при Василцѣ, при сыну Констянтинонѣ, а внуцѣ Всеволожи. Святіи апостолы, пророцы, мученицы, святый Нифонте, помози господину Василку и мене грѣшна раба своего Кирила избави въ день судный отъ вѣчныя муки». По всему вѣроятію, Кирилъ, здѣсь упоминаемый, есть Кириллъ ростовскій; о немъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, что онъ собиралъ писанія и распространялъ ихъ.

Въ первой половинѣ XIII вѣка былъ, такъ сказать, золотой вѣкъ книжной образованности въ ростовско-суздальской землѣ. Образованность, въ началѣ воспитанная на кіевской почвѣ, должна была выступить изъ Южной Руси, потрясенной Половцами и междоусобіями, и нашла себѣ на короткое время пріютъ на востокѣ, пока оттуда не была вытѣснена татарскимъ нашествіемъ. Памятниками этой эпохи было нѣсколько переводныхъ сочиненій; тамъ была переведена и Діоптра, древнѣйшій списокъ которой хранится въ Публичной библіотекѣ и гдѣ также

указано, что она была списана въ Ростовѣ. Самая лѣтопись этого края, составляющая продолженіе первоначальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку, отличается велерѣчіемъ и риторикою, которыя показываютъ близкое усвоеніе византійскихъ пріемовъ письменности. Повѣсть о Нифонтѣ въ переводѣ есть произведеніе изъ ростовской эпохи. Трудно рѣшить, была ли она въ ростовской землѣ переведена или, быть можетъ, только тамъ переписана; неизвѣстно чѣмъ были Іоаннъ и Алексѣй, переводчиками или списчиками. Должно думать, что изготовивши рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, они поднесли ее Кириллу, который собственноручно сдѣлалъ на ней надпись.

Повѣсть эта не считалась у насъ никогда въ кругу церковныхъ сочиненій, напротивъ, въ нѣкоторыхъ перечняхъ отреченныхъ (апокрифическихъ) книгъ иногда помѣщается и она. Нельзя сказать, чтобъ списки этой повѣсти, въ той полнотѣ, въ какой она находится въ ростовской рукописи, были сильно распространены у насъ впослѣдствіи; но съ другой стороны, она не составляла исключительнаго достоянія владычныхъ библіотекъ, а была въ чтеніи народномъ и имѣла вліяніе на народныя понятія. Это видно изъ того, что многія мѣста изъ нея попались во многіе сборники послѣдующаго времени съ различными измѣненіями и въ приспособленіи къ своебытнымъ пріемамъ русской жизни. Ясно, что эти принадлежали нѣкогда къ любимымъ чтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ея оригинальный складъ и занимательный разсказъ должны были дѣйствовать на воображеніе: такого рода повѣсти могли нравиться старому нашему обществу. Въ рѣдкомъ изъ житій отшельниковъ можно не встрѣтить борьбы съ духами, но нигдѣ эта борьба не высказана съ такими подробностями и въ такихъ затѣйливыхъ образахъ, съ такимъ признакомъ таланта и роскошной фантазіи. Вся повѣсть составляетъ рядъ духовидѣній и напоминаетъ сочиненія Сведенборга, Юстина Кернера, Каганье и другихъ духовидцевъ близкаго къ намъ времени.

Нифонтъ былъ сынъ князя Агапита въ Плагіонѣ. Присланный туда отъ царя Константина начальникъ области выпросилъ его у родителя, когда онъ былъ еще отрокомъ, и отправилъ къ своей женѣ, въ Константинополь, для изученія книжной мудрости и божественныхъ писаній. Благочестивая женщина поручила его обученіе священнику, жившему въ ея дворѣ *да по малѣ научитъ псалтири*. Мальчикъ былъ отъ природы кротокъ и застѣнчивъ, какъ обыкновенно бываютъ въ дѣтствѣ натуры, въ которыхъ съ лѣтами впослѣдствіи развивается мечтательность. Вскорѣ онъ получилъ такую любовь къ ученію, что вставалъ по ночамъ, зажигалъ свѣчи и кадило, и читалъ духовныя книги. У него возникло желаніе испытать самому то, что описывалось въ книгахъ, и сдѣлаться похожимъ на тѣхъ святыхъ, о которыхъ онъ начитался столько чудеснаго. По наставленію тѣхъ же книгъ, онъ воспитывалъ въ себѣ сочувствіе и уваженіе къ нищетѣ и злополучію. Однажды случилось ему услышать нравоученіе такого рода: *иже чистоту у себѣ имать, а милостыня не имать*, не входитъ въ царство небесное. Онъ началъ спрашивать своего наставника: что это такое чистота? Учитель объяснилъ ему, что чистота значитъ *убѣгать блуда*. Познакомившись со словомъ *блудъ*, юноша сталъ тосковать о томъ, что онъ не въ силахъ будетъ убѣжать отъ этого блуда; діаволъ воспользовался такимъ тревожнымъ состояніемъ, и напустилъ на него еще большую скорбь. Отъ этой скорби Нифонтъ впалъ въ пьянство и объядѣніе, вмѣсто прежней молчаливости возникла у него охота разглагольствовать, сталъ онъ ходить на позорища, распѣвать веселыя пѣсни, а потомъ познакомился практически съ блудомъ, прелюбодѣяніемъ и, наконецъ, содомскимъ грѣхомъ. Но вотъ, однажды, онъ зашелъ къ одному изъ оставленныхъ благочестивыхъ пріятелей прежняго времени, по имени Никанору; съ ужасомъ тотъ замѣчаетъ, что лицо Нифонта сдѣлалось черно какъ у Мюрина (у Мавра). Это обратило Нифонта внутрь себя; вступило въ сердце его раскаяніе; стала мерзка ему порочная жизнь. Вошедши въ храмъ, онъ со слезами сталъ молиться предъ иконою Богородицы и ему показалось,

будто изображеніе улыбнулось ему. Видѣніе наполнило его отрадою. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что образъ Богородицы улыбался ему, когда онъ каялся и принималъ рѣшительное намѣреніе вести чистую жизнь, и напротивъ образъ глядѣлъ на него сурово, когда передъ тѣмъ онъ допускалъ къ себѣ грѣшныя думы. Отсюда начинается родъ духовидѣній и во снѣ, и на яву. Бѣсы преслѣдуютъ Нифонта, стараются отвлечь его отъ молитвы; Богородица и святые защищаютъ его. Бѣсъ завелъ его въ колодецъ; Богородица, по его молитвѣ, чудодѣйственно извлекла его оттуда. Нифонтъ впадаетъ въ недугъ; Богородица и св. Анастасія мажутъ его масломъ и исцѣляютъ. Съ нимъ было таинственное сновидѣніе: онъ увидѣлъ, что его преслѣдуютъ бѣсы; сновидѣніе это трижды повторялось; Нифонтъ заключилъ, что ему придется претерпѣть большія искушенія. Нифонтъ не удаляется въ монастырь, онъ обрекаетъ себя на безпрестанную ходьбу изъ церкви въ церковь по городу. Тогда во снѣ явился ему первомученикъ Стефанъ, похвалилъ его намѣреніе, обѣщалъ ему содѣйствовать въ борьбѣ съ бѣсами, и велѣлъ идти въ церковь, созданную во имя свое. Нифонтъ, помолившись въ указанномъ храмѣ, поднялъ съ земли камешекъ, вложилъ себѣ въ ротъ и носилъ нѣсколько дней; тѣмъ онъ предохранялъ себя отъ самословія и если случалось ему не утерпѣть и проговориться, то заходилъ въ уединенное мѣсто, билъ себя по щекамъ и по губамъ (*зашьдъ кромѣ, заоущашеся самъ іелику силоу имѣяте, глаголя: тебѣ нечистый никто же кажетъ, нынѣ оубо азъ тя кажю; и біяся зѣло ся тружаашe мѣста того, и паки аще іему ся прогнѣвати боудяше на кого, то възбиіаше въ оуста своіа кърьшнями глагола: азъ вы по малоу семоу научю кротость и мълчаніе имѣти...: И бѣ видѣти чюдо преславно: мученика без мучителя стражюща за премногихъ тѣхъ ранъ, іеже себе блаженныи творяше, ѿ многыіа болѣзни, юже имяше блаженныи велми стража, и бѣ видѣти дивьно мертьца ходяща и никакоже имѣюща вида животьнаго на лици своемъ, іако ѿ таковаго біеніа, врату іего объходящу ѿ*

биениіа ѿпадатися). Бѣсу не понравилось это; бѣсъ сталъ ему представлять, что такъ не годится уродовать образъ Божій; но блаженный опровергъ его доводы, напомнивъ ему, что каждый господинъ имѣетъ право бить своего раба, а плоть есть его рабъ. *И се слышавъ бѣсъ лоукавый стоудъ пріимаше.* За такую твердость небесная благодать уничтожила болѣзнь, происходившую отъ самоистязанія; явился ангелъ, кадилъ около Нифонта, и оттого на лицѣ его, изможденномъ отъ побоевъ, оставались слѣды благоуханія небеснаго фиміама. Бѣсъ, однако, не переставалъ его искушать, выдумывалъ то одно, то другое; одинъ разъ явился передъ нимъ въ образѣ ворона и сталъ около него прыгать, думая, авось, онъ вздумаетъ ловить его; но прозорливый и осторожный Нифонтъ не поддался на такую уловку, и еще самъ причинилъ бѣсу досаду, напомнивъ, что бѣса ожидаетъ настрашномъ судѣ *рожьство огньное*, а бѣсамъ, какъ извѣстно, очень не нравится мысль объ этой грядущей ихъ судьбѣ. Въ другой разъ бѣсъ искушалъ его яствами и питіями; Нифонтъ отослалъ туда—*идѣже человѣци потребоу грѣшноу творѧть.* Бѣсъ повелъ на него иного рода нападеніе:—«*Въ блоудный ровъ въвергу тѧ*»—сказалъ лукавый врагъ — «*и пойде нань съ великимъ ражьжѣніемъ, распалѧа іего и оустѧ, порѣіа и на сласть блоудную*». Но Нифонтъ наложилъ на себя суровый постъ и діаволъ бѣжалъ отъ него. Только что Нифонтъ освободился отъ такого искушенія, какъ увидѣлъ *на мѣстѣ гнойнѣ пса тьмна лежаща и помысливъ рече: еда іесть песъ или лоукавый бѣсъ?* Вдругъ песъ съ яростію бросился на него; Нифонтъ дунулъ — и песъ исчезъ. Новое видѣніе предупредило его, что ему грозятъ еще большія искушенія; онъ увидѣлъ, что ангелъ вынулъ у него сердце и вложилъ новое, и съ этимъ новымъ сердцемъ онъ долженъ былъ пройдти сквозь рядъ черныхъ демоновъ. И дѣйствительно, послѣ этого пророчественнаго видѣнія, бѣсъ напустилъ на Нифонта тяжелое искушеніе, навѣялъ ему сомнѣніе въ бытіи Божіемъ. Мы выпишемъ это поэтическое мѣсто, гдѣ образно выражается психическая борьба мысли въ человѣкѣ!

«Однажды онъ молился и внезапно услышалъ шумъ, который проходилъ отъ праваго уха до лѣваго, и ужаснулся святый мужъ, и изумился, говоря: что это будетъ? И когда онъ такъ размышлялъ, пришелъ діяволъ, ревя, и претя и гнѣваяся, и омрачилъ ему умъ и отемнилъ, и ввелъ его въ страхъ и смутилъ. Блаженный хотѣлъ творить молитву, но не было въ немъ чистаго смысла, а только сонливость и зѣвота и потягота; и лѣнь великая напала на него, и тягость большая, и невыразимая тоска. Блаженный, будучи объятъ діавольскимъ омраченіемъ, сказалъ: о грѣшный Нифонтъ! нынѣ пришли на тебя грѣхи твои, и искушеніе, котораго ты сильно боялся, ослѣпило тебѣ умъ и сильно свищетъ! О, я бѣдный съ душею своею! Стерегись, чтобъ не войти живьемъ во чрево его! И говоря такимъ образомъ, знаменовался крестнымъ образомъ; нападалъ же на него несытый волкъ и помышлялъ низложить праведнаго и говорилъ ему: покинь молитву! Блаженный же говорилъ: я не покорюсь нечистому бѣсу; если Богъ повелѣлъ ему погубить меня, я приму съ благодареніемъ повелѣніе моего Бога, а если тебѣ не повелѣно отъ Бога моего, то посрамлю всѣ твои козни. Діаволъ же говорилъ: А есть ли Богъ? гдѣ? Нѣтъ Бога; все самобытно; кто тебѣ сказалъ, что Богъ есть?... А Бога нѣтъ! Ведя на соблазнъ блаженнаго, всечастно говорилъ ему: а есть ли Богъ? Нѣтъ Бога! Растворялъ нечистый бѣсъ сіи три (?) вещи, которыя наводилъ на праведнаго и покушался прельстить и омрачить его, говоря ему: нѣтъ Бога!

Но рабъ Божій, слыша это и распаляясь, говорилъ: Сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога. Растлился злой и помрачился! Ангелъ хулы! Бѣги во тьму отъ меня. Я вѣрую, что есть Богъ и будетъ! Лютый же бѣсъ еще сильнѣе омрачилъ его, и когда блаженный покушался сотворить молитву, уста его говорили, а умъ омрачался, не вѣдая, что говорилось и какой былъ смыслъ духовной пѣсни, которую онъ читалъ, а великая печаль одолѣвала его отъ этой неотвязчивости, и много разъ блазнился въ молитвѣ, и размышляя говорилъ: Горе мнѣ грѣшному, самъ не знаю, что помышляю! И снова обращаясь, тво-

рилъ молитвы сначала съ большимъ трудомъ. И такъ страдалъ каждый день: влагалъ ему пронырливый, что нѣтъ Бога, и вметалъ его въ скорбь безмѣрную; и блаженный тосковалъ отъ діавольскаго возмущенія, такъ что лишился смысла человѣческаго. И говорилъ ему діаволъ: я не буду болѣе тебя безпокоить, только перестань творить молитву, которую творишь утромъ и въ полдень. Рабъ же, видя злобу безстуднаго змія, говорилъ: если я соблужу, или впаду въ прелюбодѣяніе, или украду, или какое нибудь другое зло сдѣлаю, а отъ Христа моего никогда не отступлю. Снова говорилъ діаволъ: что ты это говоришь? А есть ли Христосъ? Христа нѣтъ. Кто тебя обманулъ, будто Христосъ есть? Христосъ не существуетъ; нѣтъ Христа; я одинъ все содержу: для чего же ты меня оставилъ? И отвѣчалъ святый: Есть Христосъ; Онъ Богъ и человѣкъ; и все ему принадлежитъ! Окаянный! Доколѣ будешь мучить созданіе Божіе! Окаянный, ты не прельстишь моего смысла! Что ты меня ослѣпляешь? Ты тьма и во тьмѣ ходишь и тьмою съ людьми борешься, и во мракѣ будешь мучиться во вѣкъ вѣка. Отступи же, врагъ Божій, отъ святыхъ Божіихъ! Такъ говорилъ рабъ Божій и терпѣлъ и страдалъ крѣпко, славя Бога! Онъ же лукавствомъ своимъ не отступалъ отъ него и безпрестанно говорилъ: Нѣтъ Бога! И что такое Богъ? Знаешь ли того Бога, о которомъ говоришь? Развѣ онъ тебѣ показывался? Гдѣ онъ живетъ? Гдѣ онъ пребываетъ? Покажи мнѣ его—и повѣрю тебѣ и я! Такія мысли насѣвалъ ему бѣсъ четыре года и мучилъ праведника, влагая ему, что нѣтъ Бога, облекалъ ему смыслъ тьмою, и праведный помышлялъ, что Бога нѣтъ. Когда такъ было, святый сильно отягчался, но не преставалъ молиться и читалъ божественныя писанія, и когда онъ стоялъ съ вечера на молитвѣ, опять темный бѣсъ началъ томить его, говоря, что нѣтъ Бога. Праведный же, глядя предъ собою, увидѣлъ лице Господа Іисуса Христа и сильно застеналъ, и простеръ свои руки къ чистому образу сему, и сказалъ: Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ ты меня оставилъ? Извѣсти меня, что ты существуешь, единый Богъ! Неужели я оставлю все, что есть съ именемъ твоимъ и сотворю то, о

чемъ мнѣ говоритъ діаволъ? И такъ сказавши, стоялъ и ожидалъ, что услышитъ, и смотрѣлъ въ лице честной иконы, и видѣлъ, что просвѣтилось лице святой иконы, какъ солнце, и все исполнилось неизреченнаго благоуханія. Блаженный пришелъ въ ужасъ отъ этого свѣта, палъ ницъ и говорилъ съ трепетомъ: Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя Творца небу и землѣ, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, и во единаго Господа Іисуса Христа, Творца и небу и землѣ, и въ Святаго Духа, славимаго и просвѣщающаго! Господи мой Іисусе Христе, не прогнѣвайся на меня, ради твоей великой милости и не отвергни меня, нечистаго, искусившаго святое имя твое; самъ вѣдаешь, Господи, какъ досаждаетъ мнѣ врагъ мой, погружая меня въ лукавое безвѣріе. Прости меня, Господи, что я искусилъ тебя, Господи.

«И говоря это, онъ лежалъ ницъ, и, вставши, воззрѣлъ на святой образъ и узрѣлъ преславное видѣніе: просвѣтлѣло лице образа и обращалъ онъ очами какъ живой человѣкъ, и покивалъ, и брови его сгибались и сходились. Видя это, блаженный Нифонтъ началъ вопіять радостною душею: Господи помилуй меня! И очень удивился, и говорилъ: великъ Богъ христіанскій и велика сила твоя! Не остави меня до конца погибнути, созданіе свое; припадаю къ святымъ ногамъ Твоимъ! Благословенъ Богъ и благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа, ибо избавилъ меня отъ сѣни и тьмы смертной, окованнаго нищетою какъ желѣзомъ. И такъ говорилъ онъ, и болѣе того говорилъ предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, и отошелъ изъ церкви, окончивъ молитву, и вшедши въ свой покой, немного уснулъ, ибо сердце его исполнилось небесной сладости, и веселія, и радости, и видимо было благообразное чудо: вышелъ онъ оттуда свѣтелъ, и улыбался, всѣмъ казался веселъ и красивъ, такъ что многіе, знавшіе его, удивлялись и говорили: что это съ нимъ; столько лѣтъ онъ ходилъ унылъ, опустившись, а теперь веселится и радуется? Или видѣлъ явленіе»?

(Іединою же молѧщюсѧ іемоу ѿ вечера вънезапоу слыша зѣло шюмъ шюмѧщь, иже прихожаше съ деснаго оуха и до лѣ-

ваго, и абите свѧтый оужасенъ бывъ, недомышлѧшеся глаголѧ: что оубо се боудетъ? И се іему размышлѧющю, и се диіаволъ приде ревыи и претѧ, и гнѣваѧсѧ и ѡмрачи іему оумъ, ѡтьмни, и въ страхъ вложи и съмоути, и блаженыи же хотѧше молитвоу творити, и съмысла чиста не бѧше в немъ, нъ тъкмо сънъ и зиіаниіе, и пролѧщаніiе и лѣность припаде іемоу велика, и тѧготы многы, и бесѣды и скърбъ коньца не имоущи, блаженныи же объіатъ зѣло ѡмраченіемъ диіаволемь рече: ѡ грѣшьныи Нифонте, нынѣ придоу на вы грѣси твои и искоушениіе, іего же сѧ іеси боіалъ, зѣло люто, оумъ ми ѡслѣпи и свищетъ зѣло! ѡ наю! вънемли оубо твьрдѣ, да не живъ внидеши въ чрево іего. И се глаголѧ, знаменашесѧ ѡбразъмь креста; нападаше же нань несытый вълкъ и мышляше низложити правьднаго глаголѧ: ѿтвьрзи молитвоу! Блаженыи же глаголаше: азъ нечистомоу бѣсоу не покорюсѧ, аще ти іе Богъ мои повелѣлъ погоубити мѧ, да примоу съ благодарениіемь Бога моего повелѣниiе; аще ли нѣсть повелѣно ѿ Бога моего, посрамлю всѧ козни твоіа! Диіаволъ же глаголаше: а іе ли Богъ? Къде? Нѣсть Бога; самобытьна соуть всѧ! А кто ли ти, льсти, іако Богъ іесть? а Бога нѣсть! На съблазноу веда блаженнаго по вся часъ іемоу глаголѧ: а іесть ли Богъ? Растворѧше нечистыи бѣсь сиіа три вещи, іаже бяше нанеслъ на праведнаго, и покоушашесѧ прельститі и і ѡмрачити, глаголѧ: Бога нѣсть.

Слышавъ же се рабъ Божии и раждизавшесѧ глаголѧ: рече зезоуменъ въ сердци своіемъ: нѣсть Бога. Растьлѣ злыи и помрачисѧ. Ангеле хоулы, бѣжи въ тьмоу ѿ мене: азъ бо вѣроую, іако іесть Богъ и боудетъ. Лютыи же бѣсъ паче ѡмрачаше и, іегда сѧ покушаше сътворити молитвоу; оусты оубо глаголаше, оумъ іего омрачашесѧ не вѣдый что сѧ глаголѧ и чь іесть разоумъ пѣниiѧ, и бѣ іемоу велика печаль въ томь стоужении, и блажнѧшесѧ въ молитвѣ многажды, и мало нѣчьто размысль, глаголаше: оувы мнѣ грѣшномоу, іако не вѣдѣ, что съвѣщаю! И паки ѡбращьсѧ, творѧше молитвы ѿ начатька и сь многъмь трудъмь: сице страда, по всѧ же дни влагаше проныривыи, іако нѣсть Бога, и въмѣташе и въ скърбь бeзмѣрну; и толикоу

печаль им҄аше блаженыи ѿ възмоущениіа диіавол҄а, іако и съмысла чловѣча лишену быти. И глаголаше іемоу диіаволъ: азъ по семъ не ноужю тебѣ, тъкмо престани ѿ молитвы, юже твориши заоутра и до полудне. Рабъ же, вид҄а бестоудьнаго злобы змиіевы, и глаголаше: аще съблоужю или прелюбы сътворю, ли оубию, ли оукрадоу, ли ино зъло створя, азъ Христа моего николи жо ѿвергоус҄а, ни ѿтстоуплю. Пакы же глаголаше диіаволъ: что ли глаголеши: а іесть ли и Христосъ? Христа нѣсть. Кто ли т҄а іесть прельстилъ іако Христосъ іесть? Нѣсть Христосъ; нѣсть Христа; азъ іединъ съдржю вс҄а; ты же почьто м҄а іеси оставилъ? И ѿтвѣща святый и рече: іесть Христосъ тъже Богъ и чловѣкъ, и того все іесть. Оканьне, доколѣ моутиші зданиіе Божиіе? Оканьне, не имаши прельстити моего смысла! Что м҄а слѣпиши? іако тьма іеси, въ тьмѣ ходиши и тьмою борешис҄а съ человѣкы, въ мглѣ ходиши въ мрацѣ въ вѣкъ вѣка моучитис҄а; ѿступи оубо, враже Божии, святыхъ іего Си глагол҄а рабъ Божии търп҄аше и страдаше, крѣпко славя Бога. Онъ же лукавьствьмь своимъ не ѿтступаше іего, нъ глаголаше присно: нѣсть Бога! И что ли іесть Богъ? Воле! вѣси ли Бога, іего же глаголеши? Что ти іесть показалъ? Кде ли живетъ? Кде ли пребываіеть? Покажи ми іего, и вѣроую ти и азъ! И си оубо насѣваіа глаголаше на четыре лѣта моуча праведника, се вълагаше, іако нѣсть Бога, кладый іему смыслъ тьмою; и помышл҄аше правьдный іако Бога нѣсть. Семоу же сицеому бывающю, зѣло бяше ѡтягъчалъ себе святый, нъ обаче не престаіаше ѿ молитвы и чьтыи божествьнаіа писаниіа; и стоіащю іемоу съ вечера на молитвѣ, паки тьмьныи бѣсъ начать ноудити, іако нѣсть Бога; правьдныи же смотривъ предъ собою и видѣ лице Господа нашего Іисуса Христа, и вельми постенавъ, простеръ роуцѣ свои къ чьстному ѡбразоу семоу, и рече: Боже, Боже мои! въскоую м҄а іеси оставилъ, и извѣсті м҄а іако ты іеси іединъ Богъ! Аще ли ѡставлю вс҄а о имени твоіемь и сътворю вс҄а іелико же ми диіаволъ глаголетъ! И си рекъ, стоіа, чаіа что оуслышить, и зр҄ащу іемоу въ лице чьстныіа тоіа иконы, видѣ, и просвьтѣс҄а лице іего—іако сълнце лице св҄атыія тоіа иконы, и

испълнениіе неиздреченьнаго благоуханиіа. Блаженныи же, оужасьнъ бывъ ѿ свѣта того, паде ниць, и трепеща глаголаше: вѣроую въ іединаго Бога ѿца вседьржителѧ творца небоу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, и во іединь Господь Христосъ творьць и небоу и земли, и Святыи же Доухъ іего славимъ и просвѣщаіемь. Господи мой Іисусе Христе, не прогнѣваисѧ на мѧ великыіа ради твоіеіа милости и не ѿвьрзи мене нечистаго искоусивъша свѧтоі имѧ твоіе; ты бо вѣси, Господи, како ми стоужаіеть врагъ мои, погроужаіа мѧ въ лоукавѣмъ невѣрствѣ, тѣмъ же прости мѧ, Господи, іелико искусихъ тѧ Господи, и дивьно имѧ твоіе, преблагыи, милосерде! И се рекъ леже ниць; и въставъ, и възрѣ пакы на ѡбразъ свѧтыи, и се преславно видѣниіе: бѣ бо лице іего пресвѣтьло зѣло, и обращаше очима іако живъ чловѣкъ, и покываше, и бръві іего гыбѧстесѧ и съхожастесѧ. Си же видѣвъ блаженыи Нифонтъ нача въпиті радостьною душею: Господи, помилоу мѧ! И зѣло сѧ чюдивъ, глаголаше: великъ Богъ христіанскъ и велика сила твоіа! Не ѡстави мене до коньца погыбноути зъданиіа своіего, иже выноу припадаіеть къ ногама твоима пресвятыма! Благословенъ Богъ и благословенно царьство ѿца и Сына и Святаго Доуха, іако же избави мѧ ѿ сѣни ѿ ть мы смьртныіа и ѡкована соуща нищетою и желѣзъмь. И си рекъ, и ина множаиша предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, и ѿиде ѿ церкве молитвоу коньчавъ, и въшедь въ хлѣвиноу свою, поспа мало, бѣ бо сердце іего испълнилосѧ сладости небесьныіа, и веселиіа, и радости, и бѣ видѣти чюдо благообразьно; и хожаше ѿтолѣ свѣтьлъ, и вьсь осклабѧсѧ, всѣмъ же сладъкъ и чьстьнъ, іако же и мнози ѿ чловѣкъ, иже и знаіахоу, оудивлѧхусѧ глаголюще: что оубо бысть іемоу, іако колико лѣтъ ходи дрѧсельнъ и оунылъ, а нынѣ веселитсѧ и радоуіеться: или іавлениіе видѣлъ іесть?)

Побѣдивши вѣрою безвѣріе, Нифонтъ подвергся другому искушенію; бѣсъ старался нашептывать ему высокое мнѣніе о своихъ подвигахъ и о своей святости; Нифрнту западали въ голову гордыя мысли, входило искущеніе сравнить себя съ самимъ

Богомъ. Но при всякой такой мысли Нифонтъ расточалъ себѣ самыя унизительныя названія и такимъ образомъ снова побѣдилъ дьявольское искушеніе. Небесная благодать подкрѣпила его утѣшительными видѣніями; одинъ разъ онъ былъ вознесенъ на таинственный столпъ посреди моря; другой разъ, когда молился въ храмѣ, съ небесной высотѣ простерлись къ нему огромныя руки и обняли его; потомъ ангелъ облилъ его мvромъ; былъ онъ поднятъ на воздухъ, какъ безплотный; вступая въ храмъ, былъ осѣняемъ множествомъ блестящихъ крестовъ, которые образовали надъ головою его кругъ, то сходились между собою краями, то расходились; когда крестики расходились, бѣсы вскакивали въ кругъ, образуемый крестами, и потомъ выскакивали прочь; это дѣлалось не для того, чтобы подвергать святаго страданіямъ, а чтобы показать безсиліе бѣсовъ противъ него. Всегда на стражѣ противъ своего врага, съ помощію Богородицы, Нифонтъ сталъ недоступенъ для діавола.

«Когда онъ хотѣлъ вкусить сна, то клалъ на землю камень, на верху его клалъ сажецъ (?) и потомъ становился, пѣлъ погребальныя пѣсни, будто хотѣлъ похоронить себя, а потомъ читалъ четыре апостола и евангеліе и еще кое-что, и перекрещивалъ свою постель, и такъ почивалъ, подлагая камень себѣ подъ голову, и когда приступали къ нему бѣсы, нападая на него во снѣ и не давая уснуть, и тогда онъ тотчасъ во снѣ отгонялъ ихъ и воспринималъ духовную силу, и билъ ихъ крѣпко, укоряя и уничижая, и вельми возмущая ихъ; оттого и бѣсы изумлялись, говоря: что намъ дѣлать съ симъ жестокимъ? Крѣпко онъ насъ бьетъ и укоряетъ и уничтожаетъ нашъ родъ. Когда рабъ Божій лежалъ и дремалъ, пришелъ на него діаволъ, держа бердышъ, и думая его убить, но ужаснулся дьяволъ и, скрежеща зубами, бѣжалъ и вопіялъ: О Маріе! ты меня всюду сожигаешь и хранишь этого жестокаго! Слыша это праведный, увѣдалъ поистинѣ, что хранитъ его святая Богородица и помогаетъ ему; ибо онъ бралъ отъ лампады масла съ великою вѣрою и на время сна помазывалъ себѣ чело, и уши, и шею, и тѣмъ избѣгалъ діавола.

(Иегда хотѧше приiати мало сна, първѣи полагаше камень на землю, и върхоу iего полагаше малъ сажець, і потомъ станѧше, поiа погрѣбалнаiа како погребтися хотѧ, и потомъ съчьтѧше 4 апостолы и iеваньгелииа, и ина нѣкака, прекрьщаiа ложе своiе, и тако почиваше, камень подъложь подъ главоу свою, и iегъда пристоупаху надъ нь бѣси, въ сънѣ патыкающе и не дадоуще iемоу оусноути, и тоу абиiе въ снѣ отгонѧше, а и силоу духовноую въсприимъ, биiаше iа крѣпцѣ, корѧ и оуничьжаiа ѣ, и велми възмущаiа ѣ, тѣмь же и соумнѧщесѧ бѣси глаголахоу: что створимъ жестокомоу семоу? понеже зѣло биiеть ны, и корить ны, и оуничьжаiеть родъ нашь. Възлежащю же рабоу Божию малъмь сънъмь, и се приде надъ нь диiаволъ дьржа брадъвь, хотя оубити iего, оужасноувъ же сѧ диiаволъ и скрьжьча зоубѣ своими, бѣжа въпиiаше глаголѧ: ѡ Марииe! ты мѧ вьсьде жьжеши и храниши жестокаго сего! Си же слышавъ правьдный, оувѣдѣ по истинѣ, iако хранить и вельми святаiа Богородица и помогаiеть iемоу; възимаше бо ѿ кандила iеiа масло съ великою вѣрою и помазашесѧ iакоже ѡбычаи имѧше во время съпаниiа чело свое, и оуши, и выю, и срдце, и тѣмь побѣжаше диiавола).

Оградившись самъ отъ бѣсовскихъ нападеній, онъ достигъ духовнаго прозрѣнія и видѣлъ, какъ лукавые духи искушаютъ людей, а потомъ разсказывалъ это тѣмъ, которые приходили утѣшаться его душеспасительными бесѣдами. Вотъ, напримѣръ, онъ видѣлъ, какъ бѣсы заводили грѣшниковъ въ домъ разврата, а ангелъ Божій плакалъ о погибели ввѣренныхъ ему душъ:

«Когда они дошли до нѣкотораго мѣста, гдѣ проживали блудницы, узрѣлъ блаженный человѣка, словно евнуха, стоящаго внѣ жилья съ очень унылымъ видомъ; закрывалъ онъ лице свое ладонью и такъ плакалъ, что казалось небо съ нимъ плакало: то рыдалъ, то руки воздѣвалъ, и молился, и стоналъ, то поддерживалъ челюсти свои рукою и стоялъ будто въ недоумѣніи, то снова начиналъ стенать, а потомъ задумывался. Видя это, праведный сталъ съ нимъ самъ плакать и, приступивъ къ нему, сказалъ: Бога ради, братъ, скажи мнѣ что за причина, что ты такъ плачешь и унываешь? Скажи мнѣ, умоляю тебя, хочу я

узнать это и желаю! Имѣлъ большое умиленіе и плачь. Отвѣчалъ ему и явилъ ему, и сказалъ: естествомъ преславный Нифонтъ! Я ангелъ Божій; всѣ христіане въ часъ, когда крещаются, принимаютъ ангела отъ Бога, хранителя своему житію, и я, какъ и всѣ, получилъ на храненіе нѣкотораго человѣка; онъ же меня оскорбляетъ, творя беззаконіе, и нынѣ находится въ этомъ жилищѣ, какъ видишь, лежитъ со блудницею и я не могу зрѣть беззаконія, которое онъ творитъ; какъ мнѣ не плакать, видя образъ Божій, падшій въ такую тьму! Говорилъ ему праведный: Зачѣмъ же ты не накажешь его, да убѣжитъ темнаго грѣха. Говорилъ его ангелъ: Я не могу приблизиться къ нему, когда онъ началъ творить грѣхъ; онъ рабъ бѣсовъ, и я неимѣю надъ нимъ никакой власти. Говорилъ ему святый: отчего же такъ, что ты неимѣешь надъ нимъ никакой власти, когда Богъ тебѣ его предалъ? Отвѣчалъ ему ангелъ: послушай рабъ Божій Нифонтъ! Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и попустилъ ему: какимъ путемъ хочетъ, тѣмъ и ходитъ; и показалъ ему тѣсный путь и широкій, и сказалъ: тѣсный путь прискорбенъ и ведетъ къ жизни тѣхъ кто его держится, и пространный путь никого на спасеніе не приводитъ; и далъ Господь разумъ: кто по худой этой области ходитъ, тотъ въ огонь идетъ, а кто по скорбномъ пути ходитъ, тотъ въ вѣчное блаженство идетъ! Какое же наказаніе могу дать человѣку этому, порученному мнѣ отъ Бога, когда самъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ своими устами наставляетъ и милуетъ, и учитъ уклоняться отъ злыхъ дѣлъ? И мало людей, которые творятъ истинно слово его! Праведникъ сказалъ ему: за чѣмъ простираешь руки на небо, стеня и ужасаясь? Отвѣчалъ ему ангелъ: я видѣлъ бѣсовъ его плещущихъ, другіе же ругаются надъ нимъ, и оттого разгорѣлось сердце его на студныхъ бѣсовъ; я молился Богу, да будетъ избавлена отъ прелести омраченныхъ бѣсовъ тварь его, да и мнѣ даруетъ обрадоваться, хотя бы объ одномъ днѣ его покаянія и обращенія!... И я молился, да сподобитъ мнѣ милостивый Богъ предать душу его благости, чистую и трезвую. И сказавъ сіе ангелъ сталъ невидимъ.

Когда же мы отошли отъ него, праведный сказалъ мнѣ, что нѣтъ грѣха смраднѣе блуднаго грѣха; но если блудникъ хочетъ покаяться, то скорѣе приметъ его Богъ другихъ грѣшниковъ и беззаконниковъ, ибо это грѣхъ отъ естества: осилѣетъ діаволъ скоктаніемъ, и если кто хочетъ отогнать его, то отгонитъ бдѣніемъ и малоядѣніемъ. Говорилъ еще и вотъ что: когда мы шли, то я видѣлъ человѣка идущаго широкимъ путемъ, и отверзлись мои очи, и я узрѣлъ тридцать бѣсовъ около него крамолующихъ: одни какъ мухи омрачали лице его, другіе какъ комары жужжали въ уши ему, иные же, зацѣпивши веревками, держали его за шею, и за ноги, и за сокровенные члены, и безъ милости тащили его: одинъ сюда, другой туда, я же все это видѣлъ и былъ объятъ слезами, и помышлялъ: кто это три, которые влекутъ человѣка. И мнѣ открылось, что одинъ изъ нихъ блудный бѣсъ, другой прелюбодѣй, треетій же тотъ, который содомскій грѣхъ творитъ, а тѣ, что жужжали въ ухо ему, посѣвали въ немъ отчаяніе, тѣ, что лице его омрачили, тѣ отгоняли отъ него страхъ студодѣянія. Они отъ Бога моего мнѣ явлены были, и тотчасъ затѣмъ я видѣлъ; ангелъ его шелъ далече и держалъ въ рукѣ тонкую трость, а на концѣ его прекрасный цвѣтокъ, и шелъ онъ потупя взоръ, какъ будто въ отчаяніи и грусти, оттого, что скорбѣлъ о человѣкѣ, потому что этотъ человѣкъ былъ уже въ гортани адской, чрезъ прелюбодѣянія, и бѣсился на мужскій полъ, и тѣмъ порабощался. Видя это, я воздвигъ руки на высоту небесную и сказалъ: о, хоть единую молитву сотвори о немъ къ Богу! Но лукавые бѣсы, казалось мнѣ, какъ комары объѣдали мышцы его, недопуская меня сотворить молитвы о немъ. Когда я слышалъ рѣчи эти отъ праведника, то меня, отцы и братія, постигъ великій страхъ, и я дивился, услыша то, чего никогда не слышалъ».

(Излѣзшемъ же въ нѣкотороіе мѣсто, идѣже блоудьница живоутъ, оузрѣвъ блаженный человѣка іако и каженика, вънѣ храма стоіаща, зѣло оуныла, дланию лице своіе покърывъ и плакаше сицемь ѡбразомъ, іако же мнѣти небо съ нимъ плачюще, и ѡвъгда рыдаше и ѡвъгда роуцѣ въздѣвъ, молѧшеся, стоня и

плача, дроугоици же подьржаше челюсти свои, и стоіаше іако обоуеінъ, понываій, и ѡвъгда съ стенаниіемь, ѡвгда дрѧхлъ сый. Се же видѣвъ пра́вьдныи на́чатъ самъ плакатисѧ, и преставъ, приста къ человѣкоу плачющемоусѧ, и рече: Бога ради, брате, повѣжь ми каіа ти іесть вина имьже тако плачешисѧ и іеси оунылъ? Повѣжь ми, молю тя; хощю бо увѣдѣти и желаю. Имѧше бо мъного оумилениіе и плачь. Ѿвѣщавъ же, іави іемоу, и глагола: іестьствомь преславныи Нифонте! азъ бо іесмь ангелъ Божии, и да іако же вси крестиіане въ нь же сѧ крьстѧть, приимають ангела къждо Ѿ Бога хранителя житию своіемоу, и прилоучихъсѧ, іако же и вси, поущенъ на храненіие человѣка нѣкоіего; онъ же зѣло мѧ оскърьблѧіеть безакониіа творѧ, и нынѣ въ обители сеи іесть, іако же видиши, лежить въ безаконии съ ѡньсицеюи блоудницею, и се оуже не могоу зьрѣти безакониіа, іего же тъ творить; да како ми зрѧще не плакати въ какоу тьмоу ѡбраза Божиіа въпадъшасѧ! Глаголаше же ему правьдный: да почто не накажеши іего да оубѣжить тьмьнаго грѣха? Глагола іемоу ангелъ: понеже не имамъ мѣста приближитисѧ к немоу; Ѿнележе началъ іесть творити грѣхы, рабъ іесть бѣсомъ, и ни іединоіа же власти не имамъ на немь. Глагола же іему святый: ѡкоудоу оубо іако ни іединоіа власти имаши на немь, а Богоу тебе и предавъшю? Глагола іемоу аньгелъ: послоушай, рабе Божии Нифонте, Богъ нашъ вещію самовластна створилъ іесть человѣка, и попоусти іемоу да имьже поутьмь хощетъ ходити да ходить, и показа іему тѣсныи поуть, такоже и широкыи, и рекъ: іако тѣсныи прискърьбьнъ іесть путь, иже на животъ ведеть, и иже ся іего държить; пакы же пространъ поуть іесть, иже никого же на спасениіе приводить, и сею поутью разоумъ давъ Господь, да иже по хоудѣи власти сеи ходить, то въ огнь вѣчныи, а иже по скъбърнѣмъ, то въ породу вѣчьноую идеть; да коіе показаниіе могоу азъ сътворити на человѣцѣ семь, іего же ми Богъ пороучи хранити, самъ бо Господь Іисусъ Христосъ своими оусты наставляеть, и милоуіеть, и оучить всѧ оукланѧтисѧ злыхъ делъ. Недва мало нѣкде чловѣкъ, иже творѧть слово іего истиньнѣ. Правьдникъ

глагола іемоу: да чесо ради простърлъ іеси роуцѣ на небо стенѧ и оужастьнѣ? Глагола іему ангелъ: зрѣхъ бѣсовъ іего плещущь, и дроугыѧ ругающасѧ іемоу, да того ради разгарашесѧ сердце іего на стоудныіа бѣсы; молѧхь же сѧ Богоу, да избавлена боудетъ ѿ прельсті ѡмраченыхъ бѣсъ тварь іего, и да мі дасть ѡбрадоватисѧ о немъ, понѣ іединъ день о покаіании іего и възвращении. Еще же молѧхъсѧ и ѿ семь да мѧ сподобить милостивыи Богъ предати душю іего благыни чистоу бѫдроу и трьзвеноу соущю. И се рекъ ангелъ безвѣсти бысть ѿ него. Ѿтшедшема же нама, глаголаше правьдныи: іако смрадьнѣ блоудьнаго грѣха инъ не іесть къ Богоу, и аще хощеть блоудникъ покаіатисѧ, то въскорѣ приимеръ и Богъ паче вьсѣхъ беззаконьникъ и грѣшьникъ, понеже ѿ іестьства іесть грѣхъ, ѡсилѣіеть же диіаволъ скъкътаннием, и аще кто хощетъ ѿгнаті и, то бъдѣниіемъ и малоѧденіемъ ѿженеть и. Глаголаше же, и се, грѧдущема нама, видѣхъ, рече, человѣка грѧдуща широкымь поутемь, ѿвьрзостемисѧ очи мои, и оузьрѣхъ іако 30 бѣсъ ѡколо іего крамолоующа: ѡвьи іако мухы ѡмрачахоу лице іего, ѡви же іако комариіе свирѧху въ оуши, иныи же оужі повьрзъше, държахоу по шию и по носѣ и по съкровеныіа оуды, и влачахоуть и без милости, ѡвъ семо, ѡвъ ѡнамо; азъ же се видѣвъ, сльзами ѡбъіатъ быхъ и помышлѧхъ: кто, соуть трьіе иже влекоуть человѣка сего; ѿкрыже ми сѧ то, іако тъ іесть блоудьныи бѣсъ, другыи же прелюбодѣи, третии же іесть иже содомьскыи грѣхъ творить, а иже въ оухо іемоу свирѧхоу, ѿчаѧниіа съіають въ немь, а иже лице іего ѡмрачахоу, страхъ стоудодѣіаниіѧ ѿ него ѿіемлюще. Си ѿ Бога моіего іавишамисѧ; и абиіе паки видѣхъ, и се ангелъ іего надалечи идѧше, дьржа въ роуцѣ своіеи тоіагъ тьнъкъ, на коньци іего цьвѣтьць красьнъ зѣло, идѧше іако ѿчаісѧ долоу нича, и зѣло скърьбѧ, того дѣлѧ члвѣка скърбѧше тако, понеже бѧше человѣкъ оуже в гортани адовѣ прелюбодѣѧниіемь впадъ, а на моужьскъ полъ бѣсѧшесѧ и тѣми сѧ порабощьши. Азъ же то видѣвъ въздвигъ роуцѣ на высоту небесноую и рѣхъ, да понѣ іединоу милитвоу сътворю ѡ немь къ Богу; и се лоукавыи бѣси іако комариіе бывше и объіадѧхоу, іако же мнѧхъ, мышьци

іего, оуставлѧюще мѧ никакоже ѡ немь молитвы сътворити къ Богу. Се же мънѣ, ѡци и братиія, правьдникоу повѣдающе, и ѡбъіатъ мѧ страхъ великъ, и дивихъсѧ слыша, ихъ же николи же ні слышахъ).

Замѣчательно, что бѣсы не всегда искушаютъ людей по собственному желанію; находясь подъ деспотическимъ правленіемъ сатаны и старѣйшинъ, второстепенные бѣсы иногда поневолѣ, такъ сказать, по обязанности службы, должны работать ко вреду рода человѣческаго.

«Видѣлъ предъ собою человѣка идущаго; тотъ человѣкъ былъ духовенъ. И видѣлъ блаженный за этимъ человѣкомъ кого-то чернаго, посѣвающаго скверные помыслы. Вышереченный же мужъ отъ благаго помысла наблюдалъ за своими помышленіями и часто, обращаясь, на дьявола плевалъ, укоряя его. Праведный, видя, что лукавый духъ безпокоитъ Божія человѣка, возопилъ къ духу и говорилъ къ нему съ яростію: оставь его, свирѣпый льстецъ, перестань налегать на созданіе Божіе. Что тебѣ за польза, окаянный, если душа его погибнетъ? Отвѣчалъ ему бѣсъ: послушай, что я тебѣ скажу: мнѣ тутъ нѣтъ никакой пользы; но поневолѣ принужденъ я бороться съ нимъ; у насъ есть князи, властвующіе надъ нами, и если мы лѣнимся и не боремся съ человѣческимъ родомъ, то князи наши бьютъ крѣпко того изъ бѣсовъ, о комъ найдутъ, что онъ не борется, и, отпуская, гонятъ на дѣло. Многіе изъ насъ лѣнивы и вялы, а другіе бѣгаютъ отъ дѣла; и ради того принуждаютъ насъ на брань. Говоритъ ему святый: Окаянный! Знаешь ли что огонь тебя ждетъ и лукавыхъ твоихъ бѣсовъ и дѣла ихъ! Зачѣмъ не плачешь, помышляя о неизбѣжномъ огнѣ, для тебя уготованномъ? Бѣсъ, услышавъ объ этомъ, сталъ невидимъ.

(Видѣ человѣка идоуща предъ собою; бѣ же человѣкъ дъховьнъ; и видѣ блаженыи за члвѣкъмь тѣмь чьрна нѣкоего идоуща и сквьрнынъ помыслъ въсѣвающа: нареченыи же тои мужь ѿ блага помысла разсматряше помыслы своѧ, и часто обращаіасѧ на диіавола, пльваше, коря іего. Видѣвъ же правьдный духъ лоукавый стоужающь члвѣкоу Божию, възъпи къ духоу

и глагола іемоу съ іаростию: престани прочеіе сверѣпе льстьче, належа на зданиіе Божиіе! каіа ти польза, оканьне, аще душа іего іеже не боудеть погыбнеть? Глагола іему бѣсъ: послоушай оубо, рекоу ти: ползѣ оубо никоіеіа же ми нѣсть, нъ ни хотѧ ноудимъ іесмь с нимь побаратися: кнѧзи бо имамъ владоущи нами, а аще лѣнѧщесѧ не боремъсѧ съ родомь крыстьіаньскымь, то іего же насъ обрѧщють ѿ бѣсовъ кнѧзи паши неборющасѧ, то биють ны крѣпцѣ и разгонѧюще ѿтпущають; мнози бо соуть ѿ насъ лѣнивии, слаби, дроузи иже бѣгоуни; да того ради ноудѧть ны на брань. Глагола іемоу святыи: оканьне! вѣси ли іако огнь тебѣ ждеть и лоукавыихъ твоихъ бѣсъ и дѣлъ! Почто не плачетесѧ неѿреченнаго огнѧ, иже тебѣ уготованъ іесть! И слышавъ бѣсъ, безъ вѣсти бысть.)

Въ своемъ духосозерценіи Нифонтъ видѣлъ, какъ человѣческія бесѣды привлекаютъ то ангеловъ, то бѣсовъ къ людямъ, и разсказалъ, какъ онъ видѣлъ благочестиваго человѣка, обѣдавшаго съ женой и дѣтьми, и ангеловъ, прислуживавшихъ имъ за трапезою. Это видѣніе съ объясненіями повторялось во множествѣ послѣдующихъ сборниковъ съ разными видоизмѣненіями; но всѣ различія не мѣшаютъ видѣть первоначальный источникъ его въ нашей повѣсти:

«Нашелъ человѣка сидящаго съ женою своею и дѣтьми; и видѣлъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ евнуховъ въ свѣтлыхъ одеждахъ, предстоящихъ предъ обѣдающими въ томъ покоѣ, и было числомъ ихъ столько, сколько ѣдящихъ, и нищіи съ ними ѣли. Видя это, рабъ Божій изумился, говоря: что это-такое—сидятъ убогіе, а служатъ имъ въ свѣтлыхъ одеждахъ? Онъ не догадался еще, а Богъ ему явилъ, что̀ это за служащіе за трапезою! И сказалъ: служащіе— ангелы Божіи; такова ихъ обязанность, что во время обѣда предстанутъ, обвязавши руки, какъ Божіи служители; но когда начинается клеветное слово, или что нибудь неподобное станутъ говорить за трапезою, тогда, какъ дымъ отгоняетъ пчелъ, такъ и злая бесѣда отгоняетъ ангеловъ Божіихъ; и когда ангелы Божіи отойдутъ, тогда приходитъ темный, мрачный, злой духъ и посѣваетъ зло посреди обѣ-

дающихъ, и разливается зломрачный дымъ отъ бѣсовскихъ рѣчей и злыхъ бесѣдъ.

(Ѡбрете человѣка сидѧща ѡобѣдоуща съ женою своею и дѣтми, и видѣ нѣкоторыіа красьныіа каженикы въ свѣтьлахъ ѡдежахъ престоіаща предъ іадоущими въ хлѣвинѣ тои; бѣ же ихъ числомь іелико и ѣдоущихъ и нищіи бѧхоу іадоущіи. Видѧ же се рабъ Божии, почудисѧ, глаголѧ: воле! се боудеть сидѧщіи оубози соуть зѣло, а предстоіащии въ свѣтьлахъ ѡдежахъ? И не домыслѧщю же сѧ іемоу, что се боудеть, іави іемоу Богъ, кто сі соуть престоіащихъ, что ли іесть трапеза? И рече: престоіащи ангели Божіи соуть; имѣють такъ чинъ, да въ времѧ обѣда предъстаноуть съвѧзавше роуцѣ,іако блази слоужители Божіии; да іегда начнетьсѧ слово клеветьно, или ино неподобно къ Богу глаголати на трапезѣ, да іако съ бъчелы ѿтгонить дымъ, тако и зьлаіа бесѣда ѿгонить ангелы Божии; и изълазѧщимъ же святымъ ангеломъ Божиимъ, приходить тьмьнъ, мрачьнъ, злыи духъ, и въсѣваіетъ зло посредѣ ѡбѣдающихъ, дымъ зломрачьнъ проливаіа ѿ словесъ бѣсѧщихъ и ѿ бесѣдъ подобныхъ злыхъ.)

Въ числѣ другихъ видѣній замѣчательна исторія Созомена; за милостыню, данную нищему, ему представилось видѣніе ангеловъ съ ковчежцами; изъ ковчежцевъ они выбирали драгоцѣнныя одежды и указывали на нихъ, какъ на награду за тѣ бѣдныя одежды, которыя онъ удѣлялъ нищимъ. Такъ и теперь народъ воображаетъ, что въ будущей жизни послѣдуетъ вознагражденіе за милосердіе предметами, подобными тѣмъ, какими въ этой жизни добродѣтельные люди ознаменовали свое состраданіе къ несчастнымъ. За кусокъ хлѣба — роскошныя яства, за рубище—златотканыя одежды, за мѣдный грошъ — золото на томъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ этимъ связана, если не по ходу разсказа, то по смыслу, повѣсть о томъ, какъ, въ видѣ нищаго явился Христосъ, повѣсть, повторяемая отрывочно въ разныхъ сборникахъ и перешедшая въ народную легенду:

«Увидѣлъ»—пересказываетъ Нифонтъ слово благодѣтельнаго мужа—«нища въ рубищѣ, а надъ головой его стояло изображеніе Господа нашего Іисуса Христа, не разлучаясь отъ нищаго ни

на мгновеніе; и когда нищій шелъ своимъ путемъ, нѣкоторый милостивый человѣкъ встрѣтилъ его и далъ ему хлѣбъ; но только что протянулъ руку нищелюбецъ съ хлѣбомъ, какъ вмѣсто нищаго изображеніе Спасителя приняло изъ рукъ христолюбиваго человѣка хлѣбъ и даровало ему благословеніе; и видя это, съ тѣхъ поръ вѣрую, что дающій нищему влагаетъ въ руки Бога.»

(Узрѣхъ нища въ роубѣхъ грядоуща и надъ главою іемоу стоіаше ѡбличіа Господа нашего Іисуса Христа, никако же неразлучено, и іако же нищии идѫще поутьмь, нѣкто милостивыхъ идѧше и срѣте и, дасть іему хлѣбъ; да іако же простре роуку дьржа хлѣбъ нищелюбьць, и се простретьсѧ ѡбразъ Спасовъ въ роуцѣ христолюбивомоу ономоу, и пріiа ѿ рукоу іего хлѣбъ, и въдасть іемоу благословеніiе. И то видѣвъ, ѿтолѣ вѣровахъ іако даіаи нищю въ истину в роуцѣ Богу вълагаіетъ.)

Касаясь великаго таинства причащенія, Нифонтъ разсказываетъ, что, во время приношенія безкровной жертвы, онъ видѣлъ вмѣсто хлѣба на дискосѣ закланнаго младенца, а когда литургія окончилась, младенецъ снова явился живымъ и взятъ ангелами на небо. Во время причащенія мирянъ, тѣ изъ нихъ, которые были достойны этой чести, являлись съ свѣтлыми лицами, а недостойные съ темными и унылыми. Это видѣніе въ разныхъ видахъ записано въ сборникахъ и сдѣлалось народнымъ вѣрованіемъ. Точно также существуетъ до сихъ поръ вѣрованіе, что отказываться отъ крещенія дѣтей грѣшно, и тотъ, кто часто креститъ, имѣетъ у себя заступниковъ въ младенцахъ. Это разсказывается у Нифонта въ такомъ видѣ:

«Нѣкто пришелъ къ блаженному и повѣрилъ ему, что на него находитъ непонятная скорбь. Блаженный отвѣчалъ ему: сатана тебя прельщаетъ, какъ будто нѣтъ награды отъ Бога за тѣхъ дѣтей, которыхъ ты воспринималъ отъ св. крещенія. Богъ въ писанія говоритъ: кто васъ пріемлетъ, тотъ пріемлетъ и пославшаго меня! И опять: взявъ Іисусъ дитя, поставилъ его предъ собою и сказалъ: истинно говорю вамъ, кто пріемлетъ сихъ малыхъ, меня пріемлетъ! Что можетъ быть этого блаженнѣе? при-

нимая младенцевъ, пріемлешь Христа, и духомъ пріемлешь Отца его. Что можетъ быть, сынъ, лучше и свѣтлѣе, какъ добро творить! Сколько ты младенцевъ воспримешь отъ св. крещенія, то всѣ они пойдутъ предъ твоею душею до небесныхъ вратъ, творя тебѣ великую честь и великій срамъ воздушнымъ бѣсамъ. Въ оный день, когда ты оставишь свое житіе и прейдешь къ владыкѣ въ великой радости, тогда, вмѣсто младенцевъ, будутъ тебѣ заступники ангелы и пойдутъ предъ лицемъ твоимъ въ оный день къ престолу Божію и покоищу, оказывая тебѣ честь; и въ образѣ тѣхъ младенцевъ ты принялъ Христа и почествовалъ; купель есть дѣвица, и ты какъ бы держишь самого Христа на рукахъ, и нарицаешься ты Симеонъ, пріемлющій Христа въ образѣ младенцевъ.»

(Сотона тѧ льститъ, іако іелико іеси дѣтии изѧлъ ис святаго крещенія нѣсть ти мзды ѿ Бога. Глаголеть бо Богъ въ писаніи томь: іакоже и васъ пріемлеть и пославшаго мѧ; и пакы—възьмъ Іисусъ отроча младо и постави іе предъ собою, и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, иже пріiемлеть малыхъ сихъ, мене пріемлеть. Да что іе, чадо, блаженѣе того; понеже младеньцъ пріемлеши, пріемлеши Христа, духъмь же пріемлеши Отца іего. Да что іесть, чадо, оунеіе того или свѣтлѣіе, или, чадо, твори добро: іелико бо младеньцъ приіемлеши ѿ святаго крещеніа, то ти преди поидуть предъ душею твоіею до вратъ небесныхъ, честь тебѣ творѧще великому, и многъ стоудъ въздоушнымъ бѣсомъ въ днь онъ, іегда ѡставиши житиіе своіе и преидеши къ владыцѣ въ радости велицѣ, стоіальца бо дьржать ангели въ младеньцъ мѣсто, и преди поидоуть предъ лицемь твоимь въ день онъ до престола Божиіа и покоища, чтоущаіа тѧ, имь же тѣми младеньци Христа пріялъ іеси, и почьлъ; дѣвица бо іесть коупѣль, а дьржить Христа самого на роукоу, и нарицаішисѧ ты Симеонъ приіемлѧ Христа въ младеньцѣхъ.)

Замѣчательно тоже, по отношенію къ послѣдующимъ вѣрованіямъ, укоренившимся у насъ, пророчество Нифонта о томъ, что въ послѣдующія времена перестанутъ являться святые и не будутъ происходить чудеса, но тѣмъ не менѣе, святые угод-

ники не переведутся на землѣ, а только укроются предъ свѣтомъ. Это мѣсто, записанное въ разныхъ видахъ въ рукописныхъ сборникахъ, повторялось нашими старообрядцами, нехотѣвшими признать святости причисленныхъ къ лику святыхъ послѣ никоновской реформы богослуженія:

«Прошу тебя, отче, повѣдать мнѣ: умножатся ли святые до нашего времени по всему міру, въ добрыхъ подвигахъ подобные Антонію, Иларіону, Симеону и любимому Павлу и инымъ, которыхъ Богъ вѣдаетъ и очи Его зрятъ? Отвѣчалъ ему: святые не оскудѣютъ до скончанія вѣка; но въ послѣдніе дни укроется отъ людей праведная жизнь богоугодниковъ во смиреніи, и явятся въ царствіи Божіемъ *выше* чудоносныхъ отецъ; ибо тогда не будетъ никого творящихъ чудесъ предъ лицами ихъ.»

(Воле, отче, повѣжь ми: до нынѣшнѧго соуть ли сѧ оумножили святи по всемоу міроу днесь въ добрѣ подвизѣ и нарочита имена ихъ, ихъ же пьрвыи іесть Антонии, Иларіонъ и Симеонъ, и любимыи Павелъ пресвятыи; и ини мнози, іаже Богъ вѣсть и очи іего видита? Глагола іему святыи: до скончаниіа вѣка не оскудѣють, нъ обаче въ послѣднѧіа дни съкрыються ѿ человѣкъ, Богоугоднѣ въ смѣрении же просто вышьше чюдоносныхъ отець іавѧтьсѧ, въ царьствии Божиимь, понеже тъгда не боудеть никого же творѧща предъ очима ихъ чюдесъ.)

Особенное значеніе получило въ повѣсти Нифонта то мѣсто, гдѣ разсказывается видѣніе бѣсовъ, побуждавшихъ людей на свѣтскія удовольствія, на игры и пѣсни; причемъ блаженный видѣлъ, какъ бѣсъ укралъ изъ кармана у скомороха монету и понесъ ее на показъ къ сатанѣ. Это мѣсто во множествѣ нашихъ рукописныхъ сборниковъ называется «слово св. Нифонта о Русальяхъ». Оно напечатано въ памятникахъ старинной Русской литературы по списку XIV вѣка. Хотя въ спискѣ XIII вѣка есть нѣкоторыя отличія, но не столько важныя чтобы здѣсь приводить снова все это слово. Слѣдуетъ замѣтить, что въ повѣсти нѣтъ вовсе прибавленія о *Русальяхъ* и самое это имя не упоминается; очевидно, что, впослѣдствіи, проповѣдники, заимствовавъ этотъ отрывокъ изъ переводной повѣсти, прилагали

его къ другимъ явленіямъ жизни. Но приведемъ здѣсь другое, стольже оригинальное видѣніе огромнаго полчища бѣсовъ и выступленія противъ нихъ святыхъ ангеловъ, подобіе земной войны между духами. Это видѣніе указываетъ Нифонту самъ Господь. По его повелѣнію, Нифонтъ «узрѣлъ чувственными очами мѣсто ровное, въ ширину и долготу неизмѣримо большое, и на этомъ мѣстѣ стояло множество муриновъ; очень черны были ихъ лица; стояли чины и полки ихъ страшные, во множествѣ; одинъ изъ нихъ былъ огненный и мрачный, и онъ много кричалъ и перебиралъ воиновъ своихъ, и раздавалъ приказанія князьямъ своимъ, дабы они съ большимъ прилежаніемъ приступали къ брани, и такъ имъ говорилъ: сила моя съ вами будетъ; взирая на меня, ихъ небойтесь! И стояли они отрядами по числу каждаго грѣха въ ополченіи, и пришли другіе бѣсы съ оружіемъ изъ ада, и каждый полкъ былъ въ различной одеждѣ, цвѣтъ и покрой одежды для каждаго полка, и всѣхъ полковъ было 365, ибо столько существуетъ страшныхъ грѣховъ, которыми мы, окаянные люди, прогнѣвляемъ Бога, не разумѣя этого. Когда лукавые бѣсы взяли свои оружія и приготовились идти, тогда злый началъ пересмотръ полковъ своихъ и каждому давалъ чародѣйскіе составы, и пускалъ полки на всякое утвержденіе Христовыхъ церквей и на весь міръ. Была же и темному князю ихъ нѣкоторая тревога и недоумѣніе на то время, и когда хотѣлъ пустить своихъ подчиненныхъ на ѳракійскую землю, то говорилъ: нѣтъ у меня силы противъ дѣвицы Маріи идти на Византію, ибо она приняла въ свой жребій этотъ городъ, и не отступаетъ отъ него никогда, приходитъ лично и явно, и ободряетъ тамошнихъ назарянъ и подвигаетъ ихъ не поддаваться побѣдѣ надъ собою. Сказавъ это, онъ ревнулъ и избралъ себѣ тридцать тысячъ бѣсовъ и припустилъ на помощь къ ѳракійскому ополченію и особенно бѣсился на Византію. Когда блаженный это видѣлъ, тогда былъ къ нему гласъ: Нифонтъ! Нифонтъ! обратись къ востоку и смотри! Праведникъ же удивлялся, видя ухищреніе непотребныхъ бѣсовъ, и, услышавъ гласъ къ себѣ, обратился на востокъ и увидѣлъ: поле шире и

длиннѣе прежняго, и озарялъ его невыразимый свѣтъ, и стояли на немъ особы какъ снѣгъ бѣлыя, и было ихъ еще болѣе, чѣмъ прежде черныхъ; были они величественны и прекрасны, стояли въ ополченіи на тысячи числъ, и нѣкто прекрасный, выше всѣхъ ростомъ и красотою, повелѣвалъ пречистыми полками невидимаго Бога, приказывая имъ помогать христіанамъ и хранить житіе ихъ. Такъ говорилъ онъ, и говорилъ много о другомъ страшномъ и величественномъ, и пустилъ чины свои и все войско Христовыхъ церквей, и отправилъ на брань шестьдесятъ тысячъ, а прочихъ всѣхъ отпустилъ, а самъ взошелъ на небеса. Блаженный же, видя такое преславное чудо, покивалъ головою, размышляя, какъ много совершается тайнъ надъ людьми отъ человѣколюбца Бога нашего, а мы не разумѣемъ этого.»

(Узрѣ чювьствьными очима и се бѧше мѣсто равно ширыню и дълготу имы безмѣрноу, и на томъ стоіаше множьство мюринъ, зѣло чьрна лица ихъ, стоіахоу же чинове и пълци страшни множьство ихъ; іединъ ѿ нихъ бѧше акы огнѧнъ мрачьнъ зѣло, и тъ имѧше много тщаниіе кліча іа, и смоущаіа и пробираіа и чьтыі воіа своіа и запрещениіе творѧ кнѧзьмъ своимъ, да съ прилежаніемь многъмь и тщаниіемь начноуть брани, и сице глаголѧ к нимъ: сила моіа с вами боудеть, і на мѧ взирающе не бойтесѧ ничесоже. И іако же стоіахоу число числомъ когождо грѣха въпълчивъшесѧ, и се придоша друзии, и бѣси носѧше ѡроужиіе ѿ ада, и ѡдежа различными видѣнии комуждо пълкоу, чисмѧ же различныхъ широтъ и лицъ ѡдежа ихъ в кыи пълкъ въчитаіема бѧше въ чисмѧ и въ число, іакоже бѧше пълковъ 300 и 60 и 5, понеже толико іесть страшныхъ грѣхъ, іакоже глаголаше, ими же оканьнии чловѣци прогнѣваемь Бога и не разоумѣемь. Едва взѧша лоукавіи бѣси ѡроужиіа свои и оуготовашасѧ ити, абиіе нача злии раздроушати пълкы своіа, и вдаіа имъ чародѣйска сътворениіа комуждо врѣдо у пълкъ, поущаше на всѧко оутверженіе Христовымъ церквъ и на вьсь міръ; бысть же и кнѧзю ихъ тьмьномоу подвигъ нѣкакъ, и недоумѣнии въ тъ часъ, и іегда хотѧще поустити на землю Трачьску сдѣлникы своіа, и глаголаше: іако не имамъ силы таковы къ дѣвици Марии въ

Воузѧтыню (Византіи), понеже бѣ та приіала жрѣбии и градъ сии и николи же іего не ѿстоупаіеть, самовидно очивѣсть приходить, и тоу соущаіа назаріанъ окрылѧіеть, паче же подвижникы не дадоущемъ ими побѣжатисѧ. Си рекъ рыкноу, и избравъ себѣ 30 тысоущь бѣсовъ, и припоусти посилиіе къ тьмѣ тракстѣ, наипаче бѣсѧсѧ на Оузѧтнию. Си блаженомоу видѧщю, бысть пакы гласъ к немоу, глаголѧ: Нифонте, Нифонте, обратисѧ на въстокъ и віжь! праведныи же бѣ дівѧи, зрѧ непотребныхъ бѣсовъ оухыщрениіа; бывшю же гласу к немоу и обратисѧ на въстокъ, и видѣ, и бѣаше поле въ ширину и въ дьлготу паче оного, свѣтъ же на немъ безмѣренъ, и стоіаху на немъ нѣцыи іако снѣгъ бѣли, паче множьства чьрныхъ; бѧхоу же славни и красни, стоіахоу въоплъчени на тысоуща и тьмы, и нѣкто красьнъ видьмь вышнихъ върстою и добротою повелѣваше въ пречистѣхъ пълцѣхъ невидимаго Бога, запрещаіа имъ помогати крьстьіаномъ, и хранити съ милостію житие ихъ. Си рекъ, ина страшьна и преславна, и поусти чины и ликы и вскы тьмы Христовыхъ цьрковъ и царства, припоусти божественныи прилогъ на страсти же тракиіево ликъ и тысоущь 60 и прочеіе всѧ ѿтпусти воиньства своіа, красныи тъ, и възиде на небеса. Блаженыи же въ себѣ бывъ, о видѣніи чюдасѧ предивнымъ чюдесьмъ, кываіа главою своіею, и колико тайныхъ бываеть в насъ чловѣцѣхъ ѿ человѣколюбца Бога нашего, а мы не разоумѣіемъ).

Обращаясь запросто въ духовномъ мірѣ, Нифонтъ, разсказываетъ видѣніе суда надъ душами умершихъ, какъ ангелы спорятъ за нихъ съ бѣсами, какъ бѣсы, теряя свою добычу, жалуются, что ихъ труды пропали, когда покаяніе смываетъ съ грѣшника содѣянное преступленіе. Эти образы, вмѣстѣ съ видѣніемъ Өеодоры и Василія Новаго, служили для воспитанія въ нашемъ народѣ представленій о загробной жизни. Восходя болѣе и болѣе по ступенямъ духовнаго созерцанія, Нифонтъ видитъ самаго Христа окруженнаго ангелами. Послѣ долгаго странствія по цареградскимъ церквамъ, Нифонтъ увидѣлъ однажды стадо овецъ и апостола Павла, который предлагаетъ ему пасти этихъ овецъ и возвѣщаетъ, что онъ будетъ избранъ епи-

скопомъ. Нифонтъ, по смиренію, убѣгаетъ изъ Константинополя въ Александрію, но туда приходятъ изъ Кипра просить патріарха о назначеніи новаго епископа на мѣсто скончавшагося. Патріархъ Александръ указываетъ на Нифонта. Отклонявшись долго всѣми силами, Нифонтъ, наконецъ, подчиняется высшей волѣ, посвящается въ епископы и уѣзжаетъ въ Кипръ. Онъ правитъ достойно своею паствою. Безразсудный бѣсъ, преслѣдовавшій его нѣкогда, вздумалъ было явиться на новыя искушенія, но святой сдѣлался недоступенъ искушенію, и самъ сталъ такъ грозенъ для бѣса, что бѣсъ униженно просилъ у него пощады. Незадолго передъ кончиною, Нифонтъ видитъ образы благочестиваго и грѣшнаго житія, въ видѣ двухъ женщинъ; видѣніе это изображено очень поэтически. Скоро послѣ того высшее откровеніе извѣщаетъ его о близкой кончинѣ, и блаженный спокойно переселяется въ нескончаемую жизнь. Ничѣмъ приличнѣе не можемъ завершить нашихъ выписокъ изъ повѣсти о Нифонтѣ, какъ показавши, что извѣстное вѣрованіе, будто во время зѣвоты бѣсъ садится человѣку на губу и дѣлаетъ ему пакость (для чего благочестивые перекрещиваютъ себѣ ротъ), имѣетъ большое сходство съ однимъ изъ послѣднихъ искушеній, съ которыми бѣсы напрасно подъѣзжаютъ къ блаженному. Собралось нѣсколько бѣсовъ; они поочередно стараются навести на старца зѣвоту, но праведникъ знаетъ, что это угодно бѣсу, крѣпится съ достоинствомъ, ни разу не зѣвнулъ и посрамилъ бѣсовъ....

«Видѣлъ я разумнаго мужа, который почувствовавъ знаменіе, бывающее отъ бѣсовъ, зарекся не зѣвать никогда: но узнали лукавые бѣсы, что онъ крѣпится чтобъ не зѣвнуть и не потягиваться, сотворили на него крѣпкую брань, а онъ мужественно сопротивлялся имъ, не поддаваясь ихъ хотѣнію; и смѣшно было смотрѣть, какъ бѣсы, одинъ за другимъ, покушались на него, какъ бы его соблазнить, но сами изнемогали и отходили отъ него съ гнѣвомъ, не въ силахъ сдѣлать надъ нимъ ничего себѣ угоднаго. Какъ не посмѣяться надъ немощью пронырливыхъ нечистыхъ бѣсовъ! на перемѣну къ нему приходили

въ день по тридцати бѣсовъ—и не было силъ у нихъ. И праведникъ говорилъ мнѣ объ этомъ, веселясь о Господѣ, и никто никогда не видалъ, чтобъ онъ потягивался, либо зѣвалъ, и возвращался отъ него въ добромъ смиреніи и поклоненіи Господу Богу своему. Всегда онъ говорилъ: злой вредъ человѣку зѣвота; кто задумавшись искусится этимъ и отверзаются его уста,—и оный, омраченный (т. е. бѣсъ), тьму готовитъ душѣ, отгоняя у зѣвающихъ смыслъ на безмѣрное разслабленіе».

(Видѣхъ моужа разоумьна, иже почювъ знамение ѿ бѣсъ бывающее, никакоже не зияти, но увѣдавше же іего лоукавии бѣси крѣпящаса яко ни проляцатиса, ни зиати, брань нань створиша крѣпкоу; онъ, же моужьскы противлашеса имъ, не попоуща хотѣнию ихъ, и бѣ видѣти смѣху достоины стражущіа, дроуга по дроузи покоушахоуса нань, хоташе и превратити; изнемогающе же и възвращающеса гнѣвахоуса, не могоуще ничесоже годьныхъ себе створити на немь; кто же ли не посмѣіеть немощи пронърливыхъ бѣсовъ нечистыхъ, измѣновахоу бо са к немоу на день акы до три идесать бѣсовъ, и не баше силы в нихъ! И си глагола праведникъ мнѣ, веселашеса о Господи; николи же бо іего видѣ никтоже ни пролацающаса, ни зѣюща, ѿ него же са възврати къ Господоу Богоу своіему въ добрѣмь смѣреніи и покланании; глаголаше бо присно: злыи вредъ іесть человѣку зиаnиіе; да иже са тѣми прельщають ѿ примыслиіа нѣкоего, ѿвьрзаютьса оуста іего, онъ же омраченныи тьмоу готовить души, а смыслъ ѿгона зияющихъ на разслабление безмѣрно).

Такова повѣсть, имѣвшая вліяніе на образованіе нашихъ народныхъ представленій, вѣрованій и убѣжденій.

1860.

ЛЕГЕНДА

О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ.

ЛЕГЕНДА
О КРОВОСМѢСИТЕЛѢ.

Ой що-то за світъ е,
Що синъ матусю бере?
Піди, мати, утопись,
А я піду въ темний лісъ:
Нехай мене звірь изъість!
(Малороссійская пѣсня).

Встарину люди были благочестивѣе нынѣшнихъ. Когда христіанская вѣра у насъ только что водворялась, великая сила духовной жажды спасенія и крѣпость воли производили высокія явленія самоотверженія и борьбы человѣка съ собою. Въ лѣсахъ и дебряхъ проживали отшельники, постники, пустынножители, презрѣвшіе красоту мірскую, денно и нощно помышлявшіе о великой минутѣ отвѣта предъ справедливымъ Судіею и прилежными молитвами искупавшіе грѣхи міра, съ котораго еще не сошли ночныя тѣни язычества. Въ эти давнія времена, когда нашею землею правили князья, стоялъ въ пустынѣ монастырь. Одинъ изъ чернецовъ возжелалъ, ради совершеннаго безмолвія и тишины, создать себѣ келью въ лѣсномъ ущельѣ и только въ праздники приходилъ въ обитель къ богослуженію, а въ прочіе дни скрывался въ уединеніи, въ постѣ и бдѣніи, поддерживая плотское естество единою просфорою и чашею воды,

да кореньями и плодами, воздѣлываемыми трудами честныхъ рукъ своихъ. Въ какомъ мѣстѣ это происходило — трудно сказать: тогда много было такихъ отшельниковъ; но тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, по преданію, жилъ гдѣ-то близъ Дуная. Не должно, однако, думать, чтобъ это былъ тотъ Дунай, который, вытекая изъ нѣмецкой страны, омываетъ пышную землю славянъ, нѣкогда общую колыбель нашихъ предковъ, гдѣ теперь наши единоплеменники спятъ подъ тяжелою давкою нѣмецкой и турецкой иноплеменности, осужденные въ продолженіи многихъ вѣковъ, какъ двѣнадцать дѣвъ Громобоя, на мгновеніе приподыматься, обращать мутные взоры къ сѣверу, умоляя о снятіи съ нихъ православнымъ крестомъ вѣковаго оцѣпенѣнія и со вздохомъ воскликнувъ: нейдетъ, нейдетъ спаситель! снова повергаться въ тяжелый полусонъ. Нѣтъ, это не тотъ Дунай. Правда, знакомое нашему народу имя занесено съ береговъ настоящаго Дуная, но теперь оно уже утратило свое первоначальное значеніе, перестало быть собственнымъ названіемъ и стало нарицательнымъ именемъ вообще всякой большой рѣки.

Но гдѣ бы это ни происходило — довольно того, что жилъ, какъ мы сказали, въ уединеніи отшельникъ. Какъ онъ ни старался укрыться отъ человѣческихъ взоровъ, его подвиги и добродѣтели не остались невѣдомы свѣту. Толпы богомольцевъ, особенно новокрещенцевъ, всегда ревностнѣйшихъ христіанъ, безпрерывно посѣщали его, ради благихъ совѣтовъ и очищенія совѣсти. Никому онъ не отказывалъ въ духовномъ брашнѣ; многіе нетвердые въ вѣрѣ, укрѣпились его проповѣдью; многіе жестокосердые исходили отъ него со слезами покаянія и обращались на путь истины.

Однажды явился къ нему юноша и сказалъ:

«Святый отче! Есмь толикій грѣшникъ, какого еще и солнце не видѣло. Если я не провалился сквозь землю подобно Авирону и Дафану, то это, конечно, оттого, что земля усрамляется принять въ свои нѣдра такое исчадіе грѣха, и только удивительному милосердію Божію приписать слѣдуетъ то, что люди

остаются живы, прикоснувшись стопами къ слѣдамъ моихъ ногъ».

— Что сотворилъ ты? вопросилъ его спокойно старецъ.

«Я убилъ своего отца и смѣсился съ своей матерью».

— Повѣдай мнѣ, какъ сіе случилось—рекъ ему старецъ совершенно спокойно; и сіе спокойствіе поразило грѣшника: онъ въ первый разъ еще встрѣтилъ его въ духовномъ отцѣ, а уже ко многимъ обращался.

Онъ началъ повѣствованіе своей жизни.

На полночь отъ васъ есть страна, упорно коснѣющая во мракѣ идолослуженія. Въ сей странѣ нѣкогда воцарился юный князь, ревностный служитель тьмы и лести. Онъ поялъ себѣ юную супругу, дщерь сосѣдняго князя, съ которымъ родъ его долго былъ въ враждѣ; съ нимъ теперь онъ примирился и для крѣпости примиренія сочетался съ дщерью бывшаго врага. Еще въ дѣтствѣ просвѣтилась жена его свѣтомъ истинной вѣры, но, видя упрямство супруга, таилась отъ него. Княгиня понесла во чревѣ и, по исполненіи времени, родила младенца мужскаго пола. Князь призвалъ волхва и спрашивалъ о судьбѣ сына. «Неизглаголанная, страшная судьба ожидаетъ твое дѣтище»! сказалъ ему волхвъ. «Будетъ изъ него такой злодѣй, какого еще и на свѣтѣ не было. Онъ умертвитъ своего отца и смѣсится съ своею матерью». Услыша такое пророчество, князь повелѣлъ бросить свое чадо на съѣденіе лютымъ звѣрямъ; но мать, по врожденному матернему сердоболію и притомъ яко христіанка, не хотѣла губить своего первенца, сотворила собственными руками ковчежецъ, положила въ него младенца, а на грудь ему возложила книгу—евангеліе, тайно писанное своею рукою, и пустила въ Дунай, приговаривая: «О! Дунай, рѣка великая! твоимъ волнамъ повѣряю я несчастное дитя свое! Взлелѣй его, всколыхай и доставь добрымъ людямъ, а ты, святое, честное евангеліе, охраняй его въ пути своею силою»! — Не день, не два плылъ ковчежецъ по Дунаю, заплылъ въ далекую землю и присталъ къ стѣнамъ святаго монастыря. Тогда вышелъ на берегъ за свѣжею водою чернецъ, открылъ ковче-

жецъ, увидѣлъ младенца, взялъ на руки и сказалъ:—се Божій даръ! Я воспитаю его яко сына, научу истинѣ евангелія, съ нимъ же обрѣлъ его, и содѣлаю причастникомъ вѣчнаго царствія Божія. Онъ омылъ его банею крещенія и воспитывалъ какъ духовное чадо, готовя не для суетныхъ благъ и горестей преходящаго міра, но для тихаго монашескаго житія. Это былъ я.

Богъ одарилъ меня свѣтлымъ уразумѣніемъ. Я скоро научился грамотѣ и сталъ чести книги борзѣо прочей братіи, своихъ сверстниковъ, отроковъ, которыхъ отдавали въ монастырь для наученія; ктому еще явился я изряднымъ сладкопѣвцемъ паче всѣхъ клирошанъ той обители. Такое преуспѣніе возбудило въ сверстникахъ зависть. Всякими путями они меня гнали, оскорбляли, пакости мнѣ дѣлали, поругались мнѣ, дышали на меня злобою, паче же укоряли меня неизвѣстностію моего рода и даже возносили клевету на духовнаго моего отца, говоря, будто бы я сынъ его не духовный, а плотскій, рожденный имъ блудно.

Я сталъ вопрошать своего наставника, и онъ повѣдалъ мнѣ тайну моего нахожденія.

Такъ достигъ я осьмнадцатилѣтняго возраста. Долго терпѣлъ я и переносилъ злобу сверстниковъ смиреніемъ, но мои гонители не оставляли меня въ покоѣ и, казалось, чѣмъ болѣе былъ я кротокъ и незлобивъ, тѣмъ язвительнѣе желали они досадить мнѣ. Исполнилась, наконецъ, мѣра моего терпѣнія; я приступилъ къ своему воспитателю и возопилъ:

— Отче! Не могу долѣе жить въ обители. Дай мнѣ оное Евангеліе, съ имъ же ты нашелъ меня: иду искать своихъ плотскихъ родителей.

«Безумствуешь, чадо!» рекъ мнѣ благочестивый отецъ и хотѣлъ мудрыми увѣщаніями отклонить меня отъ намѣренія. Но я не слушалъ его.

«Силою оставлять тебя не стану, рекъ онъ со вздохомъ: — возьми свое Евангеліе и иди».

И я исшелъ изъ монастыря. «Узрѣлъ я на Дунаѣ судно и во

просилъ: куда плыветъ оно? Мнѣ отвѣчали, что плыветъ оно въ верхнія страны съ товарами. Я просилъ взять себя.—Сребра и злата у меня нѣтъ, сказалъ я: — убогій человѣкъ есмь; платы дать не могу; но я младъ и здравъ: буду трудиться и творить вся, что повелите.—Меня приняли, посадили съ гребцами и дали въ руки весло. Гребцы начали со мною бесѣду и, увидѣвъ у меня святое Евангеліе, вопрошали: чему учитъ сія книга? Я отвѣчалъ, что святое Евангеліе учитъ достигать вѣчнаго блаженства и нескончаемой жизни. Сіи гребцы были крещены, но почти ничего не вѣдали ни объ ученіи святой церкви, ни о ея событіяхъ. Я сталъ имъ повѣствовать о земной жизни Христа Спасителя, о странствіи его учениковъ; поучалъ спасительнымъ правиламъ всецѣлой вѣры; и рѣчь моя столь была пріятна ихъ слуху и сердцу, что они не радѣли о трудѣ и точію слушали меня, проливая слезы умиленія. Владыка судна, уразумѣвъ, что гребцы работаютъ худо, а болѣе внимаютъ моей рѣчи, началъ укорять меня и ихъ, но когда узналъ, что я не увеселяю суетными баснями, а возвѣщаю тайны спасенія, то ласковымъ взоромъ воззрѣвъ на меня, рекъ: «великое далъ тебѣ Господь дарованіе; не подобаетъ тебѣ пребывать въ семъ черномъ трудѣ; иди, сядь съ нами, да насладимся твоею бесѣдою.» То былъ благочестивый купецъ, роду греческаго; полюбилъ онъ меня. Плылъ онъ съ греческими товарами къ единому христіанскому князю, котораго градъ красовался на берегу Дуная. «Князь, къ нему же путешествуемъ, рекъ онъ, христолюбивъ и щедръ, и великій милостивецъ къ христіанамъ, наипаче же къ такимъ, каковъ ты юноша. Онъ приметъ тебя ласково и ты поживешь у него благоденственно и честно.»

По четырехъ дняхъ плаванія, достигли мы желаннаго града. Господинъ судна вступилъ въ теремъ къ князю, вручилъ ему товары, повѣдалъ обо мнѣ, потомъ привелъ меня къ нему, и рекъ: «Благословеніе Божіе надъ симъ юношей. Едва только пухъ началъ покрывать его ланиты, а онъ уже свѣдущѣе старцевъ». Князь поцаловалъ меня и спросилъ: кто я? Я же, плѣненный тѣмъ, что вошелъ въ чертоги сильнаго міра, не повѣ-

далъ ему о себѣ всей истины, а сказалъ только, что воспитывался въ монастырѣ и теперь гряду проповѣдывать слово Божіе.

— Ты будешь имѣть желанный случай явить свою проповѣдь, сказалъ князь.—Юнъ ты, но Господь умудряетъ младенцевъ. Подобаетъ тебѣ вѣдать, что наполночь отъ моего княженія есть иное княженіе, погруженное во мракъ упорнаго идолослуженія. Князь его лютъ и звѣронравенъ. У него, посреди града, стоитъ высокій деревянный идолъ, ему же поклоняются въ слѣпотѣ своей люди и не токмо не разумѣютъ, что дѣло рукъ человѣческихъ, древо безсловесное, не можетъ ихъ спасти, но приносятъ ему въ жертву сыновей и дщерей человѣческихъ, наипаче же досаждаютъ христіанамъ и умерщвляютъ ихъ, проливая святую кровь предъ окаяннымъ идоломъ. Помимо всякихъ гоненій, вѣра христіанская расширяется въ его княженіи, но чѣмъ болѣе увеличивается число вѣрующихъ, тѣмъ неистовѣе гонитъ истину и чадъ ея злобный мучитель. Въ послѣдніе дни онъ не токмо мучилъ своихъ подвластныхъ, но клятвопреступно и беззаконно плѣнилъ нашихъ людей, прибывшихъ, купли ради, въ его землю, посадилъ ихъ въ порубъ, нудитъ отречься отъ Христа и поклониться идоламъ, и угрожаетъ принести ихъ въ жертву богу своему. Я избираю тебя, юноша, ради твоего разума и дара слова: убѣждай его отпустить людей моихъ; когда же онъ станетъ упорствовать, то объяви ему рать отъ моего имени.

Повелѣніемъ князя, моего благодѣтеля, совлекся я монашеской одежды и облекся въ свѣтлыя одежды княжескаго отрока и мечь при бедрѣ препоясалъ. Князь придалъ мнѣ дружину, и отплыли мы на судахъ въ темное княженіе.

Приближаясь къ невѣрному граду, узрѣли мы на брегѣ великое множество народа всякаго чина и возраста отъ мала до велика; возвышался помостъ, на немъ стоялъ деревянный кумиръ. Когда же мы вступили на брегъ, то предстало моему взору печальное зрѣлище многихъ человѣкъ,—мужей, женъ и дѣтей,—связанныхъ и лежащихъ на землѣ и отъ страха, какъ листвіе, дрожащихъ. «Между сими злосчастными и наши люди».

сказали мнѣ мои спутники.—«Нынѣ у нихъ треклятое, мерзостное празднество и се проливается кровь неповинныхъ агнцевъ.»

Тогда, какъ бы свыше озаренный свѣтомъ небеснымъ, наитіемъ Его духа вдохновенный и окрѣпленный священнымъ дерзновеніемъ о Господѣ, воззрѣлъ я на множество народа и возопилъ:

— О несмысленные, о слѣпые и безумные! Что творите? Почто почитаете безсловесное древо творцемъ и могущимъ повелителемъ вашимъ и проливаете звѣрски кровь своей братіи? Воистину, не люди вы, но звѣри дикіе, хищные. О жестоковыйные невѣгласы! Придите въ чувствіе, прозрите, слѣпцы! Богъ посылаетъ меня для вашего вразумленія! Аще сей деревянный идолъ—богъ, пусть онъ защититъ себя отъ моего меча. Зрите.

Я вскочилъ на помостъ и ниспровергъ идола, ударилъ его по головѣ мечемъ и разсѣкъ подобіе главы его на полы.

— Зрите же, безумцы, каковъ богъ сей. Опровérженъ, посрамленъ, пораженъ въ главу, безсиленъ отомстить за себя и наказать меня! Поклонитесь же единому, истинному Богу, въ селеніяхъ горнихъ живущему, вездѣсущему, сотворившему небо и землю, дающему всему жизнь и дыханіе, въ трехъ лицахъ славимому!

Тогда всѣ, уже исповѣдывавшіе истинную вѣру, но таившіеся страха ради княжескаго, какъ бы единымъ сердцемъ и едиными устами возопили:

«Слава, честь и благодареніе въ Троицѣ славимому Богу! Буди благословенъ приходъ твой, мужъ правды, юноша, посланникъ неба, яко святый Георгій, поразившій сего лютаго змія, и показавшій намъ свѣтъ Христовъ!

Тогда многіе изъ поклонниковъ нечестиваго идола, видя его лежащаго, обезглавленнаго и безмолвно поруганіе терпящаго, возопили:

— Воистину сей чужеземецъ открываетъ намъ очи! О темное наше неразуміе! Мы мнили быть богомъ сего идола, а онъ не могъ постоять за себя. Не богъ онъ, а болванъ бездыханный; какъ теперь въ немъ нѣтъ дыханія, такъ и прежде не было!

Но толпа стала разступаться. Князь, подобный лютому льву, кипя яростію и злобою, съ обнаженнымъ мечемъ, несся ко мнѣ и въ изступленіи вопіялъ:

«Рабы непокорные! Какъ дерзаете противиться моему велѣнію? Почто преклоняете слухъ къ рѣчамъ сего иноземца? Имите его, свяжите его, да предастся онъ мукамъ несноснымъ и невыразимымъ!» Но народъ стоялъ въ оцѣпененіи и токмо немногіе съ княземъ подвигались на меня.

— Народъ, ослѣпленный мракомъ! сказалъ я: если мало для тебя свидѣтельства сего попраннаго идола, то да совершится новое для твоего прозрѣнія. Князь вашъ искусенъ въ браняхъ, азъ же юнъ и невѣдущъ. Симъ мечемъ я отражу удары его во свидѣтельство истины моей вѣры. Аще побѣдитъ онъ меня, то да будетъ слово мое ложь и правдива вѣра его; аще же одолѣю азъ, то да погибнутъ идолы и да прославится Христосъ Искупитель. О мучитель нечестивый! Кровопійца лютый! Предъ лицомъ всего народа призываю тебя къ единоборству: побѣда единаго отъ насъ будетъ торжествомъ единой изъ вѣръ нашихъ!

Съ распаленнымъ зракомъ, какъ драконъ огнекрылатый, летѣлъ на меня князь. Я отразилъ его ударъ. Наши мечи извергали искры и наполняли воздухъ звуками. Безмолвно, въ страхѣ ожиданія, позоровалъ народъ на бой нашъ. Наконецъ, я выторгъ мечъ изъ рукъ сопостата и поразилъ его въ грудь. Крѣпкій мѣдный панцырь распался и кровь заструилась. Онъ палъ. Я наступилъ на него ногою.

«Побѣдитель, пощади!»—произнесъ побѣжденный.

— Гибель человѣкоядцу! воскликнулъ я, отсѣкъ ему главу и низпровергъ съ помоста.

«Слава единому въ Троицѣ славимому Богу, скорому помощнику въ бранѣхъ. Великъ Богъ христіанскій!» восклицалъ народъ. И я, оглушаемый похвалами и величаніями, сошелъ съ помоста.

Тогда подошелъ ко мнѣ бѣловласый старецъ съ животворящимъ крестомъ, осѣнилъ меня и рекъ:

«Благословенъ приходъ твой! Я служитель истиннаго Бога.

Какъ Давидъ отъ Саула, скрывался я отъ мучителя и тайно, въ подземномъ убѣжищѣ, совершалъ божественную службу, питая вѣрныхъ истиннымъ брашномъ и питіемъ. Нынѣ да возсіяетъ церковь Божія и воззиждутся честные и благолѣпные храмы! Нынѣ да будетъ всѣмъ вѣдомо, что самая честная княгиня наша нелицемѣрнымъ смысломъ исповѣдывала святую вѣру, но таилась, страшась кровопійцы—супруга. Се грядетъ она.»

И я узрѣлъ грядущую къ себѣ жену, не юную, но сіяющую необычайнымъ благодушіемъ и лѣпообразіемъ.

— Да будетъ, рекла она: — благословенно имя Господа, пославшаго намъ тебя, мужественный, несравненный пришелецъ! Божіимъ судомъ ты покаралъ мучителя, моего супруга, причинявшаго мнѣ двадесять лѣтъ несказанныя скорби. Нынѣ да восторжествуетъ въ княженіи семъ святая вѣра, которую съ юности я сохраняла въ сердцѣ. Нынѣ да радуется небо, да веселится земля, да ужасается преисподняя! О люди мои! Не медлите! да содѣлается Дунай купелію крещенія вашего!

«Крещенія! Крещенія!» воскликнуло множество народа.

Тогда собрались градскіе бояре, людскіе старцы и сотворили вѣче и рекли:

«Князя у насъ нѣтъ; но не подобаетъ намъ оставаться безъ новаго князя. Кому же подобаетъ княжить надъ нами, какъ не тому, кто, будучи посланъ намъ отъ неба, явилъ изрядное свидѣтельство мудрости, мужества и доблести, дерзновенно избавилъ край и страну нашу отъ злаго мучителя, и добрымъ подвигомъ, принося въ жертву за насъ себя самого, открылъ темнымъ очи и привелъ насъ къ познанію Бога? По обычаю отцовъ нашихъ, избираемъ его княземъ нашимъ, и да будетъ ему супружница наша добрая княгиня».

Затрепетало мое грѣшное сердце, обрадовался я предстоящей власти и мірскимъ сладостямъ брака. Старцы соединили мою руку съ рукою княгини, и я, предъ лицомъ всего вѣча, поклялся ей въ супружеской вѣрности, а народу въ любви и печалованіи о немъ. Священникъ совершилъ надъ нами обрядъ бракосочетанія и я возсѣлъ на столѣ княжескомъ и пріялъ жезлъ

управленія, и учредилъ пиръ веселый народу, отъ мала до велика; и было тогда общее утѣшеніе и радость, и ликованіе, и согласное благодушество.

По семи дняхъ, когда окончились брачныя пиршества, супруга стала меня вопрошать: кто я, и откуда есмь, и какого рода, и кто мои родители? Едва я возвѣстилъ ей повѣсть дней моихъ—смертная блѣдность покрыла ея чело. «Покажи мнѣ Евангеліе, которое найдено съ тобою»! произнесла она дрожащимъ гласомъ. Я подалъ ей евангеліе—и она упала безъ чувствъ на землю.

Недоумѣвая, бросился я къ ней и, какъ нѣжный супругъ, приводилъ ее въ память. Изнеможенная, съ блуждающимъ взоромъ, она поднялась и рекла:

«О ужасъ! О поношеніе! О страшная судьба! Свершилась наша гибель! Несчастный, знай: ты умертвилъ своего отца и сочетался бракомъ съ матерью! Я мать твоя; я нынѣ супруга твоя, подруга твоего брачнаго ложа, нѣкогда родила тебя на семъ самомъ ложѣ. О ужасъ! о ужасъ! Преступленіе твое предречено волхвами при твоемъ явленіи въ свѣтъ и отецъ твой велѣлъ бросить тебя лютымъ звѣрямъ на съѣденіе, а я, я предала тебя волнамъ Дуная. И вотъ, ты живъ, ты, мой сынъ, нынѣ осквернившій себя и меня кровосмѣшеніемъ! Прошло двадесять лѣтъ: мать обрѣла сына... и не можетъ прижать его къ материнской груди, не можетъ благословить его! Иди, иди несчастный, иди въ дебри и лѣса,—пусть тебя пожрутъ дикіе звѣри, пусть нынѣ исполнится повелѣніе отца твоего. А я, злосчастная, я отдамъ себя Дунаю, который сохранилъ тебя на мое и твое горе»!

Тщетно я хотѣлъ удержать ее отъ безумнаго намѣренія. Слова утѣшенія были слабы въ моихъ устахъ, когда сердце терпѣло несказанное мученіе. Она явилась на площадь, все повѣдала народу и низверглась въ волны Дуная.

Какъ разъяренная волна морская, народъ ринулся къ терему, алча предать меня смерти, но меня уже тамъ не было. Видя безумство матери, я убѣжалъ изъ града; я скитался по непрохо-

димому лѣсу, желая, чтобъ исполнилось заклятіе отца, повторенное чрезъ двадесять лѣтъ матерью: чтобъ единъ отъ звѣрей дубравныхъ растерзалъ меня. Вотъ, на встрѣчу ко мнѣ, грядетъ медвѣдь. Я говорю ему: звѣрь лютый! бери свое достояніе! Но медвѣдь приблизился ко мнѣ, восхрапѣлъ и, какъ будто чѣмъ-то устрашенный, побѣжалъ отъ меня вспять. О горе! сказалъ я: самые звѣри бѣгутъ отъ проклятія, на мнѣ тяготѣющаго!

Нѣсколько дней скитался я въ лѣсу, наконецъ прибылъ въ нѣкую весь. Немощь тѣлесная заставила меня вкусить пищи. Тутъ я узналъ, что мое событіе оставило ужасные слѣды въ моемъ княженіи. Мой народъ пожалѣлъ объ идолахъ; волхвы возмутили его, хулили христіанскую вѣру, толковали, яко бы она навлекла на нихъ такое посрамленіе, и несмысленныя толпы обращались снова къ идолослуженію, избранъ новый князь изъ среды боляръ и еще горше перваго сталъ гнать Христову вѣру; сѣмена ея, столь быстро мною посѣянныя, исторглись въ единый день; идолъ воздвигнутъ; кровь христіанская полилась потоками; всѣ прежде тайные, при краткомъ моемъ княженіи объявившіе о себѣ, христіане принесены въ жертву демону, и несчастный старецъ-священникъ, сочетавшій меня бракомъ съ матерью, умеръ въ ужасныхъ мукахъ. Я почувствовалъ весь ужасъ положенія, какое учинила надо мною судьба. Я покинулъ стѣны монастыря, дабы найти родителей и нашелъ. Но какъ? Отца подъ ударами моего меча, а мать на кровосмѣсительномъ со мною ложѣ. Я искалъ своего достоянія и нашелъ. Но какъ? Я возсѣлъ на столѣ отца и дѣда своего для того, чтобъ послѣ семи дней бѣжать и оставить имя свое на вѣчное проклятіе дѣтямъ и внукамъ подвластныхъ людей. Я принялъ на себя проповѣданіе вѣры и въ единый день обратилъ ко Христу тысячи новыхъ душъ, озарилъ свѣтомъ вѣры все свое княженіе, но для чего? Для того, чтобъ укрѣпилось въ немъ идолопоклонство и всѣ прежніе зачатки спасенія были бы исторгнуты съ самымъ корнемъ! Но я преодолѣлъ искушеніе лишить себя жизни. Христіанинъ—я сталъ размышлять о томъ, что нѣсть грѣха, кото-

рый бы не превозмогъ милосердіе Божіе.—Неужели, думалъ я—церковь не имѣетъ средствъ очистить мой грѣхъ тяжкимъ наказаніемъ и примирить съ Богомъ? Мой грѣхъ невольный. Я не хотѣлъ совершить того, что сотворилъ. Такъ размышлялъ я и прибѣгнулъ къ святой церкви. Пришелъ я къ священнику. Но увы! Какъ только я повѣдалъ ему о грѣхѣ своемъ, онъ отвратился отъ меня съ ужасомъ и сказалъ: Иди, бѣги отъ меня! Нѣтъ тебѣ покаянія! Я отошелъ изъ страны, гдѣ церковь не приняла меня, притекъ въ иную и явился къ чернецу, славившемуся благочестіемъ. Но и тотъ отвергъ меня съ ужасомъ. Три года я скитаюсь отъ монастыря къ монастырю, отъ храма къ храму, но нигдѣ не допускаютъ меня, не хотятъ даже внимать моей рѣчи; повсюду я слышу, что для такого грѣшника нѣтъ ни епитеміи, ни молитвы. Нынѣ прихожу къ тебѣ, святый отче! Умоляю наложить епитемію, которая бы могла очистить грѣхъ мой.

«Чадо мое»! сказалъ отшельникъ. — «Рожденный во мракѣ нечестія, ты совершилъ ужаснѣйшія злодѣянія, отъ которыхъ небо и земля долженствовали содрогаться. Господь избавилъ тебя отъ грядущаго зла и поручилъ своей церкви. Не терпя со смиреніемъ суетныхъ досажденій, ты легкомысленно оставилъ святую обитель; ты потекъ въ міръ искать земныхъ родителей, оставя Отца небеснаго и честнаго воспитателя, усыновившаго тебя Отцу небесному. Но милость Господня не покидала тебя и въ твоемъ странствіи. Господь послалъ тебѣ благодать ниспровергнуть идола и обратить къ христіанской вѣрѣ княженіе отцовъ твоихъ. Зачѣмъ же ты умертвилъ князя, когда онъ, побѣжденный тобою, просилъ пощады? Наипаче же зачѣмъ предался обаянію земныхъ благъ и пріялъ брачный союзъ, когда воспитатель твой съ дѣтства уневѣстилъ тебя Христу? Послуживъ князю міра сего, ты отдалъ себя въ его волю, и онъ повергъ тебя въ страшную бездну. Но благо тебѣ, что не отчаялся въ спасеніи и не оставилъ искать помощи у вратъ св. церкви. Я укажу тебѣ епитемію, тебя достойную».

Онъ вывелъ его въ поле и сказалъ:

«Сотвори, чадо, древянную храмину и возложи надъ нею высокій земляной холмъ, оставя токмо узкій входъ. Трудись и памятуй, что узкій входъ и тѣсный путь ведутъ въ животъ. Когда все сотворишь, приди ко мнѣ. Се тебѣ орудія». Онъ далъ ему изъ монастыря сѣкиру, пилу, гвозди и лопату.

Юноша срубилъ деревьевъ, обтесалъ ихъ, сотворилъ храмину, насыпалъ надъ нею высокую могилу и, послѣ тяжелыхъ трудовъ, когда все окончилъ, явился къ отшельнику.

Тогда святой отецъ принесъ въ уготованную грѣшникомъ пещеру налой и поставилъ на немъ просфору, единую красоулю воды, возженную восковую свѣчу и положилъ книгу: великій канонъ Андрея Критскаго, читаемый кающимся вѣрнымъ въ навечеріе первыхъ четырехъ дней первой седмицы великія четыредесятницы и въ ночь съ среды на четвергъ пятой недѣли, того же святаго времени.

Онъ рекъ:

— Читай сей канонъ и за каждымъ стихомъ произноси «помилуй, мя Боже! помилуй мя!» а вслѣдъ за тѣмъ клади земной поклонъ. Такъ читай и молись, доколѣ я приду.

Грѣшникъ сталъ предъ налоемъ, а отшельникъ прикрѣпилъ ко входу желѣзную дверь, заперъ ее замкомъ, потомъ закрылъ входъ землею и повергъ ключи въ Дунай.

Прошло десять лѣтъ. Въ монастырѣ преставился игуменъ. Вся братія отправилась къ отшельнику приглашать править обителью. Напрасно отшельникъ, любя безмолвное житіе, отрекался и просилъ освободить его отъ такого бремени. Братія умоляла его именемъ Бога, и отшельникъ, возведши горѣ взоры, рекъ: да будетъ воля Божія! и принялъ жезлъ управленія.

Подъ кроткимъ управленіемъ сего дивнаго, сіявшаго паче звѣзды восточной добродѣтелями и благомысліемъ мужа, процвѣтала обитель какъ кринъ райскій, и слава ея свѣтилась въ близкихъ и дальнихъ странахъ. Такъ прошло двадцать лѣтъ. Престарѣлый игуменъ, оканчивая уже сотый годъ своего честнаго житія, почувствовалъ, что Господь призываетъ его къ себѣ въ вѣчный покой, созвалъ братій въ послѣдній разъ, по-

училъ ихъ, простился со всѣми, какъ чадолюбивый отецъ съ чадами, и опочилъ.

Почтивъ слезами драгоцѣнные остатки старца, братія погребла его съ великою честію и учредила трапезу для нищихъ и убогихъ, и всѣхъ притекшихъ на погребеніе святаго мужа.

Тогда монастырскіе рыбари изловили рыбу и принесли въ поварню. Когда разрѣзали сію рыбу, то обрѣли въ ней ключи. Немало всѣ дивились и понесли ключи отцу эконому. И сказалъ тогда отецъ экономъ: «Вотъ уже тридесять лѣтъ тому, какъ нынѣ преставившійся святой мужъ, игуменъ нашъ, живя въ своей тѣсной келіи, заключилъ въ подземную храмину грѣшника епитеміи ради и повелѣлъ ему ждать своего прихода. Нѣтъ на земли нашего отца и не придетъ онъ къ грѣшнику, а подобаетъ идти къ нему намъ, да узримъ, какое дѣйствіе надъ его прахомъ оказала благодать покаянія.

Братія потекла къ холму. Откопали входъ и старецъ экономъ приложилъ къ замку ключи. Но увы! Ключи хотя были очевидно отъ сего самаго замка, но отъ времени и ржавчины, стали бездѣйственны. «Сіи ключи» — сказалъ экономъ — «обрѣтены не для того, чтобы ими отверсти дверь; а того ради, чтобъ напомнить намъ объ окончаніи подвига». Братія обкопала дверь и сняла ее. Изъ пещеры сталъ выходить отрадный для ока свѣтъ и сладостнѣйшее благоуханіе исполнило воздухъ. Любопытствующая братія склонилась ко входу и узрѣла:

Кающійся стоялъ предъ налоемъ, доканчивалъ великій канонъ и, послѣ каждаго стиха, клалъ земные поклоны. Просфора была цѣла. Краусоля воды также оставалась непочатою. Восковая свѣча догорала, и какъ только чтецъ окончилъ канонъ, — погасла.

Грѣшникъ остановился и возвелъ очи горе. Лицо его было юно; не отпечатлѣвалось на немъ слѣдовъ старости и изнеможенія. Увидя солнечный свѣтъ и людей вокругъ себя, онъ, какъ бы пробужденный отъ сна, воскликнулъ: «нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко!»

Онъ пошелъ изъ своей темницы и, сопровождаемый изумлен-

ною братіею, потекъ въ храмъ, гдѣ внималъ божественной литургіи и причастился святыхъ тайнъ, потомъ, отступивъ, сталъ у столба, сложилъ руки крестообразно, и отошелъ отъ міра. Нетлѣнное, исполненное райскаго благоуханія тѣло его предали землѣ въ самомъ храмѣ господнемъ, и святая душа его возлетѣла въ горнія жилища, гдѣ онъ доселѣ молитъ примиреннаго Творца о дарованіи благостыни странѣ, которая пріютила и успокоила его страдальческія кости.

Пала отъ лѣтъ храмина и остались только слѣды ея могилы— холмъ съ углубленіемъ. Тамъ протекалъ чудотворный подвигъ очищенія кровосмѣсителя. Но невозможно указать, гдѣ эта могила; такихъ холмовъ чрезвычайное множество.

Этотъ разсказъ, въ сходныхъ по основѣ содержанія и ходу событія варіантахъ, я слышалъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Преданіе о кровосмѣсителѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ преданіямъ человѣчества. Безъ сомнѣнія, исторія нашего кровосмѣсителя сама по себѣ, языческаго происхожденія, и уже впослѣдствіи приняла, подъ вліяніемъ христіанства, настоящій видъ. Самая несообразность преступленія съ наказаніемъ по христіанскимъ понятіямъ, указываетъ на ея языческое начало. Преступленіе кровосмѣсителя, невольное. Церковь христіанская, отличающая побужденія отъ дѣла, не наказала бы такъ строго невольнаго грѣшника.—Эта исторія существуетъ у всѣхъ славянскихъ народовъ и переходитъ изъ устъ въ уста по цѣлой Руси, въ различныхъ варіантахъ.

Въ одномъ сборникѣ публичной библіотеки погодинскаго книгохранилища (№ 1288) разсказано, что въ нѣкоторомъ государствѣ, у короля, былъ сынъ и дочь. Братъ разжегся на сестру и «зачатъ сестра въ утробѣ дѣтище и начатъ братъ ея скорбѣти въ мнозѣ печали». Онъ отдалъ сестру на соблюденіе старѣйшинѣ и заповѣдалъ ему не губить дѣтища, которое должно родиться, а самъ ушелъ въ чужую землю и тамъ скоро умеръ. Сестра родила и «повелѣла сдѣлати колодицу и вложи въ ню своего младенца и пусти его на воду»; съ нимъ положила она

пять тысячъ литръ серебра и три тысячи литръ злата, и написала на свинцовой досчечкѣ такія слова: «сіе отроча въ беззаконіи родися и во грѣсѣхъ суще зачатъ отъ брата и сестры, и аще кто его возьметъ, то сребро ему, а злато дѣтищу. И плакася надъ нимъ горько, пусти его на воду». Сама она послѣ того возсѣла на королевство и жила дѣвою, молясь втайнѣ о грѣхѣ своемъ. По Божію повелѣнію, колодица пристала къ стѣнамъ монастыря. Игуменъ, увидѣвъ, приказалъ служебникамъ принести ее къ себѣ и открыть. Онъ увидалъ дитя мужескаго пола, увидалъ серебро и золото, и прочиталъ надпись. Игуменъ заплакалъ, соболѣзнуя о томъ, что такіе грѣхи творятся на свѣтѣ. Онъ вскормилъ, воспиталъ ребенка, выучилъ его грамотѣ: мальчикъ показывалъ большіе способности. Однажды онъ игралъ съ дѣтьми, жившими въ монастырѣ, пришло какое то дѣтище къ игумену и сказало: «Господине отче? прости: что мя убилъ сынъ твой? Игуменъ же начатъ ихъ судити, и рече сыну своему со гнѣвомъ: про что его біеши? Въ беззаконіяхъ родился ты и во грѣсѣхъ зачатъ». Пріемышъ ужаснулся и началъ скорбѣть и задумываться о значеніи словъ, произнесенныхъ игуменомъ, наконецъ, рѣшился спросить объ этомъ. Игуменъ разсказалъ ему и показалъ ему свинцовую досчечку, которая находилась съ нимъ, когда онъ приплылъ къ монастырю младенцемъ. Отрокъ просилъ отпустить его. Послѣ долгихъ совѣтовъ остаться, игуменъ отдалъ ему досчечку и золото. Отрокъ «обрѣте корабль и купи его и сѣде въ немъ, нача торговати и обогатѣ велми и многія грады повоевалъ, и повелѣніемъ Божіимъ пріиде подъ градъ матере своея и ста подъ градомъ. Гражане же, видѣвъ, яко воевода нѣкій славенъ есть, и срѣтоша его за градомъ, и начаша его молити, дабы онъ у нихъ былъ пастырь. Онъ же пріиде во градъ, они же начаша молити госпожу свою, дабы посягла за него». Госпожа вышла за него. Передъ трапезою онъ всегда имѣлъ обычай входить во внутренніе покои и тамъ читалъ надпись на досчечкѣ, гласившей о его преступномъ рожденіи. Жена спрашивала его объ этомъ, но онъ не сказалъ ей тайны. Побуждаемая женскимъ любопытствомъ,

она хотѣла подсмотрѣть за нимъ и узнать, что онъ дѣлаетъ въ это время, но никакъ не удавалось. Однажды дѣвица увидала свинцовую досчечку и когда господинъ, послѣ обычнаго грустнаго размышленія надъ нею, оставилъ ее, она взяла ее и принесла къ своей госпожѣ и сказала: «Возьми, госпоже, цку сію: надъ тою бо цкою мужъ твой Григорій всегда плачется. Она же вземъ цку и прочетъ, и паде отъ ужасти мертва и плакася горько: «азъ многогрѣшная! Григоріе! сынъ мой еси ты, господине; азъ бо тя родихъ отъ брата своего». Слышавше Григорій, паде мертвъ предъ нею. И отъидоста ума. Григорій нашелъ близь моря пустую палату, вошелъ въ нее и приказалъ запереть и засыпать землею, а ключи отъ замка, которымъ палата была заперта, забросить въ море. Черезъ двѣнадцать лѣтъ умеръ римскій папа и одному старому благочестивому мужу было откровеніе, что въ папы слѣдуетъ избрать Григорія, сокрытаго подъ землею. Отрыли палату, стали отбивать замокъ: не давался! Наконецъ, рыболовы поймали рыбу и въ ней нашли ключи и этими ключами отперта была палата. Григорій былъ обрѣтенъ и избранъ папою. Тогда явилась къ нему старица и исповѣдывалась во грѣхахъ своихъ: то была его мать. Покаяніе очистило отъ грѣха и ее, какъ невольно преступнаго сына.

Другой варіантъ сей же легенды извѣстенъ мнѣ изъ сборника XVII вѣка, сообщеннаго мнѣ Ѳ. И Буслаевымъ. Былъ нѣкто купецъ Поуливачъ. Онъ услышалъ, какъ голуби между собою разговаривали: «будетъ у господина нашего радость: жена ему родитъ сына и нарекутъ ему имя Андрей; и то отроче убіетъ отца своего, и матерь свою себѣ въ жену возьметъ, и триста дѣвицъ старицъ растлитъ блудомъ». Когда жена родила, отецъ велѣлъ сгубить младенца; но бабка не рѣшилась на это и сказала матери, которая, крестивъ его, велѣла прорѣзать ему чрево, положила на доску и пустила по морю. Доска приплыла къ женскому монастырю близъ Купина града. Черница вышла брать воду и нашла его. Игуменья собрала всѣхъ сестеръ и сначала думала, что какая нибудь изъ нихъ согрѣшила, но послѣ увѣренія ихъ, приняла явленіе ребенка за знакъ особенной воли

Божіей, велѣла зашить ему чрево, вскормила козьимъ млекомъ и отдала старицѣ для книжнаго наученія. Но когда ему минуло пятнадцать лѣтъ, онъ соблазнилъ всѣхъ сестеръ одну за другою и самую игуменью. Но потомъ игуменья рѣшилась предъ всѣми сознаться и объясняла, какимъ образомъ онъ ее искусилъ: «прельстилъ мя святыми своими многими притчами прежнихъ человѣкъ паденіе во грѣхахъ мытарей, и гонителей, и блудниковъ и блудницъ, и всѣхъ праведныхъ отъ вѣка, какъ покаяніемъ и слезами и милостынею спасовалися; азъ же слышахъ такое глаголаніе его, и разслабѣ тѣло мое, и разгорѣся сердце мое и умъ поколебася». За нею и всѣ старицы принесли такое же признаніе, потомъ изгнали его. Юноша пришелъ въ ту страну, гдѣ родился, и нанялся у одного хозяина стеречь виноградъ. Хозяинъ далъ ему приказаніе стрѣлять изъ лука во всякаго, кто войдетъ въ садъ безъ спроса, и желая испытать, какъ исполняетъ сторожъ его приказанія, самъ вошелъ туда въ полночь. Сторожъ застрѣлилъ его. То былъ его отецъ. Онъ припряталъ тѣло убитаго, и чрезъ нѣсколько времени, женился на своей госпожѣ, женѣ убитаго. Но по рубцу на чревѣ онъ далъ знать о себѣ. Мать узнала, что вышла за своего сына. Грѣшникъ ходилъ къ нѣсколькимъ священникамъ просить прощенія, но такъ какъ ни одинъ не рѣшался простить его и взять на себя отвѣтственность за такой грѣхъ, то онъ убивалъ ихъ; наконецъ пришелъ къ епископу, который зарылъ его въ погребъ, имѣвшій три сажени въ длину и три сажени въ ширину, а матери его прокололъ ноздри, продѣлъ сквозь отверзтіе замокъ, заперъ его и ключи его забросилъ въ море. Андрей въ своей темницѣ долженъ былъ писать покаяніе, а мать просить милостыни. Прошло тридцать лѣтъ. Рыбаки вытащили изъ моря рыбу и нашли въ ней ключи. Тогда епископъ отомкнулъ замокъ, висѣвшій въ ноздряхъ матери, и постригъ ее въ иноческій чинъ, потомъ приказалъ отрыть погребъ, засыпанный землею. Андрей дописывалъ десятую пѣснь великаго конона, который поется на повечеріи въ первые четыре дни и на заутрени въ четвергъ, на пятой недѣлѣ, великой четыредесятни-

цы. Когда епископъ умеръ, Андрей сталъ его преемникомъ и отличался подвигами святости.

Ничто такъ не показываетъ языческаго происхожденія этой легенды, какъ разговоръ голубей, которому вѣритъ отецъ, какъ голосу судьбы. Это остатокъ птицеволхвованія, бывшаго существеннымъ догматомъ всѣхъ миѳологій, и въ томъ числѣ славянской.

Тотъ же миѳъ о кровосмѣсителѣ приплелся къ повѣсти объ Іудѣ-предателѣ, приписываемой св. Іерониму. Былъ—разсказываетъ эта повѣсть—нѣкій мужъ въ Іерусалимѣ, по имени Рувимъ; другое у него было имя—Симонъ. Онъ происходилъ отъ колѣна Данова—не даромъ пишется въ книги Бытія: «да будетъ Данъ змія на распутіи». Это, значитъ, объясняется въ повѣсти, что изъ колѣна Данова родится въ свое время антихристъ. У Рувима была жена, по имени Циборія. Она зачала сына и увидѣла во снѣ такой страшный сонъ, что отъ ужаса пробудившися, говорила мужу: я видѣла во снѣ, будто я родила сына, который сдѣлается виною погибели всему роду нашему. Пустяки ты говоришь — и слушать тебя не стоитъ! Такъ сказалъ ей мужъ. Нѣтъ — возразила Циборія — я рожу сына; не лукавый духъ устрашилъ меня мечтою: то было истинное откровеніе. Дѣйствительно Циборія сдѣлалась беременна и въ свое время родила сына. Родителей взяло раздумье: убить дитя ужасно; не пустое дѣло, однако, и воспитывать губителя своего рода—они положили ребенка въ ковчежецъ, вмѣстѣ съ хартіей, на которой означили, что имя сыну Іуда, и пустили по морю. Волны принесли ковчежецъ къ острову Искарѣ. Тамъ царствовалъ царь. У него не было дѣтей. Пошла царица прогуляться по морскому берегу и видитъ подлѣ берега качается на волнахъ ковчежецъ. Царица приказала его взять и отворить: тамъ нашла она красиваго младенца; царица вздохнула и сказала горе мнѣ неплодной. Какъ бы я хотѣла, чтобъ у меня было такое точно дитя; тогда бы и царство мое не осталось безъ наслѣдія. Она приказала ребенка кормить, а о себѣ разгласила, что она беременна, а какъ пришло время, когда могли повѣрить, что

она родила, то показала за новорожденнаго то дитя, которое нашла въ ковчежцѣ. Царь, мужъ ея, не подозрѣвалъ обмана и очень радовался, воображая, что въ самомъ дѣлѣ у него родился сынъ и весь народъ радовался съ нимъ вмѣстѣ. Младенца стали воспитывать по царскому чину. Но чрезъ нѣсколько времени царица въ самомъ дѣлѣ стала беременна и въ свое время родила сына. Когда оба мальчика подросли и стали играть между собою; Іуда обижалъ и колотилъ царскаго сына, а тотъ отъ него часто плакалъ. За это царица много разъ била Іуду; она знала, что онъ ей не сынъ и любила настоящаго больше пріемыша. Спустя нѣкоторое время и всѣмъ стало извѣстно, что Іуда не царскій сынъ и найденъ на морскомъ берегу въ ковчежцѣ. Ему стало стыдно. Въ досадѣ онъ убилъ своего мнимаго брата и, ожидая себѣ отъ этого бѣды, ушелъ и пришелъ въ Іерусалимъ, замѣшавшись въ толпу тѣхъ, которые несли туда дань. Тамъ онъ вступилъ въ число слугъ Пилата, который въ то время былъ іерусалимскимъ игемономъ; Іуда понравился Пилату; послѣдній взялъ его къ себѣ во дворъ, а чрезъ нѣсколько времени такъ полюбилъ, что сдѣлалъ его старѣйшиною и строителемъ надъ всѣмъ своимъ домомъ и всѣ слуги отъ мала до велика слушались Іуды. Однажды Пилатъ изъ дома своего смотрѣлъ на садъ, который находился у него предъ глазами не далеко отъ его дома, и увидѣлъ въ немъ красивыя яблоки, Пилатъ сказалъ Іудѣ: мнѣ хочется поѣсть яблокъ изъ этого сада; если не поѣмъ, то умру. Іуда побѣжалъ въ садъ и сталъ рвать яблоки. Садъ этотъ принадлежалъ Рувиму, отцу Іудину. Хозяинъ увидѣлъ, что кто-то чужой забрался къ нему въ садъ и рветъ яблоки, бросился на него и сталъ бранить. Іуда отвѣчалъ ему также бранью, а потомъ они стали между собою драться; тогда въ дракѣ Іуда схватилъ камень и пустилъ Рувиму въ шею. Рувимъ испустилъ духъ. Іуда не подозрѣвалъ, что убилъ своего отца, нарвалъ яблокъ и пришелъ къ Пилату.

Спустя нѣсколько времени, Пилатъ отдалъ вдову Рувима Циборію за возлюбленнаго слугу своего Іуду и съ нею передалъ ему все его имѣніе умершаго Рувима. Но однажды Циборія, бу-

дучи уже женою Іуды, стала грустить. Мужъ ее Іуда сталъ допрашивать ее, что это значитъ. Я несчастнѣйшая изо всѣхъ женщинъ — сказала Циборія, — я бросила сына своего въ море, нашла неизвѣстно отъ чего скоропостижно умершимъ мужа, а Пилатъ приложилъ мнѣ слезы къ слезамъ, насильно отдавъ за тебя замужъ.

Какъ услышалъ Іуда про дѣтище, брошенное въ море, разсказалъ, что съ нимъ происходило, и оказалось тогда, что Іуда убилъ отца своего, а мать свою себѣ въ жену взялъ.

Тогда, по совѣту матери своей Циборіи, раскаянія ради, Іуда отправился ко Господу нашему Іисусу Христу, который въ то время училъ народъ и исцѣлялъ недужныхъ въ Іудеѣ. Іуда сподобился получить прощеніе. По невѣдомымъ божественнымъ судьбамъ, Господь такъ его возлюбилъ, что принялъ въ число апостоловъ и поручилъ ему попеченіе о тѣлесныхъ потребахъ. Какъ потомъ Іуда сдѣлался предателемъ, извѣстно изъ евангельскаго повѣствованія и повѣсть ничего не прибавляетъ къ этому, что тамъ содержится.

Обломки этой исторіи сохраняются и въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ Сербіи существуютъ двѣ пѣсни о Находѣ-Семеунѣ, помѣщенныя въ изданіи Вука Стефановича. Онѣ разсказываютъ это происшествіе въ нѣкоторыхъ чертахъ, различно одна отъ другой; но вообще сходны въ главномъ основаніи. Мы приведемъ обѣ эти пѣсни въ переводѣ:

Рано вышелъ старецъ Калугеръ на Дунай къ студеной водѣ, чтобъ набрать дунайской воды, и умыться, и Богу помолиться; и встрѣтилъ старца случай: нашелъ онъ оловянный сундукъ; выбросила его вода подъ берегъ. Онъ подумалъ, что въ немъ сокровища и отнесъ въ монастырь. Когда же отворили оловянный сундукъ, не нашли въ немъ сокровища, а нашли въ немъ одно дитя мужескаго пола, мужескаго пола дитя дней семи. Вынулъ онъ дитя изъ сундука, окрестилъ его въ своемъ монастырѣ и нарекъ ему прекрасное имя: Находъ-Симеунъ. Не отдалъ онъ дитя кормилицѣ, а воскормилъ его въ своемъ монастырѣ, воскормилъ медомъ и сахаромъ. Когда исполнил-

ся дитяти годъ, оно было таково, какимъ бы другое было трехъ лѣтъ; а когда исполнилось ему три года, оно было таково, какимъ бы другое было семи лѣтъ; когда же исполнилось ему семь лѣтъ, оно было таково, какимъ бы другое было двѣнадцати лѣтъ; а когда исполнилось ему двѣнадцать лѣтъ, оно было таково, какимъ бы другое было двадцати лѣтъ. Удивительно выучился Симеунъ книжному знанію: не боится онъ никакого дьяка, ни даже своего старца игумена. Однажды утромъ въ святое воскресенье сошлись монастырскіе дьяки и завели разныя игры, прыгали, камни метали. Находъ-Симеунъ дальше всѣхъ прыгнулъ, дальше всѣхъ камень кинулъ. Разсердились монастырскіе дьяки и говорятъ Находу-Симеуну: Симеунъ! дрянный найденышъ! Нѣтъ у тебя ни рода, ни племени, самъ ты не знаешь, какого ты рода: тебя нашъ старецъ игуменъ нашелъ въ сундукѣ на берегу воды. Досадно стало Находъ-Симеуну. Идетъ Сеня въ свою келью, беретъ честное Евангеліе, читаетъ Сеня и слезы проливаетъ. Приходитъ къ нему отецъ игуменъ и спрашиваетъ Находъ-Симеуна: что съ тобою Симеунъ? зачѣмъ роняешь изъ очей слезы? какой тебѣ недостатокъ въ моемъ монастырѣ? Говоритъ ему Находъ-Симеунъ: господинъ отецъ игуменъ! укоряютъ меня монастырскіе дьяки тѣмъ, что я не знаю самъ, какого я рода, что ты нашелъ меня на берегу. Послушай отецъ игуменъ! Ради истиннаго Бога, дай мнѣ своего коня: поѣду я въ бѣлый свѣтъ искать, какого я рода, простаго или какого-нибудь рода господскаго: а не то я брошусь въ тихій Дунай! Жаль стало старцу игумену. Онъ одѣлъ Сеню какъ своего сына, изготовилъ ему красивую одежду, далъ ему тысячу дукатовъ и своего бѣлаго коня изъ своей конюшни. Поѣхалъ Сеня по бѣлу свѣту. Ходилъ Сеня девять лѣтъ, ищетъ Сеня рода-племени, но какъ ему найти его, когда некого спросить? Когда насталъ десятый годъ, пришло на умъ Находъ-Симеуну идти назадъ въ свой монастырь. Онъ оборотилъ своего бѣлаго коня. Однажды утромъ, ѣхалъ онъ подъ бѣлымъ градомъ Будимомъ; выросъ Находъ-Симеунъ, и сталъ краше всякой дѣвицы. Красиво гарцуетъ на своемъ бѣломъ ко-

нѣ, играетъ конемъ по полю будимскому и напѣваетъ своимъ бѣлымъ горломъ. Увидѣла его будимская королева и кричитъ статной рабыни: иди скорѣе, статная рабыня, ухвати подъ молодцемъ коня и скажи ему: королева зоветъ тебя, хочетъ тебѣ что-то сказать. Живо пошла статная рабыня, ухватила подъ Сенею коня и тихо сказала Симеуну: молодецъ! зоветъ тебя королева; хочетъ тебѣ что-то сказать. Тогда онъ поворотилъ своего бѣлаго коня въ дворъ къ бѣлому замку: когда пошелъ къ госпожѣ королевѣ, снялъ свою капу, поклонился до земли и сказалъ, помогай Богъ, королева! Королева принимаетъ отъ него привѣтъ, сажаетъ его за готовую *совру* [1]); понесли вино и водку и всякія хорошія лакомства. Сидитъ Сеня, пьетъ красное вино, и не можетъ наглядѣться королева на Находъ-Симеуна. Когда же сошла на землю ночь темная, говоритъ королева Симеуну: скидай одежду, невѣдомый молодецъ! Достоинъ ты провести ночь съ королевой и цѣловать будимскую королеву. Симеуна одолѣло вино; онъ скинулъ одежду и возлегъ на ложе съ королевой, и цѣловалъ въ лицо королеву. Когда же утромъ разсвѣло, Симеунъ протрезвился и увидѣлъ, что учинилъ. Очень досадно стало Симеуну; вскочилъ онъ на легкія ноги, одѣлся и пошелъ къ своему бѣлому коню. Королева подчиваетъ его и кофеемъ съ сахаромъ, и водкою, но Симеунъ не хочетъ ничего, сѣдлаетъ бѣлаго коня и ѣдетъ по будимскому полю. Тутъ вспомнилъ Симеунъ, что осталось честное Евангеліе у королевы въ бѣломъ замкѣ. Воротилъ Сеня буйнаго бѣлаго коня, поставилъ во дворѣ коня, а самъ пошелъ въ бѣлый замокъ. Анъ сидитъ госпожа королева, сидитъ, молодушка, на крыльцѣ и читаетъ честное Евангеліе и роняетъ слезы по бѣлому лицу. Говоритъ Сеня госпожѣ королевѣ: Дай, королева, честное Евангеліе. Отвѣчаетъ ему госпожа королева: Симеунъ несчастный! Въ злой часъ нашелъ ты свой родъ: на горе ты дошелъ до Будима и ночевалъ съ королевою и цѣловалъ ее въ лицо. Ты ца-

1) Столъ съ коротенькими ножками, на которомъ у Сербовъ подаютъ кушанье сидящимъ, по восточному обычаю, на землѣ.

ловалъ такъ свою мать. Какъ услышалъ это Находъ-Симеунъ, пролилъ слезы по бѣлому лицу, потомъ взялъ честное Евангеліе и поцаловалъ королеву въ руку. Идетъ Симеунъ къ своему коню бѣлому, садится на него и отѣзжаетъ къ монастырю. Какъ увидѣлъ его отецъ игуменъ и узналъ коня изъ своей конюшни, что на немъ Находъ-Симеунъ сидитъ, и пошелъ къ нему на встрѣчу. Симеунъ скочилъ съ бѣлаго коня, поклонился до черной земли, поцаловалъ отца въ платье и въ руку. Говоритъ ему отецъ игуменъ: гдѣ ты былъ такъ долго, Находъ-Симеунъ? Отвѣчаетъ ему Находъ-Симеунъ: не спрашивай, отецъ игуменъ: въ злой часъ я нашелъ родъ и на горе дошелъ до Будима. Все ему разсказалъ Сеня. Какъ услышалъ это отецъ игуменъ, взялъ Сеню за бѣлую руку и отворилъ проклятую темницу, гдѣ была вода по колѣна, а въ водѣ змѣи и ящерицы, бросилъ Симеуна въ темницу и затворилъ проклятую темницу, и забросилъ ключи въ тихій Дунай, и тихо сказалъ старецъ: когда выйдутъ ключи изъ Дуная, Симеуну тогда простится. Такъ прошло девять лѣтъ. Когда же насталъ десятый годъ, рыбари поймали рыбу и въ рыбѣ нашли ключи, и показали старцу игумену. Тогда пришелъ на память игумену Сеня. Онъ взялъ ключи отъ темницы и отворилъ проклятую темницу; не было въ темницѣ воды, не было ни змѣй, ни ящерицъ, солнце свѣтило въ темницѣ, сидитъ Сеня за златенымъ столомъ, а въ рукахъ держитъ честное Евангеліе.

Вторая пѣсня въ нѣкоторыхъ чертахъ еще ближе къ нашему разсказу.

Воспитывалъ царь въ Янѣ дѣвицу, не за тѣмъ, чтобъ другимъ отдать, а за тѣмъ, чтобъ за себя взять. Царь хочетъ, а дѣвица не хочетъ. Просятъ у него ее лалы и визири, но царь не даетъ, и силою беретъ за себя дѣвицу. Послѣ этого прошло немного времени, не много времени три года: обрѣлось у нихъ мужескаго пола дитя; но мать не хочетъ его кормить, а свиваетъ ему бумаги и рубашки, и заливаетъ его въ тяжкое олово и бросаетъ въ сине море. «Снеси, море, съ земли неправду, такой же воспитатель, какъ родитель!» Поднялся патріархъ Сава

поднялся онъ ловъ ловить, ловилъ онъ лѣтній день до полудня и ничего не поймалъ; а когда возвращался ко двору, то—Богъ ему далъ и судьба принесла—нашелъ онъ оловянный сундукъ: прибила его вода къ берегу; въ сундукѣ дитя мужескаго пола, не смѣется, не даетъ ручекъ, не крещеное, не молитвенное. Взялъ Сава дитя мужескаго пола, отнесъ его въ церкву вилендарскую, окрестилъ дитя мужескаго пола, прекрасное имя нарекли ему, прекрасное имя: Находъ-Симеунъ. Когда дитя доросло до коня и свѣтлаго оружія, и выучилось хорошо грамотѣ, тогда сказалъ ему патріархъ Сава: Чадо мое, Находъ-Симеунъ! Я тебя, чадо, воспиталъ, но не я тебя самъ родилъ; нашелъ я тебя на морскомъ берегу. Возьми, сыне, бумаги и рубашки, иди отъ города до города, ищи своего родителя! Взялъ Сеня бумаги и рубашки и пошелъ отъ города до города и дошелъ до Яна города. А въ Янѣ городѣ преставился царь, преставился и схоронили его; осталась госпожа царица одна-себѣ въ бѣломъ дворѣ. Сватаютъ ее лалы и визири, просятъ ее, а царица не хочетъ, и говоритъ госпожа царица: Пусть выберется шестьдесятъ молодцевъ самыхъ красивыхъ и самыхъ высокихъ ростомъ, а я стану на бѣлой стѣнѣ и брошу золотое яблоко: кто подхватитъ золотое яблоко, тому я буду вѣрной подругой! Выбралось шестьдесятъ молодцовъ самыхъ красивѣйшихъ и самыхъ высокихъ ростомъ, и стали въ градѣ подъ стѣною, а царица стала на стѣнѣ и бросила золотое яблоко, и схватилъ яблоко Находъ-Симеунъ, и обвѣнчался съ госпожею царицею. Какъ прошло немного времени, немного времени—три недѣли, поднялся Находъ-Симеунъ скорый ловъ ловить; осталась одна госпожа царица въ бѣломъ дворѣ; когда царица постель перетряхивала, нашла они бумаги и рубашки и сказала: Милосердый Боже! во всемъ Тебѣ слава! Я тяжело согрѣшила предъ Богомъ! Когда же солнце было на закатѣ, Сеня возвращался съ скораго лова, вышла къ нему госпожа царица, роняетъ слезы по господскому лицу. Чадо мое, Находъ Симеунъ, ты согрѣшилъ передъ Богомъ! ты смѣсился съ своей матерью по незнанію, мое дорогое чадо! Какъ услышалъ это Находъ-Симеунъ, пролилъ слезы по господскому лицу:

потомъ идетъ къ вилендарской церкви, припалъ Савѣ на грудь, одѣтую въ шелкъ, и сталъ сильныя слезы проливать. О мой отецъ, патріархъ Сава! Скажу тебѣ два-три слова: я согрѣшилъ тяжело передъ Богомъ; я смѣсился съ моей матерью по незнанію, родитель Сава! Можешь ли мнѣ отпустить за то? Говоритъ патріархъ Сава: чадо мое, Находъ-Симеунъ! Не могу я отпустить тебѣ за это; не бездѣлица своя родная мать! Только такъ могу я тебя отпустить: созижду каменную башню и заброшу тебя туда, а ключи кину въ море. Когда изъ моря ключи достану, тогда и грѣхъ твой будетъ прощенъ. Создалъ патріархъ Сава каменную башню, бросилъ Сеню въ каменную башню, а ключи въ синее море. Прошло времени тридцать лѣтъ; плавали по морю рыбаки и поймали рыбу въ морѣ златоперую, поклонились ею патріарху Савѣ. Когда Сава рыбу разрѣзалъ, то нашелъ въ рыбѣ ключи, а Сава уже было и забылъ объ нихъ. Какъ увидѣлъ, то и вспомнилъ. Горе мнѣ предъ Богомъ вышнимъ! Я и забылъ Сеню; вотъ ключи отъ моего Сени! Отворилъ онъ двери темницы, а ужь Сеня преставился, преставился и освятился. Тогда данъ былъ гласъ на четыре страны, совокупились многіе священники, читали три дня и три ночи, и держали великое бдѣніе, и читали великія молитвы; молили святаго, куда онъ желаетъ? Отошелъ онъ къ Вилендару въ церковь. Тамъ святой и почиваетъ въ красной вилендарской церкви.

Есть одна малороссійская пѣсня о кровосмѣсителѣ, очень распространенная въ разныхъ варіантахъ. Въ однихъ описывается два кровосмѣшенія разомъ: браки двухъ братьевъ, одного съ матерью, другаго съ сестрою. Въ другихъ только одно. Мы приведемъ эту пѣсню въ переводѣ по варіанту послѣдняго рода.

Надъ глубокимъ моремъ стоялъ высокій теремъ. Изъ подъ этого терема вышла молодая вдова съ сыномъ. Она обвила сына чернымъ шелкомъ, повила китайкою, положила на корабль, пустила въ тихій Дунай и просила Дуная:

Ахъ ты тихій Дунай! Прими моего сыночка, а ты, новый корабль, колыхай его! А ты, быстрая вода, пригляди его какъ се-

стра, а ты, желтый песокъ, накорми его! А вы, лѣса, не шумите, моего сына не будите!

Черезъ двадцать лѣтъ вышла вдова также на Дунай и стала набирать воду. Вдругъ къ ней присталъ корабль, а въ кораблѣ сидитъ Донецъ-молодецъ. Здравствуй, вдова. Любишь ли Донца? Пойдешь ли ты за Донца? Люблю я донца, пойду за Донца! И повѣнчались они, и сидятъ за столомъ, пьютъ медъ-вино. Говоритъ Донецъ: Ахъ ты, вдова, глупая твоя голова! ты сама меня родила и пустила на Дунай. Какой же теперь свѣтъ на сталъ, что сынъ женился на матери? Ступай, матерь, утопись, я пойду въ темный лѣсъ; пусть меня съѣдятъ звѣри!

1857.

О ЗНАЧЕНІИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

О ЗНАЧЕНІИ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА

ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

(публично читано въ Новгородѣ 30 апрѣля 1861 г.)

Русская исторія представляетъ двѣ половины, несходныя между собою по духу и содержанію. Каждая изъ нихъ изображаетъ свою особую Русь, отличную отъ другой по политическому и общественному строю. Первая была Русь удѣльно-вѣчевая, вторая—Русь единодержавная. Невозможно между ними провести строгой раздѣлительной грани, какъ и вообще во всякой исторіи, раздѣляя ее на періоды, если руководствоваться не внѣшними только событіями, а тѣми видоизмѣненіями, которыя совершаются въ жизни народовъ и опредѣляютъ на будущіе вѣка иной, кромѣ прежняго, путь ея теченію. Только приблизительно можно указать на эпоху Іоанна III, какъ на самое важное въ этомъ отношеніи время въ русской исторіи, потому что съ этихъ поръ государственное централизующее начало дѣлается господствующимъ. Такимъ образомъ, русская исторія, разсматриваемая не по внѣшнимъ признакамъ политическихъ событій, а по развитію внутренней народной жизни, представляетъ два уклада: удѣльно-вѣчевой и единодержавный.

Между этими двумя укладами русской жизни есть различіе:

Въ фазисахъ народной жизни, являющихся совокупностью

главныхъ ея стремленій, слѣдуетъ отличать идеалъ, какой имѣлъ народъ для своего политическаго и общественнаго строя, и образъ дѣйствительный, въ какомъ этотъ идеалъ осуществлялся только до извѣстной степени, по несовмѣстимости его и съ временными обстоятельствами, и съ собственнымъ недостаткомъ въ народѣ ясности сознанія самого идеала и средствъ къ его достиженію. При этомъ мы никакъ не должны допускать себѣ въ воображеніи идеала выше того, какой дѣйствительно имѣлъ народъ по степени своихъ понятій; иначе, мы впадемъ въ ложный идеализмъ, придадимъ собственныя умозрѣнія и мечтанія народу, который вовсе не такъ смотрѣлъ на вещи, какъ мы. Но съ другой стороны, если мы отвергнемъ всякое идеальное значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно должно было рисоваться въ тогдашнихъ умахъ народа, и ограничимся однимъ міромъ явленій, не возводя ихъ до сообразнаго принципа, то разсѣемся въ безсвязной кучѣ событій, не имѣющихъ ни цѣли, ни причины.

Идеаломъ удѣльно-вѣчевой жизни была самостоятельность земель русскаго міра, такъ чтобъ каждая составляла свое цѣлое въ проявленіи своей мѣстной жизни, и всѣ вмѣстѣ были бы соединены одною и общею для всѣхъ связью.

Всѣ тогдашнія учрежденія были способами къ осуществленію этого идеала политической жизни, а не главною цѣлію. Такимъ образомъ, напримѣръ, призваніе княжескаго рода для водворенія порядка было не цѣлію, но способомъ, средствомъ для главной цѣли, состоявшей именно въ удержаніи связи и единства земель между собою, дабы отвратить усобицы и безпорядки.

Идеалъ единодержавнаго уклада былъ совершенно иной. Здѣсь свобода частей приносится въ жертву другой идеѣ—единаго государства; здѣсь нѣтъ рѣчи и быть не можетъ даже о связи и соединеніи частей, потому что самыя части поглощаются, уничтожаются. Цѣль перваго въ самомъ народѣ, цѣль втораго внѣ народа; и потому-то реформа Петра была не насильственнымъ, какъ думаютъ, переломомъ прежняго, а естественнымъ дохожденіемъ единодержавія до дальнѣйшей степени своего развитія,

когда власть и весь кругъ, чрезъ который послѣдняя совершаетъ свою дѣятельность и вліяніе на массу народа, становится за предѣлами жизни этой массы, дѣлается чѣмъ-то обособленнымъ, дѣйствующимъ извнѣ, и потому крѣпко содержащимъ и соблюдающимъ уравненіе народа предъ собою. Ощутительный, сильный и полный неизбѣжныхъ измѣненій, поворотъ въ политической и общественной жизни русскаго народа, у насъ является въ эпохѣ татарскаго завоеванія. До сихъ поръ, на основаніи историческихъ данныхъ всѣхъ вѣковъ, кажется, почти можно признать за правило, что единодержавіе возникаетъ или чрезъ покореніе одного народа другимъ и вслѣдствіе того чрезъ смѣшеніе въ большей или меньшей степени побѣдителей съ побѣжденными, или же необходимостью въ самомъ народѣ отбоя чужеземныхъ враговъ. Такъ и случилось въ Россіи. Татары покорили Русь. Составлявшія ея земли нашли свою связь во внѣшней силѣ, равномѣрно тяготѣвшей надъ ними. Побѣдители, ханы Золотой Орды, стали верховными повелителями всего русскаго міра, полноправными хозяевами-владѣльцами всей Русской земли и населяющихъ ее людей. Ханъ, въ значеніи такого хозяина-владѣльца, могъ, кому хотѣлъ, поручить вмѣсто себя надзоръ за нею, собираніе своихъ доходовъ, управленіе ею, словомъ все, что, по невозможности дѣлать самому, должны были дѣлать его довѣренныя лица. Это новое начало необходимой передачи ханской верховной воли возложено было на князей двумя способами: на князей городовъ и волостей, князей удѣльныхъ въ отношеніи той земли или части земли, которая находилась въ его управленіи, и на князя великаго по отношенію къ цѣлой Россіи, какъ на главу всѣхъ князей подручныхъ. Отсюда вышло слѣдующее: князья удѣльные были, по прежнему принципу, не владѣльцами, а правителями земель и городовъ, составлявшихъ, независимо отъ личности и права князей, собственныя цѣлыя, существующія сами по себѣ;—теперь князья становились дѣйствительно ихъ собственниками, или, скорѣе, помѣщиками, ибо получали ихъ отъ хановъ въ отчину; а князь великій, сдѣлавшійся довѣреннымъ лицомъ отъ хана

въ отношеніи его власти надъ цѣлымъ русскимъ міромъ, получалъ чрезъ то болѣе и болѣе значенія и силы, и дошелъ, наконецъ, къ тому, что сдѣлался собственникомъ-владѣльцемъ всего русскаго міра, ниспровергъ власть частныхъ владѣльцовъ, соединилъ всѣ зависимыя прежде отъ одного хана власти въ одну. Съ усиленіемъ власти великаго князя, рядомъ шло дѣло освобожденія отъ чужеземнаго ига. Оно совершилось посредствомъ той же власти великихъ князей. Необходимость соединенія русскаго міра воедино для великаго дѣла самоосвобожденія также способствовала возвышенію великокняжескаго достоинства и вмѣстѣ съ нимъ паденію отдѣльной жизни земель, стеченію частей въ одно цѣлое и единодержавному порядку. Народъ сознавалъ, что ни вѣча, ни удѣльные князья не спасутъ его отъ хищничества сосѣда, что ему нужна единая крѣпкая власть, которая бы двинула разомъ всѣ его силы и устремила ихъ на общее дѣло. Разумѣется, это совершилось не вдругъ: борьба длилась три вѣка, и послѣдки ея отзывались и послѣ, такъ какъ и начала удѣльно-вѣчеваго уклада не умирали въ народѣ до позднѣйшихъ временъ.

Удѣльно-вѣчевой укладъ не дошелъ до своего полнаго развитія, не осуществилъ своего идеала; мы не видимъ стройной, сознательной опредѣленной федераціи земель, не видимъ, чтобы каждая часть развила въ себѣ самобытные элементы жизни; не видимъ также и твердыхъ связей соединяющихъ между собою земли. Намъ являются одни зачатки, которые не успѣли еще образоваться, и были, такъ сказать, задавлены тяжестію противныхъ началъ: то были побѣги, неуспѣвшіе дорости до зрѣлаго состоянія — ихъ юношеское существо сломлено противною бурею. Что-то хотѣло войти и не вышло; что-то готовилось и не додѣлалось! Земли обозначались по оттѣнкамъ народностей и не опредѣлились въ своихъ несомнѣнныхъ предѣлахъ. Внутри княжеская власть не представляется отдѣленною, по своему объему и значенію, отъ власти народной, отъ вѣча; и одна заходила въ область другой; мы не можемъ разъяснить вполнѣ ни взаимныхъ отношеній городовъ между собою, ни городовъ къ

волостямъ, ни способовъ, какъ образовались сословныя раздѣленія народа, и какъ между собою сталкивались и переплетались. Все здѣсь темно, все основано на догадкахъ; конечно, этому причиною и самое состояніе общества, то переходное состояніе, которое всегда имѣетъ въ себѣ что-то хаотическое, подобно тому, что представляетъ всякая постройка во время работъ: только по окончаніи работъ принимаетъ она опредѣленный видъ; но, нѣтъ сомнѣнія, что нашему непониманію своей старины въ этомъ отношеніи помогаетъ и недостаточность источниковъ. Они часто безотвѣтны на такіе вопросы, которыхъ разрѣшеніе для насъ—дѣло первой важности, хотя словоохотливы и щедры на то, что можетъ интересовать историка только тогда, когда въ занятіяхъ своихъ онъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ того, чтобъ любоваться ихъ процессомъ. Какъ бы то ни было, удѣльно-вѣчевой міръ для насъ неясенъ; а, между тѣмъ изученіе его можетъ не только интересовать праздное любопытство, но составляетъ насущную потребность разумнаго знанія нашей исторіи и важнѣйшую подмогу для уразумѣнія нашего настоящаго и, скажу болѣе, для нашихъ практическихъ цѣлей и въ настоящемъ и будущемъ. Нужно ли доказывать, что здравое и ясное узнаніе своего народа есть дѣло первой важности въ настоящее время? Едва ли кто въ этомъ сомнѣвается. Излишне намъ было бы также доказывать, что народа невозможно узнать, не зная его прошедшей жизни; того, что составляетъ современную жизнь народа, нельзя считать недавнимъ. Не въ пятьдесятъ, не въ сто лѣтъ накопилось то, изъ чего образовался народный характеръ; понятія народа формировались долго; бытъ его установлялся многими вѣками; во всѣхъ явленіяхъ народной жизни отпечатлѣлось много протекшихъ переворотовъ, легло много пережитыхъ періодовъ. Тотъ образъ, въ какомъ народъ является теперь, слагался постепенно, и чтобъ прослѣдить его исторію, необходимо обращаться къ такой древности, отъ которой только по наружности осталось, какъ нѣкоторые себѣ воображаютъ, слишкомъ мало нагладныхъ слѣдовъ, вещественныхъ памятниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти слѣды сохранились тамъ,

гдѣ они живѣе и вседѣйственнѣе—въ современныхъ обычаяхъ и понятіяхъ. Эпохи, когда самодѣятельность народа выказывалась полнѣе и многостороннѣе, рѣзче отпечатлѣваются на жизни его въ послѣдующіе вѣка: въ эти-то эпохи обыкновенно и формируются элементы народнаго характера; тогда народъ и проявляетъ свои силы, которые при иныхъ обстоятельствахъ остаются какъ бы спящими. Какъ ни кажутся отдаленными отъ насъ вѣка удѣльно-вѣчеваго уклада, но многое въ характерѣ нашего народа сложилось еще въ тѣ поры; все это пересоставилось и видоизмѣнилось при дальнѣйшемъ развитіи, но самыхъ началъ слѣдуетъ искать въ предъидущемъ. И притомъ же то, что было нѣкогда иначе, чѣмъ послѣ, составляло въ свое время также достояніе народа: оно важно для того, чтобъ уразумѣть, какъ народное существо способно проявить себя на томъ или другомъ пути, съ такими или иными условіями. Наша прошедшая историческая народная жизнь явилась въ борьбѣ двухъ началъ—удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго, и составляющее характеръ того и другаго вошло въ плоть и кровь народа: очевидна важность изученія удѣльно-вѣчеваго періода, на который еще не такъ давно если не смотрѣли съ полнымъ презрѣніемъ, то не искали въ немъ ничего для современности и не предполагали увидѣть въ немъ ничего, кромѣ безсмысленныхъ княжескихъ дракъ, которыхъ причины указывали намъ единственно въ кругѣ родовыхъ отношеній княжескихъ фамилій.

Яснѣе и полнѣе характеръ удѣльно-вѣчеваго уклада не выразился нигдѣ, какъ въ Новгородѣ. Этому причиною, вопервыхъ, болѣе всего относительное богатство источниковъ объ этой русской землѣ въ сравненіи съ источниками о другихъ нашихъ земляхъ, и во вторыхъ — самое положеніе Новгорода въ совокупности географическихъ и историческихъ явленій, давшее ему нѣсколько особый характеръ. О первой причинѣ я не стану распространяться; достаточно указать на циклъ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописей, обнимающій исторію сѣверныхъ городовъ съ незапамятныхъ временъ до паденія ихъ мѣстной независимости; тогда какъ свѣдѣнія, передаваемыя лѣтописцами

Земель Смоленской и Бѣлорусской, ограничиваются отрывочными и очень-скудными извѣстіями. Гораздо важнѣе разсмотрѣть, какъ Новгородъ получилъ въ ряду русскихъ земель свои отличія и въ чемъ они состояли. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ его народность. Остатки новгородскаго нарѣчія, безъ сомнѣнія, въ настоящее время сильно уже измѣненнаго, безпрестанно теряющаго свои особенности и подходящаго подъ уровень общаго языка, указываютъ, что въ этой землѣ было свое отличное нарѣчіе, близкое къ южно-русскому. Близость эта и теперь еще поразительна для уроженца южной Руси: когда въ первый разъ я услышалъ новгородское нарѣчіе, я принялъ говорившаго имъ за малороссіянина, какъ будто силившагося говорить по великорусски. По аналогіи можно заключить, что въ древности новгородское нарѣчіе имѣло гораздо болѣе чертъ, подобныхъ малорусскому и отличавшихъ его отъ нарѣчій сосѣднихъ земель *).

Существуетъ, записанное въ хронографѣ, полубаснословное преданіе о приходѣ съ юга поселенцевъ на сѣверъ, гдѣ обиталъ прежде другой народъ, причисляемый къ бѣлоруссамъ. Пришельцы измѣнили названіе рѣки, на которой поселились: прежде она называлась *Мутною*, пришельцы назвали ее *Волховъ*. Преданіе это сохранилось и до сихъ поръ въ народѣ; между прочимъ, оно заставляетъ предполагать, что новгородцы были южнаго происхожденія, но пришедши на сѣверъ, нашли тамъ уже славянскихъ поселенцевъ, надъ которыми ихъ народность осталась первенствующею. И этимъ, можетъ быть, надобно объяснить между другими признаками нравственную связь Новгорода съ отдаленнымъ Кіевомъ, которая такъ рельефно выдается въ исторіи дотатарской. Несомнѣнно, что съ

*) Названіе мѣстности указываетъ и на существованіе въ древности такихъ словъ, которые теперь вышли изъ употребленія въ Новгородской землѣ, но находятся въ южно-русскомъ нарѣчіи. Я укажу, напримѣръ, на мѣстность *Ковалево,* близь Новгорода. Вѣроятно, существовало въ древности слово *коваль*, означавшее кузнеца, какъ и теперь въ Малороссіи оно имѣетъ тоже значеніе Можно указать также на слово *паробокъ,* теперь уже забытое и оставшееся на югѣ.

нарѣчіемъ Новгородцы сохраняли и черты нравовъ и быта, приближавшія ихъ къ Южноруссамъ и отличавшія отъ ближайшихъ сосѣдей. Очень естественно, что оторванная, такимъ образомъ, народная горсть посреди другихъ родственныхъ, но отличныхъ народностей и чуждыхъ племенъ, сознавала себя живѣе и яснѣе. Этотъ народъ глубокой древности, именно въ IX вѣкѣ, игралъ какую то первенствующую роль въ союзѣ сѣверныхъ народовъ, образовавшемся противъ чужеземнаго ига норманнов.. Покоренные этими завоевателями, Бѣлоруссы—Кривичи, Словене—Новгородцы или Ильменскіе Словене и славянскіе колонисты земель Ростовской, Бѣлозерской и Изборской, жившіе между народами чудскаго племени и оттого означенные въ лѣтописи нашей неславянскими именами Мери, Чуди и Веси, —должны были соединенными силами отбивать враговъ, а потомъ, чтобъ сохранить разъ вынужденную, необходимую связь, устроили институцію, послужившую началомъ государственной жизни русскаго міра—я говорю о призваніи князей. Все темно въ этомъ отдаленномъ отъ насъ событіи. Но изъ нѣкоторыхъ чертъ лѣтописнаго повѣствованія видно, что его признавали въ широкомъ размѣрѣ, что участіе въ призывѣ князей раздѣляли съ тѣми, которые означены въ лѣтописи, еще и другіе, которые тамъ не означены; по крайней мѣрѣ, важно то обстоятельство, что Олегъ является съ малолѣтнимъ Игоремъ въ Кіевъ, какъ имѣющій право, показываетъ Аскольду и Диру малолѣтняго князя и убиваетъ ихъ за то, что они, не будучи князьями, управляли Кіевомъ на княжескомъ правѣ. Обстоятельство это показываетъ, какъ будто, что Аскольдъ и Диръ обманули Кіевлянъ, что послѣдніе ждали кого то другаго—не ихъ; и Кіевляне покорились добровольно Олегу, какъ бы сознавая его право. Слѣдовательно, и Кіевляне тѣмъ самымъ изображаются участниками въ призваніи варяжскихъ князей. Если только справедливо лѣтописное сказаніе о призваніи князей, Новгороду суждено было стать первоначальною точкою, откуда разошлись линіи, по которымъ сталъ созидаться новый порядокъ. И потому вполнѣ законно принадле-

житъ Новгороду честь, которую воздаютъ ему въ наше время, избирая его мѣстомъ для памятника тысячелѣтію русской государственной жизни. Очевидно, что сердцемъ возникавшей варяго-русской державы былъ онъ: въ немъ происходило первое совѣщаніе объ единеніи народовъ и уставленіи связующей власти княжескаго рода. Очевидно также, что наша исторія начинаетъ, такъ сказать, съ средины повѣствованія, съ того событія, которое не можетъ назваться начальнымъ; естественно раждается вопросъ: какимъ же образомъ возникла связь между отдѣльными племенами, какъ дошли они до общаго сознанія частей утвердить эту связь новой институціей? Вопросъ, на который нѣтъ отвѣта. Судьба Новгорода, послѣ этого важнаго событія, какъ то исчезаетъ изъ лѣтописей, занятыхъ исключительно событіями юга. Видно, однако, что онъ оставался съ своею древнею независимостью, когда избиралъ одного изъ сыновей кіевскаго князя Святослава. Въ этомъ фактѣ, какъ онъ ни скудно разсказанъ, явно выказывается то направленіе, какимъ Новгородцы отличались впослѣдствіи въ своей исторіи. Святославъ замѣтилъ посламъ: хорошо, коли кто пойдетъ къ вамъ. Это намекаетъ на ихъ свободное обращеніе съ князьями еще въ древности; и тогда не позволяли они князьямъ поднимать головы выше народнаго собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ поступкѣ уже обозначается то сочетаніе отдѣльности съ привязанностью къ общему русскому міру, которое составляло характеръ послѣдующей политической дѣятельности Новгорода. Новгородцы были свободны и могли выбрать себѣ князя гдѣ угодно, но обратились къ тому роду, который былъ ими, вмѣстѣ съ другими землями, призванъ для установленія ряда и удержанія связи частей. Они грозятъ избрать себѣ въ другомъ мѣстѣ князя, только въ случаѣ отказа получить его изъ рюрикова дома; то былъ бы поступокъ крайній, также какъ, предъ концомъ новгородской независимости, Новгородцы въ крайности готовы были преклониться подъ власть литовскаго великаго князя, и въ то же время употребляли всѣ усилія, чтобъ сохранить связь съ призваннымъ въ лицѣ прародителей родомъ.

Владимиръ, избранный Новгородцами, утвердилъ тамъ власть съ помощію чужеземцевъ-Варяговъ. Это было новое подчиненіе воинственнымъ сосѣдямъ, хотя въ другой формѣ: уже не они, въ качествѣ чужихъ завоевателей, нападали на Новгородъ и облагали его данью, а собственный выборный князь своевольно управлялъ чрезъ чужеземцевъ. Сдѣлавшись кіевскимъ княземъ, съ помощію тѣхъ же Нормановъ-Варяговъ, Владимиръ показалъ, нѣкоторымъ образомъ, первый примѣръ единовластнаго порядка и былъ единымъ владѣтелемъ всей Руси; и Новгородъ, уже порабощенный, какъ видно, прежде, теперь привязанъ былъ къ Кіеву. Древнее первостепенное значеніе его потерялось: онъ сдѣлался пригородомъ; въ его положеніи все отзывалось порабощеніемъ; даже крещеніе, если вѣрить сказанію, записанному въ іоакимовской лѣтописи, совершилось съ насиліемъ. Сынъ Владимира Ярославъ, хотя получилъ въ удѣлъ Новгородъ, зависимый отъ Кіева, непокорный отцу, шелъ однакожъ по слѣдамъ его и также опирался на чужеземцевъ-Нормановъ. Эти пособники княжескаго самовластія стали распоряжаться такъ произвольно, что наконецъ, пробудили уснувшія силы древней свободы. Перебили Варяговъ. Ярославъ отмстилъ за нихъ: завлекъ обманомъ зачинщиковъ заговора и перебилъ ихъ. Но вслѣдъ за тѣмъ услышалъ, что ему грозитъ бѣда изъ Кіева. Святополкъ кіевскій умертвилъ его братьевъ и ему грозилъ тѣмъ же. Кіевъ былъ за Святополка. Князь, сидѣвшій въ Новгородѣ, долженъ былъ поневолѣ соединить свои личные интересы съ мѣстными интересами Новгорода; Ярославъ долженъ былъ избавиться отъ Святополка, Новгородъ—отъ власти Кіева. Взаимныя нужды сблизили ихъ. Новгородцы простили ему коварное избіеніе своихъ мужей. Дѣло устроилось наилучшимъ образомъ. Новгородцы посадили на кіевскомъ столѣ своего князя, посрамили гордость Кіевлянъ, называвшихъ ихъ презрительно своими плотниками; а Ярославъ возвратилъ имъ древнюю самостоятельную свободу и призналъ возстановленіе правъ народнаго собранія для избиранія себѣ князя по желанію. Ярославъ далъ Новгороду льготную грамату. Она не дошла до насъ; но можно навѣрное ви-

дѣть, въ чемъ состояла она. На это указываютъ и послѣдующая исторія Новгорода, и послѣдующія граматы, которыя были обыкновенно снимками одна съ другой, съ нѣкоторыми измѣненіями, вынуждаемыми текущими обстоятельствами. Эпоха Ярослава осталась въ памяти народной втеченіе столѣтій началомъ ихъ свободы. И другія русскія земли вспоминали, что новгородцы освобождены были прадѣдами князей. Мѣсто, на которомъ становились народныя собранія, называлось дворомъ Ярославовымъ. Неосновательна была мысль, принятая многими, будто Новгородъ и послѣ Ярослава долго находился въ зависимости отъ Кіева, и его мѣстная свобода возникла оттого, что они воспользовались сумятицами и междоусобіями на югѣ, и такъ сказать, подъ шумокъ организовались свободно. Такъ думали потому, что качество лѣтописи принимали за качество происходившаго въ жизни. Лѣтописи XI и половины XII вѣка до насъ дошли въ краткомъ видѣ. Съ половины XII вѣка онѣ полнѣютъ и сообщаютъ такія событія, о которыхъ прежде молчали по своей краткости. Изъ этого заключали, что и въ самомъ дѣлѣ не было такихъ событій. Очевидно, такое заключеніе невѣрно и крайне произвольно. Невѣрность ясно доказывается тѣмъ, что даже и въ краткомъ перечнѣ встрѣчаются извѣстія о случаяхъ, когда Новгородцы показывали свое народное право; какъ напримѣръ, когда не хотѣли сына Святополка кіевскаго и сказали ему: *посылай, если у него двѣ головы*. Очевидно, что князья, находившіеся у нихъ, были избираемы и признаваемы народомъ и въ то время. Древнее народоправленіе, на время придушенное Владиміромъ съ помощію чужеземцевъ-Варяговъ, воскресло съ ярославовыми граматами и болѣе не упадало до конца XV вѣка. Новгородъ оставался все однимъ и тѣмъ же въ своей основной формѣ. По этой основной формѣ Новгородъ не былъ какимъ то исключеніемъ въ русскомъ мірѣ, какъ думали нѣкоторые. Его свобода и народоправленіе не составляли его мѣстнаго достоянія, недоступнаго для другихъ земель. Тоже, что было въ Новгородѣ, существовало вездѣ. Народное собраніе, вѣче, составлявшее главнѣйшую черту общиннаго устройства, было общимъ для

русскаго міра. Лѣтописецъ XII вѣка, говоря объ этомъ, не отличаетъ новгородцевъ отъ другихъ: «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кіяне и Полочане и вси власти аки на думу на вѣче сходятся». Въ суздальской землѣ, гдѣ пустило первые ростки единодержавіе, вѣче составляло верховную власть и избирало князей. Слово *вѣче* было дотого всеобщимъ въ Руси, что даже въ XVI вѣкѣ оно употреблялось на Волыни въ смыслѣ народной сельской сходки; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, составлявшихъ Новгородскую землю, оно какъ говорятъ, употребляется и теперь. Со словомъ *вѣче* связывался механизмъ независимости и гражданской свободы. *Вѣче* было признакомъ существованія Земли, сознающей свою автономію; будучи явленіемъ общерусскимъ, повсемѣстнымъ, нигдѣ, однако, порядокъ этотъ не является намъ въ такой полнотѣ, какъ въ Новѣ-городѣ. Повторимъ сказанное прежде, что здѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ то, что новгородскія сказанія дошли до насъ полнѣе; прибавлю также, что самыя эти сказанія относятся наиболѣе ко времени послѣ Татаръ, когда въ другихъ земляхъ уже угасалъ этотъ порядокъ.

Но, несомнѣнно, были причины, благопріятствовавшія Новгороду въ сохраненіи его старыхъ славянскихъ началъ, преимущественно предъ другими Землями. Новгородъ съ своею землею не былъ проходнымъ краемъ — не то, что Кіевская и Черниговская Земли, чрезъ которыя ратнымъ людямъ можно было прогуляться вдоль и поперегъ. Новгородъ былъ отдѣленъ болотами и лѣсами отъ остальной Руси. Князья на югѣ не рѣдко поддерживали себя посредствомъ наемныхъ чужеземцевъ: Половцевъ, Угровъ, Поляковъ; не могли такъ поступать съ Новгородцами, потому что и народовъ, готовыхъ для того, не было по сосѣдству, и проходъ былъ затруднителенъ. Оттого Новгородъ удобнѣе могъ прогонять и приглашать къ себѣ князей; это не такъ легко было Кіеву, поплатившемуся за изгнаніе Изяслава Ярославича и много разъ опустошенному Половцами, Торками, Берендѣями, приводимыми князьями. Нѣсколько разъ повторенные примѣры дѣлались обычнымъ правомъ, и князья

привыкли считать его ненарушимымъ. Новгородъ отъ своего имени сталъ заключать договоры съ западными сосѣдями и пріучилъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на самостоятельное государство. Торговые обороты и сношенія Европы съ Россіею касались въ частности непосредственно только Новгорода, а не другихъ частей ея.

Понятно, что Новгородъ владѣлъ большимъ пространствомъ земель на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, независимо отъ другихъ частей Россіи. Географическое положеніе этихъ странъ было такое, что только Новгороду было подручно держать ихъ въ связи съ русскимъ міромъ. Страны эти были суровы и бѣдны по климату и почвѣ, но богаты по другимъ произведеніямъ, составлявшимъ въ тѣ вѣка источникъ богатствъ. У Новгородца долго никто въ русскомъ мірѣ не отнималъ этихъ владѣній, ибо никому не представлялось ни выгодъ, ни удобствъ для этого; только съ распространеніемъ колонизаціи на востокъ изъ Ростовско-Суздальской земли, Новгородъ долженъ былъ оспаривать исключительную принадлежность сѣверовосточныхъ колоній у великихъ князей. Колоніи не принадлежали ко всему русскому міру, и были его мѣстнымъ достояніемъ. Чрезъ эти особенности въ Новгородѣ образовалось, укрѣплялось и поддерживалось сознаніе о своей автономіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозмутимѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, развивались старославянскія начала. Новгородская земля не представляла единства народности. Славяно-русская была въ меньшинствѣ въ сравненіи съ массою народовъ чудскаго племени; эта славяно-русская была въ меньшинствѣ въ сравненіи съ массою народовъ чудскаго племени; но эта славяно-русская народность была въ полной мѣрѣ господствующею, встрѣчала такія народности, которыя не имѣли силы ни бороться съ нею, ни воздѣйствовать на нее, и покорно съ ней соединялись. Такимъ образомъ, эта господствующая народность расширялась на сѣверъ, сѣверовостокъ и сѣверозападъ, побѣждая препятствія, неважныя въ сравненіи съ тѣми, какія были въ другихъ земляхъ, напримѣръ, въ южныхъ. Это прогрессивное движеніе отчасти вы-

тѣснило чудскихъ аборигеновъ, отчасти сообщало имъ славянскую цивилизацію и народность. На западѣ оно было остановлено сильною встрѣчею съ нѣмецкою народностію, съ которою не такъ легко было выдержать борьбу славянскому племени вездѣ и вообще. Ставшій, такимъ образомъ, обладателемъ сѣвера, проводникомъ торговли съ Западомъ для цѣлаго русскаго міра, Новгородъ въ ряду русскихъ земель пріобрѣлъ почетное значеніе, имѣлъ много данныхъ для мѣстной независимости и самобытности; съ другой стороны, въ его географическомъ положеніи были и условія, привязывавшія его къ русскому міру. Почва его земель не отличалась плодородіемъ; Новгородъ долженъ былъ получать хлѣбъ изъ прочихъ странъ Руси. Если чрезъ его руки въ русскія земли переходили западные товары, если также русскія произведенія онъ передавалъ Западу, то въ главномъ предметѣ жизненныхъ продовольствій онъ не могъ обойтись безъ другихъ, болѣе плодородныхъ земель. Эти обстоятельства и были неоднократно, между прочимъ, поводомъ къ тому, что Новгородъ такъ сильно держался Кіева и впослѣдствіи долженъ былъ уступить въ борьбѣ съ восточной Русью за право мѣстной отдѣльности. Притязаніемъ великихъ князей Ростовско-суздальской земли, а потомъ Московской, помогали эти обстоятельства. Такимъ образомъ, сохранилось въ теченіи вѣковъ направленіе, указанное нами; какъ характеристическая черта новгородской исторіи—сочетаніе стремленія къ удержанію мѣстной независимости съ признаніемъ законности и необходимости связи съ остальнымъ русскимъ міромъ для единства всей Русской Земли.

Въ эпоху господства федеративнаго строя русской общественной жизни не ослабѣвало въ ней стремленіе къ единству, заключавшее въ себѣ сѣмена будущаго единодержавія, которому суждено было развиться послѣ толчка, даннаго внѣшними завоеваніями. Это стремленіе выражалось первенствомъ великихъ князей надъ всѣми князьями и Землею русскою, и вмѣстѣ съ нимъ какъ бы соединялась идея о первенствѣ одной Земли надъ прочими. Когда усобицы и гибельныя раззоренія отъ чужепле-

менниковъ лишили Кіевъ силъ и средствъ удержать древнее первенство, на востокѣ стремленіе къ нему является въ Суздальско-ростовской Землѣ. Открывается посягательство на подчиненіе Новгорода. Здѣсь было что-то не совсѣмъ для насъ ясное; здѣсь кроются какія-то древнія отношенія Новгорода къ Суздальско-ростовской Землѣ, которыя едва мерцаютъ въ древнемъ ихъ соединеніи по поводу призванія варяжскихъ князей. Нѣтъ сомнѣнія, если вѣрить буквальному смыслу лѣтописи, что Ростовъ и Суздаль находились въ древности въ связи съ Новгородомъ и, вѣроятно, послѣдній имѣлъ надъ ними первенство. Даже въ XII вѣкѣ Новгородъ помнилъ свое старое первенство, и въ исторіи Всеволода-Гавріила есть намекъ, что Новгородъ предпринималъ войну съ претензіями на первенство, заявлялъ какое-то право считать своею принадлежностью Суздальско-ростовскую Землю. Князь противился новгородскому желанію и ссылался на княжескій раздѣлъ; Новгородцы представляли противъ этого свои древніе народные счеты по землямъ. Война эта была неудачна и прекратила покушеніе Новгорода; но послѣ того начазись обратныя покушенія Суздальско-ростовской земли на Новгородъ. Въ этой борьбѣ, которая потянулась на столѣтія, видны не только княжескія попытки, но также и стремленіе Восточно-русской Земли. Когда великій князь Всеволодъ воевалъ противъ Новгорода и осаждалъ Торжокъ, самъ Всеволодъ готовъ былъ отступить отъ города и прекратить вражду, но мужи его Земли требовали взятія города и изъявляли злобу на Новгородъ. Когда Мстиславъ-Удалой съ Новгородцами вошелъ въ Суздальскую Землю, то Суздальцы ополчились противъ Новгородцевъ съ тою же народною непріязнію. Это соперничество, въ началѣ народное, перешло потомъ къ Москвѣ и превратилось въ борьбу мѣстнаго вѣчеваго начала съ единодержавнымъ. Эта-то борьба наполняетъ политическую исторію Новгорода; она-то и доканала его независимость.

До Татаръ два великія событія въ этой борьбѣ дали перевѣсъ Новгороду и утвердили его самобытность: чудо знаменской Бо-

городицы и побѣды Мстислава-Удалого. Первое облекло религіознымъ благословеніемъ свободу Великаго Новгорода и его мѣстную самобытность; вторыя оградили надолго Новгородъ отъ покушеній владимирскихъ князей и поставили въ опредѣленныя границы ихъ взаимныя отношенія. Новгородъ хотѣлъ самостоятельности, но не хотѣлъ оторваться отъ русскаго міра и организоваться въ общество, чуждое для послѣдняго. Онъ готовъ былъ признать старѣйшинство суздальско-ростовскаго князя и получить князей отъ руки его, лишь бы только съ противной стороны признаваема была его автономія въ союзѣ русскихъ земель. Такъ и было. Послѣ побѣдъ Мстислава обстоятельства и, въ особенности, потребность получать хлѣбъ, дали въ Новгородѣ перевѣсъ партіи клонившей его къ подчиненію владимирскимъ князьямъ. Но уже прежнихъ попытокъ, какія дозволяли себѣ Андрей и Всеволодъ, долго не было; владимирскіе князья признавали за Новгородомъ его право; князья Владимирской Земли, пріѣзжая въ княженіе по избранію, были осторожнѣе въ покушеніяхъ превысить ту мѣру власти, какая имъ давалась отъ народа. Можно сказать, что подвиги Мстислава-Удалого пріостановили рождающееся единодержавіе, поставили границы верховной соединительной власти и утвердили федеративный порядокъ. Для прочности его недоставало того, чему зародышъ положилъ еще Владимиръ Мономахъ —общаго сейма князей и Земель. Можетъ быть обстоятельства и выработали бы это учрежденіе, народъ новыми опытами дозрѣлъ бы до уразумѣнія средствъ къ поддержкѣ началъ общаго союзнаго отечества. Но тутъ нагрянули татары.

Татарское завоеваніе не коснулось Новгорода и Земли его; какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, сто верстъ всего недошли завоеватели до Новгорода, и это событіе было важно для дальнѣйшей судьбы его. Старое, еще недостроенное зданіе русской федеративной державы было разбито; отъ него остался на сѣверѣ уголъ: то былъ Новгородъ съ Псковомъ — своимъ меньшимъ братомъ. Татары только то считали собственностью, что успѣли разорить; Земля разоренная доставалась имъ во владѣніе, и все,

что только на ней являлось, почиталось достояніемъ хана. Новгородъ и Псковъ не сдѣлались этой печальной собственностью, потому что не были покорены и разорены. Новгородъ при Александрѣ Невскомъ долженъ былъ временно покориться судьбѣ и допустить ханскихъ численниковъ, а впослѣдствіи платить выходъ и участвовать въ общей дани, вносимой ханамъ Россіею; но то были временныя пожертвованія общему русскому единству сознаніемъ того, что Новгородъ есть русская Земля и долженъ нести общее бремя до извѣстной степени. Это была, вмѣстѣ съ тѣмъ, предохранительная уступка сильнымъ врагамъ, сдѣланная для того, чтобъ избавиться отъ столкновеній, которыя, при несчастномъ поворотѣ судьбы, могли лишить его самобытности и свободы. Тогда какъ въ предѣлахъ обширной восточной Руси, раздвигавшей время отъ времени свои границы, подъ правомъ завоеванія возникалъ единодержавный укладъ, образовывались и утверждались новыя политическія и общественныя начала, въ Новгородѣ и Псковѣ господствовали древнія понятія объ автономіи Земли. Земля въ смыслѣ націи не стала собственностью никакихъ князей: она принадлежала самой себѣ, то есть народу, выражавшему свое бытіе внѣшнею формою вѣча. Новгородъ въ этомъ смыслѣ представлялъ какъ бы лицо владѣльца—онъ и назывался государемъ, то есть владѣльцемъ, хозяиномъ. Отъ имени Новгорода заключались договоры, велись войны, издавались законы, учреждался всякій порядокъ. Мало по малу, прежнее значеніе новгородскаго князя перешло къ великому князю; въ Новгородѣ хотя были другіе князья, но уже не въ качествѣ правителей земли, а какъ призываемые предводители войка. Князь великій представлялъ надъ нимъ выраженіе верховной связи съ русскимъ міромъ. Но тогда московскіе князья начали заявлять стремленіе къ единодержавію; Москва стала грозить подчиненіемъ себѣ другихъ народностей. Новгородъ долженъ былъ вынесть борьбу за свою мѣстную самостоятельность и за старый вѣчевой порядокъ. Въ Новгородѣ, такъ сказать, нашли послѣднее прибѣжище свободныя федеративныя начала, изгнанныя изъ другихъ Земель. Онъ не думалъ объ

толоженіи, но по прежнему хотѣлъ удержать федеративную связь съ прочею Россіею. Отъ этого въ политической дѣятельности, по отношенію къ великимъ князьямъ, не было ничего новаго, не видно ничего прогрессивнаго. Новгородъ стоялъ за старину, но въ тоже время, въ его устройствѣ лежало начало прогресса, хотя неудобосовершимаго. Старое было недостроено; дѣло шло о томъ, чтобъ докончить то, что начато еще въ IX вѣкѣ, и докончить не такъ, какъ внезапное завоеваніе въ XIII вѣкѣ повернуло ходъ русской исторіи.

Пока еще единодержавіе не взяло окончательнаго перевѣса надъ стариннымъ складомъ, Новгородъ могъ бороться; но когда въ народныхъ понятіяхъ всей остальной Руси единодержавіе стало нормальнымъ порядкомъ, Новгородъ со своими старыми началами долженъ былъ или отложиться отъ русскаго міра, или подчиниться добровольно новымъ требованіямъ. Новгородъ, какимъ онъ былъ, становился анахронизмомъ. Отъ этого-то походъ Ивана III возбудилъ къ себѣ симпатію въ народѣ; война его съ Новгородомъ было дѣломъ обще-русскимъ, дѣломъ церкви и народа. Новгородъ дѣйствительно бросился было на отчаянную мѣру — выбиться изъ прежней колеи: онъ отдавался литовскому князю; попытка не удалась: Новгородъ былъ покоренъ.

Иванъ III понималъ, что Новгородъ не можетъ добровольно подчиниться новому порядку, когда старое въ немъ сжилось съ вѣковыми привычками и нравами общественнаго и политическаго быта. Надобны были рѣшительныя мѣры. Иванъ употребилъ ихъ. Иванъ не удовольствовался снятіемъ колокола и уничтоженіемъ вѣча и званія посадника—Иванъ уничтожилъ Новгородъ до корня, переселивъ его жителей по разнымъ краямъ, подчиненнымъ московской державѣ, и замѣнивъ прежнее населеніе новымъ, чуждымъ прежнихъ мѣстныхъ воспоминаній. Опустошеніе Новгородской Земли совершилось въ чрезвычайной степени и было значительнѣе, чѣмъ сколько обыкновенно полагаютъ. По извѣстіямъ лѣтописей, изъ Новгорода выведено было до 18,000 семей — слѣдовательно, полагая

minimum на семью по четыре души, до 72,000 душъ. Если взять во вниманіе, что было еще много такихъ, которые, спасаясь отъ жребія, грозившаго Новгороду, успѣли убѣжать въ Литву, то, безъ преувеличенія, можно полагать, что городъ лишился совершенно прежняго населенія. Что касается до пригородовъ и волостей, то тамъ совершилось сильное потрясеніе. Владѣльцы земель—бояре и дѣти боярскіе — были выведены: имъ даровали земли въ другихъ мѣстахъ. Всего нагляднѣе это показывается въ дошедшихъ до насъ отъ конца XV вѣка писцовыхъ книгахъ, гдѣ безпрестанно означаются земли, бывшія достояніемъ старыхъ Новгородцевъ, признанныя потомъ землями великаго князя и раздаваемыя въ помѣстья инымъ слугамъ, болѣе вѣрнымъ и надежнымъ. Что касается до простаго народа, то и масса его въ тѣ печальные годы пострадала жестокимъ образомъ. У Ивана были двѣ войны съ Новгородомъ, обѣ ведены были опустошительно. Шло дѣло не о томъ, чтобъ разбить новгородское войско, заставить Новгородцевъ покориться волѣ великаго князя; Иванъ хотѣлъ обезсилить его, довести до ничтожества: войска, распущенныя отрядами на востокъ и на сѣверъ, истребляя селенія на землѣ, принадлежащей Новгороду, убивали беззащитныхъ людей, а тѣ, которые успѣвали уйти, должны были послѣ умирать съ голоду, потому что ратные люди вездѣ истребляли хлѣбные запасы. Изъ двухъ войнъ Ивановыхъ одна происходила лѣтомъ, другая—зимою. Во время первой — поселяне еще могли кое-какъ спасаться въ болотахъ и лѣсахъ, и уносить съ собою часть своего достоянія. Во время второй войны, лишенные крова и продовольствія, жители должны были толпами замерзать отъ холоду и умирать съ голоду. Народонаселеніе Новгородской земли должно было значительно уменьшиться и обезсилѣть. Это обстоятельство неизбѣжно должно было страшнымъ образомъ потрясти древнюю новгородскую народность; остатки прежняго населенія разрослись подъ другими условіями и смѣшались съ приливомъ народонаселенія изъ другихъ земель. Оттого то отъ древней новгородской народности остались однѣ развалины.

Новгородъ въ русской исторіи выразилъ сторону жизни удѣльновѣчеваго характера, отличную отъ единодержавной, которой представительною силою сдѣлалась Москва. Новгородъ совмѣстилъ въ себѣ то, что было достояніемъ всѣхъ Земель въ свое время, и представилъ это ясно въ своей исторіи. Новгородъ стоялъ за федеративный строй русской Земли и за мѣстную и личную свободу; Москва хотѣла сдѣлаться центромъ Россіи, притянуть къ себѣ всѣ ея силы, поглотить собою самодѣятельность ея частей; Москва домогалась единаго государства, слитія особенностей, подчиненія личности общественной волѣ, выражаемой совмѣщеніемъ ея въ идеалѣ верховной власти.

Два принципа воплощались въ исторической жизни противоположными явленіями, и потому неизбѣжна была борьба на жизнь и смерть для ихъ историческихъ представителей.

Я не имѣю цѣлію излагать предъ вами, мм. гг., подробно состояніе, бытъ и устройство Новгорода. Это могло бы только послужить предметомъ цѣлаго курса. Укажу только на главныя черты. Названія и частныя приложенія идеи — предметы второстепенные, и являлись на Руси въ различныхъ видахъ; но самая идея оставалась вездѣ одна и та же, и выражалась однимъ и тѣмъ же очеркомъ своей первобытной формы.

Главное, чѣмъ отличался Новгородъ, какъ представитель удѣльновѣчеваго уклада, это принципъ мѣстной автономіи Земли, въ федеративной связи съ другими землями, выражаемый извѣстною формою народоправленія, на основаніи сочетанія родоваго права съ личною свободою. Мѣстная автономія не только поддерживалась самимъ Новгородомъ для себя, но допускаема была и въ подчиненныхъ ему пригородахъ и селахъ; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что слово «вѣче», означавшее народное правительственное собраніе, до сихъ поръ осталось въ сѣверномъ нарѣчіи въ значеніи сходки и показываетъ, что древнее вѣче, какъ выраженіе самоуправленія общины, не было принадлежностью одного вер-

ховнаго города страны, а было достояніемъ каждой жилой мѣстности, каждой общины, какъ скоро естественнымъ путемъ она въ извѣстныхъ границахъ сознавала свою автономію. Во всей политической дѣятельности Новгорода не видно домогательства централизующей власти; Новгородъ довольствовался признаніемъ своего первенства и соблюденіемъ связи, условливающей единство частей земли. Пермь и Югра управлялись своими князьями и въ такомъ положеніи были застигнуты государственною системою Ивана. Двинская Земля, уже заселенная новгородскимъ племенемъ, была такъ слабо прикована къ центру, что образовала въ себѣ много мѣстныхъ стремленій, которыя повлекли ее къ попыткамъ отторженія отъ новгородской власти, и которыя, однако, были такъ слабы для того, чтобъ совершить отпаденіе члена, прежде чѣмъ не поражена была голова. Псковъ составлялъ нѣкогда часть Новгородской земли; какъ скоро онъ ощутилъ въ себѣ элементы самобытности, тотчасъ и обособился съ своею волостью, въ видѣ отдѣльной земли, и Новгородъ призналъ его самобытность, довольствуясь только союзомъ съ нимъ, выражавшимся тѣмъ, что Псковъ считался меньшимъ братомъ Новгорода. Этотъ недостатокъ централизаціи, быть можетъ, былъ одною изъ причинъ, что Новгородъ, владѣя огромными пространствами, не могъ собрать въ пору правильныхъ силъ для защиты своихъ границъ; на западѣ заходили за нихъ Шведы и Крестоносцы; на востокѣ и на югѣ переходили онѣ въ сферу Восточно-русской Земли. Такъ не устоялъ онъ и противъ московскаго покушенія. Не имѣя въ себѣ единодержавнаго государственнаго принципа, онъ не могъ бороться съ этимъ принципомъ, который окрѣпъ въ сосѣдствѣ: ибо для такой борьбы нужны были равныя силы и средства, и пріемы. Совсѣмъ не то является въ Восточно-русской Землѣ; тамъ въ прогрессивномъ ходѣ развитія ея крѣпости, мѣстная самобытность частей приносится въ жертву нивеллирующему центру; мѣстныя привычки и обычаи должны были изглаживаться и принимать, по крайней мѣрѣ въ глав-

ныхъ чертахъ, одинъ видъ. Тамъ, гдѣ прежнія преданія казались тверды и упорны, сдѣлались потребными крутыя средства, переселенія и даже опустошенія страны. Весь народъ долженъ былъ слиться въ сплошную массу, проникнутую однимъ духомъ повиновенія и готовности стать на защиту отвлеченной идеи государства, для распространенія его предѣловъ и для поддержки его чести.

Въ Новгородѣ все исходило изъ принципа личной свободы. Общинное единство находило опору во взаимности личностей. Въ Новгородѣ никто, если самъ не продалъ своей свободы, не былъ прикованъ къ мѣсту; Новгородецъ долженъ былъ подчинять свою личность общей волѣ только тогда, когда живетъ въ общинѣ; но онъ всегда могъ выйдти изъ нея и идти куда хочетъ. Такъ равно и въ Новгородѣ всякій могъ приходить и жить полноправно. Оттого Новгородъ былъ постоянно убѣжищемъ всякаго рода изгнанниковъ; по договорамъ должно было выдавать только уличенныхъ преступниковъ, да и то не исполнялось; а съ другой стороны, по всему русскому міру разсѣяны были дѣти Великаго Новгорода. Въ московскомъ мірѣ, напротивъ, личность человѣка тянула къ чему нибудь: человѣкъ, самъ по себѣ, не пользовался самобытнымъ существованіемъ: онъ былъ не болѣе какъ единицею въ общей суммѣ и отвѣчать, вмѣстѣ съ другими, за всѣхъ и за каждаго изъ всѣхъ. Во внутренней исторіи московскаго народа слово «бѣглецъ» играетъ важнѣйшую роль, тамъ личность долго пыталась вырваться отъ сковывавшихъ ее узъ. Въ новгородскомъ мірѣ—бѣглецъ могъ быть только преступникъ, осужденный закономъ и уклонявшійся отъ приговора надъ нимъ, или рабъ. Народоправленіе Новгорода носило характеръ этой же личной свободы: вѣче, сколько намъ извѣстно, было почти не связано формами и ограниченіями. Оттѣнки происхожденія и состоянія, образовавшіеся въ видѣ сословій, равномѣрно являлись въ немъ: какъ бояре и богатые купцы, такъ и бѣдняки-ремесленники и поденщики имѣли равное право участія. Представительства, сколько извѣстно, не было, исключая только тогда, ког-

да посылались куда либо депутаты въ посольствѣ, потому что въ послѣднемъ случаѣ, самое дѣло этого требовало. На вѣче, по звону колокола, прибѣгалъ кто хотѣлъ; равномѣрно кто хотѣлъ, тотъ могъ собираться и предлагать народу свое мнѣніе. Такой способъ общественной жизни тѣсно связанъ былъ съ федеративнымъ принципомъ: только при мѣстной автономіи частей возможны личная свобода и такое народоправленіе. Неудивительно, что свободное начало въ Новгородѣ было источникомъ вѣчнаго хаоса, смутъ и партій. Неравенство способностей и индивидуальныхъ наклонностей и временныхъ предразсудковъ безпрестанно выдвигало на первый планъ личности и фамиліи, налегавшія на массу произволомъ и насиліемъ; но за то не могли они ввести для своихъ эгоистическихъ видовъ ничего прочнаго и, въ свою очередь, отступали, побѣжденныя дружнымъ усиліемъ массы. Такимъ образомъ, въ новгородской исторіи встрѣчается, часто, почти постоянно, борьба чернаго народа съ такъ называемыми боярами. Свобода выдвигала бояръ изъ массы; но тогда эгоистическія побужденія влекли ихъ къ тому, чтобы употребить свое возвышеніе себѣ въ пользу, въ ущербъ оставшихся въ толпѣ; но та же самая свобода подвигала толпу противъ нихъ, препятствовала дальнѣйшему ихъ усиленію и наказывала за временное господство—низвергала ихъ, для того, чтобъ дать мѣсто другимъ разыграть такую же исторію возвышенія и паденія. Свобода, необлеченная въ сознательныя, прочныя формы, зависѣла отъ духа, отъ степени умственнаго развитія, отъ понятій о нравственномъ и общественномъ долгѣ. Для того, чтобъ свободныя начала развивались, нужны были побужденія къ саморазвитію народа, а ихъ не только не было, но еще столкновеніе обстоятельствъ препятствовало тому. Выше мы замѣтили, что почва новгородской земли была неплодородна, и это ставило Новгородъ въ зависимость отъ другихъ частей русскаго міра. Климатическія особенности вообще не принадлежали къ такимъ, которыя располагаютъ къ живой умственной работѣ; религіозность, составлявшая исключительный кругъ духовной

дѣятельности, уклонилась въ аскетическую и обрядную односторонность, вмѣсто того, чтобъ оказыветь благодѣтельное вліяніе приложеніемъ къ жизни общечеловѣческихъ, христіанскихъ началъ. Сосѣдство съ Западомъ и торговыя сношенія съ Нѣмцами не сблизили Новгорода съ Европою морально, потому что Нѣмцы всегда показывали эгоистическую политику, клонившуюся къ тому, чтобъ эксплуатировать Новгородъ для своихъ цѣлей, и сознательно, умышленно старались не допускать Новгородцевъ до знакомства съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Но главное, что не дозволяло Новгороду идти съ своею свободою по пути историческаго прогресса, было то, что удѣльно-вѣчевое начало, котораго онъ держался до конца, было пригодно для цѣлой русской земли, а не для одной ея части въ отдѣльности. Обстоятельства сломили это начало въ другихъ частяхъ; Новгородъ оставался съ нимъ, какъ развалина прежняго. Ни условій, ни средствъ, ни стремленій къ организованію изъ себя отдѣльной державы онъ не имѣлъ; оставаться съ своими особенностями въ иномъ мірѣ ему нельзя было. Рухнуло удѣльное вѣчевое начало въ русскомъ мірѣ,—должно было рухнуть оно и въ послѣднемъ углу, куда пріютилось было въ теченіи того времени, какъ созрѣвало новое. По естественному закону, уголъ этотъ долженъ былъ испытать участь цѣлаго зданія, котораго частью не переставалъ быть никогда.

Мы не покланяемся теоріи неизбѣжнаго историческаго прогресса, по которой слѣдуетъ признавать лучшимъ все, что случилось позже, и въ каждомъ историческомъ переворотѣ видѣть какую-то необходимость и нормальность. Мы не будемъ, при видѣ печальныхъ историческихъ явленій, утѣшать себя мыслію, что эти явленія были необходимы для другихъ, болѣе свѣтлыхъ и отрадныхъ. Не станемъ, въ этомъ отношеніи, уподобляться Скалозубу, находившему, что пожаръ Москвы служилъ ей къ укращенью. Если несомнѣнно, что Новгородъ, оставленный самъ по себѣ, не могъ осуществить въ своемъ бытѣ началъ федеративной независимости съ ясными формами самобытности, то нельзя сказать, чтобъ эти начала

были безплодны по своему существу, еслибъ продолжали возрастать въ цѣлой Руси, и что, напротивъ, другія, ихъ замѣнившія, были и выше и благодѣтельнѣе. Но, съ другой стороны, то, что уже совершилось, должно разсматривать, какъ совершенное. Единодержавный принципъ государственности, единства, восторжествовалъ надъ удѣльно-вѣчевымъ началомъ федераціи—и образовалось огромное, могучее государство. Къ великой цѣли образованія этого государства направлялись всѣ главныя историческія движенія со времени Іоанна III. Государственность объединила русскій народъ; саморазвитіе народныхъ силъ было поглощено дѣломъ этого единства; свобода общины и лица приносилась ему въ жертву.

Громадный трудъ Петра-Великаго завершилъ то, что приготовлено было предшествовавшими вѣками; онъ повелъ единодержавную государственность къ ея полному апогею. Государство обособилось отъ народа, составило свой кругъ, образовало особую народность, примкнутую къ власти; кругъ ея разширялся, захватывая къ себѣ верхніе слои народа. Такимъ образомъ, въ русской жизни возникли двѣ народности: одна—народность государственная, другая—народность массы, народность, которая, будучи разсматриваема съ государственной точки зрѣнія, доросла до единства въ совокупности мѣстныхъ видовъ, лишенныхъ своего проявленія, но сохрвнившихъ свою частную физіономію подъ неотразимымъ вліяніемъ условій географическихъ и этнографическихъ. Крѣпостное право, формировавшееся въ теченіи долгаго времени прогрессивнымъ ходомъ, было самымъ осязательнымъ, самымъ крайнимъ выраженіемъ перевѣса государственнаго начала надъ народнымъ и раздѣленія власти отъ народа; оно одну часть народа ввело въ область власти и оторвало отъ другой, другую оставило въ исключительной народной сферѣ безъ всякихъ правъ самодѣятельности. Для обѣихъ сторонъ такое положеніе становилось невыгоднымъ.

Въ наше время сама власть увидѣла это и производитъ мудрые повороты общественнаго механизма: я говорю о свѣжемъ событіи, столь благотворно поколебавшемъ судьбу заснувшей народной жизни. Это событіе есть начало новой русской исторіи: государственность примиряется съ народностью. Драма, которой прологъ показался въ XIV вѣкѣ и первое дѣйствіе разыграно при Иванѣ III, приближаетсякъ своему пятому акту и развязкѣ. Долго составлялось русское государство и ограничивало, стѣсняло народную жизнь, потому что послѣдняя мѣшала его образованію, нося въ себѣ древнія удѣльно-вѣчевыя привычки. Наконецъ, государство вполнѣ составилось, окрѣпло, побороло всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія. Его разложеніе болѣе невозможно. Государство стало твердо и непоколебимо не внѣшними, а внутренними условіями. Сознавая свою полную силу, государство само пробуждаетъ народную жизнь: пробуждаетъ къ свободной дѣятельности—мы вступаемъ въ новую исторію. Не станемъ обольщаться и придавать нашему времени болѣе того, что зрѣлое обсужденіе факта можетъ намъ сообщить мимо всякаго увлеченія. Мы ничего еще не видимъ, кромѣ зародышей новой исторіи; но довольно того, что есть хоть какіе нибудь зародыши. Отъ обстоятельствъ будущаго зависитъ, будетъ ли ихъ ростъ совершаться быстро или медленно. Пусть государство не мѣшаетъ свободѣ мѣстной народной жизни, потому что оно крѣпко и сильно; а послѣдняя не будетъ бояться государства, находя въ немъ покровительство своему развитію. Инициатива новаго зачатка въ исторіи нашей народной жизни принадлежитъ Государю. Исторія безпристрастно оцѣнитъ его вмѣстѣ съ его вѣкомъ.

1861.

ДОЛЖНО ЛИ СЧИТАТЬ

БОРИСА ГОДУНОВА

ОСНОВАТЕЛЕМЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА?

ДОЛЖНО ЛИ СЧИТАТЬ

БОРИСА ГОДУНОВА

ОСНОВАТЕЛЕМЪ КРѢПОСТНАГО ПРАВА?

Въ IV книгѣ Русской Бесѣды за 1858 г. помѣщена подъ этимъ названіемъ статья съ новымъ оригинальнымъ взглядомъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ Русской допетровской исторіи. До сихъ поръ царю Борису приписывали прекращеніе перехода крестьянъ въ юрьевъ день и тѣмъ самымъ начало введенія крѣпостнаго права. Авторъ статьи, г. Погодинъ, не только оправдываетъ Бориса предъ судомъ исторіи, но доказываетъ, что личное крѣпостное право не возникло юридически, а образовалось само собою, вытекая изъ обстоятельствъ народной жизни, подобно многимъ учрежденіямъ въ англійской исторіи, о которыхъ напрасно было бы доискиваться, когда именно они возникали. Метода изслѣдователя состоитъ въ томъ, что авторъ собираетъ всѣ извѣстные акты, на которые обыкновенно упираются, когда доказываютъ прикрѣпленіе крестьянъ при Борисѣ, подлинность однихъ подвергаетъ сомнѣнію, въ другихъ видитъ не тотъ смыслъ, какой видѣли прежніе изслѣдователи.

Обыкновенно привыкли думать, что первое прекращеніе перехода крестьянъ послѣдовало въ 1592 году. Указъ по этому предмету не дошелъ до насъ; но мы вѣрили въ его существованіе,

въ свое время на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Смыслъ указа 1597 года ноября 21 тотъ, чтобы въ имѣніи помѣщиковъ и вотчинниковъ были возвращаемы бѣглые, которые убѣжали за пять лѣтъ предъ тѣмъ; тѣхъ же, которые удалились съ мѣста жительства ранѣе, оставить на новыхъ мѣстахъ свободно. Изъ этого заключаютъ, что за пять лѣтъ предъ тѣмъ должна была послѣдовать важная перемѣна относительно перехода крестьянъ. 2) Указъ царя Василія Шуйскаго, въ которомъ говорится, что царь Өеодоръ, по наговору Бориса, *выходъ крестьянамъ заказалъ.* 3) Указы 1601 и 1602 годовъ, которыми позволялось одного рода владѣльцамъ отпускать отъ себя и принимать крестьянъ, владѣльцамъ другаго рода запрещалось. Изъ этого видѣли, что въ то время законъ Судебника, предоставлявшій общее право перехода повсемѣстно, потерялъ свою силу и что въ предъидущіе годы послѣдовало его отмѣненіе. 4) Приговоръ боярскій 1605 г., который, относясь собственно до бѣглыхъ, въ главныхъ чертахъ сообразенъ съ указомъ 1597 и вообще можетъ считаться только второстепеннымъ источникомъ, служащимъ для подтвержденія главныхъ.

Г. Погодинъ находитъ, что указъ 1597 года не относится къ запрещенію крестьянскаго выхода, что слова указа назначаютъ только крайній срокъ, послѣ котораго помѣщики не могутъ отыскивать своихъ крестьянъ. «Это указъ о бѣглыхъ»— говоритъ изслѣдователь—«подобный многимъ прежнимъ, старшимъ и младшимъ, указъ, безпрестанно возобновлявшійся (какъ при Іоаннахъ, такъ и при Романовыхъ) и не имѣющій никакого отношенія къ крѣпостному праву». Первый, показавшій ученымъ дорогу выводить изъ этого указа существованіе прежняго о воспрещеніи перехода, былъ Татищевъ, столь заклейменный подозрѣніями въ подлогахъ и произвольныхъ заключеніяхъ; за нимъ тоже повторилъ Карамзинъ и, основываясь на словахъ «до нынѣшняго 106 года за пять лѣтъ», изрекъ такой историческій приговоръ: «слѣдовательно тогда, въ 1592 и 1593 г,, былъ запрещенъ переходъ крестьянъ».

Указъ царя Василія Шуйскаго въ 1607 г. говоритъ ясно и

прямо: «при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ крестьяне выходъ имѣли вольный, а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ и у кого колико крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ отъ того начались многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги отставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому судъ вершити, и нынѣ великія въ томъ учинилися распри и насилія и многимъ раззоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣлашася и содѣваются.»

Вначалѣ, какъ легко видѣть изъ этого отрывка, можно заключить, какъ и заключаетъ г. Погодинъ, что правительство, издавшее этотъ указъ, не оправдывало мѣры укрѣпленія крестьянъ, внушенной царю Ѳеодору Борисомъ. Но, вмѣсто того, чтобъ отмѣнить такое зло, въ томъ же указѣ изглагаются далѣе правила строжайшаго укрѣпленія крестьянъ: «которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ, въ книгахъ 101 г., положены и тѣмъ быти за тѣми, за кѣмъ писаны, а буде тѣ крестьяне пошли за кого иного и въ томъ есть крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье и тѣ дѣла не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми животы ихъ тѣмъ, за кѣмъ они писаны до сроку Рождества Христова 116 г. безъ пожилаго, а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріемъ и за пожилое по сему уложенію. А не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1 не будетъ, и тѣхъ послѣ срока по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги, за кѣмъ они нынѣ живутъ, и впредъ за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давати и крестьянъ не вывозити. А буде которые отнынѣ изъ за кого вышедъ перейдутъ къ иному кому бы то ни было и тотъ приметъ противъ сего нашего уложенія, и у того крестьянина взявъ перевезти ему со всѣми того крестьянина пожитки откуда онъ перебѣжалъ».

Кромѣ этого противорѣчія, г. Погодинъ находитъ въ указѣ

Шуйскаго еще другое противорѣчіе историческимъ обстоятельствамъ того времени. Въ указѣ говорится, что крестьяне должны оставаться за помѣщиками, за которыми были назадъ тому пятнадцать лѣтъ, то есть въ 7101 г., или отъ Р. Хр. 1592. Но указъ 1601 (7110) показываетъ, что въ этотъ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени торжественно бывалъ разрѣшаемъ переходъ крестьянамъ, и притомъ въ боярскомъ приговорѣ 1605 г. сказано, что бѣжавшихъ въ 110, 111, 112 г., по причинѣ сильнаго голода, тогда свирѣпствовавшаго, слѣдуетъ оставлять на новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, если они докажутъ, что убѣжали по причинѣ голода. Спрашивается — говоритъ г. Погодинъ — какимъ образомъ перешедшіе тогда по закону могли быть возвращаемы? и какъ можетъ быть подобное противорѣчіе въ оффиціальныхъ бумагахъ, столь между собою близкихъ? Въ подтвержденіе своего сомнѣнія въ подлинности указа, приписываемаго царю Шуйскому, г. Погодинъ приводитъ подобное сомнѣніе, высказанное Карамзинымъ: «Признаюсь, что сей указъ Шуйскаго, даже и Өеодоровъ, о крестьянахъ, кажется мнѣ сомнительнымъ, по слогу и выраженіямъ, необыкновеннымъ въ бумагахъ того времени: оставляю будущимъ розыскателямъ древностей рѣшить вопросъ объ истинѣ или подлогѣ татищевскаго списка: пусть найдутъ другой! Татищевъ говоритъ, что онъ списалъ законы Өеодоровы и Борисовы съ манускрипта Бартеневскаго, Голицынскаго и Волынскаго, а законъ царя Василія Ивановича Шуйскаго получилъ отъ казанскаго губернатора, кн. Сергія Голицына».

Указъ 1601 года также имѣлъ несчастіе сдѣлаться извѣстнымъ ученому міру отъ Татищева, но его спасаетъ отъ участи указа Шуйскаго, во-первыхъ, то, что о немъ упоминается въ указѣ 1602, и, во вторыхъ, существованіе другаго списка въ одномъ изъ сборниковъ погодинскихъ. Объ этомъ указѣ г. Погодинъ замѣчаетъ, что онъ состоитъ изъ трехъ частей: 1) однимъ помѣщикамъ (малоземельнымъ) позволяется возить крестьянъ между собою; 2) другимъ знатнымъ, большимъ, не позволяется; 3) наконецъ, еще *какимъ-то*, о которыхъ сказано,

что имъ въ 110 г. «промежъ собою срокъ возити», позволяется только подъ условіемъ слѣдующаго ограниченія: «И тѣмъ по государеву цареву указу возити одному человѣку изъ за одного человѣка одного крестьянина или двухъ, а трехъ или четырехъ одному изъ за одного никому не возити.»

Авторъ изслѣдованія находитъ, что вообще этотъ указъ относится не къ крестьянамъ, а къ помѣщикамъ; одни помѣщики противупоставляются другимъ: одни получаютъ право возить промежъ себя крестьянъ, а другіе не получаютъ его; крестьяне и въ томъ и въ другомъ случаѣ въ сторонѣ. Еслибъ, замѣчаетъ г. Погодинъ, сказано было теперь, что военные могутъ пріобрѣтать крестьянъ, а гражданскіе чиновники нѣтъ, то развѣ мы увидѣли бы въ такомъ позволеніи распоряженіе въ пользу крестьянъ? Задавая себѣ вопросъ: какое положеніе дѣла предполагаетъ этотъ *помѣщичій* указъ? что предъ нимъ было: запрещеніе или дозволеніе? г. Погодинъ предполагаетъ вѣроятнѣе запрещеніе, но не общее, не постоянное, а временное, только для одного года, и это, по его мнѣнію, подтверждается указомъ слѣдующаго 1602 г. Такимъ образомъ, г. Погодинъ, допуская предположеніе, что подобныя распоряженія о переходѣ и непереходѣ крестьянъ дѣлались ежегодно, выводитъ, что «общаго закона, какъ запретительнаго, равно какъ и позволительнаго, о переходѣ крестьянъ при Борисѣ, кольми паче при Ѳеодорѣ, еще не было, а бывали ограниченія въ частности, по времени и мѣсту, по обстоятельствамъ, разныя позволенія и разныя запрещенія». «Что не было общаго запрещенія — разсуждаетъ далѣе изслѣдователь — то подтверждается непреоборимо еще слѣдующимъ постановленіемъ или выраженіемъ этого указа: «которымъ людямъ срокъ возити»; изъ этихъ словъ ясно видно, что были еще условія, порядныя, по которымъ крестьяне жили; еслибъ они были окончательно прикрѣплены къ землѣ, то ни объ какихъ срокахъ толковать было бы неумѣстно: всѣ сроки были бы уничтожены запрещеніемъ».

Указъ 1602 года г. Погодинъ называетъ самымъ важнымъ въ этомъ дѣлѣ; дѣйствительно, найденный въ Софійской биб-

ліотекѣ г. Строевымъ, напечатанный въ Актахъ, издаваемыхъ Археографическою Коммисіею, этотъ указъ не можетъ подвергаться подозрѣнію, которымъ гг. ученые отпечатываютъ акты, на которые указывалъ Татищевъ: на этотъ разъ самъ Татищевъ очищается отъ своего пятна, потому что, какъ выше сказано, указъ 1602 г. доказываетъ подлинность существованія указа 1601 года. Этотъ указъ есть вообще подтвержденіе прошлогодняго, но для 1602 года, съ нѣкоторыми, однако, измѣненіями, о которыхъ скажемъ ниже. Г. Погодинъ видитъ въ немъ новое разительное доказательство, что запрещенія переходить, «что прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ тогда еще не было», и что «вообще, разсматривая этотъ указъ 1602 года, должно заключить, что распоряженія о переходѣ и непереходѣ крестьянъ дѣлались ежегодно».

Основываясь на такомъ взглядѣ на современные акты, служившіе до сихъ поръ доказательствами мнѣнія, что крѣпостное право введено при царѣ Өеодорѣ, «по наущенію Бориса, г. Погодинъ хочетъ очистить Бориса отъ нареканія и допускаетъ, что Борисъ не болѣе какъ временно, по случаю голода, оставилъ крестьянъ безвыходно у богатыхъ владѣльцевъ, которые имѣли средства прокормить ихъ въ тяжелое время, и дозволилъ переходъ по прежнему тамъ, гдѣ, по незначительности состоянія владѣльцевъ, не было ручательства въ обезпеченіи крестьянъ. Что же касается до указа Василія Шуйскаго, гдѣ прямо говорится объ укрѣпленіи, то г. Погодинъ, сомнѣваясь, какъ выше сказано, въ его подлинности, готовъ заподозрить въ вымыслѣ его Татищева, но болѣе склоняется къ такому мнѣнію, что этотъ указъ принадлежитъ къ сонму подложныхъ указовъ, выдуманныхъ дьяками въ XVII вѣкѣ изъ потачки распространившемуся между помѣщиками желанію — узаконить для себя крѣпостное состояніе крестьянъ. Воспользовавшись, говоритъ онъ, временными распоряженіями, помѣщики пожелали увѣковѣчить временную мѣру, удержать за собою навсегда прежнихъ крестьянъ по праву. Тогда-то явились, благодаря какому нибудь дьяку, заинтересованному въ дѣлѣ, и боярину, его па-

трону, узаконеніе и освященіе желаннаго права, и эти подложные указы и двусмысленныя фразы въ подлинныхъ указахъ (если не самъ Татищевъ,—прости, тѣнь почтенная,—ихъ вставилъ для исполненія какой нибудь любимой своей мысли). Съ больной головы да на здоровую и вся вина взвалена была на Бориса людьми, которые, продолжая пользоваться крестьянами съ землею, якобы въ силу его запрещенія, не думали его уничтожить, а ставили даже избранному Владиславу непремѣннымъ условіемъ запрещеніе крестьянскаго перехода. Сочинить или подправить и распространить подложный указъ въ то время не значило ничего. Кому же и какъ было обнаружить обманъ и подлогъ? Ни въ какомъ приказѣ не было настольнаго реестра, не было реестровъ входящихъ и исходящихъ бумагъ; справиться было негдѣ, особенно среди смутъ. Въ Уложеніе не попалъ уже законъ Судебника объ отказѣ крестьянскомъ, потому ли, что обычай этотъ измѣнился самъ собою, потому ли, что заправлявшіе дѣлами бояре и редакторы уступали господствующему образу мыслей?

При этомъ г. Погодинъ, для сравненія, указываетъ, по свидѣтельству Маколея, на подобное образованіе многихъ институцій въ Англіи, возникшихъ не по какому нибудь законодательному акту, а по стеченію обстоятельствъ и потребностей народной жизни.

Приступая къ разсмотрѣнію изслѣдованія г. Погодина, прежде всего нужно сказать, что вопросъ, которымъ озаглавилъ г. Погодинъ свою статью и который мы, подобно ему, приняли заглавіемъ нашего замѣчанія на его изслѣдованіе, вопросъ: должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права? справедливость требуетъ разрѣшить, согласно съ г. Погодинымъ, въ пользу Бориса отрицательнымъ отвѣтомъ: нѣтъ. Крѣпостное право въ русской исторіи слѣдуетъ принимать въ двухъ значеніяхъ: въ обширномъ и болѣе тѣсномъ. Въ обширномъ—въ кругъ его входитъ всякое стѣсненіе свободной дѣятельности человѣка въ общественной и семейной жизни произволомъ сильнаго надъ слабымъ; въ такомъ смыслѣ крѣпостному

праву подлежалъ и купецъ, у котораго лучшіе товары оцѣнинивали и брали въ царскую казну, и посадскій, или крестьянинъ, котораго сѣкли за то, что напился не казеннаго вина, не платя втрое за такое количество, какое онъ могъ получить гораздо дешевле, и раскольникъ, которому рѣзали языкъ за то, что не хотѣлъ говорить три раза аллилуйа вмѣсто двухъ разъ. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ крѣпостное право обнимаетъ произволъ владѣльца земли надъ земледѣльцемъ, заимодавца надъ должникомъ, произволъ, который выработался въ привилегію одного сословія держать въ рабствѣ другое. Минуя крѣпостное право въ обширномъ смыслѣ, мы остановимся на послѣднемъ. Право перехода въ срокъ юрьева дня не даетъ намъ повода воображать себѣ какого нибудь правильнаго развитія гражданской свободы крестьянина до воспрещенія этого перехода. Крѣпостное право, въ смыслѣ произвола землевладѣльцевъ въ сношеніяхъ съ земледѣльцами, существовало и прежде, и мы, по чистой совѣсти, скажемъ съ г. Погодинымъ: съ больной головы да на здоровую, и вся вина взвалена на бѣднаго Бориса тѣми, которые готовы обвинять его одного! Въ грамотахъ того времени, когда былъ дозволенъ переходъ, землевладѣльцамъ въ законной формѣ давался совершенный произволъ надъ повинностями крестьянъ, въ родѣ слѣдующихъ выраженій: «и вы-бъ того Посниковскаго помѣстья Спячего всѣ крестьяне Шестого Лупахина чтили и слушали во всѣмъ, и пашню на него пахали, и оброкъ ему денежный платили, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ по сей нашей грамотѣ (въ грамотѣ же нѣтъ никакихъ правилъ и ограниченій о томъ, какъ ему вѣдать и судить)». Изъ иностранныхъ извѣстій, относящихся до того времени, когда еще существовалъ переходъ или только что прекращался, не видно, чтобъ русскій крестьянинъ жилъ, какъ говорится, въ аркадіи. Гдѣ господствовалъ произволъ сверху до низу, гдѣ личное достоинство человѣка цѣнилось только по отношенію къ высшему человѣку, — тамъ слабый непремѣнно долженъ быть въ рабствѣ у сильнаго, такъ или иначе стоятъ они между собою. Нетолько многое, но все,

что составляетъ сущность крѣпостнаго права для селянина, все, кромѣ прекращенія ограниченнаго права перехода, было и до Бориса, какъ послѣ Бориса, также-точно какъ въ наше время, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права на бумагѣ, оно долго еще будетъ на дѣлѣ, если останется что нибудь изъ его аттрибутовъ, если по прежнему будутъ процвѣтать понятія и условія общественнаго порядка, совмѣстныя съ нимъ. Поэтому Бориса также мало можно порицать за введеніе крѣпостнаго права, какъ и восхвалять въ наше время многихъ, думающихъ, что они уничтожатъ его однимъ разомъ на дѣлѣ.

Скажемъ еще болѣе: воспрещеніе Борисомъ перехода могло даже улучшить бытъ нѣкоторыхъ крестьянъ того времени, въ сравненіи съ прежнимъ ихъ положеніемъ при переходѣ. Какъ въ наше время еще не скоро уничтожится произволъ, составляющій сущность крѣпостнаго права, такъ и Борисъ не произвелъ этого произвола: онъ существовалъ до Бориса, какъ, вѣроятно, будетъ существовать и послѣ нашей эпохи.

Такимъ образомъ, не о введеніи крѣпостнаго права должна идти рѣчь, когда призывается на историческій судъ тѣнь Бориса, а просто о прекращеніи перехода крестьянъ въ юрьевъ день. Нельзя не признать всей истины слѣдующаго выраженія г. Погодина: «Самый юрьевъ день былъ, вѣроятно, уже ступенью въ послѣдовательномъ ограниченіи большаго и безусловнаго перехода; въ три недѣли (одну предъ юрьевымъ днемъ осенью, другую послѣ него) далеко не уйдешь!» Но дѣйствительно ли сдѣлано Борисомъ, нри царѣ Өеодорѣ, распоряженіе, которое, прекращая и юрьевъ день, послужило началомъ правила, что земледѣлецъ, живущій на землѣ владѣльца, не могъ уже переходить отъ него ни при какихъ условіяхъ?

Самъ г. Погодинъ не отрицаетъ этого; онъ не только относитъ эту мѣру къ позднѣйшему времени, около 1601 и 1602 годовъ, когда уже есть явныя доказательства воспрещенія перехода, но допускаетъ, что подобныя запрещенія существовали и въ предыдущіе годы, только полагаетъ, что это была мѣра

временная, которую впослѣдствіи богатые помѣщики увѣковѣчили для себя, употребляя для того и подлоги.

Допустимъ, вмѣстѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ, что указъ Василія Шуйскаго подложенъ. Впрочемъ, правду сказать, тѣ недостатки, которые нѣкогда соблазняли Карамзина и теперь побуждаютъ г. Погодина искать въ немъ подлога, еще не даютъ полнаго права отрицать его подлинность. Г. Погодина смущаетъ противорѣчіе въ немъ, ибо, по мнѣнію г. Погодина, «въ оффиціальномъ правительственномъ актѣ такого противорѣчія быть не можетъ и ни одного примѣра, ни изъ котораго времени во всей старой администраціи нашей, отличавшейся толковитостію, привести нельзя».

Странно, что такой глубокій знатокъ нашей старины, какъ г. Погодинъ, находитъ толковитость отличительнымъ качествомъ нашей администраціи и дѣлопроизводства. Не говоря уже о неясностяхъ и неточностяхъ въ родѣ, напримѣръ, такихъ мѣстъ, гдѣ идетъ рѣчь о предоставленіи или ограниченіи какого нибудь права, и лица, пользующіеся такимъ правомъ, или лѣта, на которыя это право дается, означаются не однимъ опредѣленнымъ числомъ, а нѣсколькими числами разомъ; не говоря о такихъ описяхъ городовъ, гдѣ, напримѣръ, поставлено общее число восемь башень, а далѣе пересчитывается только шесть (Врем. XIV, см. 16—17), много можно привести дѣловыхъ бумагъ, гдѣ въ одной и той же явныя противорѣчія, уничтожающія другъ друга; напримѣръ: въ уставной грамотѣ о кружечныхъ дворахъ 1652 года прежде сказано, чтобъ питухи не пили на кружечныхъ дворахъ, а ниже, въ той же самой грамотѣ, говорится, чтобъ на кружечномъ дворѣ питухи пили смирно и тихо. Въ той же грамотѣ говорится, чтобъ вина не давать подъ залогъ вещей, а ниже потомъ въ закладъ принимать не дозволено только церковныхъ вещей, и татиной, и разбойной рухляди (А. А. Э. IV, 96). Въ 1621 году въ указѣ о судопроизводствѣ въ Касимовѣ, сначала говорится, что касимовскому царю Араслану посадскихъ людей и татаръ вѣдати и судити, а воеводамъ ихъ не судити, а ниже говорится: «указали князей,

мурзъ и татаръ царева двора и Сеитова полку судить Касимовскому воеводѣ» (С. г. гр. III, 234). Въ грамотѣ царя Ивана Васильевича монастырю на Ладогѣ сказано, что митрополитъ игумена, чернцовъ и священниковъ и всего причту церковнаго и слугъ монастырскихъ не судитъ ни въ чемъ, а ниже говорится, что судитъ мой богомолецъ митрополитъ Новгородскій (А. А. Э. III, 157). Такія недоумѣнія и противорѣчія встрѣчаются даже въ Судебникѣ. Темнымъ представляется слѣдующее мѣсто: «А убіютъ котораго крестьянина на полѣ въ разбоѣ или въ иномъ которомъ въ лихомъ дѣлѣ, и дадутъ того крестьянина за государя его за кѣмъ живетъ, или выручитъ его государь тотъ, за кѣмъ живетъ, и пойдетъ тотъ крестьянинъ изъ за него вонъ, ино его выпустити». Тогда какъ въ Актахъ Историчискихъ, гдѣ напечатанъ Судебникъ Грознаго внизу указывается по другому списку, вмѣсто слова «убіютъ», слово «уловятъ». Въ такомъ случаѣ можемъ и мы сказать, что списокъ указа Шуйскаго попался Татищеву подобный тому, какъ списокъ Судебника съ словомъ «убіютъ». А развѣ не противорѣчіе это: въ отрывкахъ о дѣлѣ еретика Матвея Башкина, гдѣ этотъ еретикъ признается отвергающимъ покаяніе (А. А. Э. I, стр. 250), приводится и показаніе попа Симеона, который говоритъ, что этотъ Башкинъ приходилъ къ нему *съ великими клятвами и моленіемъ умолилъ себя принять на исповѣдь въ великій постъ* (А. А. Э. I, 249). Какъ же согласить такое противорѣчіе: еретикъ отвергаетъ таинство покаянія и приходитъ къ священнику исповѣдываться, да еще съ великими клятвами и моленіемъ? Изъ одного противорѣчія въ тѣхъ же отрывкахъ слѣдуетъ и другое, и третье. Башкинъ осуждается какъ богопротивный и лукавый еретикъ, глаголавшій хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, называвшій честное и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа простымъ хлѣбомъ и виномъ, отвергающій церковь и всѣ ея преданія и признающій даже все божественное писаніе баснословіемъ (А. А. Э. I, 250). Если таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ Башкинъ, то спрашивается: зачѣмъ

онъ приходилъ на исповѣдь и говорилъ: «Христіянинъ-де есмь, вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа и покланяюся образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и пречистѣй Богородицы и великимъ чудотворцемъ, и всѣмъ святымъ на иконѣ написаннымъ; а тогды — говоритъ священникъ — великими клятвами и моленіями умолилъ на исповѣдь приняти и я его принялъ (А. А. Э. I, 248). Вотъ, еслибъ Башкинъ пойманъ былъ и заподозрѣнъ въ еретическихъ мнѣніяхъ, да говорилъ такъ, чтобъ укрыть свою вину, это было бы понятно; но для чего этотъ человѣкъ обратился къ религіи, которую отвергалъ, и къ священнику, котораго значенія не признавалъ, и притомъ выражался съ нимъ такимъ-образомъ: «Бога ради, ползуй мя душевнѣ, надобеть де что написано въ Бесѣдѣхъ тѣхъ честь, да на слово не надѣятись, быти-бъ и дѣломъ свершитися; да веде начало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати да и насъ поучати (А. Э. I, 248, и д.)». Какъ согласить слова, сказанныя имъ священнику на исповѣди съ глазу на глазъ, съ обвиненіемъ, постигшимъ его? Но не станемъ болѣе утомлять читателей выписками изъ нашихъ старыхъ оффиціальныхъ бумагъ въ доказательство того, что въ нихъ можно встрѣтить и противорѣчія и безсмыслицы. Г. Погодинъ, находя, что наше старое дѣлопроизводство отличается толковитостію, далѣе, въ своемъ изслѣдованіи, встрѣтился съ неясностію выраженій въ указѣ 1601 года и не знаетъ, куда дѣть тѣхъ, «которымъ срокъ возити», хотя и не отвергаетъ существованія указа 1601 года. Это темное мѣсто не дается, какъ видно, и самому Карамзину, на авторитетъ котораго ссылается вездѣ г. Погодинъ. Наконецъ, въ подтвержденіе возможности подлоговъ, г. Погодинъ говоритъ, будто въ старину ни въ какомъ приказѣ не было настольнаго реестра, не было реестра входящихъ и исходящихъ бумагъ, — справиться было негдѣ. Какъ же согласить такую безалаберщину, способствующую подлогамъ, самому большому злу, какое можетъ быть въ сферѣ дѣлопроизводства, съ высокимъ мнѣніемъ о толковитости этого дѣлопроизводства и администраціи? Не кажется ли, что въ изслѣдованіи защи-

щается толковитость нашей администраціи и дѣлопроизводства, когда эта толковитость нужна для подкрѣпленія любимой мысли, и, черезъ нѣсколько страницъ, когда, для подкрѣпленія той же мысли, нужно, чтобъ эта администрація и дѣлопроизводства были безтолковы, они обвиняются въ такой безпорядочности, какой даже и не было на самомъ дѣлѣ. У насъ, въ старину, были настольные реестры — это описи дѣлъ, которыя во всѣхъ наказахъ воеводамъ приказывается принимать отъ прежнихъ воеводъ вмѣстѣ съ самыми дѣлами; у насъ были и книги исходящихъ бумагъ, — это перечни, гдѣ записывалось, что такая-то грамота или память отослана такого-то числа, туда-то (Доп. къ А. И., Ѵ, 247). Слѣдовательно: 1) Противорѣчіе въ указѣ Шуйскаго не есть такая исключительность, какой нельзя найдти въ другихъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени и по которой можно заключать о неподлинности акта. 2) Подлоги составлять дьякамъ вовсе не такъ было легко на тѣхъ основаніяхъ, какія привелъ г. Погодинъ. Да, наконецъ, почему же именно отъ подлога, сдѣланнаго, какъ предполагаетъ г. Погодинъ, какимъ нибудь дьякомъ въ XѴII вѣкѣ, можно ожидать скорѣе противорѣчій и безтолковщины, чѣмъ отъ подлинной бумаги того же времени? Намъ даже кажется наоборотъ. Противорѣчіе и безсмыслица въ оффиціальномъ актѣ можетъ происходить всего скорѣе отъ небреженія и отъ неумѣнья выражаться. А кто составляетъ подлогъ, тотъ долженъ быть особенно остороженъ на этотъ разъ; тотъ старается, чтобъ его подлогъ, сколько возможно, казался подлинникомъ. Въ особенности трудно бы ожидать промаховъ въ подлогахъ, касающихся такого дѣла! Если тотъ, кто его составлялъ, былъ орудіемъ сильной партіи, желавшей обратить въ свою пользу государственное учрежденіе, то ужь, вѣроятно, такая партія поручила бы подобное дѣло человѣку искусному и смышленному; и этотъ искусный и смышленный человѣкъ, имѣя въ виду опредѣленную цѣль, долженъ былъ стараться, чтобъ эта цѣль бросалась каждому ясно въ глаза и ужь никакъ не могъ допускать двусмысленностей. И для чего было дьяку, составлявшему подложный указъ съ цѣлью

узаконить и увѣковѣчить крѣпостное право, отзываться въ началѣ неблагопріятно о Борисѣ, котораго дѣйствія онъ, напротивъ, долженъ былъ одобрять? Равнымъ образомъ, отчего же дьякъ въ подлогѣ могъ надѣлать ошибокъ противъ обычныхъ дѣловыхъ формъ того времени и языка и вообще внѣшности указа, когда этому дьяку, безъ сомнѣнія, были извѣстны всѣ мелочныя формы и все, касавшееся внѣшности оффиціальныхъ бумагъ, дьяку, который самъ составлялъ и оффиціальныя бумаги. Если дьякъ могъ принять несвойственный обычному порядку тонъ въ подлогѣ, то онъ могъ такимъ же тономъ написать и подлинный указъ.

Никто изъ самыхъ глубокихъ знатоковъ нашей старины и даже самъ г. Погодинъ, за которымъ признаемъ въ ряду ихъ почетное мѣсто первенства, не въ силахъ, единственно по внѣшности слога и выраженій, отличить подложную бумагу, составленную дьякомъ XVII в. отъ подлинной оффиціальной того же времени. Если въ наше время показать двѣ бумаги, составленныя, положимъ, въ—омъ губернскомъ правленіи: одна изъ нихъ подлинная, другая подложная, сочиненная секретаремъ того же правленія. Есть ли возможность, единственно на основаніи слога, отличить одну отъ другой, когда и подлинная была составлена тѣмъ же секретаремъ, который написалъ подложную?

Видимая безсмыслица и противорѣчіе между предшествующею и послѣдующею рѣчью въ указѣ Шуйскаго не такъ еще ужасны и необъяснимы, какъ кажется съ перваго взгляда.

Указъ состоитъ изъ двухъ частей: доклада и постановленія. Въ докладѣ дѣйствительно говорится неблагосклонно о Борисѣ и о его запрещеніи перехода; въ постановленіи же крестьяне прикрѣпляются къ мѣсту жительства, слѣдовательно: дѣлается тоже, за что въ докладѣ порицается Борисъ. Что же? Докладчикъ могъ въ самомъ дѣлѣ быть инаго мнѣнія, то есть: въ пользу перехода, и изложилъ, — даже, быть можетъ, возбудилъ, — вопросъ, думая, что его разрѣшатъ такъ, какъ ему хотѣлось; но приговоръ послѣдовалъ въ иномъ смыслѣ. Вник-

немъ въ дальнѣйшій смыслъ доклада. Для чего онъ подается? Какая причина побуждаетъ къ этому? Причина эта высказывается въ концѣ доклада: «и нынѣ великія въ томъ учинились распри и насилія и многія раззоренія и убивства смертныя и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшеся и содѣваются». Такимъ-образомъ сущность дѣла состоитъ въ томъ, что начальствующіе помѣстной избой, замѣтивъ безпорядки, представили о нихъ государю съ объясненіемъ причинъ, давши этому объясненію тонъ, соотвѣтствовавшій ихъ собственному взгляду. Соборъ и сигклитъ, то есть духовные и свѣтскіе сановники, не раздѣляли этого взгляда: не удивительно, когда для нихъ было выгодно удерживать крестьянъ и притомъ тутъ были тѣ, которые и при избраніи Владислава становили ему въ условіе, чтобъ въ его царствованіе не было крестьянскаго выхода. Составилось постановленіе. Но докладъ остался, какъ былъ. Тогда не гонялись ни за соразмѣрностью и соотвѣтственностію частей въ оффиціальномъ актѣ, ни за ясностію и точностію выраженій, ни за отдѣлкою редакціи: тогда не думали, что для потомства указъ ихъ станетъ непонятенъ и будетъ заключать видимыя противорѣчія; для современниковъ этихъ противорѣчій въ немъ не было, да и безъ сомнѣнія для свѣдѣнія разсылались грамоты и памяти, въ которыхъ не было доклада; Татищеву, на бѣду его—достался списокъ съ докладомъ.

«Законъ Шуйскаго, по словамъ изслѣдователя, заключаетъ еще и другое противорѣчіе; въ немъ говорится, что крестьяне должны оставаться за тѣми помѣщиками, за которыми положены за 15 лѣтъ, то есть въ 7101 году. Тѣ, которые ушли съ 7101 года, слѣдовательно, въ 7102, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, и оглашены, тѣ должны быть возвращаемы прежнимъ помѣщикамъ. Но въ указѣ 1601 года (7110) позволено было переходить. Спрашивается: какимъ же образомъ перешедшіе тогда по закону могутъ быть теперь возвращаемы?»

«Въ 1602 (7111) былъ еще общій переходъ, торжественно разрѣшенный. Въ боярскомъ приговорѣ 1605 года именно сказано, что бѣжавшіе въ 110, 111, 112 годахъ могутъ оставать-

ся на новыхъ мѣстахъ, если докажутъ необходимость бѣгства». Спрашивается: какъ можетъ быть подобное противорѣчіе въ оффиціальныхъ актахъ, столь близкихъ?»

Дѣло объясняется какъ нельзя проще. Здѣсь не только нѣтъ противорѣчія, но даже и той неточности выраженій, которая такъ нерѣдко заставляетъ задумываться при чтеніи старыхъ актовъ. Сила указовъ 1601 и 1602 года не уничтожилась новымъ постановленіемъ; въ немъ говорится:

«Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ лѣтъ въ книгахъ 101 г. положены и тѣмъ быти за тѣми, за кѣмъ писаны, а буде тѣ крестьяне вышли за кого иного, и въ томъ есть на крестьянъ тѣхъ или на тѣхъ, кто ихъ держитъ, челобитье, и тѣ дѣла не вершены, или кто сентября по 1-е число сего года будетъ бить челомъ, и тѣхъ крестьянъ отдавати по тѣмъ книгамъ со всѣми животы ихъ за кѣмъ они писаны до сроку Рождества Христова 116 безъ пожилаго; а не отдастъ кто на тотъ срокъ, ино на томъ брати за пріимъ и пожилое по сему уложенію. А не было о которыхъ крестьянахъ челобитья по сей день и сентября по 1-е не будетъ, и тѣхъ, послѣ того срока, по тѣмъ книгамъ не отдавати, а написати ихъ въ книги за кѣмъ они нынѣ живутъ.»

Значеніе указовъ 1601 и 1602 годовъ могло сохраниться и послѣ этихъ строкъ. Здѣсь предѣломъ времени, съ котораго крестьяне могутъ считаться принадлежащими помѣщику, полагается 1592 годъ (именно тотъ годъ, въ который, какъ думаютъ, былъ изданъ первый указъ, воспрещающій переходъ въ юрьевъ день). Слѣдовательно, только съ этого времени могли встрѣчаться случаи, дававшіе право помѣщику, руководствуясь указомъ Василія Шуйскаго, требовать возврата жившаго у него крестьянина. Но втеченіи этого пятнадцатилѣтняго періода были указы, позволявшіе крестьянамъ переходить отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ; само собою разумѣется, что владѣльцы, у которыхъ крестьяне могли переходить, теперь и не имѣли права требовать ихъ возврата, коль скоро крестьяне вышли отъ нихъ на основаніи дарованнаго имъ въ свое время позволенія. По-

становленіе при Шуйскомъ не предоставляетъ имъ такого права. Оно дозволяетъ всѣмъ подавать челобитныя, назначаетъ для этого срокъ и приказываетъ разсматривать тѣ челобитныя, которыя уже поданы прежде по этому предмету. Отдавать крестьянъ можно только вслѣдствіе челобитныхъ и по справкѣ съ книгами, въ которыхъ будетъ значиться, что они записаны за челобитчиками. При такихъ условіяхъ, еслибъ и случилось, что помѣщикъ началъ требовать возвращенія крестьянина, который у него сошелъ въ 1601 и 1602 годахъ законнымъ образомъ, то въ помѣстной избѣ ему указали, что его крестьянинъ сошелъ съ него правильно и, слѣдовательно, онъ не имѣетъ на него права, точно также, какъ признали бы это право за тѣмъ изъ помѣщиковъ, который подалъ челобитную о крестьянинѣ, сошедшемъ отъ него несообразно съ позволеніемъ въ 1601 и 1602 годахъ. Если въ указѣ есть неточность, то для нашего вѣка, а не для современниковъ; для нихъ тутъ не было ни неясности, ни противорѣчія. И теперь въ законодательствѣ встрѣчается и будетъ всегда встрѣчаться множество случаевъ, которые съ перваго взгляда совершенно подходятъ подъ извѣстную статью закона, но въ самомъ дѣлѣ не подлежатъ ей, потому-что какое-нибудь обстоятельство, означенное въ иной статьѣ, дѣлаетъ для этихъ случаевъ изъятіе. Что же касается до приговора 1605 года, то противорѣчитъ-ли ему постановленіе Шуйскаго или не противорѣчитъ (кажется послѣднее)—мы не станемъ разбирать этого; нѣтъ никакого сомнѣнія, что этого приговора при Шуйскомъ не имѣли въ виду. Растрига не считался царемъ, и всѣ постановленія его царствованія не сохранили дѣйствительности для послѣдующаго времени, и въ грамотахъ государей, подтверждавшихъ распоряженія предшественниковъ, нигдѣ не подтверждается какое-нибудь постановленіе государя, считавшагося лжецаремъ. Относительно же внѣшности и слога этого указа выше была высказана совершенная невозможность отыскать въ немъ подлогъ, составленный дьякомъ въ XVII вѣкѣ. Но г. Погодинъ не останавливается только на этомъ подозрѣніи, онъ склоняется также къ другому: что, быть можетъ, под-

логъ этотъ образовался позже—иначе Татищевымъ. Желательно, чтобъ были указаны тѣ основанія, по которымъ мы должны искать въ слогѣ этого указа несообразностей съ принятыми въ XVII в. пріемами и формами, хотя это одно будетъ противорѣчить первому подозрѣнію на дьяковъ XVII вѣка. Г. Погодинъ указываетъ на выраженіе: «съ своимъ царскимъ сигклитомъ» и, слѣдуя Карамзину, отмѣчаетъ его курсивною печатью. Значитъ—оно въ числѣ несообразныхъ ни съ духомъ времени, ни съ языкомъ грамотъ. Но точно такое же выраженіе и притомъ съ такимъ же настроеніемъ рѣчи въ другомъ современномъ актѣ именно: приговоръ 1604 года о высылкѣ на службу противъ самозванца патріаршихъ, митрополичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ: «царь и великій князь Борисъ Өедоровичъ съ отцемъ своимъ святѣйшимъ Іовомъ, патріархомъ всея Русіи, и съ сыномъ своимъ, благороднымъ царевичемъ, княземъ Өедоромъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ митрополиты, и архіепископы, и архимандриты, и игумены, и совсѣмъ своимъ царскимъ сигклитомъ» (С. г. гр. VI. 16). Изслѣдователь поставилъ одинъ вопросительный и одинъ восклицательный знакъ вслѣдъ за выраженіемъ: «сего ради приговорили есми и уложили по святымъ вселенскимъ соборамъ и по правиламъ св. отецъ». Конечно, эти знаки поставлены здѣсь не ради странности мудрецовъ XVII вѣка ссылаться на соборы и правила св. отецъ въ дѣлахъ мірскихъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ церковной администраціи и быту. Эти знаки указываютъ на несообразность выраженія съ принятыми въ XVII в. пріемами. Но при составленіи Уложенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, точно также велѣно было принимать во вниманіе правила соборовъ и св. отецъ (С. г. гр. III, 438). Это единственно подтверждаетъ всѣмъ давно извѣстное обстоятельство, что въ старой Руси думали все освящать согласіемъ съ Церковью. Пока не укажутъ и не докажутъ: въ чемъ именно слогъ указа обличаетъ подлогъ—едва-ли можно на всѣхъ этихъ основаніяхъ подозрѣвать въ указѣ царя Василія Шуйскаго такое дурное качество; да, наконецъ, еслибъ въ немъ точно нашлось какое-нибудь сомнитель-

ное выраженіе, то почему же приписывать его именно подлогу, а не ошибкамъ переписчиковъ, когда самый указъ извѣстенъ только по спискамъ? Неужели признавать его невозможнымъ единственно на основаніи недовѣрія къ Татищеву? Но вѣдь самые ярые враги Татищева должны сознаться, что если Татищевъ, по ихъ мнѣнію, лжетъ, то все-таки иногда и правду скажетъ. По крайней мѣрѣ самъ г. Погодинъ убѣжденъ въ томъ, признавая, что указа 1601 г., г. Татищевъ не выдумалъ. Отчего же указъ Василія Шуйскаго выдуманъ?

И такъ, нельзя признать основаній, приведенныхъ г. Погодинымъ, достаточными, чтобъ отвергать подлинность указа Шуйскаго; но не станемъ однако и опираться на него, изъ уваженія къ авторитету г. Погодина, въ надеждѣ, что онъ представитъ болѣе очевидныя доказательства его неподлинности. Быть можетъ и тѣхъ актовъ, въ подлинности которыхъ г. Погодинъ не сомнѣвается, будетъ довольно, чтобъ предпочесть старое мнѣніе новому, высказанному почтеннымъ изслѣдователемъ въ Русской Бесѣдѣ.

Въ указѣ 1597 года постановлено давать судъ и сыскивать крѣпко, и по суду отдавать бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми тѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, за которыми они жили пять лѣтъ тому назадъ. Г. Погодинъ находитъ, что этотъ указъ не говоритъ о переходѣ крестьянъ въ юрьевъ день, а касается только бѣглыхъ, что онъ подобенъ многимъ старшимъ и младшимъ указамъ о бѣглыхъ съ назначеніемъ, для права на ихъ водвореніе въ прежнихъ мѣстахъ, срочныхъ лѣтъ со дня побѣга. Дѣйствительно, такихъ указовъ впослѣдствіи было много; но г. Погодинъ говоритъ, что такіе указы существовали и прежде, *при Іоаннахъ*. Жаль, очень жаль, что г. Погодинъ не привелъ ни одного изъ извѣстныхъ ему въ этомъ родѣ. Кажется, до сихъ поръ ни одинъ не извѣстенъ, а это самое и заставляетъ многихъ искать чего то въ 1592 году. Вотъ, если бы въ изслѣдованіи, въ самомъ дѣлѣ, приведенъ былъ такой указъ и притомъ именно съ назначеніемъ срочныхъ

лѣтъ,—тогда иное дѣло; тогда указъ 1597 года не могъ бы самъ по себѣ служить исходнымъ источникомъ общепринятаго мнѣнія. Но въ изслѣдованіи, въ доказательство существованія такихъ указовъ «при Іоаннахъ», не приведено ничего, кромѣ одного мѣста изъ первой новгородской лѣтописи, мѣста, относящагося къ времени гораздо древнѣйшему: «пріде князь Михаилъ изъ Чернигова въ Новгородъ и вда свободу смердомъ на пять лѣтъ даней не платити, кто сбѣжалъ на чюжю землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили передніи князи, тако платите дань». Это свидѣтельствуетъ не за г. Погодина, а противъ него. Здѣсь не преслѣдуются бѣглые, а напротивъ покровительствуются; бѣглымъ даются льготы, которыхъ лишены тѣ, которые сидятъ на одномъ мѣстѣ и не бѣгаютъ. Пока г. Погодинъ не отыщетъ или не укажетъ міру указа, подобнаго указу 1597 года, изданнаго при Іоаннахъ, какъ онъ говоритъ, до тѣхъ поръ мнѣніе Татищева и Карамзина, находившихъ, что за пять лѣтъ передъ 1597 годомъ надобно искать запрещенія перехода, имѣетъ полное основаніе, и неудивительно, что всѣ почти ученые раздѣляютъ это мнѣніе, повторяютъ его, какъ говоритъ г. Погодинъ, безъ малѣйшаго разсужденія и оно сдѣлалось историческою аксіомою. Едва ли принимаютъ это мнѣніе безъ малѣйшаго разсужденія; разсуждаютъ болѣе или менѣе такъ: когда указъ 1597 г. ставитъ предѣломъ отыскиванія бѣглыхъ 1592 годъ, то значитъ—въ 1592 г. что-то произошло. Прежде такихъ указовъ, сколько извѣстно, не было. Отчего-жъ возникъ этотъ? По Судебнику позволялось крестьянамъ переходить въ юрьевъ день, а въ XVII вѣкѣ мы положительно знаемъ, что это постановленіе въ законодательствѣ не существовало, и бояре, избиравшіе Владислава, уже ставили ему въ числѣ условій, чтобъ крестьяне не имѣли права выходить. Когда же это постановленіе отмѣнилось? Безъ сомнѣнія, или въ концѣ XVI, или въ началѣ XVII в. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого отмѣненія должно необходимо быть преслѣдованіе бѣглыхъ, то есть не покорявшихся этому постановленію, конечно стѣснительному для многихъ. Дѣйствительно, въ тѣ

времена, когда, какъ намъ извѣстно, въ законодательствѣ уже не существовало постановленія о юрьевѣ днѣ, являются, одни за другимъ, указы, имѣющіе цѣлью преслѣдованіе бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ. Но такихъ указовъ мы не встрѣчаемъ въ тѣ времена, когда, какъ намъ извѣстно вполнѣ и достовѣрно, постановленіе Судебника было въ силѣ. Слѣдовательно, изданіе этихъ указовъ имѣетъ связь съ прекращеніемъ перехода. Къ какому же году относится первый по времени извѣстный намъ изъ этихъ указовъ? Къ 1597-му. Къ чему приводитъ насъ этотъ первый указъ? Къ 1592 году, ибо признаетъ крестьянъ, о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь, съ одними правами послѣ 1592 и съ другими предъ 1592 годомъ; слѣдовательно—въ 1592 году должно было послѣдовать относительно крестьянъ важное распоряженіе, сдѣлавшееся виною указа 1597 и вслѣдъ за нимъ прочихъ указовъ, ему подобныхъ. Но такъ какъ: 1) указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, въ своей постепенной послѣдовательности, идутъ въ законодательствѣ рядомъ съ прекращеніемъ перехода; 2) о переходѣ въ юрьевъ день нѣтъ въ законодательствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ являются въ немъ въ постепенной послѣдовательности указы о бѣглыхъ съ назначеніемъ сроковъ, то это распоряженіе въ 1592 году должно необходимо касаться перехода въ юрьевъ день и непремѣнно въ духѣ прекращенія этого права, а ужъ никакъ не расширенія. Предположеніе наше подтверждается указами 1601 и 1602 годовъ.

Смыслъ указа 1601 года указываетъ на запрещеніе, существовавшее до 1601 года и притомъ на совершенное запрещеніе. Слова: *велѣли крестьянамъ дати выходъ*, показываютъ, что законъ вновь даетъ право, котораго предъ тѣмъ не давалось. Запрещеніе возить крестьянъ въ имѣніяхъ значительныхъ владѣльцевъ и въ Московскомъ уѣздѣ стоитъ послѣ позволенія и, очевидно, прибавлено въ видѣ исключенія изъ новаго правила, какъ обязанность оставаться при прежнемъ порядкѣ. Этого не можетъ отрицать и самъ г. Погодинъ, признавшій, что предъ этимъ указомъ было запрещеніе, а не позволеніе.

Г. Погодинъ, при разборѣ этихъ указовъ, задавая себѣ вопросъ: что было предъ указомъ 1601 г., позволеніе или запрещеніе? отвѣчаетъ: «слѣдуетъ, кажется, предполагать запрещеніе». Если такъ, тогда и спорить нечего. Къ намъ является на помощь указъ 1597 года и ведетъ насъ прямо къ 1592 году. Но г. Погодинъ находитъ, что если и было запрещеніе, то временное, какія быть можетъ, установлялись каждогодно. По мнѣнію его, «случались обстоятельства, когда правительство находило нужнымъ прерывать этотъ переходъ крестьянъ или ограничивать, можетъ быть еще прежде Іоанновъ, точно такъ какъ при царѣ Ѳеодорѣ, Борисѣ, при Романовыхъ». Но далѣе г. Подинъ оставляетъ въ тѣни запрещеніе предъ 1601 годомъ, а выставляетъ этотъ указъ какъ бы въ значеніи перваго важнаго ограниченія нерехода, которое хотя было и временною мѣрою, но впослѣдствіи послужило владѣльцамъ поводомъ воспользоваться имъ для своихъ выгодъ и повело къ подлогамъ, узаконившимъ крѣпостное право на людей. Правительство, по мнѣнію г. Погодина, приказало въ 1601 г. чтобъ у значительныхъ помѣщиковъ, каковы были бояре и проч., крестьяне оставались безвыходно: правительство имѣло въ виду, что богатые могутъ прокормить крестьянъ, а чтобъ у мелкопомѣстныхъ открыть крестьянамъ средства прокормиться, имъ разрѣшено, по истеченіи срока, перевозить крестьянъ по взаимному согласію. Это была мѣра правительства временная; но она понравилась богатымъ, сильнымъ помѣщикамъ, и они пожелали увѣковѣчить ее, удержавъ навсегда за собою прежнихъ крестьянъ по праву.

Далѣе и подъ конецъ своего сочиненія, почтенный изслѣдователь рѣшительно противорѣчитъ себѣ, не допуская никакихъ законодательныхъ ограниченій свободы крестьянъ между установленіемъ юрьева дня и указами по поводу голода, то есть 1601 и 1602 года. «Законы долго молчали—говоритъ онъ—и начали ограничивать свободу переходить *сперва* юрьевымъ днемъ, во уваженіе обязанностей, наложенныхъ ими на помѣщиковъ, *потомъ*, вслѣдствіе случившихся голодовъ», и проч. Что въ изслѣдованіи не разумѣются никакія другія распоряже-

нія по этому предмету по поводу голода, кромѣ упомянутыхъ указовъ, это доказываютъ слова, помѣщенныя назадъ три страницы (на 153): «голодные годы 1601, 1602, 1603 играютъ здѣсь, кажется, значительную роль; надо было правительству обезпечить сколько нибудь народное пропитаніе». Здѣсь не упоминается ни о какихъ другихъ голодныхъ годахъ, послужившихъ поводомъ къ ограниченію перехода. Такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ изслѣдованія допускаются временныя запрещенія, существовавшія до 1601, въ другомъ указы 1601 и 1602 годовъ выставляются какъ первыя распоряженія о запрещеніи, вызванныя временною необходимостію. Читатель остается въ недоумѣніи: какое мнѣніе ученаго изслѣдователя объ этомъ вопросѣ. Существовали ли запрещенія до 1601 г. или нѣтъ? Если г. Погодинъ признаетъ, что они существовали, то будемъ искать послѣдняго изъ нихъ: когда оно случилось, и указъ 1597 года наводитъ насъ прямо на 1592 годъ. А чтобъ увѣриться, что это ограниченіе перехода, которое должно было случиться въ 1592 году, было не первое и не выходило изъ колеи обычныхъ мѣръ, совмѣстимыхъ со всеобщимъ правомъ перехода въ юрьевъ день, пусть г. Погодинъ укажетъ намъ тѣ правительственныя распоряженія, которыя, какъ онъ полагаетъ, были еще *прежде Іоаннов*ъ, и равнымъ образомъ, пояснитъ, какія постановленія ему извѣстны при царѣ Ѳеодорѣ?

Изслѣдователь останавливается надъ словами: «а которымъ нынѣ срокъ возити» и затрудняется: кого разумѣть подъ этими *которыми*. Кажется, тутъ ларчикъ просто открывается. Эти *которые*, какъ видно по ходу рѣчи, тѣ мелкопомѣстные, которые тогда получили дозволеніе и которымъ дѣйствительно приходился срокъ, т. е. юрьевъ день, ибо указъ написанъ въ ноябрѣ. Что касается до словъ: *а возити человѣку изъ за одного человѣка, одного крестьянина или двухъ, а трехъ и четырехъ одному изъ за одного никому не возити*, то едва ли можно успокоиться на мнѣніи г. Лешкова: законъ позволяетъ дворянамъ не по одному крестьянину перевозить другъ отъ друга, а по ровну! берите одного или двухъ за одного, а

не трехъ и не четырехъ. Не смотря на нѣкоторую темноту редакціи, обыкновенную въ то время въ нашей администраціи, не отличавшейся толковитостію, все таки не трудно здѣсь понять, что каждый владѣлецъ изъ имѣнія другаго владѣльца брать къ себѣ не болѣе двухъ крестьянъ. Законодатель имѣлъ здѣсь какъ видно, ту цѣль, чтобъ не допустить нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ, владѣющихъ большимъ количествомъ земли и предоставлявшихъ крестьянамъ льготы, переманивать къ себѣ крестьянъ отъ небогатыхъ сосѣдей до того, что у этихъ сосѣдей не осталось бы одного человѣка, и чтобъ послѣдніе, лишенные рукъ, не впали въ нищету и невозможность отправлять государственную службу, лежавшую на сословіи помѣщиковъ. При ограниченіи же, какое сдѣлано въ законѣ, богатый помѣщикъ не могъ взять у небогатаго болѣе двухъ человѣкъ и, слѣдовательно, лишенъ былъ возможности переманить къ себѣ всѣхъ его крестьянъ. Но это не значитъ, чтобъ крестьяне не имѣли юридической возможности оставлять своего владѣльца; они могли всѣ уйти отъ него, только не въ одно имѣніе. Естественно, что разойтись въ разныя стороны крестьянамъ было труднѣе, чѣмъ уйдти всѣмъ въ одно новое мѣсто. Эта оговорка въ указѣ знакомитъ насъ вообще съ цѣлью, которую, при прекращеніи перехода, имѣло правительство. Оно хотѣло обезпечить для себя государственную службу помѣщиковъ и платежъ повинностей, а это требовало необходимо твердой осѣдлости земледѣльческаго класса. Не трудно понять, почему у богатыхъ и сильныхъ міра сего переходъ остался запрещеннымъ: царь Борисъ нуждался для недавняго своего царствованія и своей юной династіи въ этой опорѣ, и вѣроятно, при Ѳеодорѣ приготовляя себѣ престолъ, заранѣе устроивалъ свои дѣла на этотъ счетъ.

Указъ 1602 года есть отчасти повтореніе предыдущаго, но съ нѣкоторыми изъятіями. Въ немъ уже нѣтъ ограниченія перехода числомъ крестьянъ, которыхъ можно было одному помѣщику вывозить изъ имѣнія другаго. Въ исчисленіи родовъ помѣщиковъ, у которыхъ въ имѣніяхъ крестьянамъ дозволяет-

ся переходъ, есть нѣкоторыя перемѣны и именно: въ указѣ 1601 года позволяется возить крестьянъ «дворянамъ, которые служатъ изъ выбора, и жильцамъ, которые у государя царя и великаго князя Бориса Өедоровича, и которые у государя царевича Өедора Борисовича, и дѣтямъ боярскимъ, дворовымъ и городовымъ приказчикамъ, всѣхъ же городовъ, иноземцемъ всякимъ и большого двора дворовымъ людямъ всѣхъ чиновъ, степеннымъ и путнымъ ключникамъ, стряпчимъ, сытникомъ и подключникомъ, конюшеннаго приказа столповымъ приказчикомъ.... и стряпчимъ, ловчего пути корытникомъ, охотникомъ и коннымъ псаремъ, сокольнича пути кречетникомъ, сокольникомъ, ястребинникомъ, трубникомъ, и сурначеемъ и государыни царицы Маріи Григорьевны всея Русіи дѣтемъ боярскимъ и всѣхъ приказовъ преднимъ подьячимъ, стрѣлецкаго приказа сотникомъ стрѣлецкимъ и головамъ казачьимъ, посольскаго приказа переводчикомъ и толмачемъ, патріаршимъ и митрополичимъ и архіепископьимъ приказнымъ людемъ и дѣтемъ боярскимъ нромежъ себя». Въ указѣ же 1602 г. говорится: «Указали есмя всего нашего московскаго царства дѣтямъ боярскимъ и иноземцемъ всякимъ и жильцомъ нашимъ и сына нашего царевича князя Өедора Борисовича всеа Русіи жилцомъ же и нашимъ дворовымъ людемъ всѣхъ чиновъ и конюхомъ, и охотникомъ, и псаремъ, и кречетникомъ, и соколникомъ, и ястребникомъ, и трубникомъ, и дѣтемъ боярскимъ нашея царицы и великія княгини Маріи Григорьевны всеа Русіи и всѣхъ приказовъ подьячимъ промежъ себя крестьянъ отказывати». Въ послѣднемъ дозволяется возить крестьянъ дѣтямъ боярскимъ, а о дворянахъ не говорится, хотя ниже того, въ числѣ помѣщиковъ, у которыхъ выходъ воспрещенъ, показаны только *большіе* дворяне, слѣдовательно, можно предположить, что *у малыхъ* былъ онъ позволенъ. Нѣтъ также дѣтей боярскихъ патріаршихъ, митрополичьихъ, архіепископьихъ. Если допустить, что этого рода дѣтей боярскихъ слѣдуетъ считать въ общемъ числѣ дѣтей боярскихъ всего московскаго царства, то противъ такого толкованія можно выразить, что царицыны дѣти бояр

скія поименованы особо и, вѣроятно были бы поименованы и эти, еслибъ право выхода крестьянскаго распространялось на ихъ имѣнія. Можно толковать такъ и иначе. Это новый образчикъ толковитости нашей администраціи.

Сверхъ этихъ отличій, въ указѣ 1602 г. отъ указа, изданнаго въ предшедствовавшемъ году, московскій уѣздъ не подпадаетъ уже изъятію отъ права крестьянскаго выхода, какъ въ указѣ 1601 года. Указъ 1602 года выразительно говоритъ о способѣ переходовъ крестьянскихъ въ видѣ нравоученія для тѣхъ, у которыхъ они жили. «А изъ за которыхъ людей учнутъ крестьянъ отказывати, и тѣ-бъ люди крестьянъ изъ за себя выпускали со всѣми ихъ животы безо-всякія зацѣпки и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и силно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали и продажъ имъ никоторыхъ не дѣлали, а кто учнетъ крестьянъ грабити и изъ за себя не выпускати, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ, одноличнобъ есте берегли того накрѣпко, чтобъ во крестьянскомъ отказѣ и въ вывозкѣ ни у кого ни съ кѣмъ зацѣпокъ и задоровъ и боевъ не было». Мѣсто это чрезвычайно важно для насъ. Оно показываетъ, что общее желаніе помѣщиковъ было закрѣпить крестьянъ и удержать ихъ у себя. Не меньше того мы изъ него видимъ, что самый переходъ крестьянскій служилъ крестьянамъ и къ раззоренію и къ большому угнетенію. Мнѣніе, приведенное выше, что крѣпостное право, т. е. лишеніе полноправности крестьянъ, существовало и до Бориса, подтверждается этимъ мѣстомъ указа 1602 года. Если таковы были юрьевскіе переходы, то за что же и клеймить Бориса? Располагая богатыхъ владѣльцевъ и сильныхъ земли для своихъ личныхъ цѣлей, въ тоже время Борисъ, быть можетъ, хотѣлъ избавить народъ отъ печальныхъ картинъ, какія представляла жизнь этого народа въ короткіе дни предоставляемой ему разъ въ годъ свободы. Отрицая прикрѣпленіе крестьянъ при Борисѣ, г. Погодинъ признаетъ, что прежній порядокъ перемѣны жительства крестьянъ существовалъ въ XVII вѣкѣ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Онъ ссылается

на г. Аксакова, который, въ III томѣ Русской бесѣды за 1858 годъ, напечаталъ изслѣдованіе по поводу вышедшей въ свѣтъ писцовой книги времен Михаила Ѳеодоровича, помѣщенной въ изданіи г. Елагина «Бѣлевская Библіотека». Г. Аксаковъ находитъ, что въ писцовой книгѣ о нѣкоторыхъ крестьянахъ, оставившихъ мѣста своихъ жительствъ, сказано: *сошли, вышли*, въ другихъ: *сбѣжали*. Это, по его мнѣнію, даетъ право признавать несомнѣннымъ существованіе перехода не только de facto, но и de jure. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Аксаковъ, руководствуясь порядными записьми, приходитъ къ такому заключенію: «Во времена до укрѣпленія, переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ то и въ случаѣ несоблюденія сего условія, крестьянинъ возвращалъ подмогу или платилъ пеню. Послѣ укрѣпленія, въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея, могъ требовать назадъ самаго крестьянина и заставить его работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано. Но это вошло не вдругъ: сперва въ рядныхъ, послѣ укрѣпленія на неопредѣленный срокъ или на всю жизнь, видимъ мы, что тоже полагается въ случаѣ, если крестьянинъ будетъ рядиться на сторонѣ, выйдетъ за другаго—денежное взысканіе, потомъ въ такихъ рядныхъ дается право взять силою крестьянина отовсюду, куда бы онъ ни порядился. И такъ бѣглый крестьянинъ былъ крестьянинъ, неисполнившій условій перехода и ушедшій до срока. До укрѣпленія, заплатя пеню, онъ удерживалъ свою личную независимость и не былъ обязанъ выполнять условій обязаннаго; послѣ укрѣпленія, онъ не могъ отступиться отъ условій и обязанъ былъ выполнить весь договоръ—жить столько, сколько въ записи написано».

Первое мнѣніе,—что переходъ существовалъ въ XVII вѣкѣ, г. Аксаковъ признаетъ несомнѣннымъ; второе — о значеніи укрѣпленія, онъ предлагаетъ какъ догадку, ибо дѣло само требуетъ большихъ изслѣдованій.

Посмотримъ на несомнѣнное.

Придется, прежде всего, сдѣлать вопросъ: точно ли выраженіе *вышли* имѣло смыслъ законнаго, дозволительнаго перехода, въ отличіе отъ выраженія *сбѣжали?* Г. Аксаковъ находитъ, что эти выраженія всегда означаютъ различное, и что бѣжать можно было и при существованіи перехода: кто исполнилъ свои условія въ отношеніи своего владѣльца и удалялся отъ него — значитъ, онъ *вышелъ,* или *сошелъ;* въ противномъ случаѣ онъ *сбѣжалъ.* Но въ поручной на крестьянство, приведенной г. Аксаковымъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, поручники отвѣчаютъ тогда, когда тѣ, за которыхъ они ручаются, «за волость выдутъ и тѣ свои жеребьи впустѣ покинутъ». Здѣсь слово *выдутъ*, очевидно, не въ смыслѣ законнаго правильнаго удаленія послѣ исполненія всѣхъ условій. Но если мы и допустимъ, что выраженія: *вышли, сошли* употреблялись въ смыслѣ, особомъ отъ выраженія *сбѣжали,* и тогда это не даетъ повода признавать несомнѣннымъ, чтобъ въ XVII вѣкѣ существовало для крестьянъ право сойти отъ землевладѣльца, покончивъ съ нимъ всѣ условія, и сойти такъ, чтобъ землевладѣлецъ не имѣлъ права его удерживать. А если владѣлецъ его уволилъ? Вѣдь и въ наше время, при существованіи крѣпостнаго права въ томъ видѣ, какъ оно образовалось уже подъ условіемъ послѣпетровскаго періода, владѣлецъ имѣлъ право уволить своего крестьянина и временно и навсегда, и еслибъ у насъ теперь существовали писцовыя книги, то писецъ, описывая какое нибудь господское село, не сдѣлалъ бы ошибки, еслибъ, напримѣръ, написалъ такъ: *дворъ пустъ крестьянина Свинорылова, перешолъ въ село Задуваевку*, разумѣя подъ этимъ отпущеннаго на волю крестьянина, поселившаго въ казенномъ селѣ; или же: «*дворъ пустъ Василія Недочосова, живетъ въ селѣ Расползухѣ дворникомъ у помѣщика Свистоносова*», разумѣвая подъ этимъ отпущеннаго помѣщикомъ на оброкъ и содержащаго постоялый дворъ у сосѣдняго господина; или же: *крестьянинъ Михайло Пруссенокъ вышелъ въ 1857 годъ и живетъ неизвѣстно гдѣ*, разумѣя крестьянина, отпущеннаго на заработки по билету и заплатившаго оброкъ помѣщику

впередъ за два года. Изъ такихъ извѣстій потомки вывели бы, что въ наше время крестьяне по закону имѣли право отъ помѣщиковъ переходить въ казенные крестьяне, къ другимъ помѣщикамъ и наконецъ уходить, не давая никому отчета, куда уходятъ. А дѣло между тѣмъ было совсѣмъ не такъ: эти крестьяне по закону не смѣли и шагу сдѣлать безъ воли помѣщика, и только помѣщикъ могъ ихъ отпускать. Но вѣдь и указы при Борисѣ о запрещеніи выхода не говорятъ, чтобъ тѣ помѣщики, у которыхъ выходъ былъ запрещенъ, сами лишались права отпускать своихъ крестьянъ. Если запрещалось отказывать и возить крестьянъ, то это слѣдуетъ понимать такъ, что помѣщики не могли съ крестьянами другихъ помѣщиковъ дѣлать взаимныя сдѣлки о переходѣ ихъ къ себѣ безъ воли тѣхъ помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне живутъ. Нельзя предположить, чтобъ помѣщикъ былъ внѣ всякой возможности законно избавиться отъ своего крестьянина, еслибъ захотѣлъ этого, когда и самаго бѣглаго возвращали ему только тогда, когда онъ подавалъ объ этомъ челобитную, и притомъ съ срочными условіями, такъ что бывали частые случаи, когда помѣщикъ терялъ право на возвращеніе бѣглаго, еслибъ и нашелъ его. Ясно, что если помѣщикъ могъ не искать бѣглаго, не отвѣчая за это, и напротивъ за просрочку наказывался только потерею правъ на того, на кого не желалъ предъявлять свои права, то ужь конечно могъ отпускать своего крестьянина добровольно. Если отпускъ на волю холопей и вѣчныхъ и кабальныхъ не только дозволялся, но считался дѣломъ богоугоднымъ, то отчегожь въ отношеніи къ крестьянамъ могло быть изъятіе, когда крестьяне de jure были свободнѣе холопей? Сверхъ того, надобно принять во вниманіе, что, по общественнымъ понятіямъ тѣхъ временъ, поселянинъ въ отношеніи власти былъ или тяглымъ или затяглымъ. Къ первымъ принадлежали хозяева, на которыхъ лежали отбываемыя повинности, а къ послѣднимъ сыновья, племянники и вообще родственники и домочадцы, не составлявшіе сами по себѣ единицъ, по которымъ разлагались повинности. Эти затяглые, пока не записывались, въ свою очередь въ тягло на тягло-

вые жеребьи, были гуляющіе люди, имѣвшіе право, при болѣе или менѣе широкихъ условіяхъ, перемѣнять мѣста жительства. Ими то населялись Сибирь и южныя и юговосточныя степи европейской Россіи. У помѣщиковъ, такъ точно, какъ въ посадахъ и въ черныхъ волостяхъ, были тяглые жеребьи, на которыхъ жили ихъ тяглые крестьяне (Ворон. Акты III, 161). Въ множествѣ грамотъ о заселеніи новыхъ слободъ и селъ предписывается начальствующимъ лицамъ набирать въ пашенные крестьяне изъ вольныхъ гулющухъ людей: *изъ крестьянскихъ семей, братьевъ, дѣтей и племянниковъ, но только не тяглыхъ;* а какъ мы знаемъ, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ существовали тяглые жеребья, — слѣдовательно, были тяглые и затяглые крестьяне, то вѣроятно, что въ числѣ лицъ изъ крестьянскихъ семей вообще разумѣлись также лица затяглыя и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Тяглые жеребья зависѣли отъ воли помѣщика и, вѣроятно, отпускъ затяглаго также зависѣлъ отъ его воли, потому что помѣщикъ могъ посадить его на тяглый жеребій, но въ какой степени — того нельзя опредѣлить положительно по недостатку свѣдѣній. Пока съ насъ довольно того, что если крестьянское населеніе, жившее въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, не лишено было возможности оставлять мѣста своего жительства и переходить въ другія, то изъ этого нельзя еще заключить несомнѣнно, что въ XVII вѣкѣ существовало прежнее право перехода въ юрьевскіе сроки независимо отъ воли помѣщиковъ, такъ точно, какъ и до нашего времени крестьянинъ не лишенъ былъ возможности отойти отъ своего помѣщика, если послѣдній изъявлялъ желаніе. Разница въ томъ только, что въ наше время отпущенный помѣщикомъ крестьянинъ не можетъ сдѣлаться вновь крестьяниномъ другаго помѣщика, но это потому, что существуетъ законъ, по которому разъ пріобрѣвшій свободу, не можетъ вступить въ крѣпостное состояніе, хотя бы на то было и его собственное согласіе. Закона такого не было въ XVII вѣкѣ: тогда отпущенному предоставлялось полное право сдѣлаться и холопомъ и крестьяниномъ другаго господина. Мы достовѣрно знаемъ, что въ XVII вѣкѣ

уже не существовалъ старинный вывозъ крестьянъ, то есть право помѣщика, согласившись съ крестьяниномъ другаго помѣщика, принять его къ себѣ, хотя бы противъ воли того помѣщика, у котораго жилъ прежде крестьянинъ. Доказательствомъ могутъ служить дополнительныя статьи къ Судебнику, постановленныя въ 1641 году:

«А которые люди къ кому пріѣзжали и людей и крестьянъ вывезли за себя, или же въ тое время отъ кого учинится смертное убійство и грабежъ и иное какое дурно, и Государь указалъ и бояре приговорили: про то сыскивать всякими сыски накрѣпко, и вывозныхъ крестьянъ отдавати за пятнадцать лѣтъ, а бѣглыхъ крестьянъ и бобылей по суду и по сыску отдавати, по прежнему Государеву указу за десять лѣтъ.

«А которые всякихъ чиновъ люди, кто у кого насильствомъ крестьянъ вывезъ, а про то сыщется подлинно, и государь указалъ и бояре приговорили: крестьянъ отдати со всѣми животы, да сверхъ того крестьянскаго владѣнья за крестьянина въ указные лѣта взяти на годъ по пяти рублевъ.

«А которые люди учнутъ на комъ крестьянъ искать бѣглыхъ вывозными, а про то сыщется, что тѣ крестьяне невывозные, бѣглые: и тотъ истецъ лишенъ крестьянина своего и крестьянскихъ животовъ и своего иску, ищи правдою и не называй бѣглаго крестьянина вывознымъ».

Такимъ образомъ, здѣсь ясно отличаются вывозные крестьяне отъ бѣглыхъ: и тѣ и другіе равно возвращаются въ прежнія мѣста, и тѣ и другія — лица, по своимъ поступкамъ, подлежащія преслѣдованію закона, и притомъ законъ, въ отношеніи первыхъ, наблюдаетъ больше строгости, чѣмъ въ отношеніи къ послѣднимъ.

Что касается до рядныхъ записей, то онѣ не доказываютъ и не опровергаютъ мнѣнія, какое составилъ г. Аксаковъ о существованіи перехода, по очень простой причинѣ: въ нихъ не говорится нигдѣ ни о какомъ общемъ и обязательномъ способѣ отношеній всего крестьянскаго населенія ко всѣмъ владѣльцамъ.

И такъ остается признать, что мысль о томъ, будто Борисъ не прекращалъ юрьевскаго перехода, и что это право существовало послѣ него и въ XVII вѣкѣ — не принимаетъ характера исторической истины послѣ доказательствъ гг. Погодина и Аксакова. Пока почтенные изслѣдовали, желающіи внести ее въ науку не подтвердятъ своихъ положеній новыми болѣе очевидными свидѣтельствами того времени, — общепринятое мнѣніе будетъ имѣть на своей сторонѣ болѣе доказательствъ. Главное, желательно было бы, чтобъ г. Погодинъ указалъ на извѣстныя ему распоряженія о бѣглыхъ, съ назначеніемъ сроковъ, изданныя ранѣе указа 1597 года: это прольетъ новый свѣтъ на одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашей допетровской исторіи.

1858.

ВЕЛИКОРУССКІЕ

РЕЛИГІОЗНЫЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

ВЪ XVI ВѢКѢ.

МАТВЕЙ БАШКИНЪ И ЕГО СОУЧАСТНИКИ ѲЕДОСІЙ КОСОЙ.

ВЕЛИКОРУССКІЕ
РЕЛИГІОЗНЫЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ
ВЪ XVI ВѢКѢ [1]).

—

МАТВЕЙ БАШКИНЪ И ЕГО СОУЧАСТНИКИ ѲЕОДОСІЙ КОСОЙ.

Акты Археографической Коммиссіи, т. I, стр. 241—256.—Акты Историческіе т. I, стр. 296.—Чтенія въ Императорскомъ Общ. Исторіи и Древностей, 1847 г, № 3.—Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка.—Чтенія въ Императорскомъ Общ. Исторіи и Древностей, 1858 г., № 2.—Розыскъ или списокъ о богохульныхъ строкахъ.—Рукопись Императорской Публичной Библіотеки.—Толстовскій каталогъ, отд. III, № 64.—Зиновія отенскаго инока ***истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи.***

I.

Склонность критиковать церковныя писанія и обряды, попытки найти своимъ умомъ другія точки воззрѣнія, отличныя отъ тѣхъ, какія приняты Церковью, сопоставленіе противоположностей, стремленіе къ одухотворенію Церкви — составляло сущность религіознаго броженія на сѣверѣ еще въ XV вѣкѣ, когда православіе должно было поражать разбившихся на разныя толпы стригольниковъ, а потомъ смѣсь различныхъ мнѣ-

---

[1]) Настоящая статья есть отрывокъ изъ публичнаго курса русской исторіи въ XVI вѣкѣ, читаннаго въ началѣ текущаго года. Нѣкоторыя части этого курса, которымъ не суждено быть прочитанными, напечатаются въ «Отечественныхъ Записках».

*

ній, которую, по поводу вмѣшательства въ эту путаницу Евреевъ, озаглавили именемъ жидовствующей ереси. Послѣ развода и разселенія Новгородцевъ, это броженіе распространилось по всей Руси и произвело рядъ явленій, болѣе или менѣе сходныхъ между собою въ сущности, отличныхъ въ подробностяхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ по вѣроученію и приложенію къ дѣлу. Самобытное реформаціонное русское движеніе соприкасалось съ реформаціонными началами, развившимися тогда на Западѣ и проникавшими въ русскій міръ. Исподоволь сближеніе съ Западомъ при Іоаннѣ IV не могло остаться безъ того, чтобъ пріѣзжавшіе къ намъ иностранцы не бесѣдовали съ русскими и не вносили господствовавшаго тогда на западѣ духа религіозныхъ умствованій и преній. Это направленіе удачно совпадало съ тѣмъ, что уже существовало подобное въ русской церкви. Такъ, въ дѣлѣ Башкина, является какой-то аптекарь литвинъ, да Андрей Хотѣевъ, названные латинниками.

Мы не думаемъ, чтобы западная реформація произвела тѣ явленія, которыя наступили у насъ въ XVI вѣкѣ: предъидущая исторія нашей умственной дѣятельности достаточно указываетъ на предварительную подготовку для дальнѣйшаго вольнодумства. Въ 1554 году являются въ Москвѣ и осуждаются вольнодумные кружки людей свѣтскихъ и духовныхъ, оставшіеся въ нашей церковной исторіи подъ именемъ ереси Матвея Башкина. Непосредственная связь этой такъ называемой ереси съ жидовствующею и стригольническою заключается въ преемственномъ броженіи религіозныхъ мнѣній, продолжавшемся отъ XIV вѣка.

Нѣкто, жившій въ Москвѣ, неизвѣстно откуда родомъ, но, судя по фамиліи, происхожденія татарскаго, Матвей Семеновичъ Башкинъ, въ великій постъ, пришелъ къ священнику благовѣщенскаго собора, Симеону, и просилъ его поновить, то есть исповѣдывать. «Я христіанинъ» говорилъ онъ: «вѣрую во Отца и Сына и св. Духа, и поклоняюсь образу Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы, и великимъ чудотворцамъ, и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ». Но, когда Симеонъ сталъ его исповѣдывать, Матвей началъ ему за-

давать такіе вопросы, которые показались попу недоумѣнными; не понравилось ему, какъ видно, то, что Башкинъ самъ же сталъ и разрѣшать эти вопросы, которыхъ не могъ разрѣшить священникъ, да, въ заключеніе, припомнилъ ему высокую обязанность священника въ такихъ выраженіяхъ:

«Ваше дѣло великое», сказалъ онъ: «ничто же сія любви больше, еже положите душу свою за други своя», и вы полагаете за насъ души свои и бдите о нашихъ душахъ, ибо за то воздадите слово въ день судный».— Недовольный формальною исповѣдью, Башкинъ пріѣхалъ къ священнику въ домъ, сталъ съ нимъ разсуждать, объяснялъ евангельскія бесѣды. Въ душѣ его было какое-то волненіе, жажда добра, стремленіе перелить слово въ дѣло; въ то же время онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что вокругъ себя мало находилъ приложенія евангельскихъ истинъ къ жизни.—Ради Бога,—были его слова:—пользуй меня душевно; надобно читать написанное въ евангельскихъ бесѣдахъ, но не надѣяться на слово, а совершать его дѣломъ. Все начало отъ васъ, священниковъ; вамъ слѣдуетъ показать примѣръ и насъ научать! Видишь-ли, въ евангеліи стоитъ: «научитесь отъ меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо мое благо и бремя мое легко есть». Что же нужнѣе человѣку, какъ быть смирнымъ, кроткимъ, тихимъ? Все это на васъ лежитъ. — Послѣ того еще бесѣдовалъ Матвей съ своимъ попомъ и показалъ ему апостолъ, измѣченный восковыми пятнами по такимъ текстамъ, которые въ немъ возбуждали размышленія. Онъ спрашивалъ у священника объясненій, но Симеонъ становился въ тупикъ, и Башкинъ предлагалъ ему свои собственныя объясненія. Между прочимъ, однажды пригласилъ онъ его къ себѣ и, толкуя съ нимъ объ отмѣченныхъ мѣстахъ, сказалъ: «написано: весь законъ заключается въ словахъ: «возлюби искренняго своего, какъ самъ себя»; если же вы себя грызете и терзаете, смотрите, чтобъ не разтерзать другъ друга. Вотъ мы Христовыхъ рабовъ держимъ своими рабами; Христосъ же называетъ всѣхъ братіею, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя (фальшивыя), на иныхъ—полныя, а иные бѣглыхъ держатъ. Благодарю Бога мо-

его: у меня были кабалы полныя; всѣ изодралъ; держу людей у себя, государь, добровольно; хорошо ему у меня — живетъ, а не нравится—пусть идетъ, куда хочетъ, а вамъ, отцамъ, надобно посѣщать насъ, мірянъ, почаще, да научать насъ, какъ самимъ жить и какъ людей у себя держать, чтобъ ихъ не томить. Я видѣлъ, что все это въ правилахъ написано, и мнѣ показалось хорошо. (*Во апостолѣ-де написано: весь законъ въ словеси скончевается; возлюбиши искренняго своего яко самъ себе; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите да не другъ отъ друга снѣдени будете, а мы-де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ, Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ-де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ нарядныя, а на иныхъ полныя, а я-де благодарю Бога моего: у меня-де что было кабалъ полныхъ, то-де есми все изодралъ, да держу-де, государь, своихъ доброволно, добро-де ему и онъ живетъ, а не добро, и онъ куды хочетъ, а вамъ, отцемъ, пригоже посѣщати насъ почасту и о всемъ аоказовати, какъ намъ самимъ жити, и людей у собя держати*). Такія разсужденія, какъ равно и тѣ, которыя относились къ толкованію другихъ мѣстъ апостольскихъ книгъ, показались Симеону подозрительными. Поставленный въ тупикъ, онъ сказалъ Башкину: Я этого не знаю.—Такъ ты спроси Сильвестра, сказалъ Башкинъ—онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй душу мою. Я самъ знаю, тебѣ некогда объ этомъ вѣдать, въ суетѣ мірской, ни день, ни ночь, покоя не знаешь. — Эти слова должны были служить обличеніемъ и укоромъ Симеону. Симеонъ сообщилъ объ этомъ Сильвестру, замѣчалъ, что приходилъ къ нему духовный сынъ необыченъ, толкуетъ не объ однихъ религіозныхъ вопросахъ, многое спрашиваетъ недоумѣнное, да самъ же еще и учитъ; сказалъ, что онъ показывалъ ему измѣченныя во многихъ мѣстахъ апостольскія писанія до трети и прибавилъ: да учалъ меня спрашивати и мнѣ то показалось развратно.— Но, ужъ видно, Башкинъ не съ однимъ Симеономъ велъ такія бесѣды, и Сильвестръ слышалъ о немъ изъ другихъ источниковъ. — Каковъ

тотъ сынъ духовный будетъ, — сказалъ Сильвестръ: — слава про него недобра носится. — Царя въ то время не было: онъ ѣздилъ въ Кирилловъ монастырь. Сдѣлалась тревога между духовными: «прозябе ересь и явися шатаніе въ людехъ». Навели справку, и когда царь вернулся, ему донесли объ этомъ Сильвестръ, Симеонъ и Андрей-протопопъ. Алексѣй Адашевъ тоже свидѣтельствовалъ что-то недоброе. Говорили: около Башкина составляется кружокъ, который неправильно умствуетъ о сыновнемъ существѣ Христа Спасителя, о таинствахъ, о Церкви, и о всей православной вѣрѣ. *(Испражняютъ владыку нашего Христа, непщуютъ Сына Божія быти и преславныя дѣйства таинства, и о литургіи, и о причастіи, и о церкви, и о всѣхъ православныхъ въ вѣрѣ христіанской).* Царь сказалъ Симеону: «Вели Матюшѣ измѣтить тѣ слова въ апостолѣ и подать мнѣ.—Башкинъ, увѣренный въ правотѣ своихъ толкованій, отдалъ Симеону, который потребовалъ у него апостолъ, и пришолъ самъ въ церковь. Царь смотрѣлъ; духовные объясняли ему, что это ересь. Но, какъ кажется, царь не обратилъ на это тогда строгаго вниманія, не трогалъ Башкина и уѣхалъ въ Коломну. Между тѣмъ, узналъ митрополитъ Макарій. Толки о Башкинѣ ходили самые неодобрительные. Царь приказалъ арестовать Башкина. Съ нимъ взяли подъ стражу его сообщниковъ, двухъ братьевъ Борисовыхъ: Григорья и Ивана, по отчеству Тимоѳеевыхъ, и еще другихъ: какого-то Игнатія и Ѳому. На всѣ вопросы царскіе они отвѣчали, что они вовсе не еретики, но православные христіане. Тогда царь приказалъ посадить ихъ въ подклѣтъ, въ своихъ палатахъ. Оказывалось, что ересь эта распространена между монахами заволжскихъ монастырей, дошла до Бѣла-озера; и оттуда привезли въ Москву монаха Ѳеодосія Косого.

Собрался соборъ. Предсѣдательствовалъ митрополитъ Макарій; членами собора были святители русскіе: архіепископъ ростовскій и ярославскій Никандръ, епископъ суздальскій и торусскій Аѳанасій, епископъ рязанскій и муромскій Кассіанъ, епископъ тверской и кашинскій Акакій, епископъ коломенскій и каширскій

Θеодосій, епископъ сарскій и подонскій Савва, честные архимандриты, преподобные игумены и священные протопопы. Подсудимыхъ обвиняли въ томъ, что они утверждали неравенство Христа со Отцомъ и Духомъ, почитали евхаристію простымъ хлѣбомъ и виномъ, отвергали зданную церковь, покаяніе, преданія житія святыхъ и дѣянія святыхъ седми соборовъ, и даже дерзали сомнѣваться въ дѣйствительности евангельскихъ и апостольскихъ событій. Башкинъ и товарищи его запирались, но царь самъ — говоритъ современное извѣстіе — *начатъ ихъ испытывати премудрѣ, хотя отъ нихъ увѣдати извѣстно, какъ убо сіи лукавіи и каково имутъ своя мудрованія.* Должно-быть, способы эти премудраго испытанія были нелегки. Башкинъ потерялъ и присутствіе духа и разсудокъ, и занесъ безсмыслицу *(богопустнымъ гнѣвомъ обличенъ бысть, бѣсу преданъ и языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаша на многіе часы).* Говорили, что ему представлялся голосъ Богородицы, которая побуждала его съ сознанію, и онъ предъ духовнымъ отцомъ своимъ изложилъ подлинно свое еретичество и назвалъ своихъ единомышленниковъ. Это значило, по смыслу современнаго извѣстія, «что въ разумъ пріиде». Сообщники перепутались въ показаніяхъ: одни запирались, другіе на себя наговаривали, третьи другихъ уличали. Оказывалось, что они уложили между собою зарокъ не поклоняться иконамъ. Тогда, подъ строгими допросами, Башкинъ привлекъ къ дѣлу бывшаго троицкаго игумена, Артемія, и дьяка Висковатаго. Соборъ сталъ его допрашивать. Оба допроса очень любопытны и проливаютъ свѣтъ какъ на сущность и характеръ этого свободомыслія, такъ и вообще на способъ изслѣдованія дѣлъ на церковномъ судѣ.

Этотъ Артемій былъ происхожденіемъ изъ Пскова — покрайней мѣрѣ, тамъ застаемъ его въ первое время. Къ-сожалѣнію, неизвѣстна ранняя судьба этого человѣка и какъ онъ попалъ въ монашеское званіе. Потомъ онъ является въ какой-то пустынѣ. Когда въ Троицкомъ монастырѣ скончался игуменъ Серапіонъ, братья пожелали избрать Артемія. Конечно, онъ

чѣмъ-нибудь сдѣлался извѣстенъ. Артемій удалялся отъ начальства. Его привезли въ Москву, помѣстили въ Чудовомъ монастырѣ. Сильвестру приказано было отъ царя испытывать его. Сильвестръ бесѣдовалъ съ нимъ и нашелъ его вполнѣ-достойнымъ человѣкомъ *(и тогда* — говоритъ Сильвестръ — *отъ устъ артемьева ученья книжнаго довольно ми показалося и добраго нрава и смиренія исполненъ бысть, и тако всъми людьми видимъ бысть и ближними и дальними);* онъ былъ поставленъ въ игумены, но въ то же время заронилось о немъ подозрѣніе. Былъ у него ученикъ Порфирій. Нѣсколько разъ онъ ходилъ къ Симеону; тотъ принималъ его ради страннолюбія, бесѣдовалъ съ нимъ и замѣтилъ у него въ бесѣдахъ что-то несовсѣмъ строго-православное. Онъ сообщилъ объ этомъ Сильвестру, пересказалъ то, что слышалъ отъ Порфирія, и изъявилъ свои сомнѣнія въ православности его мнѣній. Сильвестръ также задумался, позвалъ Порфирія къ себѣ, также подъ видомъ страннолюбія, и вывѣдалъ отъ него, что могъ. Это пересказано было царю. Вотъ характеристическая черта и нравовъ, и способовъ, какимъ образомъ въ тотъ вѣкъ слѣдили тайно за убѣжденіями. Человѣкъ могъ, ничего не подозрѣвая, высказывать свои мнѣнія попріятельски другому, и тотчасъ эти мнѣнія тайно передавались правительству. Однако, порфирьевы рѣчи не имѣли въ себѣ настолько предосудительнаго, чтобъ можно было за нихъ придраться къ нему явно. И на него и на Артемія, съ которымъ онъ былъ близокъ, пало подозрѣніе. Немного времени прошло, и Артемій добровольно долженъ былъ оставить игуменство; должно думать, это сдѣлалось именно вслѣдствіе того, что за нимъ слѣдили, и онъ замѣтилъ, что къ нему не благоволятъ высшіе. Вмѣстѣ съ нимъ неразлучно былъ и Порфирій. У троицкихъ старцевъ Артемій оставилъ благопріятное впечатлѣніе. Его отходъ приписывали внутреннему смиренію и любви къ монашескому уединенію. «Его говорили они», государь сильно и на игуменство взялъ и въ попы поставилъ противъ его желанія; онъ бѣгалъ отъ этого, потому что не хочетъ славы міра сего. Душѣ его не въ пользу игуменство, и онъ того ради оста-

вилъ игуменство. Хочетъ не погибнуть душою и совершить Христовы заповѣди евангельскія и апостольскія, отъ своихъ рукъ питатися пищею и одеждою доволитися.» Онъ удалился въ Нилову пустынь. Когда началось дѣло Башкина, Артемій съ Порфиріемъ были вызваны въ Москву и помѣстились въ Андроньевомъ монастырѣ. Ихъ вызвали подъ предлогомъ присутствовать на соборѣ, но на самомъ дѣлѣ ихъ вытребовали какъ подозрительныхъ людей. Ихъ свели съ Башкинымъ и съ сообщниками Башкина и велѣли съ ними состязаться. Это, видно, было еще тогда, когда Башкинъ не сознавался. Артемія побуждали къ спорамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что считали его книжнымъ и ученымъ человѣкомъ. Артемій уклонялся отъ споровъ и говорилъ «это не мое дѣло». Наконецъ, когда Башкинъ, въ припадкѣ разстройства, началъ оговаривать другихъ, то сказалъ что-то недоброе и на Артемія. Противъ него были уже предупреждены, и потому сейчасъ же придрались къ показанію. Артемій, видя, что ему не сдобровать, когда начнутъ его истязать, убѣжалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ Порфиріемъ, въ свою пустынь, вѣроятно, собираясь убѣжать подалѣе отъ преслѣдованія. Но ему не удалось. Его, вмѣстѣ съ Порфиріемъ, привезли въ Москву и поставили на соборѣ.

— Зачѣмъ ты убѣжалъ самовольно? спрашивали его.

— Отъ навѣтующихъ меня убѣжалъ! сказалъ Артемій. — До меня дошелъ слухъ, будто говорятъ про меня, что я не истинствую въ христіанскомъ законѣ; я хотѣлъ уклониться отъ молвы людской и безмолвствовать.

— Кто же эти навѣтующіе на тебя? спрашивали его. — И отчего ты не билъ челомъ государю и намъ, и не свелъ съ себя навѣта, а бѣжалъ изъ Москвы безвѣстно? Вотъ тебѣ и вина.

Артемій почему-то не назвалъ по имени навѣтующихъ.

Свели его на очную ставку съ Башкинымъ. Башкинъ на него показывалъ. Артемій запирался. Какого рода показанія эти были — неизвѣстно, но остались вопросы, которые по этому поводу дѣлалъ Артемію митрополитъ:

— Матвей, объяснялъ митрополитъ что-то сказанное Матвеемъ: — раздѣляетъ Сына отъ Отца и неравно именуетъ Сына Отцу, ибо онъ говорилъ такъ: если я прогнѣваю Сына (грубо учиню), то на страшномъ пришествіи Отецъ можетъ меня избавить отъ муки, а если прогнѣваю Отца, то Сынъ меня не избавитъ отъ муки. Матвей составилъ молитву Отцу, а Сына и Духа отставилъ.

— Матвей, сказалъ Артемій: — дѣлалъ ребячество, и самъ не знаетъ что затѣваетъ: ни въ писаніи того нѣтъ, ни въ ересяхъ не написано.

— Прежнихъ еретиковъ, которые не каялись, сказалъ митрополитъ: — святители проклинали и цари осуждали, заточали и предавали казнямъ.

— Меня, сказалъ Артемій: — призвали судить еретиковъ, а не мнѣ судить и предавать ихъ казни, да и еретиковъ нѣтъ и не слышу я, чтобъ кто-нибудь говорилъ спорное (и въ споръ никто не говоритъ).

Изъ этого отвѣта видно, что Артемій открыто не признавалъ ничего еретическаго въ словахъ Матвея Башкина, которыя хотѣли выставить еретическими.

— Какъ же не еретикъ Матвей, сказалъ митрополитъ: — когда онъ написалъ молитву къ единому началу, написалъ единаго Бога Отца, а Сына и св. Духа отставилъ?

— Ничего было ему и врать, сказалъ Артемій. — Молитва готова Манассіи ко Вседержителю.

— То было до христова пришествія, объяснялъ митрополитъ: — а теперь кто такъ напишетъ молитву къ одному началу, тотъ еретикъ.

— Однако, замѣтилъ Артемій: — манассіина молитва написана въ большомъ *нефимонѣ* и говорятъ ее.

— Если ты виноватъ, то кайся! сказалъ митрополитъ.

— Не въ чемъ мнѣ каяться, сказалъ Артемій: — я такъ не мудрствую, какъ на меня сказывали; все это на меня лгали: я вѣрую въ Отца и Сына и св. Духа въ Троицу единосущную!

Такіе отвѣты, обращенные къ митрополиту на соборѣ, поста-

вили Артемію въ обвиненіе. Тогда на Артемія посыпались другія обвиненія отъ разныхъ лицъ. Игуменъ Ѳерапонтовскаго монастыря, Нектарій, болѣе всѣхъ обличалъ его и укорялъ въ еретическихъ мнѣніяхъ.

— Вотъ онъ говорилъ, сказывалъ на него Нектарій: — что у Іосифа волоцкаго въ книгѣ неправильно, будто Богъ, посылая къ Лоту въ Содомъ двухъ ангеловъ, посылалъ въ-самомъ-дѣлѣ въ ихъ образѣ Сына и св. Духа.

Неизвѣстно, что отвѣтилъ Артемій на это обвиненіе.

— Артемій, показывалъ Нектарій: — не проклинаетъ новгородскихъ еретиковъ, хвалитъ латынъ, не хранитъ поста, во всю четыредесятницу ѣлъ рыбу и на воздвиженьевъ день за столомъ у царя и великаго князя ѣлъ рыбу.

Замѣчательно, какъ тогда монахи другъ за другомъ подсматривали, стараясь одинъ другаго обвинить и обличить въ несоблюденіи правилъ иноческой жизни.

— Правда, сказалъ Артемій: — я ѣлъ рыбу, но только тогда, когда случилось мнѣ быть у христолюбцевъ, и у царя за столомъ рыбу ѣлъ.

— Не гораздо ты чинилъ это, сказалъ ему митрополитъ отъ всего собора: — это тебѣ вина, ты самъ себѣ вопреки божественныхъ уставовъ и священныхъ правилъ разрѣшаешь постъ, а на тебя смотря, и люди соблазняются.

Артемій, безъ-сомнѣнія, оправдывался тѣмъ, что по духу св. писанія и даже по примѣру благочестивыхъ мужей, предлагаемое дозволено ѣсть, и постъ не долженъ выказываться наружно.

— Артемій, продолжалъ Нектарій: — когда былъ во Псковѣ, то ѣздилъ изъ Печерскаго монастыря въ нѣмецкій Новый городокъ и тамъ хвалилъ нѣмецкую вѣру, говорилъ тамъ съ нѣмецкимъ княземъ.

— Я тогда ѣздилъ и говорилъ съ нѣмецкимъ княземъ, сказалъ Артемій: — и спрашивалъ, не найдется ли у нихъ человѣкъ, кто бы поговорилъ со мной книгами. Хотѣлось мнѣ узнать, у нихъ христіанскій законъ таковъ ли, какъ у насъ; но мнѣ тогда не указали такого книжнаго человѣка.

— А зачѣмъ тебѣ, строго замѣтили ему на соборѣ: — ты вѣдаешь самъ, что наша вѣра греческаго закона сущая православная, а латинская вѣра святыми отцами отъ православной вѣры отречена и проклятію предана. Это ты чинилъ не гораздо. Это тебѣ вина.

И еще много-много говорилъ на Артемія Нектарій, обвинялъ его въ богохульствѣ и еретичествѣ. Артемій на все отвѣчалъ:

— Нектарій клевещетъ на меня; я этого не говорилъ никогда, я неповиненъ въ дѣлахъ, которыя на меня взводятъ.

Нектарій сослался на свидѣтелей: пустыниковъ Ниловой пустыни Тихона и Дороѳея, Христофора Стараго, соловецкаго старца Іосифа Бѣлобаева; но призванные на соборъ старцы не показали ничего на Артемія и не подтвердили обвиненія, взведеннаго Нектаріемъ.

Поднялся на Артемія другой обвинитель: бывшій Троицкій игуменъ Іона. Онъ написалъ на соборѣ обличительныя показанія на Артемія.

«Артемій, — писалъ онъ: — возлагалъ хулу на крестное знаменіе. Артемій произносилъ такія слова: «нѣтъ въ томъ ничего, что не положить на себѣ крестное знаменіе; прежде клали на челѣ иное знаменіе, а ныньче на себѣ большіе кресты кладутъ. На соборѣ о крестномъ знаменіи много толковали, да ни на чемъ не порѣшили».

— Я только говорилъ о соборѣ, что на немъ не порѣшили о крестномъ знаменіи, а про самое крестное знаменіе такъ не говорилъ, сказалъ Артемій.

— Вотъ ты самъ сказалъ, отвѣчали ему: — что говорилъ о соборѣ; стало-быть, и то говорилъ, что въ крестномъ знаменіи нѣтъ ничего. Надобно въ этомъ вѣрить Іонѣ. Ты хулу говорилъ; это тебѣ вина.

Потомъ явился третій обвинитель: Троицкій келарь Адріанъ Ангеловъ и доносилъ слѣдующее:

— Артемій въ Корнильевомъ монастырѣ былъ въ кельѣ у корнильевскаго игумена Лаврентія и говорилъ тамъ, что нѣтъ

помочи умершимъ, когда поютъ по нихъ панихиды и служатъ обѣдни; тѣмъ они муки не минуютъ на томъ свѣтѣ.

— Я говорилъ, объяснялъ Артемій: — что если люди жили растлѣннымъ житіемъ и грабили другихъ, а потомъ хоть и станутъ за нихъ пѣть панихиды и служить обѣдни, то Богъ не принимаетъ за нихъ приношенія; нѣтъ пользы оттого: тѣмъ имъ не избавиться отъ муки.

— Это ты говорилъ не гораздо, приговорили члены собора: — вѣрить во всемъ Адріану; это тебѣ вина. Ты отсѣкалъ у грѣшниковъ надежду спасенія; ты уподобился Арію, который также говорилъ, что не слѣдуетъ приносить приношенія за умершихъ. Объ этомъ такъ написано въ 75 гл. правилъ Епифанія Кипрскаго.

Явился четвертый обвинитель: троицкій старецъ Игнатій Курачевъ, и написалъ по памяти: «Я слышалъ отъ Артемія про каноны. Говорилъ Артемій про іисусовъ канонъ: такой Іисусе, такой Іисусе, и про акафистъ говорилъ: радуйся да радуйся».

Артемій на соборѣ отвѣтилъ:

— Я говорилъ такъ: въ канонѣ читаютъ: Іисусе сладчайшій, и какъ услышатъ слово іисусово о его заповѣдяхъ какъ Іисусъ повелѣлъ пребывать, какъ и житіе вести, такъ горько дѣлается заповѣди Іисуса исполнять *(и услышатъ слово іисусово о заповѣдяхъ его, какъ велѣлъ быти и они въ горесть прелагаются, что заповѣди сотворити)*, а про акаѳистъ я такъ говорилъ: читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами не радятъ о чистотѣ и пребываютъ въ празднословіи, стало-быть, только наружно обычай исполняютъ, а не истинно *(ино то обычаемъ водими глаголютъ, а не истину)*.

— Это ты говорилъ не гораздо, произнесли на соборѣ: — про іисусовъ канонъ и акаѳистъ говорилъ развратно и хульно, а всякому христіанину подобаетъ іисусовъ канонъ и акаѳистъ пречистой Богородицы держать честно и молиться всякій день, сколько силы достанетъ.

Пятый обвинитель былъ кирилловскій игуменъ Симеонъ.

Когда арестовали Матвея Башкина, въ то время Артемій, находился въ Кирилловскомъ манастырѣ.

— Я тогда,—доносилъ игуменъ:—сказалъ Артемію: Матвея Башкина поймали въ ереси. А онъ, Артемій, мнѣ отвѣчалъ: «не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рукаваго, а до-сихъ-поръ не знаютъ сами, за что, ихъ сожгли.

Поставили Артемія на очную ставку съ Симеономъ. Артемій запирался. Но Симеонъ указалъ на свидѣтеля, кирилловскаго старца Никодима Бруткова. Артемій сказалъ такъ:

— Я не могу вспомнить теперь, былъ ли разговоръ о новгородскихъ еретикахъ, не за моей памяти сожгли ихъ, и точно, я не знаю, за что ихъ сожгли; можетъ-быть, я такъ и сказалъ, но я не такъ говорилъ, что они этого не знаютъ, а говорилъ-де только про себя одного.

Когда уже Артемія водили къ допросу, за нимъ слѣдили, шпіонили и ловили каждое слово. Царскій дьякъ Шестакъ доносилъ, что когда Артемія свели съ собора, то на улицѣ встрѣтился онъ съ Порфиріемъ, котораго другіе вели также съ допроса. Порфирій сказалъ Артемію: — благослови, отче! — Артемій отвѣчалъ: Богъ отче! — Порфирій, спросилъ: а что, мнѣ стоять крѣпко противъ нихъ? — Артемій отвѣчалъ: молчи, отче; наше дѣло колеблется, не время; я молчать готовъ. — Порфирій сказалъ: — мнѣ такъ стоять спорно», — Молчи, — сказалъ Артемій, и они разошлись. Когда ихъ поставили на соборѣ на очную ставку, Артемій не заперся, и это поставили ему въ вину. Между-прочимъ, Артемій объяснялъ, что Порфирій вовсе не ученикъ его, хотя они и взяты были въ одно время изъ пустыни.

Неизвѣстно, по какому поводу зашла на соборѣ при допросахъ рѣчь о его посвященіи. Артемій говорилъ, что онъ не желалъ въ игумены, и когда его свидѣтельствовали и онъ долженъ былъ исповѣдывать свои грѣхи, тогда, предъ отцами духовными, онъ сознался въ блудномъ грѣхѣ, который ему препятствовалъ бы принять санъ, но духовный отецъ велѣлъ ему преступить этотъ грѣхъ и неговорить о немъ (*коли-де и меня*

къ Троицѣ во игумены наркли и велѣли меня свидѣтельствовать, и язъ-де и того отцу духовному сказывалъ свои блудные грѣхи, и онъ-де и мнѣ говорилъ: то-де и переступи).

Дали ему очную ставку съ духовнымъ отцомъ. Послѣдній говорилъ, что, напротивъ, онъ его спрашивалъ о тяжелыхъ грѣхахъ убійственныхъ и блудныхъ, и Артемій ему не сознался. Артемій сказалъ, что тутъ стоялъ другой попъ, который сказалъ: «то переступи; это ненужно».

— Я — прибавилъ онъ — теперь имени ему не припомню: тогда было семь свидѣтелей.

Это неясное мѣсто, вѣроятно, надобно такъ понимать, что объ Артеміи открылось что нибудь относительно его частной жизни, и его стали допрашивать, зачѣмъ онъ не объявилъ объ этомъ тогда, когда посвящался въ игумены. Это сознаніе было важно. По этому одному поводу съ него сняли санъ священства и поставили ему въ вину, что онъ оклеветалъ своего духовнаго отца, увѣряя, что самъ сознавался въ грѣхѣ, а духовный отецъ велѣлъ ему оставить это безъ вниманія.

Соборъ не могъ признать Артемія вполнѣ доказаннымъ преступникомъ, потому что нектаріевы показанія не были подтверждены тѣми свидѣтелями, на которыхъ доноситель ссылался. Тѣмъ не менѣе, его сочли опаснымъ, чтобы онъ не совращалъ христіанъ (*его ради со благочестивымъ царемъ соборне судихомъ о немъ, да не како свободнѣ живетъ идѣже хощетъ и учитъ, и пишетъ, и посланіе посылаетъ, и бесѣдуетъ съ ними жъ хощетъ*).

Его приговорили сослать на тяжелое заключеніе въ Соловецкій монастырь. Онъ долженъ былъ жить одиноко въ кельѣ; не слѣдовало допускать монаховъ и бѣльцовъ бесѣдовать съ нимъ, запрещалось ему переписываться съ другими, что бы то ни было отъ кого нибудь принимать или пересылать кому нибудь, не имѣть съ людьми сообщенія; но сидѣть въ затворѣ и молчать. Одинъ пресвитеръ, по указанію настоятеля, долженъ былъ надзирать надъ нимъ и испытывать, когда онъ будетъ

каяться: истинно ли его покаяніе; а самъ игуменъ, повременамъ, долженъ читать ему поученія отъ божественнаго писанія и наставлять его во всемъ, что нужно для его обращенія. Ему не позволялось читать другихъ книгъ, кромѣ молитвенныхъ, какія укажетъ игуменъ съ монастырскимъ соборомъ. Слѣдовало наблюдать даже надъ тѣмъ сторожемъ, который будетъ приставленъ къ нему, чтобы обвиненный не совратилъ его. Даже и надъ священникомъ, который будетъ приставленъ для его обращенія, игуменъ долженъ былъ надзирать, чтобы онъ не увлекся еретическими убѣжденіями. Всѣ тѣ, которые въ противность этого запрещенія, стали бы домогаться сношеній съ Артеміемъ, подвергались осужденію, какъ его единомышленники. Пребывая въ такомъ состояніи, Артемій лишался св. причащенія; впрочемъ, еслибы случилось съ нимъ смертельная болѣзнь, тогда можно было его причастить. Иначе онъ получалъ св. причащеніе только предъ смертію.

Что касается до главныхъ еретиковъ, то приговоръ ихъ не дошелъ до насъ, и не видно, въ чемъ онъ уклонялся отъ приговора надъ Артеміемъ. Изъ письма Іоанна къ Максиму Греку, гдѣ царь излагаетъ сущность въ такихъ же выраженіяхъ, въ какихъ она излагается въ приговорѣ надъ Артеміемъ, показывается, что одни и тѣ же выраженія въ царскомъ письмѣ принадлежатъ и приговору; но такъ какъ письмо Іоанна было писано прежде приговора, то, должно быть, приговоръ составленъ былъ по прежде-изложенному обвиненію *(Еже о святѣмъ Дусѣ сынъ святыя церкви и нашего смиренья, православный и христолюбивый и боговѣнчанный царь и великій государь князь всея Русіи самодержецъ зѣло потщася съ великою божественною ревностію по святѣй и животворящей и всемогущей Троицы и по всѣхъ святыхъ честныхъ иконахъ, съ нашимъ смиреніемъ и со архіепископомъ и епископы, и со всѣмъ священнымъ соборомъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царьскихъ его палатахъ, съборовахъ съ нимъ и съ братьею его и со всѣми боляры на богопротивнаго и лукавого безбожно-*

го еретика и отступника православныя вѣры Матөея Башкина и на его единомысленниковъ, иже хулу глаголавшего на Господа Бога и Спаса нашего Іисусъ Христа и неравна его Отцу повѣдаютъ, нѣціи жъ еще и другихъ поучаютъ на сіе злочестіе; къ симъ же честное и святое тѣло Господа нашего Іисуса Христа и честную и св. Его кровь ни вочтожъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ; также святую соборную апостольскую церковь отричютъ глаголюще яко вѣрныхъ соборъ сіе есть токмо церковь, сія жъ зданная ничтожъ есть; также и божественныя плоти христовы воображеніе и пречистыя Богоматере и всѣхъ святыхъ его честныхъ иконъ воображеніе идолы окаяніи наричютъ, таже и покаяніе ни во что же полагаютъ, глаголюще: какъ престанетъ грѣхъ творити, аще у священника и не покается, то нѣсть ему грѣха; отеческая же преданія и ихъ житья баснословіе вмѣняютъ и на седьмь святыхъ вселенскихъ соборъ святыхъ отецъ гордость возлагаютъ, глаголюще: яко все себя дѣля писали, чтобъ имъ всѣмъ владѣти и царьскимъ и святительскимъ, и спроста рещи вся божественая писаніе баснословіе наричютъ, Апостолъ же и Евангеліе не истинно излагаютъ по глаголющему апостолу: иже истину въ неправдѣ содержащимъ. Къ симъ же и иныа хулныя вины ихъ многы и всяко законопреступленіе). (А. А. Э. I. 250).

Судьба Башкина неизвѣстна. Соумышленниковъ его заточили въ темницы, по монастырямъ. Объ этомъ сообщаетъ никоновская лѣтопись (*И осудиша ихъ неисходнымъ быти, да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому*).

Вмѣстѣ къ этому дѣлу былъ прикосновененъ дьякъ Иванъ Висковатый, хотя косвеннымъ образомъ. Послѣ большаго пожара въ Москвѣ, когда погорѣли церкви кремлевскія, приказаказано было привезти изъ разныхъ городовъ образа. Нѣкоторые образа казались не нохожи на тѣ, какіе привыкли видѣть

прежде; это возбуждало соблазнъ. Въ тотъ вѣкъ входилъ вкусъ писать символическія изображенія, отклоняясь отъ прямаго способа изображенія лица или историческаго дѣйствія. Дьякъ Висковатый началъ умствовать. Но какъ изображенія на иконахъ выражали внѣшнимъ образомъ идеи и догматы, то объясненіе, такъ или иначе должна быть написана икона, соединялось со внутреннимъ смысломъ, выражаемымъ изображеніемъ. Нѣкоторыя объясненія высказаны были такъ, что возбудили обвиненіе въ уклоненіи отъ строгой чистоты православной догматики. Дьяку поставили въ укоръ, что онъ всенародно дѣлалъ объясненія объ иконахъ и порицалъ нѣкоторые способы изображенія. Дьякъ, призванный на соборъ, подалъ свою исповѣдь, въ которой изложилъ кое-какія свои сомнѣнія. Его, между прочимъ, соблазняло то, что писали на иконахъ пророческія видѣнія. Онъ указывалъ, что пророческія видѣнія различествуютъ между собою и что такимъ образомъ пропадаетъ правильный образецъ иконнаго письма. (*И того ради Господа нашего пишетъ въ давидовѣ образѣ. кромѣ отчаго исхожденія и предотечева свидѣтельства и о сътвореніи Божіи писали иные многіе письма, и язъ мнѣхъ, что оно написано кромѣ свидѣтельства... Отъ кого такову власть взяли, чтобъ сказали и засвидѣтельствовали и которое уложатъ писати, ино во одьнимъ образцомъ писали, чтобъ было не съблазнено, а то въ одной паперти оубо одна икона, а въ церкви другая: тожъ писано, а не тѣмъ видомъ*). Онъ нападалъ на то, что у Спасителя изображались сжатыя руки, и выводилъ изъ этого что это значитъ будто бы Христосъ не очистилъ адамова грѣхопаденія (*роукы зжаты мудрованіе суетное иже помышляють яко не оцистилъ Господь нашь Іисусъ Христосъ Адамова грѣхопаденія: мняху его проста человѣка*). Онъ негодовалъ на то, что Іисуса Христа изображали въ ангельскомъ образѣ; что Христосъ на крестѣ изображенъ покровеннымъ крилами херувимовъ, доказывая, что это латинскій обычай. (*И азъ увидѣлъ, что въ сътвореніи небеси и земли*

и въ сътвореніи Адамли и в ыныхъ мѣстехъ написали Господа нашего Іисуса Христа въ ангельскомъ образе, и того для говорилъ есмь, чая коварства смотря на исповѣдь хрестіанскую, еже такъ мудрствовати не велено, а велено Господа нашего Іисуса Христа превѣчное Слово Божіе описовати по плотскому смотрѣнію (Чтенія 1858 г. кн. 2, Розыскъ, *стр. 10*)... *А херувимскими крылы покрыто тѣло Господа нашего Іисуса Христа намъ ся видитъ латинскые ереси мудрованіе; слыхалъ есмя многажы отъ латынъ въ розговоре яко тѣло Господа нашего Іисуса Христа укрываху херувимы отъ срамоты. Греки его пишютъ в порѣткахъ, а онъ порѣтковъ не нашивалъ, и азъ того для о томъ оусумнѣваюсь, а исповѣдаю яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ нашего ради спасенія принялъ смерть поносную и волею претерпѣлъ распятіе, а отъ укоризны не оукрывался* (ibid. 8.).

По поводу изображеннаго на иконѣ символа вѣры, онъ соблазнялся тѣмъ, что въ немъ нарисованъ Богъ Отецъ, и представлялъ, что не слѣдуетъ изображать невидимаго божества и вообще безплотныхъ (*не подобаетъ невидимаго божества и безплотныхъ въображати, какъ нынѣ на иконѣ писано*). Онъ не одобрялъ также антропоморфическихъ изображеній добродѣтелей и пороковъ, что входило тогда въ иконописаніе (*в полате в середней государя нашего написанъ образъ спасовъ да тоутожъ близко него написана жонка, спустя рукава кабы пляшетъ, а подписано надъ нею: блоуженіе, а иное ревность, а иные глоумленіа, а мнѣ, государь, мнится, что то кромѣ божественнаго писанія, о томъ смущаюсь*) (ibid. 11.)

Исповѣдь, написанная дьякомъ, составлена была очень почтительно и въ кроткомъ, покорномъ духѣ, но послужила къ его обвиненію: онъ неудачно выразился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; за то къ нему придрались и вывели изъ этого еретическія мнѣнія. Напримѣръ, онъ выразился: «тако бо честно-

му кресту покланяющееся, на немъ же животворимое распростерто бысть слово». Это сочли неправильнымъ, ибо на крестѣ распростерто было тѣло, а не слово. Дьякъ указывалъ, что это онъ взялъ изъ правилъ книги, принадлежащей Василію Михайловичу Юрьеву. Обвиняли его, что онъ сказалъ о Христѣ *чюдотворіа пріа распяся*, выписавъ это изъ книги Дамаскина, принадлежащей Морозову, но въ книгѣ той написано *чюдотвори, пріа страсти, распяся*. Сославшись на синодикъ, сказалъ, будто тамъ написано: «тако вѣруемъ и тако исповѣдуемъ истиннаго Бога нашего», когда на самомъ дѣлѣ въ этомъ синодикѣ оказалось: «тако вѣруемъ и тако проповѣдуемъ Христа истинна Бога нашего». Такимъ образомъ, его осудили на трехлѣтнее покаяніе (*судихомъ и дахомъ тебѣ епитемью на три лѣта: едино ти лѣто плакатись подобаетъ, внѣ дверей стоя церковныхъ и входящимъ вѣрно молясь, молитву творити за ся, исповѣдая своя согрѣшенія; потомъ же второе лѣто послушающи божественныхъ писаній, пріятъ будеши въ церковь; и третье лѣто да стоиши съ вѣрными въ церкви, общенія жъ не пріемлеши; скончавшимъ же ся тремъ лѣтомъ святыхъ таинъ причастникъ будеши*). (А. Э. I, 244).

Въ обвиненіи Висковатаго дѣйствовала досада духовенства, что міряне осмѣливаются судить о религіозныхъ предметахъ свободно. Какъ только дьякъ заявилъ свои размышленія, митрополитъ сказалъ ему: «Ты о томъ мудрствуешь и говоришь не гораздо, понеже не велѣно вамъ о божествѣ и о божіихъ дѣлахъ испытовати. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебѣ положены; не разроняй списковъ». Въ соборной епитеміи надъ нимъ говорится: «всякъ человѣкъ убо долженъ есть вѣдати свой чинъ и не творити себѣ пастыря, овча сый и глава да не мнитъ нога сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину и уши свои отверзати на послушаніе благодати пріемлющихъ учительская словеса».

Этимъ осужденіемъ Висковатаго проводилось притязаніе, чтобы никто не разсуждалъ, а всѣ повиновались духовенству. Ви-

сковатый не могъ подлежать осужденію, ибо онъ изъявилъ свои мнѣнія въ своей исповѣди, предлагалъ ихъ на обсужденіе собора, изъявляя готовность покориться соборному приговору. Самъ соборъ призналъ справедливымъ одно изъ его замѣчаній о сжатыхъ рукахъ на образѣ Спасителя. Другія, были объяснены не такъ, какъ думалъ Висковатый, — и онъ покорился. Неправильности въ его исповѣди были, очевидно, неумышленныя и не могли подавать повода къ подозрѣнію въ ереси, когда въ той же исповѣди онъ выражаетъ во многихъ мѣстахъ свои православныя убѣжденія. Этотъ судъ надъ Висковатымъ подаетъ намъ поводъ сомнѣваться, чтобъ все дѣло Башкина и его сообщниковъ было точно таково, какъ изображаетъ намъ извѣстіе о немъ, дошедшее до насъ единственно изъ устъ ихъ обвинителей.

Мы сдѣлаемъ его разборъ.

Артемія признали виновнымъ по нѣсколькимъ пунктамъ, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ было его полное сознаніе, въ другихъ отчасти, третьи были растолкованы имъ самимъ иначе, нежели какъ обвиняли его; четвертые онъ отрицалъ.

1) Онъ призналъ справедливымъ, что ѣлъ рыбу въ гостяхъ и у царя за обѣдомъ; онъ сознался, что разговаривалъ съ Порфиріемъ и сказалъ ему «Богъ отче», когда тотъ говорилъ ему, «благослови, отче», и оба условились молчать. Ни въ томъ, ни въ другомъ не было достаточныхъ обвиненій. Хотя онъ нарушалъ постъ, но не по охотѣ, а по случаю, и притомъ, прежде надлежало обвинить царя, который угощалъ рыбою монаховъ на воздвиженье. Коль скоро у царя за столомъ подавалась рыба, то царь долженъ былъ защищать Артемія. Что касается до другаго, то въ томъ, что двое подсудимыхъ условились молчать и стоять крѣпко, не заключается еще повода подозрѣвать ихъ, когда дѣло съ Висковатымъ показываетъ, какъ легко могли обвинить человѣка въ еретичествѣ на основаніи какого нибудь неловко-сказаннаго слова, хотя бы безъ того смысла, который послѣ можно будетъ извлечь изъ него.

2) Онъ сознался, что ѣздилъ въ нѣмецкій городокъ искать

книжнаго человѣка, и не сознался въ томъ, что хвалилъ латинскую вѣру, какъ его обвиняли. Никогда церковь не препятствовала узнавать о чужихъ вѣрахъ и о чужихъ обычаяхъ. Онъ сознался, что дѣйствительно говорилъ, что на соборѣ ничего не было постановлено о крестномъ знаменіи: и тутъ не было нетолько неправославнаго, но никакого сужденія. То былъ фактъ, извѣстный всѣмъ; нельзя было на этомъ основаніи признать справедливость другой половины того же обвиненія, что Артемій говорилъ о самой сущности крестнаго знаменія. Точно также слова его о новгородскихъ еретикахъ, сколько онъ сознался самъ, не представляли судьямъ никакого повода заключать о его неправославности: онъ высказывалъ единственно то, что не зналъ историческаго факта, о которомъ шла рѣчь.

3) Все, что Артемій растолковалъ, было православно и не подавало повода къ обвиненію. Артемія обвиняли въ отрицаніи дѣйствительности поминовенія и молитвъ за умершихъ; Артемій объяснялъ, что онъ говорилъ о недѣйствительности приношеній для тѣхъ, которые своимъ растлѣннымъ житіемъ и хищеніями содѣлались недостойными этихъ приношеній за ихъ души. Его обвиняли въ неуваженіи къ акаѳисту и канонамъ, но онъ объяснилъ, что считалъ недостаточнымъ ихъ чтеніе при несоблюденіи заповѣдей христовыхъ.

4) Наконецъ, что касается обстоятельствъ при его поступленіи, то осталось темнымъ: онъ ли не сказалъ духовнику грѣха, или духовникъ велѣлъ ему не говорить объ этомъ?

Ясно, что всѣхъ этихъ обстоятельствъ нетолько недостаточно было, чтобъ обвинить Артемія, но они всѣ слагались такъ, что скорѣе могли оправдать его. Видя, что Артемія, какъ и Висковатаго, обвинили безъ явныхъ уликъ, можно сомнѣваться и въ дѣйствительности вины самого Башкина и его ближайшихъ сообщниковъ. Правда, указывается собственное сознаніе, но это сознаніе произнесено въ припадкѣ страха и какъ бы сумасшествія. Очевидно, что царь задалъ ему такого страха, что онъ совершенно потерялся. «Извѣся языкъ свой на многъ

часъ непотребная и нестройная глаголаша», слышалъ голосъ Богородицы и т. п.—эти черты показываютъ, въ какомъ состояніи находился Башкинъ. На одни пункты, которыми обвиняли подсудимыхъ въ отступленіи отъ православія, не представлялось никакихъ доказательствъ: неизвѣстно, на чемъ судьи основали, будто подсудимые именно такъ думали и разсуждали, какъ имъ ставили въ вину. Нѣкоторые же пункты объясняются собственными словами подсудимыхъ, но эти слова не позволяютъ выводить такого заключенія, какое было выведено на соборѣ. Ихъ обвиняли, что они отвергали церковь; это доказывается слѣдующими словами: «яко вѣрныхъ соборъ—сіе есть токмо церковь, сія же зданная ничтоже есть». Очевидно, здѣсь идетъ дѣло о храмѣ. Башкинъ, какъ ясно кажется изъ этихъ словъ, хотѣлъ выразиться, что подъ церковью слѣдуетъ разумѣть вѣрныхъ соборъ, а не созданный храмъ. Что касается до обвиненія, будто они отрицали писаніе, говоря, что святые отцы писали для себя, чтобъ имъ владѣть царскимъ и святительскимъ, то мы не знаемъ, о чемъ именно тутъ шла рѣчь. Подобныя обвиненія дѣлались по поводу имѣній духовныхъ лицъ, противъ чего вооружались самые православные люди. Очень быть можетъ, что и здѣсь говорили именно въ этомъ самомъ смыслѣ. Далѣе о покаяніи: ихъ обличаютъ въ томъ, что они отвергаютъ покаяніе, ни во чтоже полагаютъ, и это подтверждали словами еретиковъ. «Какъ престанетъ грѣхъ творити, аще и у священника не покается, то нѣсть ему грѣха». Нельзя видѣть здѣсь отверженія покаянія; здѣсь изображается, что конечная цѣль покаянія не въ исповѣданіи грѣха священнику, а въ томъ, чтобы отстать отъ грѣха. Но Башкинъ, какъ видно, не отвергалъ при этомъ и таинства покаянія и причащенія, за этимъ онъ приходилъ къ священнику, и съ такого поводу возникло все дѣло. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ онъ отвергалъ покаяніе и причащеніе, тогда не для чего было бы ему и приходить. Ихъ обвиняли въ томъ, что они не признавали Іисуса Христа равнымъ Отцу и св. Духу. Доказательствъ прямыхъ на это не приводится; Артемій, призванный на соборъ,

не видѣлъ ереси у Башкина, когда ему указывали, и соборные члены ничего не могли ему выставить въ доказательство, кромѣ того, что Башкинъ написалъ молитву къ Богу единому началу, не упоминая о Троицѣ. Артемія обвинили, несмотря на то, что онъ увѣрялъ, что вѣруетъ въ Троицу. Башкинъ въ томъ же увѣрялъ, и притомъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ ему можно еще болѣе вѣрить, чѣмъ Артемію. Положимъ, что Артемій былъ понужденъ къ этому, когда уже стоялъ на судѣ; но Башкина никто не понуждалъ, когда онъ добровольно явился къ священнику и говорилъ: «я христіанинъ и вѣрую въ Троицу единосущную Отца и Сына и святаго Духа». Еслибы Башкинъ доходилъ до сомнѣнія въ догматахъ, то никакъ нельзя было думать, что онъ отрицалъ то, что церковь признавала, потому что онъ пришелъ къ священнику, пастырю церкви. Но у Башкина не показывалось и сомнѣнія. То, что онъ говорилъ священнику, было совершенно превославно. Если такое дѣло, какъ освобожденіе рабовъ, могло наводить сомнѣнія на священника, то ясно, что поводомъ къ обвиненію было то, что тогда духовные готовы были признать еретикомъ всякаго, кто дерзалъ только разсуждать о религіи и о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка на религіозномъ основаніи. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то, что приговоръ надъ Башкинымъ, очевидно, составленъ прежде окончанія дѣла, ибо царь, въ письмѣ къ Максиму Греку, выражался такими точно словами, какія были выписаны о Башкинѣ въ приговорѣ надъ Артеміемъ. Что это письмо къ Максиму Греку было писано прежде приговора, видно изъ того, что въ этомъ письмѣ царь приглашалъ Максима Грека на соборъ для разсужденія о ереси и суда надъ нею; приговоръ же, естественно, долженъ былъ состояться послѣ суда. Очевидно, царь писалъ съ обвиненія подсудимыхъ, и приговоръ, сходный съ царскимъ письмомъ, списанъ цѣликомъ съ того же обвиненія, которое составлено прежде суда и которое должно было или оправдаться, или опровергнуться судомъ. Итакъ, если приговоръ дословно списывалъ обвиненіе, то не даетъ ли это

права сильно сомнѣваться въ правильности и нелицепріятіи суда, такъ какъ этотъ судъ не измѣнилъ даже буквы обвиненія?

Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что Башкинъ и его единомышленники были осуждены невинно.

Къ этому располагаетъ насъ еще и то, что Курбскій, знавшій это дѣло близко, такого же мнѣнія. Курбскій называетъ клеветникомъ Нектарія, обвинявшаго Артемія; епископа суздальскаго называетъ человѣкомъ пьянымъ и сребролюбивымъ, епископа ростовскаго, которому послали подъ начало товарища Артемьева — Савву Шаха, пьяницею; Артемія же совершенно оправдываетъ, называя его преподобнымъ, премудрымъ, честнымъ.

Къ этому дѣлу былъ привлеченъ Θеодоритъ, апостолъ лопарей, бывшій въ то время архимандритомъ Суздальскаго евфиміевскаго монастыря. Онъ былъ давній пріятель Артемія. Они жили нѣкогда вмѣстѣ въ заволжскихъ пустыняхъ и, по представленію Артемія, въ бытность его игуменомъ троицкимъ, Θеодоритъ, по волѣ царя, поставленъ былъ архимандритомъ. За строгость жизни, служившую укоромъ для другихъ, и за обличенія монашескихъ слабостей, Θеодорита не терпѣли. Когда онъ апостольствовалъ въ Лопской землѣ и основалъ Кольскій монастырь, монахи такъ на него озлобились за строгость (*не токмо женъ, а ни скота единаго отнюдь женскаго полу имѣти тамо*), что нанесли ему побои и прогнали. Теперь, будучи архимандритомъ въ Суздалѣ, онъ вооружилъ противъ себя монаховъ, которыми начальствовалъ; злился на него и суздальскій владыка за то, что Θеодоритъ обличалъ его за сребролюбіе и пьянство. По сказаніямъ Курбскаго, когда Нектарій и его соумышленники на соборномъ судѣ хотѣли очернить Артемія, послѣдній требовалъ свидѣтелей; ему представили нѣкоторыхъ: Артемій отвелъ ихъ, представивъ, что они недостойны свидѣтельствовать. Тогда указали на Θеодорита и старца Іосифа Бѣлобаева, ссылаясь на нихъ, будто они слышали произносимыя Артеміемъ хульныя словеса. Эти лица, напротивъ, оправдывали Артемія. Тогда суздальскій епископъ сказалъ: «Θе-

одоритъ давній согласникъ и товарищъ Артемія; онъ самъ, быть можетъ, еретикъ, съ нимъ въ одной пустынѣ проживалъ»! Какъ ни мало было доказательствъ на сторонѣ враговъ Θеодорита, но тѣмъ не менѣе, по окончаніи соборнаго суда, его заслали въ Кириллобѣлозерскій монастырь, гдѣ суздальскій епископъ былъ прежде игуменомъ и гдѣ остались его ученики и сторонники. Тамъ враги дѣлали Θеодориту поруганія и безчестія. Наконецъ, по ходатайству бояръ, и въ томъ числѣ Курбскаго, Θеодоритъ былъ освобожденъ, проживъ въ Кирилловѣ монастырѣ полтора года [1]).

Подозрѣніе въ неправославіи и еретичествѣ также падало и на одного изъ членовъ собора, судившаго Башкина и его единомышленниковъ. Это былъ Кассіянъ, епископъ муромскій и рязанскій. Онъ одинъ подалъ голосъ за осужденныхъ, доказывалъ несправедливость и пристрастіе судей и особенно защищалъ привезеннаго изъ Соловокъ старца Іоасафа Бѣлобаева. Когда зашла рѣчь о необходимости суроваго преслѣдованія еретиковъ вообще, всѣ ссылались на книгу Іосифа Волоцкаго: Кассіянъ одинъ нетолько не восхвалялъ ее, но порицалъ. Возникъ споръ. Принесли книги Іосифа. Царь и митрополитъ одобряли ее, все духовенство вторило имъ, одинъ Кассіянъ возсталъ противъ всѣхъ и доказывалъ, что въ іосифовой книгѣ невѣрныя свидѣтельства. Духовенство озлобилось противъ него. Говорили, что Богъ наказалъ его: у него отнялась рука, и онъ долженъ былъ уйти въ монастырь, но не оставался тамъ, потому что началъ сѣять развращеніе и говорилъ, что не слѣдуетъ называть Христа Вседержителемъ, что это грѣхъ. Сверхъ того, о немъ сохранилась молва, что онъ оказалъ неуваженіе къ мощамъ Димитрія Прилуцкаго. Не каясь въ своихъ еретическихъ мнѣніяхъ, этотъ архіерей навлекъ на себя божіе наказаніе: у него повернулась назадъ голова, и въ такомъ болѣзненномъ состояніи онъ умеръ [2]).

---

[1]) Курбск., стр. 125.

[2]) Рук. Лѣтоп. Арх. Ком. № 16.

II.

Появившаяся послѣ Башкина ересь Өеодосія Косаго обыкновенно считается преемственно непосредственнымъ продолженіемъ прежней, то есть такъ называемой ереси Башкина. Но она имѣла съ нею связь, во-первыхъ, только по тому умственному броженію, изъ котораго возникли разнородные толки, и въ томъ числѣ толки Башкина и Косаго, а во-вторыхъ, потому, что Өеодосій жилъ въ заволжскихъ пустыняхъ, гдѣ сосредоточивалось это умственное движеніе. Тѣсной догматической связи между ними не видно. Единственный полный источникъ объ этой ереси есть сочиненіе Зиновія, монаха Отенскаго монастыря (близь Новгорода), бывшаго ученика Максима Грека. Зиновій подвергся участи, одинаковой со своимъ учителемъ, и былъ сосланъ въ Отенскую пустынь. Сочиненіе это изображаетъ, что къ Зиновію приходятъ три послѣдователя ереси Косаго, крылошане Спасова (Хутынскаго) монастыря; двое были монахи: Герасимъ и Аөанасій, третій міранинъ, именемъ Өедоръ, ремесломъ иконописецъ. Они изложили ему ученіе Косаго, которое называютъ «новымъ». Достойно замѣчанія, что пришельцы начали свою бесѣду съ того, что жаловались на неудобовразумительность отческихъ книгъ (книжное писаніе закрыто) и высказали тѣмъ самымъ, что побужденіе къ произвольнымъ толкамъ была потребность такого вѣроученія, которое было бы ясно и открыто для всѣхъ. Это ученіе, по ихъ мнѣнію, было преподано Косымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они заранѣе объявили, что новое ученіе уже успѣло достаточно распространиться и многими принято (отъ многихъ пріемлемо и похваляемо). Видно, что мыслящія головы, вращаясь въ религіозной сферѣ—единственной сферѣ, куда могла тогда устремиться умственная дѣятельность — затруднялись темнотою и

неясностью, которую, при недостаткѣ необходимаго образованія, встрѣчали въ книгахъ, и потому то съ готовностью бросались на всякую новизну, какъ скоро она излагалась въ простомъ и удобовразумительномъ видѣ. Ересеучитель Косой выигрывалъ уже тѣмъ, что держалъ передъ слушателями раскрытую книгу, объяснялъ изъ ней мѣста и давалъ каждому читать и размышлять по произволу. «Что это за учители епископы и попы — говорили его послѣдователи и почитатели— учатъ, а книгъ въ рукахъ не держатъ; а Косого такъ сразу видно, что истинный учитель: въ рукахъ книгу держитъ, разогнетъ и прочтетъ и каждому самому дастъ прочитать (*Ложніі учители епископы и попы, понеже учатъ книгъ въ руку не держатъ; самъ же Косой посему истинна учителя себе сказуетъ, понеже вруку имѣяй книгы и шыа разгибаа комуждо писаниа давъ самому прочиташи*). Не зная сущности православнаго ученія, многіе готовы были принимать за истину все, что только имъ представятъ понятнымъ способомъ, и крылошане очень наивно говорили, что еще такого ученія, какимъ казалось имъ ученіе Косаго, не было отъ созданія міра (*Глаголю никтоже отъ прежнихъ учителей тако истину позна, не бысть иnaго ученіа такова ученіа преже, якоже новое ученіе иже нынѣ явшееся въ лѣтѣ отъ созданіа седмъ тысячномъ и шестьдесятномъ*). Тѣ, которыхъ неуспокоенный умъ утомился отъ темноты, какую встрѣчалъ въ книгахъ, переходившихъ изъ поколѣній въ поколѣнія, естественно, увлекались новостію ученія. Именно новое для нихъ было привлекательно; но строгое православіе въ лицѣ Зиновія обличало ихъ, еще не зная того, что они предложатъ, но заранѣе осуждая все, что бы они ни сказали, уже единственно потому, что ученіе ихъ новое. Въ глазахъ строго православнаго не могло и не должно было существовать чего бы то ни было новаго въ дѣлѣ вѣры; и одно то, что оно новое уже осуждало себя тѣмъ самымъ (*понеже именеваете ученіе се, и нѣсть потребы на многъ разсмотряти его отъ нареченіа его едина; сіе ученіе познаваемо*

есть, занеже именовати его новымъ ученіемъ, откровенно показуетъ въ немъ являемое беззаконіе и вельмы нечестіе къ Богу).

Такимъ образомъ, въ этомъ началѣ диспута православія съ вольнодумствомъ высказывались превосходно основанія той и другой стороны, главнѣйшія черты ихъ коренныхъ стремленій. Одно требуетъ довольства установленнымъ, другое порывается къ чему то иному. Одно опирается на покорность авторитету, другое возмущается во имя свободной мысли. Одно, признавая божественное происхожденіе за откровеніемъ, строго-логически и послѣдовательно почитаетъ его крайнимъ предѣломъ мудрости въ томъ видѣ, въ какомъ оно сохраняется со всѣмъ своимъ развитіемъ, совершившимся подъ признаннымъ непосредственнымъ участіемъ верховной силы; другое, напротивъ, отступаетъ отъ логической послѣдовательности, признавая за вѣроученіемъ божественное происхожденіе, однакоже допускаетъ свободное дѣйствіе человѣческаго ума, и тѣмъ самымъ подрываетъ ту божественность, которую взяло за исходный пунктъ своего размышленія.

Личность Косаго и обстоятельства его жизни, разсказываемыя его послѣдователями, даютъ возможность обоимъ направленіямъ высказаться во взглядѣ своемъ, нетолько на религіозныя, но и на соціальныя отношенія. Выше мы замѣтили, что у насъ вольнодумство, нагулявшись въ религіозномъ кругу вопросовъ, переходило къ общественнымъ и политическимъ. Здѣсь это является въ рѣзкихъ чертахъ. «Кто такой Косой?» спрашиваетъ крылошанъ Зиновій. — «Онъ былъ рабъ» отвѣчаютъ крылошане (*рабъ единаго отъ слугъ царевыхъ*). Этого уже было достаточно, чтобъ дать Зиновію возможность высказать понятіе о рабѣ, принесенное къ намъ изъ Греціи и установившееся подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Онъ ссылался на слова Соломона, что земля понести не можетъ, аще рабъ воцарится. Онъ ссылается на градскіе законы греческихъ царей, которые ему были извѣстны въ приложеніяхъ къ кормчимъ, что рабамъ не слѣдуетъ довѣрять ни въ чемъ и допускать ихъ

ко свидѣтельствамъ на судъ *(Законы градскіе отмещутъ отъ рабовъ бываемая свидѣтельства, не повелѣваютъ рабовъ на судища представляти во взысканіи межи прящихся быти послухама)*. При такомъ безправіи какъ же можно допустить раба къ гораздо большему значенію въ общественной жизни—быть учителемъ? *(Како же рабъ учитель будетъ его же писаніе отмещетъ и законъ отрицаетъ)?*

Въ противность этому православному взгляду Зиновія на личность раба, крылошане заявили противоположный взглядъ свободной мысли. Въ оправданіе Косаго, въ защиту правъ раба, для нихъ достаточно было сказать, что онъ уже не рабъ—освободился посредствомъ ума своего и мужества: онъ обокралъ своего господина и убѣжалъ отъ него *(Зило свободу улучи Косой мужествомъ и разумомъ своимъ, поемъ бо коня и имѣніе отай и шедъ отъ господина своего)*. Понятіе о свободѣ принимаетъ въ ихъ глазахъ широкое развитіе, нестѣсняемое тѣмъ, что признается долгомъ нравственности. Человѣкъ, будучи рабомъ, не только имѣетъ право освободиться отъ рабства, но и вознаградить себя за работу тому, кому былъ порабощенъ. По понятію Зиновія, взятіе коня и имѣнія было уже преступленіе; послѣдователи Косаго находили, что онъ взялъ только свое *(Конь его есть на немъ же ѣздяше Косой и иже имѣніе у него одежа и прочая особная отъ господиновыхъ ему и яже взя у господина его, мзда есть его, понеже служилъ господину своему Косой, и яже притяжа имѣніа у господина мзда есть работы его)*. Священное писаніе, снабжая доказательствами православіе, доставляло ихъ и противной сторонѣ. Въ оправданіе Косаго, крылошане ссылались, напримѣръ, на Израильтянъ, бѣжавшихъ изъ Египта *(Понеже Израильтяне бѣжавше Египта взяша египетское богатство разумомъ за мзду работы своеа)*. Оправдавши для себя самовольное освобожденіе отъ рабства, рабъ идетъ далѣе и ломаетъ законъ, который держалъ его въ неволѣ, во всѣхъ его дальнѣйшихъ стѣсненіяхъ свободы. Косой прибѣгнулъ къ средству, которое характеристически издавна и до

сихъ поръ отличало и отличаетъ русскихъ бродягъ; это—хожденіе подъ вымышленнымъ именемъ (*Еще бо прохожаше землю рожденіа своего внегда идяше грады и мѣста проименоваше новое имя себѣ, да не оувѣданъ будетъ, и идяше учаше въ градѣ коемъ или мѣстѣ, съблюдаше себе и учениковъ своихъ отъ зазора множицею, и нѣкіихъ учениковъ своихъ въ черныя ризы облечаше и имена иныя имъ налагаше, мясо ядяше точію съ учениками своими, и въ среду и пятокъ и въ великіе посты, и себе и своа учениковъ отъ зазора многихъ храня, сего ради в посты отай нощію ядяше млеко и мясо. Сице имать Косой разумъ здравъ и вѣсть истину: всѣхъ учитель изряденъ*). Здѣсь Косой является удалымъ молодцомъ. Какъ только они разрывали узы, привязывавшія ихъ въ общественному порядку, первая форма, съ которой проявлялось такое удальство—было бродяжничество. У Косаго пріемы русскаго бродяги: побѣгъ отъ господина, сносъ господскихъ вещей, перемѣна имени, умѣніе притворяться и проводить другихъ. Послѣднее качество считается признакомъ ума и смышленности по народному великорусскому понятію. Удалой молодецъ впадаетъ въ разбой; Косой проповѣдуетъ ересь; между тѣмъ и другимъ не безъ аналогіи: одинъ разрушаетъ спокойствіе общественнаго быта, другой — спокойствіе ума.

Убѣжавши отъ господина, Косой укрылся въ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ. Въ старой Руси случалось, что бѣглый рабъ, какъ скоро успѣвалъ ловко извернуться отъ преслѣдованія, легко возвращалъ себѣ во мнѣніи другихъ гражданскія права: все прежнее легко забывалось. Самъ прежній господинъ узнавалъ мѣстопребываніе Косаго и угождалъ ему. Но вотъ, по обвиненію въ ереси, его взяли изъ Бѣла-озера съ товарищами и посадили въ монастырѣ въ Москвѣ. Это случилось послѣ заточенія Артемія. Тогда посадили съ ними Игнатія, Вассіана, Порфирія (*Поймоша самого Косого и Вассіяна и Игнатія и Порфиріа, а прежъ ихъ Артемія и иныхъ многихъ*),

но арестованные успѣли освободиться. Косой приласкался къ стражамъ, которымъ поручено было его беречь, довелъ ихъ до того, что они за нимъ наблюдали черезчуръ слабо, и онъ убѣжалъ съ своими товарищами. Косой, по извѣстію его послѣдователей, ушелъ въ Литву; тамъ онъ женился на вдовѣ-еврейкѣ и сталъ распространять свое ученіе съ успѣхомъ *(Ятъ же бывъ Косой, соблюдомъ въ единомъ отъ монастырей московскихъ, приласкавъ же ся хранящимъ, пріемъ послабленіе отъ нихъ и бѣжя въ Литву отъиде, идяше учаше новое ученіе, и бракомъ законнымъ оженися вдовицею жидовинею, поя и есть честенъ тамо и мудръ учитель новомъ ученію, позналъ истину паче всѣхъ, имѣетъ бо разумъ здравъ.*

Сущность ученія Косаго состояла въ томъ, что онъ признавалъ Христа не рожденнымъ свыше, а сотвореннымъ, слѣдовательно, отвергалъ его божественное происхожденіе какъ единороднаго Сына Божія. «Какъ это—говорилъ онъ—дерзнули въ *Вѣрую* написать объ Іисусѣ *рожденна* не *сотворенна?* А Петръ апостолъ сказалъ, что Іисуса сотворилъ Богъ; видите, сказалъ онъ: сотворилъ, а не сказалъ: родилъ. Недостойно для Бога, говорилъ онъ, находиться въ женской утробѣ. Вотъ и Павелъ говоритъ: Единъ Богъ—единъ ходатай Богу и человѣкомъ человѣкъ Іисусъ Христосъ». Указывалъ онъ на смыслъ заповѣди: «не сотвори себѣ кумира» и проч. Онъ ссылался на бытейскія книги, на соломонову премудрость, на пророчества, называлъ идолами иконы, а божественную службу идольскою службою, — церкви кумирищами, отвергалъ постъ, молитву, всѣ отеческія преданія и думалъ примѣнить къ церкви слова св. Василія: «прельстивъ насъ злый обычай и развращенное человѣческое преданіе содѣлалось виною всякому злу» и проч. *(Како дерзнуша написати и вину глаголати въ Вѣрую во единаго Бога рождена и не сотворена Христа. Петръ же глаголетъ, яко Христа Господа сътворилъ есть Богъ сего Іисуса, а не глагола Петръ, яко роди Богъ, а не сътворилъ есть сего Іисуса. Разгибаа же Послания*

Павла апостола показуетъ писанаа: единъ бо есть Богъ и единъ ходатай Богу и человѣкомъ человѣкъ Іисусъ Христосъ. Егда же бытейская книги носитъ разгибаа показуетъ писаниа. Слыши Израиль: Господь Богъ твой Господь единъ есть и писано есть: да не будутъ тебѣ Бози иніи разве мене. Не сътвори себѣ кумира и всего обличиа, еже на небеси горѣ и елика на земли низу, и елика в водахъ и исподи подъ землею, да ся не поклониши имъ ни да служиши имъ. В премудрости соломони и в пророческихъ книгахъ и посланиемъ Еремііныиъ разсказуетъ иконы идолы быти, по Давиду и по Соломону и по прочихъ пророкъ, и церкви кумирницы и церковнаа служба идолская служба и постъ непотребенъ молитва не подобна: вся та человѣческая преданіа. Яко же и великій Василій въ книгѣ своей глаголетъ: тѣмъ же прельстилъ есть насъ злѣйшій обычай и великимъ злымъ вина намъ бысть развращенно человѣческое преданіе, и въ началѣ слова сего, егда и еще не познавъ, глаголетъ, яко же на мѣрилѣ, овогда убо сѣмо, овогда же овамо, преклоняхся къ иному, инако или къ себѣ мя влекущу, ради многолѣтнаго человѣкомъ обычая или инако оттыкающу (?) ради иже в божественныхъ писаніяхъ познаваемыя истины. Глаголетъ же Косой: яко сіа глаголетъ Василіе о правилахъ и о уставѣ, и разсужаетъ отъ книгъ Косой: Богу единому быти, а не многимъ, и что Богу въсхотѣти въплотитися, какоже и въ чревѣ ему лежати женстѣ? И како сіа достойно будетъ Богу в мѣстѣ такомъ калнѣ лежати, и такимъ проходомъ проити?)

Косой жаловался, что у нихъ читаютъ только однихъ отцовъ и не знаютъ вовсе ветхаго завѣта. Самъ Зиновій, возражая его послѣдователямъ, могъ указать на извѣстность книгъ ветхаго завѣта только по парамiямъ, избраннымъ для богослуженія. Моисеевы книги Косой называлъ книгами столповыми и говорилъ, что ихъ съ умысломъ не даютъ читать, что онѣ ле-

жатъ припрятаны въ монастыряхъ (*еще и здѣ въ монастырехъ столповыя книги да съхранены и запечатлены лежатъ: не даютъ ихъ прочитати и тая ихъ отъ людей, а столповыя книги подобаетъ прочитати, глаголетъ Косой*). Это важное значеніе, какое даетъ еретикъ главнымъ книгамъ ветхаго завѣта, побудило Руднева подозрѣвать въ ереси Косаго тайное жидовство; но изъ смысла всего ученія, изложеннаго крылошанами Зиновію, ясно, что онъ придавалъ имъ такое почетное наименованіе не съ іудейской точки зрѣнія, а думая найти въ моисеевомъ ученіи о единобожіи оправданіе аріанскому взгляду на личность Іисуса Христа.

Крылошане говорятъ, что Косой придавалъ важность книгамъ апостольскимъ и побуждалъ ихъ читать (*разгибая книгы апостольскія даетъ прочитати писанов*). Только посланіе Павла къ евреямъ еретикъ считалъ неподлиннымъ; извѣстно, что западные протестанты заподозрѣвали это сочиненіе новаго завѣта (*Косой не повелѣваетъ прочитати посланіа Павла ко евреямъ, понеже мудро еще мнится не апостола Павла послания, но иного нѣкоего Павла*).

Вопреки православному ученію о томъ, что человѣкъ созданъ безсмертнымъ, что человѣкъ палъ и, вслѣдствіе этого, возникла необходимость обновленія, которое могло совершиться только божествомъ, еретикъ толковалъ, что человѣкъ созданъ смертнымъ какъ и прочія животныя (*Что есть сіе еже умретъ человѣкъ? Не умираютъ ли рыбы великія в море и гады и киты, такожъ птицы небесныя, и звѣры и львы и слоны великіа на земли; вся та създаніе Божіе якоже и человѣкъ*). Противъ догмата объ искупленіи и обновленіи человѣка Іисусомъ Христомъ, еретическое ученіе указывало на то, что состояніе человѣческаго естества не измѣнилось послѣ пришествія христова, и человѣкъ тоже, какъ и прежде, подверженъ недугамъ и смерти (*Что убо глаголеши поновити Богу обетшалый образъ свой и създаніе его падшее, вдвигнути емуи и справити. Не глаголеши же что обетшаніе образу? что же ли зданію паденіе? Како же ли поновленіе и*

възвижение и исправление ему? И како образъ Божій въ человѣкѣ истлѣ? Человѣкомъ живущимъ единако и пребывающимъ, якоже отъ начала, такоже и по Христовѣ пришествіи, таже человѣкомъ пребывающимъ и живущимъ, ражающимся и умирающимъ, елицы веществомъ здрави бываху человѣцы — здрави и до смерти пребываютъ; елицы же человѣци впадаютъ въ недуги, тіи истлѣваютъ различно. Которое убо тому поновленіе или въздвиженіе есть! Всѣмъ также пребывающимъ человѣкомъ: яко же до пришествія Христова, такоже и по пришествіи его? Не принимая вовсе необходимости обновленія, ересь находила, что еслибы даже допустить такую необходимость, то все таки Богу не зачѣмъ было воплощаться самому: онъ могъ совершить это и безъ воплощенія? Еретики находили непослѣдовательность между тѣмъ, что Богъ сотворилъ человѣка не воплощаясь, а обновить его и исправить испорченное долженъ неиначе, какъ принявъ на себя плоть *(Глаголеши, яко Богъ рукою своею създа Адама, обновити же пріиде Сынъ Божій воплотися и исправити създаніе свое. Почто убо самъ приходитъ во плоти? можаше бо рукою своею и паки поновити образъ свой и не въплотяся)*. «Не вы ли сами утверждаете, возражалъ онъ православнымъ, что Богъ всемогущъ и все сотворилъ своимъ словомъ; зачѣмъ же онъ не обновилъ своимъ словомъ и образъ свой и подобіе? Онъ все можетъ творить и безъ вочеловѣченія *(Словомъ вся сътвори: чего ради образъ и подобіе словомъ не понови, и кромѣ вочеловѣченія, вся моги яко Богъ)?*

Косой возсталъ противъ поклоненія иконамъ и приводилъ слова Давида: «Идоли языкъ сребро и злато дѣло рукъ человѣческихъ, очи имутъ и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ, ноздри имутъ и не обоняютъ, уста имутъ и не глаголютъ, руки имутъ и не осязаютъ, ноги имутъ и неходятъ». Это, по толкованію Косаго, Давидъ пророчествовалъ объ иконахъ; и у нихъ, какъ у идоловъ, написаны очи, и уши, и ноздри, и уста, и руки, и ноги, и не могутъ ими дѣйствовать. Вы именуете себя пра-

вославными, а вы идолослужители: поставили церкви и утвердили на стѣнахъ изображенія мертвыхъ. Въ премудрости соломоновой говорится объ идолахъ: «прогортающее красками и червлена творяще баканы цвѣта того, украсивъ его всяко и сътворитъ ему по немъ обитание, на стѣну възложивъ, желѣзомъ укрѣпитъ да не падетъ, зря и вѣдя, яко не можетъ помощи, образъ бо есть и треба есть тому помощи, и отъ существа своего, и отъ сыновъ своихъ, и отъ браковъ обѣты творяще, не срамится глаголати къ бездушному, за исцѣленіе его немощнаго молится и за животъ молитъ мертваго, на помощь призываетъ, пути проситъ у него иже ходити не можетъ». Косой примѣнялъ это къ иконамъ *(не красками ли суть помазаны иконы, и позлащены такожъ, и обитаніе иконамъ такоже сотворяютъ и на стѣнѣ укрѣпляютъ желѣзомъ же, и нѣсть не по идольскому ничесоже о иконахъ сотворено)*. Чудеса отъ иконъ ложны, какъ Никонъ пишетъ въ своей книгѣ о ложныхъ знаменіяхъ *(яко отъ сопротивнаго дѣйства чудеса бываютъ на прельщеніе)*. Пусть бы изображенія были почтенны; но все же они не Богъ, а православные почитаютъ иконы равными Богу [1]). «Никола не равенъ Моисею, а православные Николу какъ Бога почитаютъ». Онъ возставалъ противъ построенія церквей, поклоненія святымъ и составленія имъ службъ *(Не подобаетъ почитати человѣки умершіе, аще и праведницы будутъ, еже творятъ именующися православніи, умысливше имъ всенощные и каноны и тропари, яко отселѣ нѣсть веление в писаніи—глаголетъ Косой. Именуютъ сєбѣ Русь православная, а они паче человѣкослужители и идолослужители, понеже храмы поставиша, и въ нихъ иконы мертвыхъ ака идолы утвердиша на дскахъ, и мертвеци положиша с ковчеги въ церквахъ ихъ, всѣмъ на видѣніе и сѣблазнъ, нарекше преподобными и праведными и святыми, уставивше сами поютъ имъ канонъ и прочитаютъ написавше житіе ихъ, и молятся мертвымъ, и просятъ*

---

[1]) По неразумію простоши изъ народа, а не православные.

отъ нихъ помощи, свѣчи зажигаютъ, кадило приносятъ, и отводятъ людей отъ Бога къ мертвецамъ; и люди въ томъ обычаи Бога забыша, токмо едино служеніе мертвецемъ и иконамъ навыкоша служители. Бога же не видятъ ниже могутъ вѣдати, понеже во идолослуженіе впадоша). Слова Христа о послѣдователяхъ его, которые чрезъ то будутъ съ нимъ едино, какъ онъ со Отцомъ едино есть, они, еретики, относили единственно къ апостоламъ и не распространяли на тѣхъ, которые были послѣ нихъ *(Тая Христосъ о апостолѣхъ своихъ глагола, а не о тѣхъ, иже послѣ апостоловъ быша вѣрніи въ Христа)*. Косой укорялъ православныхъ за поклоненіе мощамъ, находилъ, будто, въ самыхъ книгахъ православныхъ отцовъ есть мѣсто, воспрещающее оставлять тѣла умершихъ внѣ земли, ссылался на Никифора, патріарха константинопольскаго, на житіе Антонія-Великаго, который порицалъ обычай погребенія у египтянъ; указывалъ на то, что тѣло самого Господа было погребено подъ землею *(Аще истинна быти глаголеши отческаа писаниа и правила, и Духа Святаго законоположеніе суще правила, почтоже православніи не хранятъ правилъ: чрезъ правила усопшихъ мощи въ церквахъ имѣютъ и почитаютъ ихъ, аки святыхъ? Патріархъ бо Царя Града Никифоръ правило о семъ уставилъ есть, глаголя сице: яко отселѣ аще и приизящно постничество или мученикъ будетъ, яко мертвецъ да почитается, а не яко святъ; и в житіи великаго Антонія повѣствуется сице: египтяне бо умирающихъ спѣшныхъ тѣлеса паче же святыхъ мученикъ любятъ сохраняти ихъ и обвивати понявицами и не скрывати подъ землею, но на одрѣхъ полагати и хранити у себе, мняще тѣми почитати отшедшихъ. Антоніе же многажды о семъ и епископы моляше заповѣдати людямъ, и обладающиа възражаше, и женамъ прещаше, глаголя: нѣсть законно, ниже всячески подобно суще се: патриаршеская бо гробница пребываютъ доселе, и самого же Господа тѣло*

во гробѣ положиша и камень положный окры и, донележе въста тридневно, глаголя; показаше ясно беззаконно творяще, еже не скрываютъ тѣла умершихъ, любо и свята суть. Что бо болѣ или святѣе тѣла Господня? Мнози же убо слышавше съкрыша подъ землею и благодарствіа дааху Богу добрѣ научени; се и Антоніе и Никифоръ възбраняютъ не погребати и читати, аще и святыхъ учителей тѣлеса будутъ). Ученики Косаго, приводя эти слова своего наставника, спрашивали: «Чѣмъ же разнствуетъ Косой отъ этихъ вашихъ православныхъ учителей? Не то же ли самое и онъ говоритъ, чему они учили?» Когда православные толковали, что они почитаютъ не мертвыхъ, но живыхъ, пребывающихъ въ вѣчной жизни, еретики утверждали, что не слѣдуетъ поклоняться тоже и живымъ, и указывали, на примѣръ Петра, который воспретилъ вошедшему Корнилію кланяться себѣ, и на апокалипсисъ Іоанна Богослова, гдѣ ангелъ возбранилъ Іоанну поклоненіе (*понеже писано естъ сіе: Петръ бо апостолъ внегда вниде къ Корнилію и Корниліе, падъ, поклонися Петру, Петръ же взбрани Корнилію поклоненіе, якоже въ дѣяніи ихъ пишетъ; также апостолъ и въ апокалипсисѣ ясно: внегда поклонися Іоаннъ ангелу, ангелъ же взбрани Іоанну поклоненіе. Се убо писаному сему не внемлютъ православніи*).

Косой отвергалъ церковные уставы, пѣніе, тропари, поклоны и всѣ вообще наружные обряды и примѣнялъ къ нимъ слова Василія, приведенныя выше о злѣйшемъ обычаѣ и развращенномъ человѣческомъ преданіи: ни въ евангеліи, ни въ апостольскихъ сочиненіяхъ нѣтъ правилъ; ихъ сложили епископы—поэтому, они человѣческія преданія. Косой называетъ монастыри человѣческими преданіями и по своему толкуетъ св. Василія (*Монастыри—человѣческия преданія и въ нихъ законы и уставы по своихъ волѣ обычаю предаша, въ посныхъ же Василій глаголетъ: яко да сподобимся благодати Господа Бога нашего Іисуса Христа и учитель-*

ствомъ св. Духа, отскочивше убо отъ своихъ волій и обычаевъ человѣческихъ, преданій назиранія, приложившеся Евангелію блаженнаго Бога нашего, благоугоднѣ тому поживше и прочее, монастыри же в Евангеліи и законы ихъ и уставы нѣсть писаны, и отъ тѣхъ убо волей обычая и тѣхъ человѣческихъ преданій назиранія глаголетъ Василіе отскочити).

Замѣчательно, что еретики постоянно старались находить подтвержденіе своихъ идей въ писаніяхъ св. Василія, одного изъ столповъ православной церкви, какъ будто бы желая поражать враждебное ученіе собственнымъ его оружіемъ. Они, ссылаясь на слова того же Василія, укоряли церковь въ разногласіи и употребляли для этого выраженія того отца церкви, которыя православные относили къ ересямъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самомъ Василіи Косой отъискалъ противорѣчіе себѣ самому. «Василій, толковалъ онъ: въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что всякое согрѣшеніе, хотя бы и малѣйшее, принимаетъ неотложно месть. Въ другомъ мѣстѣ онъ назначаетъ епитеміи за разныя согрѣшенія то великія, то малыя. Что нибудь одно изъ двухъ: или же онъ себѣ противенъ; либо равно должны наказываться согрѣшенія какъ великія, такъ и малыя; либо отпускаются согрѣшенія по правиламъ; либо это слово и правило, которое вы ему приписываете, не имъ написано».

Еретики такимъ образомъ обличали православное духовенство: «нѣтъ у васъ единомыслія; не соблюдается, какъ велитъ Василій: союзъ мира; не хранится крѣпость духа, но обрѣтаются раздвоенія, ссоры, ревность; великая дерзость будетъ называться членами христовыми, поставленными отъ Христа въ начальство. Просто, надобно сказать, плотское мудрованіе царствуетъ у вашихъ игуменовъ, епископовъ и у митрополита; нѣтъ духа кротости, оттого они и насъ гонятъ, запираютъ въ тюрьмы, не даютъ намъ узнать истины, а утверждаютъ свои преданія. Повелѣваютъ не ѣсть мяса и не жениться, возбраняютъ исполнять евангельскую заповѣдь, которая ясно говоритъ: «не входящая въ уста сквернитъ человѣка», и за-

повѣдь апостольскую объ изженныхъ совѣстію, возбраняющихъ женитися и удалятися брашенъ. По этому всему, не слѣдуетъ слушать епископовъ, когда они учатъ преступать заповѣди, какъ и сами ихъ преступаютъ, а только прилежатъ пѣнію, да канонамъ, чего въ евангеліи не показано хранить и творить. Они отвергаютъ любовь христіанскую, именуя насъ еретиками, мучатъ насъ, а въ евангеліи не велѣно мучить и еретиковъ, какъ указано въ притчѣ о сельныхъ плевелахъ; они же гонятъ насъ за истину».

Ученіе Косаго было, такимъ образомъ, отрицаніе всего, что составляло сущность православія. Его послѣдователи выражаютъ его въ сокращеніи такими словами: «Учитъ Косой сиа повелѣваа человѣкомъ на земли, отца себѣ не именовати, но на небеси Бога Отца себѣ именовати, и кресты и иконы сокрушати, и святыхъ на помощь не призывати, и въ церкви не ходити, и книгъ церковныхъ учителей и житія и мученій святыхъ не прочитати, и молитвы ихъ не требовати, и не каятися, и не причащатися, и теміаномъ не кадити, и на погребеніе отъ епископъ и отъ поповъ не отпѣватися, и по смерти не поминатися».

Преосвященный Евгеній, въ своемъ «Словарѣ писателей духовнаго чина» (т. 1,191), видитъ этихъ бѣглецовъ въ лицахъ трехъ проповѣдниковъ реформаціонныхъ идей, пришедшихъ изъ «Московіи» въ Витебскъ. Объ этомъ говоритъ польскій писатель, протестантъ XVII вѣка, Адріанъ Венгерскій, писавшій подъ вымышленнымъ именемъ Регенвольскаго (Regenvolscius). Въ его книгѣ «Systema Historica Chronologicum» на стр. 262—263, разказывается, что въ 1552 году изъ Московіи прибѣжали въ Витебскъ три монаха греческой вѣры: Ѳеодосій, Артемій и Ѳома. Несмотря на то, что они не знали другаго языка, кромѣ отеческаго, съ успѣхомъ распространяли они протестантское ученіе и возбуждали народъ къ истребленію иконъ, называемыхъ ими идолами, сначала въ частныхъ домахъ, а потомъ и въ церквахъ и научали признавать одного Бога, чрезъ посредство Христа, при помощи св. Духа; но по-

томъ, когда духовные возстали противъ нихъ и возбуждали противъ нихъ вѣрную часть народа, начавъ угрожать имъ огнемъ и мечомъ, они ушли изъ Витебска въ дальнѣйшую Литву. Артемій пріютился у слуцкаго и копельскаго князя Юрія. Θеодосій, уже восьмидесятилѣтній старикъ, скоро умеръ. Θома, краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій болѣе другихъ, сдѣлался пасторомъ въ Полоцкѣ и потомъ былъ утопленъ въ Двинѣ Иваномъ Грознымъ. Ихъ ученіе не осталось безплоднымъ:

«In districtu Albae Russiae A. 1552 é Media Moscovia tres Monachi Graecanii ritus habitusque vulgo szernci; quasi nigritae appellatis videlicet: Theodosius, Artemius et Thomas, Vitepsciam Albae Russiae amplissimam et celeberrimam civitatem appulerunt. Hi nulla aliâ linguâ praeter maternam nulliusque literis aliis praeter patrias instituti, idolatricos cultus damnare, idola primum quidem è privatis laribus mox è publicis delubris confracta eicere, populum ad invocationem solius Dei per Christum, auxilio S. Sancti, voce et scriptis revocavere. Verum, cum in primo, propagandae purioris religionis fervore, odium et furorum superstitiose, et imagunculis perquam addictae plebis ferre haud possent exstimulantibus sacrificulis Graecanicis, qui ferrum et ignem, omnibus eorum sectatoribus minitabantur, extulêre inde pedem in interiorem Lituaniam delati, ubi jam pauló liberius vox Evangelii personabat. Ac Theodosius quidem senio confectus, atque octuagenario major, non multo post ad superos migravit. Artemius autem ad Georgium Ducem Slucensem et Copylensem se contulit. Porro Thomas caeteris eloquentior et cognitione sacrarum instructior, ad ministerium Evangelii promotus atque Polociam, paucis post annis, ubi jam doctrina purior pulullare caeperat ad instituendos, et in vera cognitione ac pietate confirmandos fideles, missus est. In qua vocatione fideliter per aliquot annos purgens, et constanter perseverans, morte suâ et sanguine, fundamenta jactae doctrinae conspersit et confirmavit. Cum enim Johannes Basilides Magnus Moscoviae Dux et Tyrannus A. 1563 idib. februarii Polociam expugnasset et in cives gravius desaeviret, etiam in probum illum Christi praeconem exemplum crudelitatis statuere decrevit eoque

gravius quod hominem suae nationis suaequé religionis aliquando fuisse, jam autem in diversa de religione sententia et manere et constanter perseverare, fando accepisset. Is igitur eductum in glaciem Dunae fluvii, fuste prius capiti ejus illiso in aquam, glacie perfractâ, ubi flumen erat vorticosius praecipitandum curavit. Sed neque, ex cordibus Vitepsciensium verbum à Monachis illis, non sine divino numine sparsum, rediit vacuum. Nam gustato verbo Dei, pertaesi idolatricorum cultuum cum ex Lituania, tam ex Polonia V. D. ministros et purioris religionis praecones, non multa interposita mora, accersiverunt, atque domum publicam audiendis sacris concionibus, invocando Divino Nomini, administrandisque sacramentis, in inferiori castro, prope templo Nativitatis Christi, unanimiter erexerunt. Ab eo tempore et Polocia urbs regia Christo ejusque verae Ecclesiae hactenus praebuit hospitium».

(Systema historico-chronologicum Adriani Regenvolsii Węgierski, pag. 262—263).

Объ этихъ чернецахъ-учителяхъ реформаціоннаго направленія говорится въ книгѣ «Antelenchus», именно: когда уже однажды брошены были сѣмена лжеученія, чортъ принесъ московскихъ чернецовъ, которые подлили того же яда».

Едва ли съ достовѣрностію можно сказать, что эти упоминаемые у Адріана Венгерскаго московскіе вольнодумцы были тѣ самые, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь. Вотъ почему можно такъ полагать:

1) У этого писателя приходъ москвитянъ въ Витебскъ относится въ 1552 г., слѣдовательно, прежде суда надъ Ѳеодосіемъ Косымъ и Артеміемъ.

2) Ѳеодосій представляется старикомъ 80-ти лѣтъ, а у Зиновія говорится, что онъ женился въ Литвѣ: фактъ, если не совсѣмъ невозможный, то уже слишкомъ исключительный.

3) Объ Артеміи, игуменѣ троицкомъ, Курбскій говоритъ съ уваженіемъ, а этого не было бы, еслибы Артемій былъ дѣйствительно неправославенъ.

4) Косой отвергалъ божество Іисуса Христа, а пришедшіе изъ Москвы монахи у Адріана не представляются такого рода

еретиками. Гораздо вѣроятнѣе, что нашего Ѳеодосія слѣдуетъ видѣть въ томъ, о которомъ говоритъ Курбскій въ своемъ письмѣ къ Чаплію (Сказ. Курбск. II. 186), упоминая о немъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ, дѣйствительно ушедшимъ съ Косымъ, Курбскій представляетъ ихъ дѣйствительно нетолько протестантами, но и еретиками, и поясняетъ, что они отступили отъ православія ради своихъ женъ.

1861.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

«Въ житіи семъ не мало, но много писано неправды, и того ради аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ».

(Изъ соборнаго приговора 1678 года объ одномъ апокрифическомъ житіи).

Въ важныхъ историческихъ событіяхъ иногда надобно различать двѣ стороны: объективную и субъективную. Первая составляетъ дѣйствительность, тотъ видъ, въ какомъ событіе происходило въ свое время; вторая—тотъ видъ, въ какомъ событіе напечатлѣлось въ памяти потомства. И то и другое имѣетъ значеніе исторической истины: нерѣдко послѣднее важнѣе перваго. Также и историческія лица у потомковъ принимаютъ образъ совсѣмъ иной жизни, какой имѣли у современниковъ. Ихъ подвигамъ дается гораздо больше значенія, ихъ качества идеализируются: у нихъ предполагаютъ побужденія, какихъ они, быть можетъ, не имѣли вовсе, или имѣли гораздо въ меньшей степени. Послѣдующія поколѣнія избираютъ ихъ типами извѣстныхъ понятій и стремленій. Это совершается нетолько съ тѣми отдаленными отъ насъ героями богатыр-

скихъ временъ, которые, подъ вліяніемъ чудеснаго, выростаютъ въ размѣры и образы, чуждые естественной возможности, но и съ лицами временъ, болѣе близкихъ къ намъ. Способъ ихъ идеализованія зависитъ отъ общества, въ которомъ оно совершается; если въ этомъ обществѣ сохраняется еще вѣра въ чудесное во всей своей полнотѣ, то все великое, выступающее изъ житейскаго уровня, относится болѣе или менѣе къ области произвола непостижимыхъ силъ; тогда субъективное воззрѣніе такого общества на историческія личности принимаетъ до извѣстной степени миѳическій характеръ. Но въ такомъ обществѣ, гдѣ критика мысли допускаетъ различію между возможнымъ и невозможнымъ входить въ область давнопрошедшаго, — историческая личность принимаетъ формы, сообразныя съ желаніями новаго времени, формы, сосредоточивающія въ себѣ различныя черты, только родственныя съ дѣйствительно-находимыми въ личностяхъ признаками, но не тѣ самыя, какія въ этихъ личностяхъ были на самомъ дѣлѣ. Дѣйствительность, передаваемая въ скудныхъ извѣстіяхъ, украшается выдуманными подробностями; къ событіямъ, на самомъ дѣлѣ происходившимъ, прилагаются вымышленныя, но тѣмъ не менѣе возможныя въ ходѣ жизни, и тогда историческая личность, сама по себѣ темная, свѣтлѣетъ и дѣлается какъ будто бы типомъ стремленій извѣстной эпохи, а въ самомъ дѣлѣ выраженіемъ того, что давней эпохѣ хочетъ дать новое время. Къ такимъ личностямъ принадлежитъ въ русской исторіи, между прочимъ, Иванъ Сусанинъ, мученикъ царизма, спаситель избранной династіи Романовыхъ, въ лицѣ ихъ перваго вѣнценоснаго прародителя, — идеалъ гражданскаго подвижничества, до котораго только могъ возвыситься крестьянинъ въ самодержавномъ государствѣ; — личность, принявшая вѣнецъ безсмертія и въ думѣ поэта, и въ превосходномъ музыкальномъ произведеніи; — личность, общеизвѣстная русской гражданской памяти и дорогая русскому сердцу, до тѣхъ поръ, доколѣ оно не перестанетъ биться завѣщанными отъ праотцевъ любовью и вѣрностью къ царямъ своимъ; — личность, за которою признано право красо-

ваться на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, наряду съ великими двигателями русской исторической жизни. Какъ смотритъ на него наша наука,—указываетъ статья одного изъ передовыхъ дѣятелей по русской исторіи Пл. Вас. Павлова: «Тысячелѣтіе Россіи», помѣщенная въ мѣсяцесловѣ за 1862 годъ. «Напрасно поляки пытались отдѣлаться отъ новаго русскаго государя убійствомъ; самоотверженіе крестьянина Ивана Сусанина спасло жизнь, столь нужную тогда для Россіи. Обстоятельства избавленія Россіи отъ иноплеменниковъ и избраніе Михаила Θеодоровича имѣютъ глубокое значеніе. Кто освободилъ Россію? Русскій народъ, въ лицѣ нижегородскаго мясника. Кто избралъ на московскій престолъ царя? Также русскій народъ, въ лицѣ выборныхъ земскаго собора. Кто, наконецъ, спасъ жизнь избраннаго всею Землею царя? Опять тотъ же русскій народъ, въ лицѣ мужика» (Мѣсяцесловъ на 1862 годъ, стран. 32).

Представлять себѣ личность Ивана Сусанина выше уровня массы, воображать его героемъ, спасителемъ царя и отечества, благоговѣть предъ его высокимъ подвигомъ самоотверженія мы привыкли со школьной скамьи, ибо намъ объ этомъ сообщали учебники.

Въ учебникѣ Константинова (1820 года), бывшемъ нѣкогда въ употребленіи въ учебныхъ заведеніяхъ, говорится: «Такимъ образомъ Михаилъ Θедоровичъ, спасенный въ уединеніи своемъ отъ преслѣдованія буйствующихъ Поляковъ крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ, вѣнчался на царство» (стран. 139). Краснорѣчивый Кайдановъ, на 177 страницѣ своего учебника русской исторіи (изданіе 1834 года), выразился такъ: «Спасенный отъ преслѣдованія Поляковъ усердіемъ и вѣрностію крестьянина Ивана Сусанина, какъ орудіемъ провидѣнія, и сопровождаемый любовію и благословеніемъ своихъ подданныхъ, юный царь прибылъ изъ Костромы въ Москву».

Устряловъ, на 298 стран. 1 тома своей исторіи, говоритъ:

«Жолкѣвскій, опасаясь правъ Михаила, отдалъ его Гонсѣвскому; онъ находился въ Москвѣ до прибытія Пожарскаго, испытавъ всѣ бѣдствія осажденной столицы. Когда общій го-

лось призвалъ его на царство, шайка Поляковъ хотѣла умертвить его; онъ спасенъ незабвеннымъ Сусанинымъ».

Когда ученики въ классѣ нуждались въ устномъ объясненіи общаго извѣстія о спасеніи царя Михаила Сусанинымъ, учителя обыкновенно разсказывали имъ, что Поляки, узнавъ объ избраніи Михаила, отправили отрядъ умертвить его, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ взялся проводить ихъ, и, вмѣсто того, чтобы привести ихъ въ то мѣсто, гдѣ жилъ новоизбранный царь, завелъ ихъ, зимою, въ лѣсную трущобу, и тамъ былъ замученъ поляками; между тѣмъ царю дали знать объ опасности и царь былъ спасенъ. Такъ объясняли намъ это событіе въ началѣ тридцатыхъ годовъ; такъ объясняютъ еще и теперь нѣкоторые учителя.

Когда мы захотимъ обратиться къ современнымъ, первоначальнымъ извѣстіямъ о такомъ безмѣрно-важномъ событіи, то прежде всего поразитъ насъ то, что ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ тогдашнихъ сочиненіяхъ, несмотря на множество подробностей, хорошо очерчивающихъ эту эпоху, нѣтъ ни слова объ этомъ происшествіи. Единственный источникъ, откуда взятъ этотъ, теперь общеизвѣстный и многознаменательный для насъ фактъ —грамота, данная *по совѣту и прошенію* матери царя Михаила, 1619 года, ноября 30, крестьянину Костромскаго уѣзда, села Домнина, Богдашкѣ Собинину, гдѣ говорится:

«Какъ мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Руси, въ прошломъ 121 году были на Костромѣ и въ тѣ поры приходили въ костромской уѣздъ польскіе и литовскіе люди, а тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина, литовскіе люди изымали и его пытали великими немѣрными муками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Русіи, были, и онъ, Иванъ, вѣдая про насъ, великаго государя, гдѣ мы въ тѣ поры были, терпя отъ тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей немѣрныя пытки, про насъ, великаго государя, тѣмъ польскимъ и литовскимъ людямъ, гдѣ мы въ тѣ поры были,

не сказалъ, и польскіе и литовскіе люди замучили его до смерти». (См. Г. Грам. III, 214). Царская милость, оказанная зятю Сусанина, состояла въ томъ, что по жалованной грамотѣ велѣно «половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богдашко нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли обѣлить; съ тоя полудеревни, съ полторы чети выти на немъ на Богдашкѣ и на дѣтяхъ его, и на внучатахъ и на правнучатахъ, нашихъ никакихъ податей и кормовъ, и подводъ, и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки и въ мостовщину и въ иныя ни въ какія подати имать съ нихъ не велѣли; велѣли имъ тое полдеревни во всемъ обѣлить и дѣтямъ ихъ и внучатамъ и во всей роднѣ неподвижно. А будетъ то наше село Домнино, въ которой монастырь и по отдачѣ будетъ и тое полдеревни Деревнищъ полторы чети выти земли, и ни въ которой монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли».

Въ 1633 году дана была другая грамота вдовѣ Богдана Собинина, дочери Ивана Сусанина, Антонидѣ, съ дѣтьми ея, съ Данилкомъ, да съ Костькою. Несмотря на то, что прежняя грамота 1619 говорила ясно о ненарушимости права Собинина и его потомковъ въ случаѣ, еслибы село Домнино было отдано въ монастырь, когда дѣйствительно произошло послѣдняго рода событіе и село Домнино пожертвовано было матерью государя въ Новоспасскій монастырь, новоспасскій архимандритъ не считалъ слишкомъ важною привилегію Собининыхъ и принадлежащую имъ *полдеревни Деревнищъ очернилъ и всякіе доходы на монастырь емлетъ*. Тогда царь далъ, Собининымъ вмѣсто наслѣдственныхъ Деревнищъ, села Краснаго, приселка Подольскаго пустошь Коробово, а въ ней пашни паханыя, худыя земли три четьи, да перелогомъ и лѣсомъ поросло тринадцать четьи, и всего пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло осьмнадцать четьи въ полѣ и въ дву потомужь, сѣна по заполью и межь поль семдесять копенъ. Въ этой грамотѣ исторія Ивана Сусанина повторяется почти до слова такъ же, какъ и въ прежней грамотѣ («Собр. Государ. Грам.» III, 334).

Въ 1641 году была дана Собининымъ снова жалованная грамота. Она не напечатана и хранится у потомковъ Собинина.

Смыслъ ея извѣстенъ изъ грамоты императрицы Екатерины II; тамъ говорится, что «къ ней вдовѣ Антонидѣ и къ дѣтямъ ея и внучатамъ ея въ ту деревню Коробово воеводамъ, сыщикамъ и никому ни для какихъ дѣлъ, какъ самимъ въѣзжать, такъ и посланныхъ посылать не велѣно». Собственно къ исторіи Ивана Сусанина и здѣсь нѣтъ никакихъ добавленій противъ первоначальнаго извѣстія.

Въ 1691 году, отъ имени царей Іоанна и Петра, выдана была еще подтвердительная грамота, въ которой исторія Сусанина разсказывается въ томъ же видѣ, какъ и въ первой. Въ подтвердительной грамотѣ Екатерины II, декабря 8-го, 1767 г., повторяется то же.

Наконецъ и въ послѣдней изъ жалованныхъ грамотъ Собининымъ 1837 г., отъ императора Николая Павловича, нѣтъ ничего новаго противъ прежняго.

Вотъ все, что проходило путемъ оффиціальнымъ объ этомъ событіи въ теченіи болѣе двухъ вѣковъ. Источникъ его единственный—первая грамота 1619 года.

До XIX вѣка, сколько извѣстно, никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя царской особы, и подвигъ его считать событіемъ исторической важности, выходящимъ изъ обычнаго уровня.

Въ 1804 году, въ «Географическомъ словарѣ» Щекатова, въ 3-мъ томѣ, подъ статьею «Пустошь Коробова», на страницѣ 748, разсказывается слѣдующее:

Когда избраніе россійскаго государя упало на боярина Михаила Өеодоровича Романова, тогда гонимые изъ всѣхъ россійскихъ странъ Поляки, увѣдавъ, что избранный государь находился не въ городѣ Костромѣ, а въ отчинѣ своей, бывшей въ Костромскомъ уѣздѣ, почли сей случай къ погубленію его удобнѣйшимъ. И такъ, собравшіеся въ немаломъ числѣ бѣгутъ прямо къ селенію, не сомнѣваясь найти въ немъ молодаго боярина. По прибытіи въ оное, встрѣчается съ ними дворцоваго

села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусановъ; хватаютъ его и спрашиваютъ о мѣстѣ пребыванія искомой особы. Поселянинъ, примѣтивъ на лицахъ начертанное злонамѣреніе, отговаривается незнаніемъ; но Поляки, удостовѣрены бывъ прежде, что избранный государь подлинно находится въономъ селеніи, не хотятъ крестьянина отпустить изъ рукъ живаго, если онъ истиннаго мѣста не объявитъ. Злодѣи его мучатъ и отягчаютъ несносными ранами; однако все сіе не сильно было принудить къ открытію столь важной тайны вѣрнаго крестьянина, который еще указываетъ имъ разныя другія мѣста, дабы долѣе тѣмъ отъ поисковъ ихъ удержать. Наконецъ, по претерпѣніи многихъ мученій отъ сихъ злодѣевъ, страдалецъ нашъ лишается жизни, коею, однакожь, спасаетъ жизнь своего государя. По вступленіи на престолъ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ награжденіе за оказанную симъ крестьяниномъ вѣрность, даровалъ потомству его въ вѣчный родъ вольность пользованія, пожаловалъ землею и уволилъ отъ всѣхъ податей, присовокупивъ къ тому, чтобъ они по дѣламъ ихъ, кромѣ большаго дворца (который послѣ того перенесенъ былъ въ дворцовую канцелярію), нигдѣ судимы не были. Высокіе преемники его престола всегда подтверждали сіи данныя имъ преимущества особливыми грамотами, что и блаженныя памяти императрица Екатерина II утвердить изволила грамотою, за собственноручнымъ своимъ подписаніемъ, чѣмъ неоспоримо доказывается вѣрность сего анекдота».

По послѣднему выраженію, что грамотами доказывается вѣрность сего анекдота, незнакомый съ грамотами могъ въ самомъ дѣлѣ подумать, что все, описанное въ разсказѣ Щекатова, изложено въ этихъ грамотахъ, тогда какъ здѣсь заключаются обстоятельства, не только ненаходящіяся въ первой грамотѣ, единственномъ источникѣ объ этомъ событіи, но еще противны ей. Такимъ образомъ, въ грамотѣ царской говорится, что царь былъ тогда на Костромѣ, а у Щекатова онъ не въ Костромѣ, а въ Домнинѣ. Поводъ къ такому искаженію дѣйствительности очевиденъ: Кострома былъ городъ укрѣпленный; Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ немъ безопасенъ; если приходили

на него польскіе и литовскіе люди, то надобно допустить, что они являлись не въ такомъ числѣ, чтобъ могли предпринять осаду и приступъ къ Костромѣ, и въ такомъ случаѣ событіе ужь не могло бы пройти незамѣченнымъ исторіей. А если Михаилъ Ѳедоровичъ былъ безопасенъ *на* Костромѣ (собственно онъ находился въ Ипатіевскомъ монастырѣ), то Сусанину не изъ-за чего было подвергать себя мученіямъ и не объявлять полякамъ, гдѣ царь. Для отстраненія такой несообразности, кто-то (самъ ли Щекатовъ или тотъ, отъ кого онъ заимствовалъ) и выдумалъ, будто царь Михаилъ Ѳедоровичъ находился тогда въ селѣ Домнинѣ. Въ описаніи Щекатова, Поляки идутъ въ село Домнино, уже зная, что Михаилъ тамъ, и пытаютъ крестьянина Сусанина въ самомъ селѣ, чтобъ отыскать, гдѣ спрятался царь. Сусанинъ, чтобъ продлить время, указываетъ имъ разныя мѣста, чтобъ ихъ удержать отъ поисковъ. Независимо отъ того, что въ грамотѣ нѣтъ вовсе того, чтобъ Сусанинъ Полякамъ, пытавшимъ его, указывалъ какія нибудь мѣста, разсказъ Щекатова несообразенъ съ возможностью теченія самого дѣла. Если Поляки пришли въ село Домнино, гдѣ находился въ то время царь, то ужь, конечно, нашли въ этомъ селѣ не одного Сусанина, который былъ притомъ житель не самого села, но выселка изъ этого села. Въ такомъ случаѣ они пытали бы и мучили не одно лицо, а многихъ; тогда и обѣльная грамота дана была бы не одному семейству, а многимъ, быть можетъ, и цѣлому селу, ибо все село, безъ изъятія, достойно было бы возмездія за то, что въ немъ не нашелся ни одинъ измѣнникъ или трусъ. Наконецъ, самое намѣреніе Поляковъ и Литовцевъ погубить Михаила Ѳедоровича есть уже произвольная догадка, ибо въ грамотѣ не говорится, *зачѣмъ* Поляки спрашивали о немъ Сусанина. Ясно, что, не довольствуясь короткимъ и въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительнымъ извѣстіемъ о событіи, изложенномъ въ грамотѣ, хотѣли дополнить эту скудость плодами воображенія, да не съумѣли. Но у Щекатова еще первый шагъ: гораздо далѣе его пошелъ въ вымыслахъ историкъ Глинка.

Въ VI томѣ его «Исторіи», на 22 — 24 страницахъ, повѣствуется слѣдующее:

«Поляки, продолжавшіе буйствовать въ русскихъ областяхъ, узнавъ о единодушномъ избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова, рѣшились его погубить. Въ это время Михаилъ находился не съ матерью въ Ипатіевской обители, но въ костромскомъ своемъ помѣстьѣ. Многочисленное скопище враговъ туда устремилось. Уже убійцы недалеко были отъ нареченнаго царя, но Богъ оградилъ его непобѣдимой стражей—любовію и сердцами россіянъ. Враги, не зная куда идти, остановили встрѣтившагося имъ крестьянина. Благодарность сохранила имя его: онъ назывался Иваномъ Сусанинымъ, и былъ уроженцемъ села Домнина. Различными околичностями разспрашивали они о мѣстѣ пребыванія Михаила. Остроумный Сусанинъ, проникнувъ лесть и коварство враговъ, сказалъ: «ступайте за мной, я проведу васъ въ царское помѣстье». Скопище злодѣевъ спѣшитъ за нимъ. Великодушный Сусанинъ ведетъ ихъ совсѣмъ въ противоположную сторону, по лѣсамъ и по снѣгамъ глубокимъ. Утомленные враги подкрѣпляются виномъ; Сусанинъ одушевляется вѣрою и вѣрностію. Къ полуночи очутились они въ непроходимомъ лѣсу. Злодѣи возроптали на Сусанина. «Ты обманулъ насъ», воскликнули они. — Не я, отвѣчалъ Сусанинъ, вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ нареченнаго государя. Михаилъ Ѳедоровичъ спасенъ. Вы далеко отъ его помѣстья. Вотъ голова моя. Дѣлайте со мной, что хотите. Поручаю себя Богу. — Сусанинъ умеръ въ лютыхъ мукахъ и истязаніяхъ. Вскорѣ и убійцы его погибли».

Въ началѣ Глинка сходится съ Щекатовымъ, ибо приводитъ Михаила въ Домнино, но далѣе поясняетъ, что Михаилъ находился тамъ не съ матерью; это поясненіе—новое произвольное искаженіе исторіи, дополняющее прежнія искаженія, ибо изъ современной грамоты извѣстно, что Михаилъ находился въ Костромѣ, а не въ Домнинѣ и вмѣстѣ съ Марѳой Ивановой,

своею матерью, а не безъ нея. Далѣе Глинка уже совершенно независимъ отъ Щекатова.

Разсказъ Глинки несравненно правдоподобнѣе щекатовскаго, но за то еще произвольнѣе. Необходимо было произвесть Сусанина въ званіе спасителя царской особы, въ идеалъ народной доблести: нельзя было придумать ничего удобнѣе того, что придумалъ Глинка! Сусанинъ берется вести Поляковъ въ Домнино, гдѣ находился царь, а заводитъ ихъ въ другую сторону. Ловко выдумано, но какъ мало этотъ вымыселъ соглашается съ смысломъ самой грамоты! И какъ неудачны эти попытки составить амплификацію короткаго извѣстія, сохранившагося въ грамотѣ! Вотъ уже изъ одного Сусанина—Сусанина грамоты, неяснаго, возбуждающаго вопросы—сдѣлалось два различные Сусанина; Сусанинъ Щекатова и Сусанинъ Глинки. Оба Сусанина дѣйствуютъ въ разныхъ мѣстахъ и разными способами: щекатовскій отличается своимъ подвигомъ въ самомъ селѣ Домнинѣ. Сусанинъ Глинки обязывается вести Поляковъ въ Домнино и ведетъ ихъ въ другое мѣсто; первое, какъ мы сказали, и нелѣпо и противно грамотѣ; второе, при большей художественности построенія, все таки не сходится съ грамотою: царь Михаилъ самъ говоритъ въ своей грамотѣ, что онъ былъ въ *Костромѣ* и притомъ съ своею матерью, а не въ Домнинѣ. Но въ Кострому Сусанинъ не могъ вести Поляковъ: это совершенно было бы неудобно. Что нибудь одно: если Поляки дѣйствительно приходили, то или ихъ было много, или мало; но ихъ никакъ не могло быть много, ибо объ этомъ, какъ мы сказали, вѣрно, что нибудь сохранилось бы; а если мало—то что они могли сдѣлать въ Костромѣ? Тогда Сусанину не нужно было заводить ихъ въ другое мѣсто: ему можно было исполнить желаніе Поляковъ и вести ихъ прямо въ Кострому, а между тѣмъ только стоило дать знать въ городъ—и враги попались бы сами въ сѣти. Да притомъ въ Кострому лежала торная дорога: тутъ не нужно было особыхъ вожей. Есть ли въ грамотѣ что нибудь похожее на то, что Сусанинъ былъ вожемъ прибывшихъ Поляковъ? Нѣтъ ни слѣда. Тамъ говорится только, что польскіе и литовскіе люди

поймали Сусанина и стали пытать, допрашивая, гдѣ Михаилъ. Онъ не сказалъ имъ и былъ замученъ. Умѣстна ли при этомъ сказка о томъ, что онъ взялся ихъ вести? Зашедши въ Костромской уѣздъ, польскіе и литовскіе люди не знали, гдѣ Михаилъ, слѣдовательно и не могли нуждаться въ вожѣ: имъ нужно было прежде узнать, гдѣ тотъ, кого имъ нужно, а потомъ уже искать туда пути. Такъ, въ грамотѣ и стоитъ: Сусанинъ погибъ за то, что не сказалъ Полякамъ, гдѣ царь, слѣдовательно, не могъ вести ихъ: иначе онъ бы прежде сказалъ имъ гдѣ царь или сказалъ бы ложно, и повелъ ихъ туда, куда указанъ путь, но гдѣ царя не было, или же сказалъ бы истину да повелъ ихъ не туда, куда взялся вести: и въ томъ и другомъ случаѣ не такъ бы выразилась грамота. Чтобы допустить возможность такого анекдота, какъ у Глинки, надобно уничтожить силу грамоты, единственнаго источника объ этомъ событіи.

Между тѣмъ, съ легкой руки Глинки, анекдотъ о томъ, что Сусанинъ завелъ Поляковъ, искавшихъ головы Михаила Ѳедоровича, не туда, куда имъ было нужно идти за этимъ важнымъ дѣломъ, и за это положилъ животъ—анекдотъ этотъ сдѣлался болѣе или менѣе общепризнаннымъ фактомъ.

Бантышъ-Каменскій, въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей въ Россіи», для біографіи Сусанина ничего не нашелся сказать, какъ буквально перепечатать разсказанное Глинкою.

Между тѣмъ, миѳъ о сусанинскомъ подвигѣ развивался далѣе. и принималъ новые, болѣе рельефные образы: въ 1840 году издано сочиненіе: *Взглядъ на исторію Костромы*, князя Козловскаго; на страницѣ 94—96 этой книги вотъ какъ разсказывается исторія Сусанина.

«Поляки и Литовцы, разорявшіе Россію, узнавъ объ избраніи Михаила на царство, вознамѣрились схватить его и отправить въ Польшу, или умертвить. Для чего одинъ изъ начальниковъ бродящихъ и грабившихъ отрядовъ ихъ пустился къ Костромѣ, въ вотчину Романовыхъ. Время тогда было ненастное, начинало вечерѣть, какъ Поляки, сбиваясь съ дороги, встрѣтили, близъ деревни Деревнищъ, крестьянина Ивана Суса-

нина и спросили его о дорогѣ въ село Домнино, къ боярскому двору, гдѣ тогда былъ юный Михаилъ. Умный Сусанинъ, подозрѣвая коварство ихъ, рѣшается спасти Богомъ избраннаго Михаила, вызывается самъ проводить ихъ и, между тѣмъ, показывая, будто чего то ищетъ, успѣваетъ приказать зятю своему, чтобъ онъ какъ можно скорѣе, спѣшилъ въ Домнино, для увѣдомленія Михаила о предстоящей ему опасности;—самъ, помолясь Богу и препоручая себя его святой десницѣ, ведетъ злодѣевъ въ противную сторону, притворяясь, что ищетъ дороги, въ темнотѣ будто потерялъ, блуждая съ ними по болотамъ и глубокимъ оврагамъ; наконецъ, разсчитывая, что Михаилъ уже могъ окольными дорогами удалиться въ Кострому, прекращаетъ нетерпѣливость Поляковъ объясненіемъ, что онъ ихъ съ намѣреніемъ завелъ въ противную сторону, дабы этимъ спасти жертву ихъ. Варвары уговариваютъ его, обольщаютъ наградами, угрожаютъ, наконецъ, мучительною смертію. Уже сабли блестятъ надъ головою Сусанина, но ничто не въ силахъ отвратить его отъ принятаго намѣренія, ничто не можетъ устрашить великой души его. Поляки, приведенные въ бѣшенство твердостію старца, повергаютъ его жестокими ударами на землю, и Сусанинъ, благословляя Промыселъ, избравшій его быть спасителемъ отрока, къ счастію Россіянъ и украшенію трона, испустилъ духъ. Вѣрный Сусанинъ въ селѣ Шуновѣ принялъ мученическій вѣнецъ; Михаилъ же, извѣщенный зятемъ Сусанина объ угрожающей опасности, уѣхалъ окрестными дорогами въ Кострому, въ Ипатьевскій монастырь, куда прибыла и его родительница. Злодѣи, не смѣя слѣдовать къ Костромѣ, въ коей нестолько монастырскія стѣны, сколько усердіе и вѣрность жителей ограждали Михаила, удалились къ Бѣлоозеру».

Далѣе, на страницахъ 99—100, Козловскій, согласно съ Глинкою, говоритъ, что царь повелѣлъ его тѣло перевезти въ Ипатьевскій монастырь и предать землѣ съ честью, а оставшимся родственникамъ даровалъ многія преимущества.

Кромѣ всѣхъ риторическихъ украшеній и ночнаго времени, когда дѣйствіе происходитъ (все это необходимо для эффекта),

сдѣланъ соучастникомъ патріотическаго подвига еще и зять Сусанина. Это участіе оказалось дѣйствительно нужнымъ. Если Сусанинъ рѣшился обманывать Поляковъ и вести ихъ не туда, куда имъ хотѣлось, то, разумѣется, слѣдовало ему предупредить царя; по этому надобно было вывести еще одно лицо, которое могло сослужить эту службу. А кому же приличнѣе ее сослужить, какъ не зятю героя, особенно когда этотъ зять на самомъ дѣлѣ существовалъ? Придумано не дурно; жаль только, что это обстоятельство еще болѣе отдалило выдуманнаго Сусанина отъ настоящаго. Зять настоящаго выпросилъ грамоту себѣ за услуги тестя: ужь, конечно, еслибъ онъ самъ участвовалъ въ этихъ услугахъ, то въ грамотѣ упомянулось бы о немъ.

Но это еще не все. Тотъ же князь Козловскій, въ 71 примѣчаніи къ своему тексту, сообщаетъ слѣдующее важное извѣстіе:

«Въ одной древней рукописи, находящейся у издателя «Отеч. Зап.» [1]), которая получена имъ въ Костромѣ отъ коллежскаго ассесора Назарова, сказано, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнищи и тамъ скрылъ въ ямѣ овина, за три дня предъ тѣмъ горѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами».

Любопытно было бы видѣть эту *древнюю* рукопись...

Нѣтъ сомнѣнія, что все, выдуманное черезъ двѣсти лѣтъ о Сусанинѣ, не имѣетъ никакого историческаго основанія и единственнымъ источникомъ о немъ остается первая грамота. Если отсѣчь, такимъ образомъ, книжные вымыслы, представляются вопросы: точно ли Сусанинъ, по современному извѣстію, можетъ носить историческое значеніе спасителя царя? дѣйствительно ли важно разсказанное въ грамотѣ событіе? и достовѣрно ли оно даже по самому первобытному разсказу?

Уже выше мы замѣтили, что объ этомъ происшествіи нѣтъ

---

[1]) П. П. Свиньина, умершаго въ 1839 году и издававшаго «Отеч. Записки» съ 1820 по 1830 годъ.

ни слова у современныхъ повѣствователей, какъ русскихъ,такъ и иностранныхъ. Лѣтописцы наши того времени, довольно щедрые на разсказы, вовсе не упоминаютъ объ этомъ. Даже Никоновская лѣтопись, составленная въ своемъ послѣднемъ видѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда потомки Сусанина имѣли грамоты, не внесла ни имени Сусанина, ни подвига его на свои страницы. А, между тѣмъ, какъ бы, кажется, не сказать объ этомъ? Въ то время, когда происходило избраніе и, потомъ, приглашеніе Михаила на престолъ, Никаноръ Шульгинъ противодѣйствовалъ этому избранію и постарался возмутить Арзамасъ и Казань; попытка была напрасна: Никаноръ схваченъ въ Свіяжскѣ и отправленъ въ Москву (Никонов. 204). Событіе это нашло же себѣ мѣсто въ никоновской лѣтописи; но не уже ли оно важнѣе посягательства на жизнь новоизбраннаго государя и спасенія его доблестнымъ крестьяниномъ? Я имѣлъ подъ рукою много лѣтописныхъ списковъ, писанныхъ въ половинѣ XVII столѣтія, и ни въ одномъ нѣтъ и помина о Сусанинѣ. Стало быть, даже чрезъ тридцать, пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ,занимавшіеся исторіею своего отечества или вовсе не знали о сусанинскомъ подвигѣ, или не считали его достойнымъ того, чтобъ о немъ упоминать. Очевидно, въ XVII вѣкѣ, ничего не представлялось въ немъ такого, что представляется глазамъ XIX вѣка, глазамъ нашего времени, когда, можно сказать, нѣтъ маленькой исторіи, гдѣ бы хоть вскользь объ этомъ не было замѣчено, какъ о событіи важномъ и многознаменательномъ. Въ современныхъ актахъ, за исключеніемъ грамоты Собинину, о немъ тоже ничего нѣтъ; это еще было бы не важно само по себѣ: «что же?» могутъ сказать: «не приходилось кстати случаевъ упомянуть объ томъ, оттого и не упомянули». Но въ томъ то и дѣло, что существуютъ такіе акты, гдѣ непремѣнно слѣдовало бы упомянуть объ этомъ, еслибъ тѣ, которые тогда говорили и дѣйствовали, знали что нибудь въ этомъ родѣ.

Когда могло быть это происшествіе? Конечно, между избраніемъ Михаила, совершившемся въ февралѣ, около двадцатыхъ

чиселъ, и 19 марта, когда Михаилъ уже выѣхалъ изъ Костромы. Слѣдуетъ, однако, допустить, что это никакъ не могло быть уже послѣ 13-го марта, когда прибыли послы отъ земскаго собора въ Кострому приглашать Михаила на престолъ, ибо это посольство было многочисленно; тамъ были, кромѣ бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, гостей и торговыхъ людей, дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, атаманы казаковъ, люди вооруженные: польскимъ и литовскимъ людямъ не пришла бы отвага напасть тогда на Кострому. Покушеніе, еслибъ оно было, должно происходить до 13 марта; а еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ, то мать Михаила и самъ Михаилъ, отказываясь отъ предлагаемаго престола и приводя, между прочимъ, что *быти ему на государствѣ ей государынѣ благословить сына своего, а нашего государя лише на погубленье* («Собр. Государ. Грам.» III, 41) и указывая на свою небезопасность, на то, что отецъ его въ плѣну въ Польшѣ [1]) и можетъ отъ Поляковъ подвергнуться опасности — кажется, могли бы кстати указать на свѣжее покушеніе враговъ на жизнь Михаила. Еслибъ предположить, что событіе это случилось между 13 и 19 марта и, слѣдовательно, Михаилъ и мать его не могли знать о немъ, когда переговарявались съ послами земскаго собора, то все-таки достовѣрно, что ни Михаилъ, ни мать его не знали о немъ и послѣ того, ибо существуютъ двѣ грамоты: одна отъ Михаила, другая отъ матери его, уже изъ Ярославля; въ этихъ грамотахъ описывается приходъ пословъ въ Кострому и отвѣты Михаила и матери, приводятся всѣ невыгоды быть тогда на царствѣ, описывается насильное согласіе новоизбраннаго и, наконецъ, отъѣздъ его съ матерью изъ Костромы въ Ярославль, наконецъ, предостереженіе не

[1]) «А свѣдаетъ то король, что по прошенію и по челобитью всего московскаго государства учинилися на московскомъ государствѣ мы государемъ, царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, и король тотчасъ надъ отцемъ нашимъ Филаретомъ митрополитомъ какое зло сдѣлаетъ, а намъ, безъ благословенія отца своего, на московскомъ государствѣ никакъ быти не можно».

производить смутъ и безпорядковъ («Собр. Государ. Грам. III, 50 — 54). И какъ бы тутъ кстати было указать на недавнее покушеніе на жизнь царя—однако, этого нѣтъ.

Въ рѣчи, произнесенной митрополитомъ при вѣнчаніи Михаила Ѳеодоровича, исчисляются всѣ неправды и раззоренія, нанесенныя поляками въ Россіи и, между прочимъ, несчастія, которыя мужественно переносилъ Михаилъ: «А васъ великаго государя съ матерью вашею великою старицею, государынею нашею Мароою Ивановною, и бояръ вашихъ, и окольничихъ, дворянъ, и всякихъ чиновъ, всякихъ людей захватили въ городѣ, и въ Китаѣ, и въ Кремлѣ, и держали въ неволѣ, а иныхъ за крѣпкими приставы... и собрався съ бояры и воеводы милостію Божіею, а вашимъ царскимъ счастіемъ царствующій градъ Москву отъ польскихъ и литовскихъ людей очистили, а васъ, великаго государя, и мать вашу великую государыню нашу, старицу, иноку Мароу Ивановну, и бояръ вашихъ, и окольничихъ, и всякихъ чиновъ людей изъ плѣну отъ польскихъ и литовскихъ людей Богъ освободилъ, а польскіе люди за свои злые дѣла отъ отъ Бога месть приняли, а всесильный въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ милость свою показалъ, подаровалъ намъ на великія государства россійскаго царствованія по племени дяди вашего, хваламъ достойнаго, по великомъ праведномъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всея Русіи самодержцѣ, тебя, великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца» («Соб. Г. Гр.» III, 77). Кажется, какъ бы здѣсь не упомянуть о такомъ важномъ злодѣйствѣ и о явномъ небесномъ покровительствѣ надъ царемъ—однако, нѣтъ ничего! Стало быть, и въ іюнѣ 1613 года, никто не зналъ о сусанинскомъ подвигѣ.

Въ сношеніяхъ съ нѣмецкою имперіею, послѣдовавшихъ, какъ извѣстно, тотчасъ по воцареніи Михаила, исчислялись всякія неправды Поляковъ, а объ этомъ тоже нѣтъ! Есть одно мѣсто, гдѣ бы непремѣнно должно было упомянуть объ этомъ, именно: въ наказѣ къ посламъ говорится («Пам. диплом. снош.» 1221),

какъ объяснять, если спросятъ, почему взятые въ плѣнъ Поляки не отпущены. Послы должны были отвѣчать: «которыхъ польскихъ и литовскихъ людей полковника Миколая Струса съ товарищами въ то время, какъ по милости Божіей московскаго государства бояре и всякихъ чиновъ разные люди, не памятуючи ихъ московскому государству многихъ грубостей и разоренья, въ тѣ поры побить ихъ не дали, а велѣли ихъ беречь и покоить; а какъ по милости Божіей, великій государь нашъ, царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи самодержецъ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и онъ, великій государь нашъ, по своему царскому милосердному обычаю, какъ есть истинный христіанскій набожный государь, несмотря на государя ихъ королевскіе и пановъ радъ и на ихъ московскихъ сидѣльцевъ многіе грабежи и неправды, своею царскою милостію ихъ покрылъ, побити ихъ и позору и никакого дурна надъ ними учинити не велѣлъ, и въ смерти мѣсто животъ далъ и велѣлъ ихъ беречь не какъ вязней, какъ есть учтивыхъ людей, кормы довольны и на платье давати, и всѣмъ велѣлъ помнити, чтобъ были безъ нужъ. И нонѣ они сидятъ въ великаго государя нашего государствѣ, до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ изъ Польши и изъ Литвы отпустятъ великаго Московскаго государства пословъ, которые къ нимъ посланы за крестнымъ цѣлованіемъ великаго господина, святѣйшаго Филарета митрополита, да боярина князя Василія Васильевича съ товарищи». Какъ бы кстати было намекнуть здѣсь, что когда эти Поляки сидѣли уже въ неволѣ, другіе покушались на жизнь государя — самый благовидный предлогъ оправдать задержку плѣнниковъ; и, однако, объ этомъ ни слова!

Въ 1614 году отправленъ былъ съ посольствомъ въ Польшу Ѳедоръ Желябужскій, для заключенія мира; Русскіе старались выставить на видъ Полякамъ, что только могли вспомнить — всякія обиды и оскорбленія и разоренія, нанесенныя Россіи. Надобно было выставить Поляковъ сколько возможно виновными въ войнѣ. Къ этому побуждалъ интересъ Россіи для того, чтобъ имѣть право за справедливость своей стороны истребовать у Поляковъ выгодныя условія. Чего лучше было бы въ такомъ слу-

чаѣ привести на память безчестное посягательство на жизнь царя? Что могло лучше выставить Полякамъ волю Божію, такъ чудесно сохранившую, въ минуту опасности, царственнаго юношу рукою крестьянина? Что могло рѣзче и сильнѣе говорить въ пользу того, что русскій народъ единодушно не хочетъ чужеземной власти и силенъ крѣпостію и вѣрностію, какъ не это самоотверженіе народнаго человѣка, поселянина, рѣшившагося на поступокъ, на который теперь вѣрно готовы будутъ рѣшиться многіе? Что краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе этого подвига могло заставить Поляковъ оставить дальнѣйшія покушенія на овладѣніе московскимъ народомъ? И, однако, нѣтъ ни слова ни о покушеніи польскихъ и литовскихъ людей на жизнь Михаила, ни о самопожертвованіи Сусанина.

Грамота Богдашкѣ Собинину дана почти черезъ восемь лѣтъ послѣ того времени, когда случилась смерть Сусанина. Есть ли возможность предположить, чтобъ новоизбранный царь могъ такъ долго забывать такую важную услугу, ему оказанную? Конечно, онъ объ ней не зналъ. Это мы тѣмъ болѣе имѣемъ право признавать, что Михаилъ Θедоровичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, тотчасъ же награждалъ всѣхъ, кто въ печальныя годины испытанія, благопріятствовалъ его семейству. Такимъ образомъ, въ мартѣ 1614 года, получили обѣльную грамоту крестьяне Тарутины, жители Обонежской пятины, Егорьевскаго погоста Толгуйской волости (А. III. Э. 68), за то, что оказывали расположеніе къ Марθѣ Ивановнѣ, когда она была сослана въ заточеніе при царѣ Борисѣ, и сообщали ей извѣстія о состояніи здоровья ея мужа («Матери нашей, великой государынѣ, инокѣ Марθѣ Ивановнѣ непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостію разума служили и прямили и доброхотствовали во всемъ и про отца нашего здоровье проповѣдывлаи, и матери нашей, великой государынѣ, старицѣ Марθѣ Ивановнѣ, обвѣщали»). Услуга, конечно, значительная; но услуга Сусанина, если бы она была въ то время извѣстна, достойна была бы во сто разъ важнѣйшей признательности. Тамъ крестьяне только облегчали тоску заточенія царской матери,—здѣсь крестьянинъ

спасъ жизнь царя; тамъ крестьяне, рискуя, конечно, опасностью отъ Бориса, имѣли возможность избѣжать ее, если соблюдали осторожность;—здѣсь человѣкъ за царя шелъ на неизбѣжныя страданія и смерть; тамъ показывалась только привязанность къ фамиліи—здѣсь вопросъ касался уже царской особы и съ нею всей русской державы... Неужели возможно, чтобъ царь забывалъ про это столько лѣтъ? Замѣчательно отличіе въ грамотѣ Тарутинымъ и грамотѣ Собинину: въ первой сказано: «*а кто учнетъ дѣлать черезъ сію нашу царскую жалованную грамоту или чѣмъ тѣхъ крестьянъ Поздѣя или его брата или дѣтей изобидитъ, и тому отъ насъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Өедоровича всея Руси быти въ великой опалѣ и казни* (А. П. III. 69). Этого присловія нѣтъ въ грамотѣ Собинину. Первая грамота дана отъ имени царя за Тарутиныхъ; вторая, «*по нашему царскому милосердію и по совѣту и прошенію матери нашей, государыни великой старицы иноки Мареы Ивановны*», (С. Г. Гр. III. 212). Эти слова заставляютъ подозрѣвать, что коль скоро былъ совѣтъ и прошеніе, то, значитъ, представлялось какое-то побужденіе — противъ дарованія такой грамоты; по крайней мѣрѣ, право Собинина на это пожалованье не представлялось очевиднымъ. Кромѣ грамоты Тарутинымъ, Михаилъ Өедоровичъ давалъ много жалованныхъ грамотъ не только за заслуги своему роду, но и во вниманіе къ разореніямъ, понесеннымъ въ смутное время (А. Э. III. 20; С. Г. Гр. III. 65, 38). Отчего же такъ долго забытъ былъ подвигъ, который имѣлъ болѣе всѣхъ право на царское вниманіе?

Еще Соловьевъ, съ свойственнымъ ему безпристрастіемъ, справедливо замѣтилъ, что въ то время, въ краю костромскомъ не было ни Поляковъ, ни Литовцевъ, и что Сусанина поймали, вѣроятно, свои воровскіе люди, казацкія шайки, бродившія вездѣ по Руси. Дѣйствительно, мы отнюдь не видимъ, чтобы въ то время поляки были около Костромы; правда, въ одной грамотѣ 1641 г. (А. И. III. 11) упоминается, что въ междоусобную брань, въ Ипатьевскомъ монастырѣ дворяне и дѣти боярскіе си-

дѣли въ осадѣ; но вопервыхъ, это событіе не относится къ 1613 году и, во всякомъ случаѣ, еслибъ Михаилъ Ѳеодоровичъ находился въ осадѣ въ этомъ монастырѣ, то объ этомъ событіи, конечно, упомянуто было бы въ указанныхъ выше случаяхъ. По всему видно, что здѣсь указывается на междоусобную брань въ 1608 году, когда дѣйствительно Лисовскій со Щучинскимъ изъ Ярославля ходили на Кострому (Бэра, пер. Уст. 146) съ Поляками и Литовцами. Соловьевъ, желая какъ нибудь согласить извѣстіе грамоты съ событіями времени, догадывается, что Сусанина замучили не Поляки и не Литовцы, а казаки или вообще свои русскіе рязбойники. Но какъ же въ грамотѣ стоятъ «польскіе и литовскіе люди»?

Въ то время трудно, казалось, ошибиться: не говоря собственно о Полякахъ, и такъ называемые литовскіе люди, то есть, уроженцы западной Россіи, были тогда слишкомъ общеизвѣстны: къ нимъ уже слишкомъ привыкли, и конечно, могли ихъ распознавать; и русскій человѣкъ не могъ принять своего Великорусса за литовскаго человѣка, и наоборотъ; такъ точно, какъ и теперь, еслибъ явилась какая нибудь шайка разбойниковъ изъ Великоруссовъ, то едва ли русскіе крестьяне приняли бы ее за Малороссіянъ и еслибъ разбойники были изъ послѣднихъ, то едва ли бы сочли ихъ за своихъ. Нарѣчіе и пріемы ихъ рѣзко и тогда отличали и теперь отличаютъ другъ отъ друга уроженцевъ края, бывшаго подъ московскою, отъ уроженцевъ края, бывшаго подъ литовскою державою.

Во всѣхъ современныхъ грамотахъ польскіе и литовскіе люди ясно отличаются отъ своихъ *воровъ* и отъ охочихъ людей, то есть отъ всякаго сброда, ходившаго съ самозванцами, съ Лисовскимъ, Сапѣгою, Заруцкимъ и съ прочими героями смутъ и безпорядковъ. Могло быть, однако, что въ числѣ воровъ, напавшихъ на Сусанина, были литовскіе люди, но ужь никакъ тутъ не былъ какой нибудь отрядъ, посланный съ политическою цѣлью схватить или убить Михаила. Это могла быть мелкая стая воришекъ, въ которую затесались отсталые отъ своихъ отрядовъ литовскіе люди. А такая стая въ то вре-

мя и не могла быть опасна для Михаила Өедоровича, сидѣвшаго въ укрѣпленномъ монастырѣ и окруженнаго дѣтьми боярскими. Это чувствовали даже и составители миѳа о томъ, какъ Сусанинъ заводилъ Поляковъ въ лѣсъ; потому-то они самопроизвольно и перевезли Михаила Өедоровича въ Домнино, хотя по собственной грамотѣ его Богдашкѣ Собинину, онъ вовсе тамъ не находился. Сусанинъ на вопросы такихъ воровъ смѣло могъ сказать, гдѣ находился царь, и воры остались бы въ положеніи лисицы, поглядывающей на виноградъ. Но предположимъ, что Иванъ Сусанинъ, по слѣпой преданности къ своему боярину, не хотѣлъ ни въ какомъ случаѣ сказать объ немъ ворамъ: кто видѣлъ, какъ его пытали и за что пытали? Если при этомъ были другіе, то воры и тѣхъ бы начали тоже пытать и либо ихъ, также какъ Сусанина, замучили бы до смерти, либо добились бы отъ нихъ, гдѣ находится царь. А если воры поймали его одного, тогда одному Богу оставалось извѣстнымъ за что его замучили. Еслибъ вообще были такіе воры, которые приходили въ Костромской уѣздъ съ рѣшимостью сдѣлать какую нибудь пакость Михаилу Өедоровичу, то какъ же бы они ограничились однимъ Сусанинымъ? Одного крестьянина спросили; тотъ имъ не сказалъ, они его замучили—и тѣмъ дѣло кончилось; и ушли себѣ съ миромъ! Думаемъ, что тѣ, которые бы затѣвали что нибудь подобное, не удовольствовались бы только этимъ, они допрашивали бы ни одного, а десять, двадцать такихъ сусаниныхъ, и еслибъ все таки ни отъ кого изъ нихъ не добились ничего, то царю пришлось бы награждать родственниковъ многихъ, такимъ образомъ пострадавшихъ, а не одно семейство Сусанина... Однимъ словомъ, здѣсь какая-то несообразность, что-то неясное; что-то неправдоподобное!

Страданіе Сусанина есть происшествіе, само по себѣ очень обыкновенное въ то время. Тогда казаки бродили по деревнямъ и жгли и мучили крестьянъ («казаки, посланные въ разныя мѣста на службу, берутъ указные кормы, да сверхъ кормовъ воруютъ, проѣзжихъ всякихъ людей по дорогамъ и крестьянъ по селамъ и деревнямъ бьютъ, грабятъ, пытаютъ,

огнемъ гжутъ, ломаютъ, до смерти побиваютъ») (Соловь. IX, стр. 11). Могло быть, разбойники, напавшіе на Сусанина, были такого же рода воришки, и событіе, столь громко прославленное впослѣдствіи, было однимъ изъ многихъ въ тотъ годъ. Чрезъ нѣсколько времени, зять Сусанина воспользовался имъ и выпросилъ себѣ обѣльную грамоту. Путь, избранный имъ, видимъ. Онъ обратился къ мягкому сердцу старушки, а она попросила сына. Сынъ, разумѣется, не отказалъ заступничеству матери. Въ тотъ вѣкъ всѣ, кто только могъ, выискивалъ случай увернуться отъ тягла: тѣ закладывались за монастыри или за бояръ; другіе, подкупая писцовъ, выписывались въ особыя выти; третьи такъ-себѣ мотались по свѣту, увиливая отъ тягла; четвертые, если было можно, выпрашивали себѣ льготы. Льгота отъ податей и повинностей вообще не была рѣдкостью въ Московскомъ государствѣ. Такъ, въ XVI вѣкѣ, выборные старосты и цѣловальники, прослуживъ безукоризненно въ выборныхъ должностяхъ, пользовались такими льготами. Впослѣдствіи, при Алексѣѣ Михайловичѣ, всѣ такія уклоненія отъ общественныхъ повинностей, увеличивая тягость тѣхъ, которые оставались въ тяглѣ, возбудили со стороны послѣднихъ просьбы и ходатайства предъ правительствомъ о томъ, чтобъ прекратить эти исключенія, и, по «Уложенію», всѣ тѣ, которые самовольно убѣгали тягла, были обращены въ него. Начали уничтожать и привилегіи у имѣвшихъ льготныя грамоты. Но тѣмъ, которые получили ихъ за особыя услуги, предоставлено ими пользоваться до позднихъ временъ. То же было и съ потомками Сусанина. Долгое время, однако, не придавали важнаго значенія судьбѣ домнинскаго крестьянина; архимандритъ новоспасскій не хотѣлъ было стѣсняться самой грамотой Собининыхъ—и дочь Сусанина должна была въ другой разъ просить льготы себѣ и своимъ дѣтямъ. Лѣтописцы не внесли его подвига въ свои разсказы, и самые цари Михаилъ Θедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ не помнили о Сусанинѣ и не придавали никакого особаго значенія его страданію, иначе бы велѣли записать о немъ въ лѣтописи: вѣдь они читали лѣтописи. Неранѣе,

какъ въ близкое къ намъ время, уже въ XIX вѣкѣ, сусанинскій эпизодъ былъ разскрашенъ цвѣтами воображенія и поднятъ на ходули; но это миѳъ литературный, книжный, а отнюдь не народный; на самомъ мѣстѣ народъ мало знаетъ Сусанина, не осталось о немъ сколько намъ извѣстно; пѣсни, помнятъ хорошо его имя только его правнуки, которые, благодаря одному изъ своихъ предковъ, Богдану Собинину, пользуются правомъ не нести общихъ государственныхъ повинностей.

Такимъ образомъ, въ исторіи Сусанина достовѣрно только то, что этотъ крестьянинъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ разбойниковъ, бродившихъ по Россіи въ смутное время; дѣйствительно ли онъ погибъ за то, что не хотѣлъ сказать, гдѣ находился новоизбранный царь Михаилъ Ѳедоровичъ—это остается подъ сомнѣніемъ...

По случайному сближенію, то, что выдумали про Сусанина книжники наши въ XIX вѣкѣ, почти въ такомъ видѣ, въ XVII вѣкѣ, случилось на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Украинѣ. Когда, въ маѣ 1648 года, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій гнался за польскимъ войскомъ подъ начальствомъ Потоцкаго и Калиновскаго, одинъ южно - русскій крестьянинъ, Микита Галаганъ, взялся быть вожатымъ польскаго войска, умышленно завелъ его въ болота и лѣсныя трущобы, и далъ возможность казакамъ разбить враговъ своихъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.